

МАТЕРІАЛЫ

по

АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА,

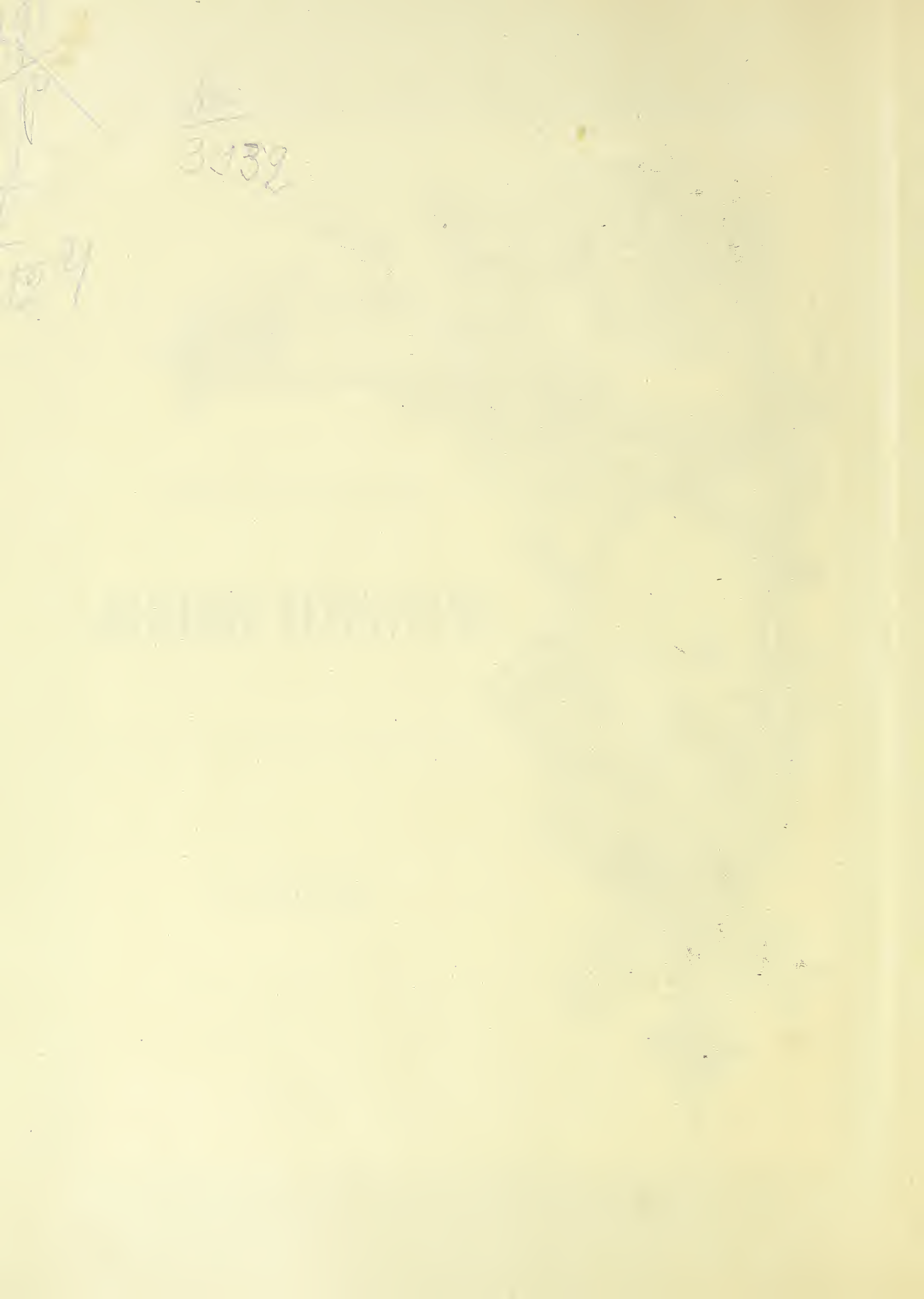
собранные

экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ V.

МОСКВА.

1896.

МАТЕРІАЛЫ

ПО

АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА,

СОБРАННЫЕ

экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ V.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ.

МОСКВА
Типографія и Словолитня Оттона Осиповича Гербека, Чернышевскій переулокъ, № 5.
1896.

Печатано по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Москва, 14 Октября 1896 г.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

КЛИНООБРАЗНЫЯ НАДПИСИ

ЗАКАВКАЗЬЯ.

Изслѣдованіе

М. В. Никольскаго.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Кº, въ Москвѣ.

БОЛЬШОЙ и МАЛЫЙ АРАРАТЪ съ ДОЛИНЫ АРАКСА.

ВВЕДЕНІЕ.

За восемь вѣковъ до Р. Х. на нашей кавказской окраинѣ, въ предѣлахъ Эриванской губерніи и Карсской области и частію Елизаветпольской губерніи, происходило весьма крупное по своимъ размѣрамъ завоевательное движеніе съ юга на сѣверъ царей города Вана, памятниками котораго служатъ клинообразныя надписи, находимыя частію на скалахъ, частію среди развалинъ старинныхъ построекъ Закавказья. Ведя на югѣ продолжительную и упорную борьбу съ великой ассирійской монархіей, у которой они старались отнять присвоенную ею себѣ роль міровой державы, ванскіе цари въ тоже самое время съ неутомимою энергіей и съ большимъ успѣхомъ направляли свое движеніе на сѣверъ, преодолѣвая всѣ препятствія, представляемыя высокими хребтами горъ, теченіемъ большихъ рѣкъ и дальними разстояніями. Съ ассиро-вавилонянами они не имѣли племеннаго родства, но съ обитателями долины Аракса и окружающихъ ее горъ Малаго Кавказа они, повидимому, были одной народности. Въ предѣлахъ не болѣе двухъ царствованій имъ удалось завоевать всѣ области Малаго Кавказа, и мы ясно замѣчаемъ ихъ замыслъ — пронести свое оружіе еще далѣе къ высотамъ Большаго Кавказа, но начатая ими борьба на жизнь или смерть съ Ассиріей окончилась для нихъ неудачно и положила предѣлъ расширенію ихъ владычества на сѣверѣ.

Археологіи удалось въ послѣднее только время открыть и истолковать эту совершенно забытую, но оказавшуюся весьма важною страницу всемірной исторіи. Впервые мы узнаемъ о существованіи значительнаго царства на сѣверѣ Ассиріи, постояннаго ея соперника, изъ лѣтописей ассирійскихъ царей. Здѣсь оно называется царствомъ *Урарту (Urarṭu)*, именемъ, совершенно тожественнымъ съ библейскимъ *Араратомъ*. Походы ассирійскихъ царей въ эту область начались еще въ XII столѣтіи до Р. Х. при ассирійскомъ царѣ Тиглатъ-Пилесерѣ I, но только съ IX-го вѣка лѣтописи ассирійскихъ царей наполняются отчетами о почти непрерывной и кровавой борьбѣ съ Урарту, именно съ царствованія Салманассара II-го (885—860). Особенно слѣдуетъ отмѣтить походы въ Урарту Тиглатъ-Пилесера III-го (745—723), окончившіеся весьма значительнымъ разгромомъ Урарту, и походы Саргона I (722—705), окончившіеся полнымъ пораженіемъ Урарту и совершеннымъ прекращеніемъ вѣковой борьбы, дошедшей во время Саргона до крайняго своего напряженія. Анналы Саргона, главнымъ образомъ, наполнены описаніемъ этой исполинской борьбы на жизнь или смерть двухъ народностей и двухъ монархій; героемъ этой борьбы съ урартской стороны является *Ursa* или *Rusa*, возбудившій противъ Саргона всѣ народы сѣвера. Это было единоборство двухъ народностей,

семитской и урартской, за обладаніе міромъ и за верховную власть — направлять по своему усмотрѣнію ходъ исторіи. Семитская народность восторжествовала, народность же урартская скоро послѣ того исчезла съ міровой арены и подверглась полному забвенію въ теченіе тысячелѣтій [1]).

Но цари страны Урарту, во всемъ соперничествовавшіе съ ассирійцами, не отставали отъ нихъ и въ дѣлѣ увѣковѣченія своихъ дѣяній и въ особенности своихъ походовъ и завоеваній посредствомъ возведенія монументальныхъ построекъ и выгравированія на скалахъ и зданіяхъ надписей, повѣствующихъ объ ихъ дѣяніяхъ. Постройки урартскихъ царей находятся, главнымъ образомъ, на мѣстѣ ихъ столицы, нынѣ города Вана, гдѣ вся огромная скала носитъ по сіе время слѣды гигантской работы этихъ властителей, стремившихся создать здѣсь неприступную крѣпость. Здѣсь же, на фасѣ самой скалы, и внутри зданій, входящихъ въ составъ города Вана, найдены въ немаломъ числѣ клинообразныя надписи, принадлежавшія этимъ царямъ. Но по мѣрѣ того, какъ наука стала интересоваться этими памятниками и собирать ихъ, обнаруживалось, что надписи этого типа и этого происхожденія находятся и въ мѣстахъ близкихъ и отдаленныхъ отъ Вана по всѣмъ направленіямъ. Въ настоящее время обнаружено нахожденіе около ста надписей царей Вана, изъ нихъ 87 надписей уже сдѣлались достояніемъ науки.

Честь открытія этихъ памятниковъ и надписей принадлежитъ, главнымъ образомъ, *Эд. Шульцу*, нѣмецкому ученому, командированному въ 1827 году французскимъ правительствомъ для изслѣдованія города Вана въ археологическомъ отношеніи и снятія копій съ имѣющихся въ немъ надписей [2]), а честь начала дешифрированія ихъ — французскому оріенталисту *Станиславу Гюяру (Stanislas Guyard)* въ 1880 году [3]). Дѣло это продолжилъ извѣстный лингвистъ и ассиріологъ, оксфордскій профессоръ *Сэйсъ (A. H. Sayce)*, который, пользуясь методомъ *Гюяра*, разобралъ и издалъ всѣ извѣстныя наукѣ надписи впервые въ 1881 году, а затѣмъ и до сего времени издаетъ ихъ по мѣрѣ обнаруженія этого матеріала [4]). Впрочемъ, въ настоящее время, кромѣ Сэйса имѣются на западѣ нѣсколько ученыхъ, которые съ большимъ успѣхомъ посвящаютъ себя, между прочимъ, изслѣдованію этихъ текстовъ, такъ вѣнскій профессоръ *D. H. Müller*, много содѣйствовавшій первымъ успѣхамъ дешифрированія надписей [5]), берлинскій профессоръ *C. F. Lehmann*, который работаетъ

---

[1]) Подробное изложеніе отношеній между Ассиріей и Урарту см. въ моей статьѣ *«Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи»*, Древности Восточныя, Труды Восточной Коммиссіи Т. I, вып. 3-й.

[2]) Его отчетъ былъ напечатанъ въ 1840 году въ Journal Asiatique подъ заглавіемъ: *Sur le lac de Van et les environs*. Avril-mai-juin.

[3]) Journal Asiatique, 1880, p. 540—543.

[4]) Въ статьѣ: The cuneiform Inscriptions of Van, deciphered and translated, помѣщаемой въ The Journal of the Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Появилось 5 частей этого труда: 1 часть въ Vol. XIV. Part 3., 2-я въ Vol. XIV. Part 4., 3-я въ Vol. XX. Part I (News series), 4-я въ 1893 г., January, 5-я въ 1894 г., October.

[5]) См. его трудъ: *Die Keilinschrift von Aschrut-Darga*, Wien, 1886, а также статью въ Wiener-Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes I. B. 3 Heft, 1887.

въ сообществѣ съ натуралистомъ *Waldemar*'омъ *Belck*'омъ [1]), совершившимъ даже поѣздку въ русскую и турецкую Арменію со спеціальною цѣлію изслѣдованія этихъ надписей, *Jensen*, напечатавшій нѣкоторыя важныя замѣтки объ этихъ надписяхъ [2]).

Впрочемъ, несмотря на пріобрѣтенные уже блестящіе успѣхи по части дешифрированія этихъ надписей, наукѣ не удалось ни отожествить языкъ ванскихъ надписей ни съ какою изъ извѣстныхъ лингвистическихъ группъ, ни разъяснить вопроса объ этнографіи ванскаго или урартскаго народа. По сіе время научная терминологія въ этой области крайне колеблющаяся. Мы не знаемъ, какъ называлъ самъ себя тотъ народъ, на языкѣ котораго написаны ванскія клинообразныя надписи. Попытка нѣмецкихъ изслѣдователей В. Белька и К. Лемана провести среди ученыхъ усвоенное ими названіе ванскаго народа *понтійскими халдеями* или *халдійцами* [3]), не увѣнчалась пока успѣхомъ, такъ какъ утвержденіе названныхъ ученыхъ, что этотъ народъ самъ называлъ себя *Ḫaldini*, т. е. *халдійцами*, имѣетъ довольно проблематическій характеръ. Но мы далеки отъ того, чтобы отрицать нѣкоторую основательность догадки относительно тожества χάλδοι, χάλδιοι классическихъ писателей съ народомъ Урарту или Вана. Въ самыхъ названіяхъ страны заключается много неяснаго, такъ какъ по ассирійской терминологіи страна эта называется *Urarṭu* (Араратъ), а на ихъ собственныхъ памятникахъ *Biaina* (Ванъ). Какое отношеніе имѣютъ между собою эти названія и почему ассирійское не находится въ ванскихъ источникахъ, а ванское — въ ассирійскихъ, эти вопросы пока не могутъ быть уяснены съ полною точностію. Впрочемъ, болѣе вѣроятное объясненіе этого послѣдняго обстоятельства, по нашему мнѣнію, можетъ быть то, что центръ этого царства въ IX вѣкѣ, когда урартскія племена впервые собираются въ одно государство, первоначально было на сѣверѣ, въ горной странѣ, если не около самого Большаго Арарата, въ предѣлахъ Эриванской равнины, то во всякомъ случаѣ сѣвернѣе Ванскаго озера. Ассирійскій царь Салманассаръ, чтобы достигнуть крѣпости *Сугунія*, средоточія этого царства, долженъ былъ подняться на горы, лежащія на сѣверѣ Вана, и уже послѣ совершенныхъ побѣдъ спуститься внизъ, къ Ванскому озеру. Въ виду того, что Эриванская равнина, между горами Араратомъ и Алагёзомъ, издавна и по сіе время называется у армянъ *Айраратскою областью*, весьма вѣроятно, что въ этой равнинѣ, въ предѣлахъ, ограниченныхъ вышеназванными горами, находилось первоначально царство Урарту. Но впослѣдствіи,

---

[1]) См. ихъ статью въ Zeitschrift für Ethnologie: *Ueber neuerlich aufgefundene Keilinschriften in russisch und türkisch Armenien*. B. XXIV. Heft 2 (1892) S. 122 — 152., въ Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft: *Mittheilung über weitere Ergebnisse ihrer Studien an den neugefundenen armenischen Keilinschriften* (Sitzung 15 October 1892); *Archäologische Forschungen in Armenien* (одного Белька, Sitz. 21 Januar 1893); *Chaldische Nova* (Sitz. 22 April 1893); *Ueber die Kelishin-Stelen* (Sitz. 28 October 1893); *das Reich der Mannäer* (одного Белька, Sitz. 10 November 1894); въ Zeitschrift für Assyriologie: *Jnuspas, Sohn des Menuas* (December 1892) и *Ein neuer Herrscher von Chaldia* (April 1894, December 1894).

[2]) *Zu den zwei Inschriften Sarduri's des Ersten* въ Zeitschrift für Assyriologie, December 1893, S. 375 — 381.

[3]) Zeitschrift für Ethnologie, 1892, Heft 2, S. 131—132.

въ первой половинѣ VIII в., центръ этого царства, всего вѣроятнѣе по стратегическимъ соображеніямъ, переносится на югъ, къ восточнымъ берегамъ Ванскаго озера, гдѣ находится нынѣшній городъ Ванъ. Огромная неприступная ванская скала съ окружающими ее хребтами служила передовымъ оплотомъ для новаго царства въ его войнахъ съ ассирійцами. Здѣсь впродолженіи болѣе ста лѣтъ царствуетъ династія изъ шести царей, преемственно отъ отца къ сыну передававшихъ свою власть; въ лицѣ этой-то династіи выступаетъ на всемірно-историческое поприще одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ, какихъ имѣла великая ассирійская монархія. Вѣроятно, поэтому, что новая династія, на новомъ мѣстѣ, дала и новое оффиціальное названіе своему государству, но ассирійцы продолжали пользоваться прежними географическими терминами [1]). Все это, конечно, требуетъ подтвержденія, которое едва ли долго заставитъ себя ждать, такъ какъ на одной надписи (*Захалу* на Гокчѣ), мнѣ уже удалось прочесть названіе, которое есть основаніе отожествить съ ассирійскимъ *Urarṭu*. Что касается дешифрированія самыхъ надписей, то и въ этомъ дѣлѣ мы еще далеки до той точности, съ какою читаются теперь ассирійскія надписи, такъ какъ чтеніе урартскихъ надписей, несмотря на безусловную правильность въ общемъ, не встрѣчаетъ себѣ контроля въ текстахъ на другомъ уже извѣстномъ языкѣ. Единственная двуязычная надпись, недавно найденная, на ванскомъ и ассирійскомъ языкѣ, находится въ такомъ жалкомъ состояніи, такъ мало представляетъ данныхъ для сравненія, что почти ни на шагъ не подвинула впередъ дѣло дешифрированія надписей, хотя въ значительной степени содѣйствовала убѣжденію въ правильности метода дешифрированія, усвоеннаго наукою, и пріобрѣтенныхъ результатовъ его приложенія [2]). Много словъ и грамматическихъ формъ въ ванскихъ текстахъ остаются поэтому неясными и мы имѣемъ мало надежды на дальнѣйшее уясненіе ихъ въ будущемъ, если не будутъ сдѣланы важныя новыя открытія. Къ счастію, въ этихъ открытіяхъ нѣтъ недостатка, и не проходитъ года, чтобы наука не обогатилась новыми памятниками съ новыми текстами, проливающими свѣтъ на темныя мѣста прежнихъ текстовъ. Быть можетъ, въ концѣ концовъ, благодаря новымъ открытіямъ, и уяснится вопросъ о народности урартцевъ, въ настоящее же время положительнаго можно сказать только то, что она не имѣетъ ничего общаго съ народностію армянъ, замѣнившихъ урартцевъ на той территоріи, которую они занимали. Очень можетъ быть, что среди многочисленныхъ племенъ, занимающихъ горы Кавказа, и найдутся остатки этого изчезнувшаго съ арены исторіи племени, и поэтому лингвистическія сближенія въ этомъ смыслѣ во всякомъ случаѣ были бы желательны.

Глубокій интересъ, возбуждаемый изслѣдованіемъ этихъ надписей, ихъ содержанія и языка, а также и другихъ современныхъ имъ памятниковъ, зависитъ въ значительной степени отъ того, что эти памятники, помимо ихъ древности и высокаго значенія для исторіи того народа, которому они принадлежали, служатъ для насъ

---

[1]) См. подробнѣе объ этомъ въ моей статьѣ: «*Клинообразныя надписи ванскихъ царей*», стр. 400—403.

[2]) A. H. Sayce *The Cuneiform Inscriptions of Van* въ Journal of the R. A. S., October 1894, p. 691 — 705.

показателями проникновенія ассиро-вавилонской культуры на сѣверъ. Созданная месопотамскими царствами, древность которыхъ восходитъ къ 5-му тысячелѣтію до Р. X. и далѣе, эта культура получила самое широкое распространеніе въ древнемъ мірѣ. Всѣ народы Передней Азіи, въ то или другое время, въ той или другой степени, восприняли блага вавилонской цивилизаціи. Въ позднѣйшую эпоху этому содѣйствовали ассирійскіе походы и завоеванія, но въ настоящее время достовѣрно извѣстно, что за 15 вѣковъ до Р. X., т. е. еще до выступленія Ассиріи, какъ міровой державы, вавилонская культура была въ большомъ распространеніи среди народовъ Сиріи, Палестины и сѣверной Месопотаміи. Языкъ вавилонскій съ клинообразными письменами былъ уже тѣмъ аппаратомъ, посредствомъ котораго происходилъ обмѣнъ сношеній между отдѣльными независимыми народами, напр. Египтомъ и Вавилономъ, равно какъ дипломатическимъ языкомъ въ иностранныхъ государствахъ, напр. въ Египтѣ, гдѣ фараоны сносились со своими провинціями въ Сиріи и Палестинѣ на вавилонскомъ языкѣ. Ассиро-вавилонскій языкъ былъ понятенъ всюду, и при изученіи его народомъ, не принадлежавшимъ къ вавилонскому племени, трудная система клинообразныхъ знаковъ, очевидно, не составляла существеннаго препятствія. Однимъ словомъ, онъ былъ тѣмъ, чѣмъ теперь языкъ французскій, и если одинъ изъ современныхъ мыслителей, именно Эрнестъ Ренанъ, назвалъ французскій языкъ универсальнымъ и вѣчнымъ языкомъ цивилизаціи, то за 15 вѣковъ до Р. X. вавилонскіе ученые могли съ еще большимъ правомъ сказать тоже самое о своемъ языкѣ. Современная культура не можетъ быть названа французскою, между тѣмъ какъ культура Передняго Востока въ ту отдаленную эпоху была сплошь ассиро-вавилонскою, и вавилонскій языкъ былъ вполнѣ приспособленнымъ органомъ распространенія этой культуры. Огромныя литературныя сокровища вавилонскаго происхожденія переписывались на глиняныхъ дощечкахъ и распространялись по свѣту, и нужно предположить, что въ самыхъ отдаленныхъ отъ Месопотаміи мѣстностяхъ, у иноплеменныхъ народовъ, создались школы, семинаріи, въ которыхъ учили чрезвычайно трудной ассирійской грамотѣ, по безконечнымъ таблицамъ знаковъ, силлабаріямъ и тому подобнымъ пособіямъ, образцы которыхъ въ неисчерпаемомъ множествѣ имѣются въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ. Академіи, библіотеки, служившія разсадниками этой учености, несомнѣнно еще лежатъ гдѣ-нибудь засыпанными землей не только въ предѣлахъ Ассиріи и Вавилона, но и въ Сиріи, Палестинѣ, Малой Азіи, на верховьяхъ Евфрата и даже, быть можетъ, въ нашей Эриванской губерніи и Карсской области [1]).

Вмѣстѣ съ вавилонскимъ языкомъ распространялись и вавилонское искусство, предметы бытовой жизни и, что всего важнѣе, формы того юридическаго быта,

---

[1]) Доказательствомъ этого служатъ клинообразныя надписи, найденныя въ Эль-Амарна (Верх. Египетъ). Весь архивъ состоялъ частію изъ писемъ азіатскихъ царей къ фараонамъ, большею же частію изъ донесеній фараону египетскихъ намѣстниковъ въ Сиріи и Палестинѣ. Особенно интересно для насъ то обстоятельство, что ассиро-вавилонскій языкъ былъ въ употребленіи не только въ Сиріи и Палестинѣ, но и на сѣверѣ Месопотаміи, гдѣ слѣдуетъ помѣстить царство *Mitani*, находившееся въ союзѣ съ фараонами. Вѣроятно народъ *Митани* былъ одного происхожденія съ урартскимъ.

которыя созданы были въ древне-месопотамскомъ мірѣ. Вавилонская культура выработала понятіе о правахъ гражданина настолько точное и законченное, что по громадному числу юридическихъ документовъ древней Вавилоніи и Ассиріи скоро удастся возстановить науку вавилонскаго права, въ которомъ уже признанъ нѣкоторыми выдающимися юристами Франціи и Германіи первообразъ римскаго права[1]). На международныхъ, торговыхъ и другихъ сношеніяхъ въ древнемъ мірѣ лежитъ печать той универсальной мысли, того высоко-гуманнаго направленія, какими отмѣчены всѣ произведенія чисто-вавилонской культуры. Только въ позднюю эпоху Ассирія съ своими завоевательными стремленіями и военными репрессаліями внесла элементъ нѣкотораго варварства въ международныя отношенія и допускала чрезмѣрное злоупотребленіе правомъ сильнаго. Но въ эпоху древнѣйшую, за 15 столѣтій до Р. Х., мы видимъ трогательное братство народовъ, живой обмѣнъ благами цивилизаціи и высокое матеріальное благосостояніе народовъ Передняго Востока[2]).

Въ этотъ періодъ развитія человѣчества, когда міръ былъ по преимуществу вавилонскимъ, насъ интересуютъ не однѣ только крупныя величины, какъ Ассирія, Вавилонъ, Египетъ, но и тѣ меньшія историческія народности, которыя принадлежали въ то время къ семьѣ культурныхъ народовъ и были разсадниками вавилонской культуры на болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ центра краяхъ. Особенный интересъ представляютъ въ настоящее время народности Сиріи и Палестины, памятники которыхъ въ обиліи начинаютъ появляться на свѣтъ Божій. Но и неменьшій интересъ представляетъ та народность, которая въ эпоху ассиро-вавилонскую жила на крайнемъ сѣверѣ тогдашняго міра, на верховьяхъ Тигра и Евфрата, въ долинѣ Аракса и около озеръ Вана, Урміи и Гокчайскаго, и оставила намъ памятники своей жизни. Что этотъ народъ, не имѣвшій никакой родственной связи съ семитами Месопотаміи и Сиріи, находился подъ сильнымъ и глубокимъ вліяніемъ ассировавилонской культуры, что его культура вполнѣ должна была носить отпечатокъ ассиро-вавилонскій, объ этомъ съ очевидностію свидѣтельствуетъ уже одно то, что текстъ надписей урартскихъ царей изображенъ ассирійскими клинообразными знаками. Мало того, двѣ надписи древнѣйшаго изъ царей Вана, Сардури I, написаны на ассирійскомъ языкѣ. Чрезвычайно трудная система клинообразныхъ знаковъ была упрощена: изъ множества знаковъ выбраны были только нѣкоторые, простѣйшіе, и приспособлены къ звукамъ урартскаго языка. Стиль надписей представляетъ также подражаніе надписямъ ассирійскихъ царей, что̀ въ значительной степени помогло ихъ дешифрированію. И вообще мы видимъ, что ванскіе цари во всемъ подражаютъ ассирійскимъ: въ совершеніи завоеваній, въ пользованіи военными репрессаліями, въ возведеніи монументальныхъ зданій и въ сооруженіи надписей всюду, куда они проносили свое оружіе и гдѣ имѣли временные успѣхи или остановки.

---

[1]) См. *J. Kohler* und *F. E. Peiser*. Aus dem babylonischen Rechtsleben. I—II. 1890—1891.

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ документы Ель-Амарны, въ особенности письма изъ Вавилона и Ассиріи и изъ Митани. См. статьи *A. J. Delattre* въ Proceedings of the Society of Biblical Archäologie, 1891—1893, посвященныя разбору памятниковъ Эль-Амарны.

Среди самаго народа урартскаго мы должны предполагать также широкое распространеніе ассиро-вавилонскаго образованія, знакомство съ языкомъ и литературой Ассиріи и предметами ея бытовой жизни.

Такъ какъ памятники этого народа находятся на Кавказѣ въ предѣлахъ Россіи и свидѣтельствуютъ о томъ, что ассиро-вавилонская культура достигала высотъ Малаго Кавказа, то понятенъ тотъ интересъ, какой представляютъ для русской науки эти памятники.

Въ предѣлахъ Россіи клинообразныя надписи ванскаго происхожденія впервые были открыты въ 1862 году эчміадзинскимъ монахомъ Месропомъ *Сумбатянцемъ*, въ настоящее время архіепископомъ, около селенія Тападиби, на мѣстѣ предполагаемой армянской столицы Армавира. Въ теченіе 33 лѣтъ архіепископъ Месропъ продолжалъ и по сіе время продолжаетъ обнаруживать и приводить въ извѣстность этотъ матеріалъ, печатая его въ издающемся въ Эчміадзинѣ на армянскомъ языкѣ журналѣ «Араратъ». Западные ученые съ благодарностію пользовались его публикаціями текстовъ, хотя и находили ихъ крайне неудовлетворительными[1]. Въ 1892 году Императорское Московское Археологическое Общество возымѣло мысль собрать весь этотъ матеріалъ и подвергнуть научному изслѣдованію, и для сей цѣли вступило въ сношеніе съ архіепископомъ Месропомъ. Почтенный сановникъ армянской церкви любезно доставилъ въ распоряженіе Общества весь имѣвшійся у него матеріалъ въ формѣ оттисковъ статей, фотографій, ручныхъ снимковъ, причемъ кромѣ изданныхъ надписей въ этомъ собраніи находились нѣсколько и неизданныхъ. Общество поручило мнѣ обработать этотъ матеріалъ, каковой трудъ и былъ мною исполненъ и напечатанъ въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи» (Томъ I, вып. 3) подъ заглавіемъ *«Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи»* (стр. 375—453). Въ этомъ трудѣ мною впервые были изданы надписи, найденныя въ предѣлахъ Россіи, клинообразнымъ шрифтомъ, снабжены транскрипціей и переводомъ, равно какъ здѣсь же были собраны всѣ свѣдѣнія относительно нахожденія надписей и ихъ прежняго печатанія. Этотъ трудъ былъ оцѣненъ на западѣ, особенно проф. К. Леманомъ въ Берлинѣ[2] и проф. Сэйсомъ въ Оксфордѣ[3]. Но, благодаря появленію моего труда, Императорское Московское Археологическое Общество могло убѣдиться, какъ скудны свѣдѣнія объ этихъ надписяхъ, и какъ много оставляютъ желать снимки, доставленные Обществу архіепископомъ Месропомъ, сдѣланные, большею частію, отъ руки при совершенномъ незнакомствѣ ни съ системою ассирійскихъ клинообразныхъ знаковъ, ни съ ванскою системою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ томъ, какъ велико значеніе этихъ надписей, и какъ великъ запросъ со стороны западной науки на болѣе удовлетворительное ихъ изслѣдованіе, на пріобрѣтеніе лучшихъ снимковъ и болѣе полныхъ топографическихъ объ нихъ свѣдѣній.

---

[1] О заслугахъ архіепископа Месропа болѣе подробно см. *Клинообразныя надписи ванскихъ царей*, стран. 378—379.

[2] *Chaldische Nova* въ Verhandl. der Berliner anthrop. Gesellschaft (April 1893. S. 217—224).

[3] The Journal of the Royal Asiatic Society, October, 1894, p. 708—709.

Это было однимъ изъ побужденій для Общества снарядить спеціальную экспедицію въ Закавказье для изслѣдованія клинообразныхъ надписей. Другимъ, не менѣе важнымъ, побужденіемъ къ этому служило усилившееся въ послѣднее время движеніе иностранныхъ ученыхъ въ русскую и турецкую Арменію со спеціальною цѣлію изслѣдованія ванскихъ клинообразныхъ надписей, движеніе, которое пробуждало въ сознаніи русской науки чувство неотразимаго долга проявить и свою дѣятельность въ дѣлѣ, соприкосновенномъ ближе всего съ вопросами русской археологіи, и чувство соревнованія на столь важномъ поприщѣ. Я укажу здѣсь на экспедицію, совершенную въ 1888—1889 г. г. *Мюллеръ-Симонисомъ* и *Гиверна*[1]) на Кавказъ, въ русскую и турецкую Арменію, одною изъ главныхъ задачъ которой было изученіе и собираніе ванскихъ клинообразныхъ надписей. Несмотря на неудачи экспедиціи въ русской Арменіи, поименованные ученые собрали значительное число новыхъ клинообразныхъ надписей и представили болѣе точныя топографическія свѣдѣнія о надписяхъ, уже извѣстныхъ наукѣ[2]). Но еще важнѣе и плодотворнѣе по результатамъ была экспедиція нѣмецкаго изслѣдователя *Вальдемара Белька*, совершенная имъ въ теченіе 1891 года по турецкой и русской Арменіи, причемъ 22 клинообразныя надписи или вновь были имъ открыты, или вновь обслѣдованы и сняты[3]); эти пріобрѣтенія были имъ сдѣланы, главнымъ образомъ, въ турецкой Арменіи, но и въ русской Арменіи онъ посѣтилъ почти всѣ мѣста, гдѣ находятся клинообразныя надписи, съ цѣлію предварительнаго ихъ изслѣдованія и изученія тѣхъ границъ, до которыхъ простирались на сѣверѣ ванскія завоеванія. Попытки его снять надпись *Алучалу* (Келаны-Кирланы) не увѣнчались успѣхомъ по трудности сниманія, но довольно удачно имъ снята и издана проф. К. Леманомъ посредствомъ автографіи надпись *Ордаклю*[4]). Столь энергическіе, хотя и несовсѣмъ удачные (по крайней мѣрѣ по отношенію къ русской Арменіи) шаги иностранныхъ ученыхъ невольно заставляли Императорское Московское Археологическое Общество поспѣшить изслѣдованіемъ этого матеріала и тѣмъ совершить трудами русскихъ ученыхъ то, что принадлежитъ русской наукѣ по долгу и по праву, т. е. вполнѣ достойное изданіе этихъ памятниковъ, поскольку они найдены въ предѣлахъ Россіи.

Высокая и трудная задача совершенія экспедиціи была возложена Обществомъ на меня и дѣйств. члена Общества А. А. Ивановскаго. Мое участіе, какъ изслѣдователя и издателя надписей, признано было полезнымъ потому, что, какъ показалъ опытъ Гиверна и Белька, близкое изслѣдованіе надписей на мѣстѣ въ связи съ тѣми

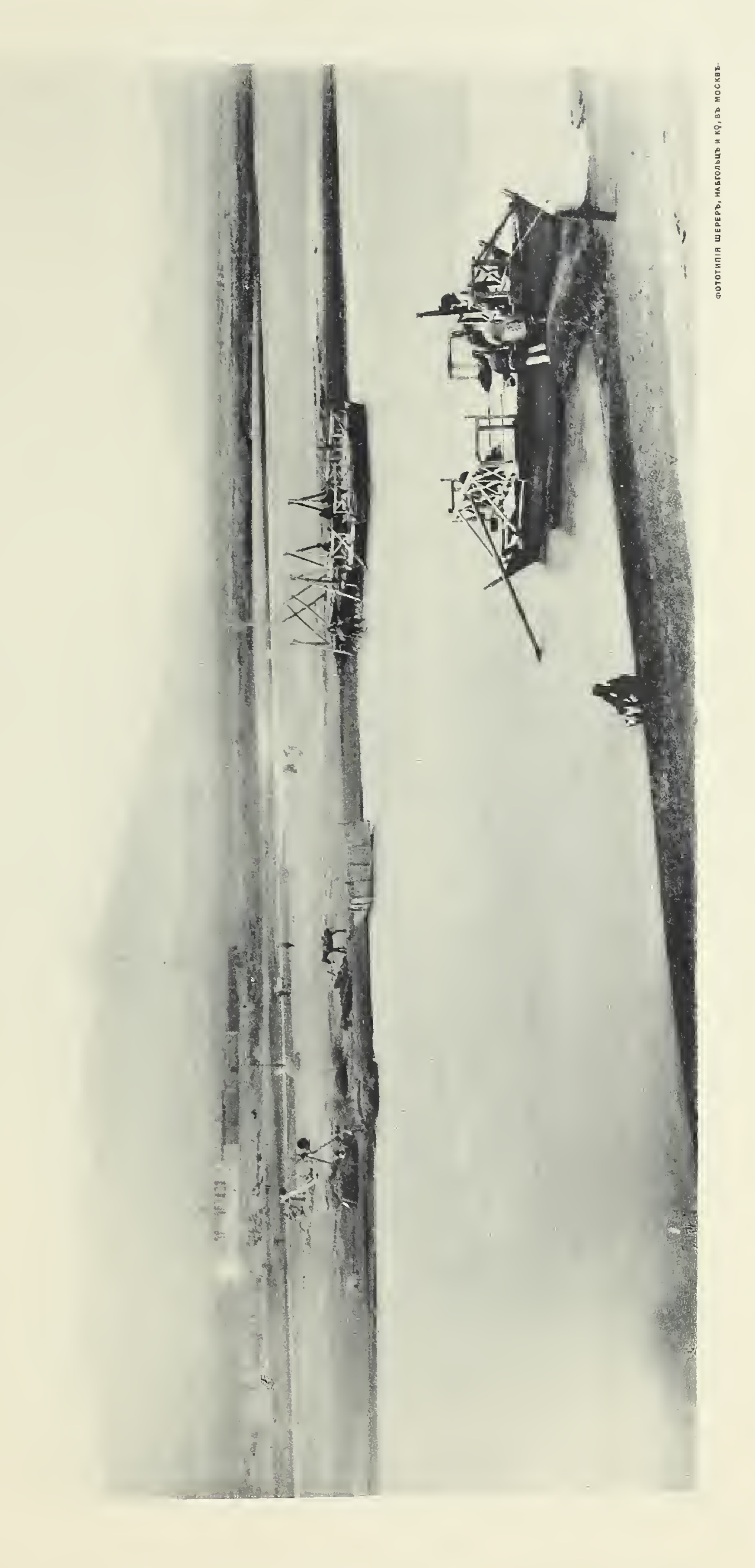
---

[1]) Relation des missions scientifiques de MM. *H. Hyvernat* et *P. Müller-Simonis* (1888—1889). Du Caucase au Golfe persique à travers l'Arménie, le Kurdistan et la Mésopotamie par P. *Müller-Simonis* suivie de notices sur la géographie et l'histoire ancienne de l'Arménie et les inscriptions cunéiformes du bassin de Van par *H. Hyvernat*. Washington, 1892.

[2]) См. краткій отчетъ объ этой экспедиціи въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», Т. II, вып. 1-й, стр. 97—98 (протоколы).

[3]) См. выше приведенныя статьи Белька въ Verhandlungen der Berl. anthr. Ges., въ особен. *Archäologische Forschungen in Armenien* (21 Янв. 1893).

[4]) Zeitschrift für Ethnologie, 1872, Heft 2, S. 149.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°, въ Москвѣ.

А Р А К С Ъ.

физическими и археологическими условіями, которыя окружаютъ памятникъ, помогаетъ толкованію ихъ смысла. Такъ какъ языкъ надписей, какъ мы уже говорили, представляетъ непреодолимыя трудности для изслѣдованія, то понятно, какую пользу для толкованія ихъ могутъ принести личныя наблюденія надъ мѣстностію памятника, соображенія, при какихъ условіяхъ и для какой цѣли онъ былъ воздвигнутъ [1]). Помимо этого, клинообразныя надписи служатъ памятниками завоеваній ванскихъ царей на Кавказѣ и содержатъ большое число весьма важныхъ географическихъ данныхъ, которыя могутъ быть пріурочены къ настоящимъ мѣстностямъ и путямъ сообщенія. Надписи на скалахъ и зданіяхъ указываютъ намъ пути, по которымъ двигались ванскіе завоеватели на сѣверъ, служатъ, такъ сказать, верстовыми столбами; въ нихъ прямо упоминаются имена странъ и городовъ, которые были завоеваны въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находится надпись, говорится о построеніи храмовъ, дворцовъ, проведеніи каналовъ, и анализъ содержанія надписи въ связи съ условіями мѣстности, гдѣ она найдена, приводитъ въ большинствѣ случаевъ къ вполнѣ точному или, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятному отожествленію древнихъ странъ и городовъ, равно какъ и зданій, съ нынѣшними мѣстностями. Скажемъ болѣе: изученіе условій мѣстности въ связи съ географическими данными надписей можетъ во многихъ случаяхъ дать весьма полезное указаніе относительно условій образованія тѣхъ маленькихъ политическихъ единицъ, называемыхъ *царствами*, на которыя дробилась эта область, и относительно ихъ взаимныхъ отношеній. Соображая все это, я не отказался отъ предложенной мнѣ высокой чести участвовать въ экспедиціи, хорошо понимая свою неопытность въ производствѣ археологическихъ изслѣдованій въ полномъ смыслѣ слова. Въ этомъ отношеніи задача моего почтеннаго коллеги по экспедиціи, А. А. Ивановскаго, была гораздо шире; опытный въ поѣздкахъ съ археологическою и антропологическою цѣлію, онъ взялъ на себя задачу, помимо нашей общей задачи снимания съ надписей вполнѣ надежныхъ эстампажей и изслѣдованія мѣстностей, производство археологическихъ и географическихъ изслѣдованій въ болѣе широкомъ масштабѣ, а также и производство раскопокъ и снятіе фотографій. Большая часть фотографій, приложенныхъ къ изданію, были сняты имъ лично при помощи аппарата, принадлежащаго Обществу.

Обширность района, въ предѣлахъ котораго мы должны были оперировать (Эриванская и Елизаветпольская губ.) и краткость времени, которымъ мы располагали (съ 20 іюня и по 5 сентября 1893 года) побудили насъ въ первый періодъ экспедиціи раздѣлиться и производить изслѣдованія въ различныхъ мѣстахъ: А. А. Ивановскій отправился на озеро Гокчу, а я—въ Эчміадзинъ для изслѣдованія хранящихся тамъ надписей, а оттуда перенесъ свои изслѣдованія на Алагёзъ, посѣтилъ Гулиджанъ и снялъ находящуюся въ томъ селеніи надпись, затѣмъ спустился

[1]) Проф. *Леманъ* вполнѣ правильно выразилъ мысль о важности личныхъ наблюденій надъ памятниками въ Verhandlungen der Berl. anthrop. Ges., 15 Oct. 1892, S. 488. Dr. Белькъ съ своей стороны доказалъ пользу этого изслѣдованіемъ надписей, относящихся къ сооруженію канала Менуа. Только мѣстоположеніе памятниковъ могло рѣшить вопросъ, что находящееся въ нихъ слово *pili* означаетъ *каналъ*, Zeitschrift für Ethnologie, вышецитованная статья, стран. 133—141.

въ Александропольскую равнину и изслѣдовалъ Ганлиджу. Только 10 августа мы соединились вмѣстѣ въ Эчміадзинѣ, чтобы начать совокупныя изслѣдованія въ долинѣ Аракса, посѣтили такъ называемый Армавиръ, Сардарабадъ, и затѣмъ отправились въ Ташбурунъ, въ предгоріе Арарата, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производимы были раскопки. Экспедиція слѣдующаго 1894 года въ тѣхъ же мѣстностяхъ со включеніемъ Карсской области совершена была единолично А. А. Ивановскимъ и служила продолженіемъ начатыхъ работъ и осуществленіемъ первоначально задуманнаго плана.

Главная задача экспедиціи — изслѣдованіе мѣстностей, гдѣ находятся клинообразныя надписи, и снятіе съ послѣднихъ фотографій и эстампажей, нами по возможности была выполнена. Правда, двухъ надписей мы не могли совсѣмъ отыскать (3-я Ташбурунская [№ III] и Газанчи [№ IV]), но за-то обнаружены 4 надписи, совсѣмъ неизвѣстныя наукѣ, со многихъ впервые сняты удовлетворительные эстампажи (такъ въ особенности надпись Алучалу [Келаны-Кирланы], снятая съ огромнымъ трудомъ и опасностями А. А. Ивановскимъ, надпись въ Захалу), всѣ остальныя надписи подвергнуты были всестороннему изслѣдованію, и съ нихъ сняты лучшія во всѣхъ отношеніяхъ фотографіи и эстампажи. Раскопки ведены были на южномъ берегу озера Гокчи, въ селеніи Ганлиджа около Александрополя и въ двухъ мѣстахъ около Ташбуруна. Помимо интересныхъ данныхъ, полученныхъ изъ раскопокъ, — отчетъ о которыхъ сообщитъ завѣдывавшій раскопками А. А. Ивановскій, — экспедиціею, въ особенности А. А. Ивановскимъ, былъ собранъ обширный матеріалъ частію археологическій, частію географическій, имѣющій отношеніе къ сравнительно позднѣйшему (армянскому) періоду исторіи этихъ мѣстностей; болѣе же всего имъ собрано свѣдѣній о памятникахъ архитектурныхъ, старинныхъ церквахъ и монастыряхъ.

Пріобрѣтенный нами новый матеріалъ по клинообразнымъ памятникамъ долженъ былъ въ значительной степени расширить предѣлы нашихъ свѣдѣній въ этой области и поэтому, предварительно появленія настоящаго подробнаго отчета, который по обстоятельствамъ весьма запоздалъ, я сдѣлалъ нѣсколько краткихъ печатныхъ сообщеній, дабы поставить лицъ, интересующихся этого рода изслѣдованіями, въ извѣстность относительно пріобрѣтенныхъ нами новыхъ данныхъ. Сюда прежде всего относится моя статья въ «Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ» 1893 г. № 12 подъ заглавіемъ: *«Клинообразная надпись Русы I въ Келаны-Кирланы (Алучалу) на берегу Гокчи въ Эриванской губерніи»*, къ которой приложенъ текстъ, транскрипція и переводъ пяти надписей, равно какъ замѣтка относительно нѣкоторыхъ поправокъ въ прежде изданныхъ текстахъ. Западная наука съ признательностію отнеслась къ этому шагу съ нашей стороны, оцѣнила его по достоинству и воспользовалась опубликованными данными для своихъ обобщеній. Мы укажемъ здѣсь прежде всего на вышецитованную статью проф. Сэйса въ The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, October 1894, подъ заглавіемъ: *The Cuneiform Inscriptions of Van.* Part V. Авторъ воспроизводитъ текстъ, транскрипцію и переводъ всѣхъ вновь изданныхъ мною клинообразныхъ надписей, во многихъ случаяхъ дополняя и исправляя послѣдній, снабжаетъ ихъ комментаріемъ. Особенное значеніе онъ придаетъ тому обстоятельству, что А. А. Ивановскому удалось снять надпись

Алучалу (Келаны-Кирланы), а мнѣ опредѣлить ея важное историческое значеніе, какъ единственнаго памятника Русы I, знаменитаго соперника царя Саргона. Вотъ его подлинныя слова: «For many years I have vainly tried to obtain a photograph of it (т. е. надписи Алучалу); its inaccessible position on a rock overhanging the lake of Erivan (т. е. Гокча) explains why I could not obtain one. Dr. Belck tried to copy it, standing waistdeep in the water, but failed to do so: and M. Nicolsky's success in taking a squeeze of it is a matter for congratulation. Dr. Belck and myself prove to be wrong in supposing it to have been a record of Sarduris II; it turns out to be really a monument of Rusas I, the Ursa of Sargon's inscriptions, and consequently of very great importance, since it is the first monument of this king, which has been discovered. The contents of it, moreover, are geographically as well as historically interesting» (p. 713—714).—Кромѣ сего заслуживаютъ упоминанія замѣчанія о той же надписи и о другихъ, много изданныхъ, проф. Лемана и В. Белька въ также вышецитованной статьѣ: *Ein neuer Herrscher von Chaldia*, помѣщенной въ Zeitschrift für Assyriologie, 1894, S. 345—349. Проф. Леманъ, подобно Сэйсу, придаетъ большое значеніе надписи Русы I, а Dr. Белькъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній относительно текста изданныхъ мною надписей. Отвѣтъ на эти замѣчанія я сообщу въ своемъ мѣстѣ при обзорѣ текста надписей.

Помимо этихъ новыхъ данныхъ, представившихъ интересъ для ассиріологіи и всемірной исторіи, собранный нами матеріалъ далъ возможность съ бо́льшею ясностію судить о географическихъ и политическихъ условіяхъ изслѣдованныхъ нами мѣстностей въ урартскую эпоху, равно какъ о тѣхъ путяхъ, по которымъ двигались здѣсь ванскіе завоеватели. Краткое изложеніе этихъ новыхъ данныхъ находится въ моей статьѣ: *«Древняя страна Урарту (Араратъ) и слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ»*, напечатанной въ «Землевѣдѣніи» (Періодич. изд. Географическаго Отд. Имп. О. Л. Е. А. Э.), 1895, кн. I. Подробное и болѣе документальное раскрытіе этихъ географическихъ и политическихъ условій Закавказья въ разсматриваемую эпоху читатели найдутъ въ настоящемъ трудѣ. Изъ детальнаго обзора, имъ представляемаго, можно будетъ ясно видѣть, что народности Закавказья, или, точнѣе говоря, нынѣшней Эриванской и Елизаветпольской губ. и Карсской области, принадлежа къ одному племени, не представляли изъ себя одного плотнаго политическаго цѣлаго. Здѣсь, напротивъ, мы видимъ множество раздробленныхъ, независимыхъ одно отъ другаго государствъ, управляемыхъ особыми царями. На языкѣ надписей каждое изъ нихъ называется *страною*, подобно напр. Ассиріи и Біайнѣ, а правители ихъ также *царями*, но въ дѣйствительности они были чѣмъ-то въ родѣ нѣмецкихъ графствъ, и названіе *царь* нужно понимать въ смыслѣ нѣмецкаго *König* въ средневѣковую эпоху. Такихъ странъ въ предѣлахъ вышеуказанныхъ губерній можно насчитать нѣсколько десятковъ. Правда, есть основаніе думать, что нѣкоторыя изъ нихъ, напр. *Etiuni*, *Eriaḫi*, имѣли сравнительно большее значеніе, чѣмъ другія, но въ чемъ заключалось ихъ первенство или преобладаніе надъ другими, судить трудно. Въ періодъ ванскихъ завоеваній ихъ, очевидно, объединяла политически только власть ванскаго царя, къ которому они находились несомнѣнно

въ вассальныхъ отношеніяхъ. Но для ванскихъ царей было не легко поставить ихъ и держать въ этихъ отношеніяхъ зависимости. Подобно тому, какъ ассирійскимъ царямъ приходилось постоянно совершать походы, чтобы держать въ повиновеніи многочисленные народы одинаковаго съ ними семитскаго происхожденія въ Месопотаміи, Сиріи и Палестинѣ, такъ точно и ванскимъ царямъ нужно было постоянно дѣлать походы въ эту сѣверную область, которая по всей вѣроятности, была ихъ первоначальной родиной и состояла изъ народностей одинаковаго съ ними происхожденія, строить въ предѣлахъ ихъ укрѣпленные города и учреждать нѣчто въ родѣ намѣстничествъ или вице-королевствъ.

Ниже-слѣдующее изложеніе представляетъ не самый ходъ совершенной мною экспедиціи, а скорѣе сводъ научныхъ ея результатовъ, причемъ я пользовался данными, добытыми какъ мною, такъ и моимъ почтеннымъ коллегою А. А. Ивановскимъ. Въ изложеніи я не придерживался строго того порядка, въ какомъ были изслѣдованы нами однѣ за другими надписи и мѣстности, но располагалъ ихъ по тѣмъ группамъ, на которыя они распадались по внутреннимъ признакамъ, и въ той послѣдовательности, которая опредѣлялась географическими и историческими соображеніями. Такъ, я началъ съ памятниковъ, найденныхъ въ Ташбурунѣ, изслѣдованныхъ нами въ 1893 году уже почти послѣ всѣхъ остальныхъ, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ надписями, болѣе древними, чѣмъ всѣ остальныя, затѣмъ я перешелъ къ Армавиру, такъ какъ въ немъ найдено болѣе всего надписей и онъ игралъ, очевидно, самую важную роль во время завоеванія этой мѣстности ванскими царями, начиная съ Аргишти. Изъ Армавира двѣ дороги вели на сѣверъ, одна—по направленію къ Александрополю, а другая—по направленію къ сѣверозападному берегу Гокчи. Я сначала разсмотрѣлъ первый путь, куда относится обозрѣніе Алагёза, Гулиджана и Ганлиджы, а затѣмъ — второй, куда относятся мѣстности Эривань, Эйляръ и озеро Гокча. Что касается Сарыкамыша, то, по тѣсной связи его съ Ганлиджею, я соединилъ его съ нею въ одну группу. Изъ этихъ мѣстностей не были осмотрѣны мною лично западныя и южныя берега Гокчи, мѣстечко Ганли-тапа около Эривани и Сарыкамышъ, — всѣ данныя, касающіяся этихъ мѣстностей, были мнѣ сообщены А. А. Ивановскимъ.

Что касается надписей, то кромѣ фотографій и эстампажей читатели найдутъ типографскій наборъ текста, транскрипцію, переводъ всѣхъ надписей вмѣстѣ съ текстуальными примѣчаніями. Кромѣ изданія новыхъ надписей, потребовалось переизданіе большей части уже изданныхъ мною надписей въ виду тѣхъ существенныхъ поправокъ и дополненій въ текстѣ, которыя внесены мною, благодаря лучшимъ снимкамъ и изученію на мѣстѣ самыхъ памятниковъ. Но такъ какъ и всѣ остальныя надписи, даже и тѣ, которыя были прочитаны мною и прежде вполнѣ правильно, являются въ нѣсколько новомъ свѣтѣ, благодаря изслѣдованію ихъ на мѣстѣ, то найдено было не излишнимъ привести и ихъ текстъ при новой ихъ обработкѣ. Весьма важно было сдѣлать это и въ интересахъ полноты и цѣльности изданія, дабы лица, интересующіяся этими памятниками, могли пользоваться нашимъ изданіемъ какъ Corpus inscriptionum.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить мою глубокую признательность Императорскому Московскому Археологическому Обществу, давшему мнѣ возможность посѣтить мѣстности, сохранившія остатки древнѣйшихъ культуръ человѣчества, и читать на скалахъ и камняхъ подлинные тексты царей древняго Арарата. Вмѣстѣ съ этимъ не могу не выразить также и пожеланія, чтобы наши изслѣдованія возбудили интересъ къ столь древнимъ памятникамъ, изученіе которыхъ заставляетъ выйти изъ тѣснаго круга собственно кавказской археологіи и разсматривать ихъ въ свѣтѣ общаго міроваго положенія въ тогдашнюю эпоху, въ связи съ памятниками Вавилона, Ассиріи, а также Сиріи, Палестины и Египта, и содѣйствовали учрежденію хорошо обставленныхъ и правильно организованныхъ музеевъ и расширенію научныхъ знаній по эпиграфіи древнѣйшаго Востока. Если гдѣ, то въ археологіи, яснѣе всего чувствуется необходимость постоянно обращаться къ архаическимъ древностямъ Востока. Ex Oriente lux!

I.

ТАШБУРУНЪ

(Luhiunini—Menuahinili).

Первый изъ ванскихъ царей, проникшій въ долину Аракса и оставившій въ ней памятники своихъ завоеваній, былъ Менуа, сынъ Ишпуини, жившій въ самомъ началѣ VIII в. до Р. Х. Прежде чѣмъ проникнуть въ эту сѣверную область и стать въ ней твердою ногою, ему нужно было покорить страны, лежавшія между Ваномъ и долиною Аракса. Изъ надписи, найденной въ *Ташъ-тепе*, на югѣ озера Урміи, и разобранной В. Белькомъ,[1]) видно, что Менуа подчинилъ своей власти страну *Манани*, которая лежала на западъ отъ Вана около озера Урміи и простиралась далѣе на сѣверъ къ Араксу. Страна Манани и народъ Маннеевъ (ассир. *Mannai*) фигурируютъ въ качествѣ противниковъ и ассирійскихъ завоевателей, начиная съ Салманассара II (830 г. до Р. Х.) и до Ассурбанипала (начала VII в. до Р. Х.), изъ чего можно заключить о жизненности этого народа и способности отстаивать свою независимость. Другое государство, которое лежало на сѣверѣ Ванскаго озера и, по всей вѣроятности, соприкасалось своими границами съ *Манани*, было *Daiaeni* по ассирійскимъ надписямъ,—*Diauhini* ванскихъ надписей. Надпись въ 36 строкъ, оставленная Менуа около селенія *Делибаба* на сѣверовостокъ отъ Эрзерума, недалеко отъ праваго берега Аракса, въ верстахъ 40 отъ русской границы, и повѣствующая о завоеваніи страны *Diauhini*, свидѣтельствуетъ о томъ, что Менуа проникъ до верхняго теченія Аракса, и вся область, начиная отъ Эрзерума и до западной части озера Урміи, находилась подъ его властію.

Весьма естественно думать, что Менуа, по завоеваніи *Diauhini* и по достиженіи Аракса въ той мѣстности, гдѣ находится вышепоименованная надпись, сдѣлалъ попытку пройти чрезъ хребетъ *Агры-дагъ*, служащій водораздѣломъ восточнаго Евфрата (Мурадъ-су) и Аракса. Онъ стоялъ при естественныхъ воротахъ въ *Айраратскую область* или въ древнюю страну *Урарту*, которая безъ всякаго сомнѣнія была конечною цѣлью его движенія на сѣверъ. Двигаясь по теченію Аракса, черезъ четыре-пять дней онъ могъ достигнуть Эриванской равнины и находиться при подножіи Большаго Арарата, гдѣ въ настоящее время находятъ слѣды его пребыванія. Но если правый берегъ Аракса по близости къ Арарату былъ ближайшей цѣлью его похода въ Эриванскую равнину, то путь, который мы описываемъ, можетъ показаться весьма длиннымъ и затруднительнымъ. Этотъ путь втрое длиннѣе прямой

---

[1]) Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft, 10 November 1894.

линіи, проведенной отъ Вана до Ташбуруна. Однакоже ничего нѣтъ естественнѣе предположить, что Менуа, разъ достигши Аракса на его верховьяхъ, двинулся по теченію рѣки, тѣмъ болѣе, что ущелье Аракса, до вхожденія его въ Эриванскую равнину, хотя съ трудностями, но всетаки проходимо. И только то соображеніе, что на всемъ этомъ пути отъ Делибаба до Ташбуруна мы не находимъ слѣдовъ пребыванія Менуа, заставляетъ насъ искать другихъ путей въ Эриванскую равнину, болѣе короткихъ и болѣе удобныхъ.

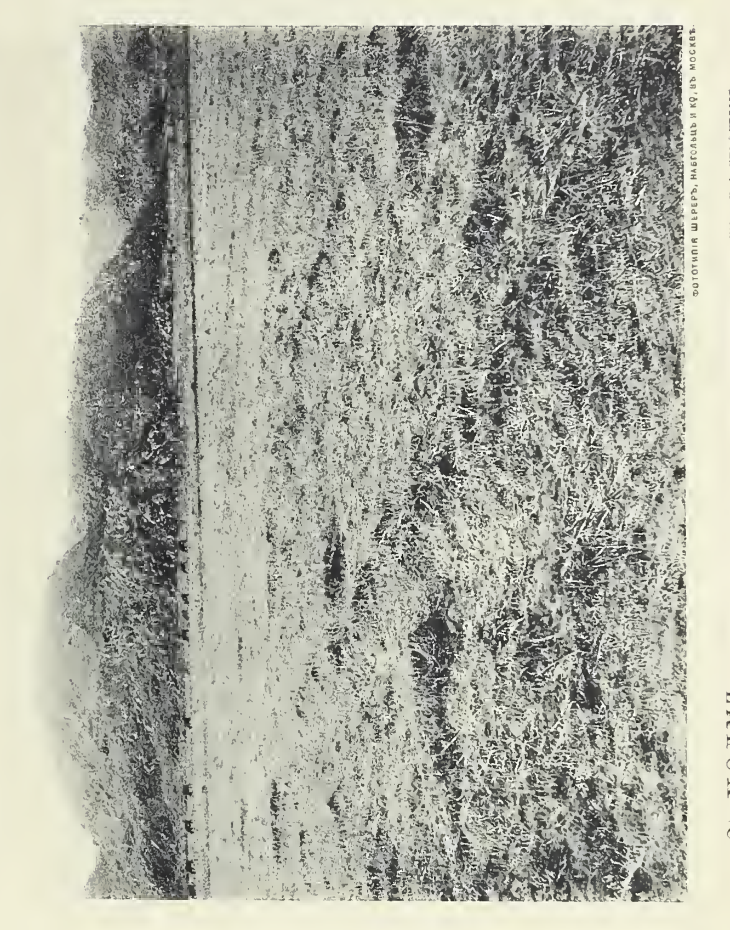
Кратчайшій путь изъ города Вана въ Эриванскую равнину направляется отъ сѣверовосточнаго берега Ванскаго озера прямо на сѣверъ или сѣверовостокъ по направленію къ Большому Арарату. Сначала путь идетъ чрезъ ущелье рѣки Бендемагу, затѣмъ направляется по Баязетской равнинѣ къ Чингильскому перевалу чрезъ гору Агры-дагъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ хребетъ соединяется съ Большимъ Араратомъ. По выходѣ въ долину, дорога въ настоящее время направляется въ Игдыръ, откуда всего 18 верстъ на востокъ до Ташбуруна. Въ нынѣшнее время это путь всего 4 дней, возможный и для колесныхъ экипажей. Трудно думать, чтобы этотъ путь не былъ извѣстенъ въ древнее время, тѣмъ болѣе, что онъ проходилъ чрезъ самую почти гору Араратъ (Масисъ), ворота котораго не могли не быть извѣстными древнему міру. Въ этомъ убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что Баязетъ, какъ обнаружилось изъ изслѣдованій А. А. Ивановскаго этого города въ 1894 году, и въ ванскій періодъ игралъ роль важнаго укрѣпленнаго мѣста. Найденныя имъ на скалахъ Баязета барельефы, которые украшали входъ въ помѣщенія, высѣченныя въ скалѣ (объ нихъ см. въ отчетѣ А. А. Ивановскаго), несомнѣнно урартскаго происхожденія и ясно свидѣтельствуютъ, что разсматриваемый нами путь былъ не только извѣстенъ ванскимъ царямъ, но и былъ ими укрѣпленъ. Баязетъ могъ быть и въ то время ключемъ къ араратскимъ воротамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ могъ, какъ и нынѣ, охранять великій путь съ востока на западъ къ истокамъ великихъ рѣкъ. Этимъ послѣднимъ путемъ Менуа, какъ мы видѣли, доходилъ до Делибаба недалеко отъ Эрзерума, а его преемникъ Аргишти I проникъ и еще далѣе, въ долину Карсъ-чая, какъ увидимъ ниже.

Страна, въ которую вторгнулся Менуа, вступивъ въ долину Аракса, называется на надписи, оставленной имъ около Ташбуруна, *Eriduaḫi* или *Eriduaḫini*, а столица этой страны называется *Luḫiunini*. Страна эта занимала правый берегъ Аракса въ нынѣшней Эриванской равнинѣ, и центральный ея пунктъ находился около сѣвернаго подножія Большаго Арарата. Въ противоположность Алагёзу, Араратъ рѣзко и круто поднимается изъ окружающей равнины, при чемъ подножіе его около селенія Ташбуруна выступаетъ впередъ въ формѣ треугольника, и крайняя его оконечность, обращенная здѣсь къ Араксу, мысомъ врѣзывается въ долину (см. табл. III. 2). Такъ какъ передніе его склоны сравнительно низки и доступны, то эта часть Арарата, врѣзывающаяся въ долину, представляла въ древности весьма большія удобства для созданія цѣлаго ряда укрѣпленныхъ мѣстъ. Что Большой Араратъ былъ укрѣпленъ съ этой стороны въ армянскій періодъ исторіи Закавказья, объ этомъ свидѣтельствуетъ Моисей Хоренскій (кн. I, гл. 12), но что начало этимъ укрѣпленіямъ было

положено еще въ урартскій періодъ, это подверждаетъ какъ свидѣтельство клинообразныхъ надписей, такъ и самое изслѣдованіе остатковъ древнихъ сооруженій.

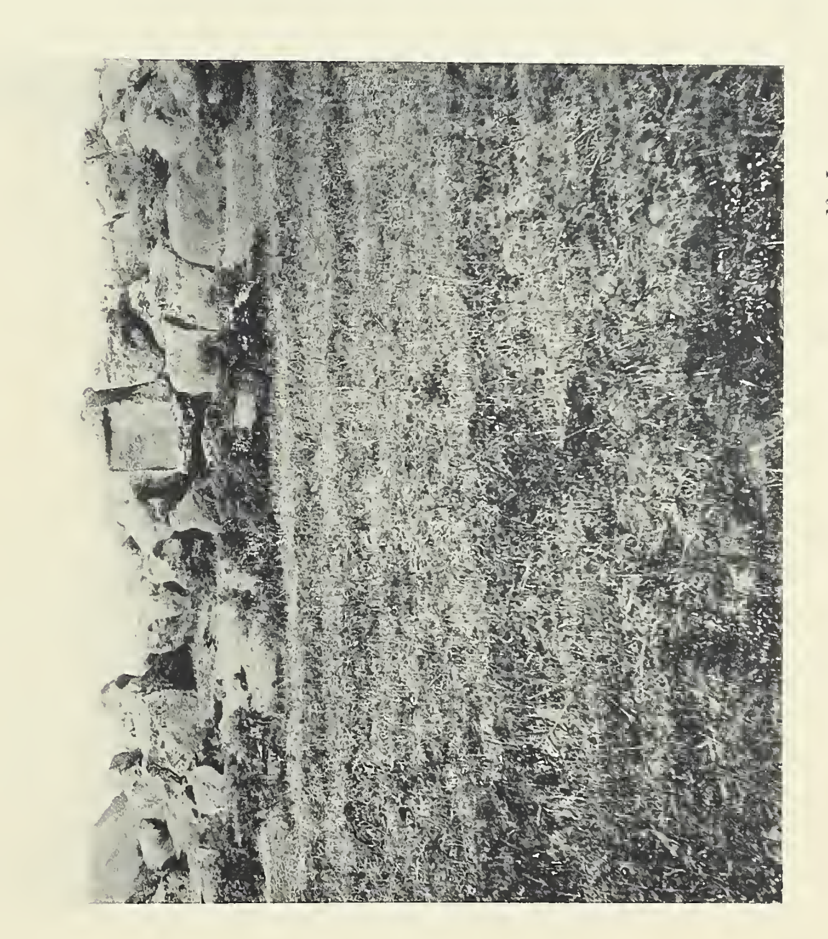
Если ѣхать по шоссейной дорогѣ изъ Игдыра въ Ташбурунъ и, по проѣздѣ деревни *Каракоенлу*, отстоящей на 5 верстъ отъ Ташбуруна, поворотить налѣво прямо къ Большому Арарату, то на разстояніи версты отъ селенія, при самомъ подножіи горы, можно легко замѣтить среди обработаннаго поля узкій и длинный (на протяженіи $^1/_4$ версты) рядъ каменныхъ глыбъ, образовавшійся, очевидно, изъ брызговъ базальтовой лавы съ большаго хребта; по срединѣ этого ряда низкихъ скалъ, съ сѣверной стороны, легко также замѣтить весьма большой величины камень, обращающій на себя вниманіе тѣмъ, что его передняя часть тщательно обдѣлана въ формѣ рамки (см. табл. III, 1). Въ рамку эту заключена надпись въ 24 строки, принадлежащая Менуа (см. табл. IV, 1). Такъ какъ эта надпись, въ противоположность большей части остальныхъ, найденныхъ на скалахъ, ничѣмъ не защищена отъ дѣйствія стихій, то она отъ времени пострадала. Вся лѣвая ея сторона покрыта мхомъ, который въ значительной степени разрушилъ ровную поверхность камня и сгладилъ до неузнаваемости самыя углубленія врѣзанныхъ въ него знаковъ. Однакоже, по тщательномъ изслѣдованіи надписи на мѣстѣ и по сличеніи снятыхъ нами во время экспедиціи эстампажа и фотографіи, мнѣ удалось въ гораздо большей точности возстановить ея текстъ, чѣмъ это можно было до сего времени. Надпись имѣетъ весьма опредѣленное и однородное содержаніе; она повѣствуетъ исключительно о завоеваніи страны *Eriduaḫini* и столицы этой страны — города *Luḫiunini* (не *Lununini*, такъ читали до сего времени). Особенное значеніе придаетъ надпись завоеванію именно города, такъ что имя *Лухіунини* встрѣчается въ надписи пять разъ. Надпись кончается торжественной формулой проклятія на всякаго, кто захотѣлъ бы ее разрушить или приписать себѣ совершеніе того дѣла, о которомъ въ ней повѣствуется, т. е. завоеваніе Лухіунини. Эта формула встрѣчается далеко не во всѣхъ ванскихъ надписяхъ, найденныхъ въ турецкой Арменіи, и во всякомъ случаѣ она придаетъ особую важность такому памятнику; что же касается надписей, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи, то подобная формула имѣется только еще въ одной (изъ числа 24), именно въ Сарыкамышской.

Дополненіемъ къ этой надписи служитъ другая въ 11 строкъ, найденная въ 1888 году также около Ташбуруна и отмѣченная у меня подъ № III. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности мѣстонахожденія камня; попытки наши отыскать его во время экспедиціи или даже получить болѣе опредѣленныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ былъ найденъ, не увѣнчались успѣхомъ. По словамъ поселянъ Ташбуруна, онъ украденъ курдами съ его мѣстонахожденія, которое никто не могъ или не хотѣлъ указать. Впрочемъ я не теряю надежду, что камень этотъ найдется, какъ нашелся впослѣдствіи также не розысканный нами во время экспедиціи камень № IV (Газанчи), о которомъ мы будемъ говорить ниже. Къ счастію архіепископъ Месропъ успѣлъ снять весьма удачный снимокъ, по которому мнѣ удалось возстановить сполна всю надпись. Въ ней не хватаетъ по одному знаку въ каждой строкѣ въ началѣ и концѣ и кромѣ того отбита вся

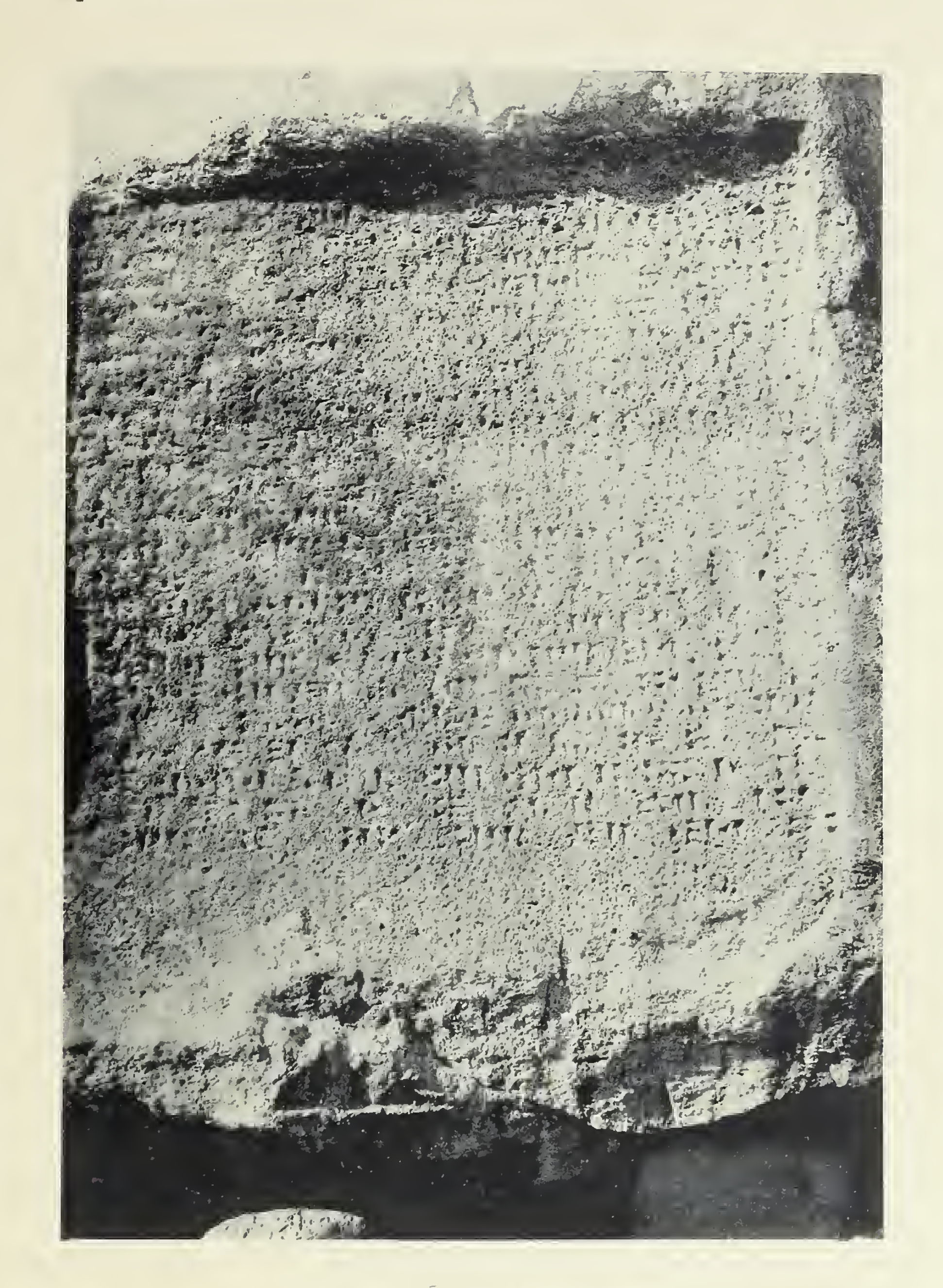

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Кº, въ Москвѣ.

2) ХОЛМЪ близъ надписи, гдѣ производились раскопки.

1) КАМЕНЬ съ ташбурунскою надписью № I.

1) НАДПИСЬ № I, ТАШБУРУНСКАЯ.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И Кº, ВЪ МОСКВѢ.

2) ВЫСТУПЪ въ ПРЕДГОРІЯХЪ АРАРАТА.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°, въ Москвѣ

НАДПИСЬ № II, ТАШБУРУНСКАЯ.

11-я строка, которая предполагается по смыслу надписи. Изъ этой надписи видно, что Менуа въ мѣстности вблизи Ташбуруна, гдѣ найдена надпись, возстановилъ храмъ богу Халди и собственный дворецъ и далъ мѣстности или городу, въ которомъ сдѣланы были эти сооруженія, значеніе столицы, назвавъ его своимъ именемъ *Menuaḫinili* т. е. *мѣстопребываніе Менуа*.

Теперь спрашивается, что былъ за городъ, въ которомъ по смыслу вышеприведенной надписи были сооружены Менуа храмъ и дворецъ? Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ о томъ-же *Лухіунини*, что и въ вышеразсмотрѣнной надписи, написанной на скалѣ. За это говоритъ то, что надпись найдена во всякомъ случаѣ въ Ташбурунѣ или въ его окрестностяхъ и слѣдовательно недалеко отъ надписи № I, что она принадлежитъ тому-же Менуа; далѣе въ надписи на скалѣ говорится о томъ, что Менуа измѣнилъ имя города *Лухіунини* на другое, и вотъ мы находимъ здѣсь другое имя—*Menuaḫinili*, которое и есть новое имя завоеванной и возстановленной столицы. Здѣсь мы встрѣчаемся съ фактомъ, повтореніе котораго мы увидимъ при разсмотрѣніи памятниковъ Армавира: то, что Менуа совершилъ здѣсь у подножія Арарата, тоже самое повторилъ его преемникъ въ Армавирѣ, въ центрѣ долины Аракса, т. е. возстановилъ разрушенные храмы и дворцы и мѣсто назвалъ своимъ именемъ *Argištiḫinili* т. е. *мѣстопребываніе Аргишти*.

Но если насъ постигла неудача въ отыскиваніи надписи № III, то весьма скоро нами былъ найденъ камень съ надписью № II (см. табл. V), хотя мы не имѣли никакихъ точныхъ предварительныхъ свѣдѣній объ его нахожденіи. Этотъ камень былъ отысканъ нами у одного крестьянина селенія Ташбуруна, у котораго онъ служилъ въ мелочной лавкѣ (духанѣ) ступкой для толченія соли, благодаря имѣвшемуся на одной изъ его сторонъ большему углубленію, о назначеніи котораго мы будемъ говорить ниже [1]). Надпись значительно пострадала съ 3-хъ сторонъ, именно — съ обѣихъ сторонъ, гдѣ начало и конецъ строкъ, причемъ лѣвая сторона, заключающая начало строкъ, болѣе попорчена, чѣмъ правая, гдѣ ихъ окончаніе, и затѣмъ не читаема вся 11 строка внизу камня. Кромѣ того и въ срединѣ текста, по срединѣ 7—9 строкъ, находится выбоина, благодаря которой въ каждой строкѣ утрачено по одному знаку. При ближайшемъ разсмотрѣніи надписи обнаружился фактъ, который впервые замѣченъ мною во многихъ, такъ называемыхъ, армавирскихъ надписяхъ, и о которомъ я буду говорить ниже, что камень, на которомъ вырѣзана надпись, не заключалъ въ себѣ цѣлаго текста, а только его часть, цѣлый же текстъ былъ помѣщенъ на нѣсколькихъ рядомъ стоящихъ внутри зданія камняхъ. Лѣвая сторона надписи № II, хотя въ настоящее время сильно разрушена, первоначально заключала въ себѣ начало строкъ надписи (отбито по одному или по два знака на строкѣ); что же касается правой, то она далеко не представляетъ окончанія строкъ, въ большинствѣ случаевъ строки обрываются па половинѣ слова, а между тѣмъ не видно, чтобы это произошло вслѣдствіе позднѣйшаго насильственнаго разрушенія камня или его распиливанія, такъ какъ ни одинъ знакъ въ концѣ не былъ разбитъ на двѣ части, и линія разрѣза

[1]) Въ настоящее время камень находится на дворѣ участковаго пристава въ Ташбурунѣ.

камня, очевидно, не повредила ни одного знака, — обстоятельство, рѣшительно не возможное при предположеніи позднѣйшаго распиливанія камня. Отсюда мы заключаемъ, что первоначально находился другой такой-же камень внутри зданія, содержащій вторую половину строкъ надписи. Этимъ объясняется и фрагментарность надписи; вѣроятно, въ другой половинѣ первой строки и находилось полное имя царя *Menuaše Išpuiniḫiniše*, встрѣчающееся же во 2-й строкѣ одно имя безъ отчества *Menuaše* есть уже повтореніе, подобно тому какъ и въ 8 строкѣ. Нѣтъ поэтому основаній предполагать, какъ это дѣлаетъ *D. H. Müller*, что Менуа, которому принадлежитъ надпись, не есть сынъ *Ишпуини*, а другое лицо, имя отца котораго онъ видитъ въ словѣ *Irkuai*... Конецъ слова отбитъ и чтеніе *i* нетвердо. Послѣднее, всего вѣроятнѣе, есть имя страны, образованное отъ имени ея владѣльца или правителя, какъ это часто встрѣчается въ ванскихъ текстахъ.

По содержанію надпись имѣетъ самую тѣсную связь съ двумя другими вышеразсмотрѣнными надписями. На лин. 3 въ ней также упоминается имя города *Luḫiunini*, но въ отличіе отъ надписи № I здѣсь это названіе присвоено самой странѣ, такъ какъ слово [cuneiform] собственно значитъ *страна города Лухіунини*. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ, что страна *Eriduaḫi*, къ которой принадлежалъ въ качествѣ столицы городъ *Лухіунини*, имѣла другое названіе, т. е. называлась по имени этого столичнаго города. Подобный способъ обозначенія странъ по имени городовъ не рѣдко встрѣчается въ ванскихъ текстахъ. — Кромѣ того, на лин. 6-й говорится о возстановленіи *воротъ Ḫaldinili*, т. е. *мѣстопребыванія бога Халди*, а въ 7-й — о возстановленіи разрушеннаго дворца. Такъ какъ подъ *Ḫaldinili* едвали мы можемъ разумѣть что-нибудь другое, кромѣ храма, то и изъ этой надписи мы узнаемъ тоже, что и въ № III, т. е. что Менуа въ *Лухіунини* возстановлялъ храмы и дворцы, пришедшіе въ ветхость, и что слѣдовательно этотъ городъ былъ весьма важнымъ религіознымъ и политическимъ центромъ какъ во время Менуа, такъ и очевидно до него, т. е. въ періодъ, предшествовавшій ванскимъ завоеваніямъ въ долинѣ Аракса.

Важнѣйшій вопросъ, который занималъ насъ во время изслѣдованія всей этой мѣстности, былъ тотъ, гдѣ слѣдуетъ искать мѣстонахожденіе города *Luḫiunini*=*Menuaḫinili*. Прежде всего наше вниманіе было обращено на тѣ предгорія Арарата, по близости къ которымъ находится надпись № I, повѣствующая о завоеваніи и возстановленіи города *Лухіунини*. При ближайшемъ изслѣдованіи мы убѣдились, что эти предгорія представляютъ не мало данныхъ для сужденія объ ихъ значеніи въ урартскую эпоху. Вся часть хребта, которая выступаетъ въ формѣ треугольника въ Эриванскую равнину, очевидно, въ древнее время была сильно укрѣплена. Крайній выступъ горы, обращенный на сѣверъ къ селенію Ташбурунъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ надписью № I, имѣетъ видъ продолговатаго холма; на его вершинѣ находятся слѣды укрѣпленія, которое и было нами изслѣдовано посредствомъ раскопокъ. Я не буду входить въ подробности добытыхъ результатовъ (см. въ отчетѣ А. А. Ивановскаго), но обращу вниманіе на то, что здѣсь обнаружены весьма глубоко лежавшія въ землѣ основанія зданія, планъ, матеріалъ и

способъ кладки котораго весьма напоминаетъ постройки на армавирскомъ холмѣ. Тесаные камни, которыми выложены стѣны, одинаковой породы и одинаковой обдѣлки съ камнемъ съ клинообразною надписью № II, найденнымъ въ развалинахъ въ долинѣ около Ташбуруна; кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что на нѣкоторыхъ камняхъ, найденныхъ въ постройкахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, замѣчены были на одной изъ сторонъ такія же выбоины, какъ и на камнѣ съ надписью № II, какъ и во многихъ армавирскихъ камняхъ. Трудно опредѣлить назначеніе этихъ выбоинъ: по всей вѣроятности, онѣ служили для вкладыванія поперечныхъ связей между смежными камнями; такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ эти углубленія гр. А. С. Уваровъ. Какъ бы то ни было, но мы ясно видимъ здѣсь присутствіе архитектурныхъ пріемовъ, которые мы можемъ смѣло отнести къ урартскому періоду; болѣе подробно мы будемъ говорить объ нихъ въ слѣдующей главѣ. Рядомъ съ этимъ холмомъ возвышался другой бо́льшей высоты, на которомъ, судя по валявшимся камнямъ, можно было предполагать существованіе такого-же укрѣпленія, но этотъ холмъ остался нами не изслѣдованнымъ.

Но самое обширное и самое важное укрѣпленіе на этомъ Ташбурунскомъ мысѣ Арарата было найдено нами на восточной его сторонѣ, обращенной къ озеру *Булахъ-баши*. Оно находится на разстояніи верстъ пяти отъ Ташбуруна; дорога направляется къ Ю.-В. по направленію къ озеру, затѣмъ по окраинѣ озера, заросшей тростникомъ выше роста человѣка. Предгорія Арарата, примыкающія къ озеру, не высоки, но тамъ, гдѣ озеро достигаетъ бо́льшей своей широты, находится холмъ сравнительно значительной высоты; взобравшись на него, мы очутились въ оградѣ огромной крѣпости, созданной самою природою, но и заключающей остатки весьма значительной человѣческой работы. Холмъ имѣетъ кругообразную форму, не менѣе 1 версты въ діаметрѣ; больное ущелье отдѣляетъ его почти со всѣхъ сторонъ отъ остальныхъ предгорій Арарата, въ составѣ которыхъ онъ находится. Гребень горы со всѣхъ сторонъ выложенъ рядомъ огромныхъ камней, большею частію не обтесанныхъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчаются стѣны, выведенныя вполнѣ правильно изъ симметрически расположенныхъ тесаныхъ камней. Внутри стѣнъ замѣтны были по мѣстамъ слѣды разрушенныхъ башенъ; густо засыпанная щебнемъ неровная поверхность, безъ всякаго сомнѣнія, заключаетъ въ себѣ другіе архитектурные остатки. При выходѣ изъ ущелья къ озеру *Булахъ-баши* мы замѣтили слѣды совершенно правильнаго подъема, двойнаго и довольно широкаго, дорога когда-то была тщательно вымощена, защищена парапетами. Что касается ущелья, то позади крѣпости оно развѣтляется и идетъ по различнымъ сторонамъ; можно догадываться, что посредствомъ этихъ ущелій можно было сообщаться съ другими крѣпостями, лежащими на другой сторонѣ мыса, т. е. на той сторонѣ, гдѣ находится I ташбурунская надпись.

Къ величайшему сожалѣнію, намъ не удалось перенести сюда раскопки, начатыя въ Ташбурунѣ, по отдаленности этихъ развалинъ отъ населенныхъ мѣстъ и трудности организовать временную колонію на столь высокомъ, трудно доступномъ и лишенномъ всякихъ жизненныхъ удобствъ мѣстѣ. Для этого требуется спеціальная экспедиція. Но эта крѣпость превосходитъ по своей величинѣ и внушительности

всѣ другія, видѣнныя нами въ долинѣ Аракса. Мы не имѣемъ, конечно, документальныхъ доказательствъ урартскаго происхожденія стѣнъ крѣпости, такъ какъ здѣсь не было найдено клинообразныхъ надписей, но въ пользу этого говоритъ способъ обдѣлки камней и кладки стѣнъ, одинаковый съ другой вышеописанной ташбурунской крѣпостью и съ постройками на Армавирѣ (рисунки см. въ отчетѣ А. А. Ивановскаго). Въ слѣдующей главѣ (объ Армавирѣ) мы коснемся вопроса о способѣ постройки урартскихъ крѣпостей и зданій и покажемъ, что есть нѣкоторая возможность отличать ихъ отъ позднѣйшихъ-армянскаго происхожденія.

Но если отнести всѣ эти укрѣпленія около Ташбуруна къ урартской эпохѣ, то всетаки ни одно изъ нихъ въ строгомъ смыслѣ нельзя было отожествить съ древнимъ Лухіунини. Какое-либо изъ этихъ укрѣпленій могло быть только цитаделью города, а не самымъ городомъ. Какъ населенное мѣсто, онъ всего вѣроятнѣе былъ не въ горахъ, совсѣмъ неудобныхъ для поселенія, а въ долинѣ. Всего ближе было бы думать, что его мѣстоположеніе было въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ клинообразною надписью (находящеюся въ долинѣ) у подножія того холма, гдѣ были произведены раскопки; крѣпость, находившаяся на этомъ холмѣ, и могла быть цитаделью города. Но часть долины, примыкающая къ холму и къ надписи, въ настоящее время воздѣлана и представляетъ ровное, сплошное поле, засѣваемое пшеницей и ячменемъ. Никакихъ слѣдовъ прошлаго. Быть можетъ, эти слѣды и были прежде, но они изгладились, благодаря времени и культурному воздѣйствію человѣка, но возможно и то, что самый городъ, какъ населенный пунктъ, находился гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, въ верстахъ 3-хъ отъ селенія Ташбуруна по той же шоссейной дорогѣ (между Ташбуруномъ и Гассанъ-хлу) мы нашли на совершенно ровномъ мѣстѣ весьма обширныя по занимаемому пространству остатки старинныхъ поселеній, въ настоящее время совершенно сравненныя съ землею. Слѣды прежнихъ жилищъ можно было замѣтить въ той или другой степени на протяженіи верстъ пяти отъ шоссейной дороги и на югъ по направленію къ Большому Арарату. Между нимъ и этими развалинами въ настоящее время находится довольно большое, но почти заросшее тростникомъ озеро *Булахъ-баши*. По близости къ дорогѣ можно было замѣтить въ уровень съ землею рядъ тесаныхъ камней, служившихъ, очевидно, основаніемъ зданій. Мѣстные жители не сообщали намъ никакихъ, хотя бы не ясныхъ, преданій объ этихъ давно заброшенныхъ и сравненныхъ съ землею жилищахъ, но постоянно повторяли названіе, очевидно перенесенное на это мѣсто изъ исторіи Моисея Хоренскаго, именно названіе *Цолакерта*, миѳическаго мѣстопребыванія одного изъ ближайшаго потомковъ Гайка Цолака, сына Амасіи[1]). Указаніемъ на то, что здѣсь можно искать древній Лухіунини, служило особенно то важное обстоятельство, что среди этихъ развалинъ найденъ былъ камень съ клинообразною надписью, обозначенною мною подъ № II. Объ этомъ въ одинъ голосъ заявляли намъ крестьяне, помнившіе исторію нахожденія надписи. Что этотъ камень архитектурнаго происхожденія, что онъ вмѣстѣ съ другими подобными входилъ въ кладку стѣнъ, объ этомъ мы уже говорили. Но здѣсь мы должны обратить вниманіе на

---

[1]) Кн. I, гл. XII.

обстоятельство, нами уже отмѣченное, что на одной изъ сторонъ камня находится довольно глубокая выбоина, служившая вѣроятно для вкладыванія поперечныхъ связей. Подобное намъ приходилось встрѣчать на другихъ камняхъ въ раскопкахъ близъ I Ташбурунской надписи; тоже самое было замѣчено еще графомъ А. С. Уваровымъ на Армавирскомъ холмѣ. Что это есть особенность архитектуры урартской, а не армянской, какъ думалъ графъ А. С. Уваровъ, мы будемъ говорить при разсмотрѣніи армавирскихъ построекъ. Такъ какъ и въ этой надписи, подобно № I, упоминается городъ *Лухіунини* (собственно *страна города Лухіунини)* и говорится о возстановленіи храма *(Ḫaldinili)* и дворца, какъ въ надписи № III, то это еще болѣе располагало предполагать, что надпись найдена на мѣстѣ самаго Лухіунини. Однакоже раскопки, двукратно предпринимавшіяся на мѣстѣ этихъ развалинъ моимъ сотоварищемъ по экспедиціи А. А. Ивановскимъ (въ 1893 и 1894 году), обнаружили постройки христіанскаго происхожденія (см. ниже отчетъ А. А. Ивановскаго объ этихъ раскопкахъ). Не смотря на этотъ результатъ, окончательнаго заключенія объ армянскомъ происхожденіи всѣхъ развалинъ въ этой мѣстности высказать пока еще нельзя, такъ какъ не вся площадь, заключающая развалины, была разрыта, и возможность того, что христіанскія сооруженія были выстроены на мѣстѣ болѣе древнихъ построекъ и изъ матеріала этихъ послѣднихъ, еще далеко не устранена. Тѣ чрезвычайныя обстоятельства, которыми сопровождалась экспедиція А. А. Ивановскаго въ 1894 году, и о которыхъ онъ сообщаетъ въ своемъ мѣстѣ, достаточно объясняетъ намъ, почему ему не удалось закончить эти важныя по своей задачѣ раскопки.

Во всякомъ случаѣ, если въ настоящее время мы и не можемъ съ полною точностію пріурочить древній Лухіунини къ кому-либо изъ вышеразсмотрѣнныхъ мѣстъ, всетаки не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта мѣстность играла весьма важную роль въ урартскую эпоху. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ надписью мы находимъ рядъ крѣпостей, изъ коихъ одна, по крайней мѣрѣ, обнаруживаетъ ясные слѣды урартскаго происхожденія; эти крѣпости, пока три числомъ (вѣроятно, ихъ найдется и болѣе), имѣли очевидно связь съ городомъ въ долинѣ, который отдѣлялся отъ нихъ только озеромъ *Булахъ-баши*. Все это, вмѣстѣ взятое, крѣпости въ горахъ, городъ въ долинѣ, озеро, ихъ раздѣляющее, составляло изъ себя одно цѣлое, культурный и стратегическій центръ большаго значенія. Ни въ литературныхъ, ни въ устныхъ преданіяхъ армянъ мы не нашли никакихъ отголосковъ относительно прошлаго всѣхъ этихъ памятниковъ, и только три найденныя въ этихъ развалинахъ клинообразныя надписи проливаютъ свѣтъ на то значеніе, какое имѣла эта мѣстность за восемь вѣковъ до Р. Х., что именно она была для ванскихъ царей ключемъ къ Эриванской равнинѣ, что здѣсь впервые сталъ твердою ногою первый изъ ванскихъ царей, проникшій въ долину Аракса, Менуа; владѣніе этимъ мѣстомъ обезпечило его преемникамъ, и въ особенности его ближайшему преемнику Аргишти I, покореніе всей Эриванской равнины и ближайшихъ къ ней высотъ Алагёза и Гокчи. Дальнѣйшія систематическія раскопки этихъ развалинъ навѣрное доставятъ вещественныя и болѣе документальныя данныя изъ этой эпохи, благодаря которымъ связь между надписями и сооруженіями прояснится еще болѣе.

НАДПИСЬ № I.

(табл. IV, I).

Bulletin de l'Academie Impériale de Sciences de S. Pétersbourg, T. VII, p. 275—281. —Mélanges Asiatique, T. V, p. 116.—*A. H. Sayce*, The cuneiform inscriptions of Van въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol. XIV, part 3—4. Vol. XX, part I, p. 11—13. —*A. D. Mordtmann*, Entzifferung und Erklärung der armenischen Keilinschriften von Van und der Umgegend въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, XXXI. 2, 3. 1887 г.—*М. В. Никольскій*, Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи Имп. М. Арх. О-ва», Т. I, вып. 3, стр. 417—422.—*Егоже* въ статьѣ: Клинообразная надпись Келаны-Кирланы, Археологическія Изв. и Зам., 1893, № 12, стр. 4.

Рамка надписи имѣетъ 1,14 метр. выс. и 1,16 метр. ширины. Разстояніе между линейками текста 4,5 сантим. Правая сторона надписи довольно хорошо сохранилась: площадь надписи по сіе время сохраняетъ гладкую поверхность и знаки надписи,—тамъ, гдѣ они сохранились въ полной цѣлости,—имѣютъ крайне отчетливую и красивую фигуру. Нельзя тогоже сказать о лѣвой сторонѣ надписи: нижнія строки еще могутъ быть вполнѣ ясно разбираемы, но чѣмъ выше, тѣмъ труднѣе разбирать текстъ, такъ какъ окаменѣвшій мохъ, которымъ онъ покрытъ, сгладилъ до неузнаваемости фигуры знаковъ. Я дѣлалъ попытки снять этотъ наростъ, но убѣдился въ томъ, что углубленія знаковъ надписи переѣдены неизвѣстнымъ мнѣ химическимъ процессомъ настолько, что возстановить ихъ первоначальную фигуру на камнѣ невозможно. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось снять съ этой надписи вполнѣ удовлетворительнаго эстампажа, не смотря на неоднократныя попытки; въ 1894 году А. А. Ивановскій возобновилъ попытку снятія надписи, но и ему это не удалось. Причина этого неуспѣха заключается въ томъ, что камень во время нашихъ работъ всегда находился въ раскаленномъ состояніи, и клей засыхалъ ранѣе, чѣмъ полотно могло быть набито на надпись. Этого не случалось въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ другія надписи были или гораздо меньше по величинѣ, или находились въ полосѣ не столь знойной, какъ долина Аракса, гдѣ жары лѣтомъ постоянно стоятъ на 40—50 градусахъ. Пришлось поэтому предпринять тщательное и продолжительное изслѣдованіе текста надписи на самомъ камнѣ и уже впослѣдствіи, по пріѣздѣ въ Москву, еще разъ провѣрить результаты изслѣдованія на камнѣ по эстампажу, правда неудовлетворительному, но сравнительно лучше другихъ удавшемуся, равно какъ по фотографіи, которая въ подобныхъ случаяхъ никогда не можетъ доставить такой услуги, какъ хорошій эстампажъ. Въ общемъ мнѣ удалось установить вполнѣ чтеніе надписи, за исключеніемъ строки 10, за нѣкоторые знаки которой я не могу вполнѣ ручаться, тѣмъ болѣе, что весь текстъ этой строки состоитъ изъ словъ совершенно неизвѣстныхъ и не можетъ подлежать контролю смысла. Въ остальныхъ случаяхъ я вполнѣ ручаюсь за всѣ многочисленныя поправки, которыя я внесъ въ прежде издававшійся текстъ надписи.

1. *(d.) Ḫal- di- ni uš- ta- bi ma- si- ni giš- šu- ri- e*
Халди я молился, властителю могущественному,

2. *ka- ru- ni (d.) E- ri- du- a- ḫi (d.)- ni- e ka- ru- ni*
который далъ страну Эридуахи, который далъ

3. *(d.) Lu- ḫi- u- ni- ni te- ḳu- ni (d.) Me- nu- a- ka- i*
городъ Лухіунини въ даръ Менуа.

4. *(d.) Ḫal- di ku- ru- ni (d.) Ḫal- di- ni giš- šu- ri- i*
Халди, подателю, Халди могущественному,

5. *ku- ru- ni (d.) Ḫal- di- ni- ni uš- ma- ši- ni uš- ta- bi*
подателю, Халдійцамъ милостивымъ я молился

6. *(d.) Me- nu- a- ni (d.) Iš- pu- u- i- ni- e- ḫi*
за Менуа, сына Ишпуини.

7. *u- lu- uš- ta- bi (d.) Ḫal- di- ni (d.) Me- nu- a- še*
Я приблизился съ дарами къ Халди. Менуа

8. *a- li- e nu- na- bi (d.) E- ri- du- a- ḫi (d.)- ni*
говоритъ: я пришелъ въ страну Эридуахи,

9. (d.) *Lu- ḫi- u- ni- ni (d.) -si a- li- u- i- e*
городъ Лухіунини, городъ царскій . . . .

10. *a- i- še a- i- ni- e- i ḳa- ab- ḳa- šu la- at- ni*
. . . .

11. *a- ru- ni (d.) Ḫal- di- i- še (d.) Me- nu- u- a*
привелъ Халди Менуа,

12. *(d.) Iš- pu- u- i- ni- ḫi- ni- e ḫa- u- bi*
сыну Ишпуини. Я завоевалъ

13. *(d.) Lu- ḫi- u- ni- ni 'a- al- du- bi*
городъ Лухіунини, я измѣнилъ

14. *(d.) Lu- ḫi- u- ni- ni me- e- ši- ni pi- i*
города Лухіунини его имя.

15. *(d.) Me- nu- a- še a- li- e a- lu- še i- ni*
Менуа говоритъ: кто эту

16. *tu- li- e a- lu- še pi- tu- li- e*
надпись удалитъ, кто изгладитъ имя,

17. *a- lu- še a- i- ni i- ni- li du- li- e*
кто землѣ ее предастъ,

18. *a- lu- še u- li- še ti- u- li- i- e*
кто другой присвоитъ:

19. *i- e- še (d.) Lu- ḫi- u- ni- ni ḫa- u- bi*
я городъ Лухіунини завоевалъ, —

20. *tu- ri- ni- ni (d.) Ḫal- di- še (d.) Teišba- še (d.) Ardini- še*
этого мужа Халди, Теишба, Ардини,

21. *- - e ma- a- ni ardi- ni pi- i- ni*
боги, его явно, имя

22. *me- i ar- ḫi- u- ru- li- a- ni me- i*
его, семейство его,

23. *i- na- a- i- ni me- i na- a- ra- a*
городъ его огню,

24. *a- u- i- e u- lu- li- e*
водѣ предадутъ!

Къ тексту:

Лин. 3 и 9. Имя города прежде читалось *Lu-nu-u-ni-ni*, но 2-й знакъ во всѣхъ случаяхъ не *nu*, а *ḫi*, т. е. *Luḫiunini*. — Въ 9-й л. въ словѣ *a-li-u-i-e* предпослѣднее *i* добавлено по оригиналу.

Лин. 10. Третій знакъ по всей вѣроятности *še*, за нимъ по разсчету мѣста и по оставшимся слѣдамъ, повидимому, должно быть *a*. Знакъ *šu* лишній; *la* и *at* довольно ясно.

Лин. 13—14. Поставлено *ḫi* вм. *nu* въ имени *Luḫiunini*.

Лин. 15—16. Всю строку 15-ю и первые три знака 16-ой только теперь мнѣ удалось возстановить вполнѣ правильно, благодаря исключительно внимательному анализу оставшихся слѣдовъ знаковъ на самомъ камнѣ (на фотографіи и на эстампажѣ они по прежнему остались не ясными), причемъ я вполнѣ ручаюсь за правильность чтенія. Такъ, въ лин. 15-ой вм. *u* надобно читать *a-še*. вм. *li* слѣдуетъ *še-i;* въ лин. 16-ой вм. *a-lu-še* слѣдуетъ читать - идеограмма, которая означаетъ *надпись* (ассир. *duppu*). Такимъ образомъ текстъ здѣсь совпадаетъ съ заключительными словами великой ванской надписи Аргишти (*Сэйсъ* № XLIV), равно какъ со всѣми другими, имѣющими туже формулу.

Лин. 19. Здѣсь опять *nu* замѣнено *ḫi*.

Кромѣ того въ 19 мѣстахъ (для краткости мы ихъ не приводимъ) знаки, которые прежде помѣщались въ скобкахъ, какъ утраченные на камнѣ и дополненные въ изданіяхъ текста, освобождены отъ скобокъ, такъ какъ ихъ нахожденіе въ подлинномъ текстѣ подтвердилось, если не во всей ясности, то по крайней мѣрѣ по несомнѣннымъ слѣдамъ.

Къ толкованію:

Лин. 3. Въ словѣ *Me-nu-a-ka-i* инфиксъ *ka* означаетъ не *племя*, какъ до сего времени переводили (т. е. *племени Менуа*), а предлогъ *предъ*, такъ какъ въ двуязычной надписи онъ переводится по ассирійски *ina pan*.—именно ванское: *Al-di-ka-(i)* по ассирійски передается *ina pan Ḫaldie*, т. е. *передъ Халди* (*Сэйсъ* LXXIX, 16 въ Journal of the Royal Asiatic Society, Oct. 1894). Такимъ толкованіемъ вставки *ka*, мнѣ кажется, подтверждается принятое значеніе слова *te-ku-ni* (въ другихъ надписяхъ *te-ku-a-li*) *даръ*, *подарокъ*, такъ какъ собственное имя, за нимъ стоящее (*Me-nu-a-ka-i*, *Ar-giš-ti-ka-i* и т. п.), надобно понимать въ дательномъ падежѣ. Что касается до чтенія перваго знака, то теперь не можетъ быть сомнѣнія, что *te* есть правильное чтеніе, а не *la*; всего яснѣе это можно видѣть на надписи Гулиджанской № VII, (см. табл. XVI и XVIII), лин. 3.

Лин. 6. Menuani Išpuiniеḫi. Въ статьѣ: *Клинообразныя надписи ванскихъ царей* мы указывали на невозможность переводить суффиксъ *ni* (въ *Menua-ni*) здѣсь и въ подобныхъ мѣстахъ въ значеніи принадлежности т. е. *Халдійцамъ*, *принадлежащимъ Менуа*, какъ переводитъ его *Сэйсъ* и вслѣдъ за нимъ другіе. Какъ на новое

доказательство этого, можетъ быть указано на употребленіе этой формы окончанія имени въ надписи Каракала, № XXIV, лин. 8, гдѣ форма *Argištini Menuaḫi* слѣдуетъ за именемъ того же Аргишти въ предшествующей 7-й линіи *(Argištiše aguni)*. Мы склоняемся къ тому предположенію, что окончаніе *ni* во всѣхъ подобныхъ случаяхъ надобно понимать въ томъ-же значеніи, въ какомъ въ словахъ *Ḫaldi-ni*, *Ḫaldini-ni*, которыя стоятъ обыкновенно выше имени того или другого царя въ той-же формѣ, т. е. въ значеніи окончанія дательнаго падежа. Здѣсь оно можетъ значить *для Менуа*, т. е. въ смыслѣ молитвенномъ: *за Менуа* (онъ молился), въ другихъ-же мѣстахъ можно понимать и въ смыслѣ посвященія, на подобіе посвященія богамъ, т. е. *ради Менуа* (*Аргишти* и т. п.), ради славы его имени, ради укрѣпленія его господства (онъ завоевалъ, соорудилъ или сдѣлалъ что-нибудь).

Лин. 8. Слово *nunabi* означаетъ не *я напалъ*, какъ переводилось ранѣе, а *я пришелъ*, что вполнѣ ясно изъ двуязычной надписи, см. *Сэйсъ* LXXIX, 26: *nunali* переведено по ассирійски *allikuni*.

Лин. 9—11. Во всей надписи это единственное мѣсто, смыслъ котораго установить весьма трудно. Судя по нахожденію словъ *ainiei* (если только наше чтеніе правильно) и *aruni* (л. 11), которыя въ другихъ мѣстахъ въ связи другъ съ другомъ употребляются для описанія проведенія каналовъ (см. надпись Каракала № XXII), можно заключить, что и здѣсь вѣроятно идетъ рѣчь о проведеніи канала или о регулированіи теченія какой-либо рѣки.

Лин. 15—24. Эта формула заклятія, послужившая къ дешифрированію ванскихъ надписей, болѣе другихъ текстовъ подвергалась анализу, причемъ аналогіи брались изъ текстовъ ассирійскихъ царей. Болѣе или менѣе установившееся толкованіе ея смысла въ значительной степени подтвердилось двуязычной надписью. Такъ слово *a-lu-še* по ассирійски передается *ša, который, кто; dulie* переведено *iddinu дастъ; pi* переведено *šum, имя; inani* пер. *ali города.*

НАДПИСЬ № II.

(Табл. V).

D. H. Müller въ Wiener-Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, I B. 3. Heft, 1887.—*A. H. Sayce* въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol XX, part I, № LXVI.— *М. В. Никольскій.* Клинообразныя надписи ванскихъ царей въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», Т. I., вып. 3, стр. 422—424.

Высота камня 42 сантим., ширина 60,7 сантим. Разстояніе между линіями текста 3,8 сант. Какъ большая часть архитектурныхъ камней, онъ имѣетъ продолговатую форму, такъ что его длина болѣе его высоты, строки надписи идутъ по длинѣ камня. Площадь надписи сильно повреждена, особенно съ лѣвой стороны, гдѣ отбиты оба угла и середина, на правой же сторонѣ поврежденъ верхній уголъ. Кромѣ того находится выбоина, довольно глубокая, въ срединѣ 7—9 строкъ, въ выс. 10,5 сант., шир. 12 сант. Послѣдняя 11-я строка почти вся повреждена.

О томъ, что надпись эта не представляетъ цѣльнаго текста, а только его начало, продолженіе же должно находиться на другомъ камнѣ, мы говорили на стран. 17—18. Кромѣ эстампажа нами снята и фотографія съ этого камня, но послѣдняя уступаетъ эстампажу по своей ясности.

1. *(d.) Ḫal- di- ni- ni uš- ma- ši- ni*
Халдійцамъ милостивымъ

2. *i- u- (d.) Me- nu- a- še (d.) Ir- ku- a- i*
Менуа Иркуаи(ни) (землю)

3. *i- u (d.) Lu- ḫi- u- ni- ni (d.) - ni*
городъ страны Лухіунини

4. *. . ir- ḫi- ni i- ni e- si*
этотъ

5. *(d.) Me- nu- a- še e- ši- ni- ni ab- ni*
Менуа

6. *ši- di- iš- tu- a- li (d.) Ḫal- di- ni- li- (d.)*
по возстановленіи воротъ Халдинили

7. *ba- du- si- i- e*
дворецъ разрушенный

8. *(d.) Me- i- nu- u- a- še a- li*
Менуа говоритъ:

9. *e ḫal al . . . . a- ni*

10. *ḫi- iš- tu- u- bi te- ru- bi*
возстановилъ (?), построилъ.

11. *Me- nu- u- a- še Iš- pu- i- ni-*
Менуа, (сынъ) Ишпуини

Къ тексту:

Лин. 1. Знакъ вполнѣ ясенъ весь. Предполагаемаго (по прежнему изданію) слова *a-li-e* не могло быть, такъ какъ для него не остается мѣста.

Лин. 2. Точно также для добавленія въ словѣ *Ir-ku-a-* трехъ послѣднихъ знаковъ мѣста нѣтъ. Они могли помѣщаться только на другомъ камнѣ. Здѣсь возможны всякія предположенія.

Лин. 3. Вмѣсто *Lu-ḫi-u-ni-ni-* надобно читать *Lu-ḫi-u-ni-ni-*

Лин. 4. Вмѣсто слѣдуетъ . Знакъ ясенъ весь; оканчиваетъ линію.

Лин. 5. Вм. вполнѣ ясно . Вмѣсто слѣдуетъ ; оканчиваетъ линію.

Лин. 7. Знакъ приходится весь на выбоину. Знакомъ линія оканчивается.

Лин. 8. Знака совсѣмъ нѣтъ; оканчиваетъ строку.

Лин. 9. Передъ долженъ былъ стоять еще одинъ знакъ. Знакъ оканчиваетъ линію. Выбоина приходится почти на половинѣ.

Лин. 10. Передъ долженъ былъ стоять еще знакъ.

Лин. 11. На этой строкѣ только предпослѣдній знакъ вполнѣ ясенъ; отъ знака видны только два верхнихъ зубца. Чтеніе во всякомъ случаѣ сомнительное.

НАДПИСЬ № III.

М. В. Никольскій. Клинообразныя надписи ванскихъ царей въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи» Т. I, вып. 3, стр. 424—426.—*A. H. Sayce.* The cuneiform inscriptions of Van въ Journal of the Royal Asiatic Society, October, 1894 № LXXXI.

Надпись эта не была розыскана нами во время экспедиціи. Объ обстоятельствахъ ея нахожденія см. въ вышепоименованной моей статьѣ. Мѣстные жители давали противорѣчивыя показанія относительно ея мѣстонахожденія: священникъ и старшина Ташбуруна утверждали, что она найдена въ горахъ, гдѣ и оставалась, пока не была украдена курдами; другіе увѣряли, что камень этотъ былъ привезенъ въ Ташбурунъ и теперь находится въ немъ, причемъ намъ былъ показанъ камень и мѣсто надписи на немъ, но мы не усмотрѣли въ немъ въ дѣйствительности никакихъ слѣдовъ надписи. Вообще исчезновеніе камня весьма загадочно.

1.	[cuneiform]	[cuneiform]	[cuneiform]	[cuneiform]	[cuneiform]	[cuneiform]	[cuneiform]	[cuneiform]
	(d.)	*Ḫal-*	*di-*	*e*	*e-*	*u-*	*ri-*	*e*
	(Богу)		Халди,			господину		
2.	[cuneiform]	[cuneiform]	[cuneiform]	[cuneiform]	[cuneiform]	[cuneiform]	[cuneiform]	[cuneiform]
	i-	*ni*		*ba-*	*du-*	*u-*	*si-*	*e*
	этотъ		домъ			разрушенный		

3. [cuneiform]
(d.) Me- nu- a- še (d.) Iš- pu- u- ni- ḫi- ni- še
Менуа, сынъ Ишпуини.

4. [cuneiform]
ši- di- iš-· tu- ni
возстановилъ, дворецъ

5. [cuneiform]
ši- di- iš- tu- ni ba- du- u- si- e
возстановилъ разрушенный,

6. [cuneiform]
te- ru- ni (d.) Me- nu- a- ḫi- ni- li
построилъ, мѣстопребываніемъ Менуа

7. [cuneiform]
ti- i- ni (d.) Ḫal- di- ni- ni
назвалъ,— (бож.) Халдиніямъ

8. [cuneiform]
al- su- ši- i- ni (d.) Me- nu- a- ni
великимъ, Менуа,

9. [cuneiform]
(d.) Iš- pu- u- i- ni- ḫi- ni
сыну Ишпуини,

10. [cuneiform]
(d.) Bi- a- na- e
царю могущественному царю (страны) Біайна (Вана),

11. [cuneiform]
a- lu- si (d.) Ṭu- uš- pa- e (d.)
живущему въ городѣ Тушпа.

Къ тексту:

Начало и конецъ всѣхъ строкъ надписи отбиты, равно также отбита вся 11-ая строка. Реставрація текста въ цѣломъ видѣ принадлежитъ мнѣ; проф. *Сэйсъ* принялъ ее безъ всякой перемѣны въ своемъ изданіи, подкрѣпивъ ссылкою на мое изданіе (см. вышецитованную статью *Сэйса*).

II.

АРМАВИРЪ.

(Argištiḫinili).

Названіе Армавира и воспоминанія, съ нимъ соединенныя, до сего времени считались чисто армянскими. По свидѣтельству Моисея Хоренскаго (1, 12) онъ построенъ внукомъ Хайка, родоначальника Арменіи, Армаисомъ, сыномъ Арменака, и названъ по имени основателя. «Армаисъ, говоритъ Моисей Хоренскій, строилъ себѣ жилище на бугрѣ (возвышающемся) на берегу рѣки, и по имени своему называетъ его Армавиромъ, а рѣкѣ даетъ названіе Ерасхъ, по имени внука своего Араста» [1]. Такимъ образомъ основаніе Армавира по армянскимъ преданіямъ предшествовало сказочной Семирамидѣ, ассирійской царицѣ, и случилось не ранѣе, какъ за 2000 лѣтъ до Р. Х. Чисто легендарный характеръ сказанія о происхожденіи этого города говоритъ за то, что дѣйствительная исторія его происхожденія была совершенно забыта во времена Моисея Хоренскаго, равно какъ не ясною являлась и самая этимологія слова. Всего вѣроятнѣе имя Армаиса получило начало отъ Армавира, а не наоборотъ. Первое, дѣйствительно историческое, свѣдѣніе объ Армавирѣ, какъ столицѣ Арменіи, мы встрѣчаемъ у того-же Моисея Хоренскаго уже изъ времени послѣ Р. Х., именно въ 79 году царь Ерuандъ перенесъ свою столицу изъ Армавира въ Эруандашатъ при впаденіи Арпачая въ Араксъ, и съ этого времени начинается паденіе города (II, 39). Все, что можно было перенести изъ Армавира, было перенесено въ новую столицу Эруандашатъ, кромѣ идоловъ, которые были перенесены въ другой, спеціально для сего построенный, городъ Базаранъ, неподалеку отъ перваго (40). Преемникъ Эруанда Арташесъ строитъ новую столицу Арташатъ при сліяніи Аракса съ Мецаморомъ и въ свою очередь переноситъ изъ Эруандашата всѣ вещи, взятыя изъ Армавира. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ Моисей Хоренскій упоминаетъ только однажды объ Армавирѣ, что именно Аршакъ (V в.) пригласилъ «въ покинутый свой дворецъ въ Армавирѣ» своихъ сродниковъ, что бы умертвить (III, 31.).

Такимъ образомъ болѣе или менѣе историческія свѣдѣнія объ Армавирѣ, какъ столицѣ Арменіи, относятся къ тому времени, когда онъ былъ уже покинутъ и потерялъ значеніе въ политическомъ отношеніи, начиная со второй половины I вѣка христіанской эры. Чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности въ болѣе

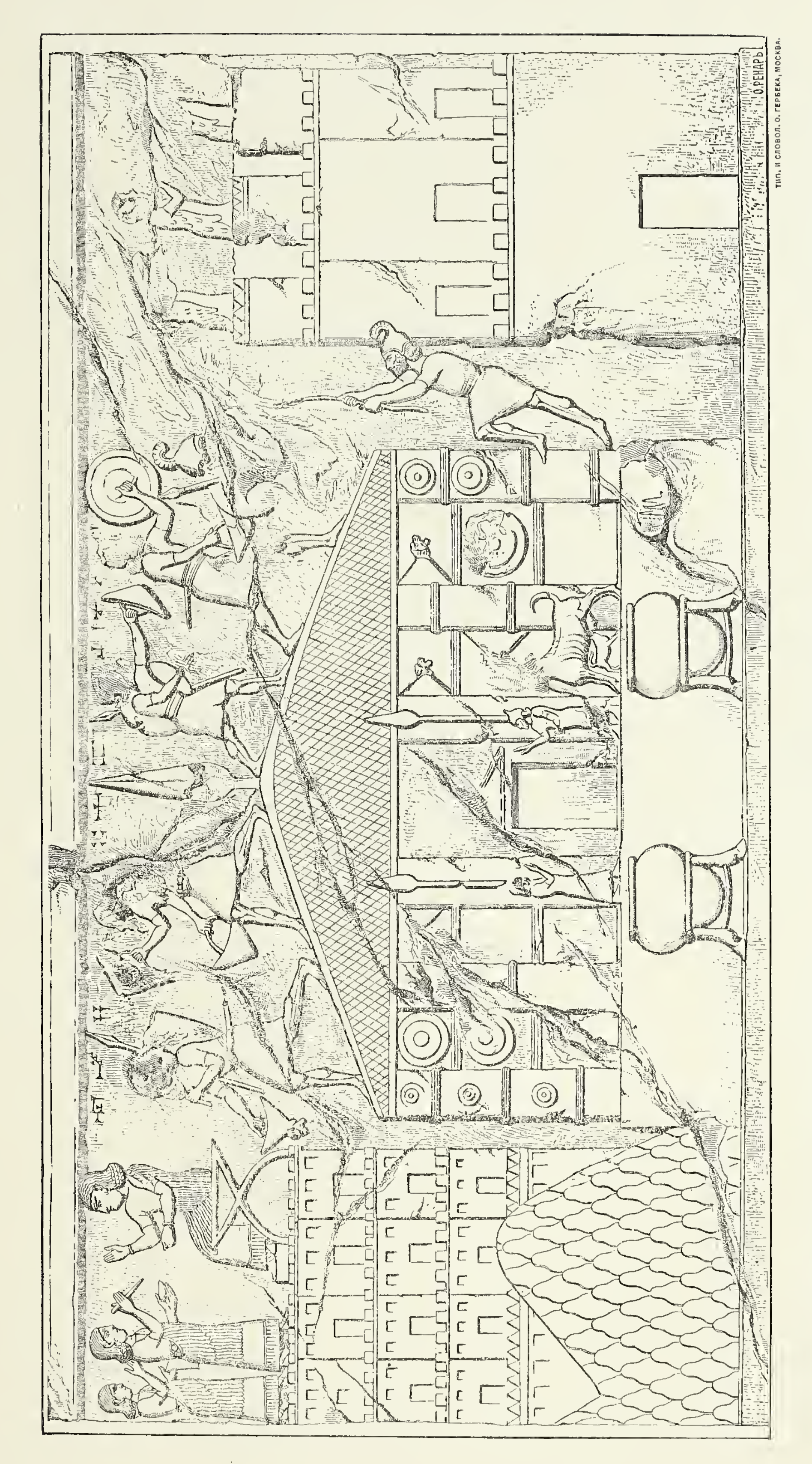
---

[1] Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго *Н. О. Эмина*. 1893. Стран. 21.

раннее время, мы въ точности не знаемъ, но самое существованіе его въ эту болѣе раннюю эпоху не можетъ подлежать сомнѣнію; за это говоритъ не одинъ только легендарный блескъ, съ какимъ является этотъ городъ въ позднѣйшихъ армянскихъ преданіяхъ, но и прямыя историческія указанія. Такъ, Птоломей въ своей географіи упоминаетъ городъ *Armauria*, находящійся въ центральной части Арменіи (Geogr. lib. V, cap. 13). Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ Armauria тожественъ съ нашимъ Армавиромъ. Отсюда весьма возможно, что и сказаніе Моисея Хоренскаго о посѣщеніи Армавира Аршакомъ VI, Митридатомъ I, парѳянскимъ царемъ (160—136 до Р. Х.), основывается на историческомъ преданіи. Здѣсь, въ центрѣ Арменіи, онъ собираетъ всю страну и предпринимаетъ походъ къ сѣверозападу до самого Понта (II 4). Его братъ, Вагаршакъ, назначенный имъ въ правители Арменіи и родоначальникъ особой парѳянской династіи въ Арменіи, строитъ въ Армавирѣ храмъ, въ которомъ ставитъ изображенія солнца, луны и своихъ предковъ (II, 9). Однако же пребываніе парѳянскихъ царей, управлявшихъ Арменіей, было не въ Армавирѣ а гораздо южнѣе въ *Мецбинь (Нисибинъ)* (II, 6.). Когда Армавиръ сдѣлался въ собственномъ смыслѣ столицею Арменіи, мы не знаемъ, но вѣроятно еще при предшественникахъ Еруанда, перенесшаго ее снова въ другое мѣсто.

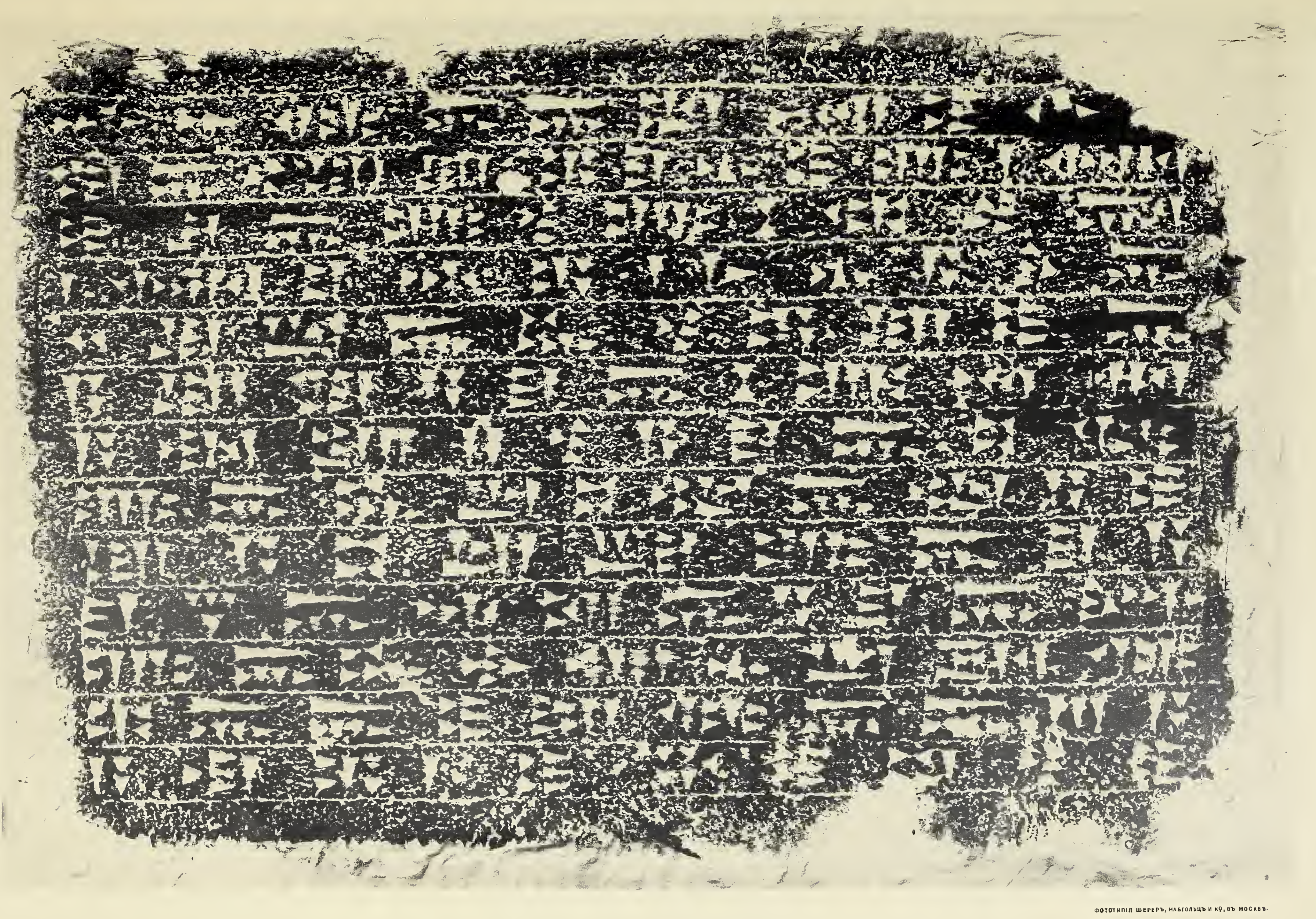
Не зная источниковъ, изъ которыхъ Моисей Хоренскій заимствовалъ свои свѣдѣнія объ исторіи Арменіи древнѣйшаго дохристіанскаго періода, и не имѣя возможности ихъ провѣрить, мы не можемъ ручаться за достовѣрность всѣхъ передаваемыхъ имъ фактовъ, но считаемъ вполнѣ вѣроятнымъ, что, согласно этимъ свѣдѣніямъ, въ столѣтія, предшествовавшія христіанской эпохѣ, Армавиръ не былъ столицей Арменіи, такъ какъ цари парѳянской династіи (аршакиды), управлявшіе Арменіей, жили въ другой столицѣ, именно въ *Нисибинь (Мецбинъ)*, въ сѣверной Месопотаміи. Да и невѣроятно, чтобы Армавиръ могъ быть столицей парѳянской династіи въ раннее время, такъ какъ онъ былъ слишкомъ отдаленъ отъ центра парѳянскаго господства, чтобы въ эту эпоху парѳянская династія могла въ немъ утвердиться. Только, очевидно, незадолго до Эруанда онъ сдѣлался мѣстопребываніемъ царствовавшей династіи, въ собственномъ смыслѣ столицею.

Чѣмъ-же въ такомъ случаѣ объяснить тотъ ореолъ, какимъ армянское преданіе окружаетъ Армавиръ, считая его древнѣйшей столицей Арменіи, основанной еще за 2000 лѣтъ до Р. Х.? Если принять во вниманіе, что иранское племя армянъ не могло явиться на берега Евфрата ранѣе VII в. до Р. Х., и послѣ своего появленія не могло скоро утвердиться въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ, какъ долина Аракса, тѣмъ менѣе создать тамъ національную династію ранѣе парѳянской, навязанной ей Аршакадами, то весьма легко придти къ заключенію, что преданія о древности Армавира и его высокомъ значеніи въ архаическую эпоху Арменіи коренятся въ воспоминаніяхъ, оставшихся изъ того періода исторіи этой страны, когда она заселена была урартскимъ племенемъ, главный политическій центръ котораго былъ городъ Тушпа (Ванъ), а мѣстнымъ центромъ былъ Армавиръ. Сдѣлавшись обладателями Араратской области, они восприняли, подъ влія-

УРАРТСКІЯ ПОСТРОЙКИ НА БАРЕЛЬЕФАХЪ САРГОНА ВЪ ХОРСАБАДѢ.

(*Botta*. Le monument de Ninive, II. pl. 141).

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, ВЪ МОСКВѢ.

НАДПИСЬ № X АРМАВИРСКАЯ.

ніемъ иранскихъ повелителей, имъ родственныхъ по племени, совершенно другую культуру, и, изгладивъ воспоминаніе о своихъ предшественникахъ на завоеванной территоріи и о своемъ сравнительно позднемъ ея занятіи, сочли себя аборигенами страны, приписали своимъ миѳическимъ царямъ основаніе городовъ, имя завоеванныхъ, и объясняли на своемъ языкѣ потерянный смыслъ ихъ названій.

Гдѣ бы ни находились развалины Армавира, искать въ нихъ остатковъ древней столицы Арменіи, основанной за 2000 лѣтъ до Р. Х., ни въ какомъ случаѣ нельзя. Въ армянскій періодъ исторіи этой мѣстности Армавиръ никогда не былъ самымъ выдающимся центромъ политической жизни; онъ не былъ важнѣе Еруандашата, а тѣмъ менѣе Арташата, Гарни или Ани. Такъ какъ онъ былъ, по всей вѣроятности, недолго столицей до Еруанда, то и не могъ имѣть значительнаго блеска, затѣмъ онъ ранѣе другихъ подвергся разоренію и забвенію. Только благодаря преданіямъ, записаннымъ Моисеемъ Хоренскимъ, онъ затмилъ собою въ памяти народной всѣ другіе города Арменіи. Но эти преданія, какъ мы сказали, суть только отголоски *до-армянскаго періода Урарту*.

Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что, несмотря на отсутствіе сколько-нибудь внушительныхъ памятниковъ отъ Армавира, воспоминаніе объ Армавирѣ пріурочивалось къ извѣстному мѣсту, которое не имѣетъ по сіе время другого имени, какъ «Армавиръ». Это небольшой, продолговатый, возвышающійся на 300 футовъ, холмъ на западной сторонѣ селеній Тапа-диби и Курдукули, въ 25 верстахъ отъ Эчміадзина на юговостокъ и въ 4-хъ верстахъ къ сѣверу отъ рѣки Аракса. Отожествленіе этой мѣстности съ Армавиромъ основывается, впрочемъ, не на какихъ-либо точныхъ географическихъ и историческихъ документахъ, а исключительно на народномъ преданіи, распространенномъ у жителей всей долины Аракса. Въ этомъ мнѣ пришлось лично убѣдиться. Самый холмъ у всѣхъ мѣстныхъ жителей не имѣетъ другого названія, какъ «Армавиръ», а обѣ деревни, около которыхъ онъ находится, Тапа-диби и Курдукули, считаются мѣстоположеніемъ города, замокъ котораго высился на холмѣ. Это убѣжденіе настолько укоренилось въ сознаніи жителей этихъ деревень, что иногда даже въ просторѣчіи они прямо называютъ себя жителями «Армавира». Этимъ объясняется тотъ фактъ, на который обратилъ вниманіе графъ А. С. Уваровъ, что во всѣхъ новѣйшихъ картахъ и географическихъ изданіяхъ Армавиръ всегда пріурочивается къ этому мѣсту. Неудивительно поэтому, что и изслѣдователи, какъ напр. Dubois de Montpéreux, такъ легко опредѣляли его положеніе[1]). Само по себѣ положеніе Армавирскаго холма слишкомъ замѣтное и располагаетъ думать, что въ древности здѣсь могъ быть важный политическій и культурный центръ. Онъ лежитъ почти въ самомъ центрѣ равнины, образуемой склонами Алагёза и Арарата съ сѣвера и юга, и горами Высокой Арменіи и Гокчи съ запада и востока. Видъ на него открывается издалека; по выѣздѣ изъ Эчміадзина, отъ котораго онъ находится на разстояніи 25 верстъ, мы замѣтили его почти тотчасъ-же. Точно также онъ

[1]) Voyage autour du Caucase, III, p. 118.

видѣнъ съ праваго берега Аракса, почти съ самыхъ окраинъ долины. Взобравшись на вершину холма, зритель чувствуетъ, что онъ находится въ центрѣ этой огромной равнины, запертой со всѣхъ сторонъ горами, по отношенію къ которой этотъ холмъ занимаетъ господствующее положеніе. Несмотря на низкій уровень культуры страны въ нынѣшнее время, мѣстность, окружающая холмъ, производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Знойная долина Аракса, которая въ большей части представляетъ голую пустыню, выжженную солнцемъ, накаленную его лучами настолько, что едва можно понять, какъ могутъ ее населять живыя существа, здѣсь, съ вершины холма, показалась намъ роскошнымъ садомъ,— кругомъ селенія, утопавшія въ зелени парковъ и садовъ, по сторонамъ величественно возвышались Араратъ и Алагёзъ. Все это было залито лучами южнаго солнца, зеленѣло, блестѣло и радовало созерцателя. Въ древности видъ страны былъ несравненно величественнѣе. Араксъ, который течетъ теперь въ 4-хъ верстахъ отъ Армавира, когда-то протекалъ у самого подножія холма, такъ что теперь можно видѣть его сухое русло. Культура была также выше нынѣшней, Сардарабадской пустыни, примыкающей теперь къ Армавиру, навѣрное не было, рѣки были многоводнѣе, сѣть каналовъ обширнѣе, орошеніе обильнѣе, растительность пышнѣе и населеніе многочисленнѣе. При видѣ всего этого и стоя на развалинахъ стѣнъ замка на холмѣ, невольно думаешь, что это мѣсто создано самою природою для того, чтобы служить важнымъ политическимъ и культурнымъ центромъ.

Сдѣланныя въ 1869 году первыя находки клинообразныхъ надписей въ Армавирѣ обратили на себя особое вниманіе ученыхъ. Армянскіе ученые надѣялись найти въ нихъ подтвержденіе сказаній Моисея Хоренскаго о древности Армавира, объ его основаніи за 2000 лѣтъ до Р. Х., а въ языкѣ этихъ надписей— архаическій языкъ своего племени. Въ началѣ 1880 года въ Московскомъ Предварительномъ Комитетѣ V Археологическаго Съѣзда, который долженъ былъ собраться въ 1881 году въ Тифлисѣ, рѣшено было, по предложенію покойнаго Н. О. Эмина, произвести раскопки на мѣстѣ предполагаемаго Армавира. Раскопки произведены были въ октябрѣ того-же года графомъ А. С. и графиней П. С. Уваровыми; весьма обстоятельный отчетъ объ нихъ былъ помѣщенъ графомъ въ Трудахъ того-же Съѣзда съ приложеніемъ карты мѣстности (стран. 439—449. *Изслѣдованіе мѣстности, на которой предполагались развалины Армавира*). Какъ самый холмъ, такъ и окружающая мѣстность и сосѣдніе холмы, равно какъ могильники на востокѣ отъ холма, были разрыты самымъ тщательнымъ образомъ и во многихъ мѣстахъ, причемъ вездѣ дорывались до грунта; раскопки ведены были сподрядъ семь дней и однакоже привели изслѣдователей къ отрицательному результату. Какъ постройки, такъ и вещи изъ могильниковъ, по тщательному изслѣдованію гр. Уварова, восходятъ къ IV в. послѣ Р. Х. и слѣдовательно ничего общаго съ такимъ предполагаемымъ древнимъ городомъ, какъ Армавиръ, не имѣютъ. Найденные же до раскопокъ и послѣ нихъ камни съ клинообразными надписями, по мнѣнію графа, служили только строительнымъ матеріаломъ для позднѣйшихъ построекъ и принесены были изъ другого мѣста, хотя, можетъ быть, и близкаго отъ холма.

Выводъ графа Уварова, въ свое время не лишенный фактическихъ основаній, въ настоящее время, когда имѣются новыя данныя, добытыя наукою, требуетъ значительнаго исправленія. Онъ искалъ не историческаго Армавира, который упоминается въ вѣка христіанской эры, а того миѳическаго, который фигурируетъ въ первыхъ главахъ исторіи Моисея Хоренскаго. Если легенды объ Армавирѣ, находящіяся у Хоренскаго, не подтвердились *по ихъ буквальному смыслу* раскопками графа А. С. Уварова, то слѣдуетъ всетаки признать, что произведенныя имъ раскопки съ достаточною ясностію подтвердили тѣ *дѣйствительно историческія данныя*, которыя имѣются объ этомъ городѣ какъ у Моисея Хоренскаго, такъ и въ клинообразныхъ надписяхъ. Вполнѣ ясно изъ Моисея Хоренскаго, что въ армянскій періодъ исторіи Арменіи, въ столѣтія, предшествующія христіанской эпохѣ, Армавиръ игралъ второстепенную роль и только въ I вѣкѣ христіанской эры получилъ значеніе столицы, но затѣмъ скоро былъ оставленъ и разоренъ. Понятно, что здѣсь мы и не должны искать древнихъ остатковъ армянскаго происхожденія болѣе обширныхъ по своему размѣру, чѣмъ тѣ, которые находятся въ Арташатѣ, Гарни и въ другихъ болѣе древнихъ городахъ Арменіи; вмѣсто огромной столицы, предполагавшейся на основаніи легенды у Моисея Хоренскаго, графъ А. С. Уваровъ нашелъ остатки небольшой крѣпости, представляющей, по его мнѣнію, много общаго съ чисто армянскими постройками IV в. послѣ Р. Х. Таковымъ и долженъ былъ быть Армавиръ христіанской эпохи. Но то общее, что имѣютъ его постройки съ Арташатомъ, Гарни и др., ограничивается только матеріаломъ построекъ и обдѣлкою камней, въ чемъ мы не можемъ видѣть характеристическихъ признаковъ *чисто* армянскихъ построекъ. Армянскіе цари могли въ христіанскую эпоху воспользоваться старинными постройками предшествующей эпохи и приспособить ихъ для своей резиденціи. Самый холмъ былъ вполнѣ достаточенъ для того, чтобы на немъ помѣстилась цитадель, быть можетъ притомъ небольшой храмъ, а городъ былъ расположенъ въ равнинѣ вокругъ холма, причемъ остатки его не могли уцѣлѣть въ той мѣстности, гдѣ камень употребляется, какъ строительный матеріалъ, и гдѣ большая часть построекъ въ древности, какъ и теперь, вѣроятно возводилась изъ глины. Раскопки могильниковъ еще болѣе доставили данныхъ, ожидаемыхъ отъ дѣйствительнаго Армавира: вещи, добытыя изъ могильниковъ, относятся къ первымъ вѣкамъ христіанской эры, т. е. ко времени процвѣтанія Армавира въ армянскій періодъ. Итакъ, по нашему мнѣнію, графъ А. С. Уваровъ своими изслѣдованіями нашелъ именно то, что и требовалось доказать, т. е. дѣйствительный армянскій Армавиръ христіанской эпохи, но если онъ искалъ слѣдовъ громадной столицы, основанной за 2000 лѣтъ до Р. Х., служившей въ теченіе тысячелѣтій мѣстопребываніемъ царей Арменіи, гдѣ памятники прошлаго должны быть и древнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, если, однимъ словомъ, онъ искалъ миѳическаго Армавира, то ничего нѣтъ удивительнаго, что изслѣдованія не подтвердили столь преувеличенныхъ ожиданій.

Однакоже первымъ изслѣдователямъ Армавира нельзя было и не послѣдовать указаніямъ легенды, такъ какъ она пріурочивалась издавна къ извѣстному мѣсту.

а сдѣланныя въ немъ открытія древнихъ надписей на неизвѣстномъ дотолѣ языкѣ клинообразными письменами невольно заставляли ставить ихъ въ связь съ легендою и въ текстахъ этихъ надписей искать примитивный языкъ Арменіи за 2000 лѣтъ до Р. Х. Въ настоящее время дѣйствительно оказывается, что въ основѣ этой легенды лежитъ твердая историческая подкладка, неясное воспоминаніе о до-армянскомъ періодѣ исторіи этой мѣстности, и только недостатокъ данныхъ, находившихся въ то время въ распоряженіи перваго изслѣдователя Армавира, графа А. С. Уварова, не далъ ему возможности сдѣлать заключенія объ его дѣйствительномъ прошломъ за долго до Р. Х. На мѣстѣ нынѣшняго армавирскаго холма и въ его ближайшемъ сосѣдствѣ въ продолженіи послѣднихъ 33 лѣтъ было найдено 12 клинообразныхъ надписей, принадлежащихъ ванскимъ царямъ VIII и VII в. до Р. Х., Аргишти I, Сардури II и Русѣ II. Въ то время, когда графъ А. С. Уваровъ производилъ свои раскопки, имѣлись на лицо всего 3 надписи, текстъ ихъ еще не былъ дешифрированъ, и онъ выражалъ предположеніе, что камни съ этими надписями въ качествѣ строительнаго матеріала были перенесены изъ другого мѣста, и что, слѣдовательно, слѣды Армавира надобно искать также въ другомъ мѣстѣ. Теперь не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что 11 изъ 12 камней происходятъ отъ построекъ въ Армавирѣ или имѣютъ тѣсную связь съ этими постройками, одного матеріала и одной обработки съ другими, находящимися на армавирскомъ холмѣ камнями, и повѣствуютъ о сооруженіи города, дворцовъ, храмовъ, каналовъ въ одномъ мѣстѣ. Это мѣсто называется въ нихъ *Argištiḫinili*, т. е. мѣстопребываніе Аргишти; что же касается самого названія Армавиръ, то оно есть, вѣроятно, арменизованная форма однаго старшаго урартскаго названія, находящагося въ ассирійскихъ надписяхъ (о чемъ см. ниже). Сравнительно большее число найденныхъ около армавирскаго холма надписей и открывшаяся возможность ознакомиться съ ихъ содержаніемъ и соединить ихъ въ этомъ отношеніи въ одну группу даетъ намъ возможность смотрѣть и на происхожденіе построекъ Армавира и на его историческое значеніе иначе, чѣмъ смотрѣли на него первые его изслѣдователи. Въ настоящее время въ тѣхъ самыхъ памятникахъ, которые были обнаружены и описаны граф. А. С. Уваровымъ, мы можемъ усматривать прямыя указанія на урартскую эпоху. Здѣсь мы коснемся только архитектурныхъ построекъ, такъ какъ позднее происхожденіе разрытыхъ имъ могильниковъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Графъ А. С. Уваровъ относитъ архитектурныя постройки къ IV в. послѣ Р. Х. и не находитъ рѣшительнаго ничего такого, что бы указывало на болѣе древнее ихъ происхожденіе. Но здѣсь прежде всего отмѣтимъ, что въ постройкахъ Армавира мы не встрѣчаемъ вполнѣ выраженныхъ формъ позднѣйшаго греко-римскаго стиля, какъ на памятникахъ Гарни, съ которыми онъ ихъ сопоставляетъ: здѣсь нѣтъ ни стѣнъ, ни фасадовъ, ни колоннъ, а имѣется только фундаментъ зданія, не дающій возможности составить себѣ вполнѣ опредѣленнаго понятія о самомъ стилѣ постройки. Далѣе, изъ сравненія матеріала и отдѣлки камней, имѣющихъ клинообразныя надписи, съ остальными камнями построекъ, я пришелъ къ заключенію, что то и другое

рѣшительно одинаковы. Особенно важно здѣсь отмѣтить то обстоятельство, что камни съ надписями были обдѣлываемы въ ту характеристическую кубическую форму, какую имѣютъ всѣ архитектурные камни Армавира, еще до высѣканія на нихъ надписей. Отдѣлка камней въ четыреугольныя плиты съ возвышеніемъ на лицевой сторонѣ въ родѣ *bossage*'а съ полоскою вдоль краевъ камня была характеристическою особенностію не армянскаго искусства IV в. послѣ Р. Х., какъ думаетъ гр. Уваровъ, а скорѣе урартскаго IX и VIII в. до Р. Х. Это вполнѣ очевидно на Сардарабадскомъ камнѣ; достаточно взглянуть на него, чтобы убѣдиться, что обдѣлка его въ обычную форму, съ полоской по краямъ и возвышеніемъ по срединѣ, гдѣ текстъ надписи, предшествовало гравировкѣ надписи (см. табл. X). Отмѣченная граф. А. С. Уваровымъ другая особенность обдѣлки армавирскихъ камней, именно довольно глубокія круглыя выбоины на одной изъ боковыхъ сторонъ камней, опять служитъ къ характеристикѣ не армянской, а урартской архитектуры. Мы уже замѣтили, что ташбурунскій камень № II имѣетъ съ одного бока такую-же выбоину, какую мы находили во многихъ камняхъ безъ надписи, валяющихся на армавирскомъ холмѣ. Такъ какъ камни съ надписями, безъ всякаго сомнѣнія, вдѣлывались въ стѣны, то и они для скрѣпленія иногда получали это своеобразное углубленіе. Подобные же камни, безъ надписей, мы встрѣчали и въ развалинахъ около Ташбуруна, какъ я говорилъ выше.

Гр. А. С. Уваровъ указываетъ, кромѣ того, на способъ кладки стѣнъ тесаными камнями съ наружной и внутренней сторонъ и малыми необдѣланными валунами внутри и находитъ въ этомъ признаки построекъ IV в. послѣ Р. Х. Но эти признаки не говорятъ за эпоху, это могло повторяться во всѣ эпохи по физической необходимости. Мы знаемъ, что и вавилоняне въ древнѣйшія эпохи выкладывали стѣны съ наружныхъ сторонъ обожженными кирпичами, а внутри клали массы необожженаго. Отмѣтимъ здѣсь и то обстоятельство, что башня Армавира имѣетъ четыреугольную форму, между тѣмъ башни позднѣйшаго армянскаго происхожденія имѣютъ обыкновенно круглую форму. Четыреугольную форму построекъ, притомъ съ фронтонами и колоннами въ родѣ греческихъ, мы находимъ у урартцевъ по ассирійскимъ барельефамъ, именно на одномъ барельефѣ Хорсабада, изображающемъ взятіе и разграбленіе урартскаго храма бога Халди въ городѣ Мусасирѣ, мы видимъ урартскія постройки съ указанными особенностями. На фасадѣ храма можно видѣть и нѣчто въ родѣ *bossage*'а (см. табл. VI).

Итакъ, строительный матеріалъ, обдѣлка камней и форма построекъ въ Армавирѣ рѣшительно говоритъ за урартское ихъ происхожденіе. Понятно само собою, что древнія основанія зданій могли быть утилизованы для позднѣйшихъ построекъ, самый древній стиль могъ держаться въ теченіе вѣковъ и остаться до поздней эпохи, но признать въ постройкахъ Армавира явные и неотразимые признаки позднѣйшаго армянскаго происхожденія, какъ напр. въ памятникахъ Гарни, рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній. Если присоединить къ этому то обстоятельство, что на этомъ же мѣстѣ найдено столь большое число надписей, цѣлая половина всего числа найденныхъ въ Закавказьѣ, что содержаніе ихъ указы-

ваетъ на одну и туже мѣстность, то устраняются всѣ сомнѣнія и всѣ препятствія къ признанію того, что нынѣшній армавирскій холмъ былъ обстроенъ и имѣлъ важное политическое значеніе и продолжительную исторію въ урартскій періодъ исторіи Закавказья, что *Argištiḫinili* клинообразныхъ надписей и *Армавиръ* легенды Моисея Хоренскаго вполнѣ тожественны.

Названіе *Argištiḫinili* «городъ Аргишти» показываетъ, что онъ построенъ былъ ванскимъ царемъ Аргишти, царствовавшимъ въ половинѣ VIII в. до Р. Х. Однакоже первое основаніе его едва-ли принадлежитъ Аргишти. Въ Сардарабадской надписи, гдѣ Аргишти повѣствуетъ о построеніи этого города, говорится о возстановленіи разрушеннаго дворца, что свидѣтельствуетъ, что городъ въ качествѣ царской резиденціи существовалъ еще до него, но пришелъ въ упадокъ. Аргишти его возстановляетъ и называетъ его своимъ именемъ. Въ надписяхъ предшествующихъ царей Вана мы нигдѣ не встрѣчаемъ упоминанія объ этомъ городѣ: предшественникъ Аргишти, его отецъ Менуа, не оставилъ въ Армавирѣ ни одной надписи, и его владѣнія вѣроятно ограничивались правымъ берегомъ Аракса въ Эриванской равнинѣ. На лѣвый берегъ онъ не проникалъ. Весьма возможно, что Армавиръ, какъ городъ, какъ столица, былъ мѣстопребываніемъ какого-либо мѣстнаго властителя не изъ династіи Вана (Тушпа), и его дѣйствительная исторія древнѣе ванскихъ завоеваній въ долинѣ Аракса. Мы знаемъ изъ надписей Салманассара II, царя ассирійскаго (860—825), что на Араксѣ было могущественное царство Урарту подъ управленіемъ геройскаго царя *Араме;* среди городовъ этого царства упоминается *Aramali*, т. е. буквально «городъ Араме»[1]). Можно выразить догадку, что *Aramali* было первоначальное и подлинное названіе Армавира въ ту эпоху, когда сѣверъ или долина Аракса играла первенствующую роль въ исторіи Урарту до перенесенія центра его господства на югъ къ Ванскому озеру. Это первоначальное названіе могло удержаться и послѣ переименованія его въ городъ Аргишти и пережить новое имя.

Занятію Аргишти Армавирскаго холма предшествовали завоеванія его отца Менуа въ долинѣ Аракса. Мы знаемъ изъ надписей ташбурунскихъ, что Менуа основалъ свое господство въ долинѣ Аракса покореніемъ страны *Еридуахи* и укрѣпленіемъ завоеванной имъ столицы этой страны, которую онъ назвалъ своимъ именемъ *Менуахинили* т. е. *городъ Менуа*. Но ни откуда не видно, что его завоеванія простирались далѣе, и едвали можно сомнѣваться, что онъ не переходилъ Араксъ. Покореніе всей долины Аракса было дѣломъ его знаменитаго сына Аргишти I, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ властителей Вана и изъ первоклассныхъ завоевателей Востока. Его завоеванія обнимали почти всю переднюю Азію: Ассирію, Сирію, Малую Азію; достаточно сказать, что самую Ассирію, видѣвшую такихъ монарховъ, какъ Тиглатъ-Пилесеръ I и Ассуръ-насиръ-абалъ, онъ считалъ вассальною по отношенію къ Урарту и совершенно по праву. На фасѣ ванской скалы находится его обширная надпись, состоящая изъ болѣе 400 строкъ и по-

---

[1]) См. *Клинообразныя надписи ванскихъ царей.* Труды Вост. Ком., Т. I, вып. 3, стр. 397.

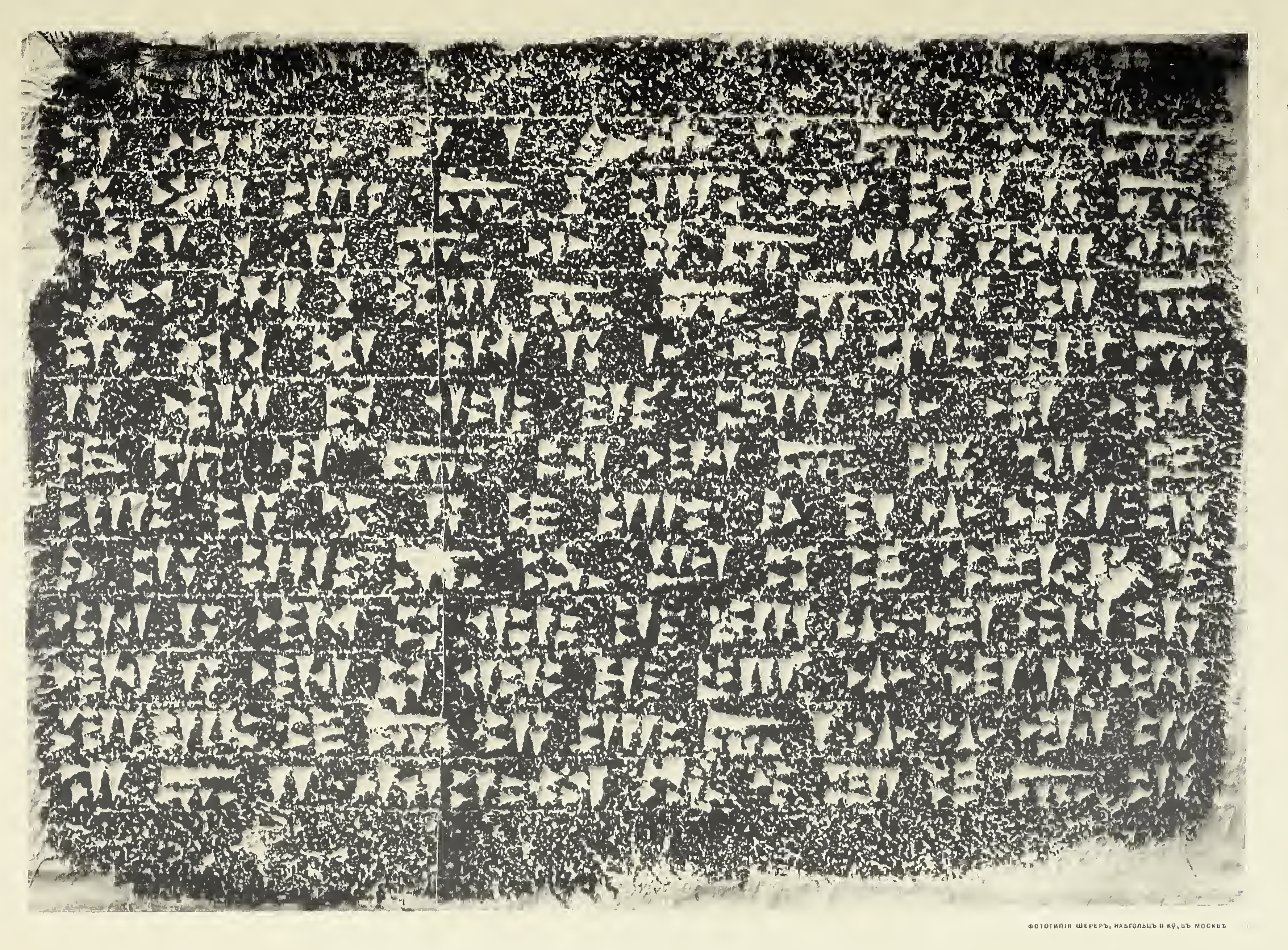
вѣствующая о его походахъ; по своему значенію она можетъ быть сравниваема только развѣ съ Бегистунскою надписью Дарія Гистаспа и служитъ памятникомъ преобладанія въ Азіи урартской народности. Не смотря на свою обширную и изумительную завоевательную дѣятельность на югѣ своей страны, Аргишти не только не упустилъ изъ вида сѣверъ, но совершилъ въ немъ столько походовъ и завоеваній, оставилъ намъ столько памятниковъ, что повидимому завоеваніе сѣвера было одной изъ главныхъ его завоевательныхъ цѣлей. Но главнымъ центромъ его владычества въ этой странѣ и операціоннымъ базисомъ его походовъ въ долину Аракса и въ окружающія мѣстности былъ Армавиръ или *Argištiḫinili*. Въ дѣлѣ перенесенія этого центра изъ *Лухіунини (Menuaḫinili)* близъ Арарата на армавирскій холмъ, вѣроятно, играло роль сравнительно болѣе выгодное положеніе Армавира въ стратегическомъ и культурномъ отношеніи, равно какъ красота и удобство мѣстности. Находясь въ центрѣ равнины, Армавиръ открывалъ удобныя пути по всѣмъ направленіямъ въ окружающія горныя страны, которыя предстояло завоевать этому ванскому царю и его преемникамъ. По рѣчкамъ Зангѣ, Касаху и Арпачаю, соединеннымъ въ то время сѣтью каналовъ между собою и съ Араксомъ, можно было проникнуть во всѣ болѣе населенныя и болѣе важныя въ политическомъ и культурномъ отношеніи мѣстности и воспользоваться естественными путями изъ долины Аракса къ высотамъ Гокчи, Высокой Арменіи (нынѣ Карсской области) и къ горнымъ переваламъ чрезъ Малый Кавказъ къ Большому Кавказу, въ долины рѣкъ Куры и Ріона. Насколько Аргишти и его преемники воспользовались всѣми этими удобствами положенія Армавира, мы увидимъ впослѣдствіи при описаніи другихъ мѣстъ, отмѣченныхъ ихъ памятниками въ видѣ клинообразныхъ надписей, а теперь остановимся нѣсколько на памятникахъ Армавира, оставленныхъ Аргишти и его преемниками, чтобы охарактеризовать ихъ археологическое и историческое значеніе.

Камни съ клинообразными надписями, найденные въ Армавирѣ и его окрестностяхъ, архитектурнаго происхожденія, были частями построекъ, за исключеніемъ надписи вблизи *Каракала*, которая была высѣчена на скалѣ. Подобные камни весьма удобны для переноски съ мѣста на мѣсто и, насколько можно судить, большая часть найденныхъ камней съ надписями служила матеріаломъ для позднѣйшихъ построекъ. Они представляютъ квадратныя плиты изъ темно-синеватой базальтовой лавы и обдѣланы вполнѣ одинаково съ остальными камнями (см. табл. XII, 2), употреблявшимися для облицовки стѣнъ зданія. Нѣкоторые имѣютъ почти правильную кубическую форму около аршина по сторонамъ, но большею частію продолговатые около аршина ширины и высоты и до двухъ аршинъ длины. На самомъ холмѣ и его окрестностяхъ осталось уже небольшое число подобныхъ камней, но о громадной массѣ ихъ можно судить по тому обширному хищенію, какому они подвергались и подвергаются до сего времени. Въ селеніяхъ, ближайшихъ къ армавирскому холму, какъ Тапа-диби и Курдукули, Молла-баязетѣ, Сардарабадѣ и другихъ, мы встрѣчали ихъ на всякомъ шагу,— въ одномъ домѣ они служатъ фундаментомъ для глинобитныхъ стѣнъ, въ другихъ

служатъ лавками около воротъ для сидѣнія или вдѣланы въ стѣну съ декоративною цѣлью. Въ Сардарабадѣ, который былъ мѣстопребываніемъ Сардаря Эриванскаго во время персидскаго владычества, стѣны главныхъ воротъ на фасадѣ крѣпости выложены сплошь армавирскими камнями. Даже въ такомъ сравнительно отдаленномъ отъ Армавира мѣстѣ, какъ Вагаршапатъ, намъ приходилось видѣть немалое число камней, несомнѣнно перевезенныхъ изъ Армавира. Здѣсь ими выложены канавы и мосты по улицамъ селенія. Эчміадзинскій уѣздный начальникъ и старожилъ Е. Ѳ. Ханаговъ засвидѣтельствовалъ о колоссальномъ хищеніи строительнаго матеріала армавирскаго холма въ его время, несмотря на всѣ мѣры, какія принимала противъ этого мѣстная администрація.

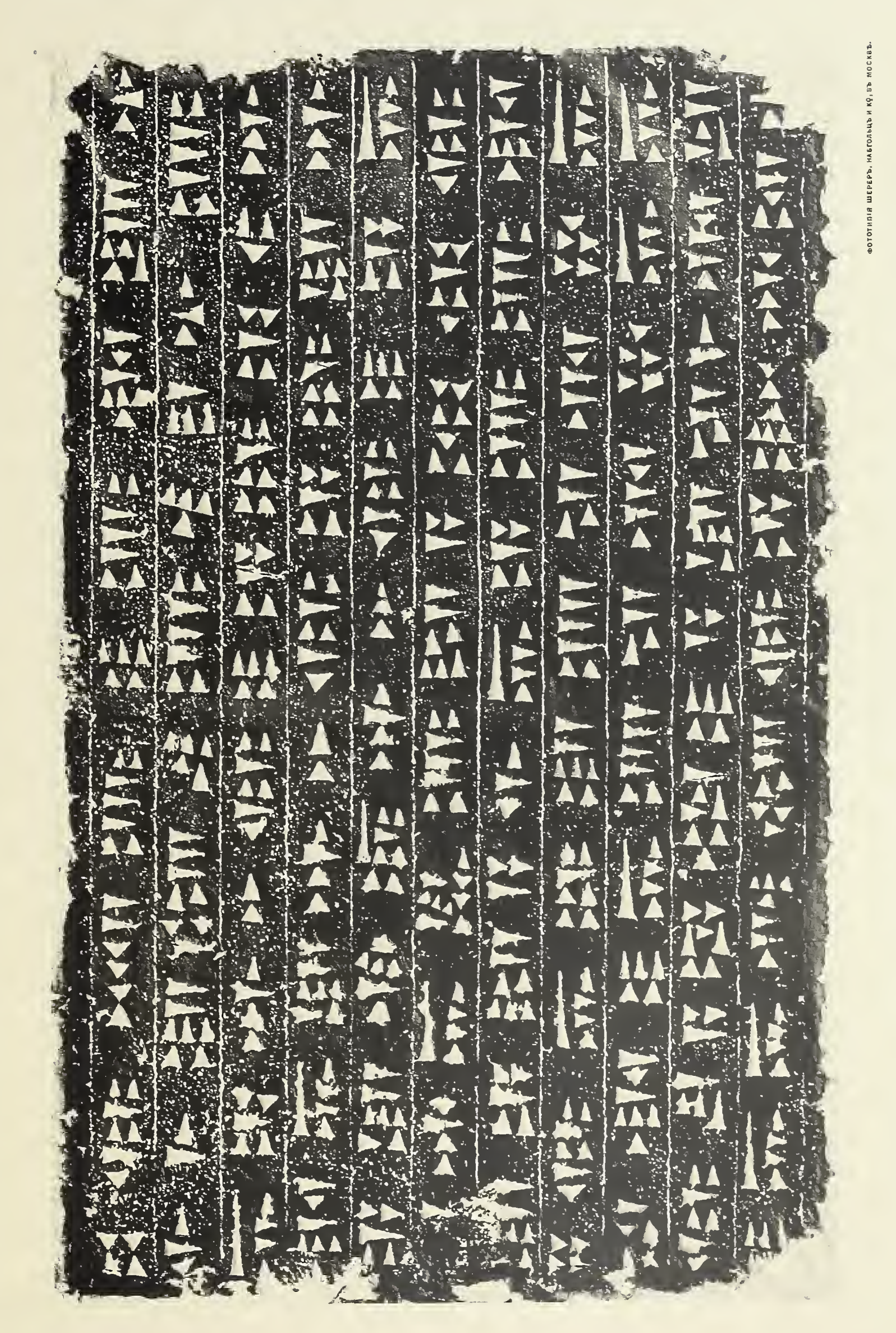
При такихъ условіяхъ трудно было ожидать, чтобы камни съ надписями могли уцѣлѣть на самомъ армавирскомъ холмѣ, если они только находились на поверхности и не были засыпаны землею. Этимъ объясняется то обстоятельство, что камни съ надписями были найдены главнымъ образомъ не на самомъ холмѣ, а въ сосѣдствѣ съ нимъ. Жители сосѣднихъ деревень, очевидно, долгое время хранили у себя эти камни, не придавая имъ особеннаго значенія, и только когда архіеп. Месропъ и Галустъ теръ-Мекертчьянъ стали обращаться къ нимъ съ запросами о подобныхъ памятникахъ, они мало по малу обнаруживались, отбирались и перевозились въ Эчміадзинъ. Подробности о томъ, когда и гдѣ и какъ они были первоначально открыты, изгладились изъ памяти, и я убѣдился, что теперь нѣтъ никакой возможности добыть подобныхъ свѣдѣній. Объ этомъ, впрочемъ, и не слѣдуетъ особенно сожалѣть, такъ какъ этотъ вопросъ въ настоящее время не имѣетъ существеннаго значенія. Можно считать за достовѣрное, что всѣ камни съ надписями, найденные около Армавира въ селеніяхъ по сю и по ту сторону Аракса въ долинѣ, если онѣ одинаковаго матеріала и одинаковой обдѣлки съ другими камнями, находящимися на холмѣ, первоначально принадлежали къ постройкамъ на холмѣ или въ ближайшихъ отъ него мѣстахъ и только впослѣдствіи были перенесены. Вопросъ же о большемъ или меньшемъ растояніи, въ какомъ они оказались отъ холма при ихъ первоначальномъ обнаруженіи архіепископомъ Месропомъ и Галустомъ теръ-Мекертчьяномъ, имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

По этимъ соображеніямъ мы вправѣ считать армавирскими по своему происхожденію не только тѣ 9 камней, которые, по свидѣтельству архіеп. Месропа, были найдены на холмѣ и въ селеніяхъ по близости отъ него, Тапа-диби, Курдукули и Молла-баязетъ (таковы камни: №№ X—XIV, XVII, XIX—XXI моего изданія), но и три другіе, найденные на бóльшемъ разстояніи, таковы надпись Газанчи (IV), Сардарабадская (IX). Что же касается до недавно открытой надписи въ Каракала (XXIV), то ея содержаніе имѣетъ несомнѣнное отношеніе къ Армавиру, и потому эта надпись должна разсматриваться вмѣстѣ съ армавирскими. Такимъ образомъ всѣхъ, относящихся къ Армавиру, надписей мы имѣемъ числомъ 12, изъ нихъ 11 находятся въ музеѣ армянской духовной Академіи въ Эчміадзинѣ, одна (Газанчи) у уѣзднаго начальника Сурмалинскаго уѣзда А. А. Богуславскаго, и одна (Каракала) на мѣстѣ ея нахожденія.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, ВЪ МОСКВѢ

АРМАВИРСКАЯ НАДПИСЬ № XI.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, ВЪ МОСКВѢ.

НАДПИСЬ № XVII АРМАВИРСКАЯ.

Изъ этого числа семь камней принадлежатъ Аргишти I (IV. IX—XI, XVII, XXII—XXIV) четыре — его преемнику Сардури II (XII—XIV, XX) одна—Русѣ II (XIX) царствовавшему около ста лѣтъ спустя (около половины VII в. до Р. X.). Изъ этихъ данныхъ вытекаетъ. что періодъ процвѣтанія Армавира или *Argištiḫinili* надаетъ на средину VIII в. до Р. X., такъ какъ изъ этой эпохи мы имѣемъ 11 надписей. О промежуточномъ времени между Сардури II и Русой II мы пока ничего не знаемъ. за неимѣніемъ памятниковъ.

При разсмотрѣніи содержанія всѣхъ армавирскихъ надписей прежде всего поражаетъ тотъ фактъ, что ни въ одной изъ нихъ не говорится о завоеваніи *Армавира=Argištiḫinili*, какъ города. равно какъ той страны, въ составъ которой входилъ этотъ городъ. Онѣ повѣствуютъ исключительно о построеніи зданій или возобновленіи ихъ, о проведеніи каналовъ, о религіозныхъ церемоніяхъ; ни въ одной не говорится о походахъ и военномъ занятіи страны. Едва-ли можно видѣть въ этомъ случайность. По всему вѣроятію въ стратегическомъ, равно какъ и въ политическомъ отношеніи мѣсто это, во время завоеванія его Аргишти, не представляло большого значенія и досталось въ его руки безъ всякой борьбы. Но, въ замѣнъ этого, въ отношеніи религіозномъ оно имѣло особое значеніе. Въ одной надписи. именно XVII, лин. 10, Армавиръ называется *Ḫaldina*, т. е. *городъ бога Халди;* въ другой, XII, 5. *Ḫaldinili*, т. е. *мѣстопребываніе бога Халди;* въ той же надписи XVII говорится о принесеніи въ жертву животныхъ, равно какъ о религіозныхъ церемоніяхъ говорится въ надписяхъ X, XI и XIII. Кромѣ культа бога Халди, главнѣйшаго божества урартскаго народа. здѣсь пользовался почтеніемъ и культъ *бога солнца (Ardini)*, какъ это видно изъ надписи XIII, 9. По всему вѣроятію Армавиръ имѣлъ значеніе въ религіозномъ отношеніи еще въ до-ванскій періодъ исторіи Урарту, не меньше, чѣмъ городъ Ванъ въ ванскій періодъ. Когда политическій центръ былъ перенесенъ на югъ, и сѣверныя страны, входившія въ древнее царство Урарту, настолько отдалились отъ него, что ванскимъ царямъ приходилось возвращать ихъ вновь посредствомъ завоеванія, культъ Армавира былъ въ упадкѣ, храмы пришли въ ветхость, жертвы прекратились. Завоевавъ лѣвый берегъ Аракса въ нынѣшней Эриванской равнинѣ, Аргишти возстановилъ прежнее религіозное значеніе этого мѣста, но при этомъ нашелъ мѣстность болѣе выгодною и въ политическомъ отношеніи, чѣмъ Лухіунини, обстроенный его отцомъ Менуа, и перенесъ сюда свою резиденцію въ этой области.

Обратимся теперь къ детальному обзору армавирскихъ надписей на основаніи личнаго нашего изслѣдованія на мѣстѣ ихъ настоящаго нахожденія (въ Эчміадзинѣ) и на мѣстѣ ихъ открытія (въ Армавирѣ и другихъ мѣстахъ).

НАДПИСИ №№ X—XI.

(Табл. VII—VIII).

Месропъ Сумбатянцъ въ «Араратѣ» 1869 г. стр. 137 и въ 1886 г.—*A. D. Mordtmann* въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, XXXI, S. 433.—*A. H. Sayce* въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol XIV, part 4, № LIV и Vol XX. Part I, № LXVIII.—*D. H. Müller* въ Wiener-Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 1887. I B. 3 H.—*М. В. Никольскій* въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», т. I, вып. 3, стр. 438—442.

Высота камня № X 60 сант., шир. 86 сант. Высота камня № XI 63 сант., шир. 87 сант. Оба камня находятся въ Эчміадзинскомъ музеѣ. Надписи, на нихъ находящіяся, уже были признаны за части одной Мюллеромъ и Сэйсомъ. Предположеніе, впервые высказанное Мюллеромъ, что надпись № X представляетъ начало строкъ № XI, было подтверждено впослѣдствіи самимъ архіеп. Месропомъ, который находилъ указаніе на это въ свойствѣ камней, равно какъ въ числѣ, направленіи и графическомъ характерѣ строкъ надписи. Такимъ образомъ сдѣланъ былъ выводъ этими изслѣдователями, что первоначально камень былъ цѣльный, а затѣмъ въ позднѣйшее время, ради архитектурныхъ цѣлей, онъ былъ перепиленъ на части, и притомъ не на двѣ, а скорѣе на три, такъ какъ, по выводамъ Мюллера и Сэйса, кромѣ этихъ двухъ кусковъ, долженъ быть третій, который содержитъ средину надписи. Что эти двѣ надписи, вмѣстѣ взятыя, не представляютъ цѣльнаго текста, что долженъ быть камень приблизительно такой же величины, содержащій средину надписи, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но нельзя согласиться съ тѣмъ выводомъ, что надпись первоначально была высѣчена на цѣльномъ камнѣ и впослѣдствіи была распилена на куски, чтобы служить матеріаломъ для позднѣйшихъ построекъ. Теперь я лично убѣдился, что это не вѣрно. Не было никакой возможности такъ распилить камень, чтобы не повредить текста, напротивъ, все указываетъ на то, что текстъ *первоначально* былъ высѣченъ на нѣсколькихъ рядомъ положенныхъ камняхъ, вслѣдствіе чего на каждомъ отдѣльномъ камнѣ, на мѣстѣ переноса словъ, знаки оказались цѣльными, законченными по своей фигурѣ, нисколько не поврежденными насильственнымъ распиливаніемъ, и между текстомъ надписи и краемъ камня оставались небольшія поля. Это относится не къ однимъ только камнямъ №№ X—XI, но и къ остальнымъ, правильно распиленнымъ на части, именно №№ XIII—XIV, XVII (подобное мы замѣтили и въ ташбурунской надписи № II, см. стран. 17—18 и 28). Въ правильности нашего наблюденія легко убѣдиться при взглядѣ на фототипіи указанныхъ надписей, снятыя какъ съ фотографій, такъ и съ эстампажей съ надписей; стоитъ только обратить вниманіе на края этихъ надписей, чтобы убѣдиться, что они по отдѣлкѣ представляютъ такую же законченность въ графическомъ и архитектурномъ отношеніи, какъ и надписи, представляющія цѣльный текстъ, какъ №№ IX и XII. Обстоятельство это имѣетъ важность въ томъ отношеніи, что еще разъ подтверждаетъ архитектурное родство камней, имѣющихъ надписи, съ остальными камнями построекъ Армавира. Мы ясно видимъ, что первоначальные строители Армавира,

подчиняясь архитектурнымъ требованіямъ и въ ущербъ эпиграфическимъ, обдѣлывали всѣ камни для облицовки зданій въ одну и ту же форму и въ одинъ размѣръ, не исключая и тѣхъ, которые предназначены были для надписей. Если бы надпись камней X и XI была первоначально высѣчена на одномъ камнѣ, то размѣръ его и вѣсъ были бы весьма значительны и перенесеніе его впослѣдствіи въ другое мѣсто было-бы весьма затруднительно. Этимъ и объясняется то обстоятельство, почему армавирскія надписи въ большинствѣ случаевъ не уцѣлѣли на первоначальномъ мѣстѣ ихъ нахожденія, а всѣ были съ него взяты.

Надписи X—XI, не смотря на ихъ фрагментарность и крайнюю трудность для толкованія по множеству не поддающихся объясненію словъ, представляютъ нѣкоторыя твердыя данныя политическаго и религіознаго характера относительно Армавира. Въ XI. I рядомъ стоятъ два слова, изъ которыхъ второе читается *'A-ʒa-ni* съ идеограммой *страны*, первое же не имѣетъ начала, но его легко дополнить, именно *[Ar]-giš-ti-ḫi-na*, т. е. *земля, принадлежащая Аргишти*. Страна *'Aʒani* должна быть именно тою, въ составъ которой входилъ Армавиръ: будучи завоевана Аргишти, она получила другое названіе *Argištiḫina*, наподобіе *Ḫaldina*, *Ḫatina* и т. п. О положеніи этой страны *'Aʒâni* и о ея завоеваніи царемъ Аргишти мы находимъ свѣдѣнія въ большой надписи этого царя, высѣченной на фасѣ ванской скалы. Надпись эта представляетъ анналы царствованія Аргишти и повѣствуетъ о его походахъ въ теченіи 14 лѣтъ (Sayce №№ XXXVII—XLIV). Въ походахъ 10-го года (XL. 67—81) говорится о завоеваніи страны *Manani* и *'Aʒani*. Первая страна *Manani* упоминается очень часто въ надписяхъ Аргишти, равно какъ его предшественниковъ, Менуа и Ишпуини, вторая же *'Aʒani* упоминается только однажды (за исключеніемъ разсматриваемаго мѣста въ надписи XI Армавира). Мы не знаемъ въ точности положеніе *Manani*, но изъ всего, что мы знаемъ о географическихъ названіяхъ въ надписяхъ Аргишти, вполнѣ ясно, что она лежала южнѣе долины Аракса: достаточно сказать въ пользу этого одно то, что названіе этой страны ни разу не встрѣчается въ надписяхъ, найденныхъ въ Закавказьѣ. Оно принадлежало къ числу тѣхъ ближайшихъ къ городу Ванъ странъ, съ которыми преимущественно приходилось бороться Аргишти, прежде чѣмъ достигнуть сѣверныхъ странъ въ долинѣ Аракса, и стоитъ на ряду съ другими, также лежавшими южнѣе этой долины, странами, какъ то: *Buštuni*, *Paršnani*, *Irkiunini*, *Tariuni* и друг., входившими въ составъ ассирійской монархіи и оспариваемыми у нея ванскими завоевателями. Изъ странъ сѣверныхъ, находящихся на Кавказѣ, упоминаются въ анналахъ Аргишти съ несомнѣнностію только три: *Etiuni* (или *Etiuḫini*), *Eriaḫini*, и резсматриваемая нами *'Aʒani*. Всѣ три упоминаются въ кавказскихъ надписяхъ: о первыхъ двухъ, мы сообщимъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, но отмѣтимъ только то, что очевидно эти страны пользовались въ то время большимъ значеніемъ, если они удостоились внесенія въ анналы Аргишти изъ множества другихъ, упоминаемыхъ въ кавказскихъ надписяхъ, и имена ихъ весьма часто встрѣчаются въ надписяхъ Аргишти и его преемниковъ вообще. Страна же *'Aʒani* сравнительно съ ними не имѣла такого-же значенія. Но, очевидно, она

имѣла особое, спеціальное значеніе въ исторіи царствованія Аргишти. Она упоминается всего два раза въ надписяхъ Аргишти, и оба раза въ связи съ названіемъ Армавира, т. е. въ армавирской надписи XI, 1 съ *Argištiḫina*, а въ анналахъ (Sayce XL, 72) съ *Argištiḫinili*. О послѣднемъ названіи Армавира мы уже много говорили выше; что-же касается перваго, то различіе его отъ *Argištiḫinili* не существенно: оно означало вѣроятно цѣлый округъ, маленькую страну, какъ *Haldi-na*, *страна Халди*,—*Argišti-ḫi-na*, собств. *страна, принадлежащая Аргишти*. Напротивъ *Argišti-ḫi-ni-li*, собств. *мѣсто, принадлежащее Аргишти*, означаетъ тѣснѣе городъ, резиденцію, даже быть можетъ *замокъ*, *дворецъ*. Слѣдуетъ отмѣтить также и то, что въ той и другой надписи имена *Argištiḫina* и *Argištiḫinili* упоминаются раньше *ʾAẓani*, причемъ въ послѣднемъ случаѣ сначала говорится о построеніи *Argištiḫinili*, а затѣмъ и о завоеваніи *ʾAẓani*. Это едва-ли означаетъ то, что построеніе перваго предшествовало завоеванію второй, но всего вѣроятнѣе то, что построеніе города было фактомъ важнѣйшимъ и требовавшимъ прежде упоминанія, чѣмъ завоеваніе той страны, къ которой онъ принадлежалъ. Самая страна *ʾAẓani* имѣла вѣроятно весьма маленькій объемъ и ничтожное политическое значеніе и оба раза заслуживала упоминанія только потому, что ея имя было неразрывно связано съ построеніемъ, или вѣрнѣе, возобновленіемъ города, который, по предположенію, въ разсматриваемый періодъ имѣлъ важное религіозное и политическое значеніе, и который при Аргишти и его преемникахъ былъ важнѣйшимъ центромъ культа и власти ванскихъ царей на Кавказѣ.

Содержаніе надписи имѣетъ характеръ религіозно-административный. По нынѣшнему состоянію науки невозможно съ точностію опредѣлить значеніе бо́льшей части словъ надписи. Переводы Сэйса, Мюллера и мои основаны во многихъ случаяхъ на чистыхъ предположеніяхъ. Что надпись имѣетъ религіозный характеръ, Сэйсъ основывается на томъ, что слово *šugabarani* (XI, 2) означаетъ *жертва*, *ẓieldi* (3)—*алтарь*, *bidi* (6, 10, 11)—*жертвоприношеніе*, *ʾa-li* (X, 10)—*посвященный* въ значеніе жертвы, *kurni* (X, 5)—*жрецы*, что далѣе, въ X, 12, есть идеограмма *вола*, какъ жертвеннаго животнаго. Все это очень вѣроятно, но не исключаетъ возможности, что слова эти имѣютъ и другое значеніе. Несомнѣнно то, что здѣсь содержатся административныя распоряженія Аргишти относительно *Argištiḫinili*. Такъ какъ по другимъ надписямъ этотъ городъ является важнымъ религіознымъ центромъ, то вѣроятность религіознаго значенія этихъ распоряженій усиливается. Административныя функціи были ввѣрены нѣсколькимъ родамъ, очевидно древнимъ, жреческаго или аристократическаго происхожденія. На надписи уцѣлѣли названія трехъ родовъ, именно: *Šeluini*, *Urbikani* и *Parunurda*, причемъ изъ перваго рода назначается опредѣленное число делегатовъ, именно 20.

№ X.

1. (d.) Ḫal- di- ni- ni al- su- i- ši- ni

Халдійцамъ великимъ

2. ki- ni (d.) Lu- lu- e ma-nu i- u (d.) Ar- (giš- ti- še (d.) Me- nu- a

отдѣлилъ страну Лулу каждому, какъ слѣдуетъ, Аргишти, сынъ Менуа

3. i- na- ni u- še u- šu- ul- mu- uš

городъ . . . .

4. (d.) Ar- giš- ti- e (d.) Me- nu- a- ḫi- ni

Аргишти, сынъ Менуа

5. XX ku- ur- ni (d.) Še- e- lu- i- ni

20 жрецовъ народа Шелуини

6. a- lu- ki a- ma- ni šu- ga- ba- ri

каждая часть (?) жертвы (?)

7. *a- li ta- a- še a- ma- ni bi- di*

часть (?) жертвы (?)

8. *u- ni (d.) Ur- bi- ka- ni- ka- i*

подвластные (?) народа Урбикани

9. *lu- a- bi ip- ṭu- u- ni ma- a*

. . . .

10. *ma- ša- ni ti- iš- ni a- ma- ni 'a- [li]*

. . . . направо (?) часть (?) посвященная (?)

11. *u- ni (d.) Pu- ru- nu- ur- da- di*

подвластные (?) народа Пурунурда

12. *-ni- ni i- ra- di- ni- ni III a*

волы 3

13. *a- la- e me- i- ḫa- i- du- še i*

. . . .

№ XI.

(d.) Ar- giš- ti- ḫi- na (d.) 'A- ẓa- ni -ni 1.

Аргиштихина. Азани — землю

ḫi- ni- še) a- ru- u- ni šu- ga- ba- ra- a- ni 2.

принесъ жертву (?)

li- u- a- ni bar- ẓa- ni ẓi- el- di 3.

. . . . алтарь (?)

-ḫu- šu -ni- ni- ni e- si- ni 4.

мясо, надписи, законъ (?)

e gu- du- li- a me- li u- li- ni 5.

. . . . другіе

a- li bi- di aš- ta nu- la- li 6.

жертва (?) за (?) царскій дворецъ

7\. *i- ni te- ir- du- li- ni e- si- i*

это постановленie (?) закона

8\. *u- e tar- a- i- u- ḫi ma- nu- li- e*

вельможа каждый (?)

9\. *-ḫi- e u- ni (d.) Ur- bi- i- ka- a- še*

подвластные (?) Урбикаи

10\. *li a- li bi- di aš- ta nu- la- li- e*

жертва (?) за (?) царскій дворецъ

11\. *li a- li bi- di aš- ta nu- la- a- li- e*

жертва (?) за (?) царскій дворецъ

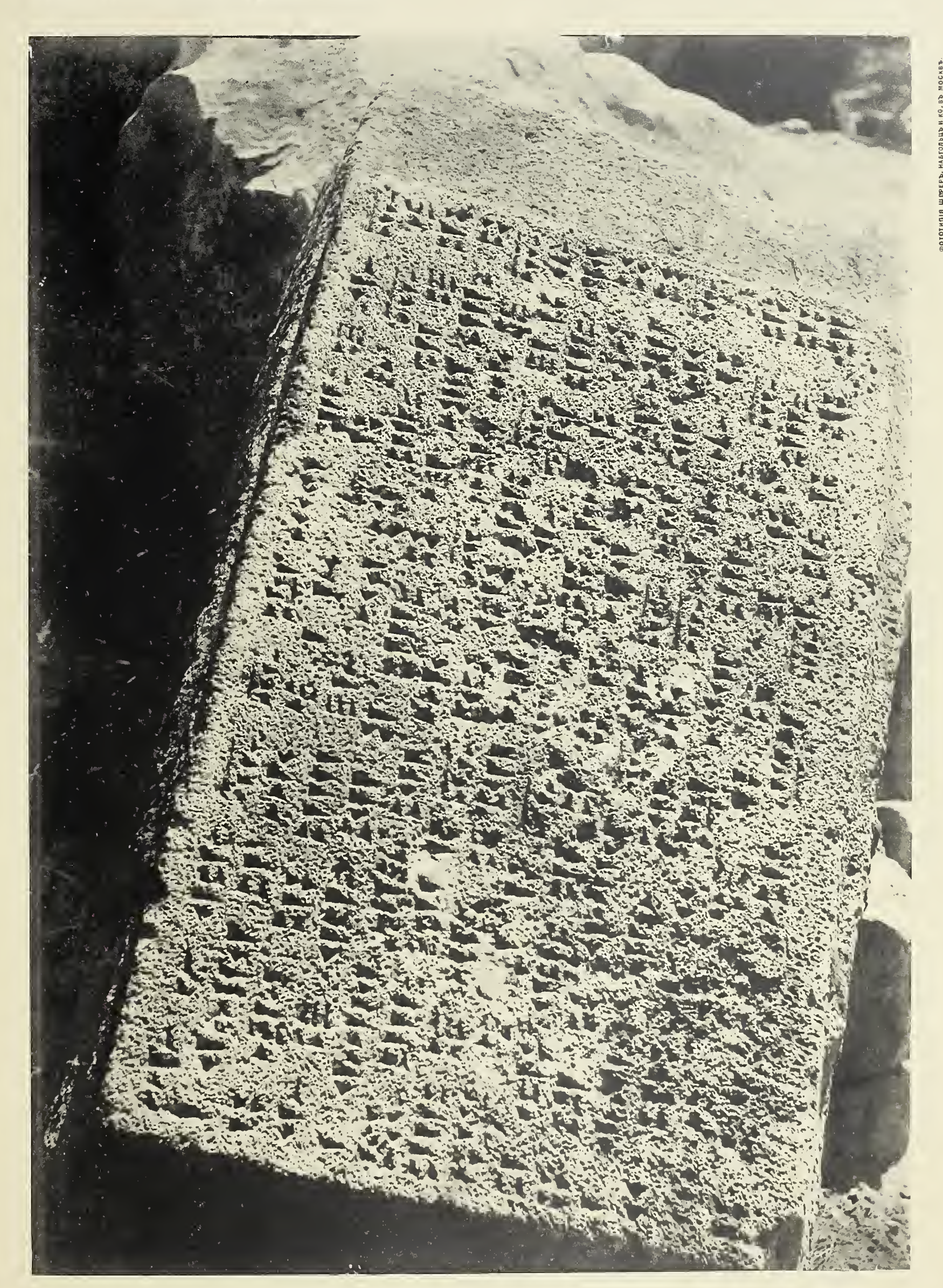
12\. *(d.) Še)- lu- u- i- ni- e u- ni (d.) Nu- nu- li- e*

народъ Шелуини подвластные (?) Нунули

13\. *si- ni- II ḫu- pa- du (d.) Še- lu- i- ni- e*

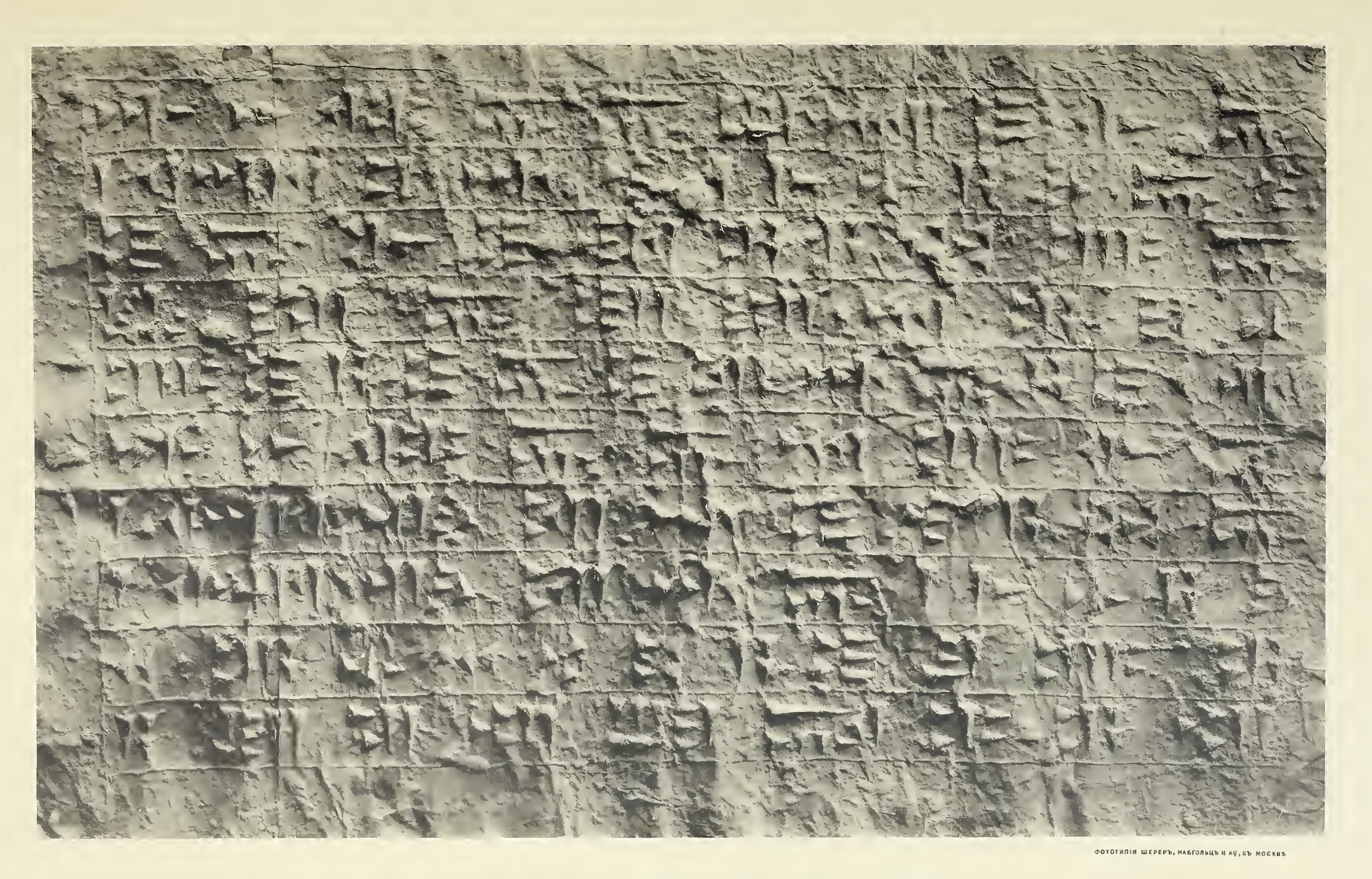
. . . . народъ Шелуини.

Матеріалы по Археол. Кавказа. Вып. V.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И Кº. ВЪ МОСКВѢ.

НАДПИСЬ № IX АРМАВИРСКАЯ (САРДАРАБАДЪ).

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Кº, въ Москвѣ

НАДПИСЬ № XXIV, изъ КАРАКАЛА.

Къ тексту:

X. 1. Знакъ въ концѣ строки дополненъ въ текстѣ.

8. Передъ послѣднимъ знакомъ *i* вставлено *a*.

13. Четвертый знакъ вм. , какъ читали прежде, надобно читать *me*, и поэтому слѣдующіе знаки не составляютъ имени лица.

XI. 3. Второй знакъ исправленъ изъ на

8. Послѣ знака вставлено *a*.

НАДПИСЬ № XVII.

(Табл. IX).

Месропъ Сулбатянцъ въ «Араратѣ» 1886, стр. 25.—*A. H. Sayce* въ Muséon'ѣ V, 3 (June, 1886) и въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol. XX. Part. I. № LIX.— *М. В. Никольскій* въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», т. I, вып. 3, стр. 451—453.

Высота камня 42.5 сант., шир. 69 сант.; находится въ Эчміадзинскомъ музеѣ.—Къ вышеразсмотрѣннымъ надписямъ №№ X—XI надпись № XVII имѣетъ весьма близкое родство. Это касается прежде всего самой внѣшности. Какъ тѣ двѣ надписи вырѣзаны на вполнѣ цѣльныхъ въ архитектурномъ отношеніи камняхъ, но каждая представляетъ только часть текста, первая—начало, вторая—конецъ (средина—потеряна), такъ и эта надпись, хотя высѣчена на совершенно цѣльномъ камнѣ, но представляетъ только часть текста. Начало и конецъ строкъ не имѣются въ надписи и очевидно были написаны на двухъ другихъ подобныхъ камняхъ. Точно также едва ли можно думать, что первая строка, даже въ цѣльномъ (предполагаемомъ) видѣ, могла быть началомъ надписи, такъ что необходимо предположить, что въ зданіи, гдѣ помѣщалась эта надпись, выше ряда этихъ (трехъ, а можетъ быть и болѣе) камней находился еще рядъ (а можетъ быть и не одинъ) камней съ началомъ надписи. Надпись эта выдѣляется изъ надписей другихъ армавирскихъ камней своею сохранностію, красотою и ясностію знаковъ, и на ней, точно также какъ на предшествующихъ, легко убѣдиться, что она не была перепилена позднѣйшими строителями, а первоначально написана на камнѣ такой величины и обдѣлки.

Еще бо́льшее сходство съ X—XI имѣетъ эта надпись по своему содержанію. Въ ней употребляются одни и тѣже слова, не находимыя въ другихъ надписяхъ, какъ *el-mu-u-še*, л. 2, по Сэйсу *время года*, *ẓieldi*, л. 11, *алтарь*, вѣроятно *bi-di*, л. 1, *жертвоприношеніе*, если это слово не есть только часть цѣлаго. Но эта надпись имѣетъ несомнѣнно религіозный характеръ и можетъ дать косвенное основаніе придавать тотъ же характеръ и вышеразсмотрѣннымъ надписямъ. Такъ упоминаніе божества *Ḫaldi* въ л. 3 рядомъ съ идеограммой жертвы ; послѣдняя идеограмма встрѣчается въ надписи 3 раза (л. 3, 4 и 8) и даетъ надписи окраску. Кромѣ сего встрѣчаются идеограммы жертвенныхъ животныхъ, какъ л. 3. *вола*, *буйвола*, л. 4 *овцы*, л. 5 *ягненка*. На ряду съ этимъ упоминаемыя постройки, очевидно, должны имѣть также религіозный ха-

рактеръ, такъ л. 8 и 9 𒂍 (домъ) *siriḫani(ni)* есть очевидно постройка, посвященная божеству, хотя мы не знаемъ смысла слова *siriḫanini*. Наконецъ мы считаемъ вполнѣ основательнымъ дополненіе Сэйса первыхъ двухъ знаковъ 10-ой строки *di-na* такъ: *Ḫal-di-na*, т. е. *мѣсто Халди*. Стоящая же рядомъ идеограмма 𒆍 *ka-i*, т. е. *передъ воротами*, и слѣдующія слова: *alusi terip живущій направо* намекаютъ на гробницы и даютъ основаніе предполагать съ Сэйсомъ, что 𒂍 *siriḫanini* означаетъ *усыпальницу*.

Надпись эту, по сходству содержанія съ надписью въ *Meher-Kapussi* на востокѣ отъ Вана (Сэйса № V), Сэйсъ относитъ къ Ишпуини, дѣду Аргишти, отцу Менуа. Но это рѣшительно невѣроятно. До сего времени не найдено ни одной надписи на Кавказѣ, принадлежащей Ишпуини, надписей его сына Менуа имѣется только три и всѣ въ одной мѣстности, въ южномъ углу Эриванской равнины, и мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что Ишпуини никогда не былъ въ долинѣ Аракса. Религіозныя церемоніи, о которыхъ говорится въ надписи Сэйса № V, могли совершаться и въ другое, болѣе позднее, время и въ другихъ мѣстахъ. Но чтобы здѣсь было перечисленіе боговъ съ упоминаніемъ соотвѣтствующихъ имъ жертвъ, какъ это въ упомянутой надписи, это—догадка Сэйса, не имѣющая ровно никакихъ основаній,—здѣсь есть упоминаніе только одного божества *Ḫaldi*. Гораздо болѣе должны имѣть вѣса указанныя нами сходства съ армавирскою надписью X—XI въ языкѣ, и на основаніи одного этого мы могли бы склониться къ признанію ея происхожденія отъ Аргишти. Но мы имѣемъ болѣе вѣскія соображенія, по которымъ рѣшительно относимъ ее къ этому царю. Обратимъ вниманіе на 6 строку надписи. Первый знакъ, отъ котораго уцѣлѣлъ только конецъ, очевидно принадлежитъ къ предшествующему слову, начало котораго находилось на другомъ камнѣ, а слово *tini* въ связи съ слѣдующими *ḳiura ḳuldi* очевидно имѣетъ то-же значеніе, какъ и въ Сардарабадской надписи (№ IX) л. 5—6: *Argištiḫinili tini ḳiurani ḳuldini* и т. д. Всего вѣроятнѣе, что здѣсь находился впереди знакъ 𒇷 *li*, который составлялъ окончаніе слова *Argištiḫinili*, и такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь ту-же фразу, какъ и въ надписи № IX. Во всякомъ случаѣ здѣсь говорится о построеніи какого-то новаго зданія (или укрѣпленія) и о названіи его именемъ строителя; связь рѣчи и поразительное сходство съ повѣствованіемъ о строеніи Армавира= *Argistiḫinili* въ Сардарабадской надписи ведутъ рѣшительно къ предположенію, что надпись эта никому иному не могла принадлежать, какъ Аргишти I. О смыслѣ остальныхъ словъ этой 6 строки надписи: *ḳiurani ḳuldi* мы будемъ говорить при объясненіи Сардарабадской надписи.

---

1. *bi- di su- u- i u- li ta- nu li*

жертва (?) . . . .

2. *me- i e- ši me- ṣi el- mu- u- še ma- nu- u*

. . . . всякій

3. *a- nu- u- ni (d.) Ḫal- di- i- e*

вола Халди жертву буйвола богу

4. *li- ni (d.) Ḫal- di- e*

. . . . овцу Халди жертву овцу богу

5. *e (d.) Ḫal- di- i- e- ni*

ягненка Халди

6. *li ti- ni ḳi- u- ra- a ḳu- ul- di*

названъ. Стѣны твердыя

7. *e - ṛa - a - ši - ni - e u u - li*

. . . . другой

8. *ʒa - di - ni - ṣi - si - ri - ḫa - ni*

строитель алтаря, гробницу (?)

9. (*du - li i - ni si - ri - ḫa - ni - ni*

по реставраціи эту гробницу

10. *(d.) Ḫal - di - na - a - ka - i a - lu - si me - ri - ip*

Халдина, передъ воротами, живущій налѣво (?)

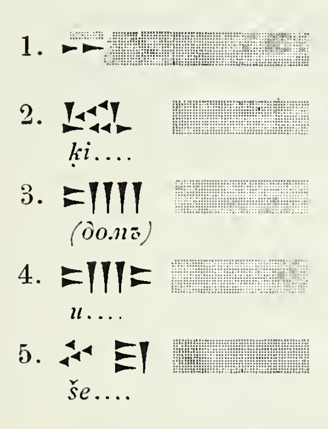
11. *(d.) Ḫal - di - i - ni - ni ʒi - el - di - e - ti - iš - nu*

Халдійцамъ алтарь (?) направо (?)

НАДПИСЬ № XXIII.

(Табл. XIV, 2).

Высота камня 22 сант., шир. 12,5 сант. Объ немъ совершенно ничего не было до сего извѣстно; въ Эчміадзинѣ, гдѣ я впервые его обнаружилъ, никто мнѣ не могъ объяснить, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ найденъ. Несомнѣнно только одно, что онъ хранится тамъ уже давно и найденъ около Армавира; въ надписи уцѣлѣли только первые начальные знаки 5 строкъ, а именно:

Въ л. 3 идеограмма дома говоритъ за то что въ надписи повѣствуется о постройкѣ храма или дворца. Весьма вѣроятно, что и знакъ *ḳi* въ началѣ предшествующей строки былъ началомъ слова *ḳiurani*, за которымъ слѣдовало *ḳuldini*, т. е. мы здѣсь имѣемъ дѣло съ тѣми-же постройками, о которыхъ идетъ рѣчь въ вышеразсмотрѣнной надписи № XVII, и так. обр. этотъ фрагментъ по содержанію имѣлъ-бы отношеніе къ надписямъ №№ X—XI и IX (Сардарабадской). Конечно, наши предположенія о происхожденіи этой надписи отъ Аргишти требуютъ подтвержденія, которое можетъ быть доставлено только дальнѣйшими открытіями, но въ виду единства мѣстонахожденія и значительныхъ чертъ родства естественно видѣть въ обѣихъ надписяхъ одинъ и тотъ-же установленный нами типъ армавирскихъ надписей. Въ послѣднемъ, по крайней мѣрѣ, мы не сомнѣваемся; сомнѣніе можетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ вопросу о происхожденіи этой надписи отъ Аргишти: съ равнымъ правомъ она могла-бы принадлежать и Сардури II, отъ котораго остались надписи, повѣствующія о постройкѣ дворцовъ и храмовъ.

НАДПИСЬ № IX.

(Табл. X).

A. H. Sayce въ Тифлисской армянской газетѣ «Мшакъ», 1892, № 95, 22 авг. и въ Journal of the Royal Asiatic Society, January 1893, p. 12—15 (№ LXXVII).— *М. В. Никольскій* въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», т. I, вып. 3, стр. 434—437.

Высота камня 53,5 сант., шир. 88,3 сант., находится въ Эчміадзинскомъ музеѣ. Эта надпись, найденная въ Сардарабадѣ, вмѣстѣ съ найденною въ недавнее время въ Каракала (№ XXIV), принадлежитъ къ важнѣйшимъ армавирскимъ надписямъ. Что она найдена не въ самомъ Армавирѣ, а въ деревнѣ Сардарабадѣ, находящейся въ верстахъ 7 отъ Армавира, не можетъ служить препятствіемъ къ признанію ея происхожденія съ холма. Объ этомъ мы говорили выше, по относительно Сардарабадской надписи слѣдуетъ сказать еще, что по своему содержанію она болѣе, чѣмъ какая либо другая, заслуживаетъ названія армавирской, такъ какъ сообщаетъ о самомъ созданіи этого города. Во время моего посѣщенія Сардарабада я осматривалъ маслобойню, въ которой былъ найденъ камень съ надписью. Одна изъ ея стѣнъ выложена камнями, хорошо обтесанными, въ происхожденіи которыхъ съ армавирскаго холма нельзя было сомнѣваться. Мы уже говорили о широкомъ хищеніи армавирскихъ камней для построекъ Сардарабада, но особенно эти камни были удобны для такихъ построекъ, какъ маслобойни, и легко ожидать, что при разборкѣ таковыхъ могутъ найтись памятники въ родѣ Сардарабадскаго камня. Для нихъ требуются камни особенно большой величины и правильно обдѣланные. Если при постройкѣ надписи были спрятаны внутрь кладки, то это могло послужить къ ихъ сохранности, чѣмъ объясняется сохранность Сардарабадской надписи. Этотъ камень есть самый большой изъ всѣхъ, хранящихся въ Эчміадзинѣ, и по своей обдѣлкѣ съ характеристической полоской по краямъ (*bossage*) служитъ типическимъ образцомъ строительныхъ камней Армавира въ эпоху ванскихъ царей.

Надпись по своему содержанію есть актъ о построеніи Армавира царемъ Аргишти I. Названіе «*Argištiḫinili*», которое мы встрѣчаемъ только въ анналахъ Аргишти (Сэйсъ XL, 72), здѣсь вырѣзано на самомъ мѣстѣ его построенія съ обстоятельствами, сопровождавшими это событіе. Аргишти нашелъ на холмѣ разрушенный дворецъ, возстановилъ его и далъ ему названіе *Argištiḫinili*. Здѣсь мы должны сказать о значеніи слова то же самое, что и о *Menuaḫinili* 3-й ташбурунской надписи. Это было названіе не спеціально одного зданія-дворца, но цѣлаго города, цѣлой мѣстности, и означало *столицу Аргишти*. Въ разсматриваемую нами эпоху ванскій царь, гдѣ бы онъ ни жилъ, постоянно находился посреди лагеря войска, и болѣе или менѣе постоянное его мѣстопребываніе должно было быть укрѣпленнымъ лагеремъ, *замкомъ*. Такъ и не иначе мы должны представлять *Argištiḫinili*, основанный царемъ Аргишти. Всѣ эти постройки едва ли могъ вмѣстить въ себѣ одинъ только армавирскій холмъ, весьма небольшой величины: вѣроятно, лагерь

помѣщался у подножія холма и былъ окруженъ стѣною или большимъ валомъ, слѣды которыхъ могли со временемъ совершенно изгладиться, благодаря усиленной культурѣ и системѣ орошенія, практикуемой въ этой мѣстности.

1. *(d.) Ḫal - di - ni - ni al - su - u - i - ši - ni*
Халдійцамъ великимъ

2. *(d.) Ar - giš - ti - še (d.) Me - nu - a - ḫi - ni - še*
Аргишти, сынъ Менуа,

3. *a - li - e ba - du - u - si - i - e*
говоритъ: дворецъ разрушенный

4. *ši - i - di - iš - tu - u - bi te - ru - u - bi*
я возстановилъ, обстроилъ,

5. *(d.) Ar - gi - iš - ti - ḫi - ni - li ti - i - ni*
Аргиштихинили — онъ названъ;

6. *ḳi - u - ra - a - ni ḳu - ul - di - ni ma - a - nu*
стѣны (берега) крѣпкія каждую

7. *u - i gi - i iš - ti - ni ši - da - u - ri*
слоемъ камня этого дикаго,

8. *Mu - na - a - ni a - gu - bi*
рѣку Мунаи . . . . я вывелъ,

9. *(d.) ul - di - e (d.) ẓa - a - ri - e te - ru - bi*
деревянныя сооруженія (?) я построилъ,

10. *ẓa - du - bi ar - ni - ši - ni - li iš - ti - ni*
совершилъ предпріятіе это,

11. *(d.) Ar - gi - iš - ti - ni (d.) Me - nu - a - ḫi*
(въ честь) Аргишти, сына Менуа

12. *al - su - u - i - ni - e*
царя могущественнаго, царя великаго,

13. *(d.) Bi - i - a - i - na - a - u - e*
царя страны Біайны,

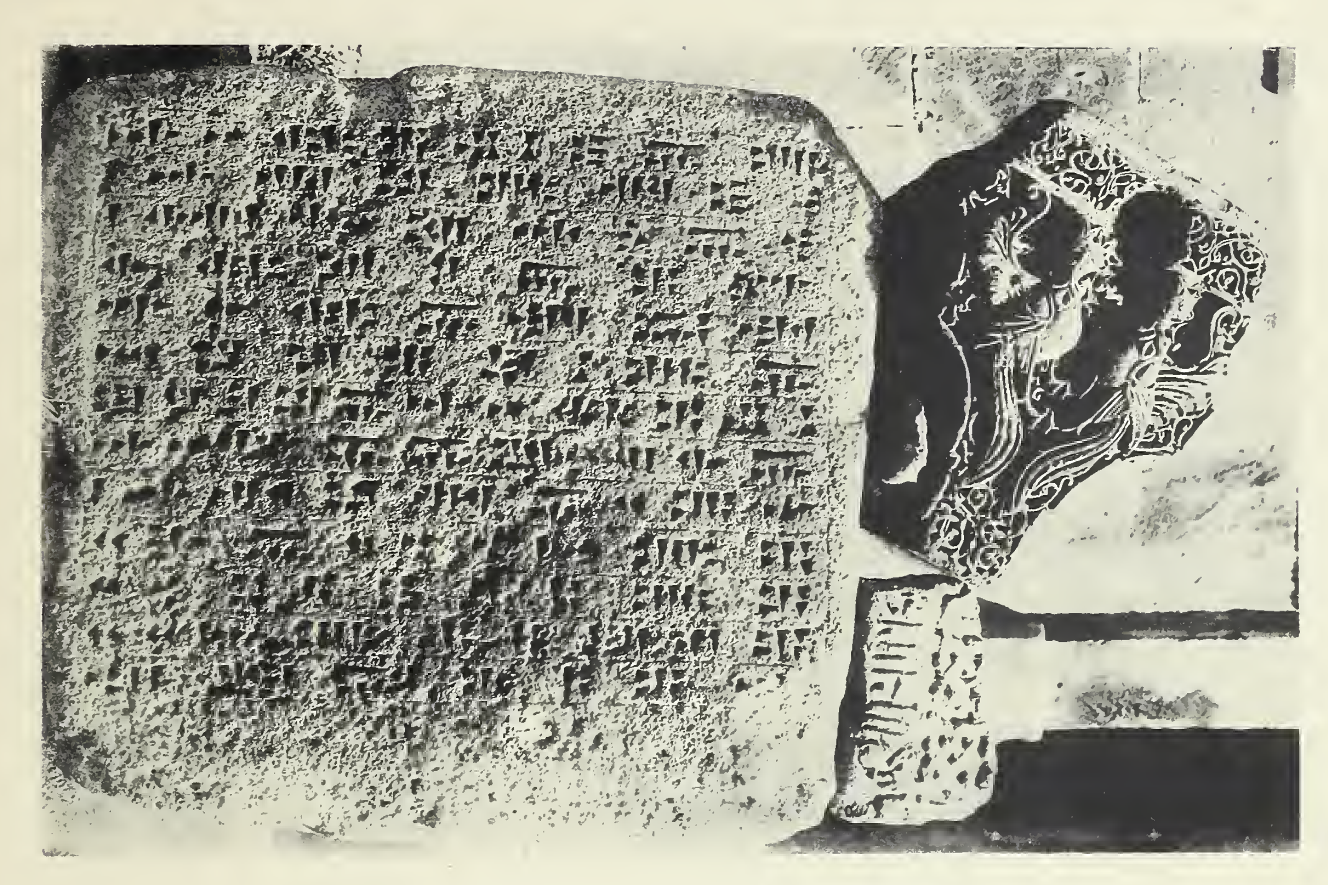
14. *a - lu - si (d.) Ṭu - uš - pa - a - e (d.)*
живущаго въ городѣ Тушпа.

Къ тексту:

Лин. 8. Второй знакъ не вполнѣ ясенъ на оригиналѣ, но его не иначе можно читать, какъ [cuneiform], по крайней мѣрѣ, чтеніе Сэйса [cuneiform] *ki* ошибочно. 3-й знакъ не [cuneiform] *i*, а [cuneiform] *nu*. Въ такомъ случаѣ слово *Munani* слѣдуетъ считать за названіе рѣки или канала; можетъ быть это названіе самого Аракса или канала, отъ него проведеннаго.

Къ толкованію:

Лин. 6—8. Чтобы сколько нибудь понять смыслъ этой фразы, надобно разсмотрѣть ее въ связи съ параллельною ей въ XXIV, 3—7. Въ первомъ случаѣ читаемъ: *ḳiurani kuldini manu ui gi ištini šidauri* [cuneiform] [cuneiform] *Munani ša e meš agubi*, во второмъ: *ḳirani ṣirabae manu ui aini ištini aiuri Haldinini baušini Argištiše aguni.* Здѣсь прежде всего замѣтимъ, что глаголъ *agubi*, *aguni*, составляющій сказуемое въ обоихъ случаяхъ, употребляется при описаніи проведенія каналовъ (см. W. *Belck* и *C. F. Lehmann* въ Zeitschrift für Ethnologie: Ueber neuerlich aufgefundene Keilinschriften in russisch und türkisch Armenien. B. XXIV. Heft 2 (1892) S. 133—141; срав. *A. H. Sayce*, №№ XXII, 3, 10; LXXI, 3; LXXII, 3; LXXIII, 3 и LXXIV, 3). Въ упомянутой надписи XXIV, 3 именно и говорится о проведеніи *pili* т. е. *канала*. Въ разбираемой надписи нѣтъ слова *pili*, но есть идеограмма рѣки [cuneiform] [cuneiform], которая можетъ означать и каналъ (судя по значенію этой идеограммы въ ассирійскомъ). Слова: *ḳiurani ḳuldini* имѣются еще только въ надписи XVI, 6 въ формѣ *ḳiura ḳuldi;* въ XXIV, 4 второе слово *ḳuldini* замѣнено *ṣirabae*. То и другое, т. е. и *ḳiurani ḳuldini* и *ḳirani ṣirabae* очевидно имѣютъ отношеніе къ водянымъ сооруженіямъ, такъ какъ въ одномъ случаѣ стоятъ въ связи съ *pili*, *каналъ*, въ другомъ — съ идеограммою рѣки (или канала), всего вѣроятнѣе *ḳiurani* означаетъ *стѣны*, въ примѣненіи къ рѣкѣ или каналу *берега*, выложенные камнемъ на подобіе стѣнъ. *ḳuldini* же и *ṣirabae* — эпитеты, прилагаемые къ подобнымъ сооруженіямъ, въ одномъ случаѣ *крѣпкій*, въ другомъ *высокій*. — Слово *ui* встрѣчается 10 разъ въ текстахъ (кромѣ разбираемой надписи у *Сэйса*: V, 26, 73; 28, 77; 29, 80; IX, 2; XIII, 2; XXXVII, 12; XLI, 13; L, 7 и XXIV, 5), причемъ въ 8 мѣстахъ въ фразѣ, тожественной или параллельной съ разбираемою. Изъ этого можно заключить, что едвали оно имѣетъ значеніе соединительнаго союза *и*, придаваемое ему Сэйсомъ, такъ какъ трудно понять, почему этотъ союзъ употребляется почти исключительно въ одной фразѣ и не употребляется въ другихъ. Въ 7-ми случаяхъ *ui* стоитъ рядомъ со словомъ *gi* и въ одномъ, именно въ надписи XXIV, 5, съ *aini:* послѣднее слово означаетъ *земля*, *прахъ* [См. надпись № I (Ташбурунъ), л. 17 (стран. 25)], въ противоположность этому *gi* означаетъ вѣроятно другой матеріалъ постройки, напр. *камень* (параллельное выраженіе мы имѣемъ въ XIX, 3 и XXII, 4: *kaṗi ištini*), — отсюда *ui* можетъ означать *слой* камней или земли. — *šidauri*, вѣроятно эпитетъ къ *gi*, чередуются въ XXIV, 5 съ *aiuri* (если только *šida* и *ai* не составляютъ отдѣль-

1) НАДПИСЬ № XII. АРМАВИРСКАЯ.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, ВЪ МОСКВѢ.

2) ВИДЪ ВЕРШИНЫ АРМАВИРСКАГО ХОЛМА.

1) НАДПИСЬ № XIII, АРМАВИРСКАЯ.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И Кº, ВЪ МОСКВѢ.

2) НАДПИСЬ № XIV, АРМАВИРСКАЯ.

ныхъ словъ): что *ai*, входящее въ составъ втораго слова, тожественно съ *aini* въ той-же строкѣ (*ni*-суффиксъ), въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться: въ такомъ случаѣ можно было-бы *aiurì* въ примѣненіи къ *землѣ*, *праху* понимать въ смыслѣ *насыпной*, *взятый съ поля*, въ примѣненіи къ *gi*, *камень*, въ смыслѣ *дикій* или *взятый съ каменоломни*.

НАДПИСЬ № XXIV.

(Табл. XI).

Рамка надписи 37,5 сант. выс., 67 сант. шир. Надпись эта была найдена въ 1895 году на лѣвомъ берегу Аракса, неподалеку отъ развалинъ *Каракала*, находящихся на противоположномъ (правомъ) берегу Аракса, въ верстахъ 20 отъ Армавира. Эстампажъ съ надписи былъ присланъ архіепископомъ Месропомъ; судя по словамъ архимандрита Месропа-теръ-Мовсесяна, снимавшаго надпись, мѣстность эта заслуживаетъ большого вниманія. Здѣсь Араксъ только-что выступаетъ изъ тѣснинъ въ Эриванскую равнину: мѣсто, гдѣ находится надпись, составляетъ уголъ, образуемый съ одной стороны Араксомъ, съ другой — русломъ когда-то бывшаго, но теперь оставленнаго и высохшаго канала. Самая надпись вырѣзана на камнѣ огромной величины и прикрыта другимъ большимъ камнемъ. По мнѣнію архимандрита Месропа, камень съ надписью составлялъ одно цѣлое съ находящеюся рядомъ съ нимъ большою скалою, отъ которой онъ оторвался, благодаря вулканическому перевороту. Но я имѣю всѣ данныя утверждать, что этотъ переворотъ предшествовалъ гравировкѣ надписи, что царь Аргишти нашелъ камень въ настоящемъ его видѣ и положеніи. За это говоритъ аналогія надписей въ Гулиджанѣ, Захалу и особенно въ Эйлярѣ (см. ниже). Изъ содержанія надписи мы видимъ, что на этомъ мѣстѣ было воздвигнуто царемъ Аргишти сооруженіе, которое онъ назвалъ *pili*. Слово это, которое *Сэйсомъ* было объяснено въ значеніи *памятникъ*[1], а *Д. Мюллеромъ*—*надпись*[2], въ послѣднее время получило новое толкованіе, благодаря изслѣдованіямъ и находкамъ *Вальдемара Белька*[3]) въ окрестностяхъ Вана: обнаружился именно тотъ фактъ, что надписи, находящіяся по близости большаго канала *Шамирамъ-су*, (между Артамидомъ и Ваномъ) повѣствуютъ о сооруженіи *pili* царемъ Менуа. Это дало основаніе г.г. *Бельку* и *Леману* утверждать, что подъ *pili* надобно разумѣть *каналъ*. Проф. *Сэйсъ* не согласился съ этимъ утвержденіемъ: точно также и по моему мнѣнію оно требовало подтвержденія. Въ настоящее время мы получили это новое подтвержденіе взгляда г. Белька, благодаря находкѣ надписи въ Каракала. Изъ всѣхъ надписей, найденныхъ въ окрестностяхъ Армавира, это единственная, вырѣзанная на скалѣ, повѣствуетъ о

---

[1]) Въ надписи № XXII (The Cuneiform Inscriptions of Van).

[2]) Die Keilinschrift von Aschrut-Darga, S. 18—19.

[3]) Ueber neuerlich aufgefundene Keilinschriften in russisch und türkisch Armenien. Zeitschrift für Ethnologie Bd. XXIV. Heft II (1882), S. 122—152.—Ср. *Л. З. Мсеріанца* «Къ интерпретаціи ванскихъ надписей» въ Трудахъ Восточ. Ком. Т. II, вып. I, стр. 111—112 (протоколы).

сооруженіи *pili* и находится въ такомъ мѣстѣ, гдѣ именно начинался каналъ изъ Аракса на сѣверъ для орошенія мѣстности, ближайшей къ Армавиру. Можетъ ли теперь быть сомнѣніе въ томъ, что *pili* означаетъ не что другое, какъ только *каналъ?* Помимо этого и другія соображенія приводятъ къ тому-же самому выводу. Въ этой надписи о сооруженіи *pili* повѣствуется въ выраженіяхъ, хотя и параллельныхъ съ тѣми, которыя мы находимъ въ Сардарабадской надписи, но съ оттѣнками выраженія, свидѣтельствующими, что здѣсь говорится не объ архитектурныхъ, а скорѣе инженерныхъ сооруженіяхъ: такъ глаголъ *aguni*, *провелъ*, какъ мы видѣли изъ Сардарабадской надписи, усвояется спеціально сооруженіямъ рѣчнымъ (лин. 8). Отсюда всѣ характеристическія въ этой надписи слова, входящія въ составъ фразъ, параллельныхъ съ надписью Сардарабадскою, всего естественнѣе считать терминами, примѣняемыми къ инженернымъ сооруженіямъ.

Выставленная мною связь этой надписи съ Сардарабадскою, равно какъ то обстоятельство, что она, подобно всѣмъ остальнымъ армавирскимъ надписямъ, повѣствуетъ о постройкахъ и найдена по близости отъ Армавира, даетъ намъ основаніе ставить ее въ самую неразрывную связь съ надписями Аргишти, относящимися къ *Argištiḫinili*. Изъ надписей XIII, 8 и XIV, 6 мы знаемъ, что среди сооруженій *Argištiḫinili* находился и каналъ *(pili)*, но теперь у насъ имѣется самый актъ о сооруженіи канала изъ Аракса по направленію къ Армавиру. Къ сожалѣнію, пока еще русло и направленіе этого канала въ точности не изслѣдовано, но его изслѣдованіе въ ближайшемъ будущемъ обѣщаетъ доставить весьма интересныя топографическія данныя относительно *Argištiḫinili*.

1. *(d.) Ḫal- di- ni- ni al- su- i- ši- ni*
Халдійцамъ великимъ

2. *(d) Ar- giš- ti- še (d.) Me- nu- a- ḫi- ni- še*
Аргишти, сынъ Менуа,

3. *i- ni pi- i- li- e a- gu- u- ni*
этотъ каналъ провелъ.

4. *ki- ra- ni ṣi- ra- ba- e ma- nu*
стѣны (берега) высокія каждую

5. *u- i a- i- ni- i iš- ti- ni a- i u- ri*
слоемъ земли этой насыпной

6. *(d.) Ḫal- di- ni- ni ba- u- ši- ni*
Халдійцамъ свободнымъ (?)

7. *(d.) Ar- gi- iš- ti- i- še a- gu- ni*
Аргишти вывелъ.

8. *(d.) Ar- gi- iš- ti- ni (d.) Me- nu- a- ḫi*
(въ честь) Аргишти, сына Менуа,

9. *(d.) Bi- a- i- na- u- e*
царя могущественнаго, царя страны Біайны,

10. *a- lu- si (d.) Tu- uš- pa- e (d.)*
живущаго въ городѣ Тушпа.

Къ толкованію:

Лин. 4—5. Объясненіе этой фразы см. въ IX, 6—8. Интересно здѣсь отмѣтить, что вм. *ḳiurani*, *ḳiura* мы читаемъ *ḳirani*, изъ чего слѣдуетъ заключить, что здѣсь мы имѣемъ звукъ *ü* послѣ *ḳ* *(ḳü)*, нѣчто среднее между *i* и *u*.

Лин. 6. *baušini*, новый, еще не встрѣчавшійся въ другихъ надписяхъ эпитетъ *халдійцевъ*. Трудно сказать, что онъ означаетъ. Если согласиться съ предположеніемъ Белька и Лемана, что *Ḫaldinini alsuišini* означаетъ не *божества-халдійцы*, а *подданные халдійцы*, т. е. народъ халдійцевъ (см. вышецитованную статью въ Zeitschrift für Ethnologie. S. 132), то можно было бы, согласно съ свидѣтельствомъ Ксенофонта (Anabasis IV. 3. 4; V. 5. 17; ср. VII. 8. 5), *alsuišini* объяснять въ значеніи ἄλκιμοι (χαλδαῖοι), а *baušini*—ἐλεύθεροι.

НАДПИСЬ № IV.
(Табл. XXXII).

D. H. Müller въ Wiener-Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 1887, I B. 3 H., 1887.—*A. H. Sayce* въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol. XX, part I, № LXVII.—*М. В. Никольскій*. Клинообразныя надписи ванскихъ царей въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», Т. I, вып. 3, стр. 427.

Къ разряду армавирскихъ надписей Аргишти I мы относимъ и маленькую однострочную надпись, найденную архіеписк. Месропомъ въ 1886-мъ году въ Сурмалинскомъ округѣ, въ селеніи *Газанчи* на правомъ берегу Аракса, въ верстахъ 15 отъ Армавира на югъ. Во время экспедиціи мы не могли ее отыскать и полагали, что она, подобно ташбурунской № II, погибла, но къ счастію она была лѣтомъ 1895 года отнята у татаръ и въ настоящее время находится у уѣзднаго начальника Сурмалинскаго уѣзда, А. А. Богуславскаго. О. Галустъ-теръ-Мекертчьянъ прислалъ въ Общество снимокъ, сдѣланный отъ руки, вмѣстѣ съ нѣкоторыми

свѣдѣніями о самомъ камнѣ. По его словамъ, камень представляетъ базу колонны изъ базальтовой лавы; діаметръ ея 1 арш. 2 верш. Надпись вырѣзана кругообразно въ видѣ пояса, длина ея 3 арш. $8^1/_4$ верш. Сохранилась она не вся; въ концѣ надписи находится пространство около 6 вершковъ съ слѣдами стертыхъ знаковъ; по соображенію мѣста здѣсь должно быть 3—4 знака. Изъ снимка о. Галуста видно, что послѣдній изъ этихъ знаковъ несомнѣнно представлялъ идеограмму дома, вслѣдствіе сего оказалось вполнѣ возможнымъ возстановить и остальные три знака, именно *še i-ni* [1]) Такимъ образомъ надпись въ цѣломъ видѣ будетъ читаться такъ:

(d.) Ḫal- di- i- ni- ni al- su- u- ši- ni
Халдійцамъ великимъ

(d.) Ar- gi- iš- ti- i- še (d.) Me- nu- u- a- ḫi-
Аргишти, сынъ Менуа,

ni- [še i- ni] ʒa- du- ni
этотъ домъ построилъ.

НАДПИСЬ № XII.

(Табл. XII, 1).

Месропъ Сумбатянцъ въ «Араратѣ» 1883, стр. 242—243.—*A. H. Sayce* въ Muséon'ѣ II, 3 (1883), и въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol. XX. Part. I. № LXV.— *M. B. Никольскій* въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», т. I, вып. 3, стран. 443—445.

Высота камня 65 сант., шир. 76 сант., находится въ Эчміадзинскомъ музеѣ. Надпись принадлежитъ не Аргишти I, а Сардури II. Сынъ и преемникъ Аргишти I, Сардури II, не только не покинулъ Аргиштихинили какъ резиденцію и центръ своего господства въ долинѣ Аракса, но, повидимому, сдѣлалъ все, чтобы придать ему еще большее значеніе. Изъ надписей Аргишти мы видѣли, что онъ главнымъ образомъ заботился о сооруженіи своего дворца, или вѣрнѣе сказать замка, чтобы такимъ образомъ имѣть въ немъ политическій и стратегическій опорный пунктъ. Правда, изъ надписей X—XI и XVII мы видѣли также, что онъ обращалъ большое вниманіе на исполненіе религіознаго культа и имъ былъ основанъ или возобновленъ (домъ) *siriḫanini*, вѣроятно временное помѣщеніе для приношенія жертвъ и исполненія религіозныхъ церемоній. Мы не имѣемъ ни одной надписи, которая бы повѣствовала о сооруженіи храма въ собственномъ смыслѣ. Видно, что вся энергія Аргишти поглощена была на исполненіе предпріятій, самыхъ неотложныхъ въ политическомъ и стратегическомъ отно-

---

[1]) Во время печатанія мы получили отъ г. Думберга, директора Керченскаго Музея, эстампажъ съ этой надписи, который воспроизводимъ на Табл. XXXII. Онъ былъ снятъ г. Думбергомъ лично въ 1895 году.

шенія. Заняться сооруженіемъ храмовъ, соотвѣтствующихъ по своему исполненію величію его божества, у него не было времени и силъ. Это осталось на долю его преемника. Въ надписи № XII Сардури II торжественно заявляетъ о сооруженіи таковаго храма богу Халди. Замѣчательно здѣсь прежде всего то, что Сардури называетъ его *владыкою міра* (►I I I = *bel kiššati* по ассирійски), изъ чего можно заключить, что величіе бога царства Урарту, Халди, въ его время и во время его отца успѣло вырости, соотвѣтственно усиленію могуществу царства: называя себя въ этой же надписи *царемъ странъ* (л. 10) и *царемъ царей* (л. 12), онъ и своего бога титулуетъ *владыкою міра*. Здѣсь мы встрѣчаемъ то обычное явленіе въ развитіи религіи восточныхъ народовъ, что власть и могущество мѣстныхъ боговъ постепенно расширяется съ расширеніемъ области посредствомъ завоеванія. Урартскіе цари восприняли эту идею и самую терминологію своего титула и титула божества у ассирійцевъ. Претендуя со времени Аргишти на обладаніе міромъ, благодаря счастливымъ походамъ и завоеваніямъ большей части провинцій, входившихъ въ составъ ассирійской монархіи на сѣверѣ, урартскіе цари перенесли на себя и на свою религію традиціонную идею міроваго господства, носителемъ которой были сначала вавилоняне, а потомъ ассирійцы. Отсюда и ихъ божество, во имя котораго и при помощи котораго они совершали эти завоеванія, въ ихъ глазахъ было универсальнымъ божествомъ міра, богомъ надъ всѣми царствами и мѣстными богами.

Но здѣсь повторяется то-же явленіе, какое мы встрѣчаемъ въ надписи о построеніи города Аргиштихинили его отцомъ, что именно Сардури II говоритъ не о построеніи вновь храма, а только о возобновленіи стараго храма, пришедшаго въ ветхость. Трудно думать, чтобы этотъ храмъ успѣлъ притти въ ветхость со времени Аргишти, и это одно уже служитъ доказательствомъ, что Аргишти не былъ строителемъ храма въ Армавирѣ. Храмъ этотъ, подобно дворцу, возстановленному Аргишти, лежалъ въ развалинахъ уже съ давняго времени. Онъ не только существовалъ прежде, но и былъ посвященъ тому-же божеству; объ этомъ свидѣтельствуетъ самое названіе храма *Ḫaldinili* т. е. *мѣстопребываніе бога Халди*. Въ надписи не говорится, что бы Сардури II самъ далъ это названіе созданному имъ храму, какъ это случилось съ дворцомъ Аргишти, который получилъ свое названіе только отъ Аргишти (*Argištiḫinili tini = онъ назвалъ его Аргиштихинили*). Отсюда вполнѣ ясно, что культъ бога Халди находился въ этомъ мѣстѣ до завоеванія его Аргишти, и очень можетъ быть, что названіе *Ḫaldinili* было собственнымъ именемъ армавирскаго холма въ предшествующую эпоху. Будучи важнымъ религіознымъ пунктомъ по воспоминаніямъ прошлаго, онъ обратилъ на себя вниманіе Аргишти, который придалъ ему новое политическое значеніе, укрѣпилъ его и далъ ему свое имя. Сардури II оставляетъ за нимъ это значеніе и вѣроятно продолжаетъ называть его по имени отца, по крайней мѣрѣ не называетъ его собственнымъ именемъ: но онъ возстановляетъ во всей силѣ его прежнее религіозное значеніе и закрѣпляетъ за нимъ прежнее традиціонное имя *Халдинили*, какъ имя религіознаго центра.

1. (d.) Ḫal - di - e i - ni
Халди, владыкѣ міра, этотъ домъ

2. (d.) Sar - du - u - ri - i - še
Сардури,

3. (d.) Ar - gi - iš - ti - ḫi - ni - še
сынъ Аргишти,

4. ši - di - iš - tu - ni e - ʼa
возстановилъ. это

5. (d.) Ḫal - di - ni - li - li
Халдинили. мѣсто воротъ

6. ba - du - si - e ku - šu u - ni
разрушенное воздвигнулъ.

7. at - ḳa - na - du - ni (d.) Ḫal - di - e
посвятилъ въ честь Халди, владыки міра,

8. (d.) Ḫal - di - ni - ni al - su - ši - ni
халдійцевъ великихъ.

9. (d.) Sar - du - ri - ni
Сардури, царя могущественнаго,

10. - ni - u - e
царя великаго, царя странъ,

11. Bi - a - i - na - a - u - e
царя страны Біайна,

12. - u - e a - lu - si
царя царей, живущаго

13. (d.) Ṭu - uš - p̣a - e d.
въ городѣ Тушпа.

НАДПИСИ №№ XIII—XIV.

(Табл. XIII, 1—2).

Месропъ Сумбатянцъ въ «Араратѣ» 1881 стран. 604—606.— *К. П. Паткановъ* въ Muséon'ѣ I, 4 (1882). *Егоже:* О клинообразныхъ надписяхъ ванской системы, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи въ Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. 1883, прилож. V—VI.— *A. H. Sayce* въ Muséon'ѣ II, I (1883) и въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol. XX. Part. I, № LXIII—LXIV.— *М. В. Никольскій* въ «Трудахъ Восточной Ком.», т. I, вып. 3, стр. 445—448.

Рамка надписи № XIII выс. 51 сант., шир. 58,8 сант., надписи № XIV—выс. 34 сант., шир. 62 сант. Оба камня находятся въ Эчміадзинскомъ музеѣ. Находящіяся на нихъ надписи имѣютъ отношеніе несомнѣнно къ той же постройкѣ, о которой повѣствуется въ № XII. Обѣ онѣ представляютъ фрагменты одного и того-же текста, который, очевидно, повторялся на нѣсколькихъ мѣстахъ зданія, какъ это мы видимъ во дворцахъ ассирійскихъ царей, въ особенности въ Нимрудѣ. Объ этихъ фрагментахъ мы должны сказать то-же самое, что о надписяхъ №№ X—XI, XVII и о другихъ, что именно настоящая ихъ фрагментарная форма есть первоначальная, такъ какъ камни эти при самомъ основаніи были обдѣланы въ эту форму до гравировки на нихъ надписей. Это опять можно видѣть по фотографіямъ. Правый край № XIV былъ нѣсколько поврежденъ въ позднѣйшее время, но не настолько, чтобы это препятствовало признать конецъ строкъ первоначальнымъ. Такъ какъ первая строка № XIV не есть, очевидно, начало надписи, равно какъ на правомъ боку нѣтъ начала строкъ, а на лѣвомъ—конца, то слѣдуетъ заключить, что полная надпись была написана не менѣе, какъ на 6 подобныхъ камняхъ, и, слѣдовательно, имѣла довольно большой объемъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о надписи, къ которой принадлежалъ фрагментъ № XIII, т. е. что и она состояла изъ 6 камней, но, судя по количеству строкъ и ихъ протяженію, съ тѣмъ различіемъ, что надпись эта состояла изъ 3 рядовъ камней, по два въ каждомъ, а надпись № XIV—изъ двухъ рядовъ по 3 камня въ каждомъ.

Въ двухъ фрагментахъ, взаимно дополняющихъ одинъ другой, мы имѣемъ не болѣе $^1/_4$ или $^1/_3$ полнаго текста. Такъ какъ 1 и 2 строки № XIV близко подходятъ къ 9 и 10 строкамъ № IX (Сардарабадской), то можно догадываться, что въ начальной части текста шла рѣчь о построеніи дворца, а можетъ быть и о другихъ постройкахъ въ городѣ, такъ какъ въ л. 1 имѣется идеограмма города. Но что главное содержаніе надписи касалось построенія собственно храма, а не дворца, это видно изъ всего характера надписи, изъ ея чисто религіознаго отпечатка. Встрѣчающееся въ XIII, 3 и XIV, 4 слова *ulgušiainie*, которое означаетъ несомнѣнно *щитъ*, видно, что дѣло идетъ между прочимъ о посвященіи божеству щитовъ. Какъ можно видѣть по изображенію урартскихъ храмовъ, щиты вѣшались на фасадѣ ихъ (см. табл. VI). Изъ XIII, 9 и XIV, 7 видно, что Сардури имѣлъ здѣсь, кромѣ культа Халди, еще культъ солнечному богу, которому онъ посвящаетъ *20 tuḫini*, предметовъ, значеніе которыхъ для насъ непонятно. Наконецъ, какъ въ XVII, 10, страна самая называется *Ḫaldina*, т. е. *страна бога Халди* (XIV, 3). Слѣдуетъ отмѣтить, что

XIII, 8 и XIV, 6 упоминается слово *pili* каналъ, но въ такой связи, что трудно сказать что-нибудь опредѣленное объ этомъ сооруженіи. Когда не было открыто надписи № XXIV, слово это могло служить доказательствомъ, что сооруженіе урартскими царями каналовъ простиралась и на долину Аракса, что около Армавира былъ каналъ, но очевидно это было заключеніе только проблематическое. Въ настоящее время мы имѣемъ документальное доказательство о сооруженіи Аргиштп канала около Каракала; былъ ли это тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Сардури II, или послѣдній, что всего вѣроятнѣе, вырылъ новый каналъ, этого въ точности опредѣлить нельзя по фрагментарности надписи.

№ XIII.

1. *ra - a bi - di - i - ni*
жертва

2. *(d.) Sar - du - ri (d.) Ar - giš - ti - ḫi - ni - e*
Сардури, сынъ Аргиштп

3. *ul - gu - ši - ia - i - ni - i - e*
щиты

4. *(d.) Ḫal - di - ni al - su - i - še - e*
Халди великому

5. *(d.) Ḫal - di - ni ar - ni uš - ma - še*
Халди сильному (?), милостивому (?)

6. *u - a - ni - še*

7. *ri - li*
дни счастливые

8. *pi - li . si - ip - ru - gi - ni*
каналъ прочный (?)

9. *(d.) Sar - du - ri - še XX tu - ḫi - ni - ni - ka - i*
Сардури, 20 . . . . передъ богомъ солнца

10. *a - ru - ni tar - gi - ni di šu - ia - i - di*
привелъ избраннѣйшихъ странъ . . . .

11. *(d.) Ḫal - di - ni - ni al - su - i - ši - i - ni*
халдійцамъ великимъ.

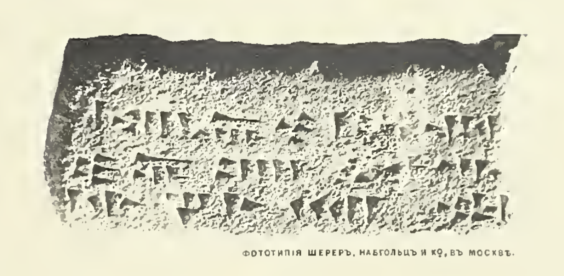
12. *(d.) Sar - du - ri - ni (d.) Ar - giš - ti - ḫi*
Сардури, сыну Аргишти

1) НАДПИСЬ № XX. АРМАВИРСКАЯ.

2) Армавирская № XXIII.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И Кº, ВЪ МОСКВѢ.

3) Армавирская № XIX.

№ XIV.

1. *i* (*d.*) *ul- di* (*d.*) *ẓa- ri- i*
городъ деревянныя сооруженія

2. *ar- ni- u- ši- ni- li iš- ti- ni ni*
предпріятіе это

3. *ra- a- bi- di- ni* (*d.*) *Ḫal- di- na ni*
жертву Халдина

4. (*d.*) *Sar- du- ri* (*d.*) *Ar- giš- ti- ḫi- ni- e ul- gu- ši- ia- i- ni- e*
Сардури, сынъ Аргишти, щиты

5. (*d.*) *Ḫal- di- ni ar- ni uš- ma- a- še pi ma*
Халди, сильный (?), милостивый (?)

6. *ri- li pi- li si- ip- ru- gi ni*
дни счастливые, каналъ прочный (!)

7. (*d.*) *Sar- du- ri- še XX tu- ḫi- ni ni- ka- i*
Сардури, 20 передъ богомъ солнца

8. *a- ru- ni tar- gi- ni di šu- ia- i- di*
привелъ, избраннѣйшихъ странъ

НАДПИСЬ № XX.

(Табл. XIV, 1).

Месропъ Сумбатянцъ въ «Араратѣ», 1881, стран. 604—606.—*К. П. Паткановъ* въ Muséon'ѣ I, 4 (1882).—*М. В. Никольскій* въ Археологич. Извѣст. и Зам. 1893 г. № 12.—*A. H. Sayce* въ Journal of the Asiatic Society, Oct. 1894, p. 711 (№ LXXXIII).

Высота камня 44,5 сантим., ширина 82,4 сантим. Онъ былъ найденъ въ 1881 году архіеп. Месропомъ Сумбатянцемъ въ селеніи Моллабаязетъ въ 5 верст. на сѣверо-зап. отъ Армавира, вмѣстѣ съ другими двумя (№№ XIII—XIV). Послѣдніе два камня были препровождены тогда же архіеп. Месропомъ въ Эчміадзинъ, а третій былъ оставленъ въ Моллабаязетѣ; надпись на немъ архіеп. Месропъ призналъ не читаемою и не помѣстилъ съ нея снимка въ «Араратѣ». Во время моего пребыванія въ Эчміадзинѣ намѣстникъ католикоса архіеп. Іеремія, по моему ходатайству, распорядился перевезти его изъ Моллабаязета въ Эчміадзинъ и помѣстить въ музеѣ Академіи вмѣстѣ съ другими камнями. Здѣсь мною сняты съ него фотографія и нѣсколько эстампажей: площадь надписи, дѣйствительно, находится въ весьма разбитомъ и стертомъ видѣ: почти вся правая сторона и нижняя ея половина разрушены: посрединѣ находится четыреугольная выбоина на подобіе ташбурунской № II (высота 13 сант., шир. 19,5 сант.). Несмотря однако же на столь безнадежное, повидимому, состояніе камня, мнѣ удалось частію прочесть, частію дополнить текстъ первыхъ 5 строкъ; далѣе, можно было отмѣтить только начальные знаки слѣдующихъ 3 строкъ, вся же надпись на этомъ камнѣ вѣроятно состояла изъ 12 строкъ, судя по мѣсту, но за 10 строкою вся площадь отбита.

Надпись принадлежитъ Сардури II, сыну Аргишти и повѣствуетъ, главнымъ образомъ, о сооруженіи двухъ зданій, храма и дворца; идеограммъ послѣднихъ не сохранилось, но они легко дополняются по аналогіи съ другими надписями (см. ниже: «Къ тексту»). Что касается храма, то безъ сомнѣнія здѣсь разумѣется тотъ же самый, о которомъ говорится въ надписи № XII; но изъ этой надписи мы можемъ заключить, что Сардури занимался постройкою или реставраціею не однихъ храмовъ, но и дворца, вѣроятно того же самаго, который былъ основанъ его отцемъ (IX, 3). Изъ строкъ 4—5 можно заключить, что Сардури, также какъ Аргишти, проводилъ каналы въ *Argištiḫinili*.

1. (d.) Ḫal - di - e e - u - ri - e i - ni (d.) Sar - du - ri - še
Халди, господину, этотъ домъ Сардури,

2. (d.) Ar - giš - ti - ḫi - ni - še ši - di iš - tu - ni
сынъ Аргишти возстановилъ. дворецъ

3. ba - du - u - si - e ši - di - iš - tu - ni te - ru - u - ni
разрушенный возстановилъ, отстроилъ.

4. ḳi - u - ra - ni ḳu - ul - di - ni ma - a - nu
стѣны крѣпкія каждую

5. (d.) Sar - du - ri - še (d.) Ar - giš - ti - ḫi - ni - še a - gu - ni
Сардури, сынъ Аргишти, вывелъ.

6. ša - ta

7. i

8. te - ku

9. }
10. } *Эти строки совершенно стерты.*

Къ тексту:

Лин. 1—3. Основаніемъ для реставраціи текста послужила намъ ташбурунская надпись № II, лин. 1—6. Во 2-й лин. слово *Argištiḫiniše* вполнѣ ясно читается на оригиналѣ, что и дало возможность дополнить конецъ 1-й и 2-й строки. Что касается 3-й, то въ ней ясны довольно 2-й и 3-й знаки, что въ связи съ невполнѣ сохранившимся первымъ знакомъ *ba* даетъ возможность читать первое слово *badusie*.

Лин. 4—5. Первый знакъ слѣдуетъ читать не *ku*, какъ мною онъ былъ прочитанъ, а *ḳi*. Мы имѣемъ здѣсь фразу, параллельную съ IX. 6—8 и XXIV, 4—7.

НАДПИСЬ № XIX.

(Табл. XIV, 3).

Месропъ Сумбатянцъ въ «Араратѣ» 1869, стр. 138.—*М. В. Никольскій* въ Археологич. Изв. и Зам. 1893 г. № 12 и въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», Т. II, вып. 1 стр. 26.—*A. H. Sayce* въ Journal of the Royal Asiatic Society, October 1894, № LXXX (p. 716—717).

Камень имѣетъ выс. 17 сант., шир. 31 сант. Онъ былъ найденъ въ 1869 г. архіеп. Месропомъ вмѣстѣ съ № XI у подножія Армавира и, слѣдовательно, былъ однимъ изъ первыхъ клинообразныхъ памятниковъ, найденныхъ въ Закавказьѣ. Надпись на немъ оставалась не читаемою до 1893 г., когда мною впервые были сняты съ нея эстампажъ и фотографія. Сверхъ ожиданія, надпись оказалась хотя небольшимъ фрагментомъ, но вполнѣ читаемою и представила не малый историческій интересъ. Она принадлежитъ Русѣ, сыну Эрмена; объ этомъ Русѣ до сего времени мы знали изъ надписей на бронзовыхъ щитахъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Вана (въ *Toprakkalèh*) и изданныхъ частію *Сэйсомъ* (№ L), частію В. Белькомъ [1]). Сэйсъ отожествилъ его съ *Ru-sa-a* надписи ассирійскаго царя Ассурбанипала [2]), который повѣствуетъ, что послѣ побѣды надъ *Теумманомъ*, царемъ Элама, онъ принялъ посольство Русы, царя Урарту, пришедшее къ нему съ дарами. Это было около 655 года до Р. Х. По нынѣшнему положенію знанія, это отожествленіе является самымъ естественнымъ. Вѣроятно этотъ Руса началъ свое царствованіе еще при отцѣ Ассурбанипала Асаргаддонѣ, такъ какъ одноименнаго Русу мы встрѣчаемъ въ ассирійскихъ гимнахъ времени Асаргаддона [3]) Такимъ образомъ, если послѣдній царь, котораго мы видѣли въ качествѣ завоевателя и строителя въ Эриванской равнинѣ, Сардури II, былъ современникомъ ассирійскаго царя Тиглатъ-Пилесера III, царствовавшаго въ 745—727 г.г. до Р. Х., то разстояніе между нимъ и Русою, сыномъ Эрмена, было-бы около 80—90 лѣтъ. Изъ промежуточныхъ царствованій намъ извѣстно только царствованіе одноименнаго съ нимъ Русы I, сына Сардури II, надпись котораго впервые нами была снята и прочитана во время экспедиціи (см. ниже надпись Кѣланы-Кирланы), но мы не имѣемъ отъ него надписей изъ Армавира и не знаемъ о его дѣятельности спеціально въ долинѣ Аракса. Этотъ Руса или *Ursa* (по ассирійскимъ надписямъ) умеръ въ 714 году до Р. Х., въ 8-й годъ царствованія Саргона, царя ассирійскаго. Такимъ образомъ въ исторіи Урарту за время около 60—70 лѣтъ является пробѣлъ, пока не наполненный монументальными данными; мы не знаемъ поэтому, принадлежалъ-ли Руса, сынъ Эрмена, т. е. Руса II, къ той же династіи, къ какой при-

[1]) Zeitschrift für Assyriologie VII, 265 и слѣд.

[2]) *Smith*. Assurbanipal, p. 147.

[3]) *Knudtzon*. Assyrische Gebete an den Sonnengott, № 48, S. 149 и слѣд.—Срав. Zeitschrift für Assyriologie IX S. 341.

надлежали всѣ выше упоминаемые цари Вана до Русы I, равно также не знаемъ того, какая судьба постигла за это время иріобрѣтенія ванскихъ царей Менуа, Аргишти и Сардури (и Русы I) въ долинѣ Аракса. Это отсутствіе надписей едва ли можно считать случайнымъ: послѣ погрома, нанесеннаго царству Урарту Саргономъ, и гибели Урсы или Русы I, геройскаго его защитника, вѣроятно слѣдуетъ періодъ упадка во время котораго не только прекратились завоеванія царей Вана въ сѣверной провинціи, но и въ самомъ центрѣ царства, на берегахъ Ванскаго озера, силы царства и народа были парализованы. Только спустя 60—70 лѣтъ снова появляются надписи, именно Русы II, въ которыхъ онъ является, судя по титуламъ, такимъ-же царемъ Вана, какъ и его предшественники; надписи на щитахъ свидѣтельствуютъ объ украшеніи имъ храмовъ щитами (см. изображеніе на табл. VI). Изъ армавирской надписи Русы II мы видимъ, что онъ владѣлъ царствомъ на сѣверѣ въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и Аргишти I, и посвятилъ свою дѣятельность также постройкамъ въ основанномъ этимъ царемъ *Argištiḫinili*. Болѣе этого мы не знаемъ о дѣятельности Русы II и можемъ выразить сожалѣніе, что не удалось найти другихъ надписей отъ этого царя. Дальнѣйшія изслѣдованія, можетъ быть, восполнятъ этотъ недостатокъ.

1. *(d.) Ru - sa - še (d.) E - ri - me - na - ḫi - ni - še*
Руса, сынъ Эримена,

2. *i - ni ʾa - ri šu - u - ni*
этотъ домъ укрѣпленный соорудилъ

3. *I M IV C XXXII ka - pi iš - ti - ni*
изъ 1432 камней этихъ.

Къ тексту:

Текстъ надписи возстановленъ на основаніи надписи, изданной проф. Д. Мюллеромъ въ Вѣнѣ въ его брошюрѣ: Die Keilinschrift von Aschrut-Darga (Wien 1886), стран. 15; эта надпись найдена въ развалинахъ *Аствадзашена* около Вана и заключаетъ параллельный текстъ, но принадлежащій не Русѣ II, а Аргишти I. Проф. Мюллеръ считаетъ надпись важною ради новыхъ словъ, которыми она обогащаетъ вокабулярій ванскаго языка, это именно три слова: *ʾari*, *šu-u-ni* и *kapištini*. Въ статьѣ: *Клинообразная надпись изъ Ганли-Тапа около Эривани* («Труды Восточной Коммиссіи» 2 Т., вып. I) я указалъ на связь вышеприведенной надписи съ надписью Ганли-Тапа и представилъ подробное объясненіе значеній тѣхъ новыхъ словъ, которыя она содержитъ.

III.

АРАГАТЦЪ, ГУЛИДЖАНЪ

(Argištiḫina, Ḳuliaini).

Физическія условія Алагёза *(Арагатцъ)* такого рода, что по близости къ долинѣ Аракса онъ является самымъ удобнымъ мѣстомъ для поселенія и военнаго занятія. Имѣя отъ 30 до 40 верстъ въ діаметрѣ и достигая въ центрѣ 13436 фут., Алагёзъ постепенно и незамѣтно подымается изъ окружающей равнины въ противоположность Арарату, поднятіе котораго крутое и обрывистое. Между тѣмъ какъ Араратъ дикъ и недоступенъ для человѣческихъ поселеній, почти совсѣмъ не выдѣляетъ изъ себя горныхъ рѣчекъ, Алагёзъ напротивъ обладаетъ весьма отлогими и широкими склонами, вполнѣ удобными для поселенія и культуры, и изъ снѣжныхъ его вершинъ и горныхъ озеръ вытекаетъ большое число рѣчекъ, которыя по ущельямъ спускаются въ знойныя равнины, окружающія гору, и орошаютъ ихъ. На болѣе низкихъ террасахъ Алагёза можетъ процвѣтать винодѣліе, на средней же высотѣ земля въ изобиліи произращаетъ пшеницу и ячмень, не требуя ни удобренія, ни поливанія, довольствуясь атмосферными осадками. Только верхніе слои Алагёза, лежащіе при подножіи его четырехъ покрытыхъ снѣгомъ пиковъ, неудобны для культуры, но и на нихъ въ лѣтнее время ведущіе пастушескую жизнь курды находятъ обильныя пастбища для своихъ стадъ, перекочевывая изъ окружающихъ долинъ. Въ настоящее время на склонахъ Алагёза находится весьма много богатыхъ и цвѣтущихъ армянскихъ селеній, а большое число древнихъ архитектурныхъ памятниковъ армянскаго періода, церквей и монастырей, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ болѣе древнее время культура была выше нынѣшней и населеніе многочисленнѣе и богаче.

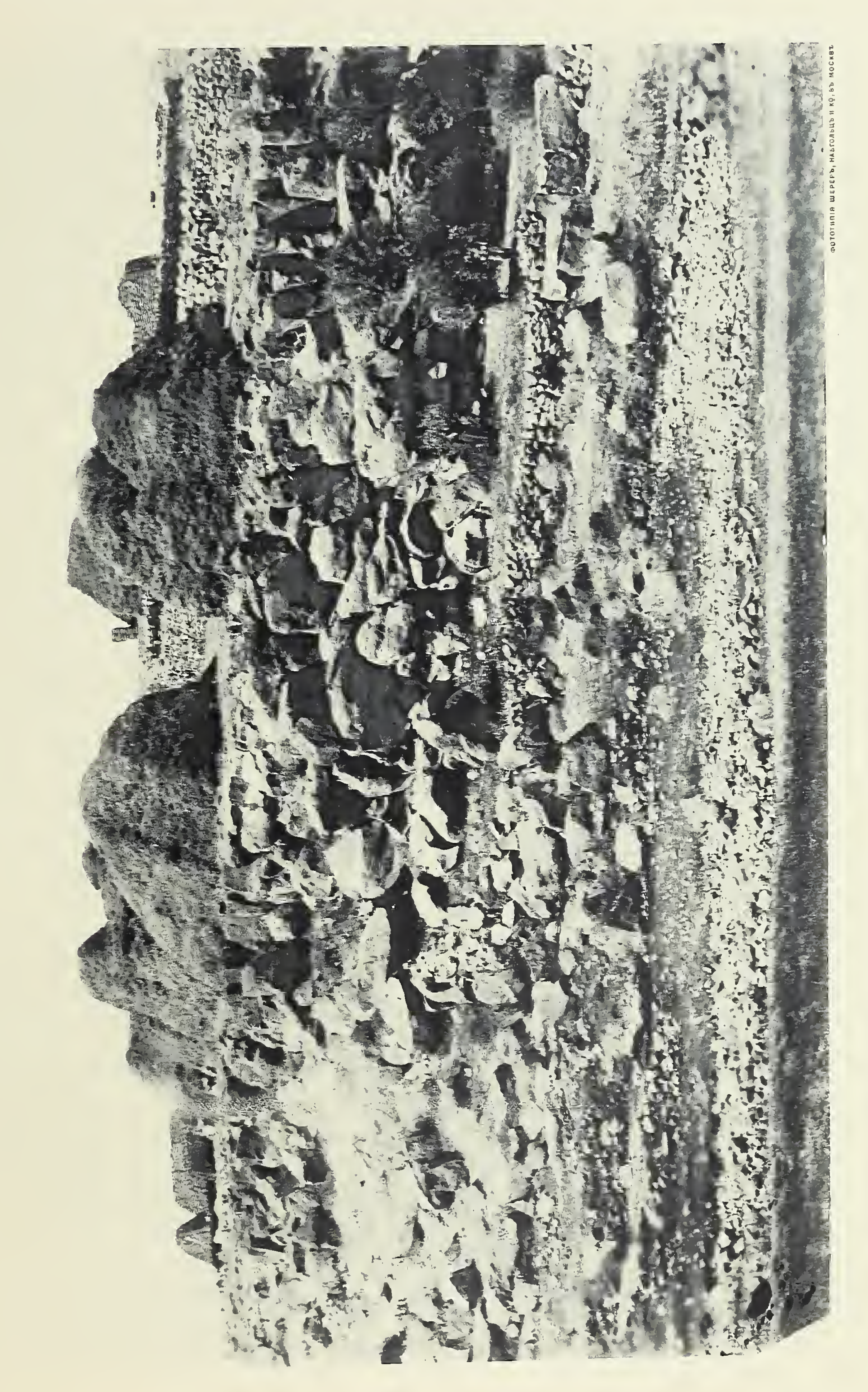
Трудно думать, чтобы Алагёзъ въ урартскій періодъ не имѣлъ своей исторіи въ родѣ Ташбуруна и Армавира, чтобы эта гора со множествомъ рѣчекъ, ущельевъ, террасъ, столь полныхъ жизни въ настоящее время, не дала мѣста образованію нѣсколькихъ независимыхъ маленькихъ государствъ, на которое дробилось населеніе въ урартскую эпоху. На сѣверо-западномъ его склонѣ, въ селеніи Гулиджанъ, была открыта на скалѣ клинообразная надпись въ 1884 году. Это уже одно давало поводъ думать, что Алагёзъ привлекалъ къ себѣ ванскихъ завоевателей. Да и едва ли можно было какому бы то ни было завоевателю утвердиться въ долинѣ Аракса, не обезопасивъ себя со стороны Алагёза, который могъ служить самымъ удобнымъ мѣстомъ для нападенія и обороны. Помимо этого чрезъ Алагёзъ лежали есте-

ственные пути на сѣверъ, куда, очевидно, стремились ванскіе завоеватели. Все это побуждало меня тщательно изучить Алагёзъ, съ цѣлію найти слѣды урартскихъ завоеваній въ этой мѣстности или, по крайней мѣрѣ, отмѣтить тѣ пути, по которымъ направлялись чрезъ Алагёзъ на сѣверъ ванскіе цари.

При изслѣдованіи Алагёза интересъ прежде всего сосредоточивался на той мѣстности, въ которой уже открыта была клинообразная надпись, т. е. на сѣверо-западныхъ его склонахъ, гдѣ находится селеніе *Гулиджанъ*. Путь изъ долины Аракса въ Гулиджанъ, самый естественный и удобный, въ настоящее время ведетъ чрезъ долину рѣки Касаха весьма широкимъ и равниннымъ *апаранскимъ* ущельемъ по восточному склону Алагёза, затѣмъ дорога, нѣсколько возвышаясь, огибаетъ Алагёзъ съ сѣвера среди малонаселенной мѣстности, занятой большею частію курдами, и спускается опять въ равнинную и культурную мѣстность сѣверо-запада Алагёза. Здѣсь открывается видъ на одну изъ цвѣтущихъ провинцій древней Арменіи *Ширакъ;* на далекомъ разстояніи можно было видѣть долину Арпачая, Александрополь, за которыми красовались горы высокой Арменіи, нынѣ Карсской области. Климатъ болѣе теплый, населеніе гуще и жизнь всюду полнѣе, чѣмъ въ Апаранѣ. Здѣсь, на горной рѣчкѣ *Каран-гу*, вытекающей изъ Алагёза, въ 18-ти верстахъ отъ Александрополя расположено небольшое селеніе *Гулиджанъ* (70 дымовъ). Правый берегъ рѣки, на которомъ находится селеніе, крутой, скалистый, но не очень высокій, противоположный берегъ — низкій и довольно отлогій. Въ скалѣ, представляющей берегъ рѣки, внизу селенія, находится углубленіе въ родѣ ниши, въ которомъ на разстояніи 45 сантимет. отъ низу вырѣзана надпись (см. табл. XV). Площадь надписи представляетъ выглаженную выпуклость; камень весьма пористый, и съ перваго раза представлялось, что надпись сильно пострадала, но при внимательномъ разсмотрѣніи оказалось, что всѣ неровности и выбоины камня — натуральныя и находились въ томъ же видѣ первоначально до вырѣзыванія надписи, причемъ рѣщикъ очень удачно обошелъ эти неровныя мѣста (см. табл. XVI). Надпись, такимъ образомъ, сохранилась въ совершенной цѣлости и нигдѣ не повреждена, несмотря на крайнюю мягкость камня. Сначала я удивлялся тому, почему царь Аргишти помѣстилъ ее на такомъ невидномъ мѣстѣ, но, смотря на прекрасную сохранность камня, я убѣдился, что только именно такое положеніе надписи въ этомъ незамѣтномъ и защищенномъ отъ случайностей мѣстѣ могло сохранить ее въ продолженіе почти 3000 лѣтъ. Впослѣдствіи, при личномъ знакомствѣ съ положеніемъ другихъ надписей, мнѣ вполнѣ сдѣлалось ясно, что урартскіе цари при выборѣ мѣста для надписей на скалахъ не руководствовались стремленіемъ ставить ихъ на видномъ мѣстѣ и привлекать къ нимъ вниманіе праздныхъ прохожихъ; напротивъ, они выбирали мѣста не вполнѣ доступныя, хорошо защищенныя самою природою отъ разрушительнаго вліянія стихій и варварской руки человѣка. Этой предусмотрительности они обязаны тѣмъ, что ихъ надписи невредимо сохранились до нашего времени. Только теперь, когда онѣ, благодаря своему высокому археологическому значенію, обратили на себя вниманіе всего ученаго міра, можно бояться за ихъ цѣлость и сохранность.

Въ Гулиджанѣ я ожидалъ надпись въ 11 строкъ, какъ значилось въ копіи архіепископа Месропа и какъ она у меня издана, и вмѣстѣ съ этимъ ожидалъ подтвержденія того страннаго факта, что надпись эта, въ противоположность ассирійскимъ и ванскимъ надписямъ, допускаетъ переносъ частей слова съ одной строки на другую—обстоятельство, которое озадачивало и западныхъ ученыхъ,—однакоже, къ моему удивленію, надпись оказалась не изъ 11, а изъ 7 строкъ и въ ней совсѣмъ нѣтъ раздѣленія частей слова для переноса. Все это было не болѣе, какъ фантазія кописта, архіеп. Месропа, подавшая поводъ къ весьма тонкимъ, но безплоднымъ предположеніямъ ученыхъ. Наше чтеніе надписи по копіи архіеп. Месропа однако же оказалось вполнѣ точнымъ, причемъ чтеніе имени города *Дурубани*, внушавшее сомнѣніе, вполнѣ подтвердилось. Въ надписи говорится о завоеваніи земли *Кулiаини* и города *Дурубани*. Было очевидно, что мы находились въ области этой древней страны *Кулiаини* и быть можетъ нынѣшній *Гулиджанъ* сохранилъ въ измѣненной (туранизированной) формѣ это древнее названіе страны.

Географическія указанія надписи имѣютъ важное для насъ значеніе, такъ какъ даютъ намъ возможность, чрезъ сопоставленіе другихъ данныхъ, составить себѣ понятіе объ условіяхъ политическихъ и экономическихъ этой мѣстности за 8 вѣковъ до Р. Х. Изъ того, что великій Аргишти нашелъ нужнымъ память о своихъ завоеваніяхъ страны *Кулiаини* и города *Дурубани* увѣковѣчить надписью, невредимо сохранившеюся до сего времени, можно заключить, что эта страна и городъ въ то время имѣли немаловажное политическое значеніе. Какъ мы уже говорили, въ то время вся область была раздроблена на множество самостоятельныхъ царствъ или графствъ, постепенное завоеваніе которыхъ урартскими царями и было главною цѣлью ихъ походовъ. Разсматривая физическія условія той мѣстности, гдѣ находится селеніе Гулиджанъ, я пришелъ къ заключенію, что они вполнѣ способствовали образованію здѣсь сравнительно важной независимой области. Рѣчка *Каранъ-гу* (турецкое названіе), по армянски *Каргачанъ* (т. е. *кричащій*, благодаря шуму, производимому ея теченіемъ во время весны), вытекаетъ изъ ущелья *Манташъ*. Это ущелье одно изъ самыхъ большихъ и важныхъ на Алагёзѣ; оно начинается у самаго снѣгового пика Алагёза, въ верстахъ 15 отъ Гулиджана. Вышедши изъ тѣснинъ хребта на отлогую террасу Александропольскаго склона, рѣчка Каранъ-гу раздѣляется на 3 рукава, изъ коихъ одинъ, имѣющій болѣе сѣверное направленіе, течетъ чрезъ селеніе *Карашенъ*, *Галгадъ* и *Ильхiабъ*, другой — чрезъ селеніе *Артикъ*, и третій средній — тотъ самый, на которомъ лежитъ Гулиджанъ. Направляясь къ сѣверо-востоку, они соединяются вмѣстѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Арпачая, въ который и вливаются въ верстахъ 10 на Ю.-В. отъ Александрополя. Эта система рѣчки Каранъ-гу и въ настоящее время имѣетъ немаловажное значеніе въ экономической жизни мѣстности. Она есть главная артерія, безъ которой не мыслима была бы въ ней жизнь. Всѣ селенія ютятся около рѣчки, заимствуя изъ нея воду для орошенія полей и пользуясь ея водою какъ механическимъ двигателемъ. 15 селеній не въ далекомъ разстояніи одно отъ другого расположены на томъ рукавѣ, гдѣ находится Гулиджанъ (Большой и Малый

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко. въ Москвѣ

СЕЛЕНІЕ ГУЛИДЖАНЪ. МѢСТО НАДПИСИ.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ и Ко, въ МОСКВѢ

НАДПИСЬ № VII. въ ГУЛИДЖАНѢ.

Арыхвали, *Ягенляръ*, *Гулиджанъ*, *Касумали*, *Кавтарлы*, *Газанчи*, *Мечетли*, *Тамарданъ*, *Харумъ*, *Гутни-кышляхъ*, *Имерханъ*, *Тали-бyглы*, *Чолаханъ и Хли-Каракилисса);* всѣ они весьма зажиточныя, нѣкоторыя же — богатыя и цвѣтущія, особенно *Арыхвали, Харумъ и Каракилисса.* Въ ущельяхъ рѣки сосредоточивается вся жизнь мѣстности, ирригаціонныя сооруженія, мельницы, на разстояніи менѣе чѣмъ одной версты одна отъ другой, даютъ видъ ущельямъ культурнаго тракта. Если таковы условія современныя, то въ древности ихъ значеніе было несравненно важнѣе: они вели къ образованію политическаго цѣлаго для всѣхъ жителей той мѣстности, которая принадлежала къ системѣ рѣки Каранъ-гу. Если въ нынѣшнее время эти селенія связаны одной оросительной системой, то въ древности эта общность экономическихъ интересовъ первой важности должна была создать общность интересовъ политическихъ, вызвать на свѣтъ независимое политическое цѣлое, которое называлось страною *Куліаини;* центромъ же этой страны былъ городъ *Дурубани.*

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что городъ Дурубани находился или на мѣстѣ нынѣшняго Гулиджана или въ непосредственномъ съ нимъ сосѣдствѣ. Гулиджанъ имѣетъ центральное положеніе во всей этой мѣстности и могъ служить ея центромъ въ культурномъ и политическомъ отношеніи. Тамъ, гдѣ находится селеніе, рѣка Каранъ-гу дѣлаетъ очень крутой поворотъ на западъ и образуетъ уголъ: затѣмъ она протекаетъ не болѣе 2-хъ верстъ по ущелью и вступаетъ почти въ равнину. Находясь, такимъ образомъ, почти въ самомъ началѣ ущелья, господствуя надъ равниной по ту сторону рѣки, мѣстоположеніе Гулиджана весьма удобно было для укрѣпленнаго города. Съ высоты холма открывается величественный видъ съ одной стороны на Алагёзъ (см. табл. XVII), съ другой — на обширную долину Арпачая. Изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей и обозрѣнія древнихъ предметовъ, которые въ разное время ими были находимы какъ въ самомъ селеніи, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, я вывелъ заключеніе, что мѣстность эта, по крайней мѣрѣ, въ эпоху сассанидскую имѣла значеніе гораздо болѣе важное, чѣмъ теперь. Крестьяне показывали мнѣ немалое количество серебреныхъ монетъ римскихъ императоровъ I вѣка, преимущественно Августа, сассанидскихъ геммъ съ пеглевійскими надписями; между прочимъ я пріобрѣлъ здѣсь монету Шапура I (238 — 269 по Р. Х.), по опредѣленію В. К. Трутовскаго — рѣдкій экземпляръ по своей хорошей сохранности (см. рисунокъ). Все это, было найдено крестьянами при копаніи земли въ селеніи и на поляхъ: помимо этого, они постоянно наталкиваются на каменныя гробницы, человѣческія кости, обломки гли-

На лицевой сторонѣ изображеніе Шапура, вправо, въ зубчатой коронѣ, съ шаромъ на верху. Кругомъ надпись (приводится въ арабской транскрипціи): مزدیسن بگی شهپوهری ملکان ملکا ایران منوچتری من یزدان *Поклонникъ Ормузда, божественный Шахпухръ, царь царей Ирана, небеснаго происхожденія.*

На обор. сторонѣ жертвенникъ, съ пылающимъ пламенемъ; по бокамъ его двѣ фигуры, оперніяся на копье и держащіяся свободной рукой за мечь. Слѣва — شهپوهر=*Шахпухръ;* справа — انوازی=*поклонникъ* (огня)[1].

[1]) Описаніе принадлежитъ В. К. Трутовскому.

няной посуды; особенно много костей было найдено въ самомъ селеніи при постройкѣ зданій. Судя по монетамъ и геммамъ, можно догадываться, что культурный слой, покрывающій эту мѣстность, восходитъ, по крайней мѣрѣ, къ первымъ вѣкамъ христіанства, присутствіе же въ немъ столькихъ остатковъ говоритъ за нахожденіе въ этой мѣстности древняго могильника, очевидно, разработаннаго крестьянами для своего поселенія. Этотъ могильникъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ типу тѣхъ, которые были разрыты В. Белькомъ въ Елизаветпольской губ. [1]); то обстоятельство, что въ настоящемъ случаѣ онъ находился по близости отъ клинообразной надписи, усиливаетъ выраженное г. Белькомъ предположеніе, что каменныя гробницы Елизаветпольской губерніи принадлежатъ эпохѣ ванскихъ царей. Послѣдующія спеціальныя изслѣдованія этой мѣстности (которыхъ она заслуживаетъ) могутъ повести къ открытію и бытовыхъ предметовъ урартскаго періода, отъ котораго вѣроятно по наслѣдству перешло значеніе этой мѣстности и въ сассанидскую эпоху.

Кромѣ самого селенія Гулиджана, слѣды старинныхъ поселеній находятся и на лѣвомъ берегу Каранъ-гу, противъ того мѣста, гдѣ находится клинообразная надпись. Это мѣсто представляетъ продолговатый холмъ не менѣе версты въ поперечникѣ: на всемъ этомъ пространствѣ находятъ слѣды оставленныхъ жилищъ, а внутри холма находится пещера, входъ въ которую имѣется со стороны рѣки, на разстояніи 5 — 6 метровъ отъ русла рѣки. Онъ былъ заваленъ массою камней, которые были выброшены, и ходъ былъ очищенъ. Нужно было спуститься внизъ на 2 — 3 метра черезъ проходъ, чтобы проникнуть въ пещеру. Мы вошли въ помѣщеніе овальной формы, 12 метровъ длины и 7 ширины, съ покрытіемъ, имѣющимъ форму почти правильнаго свода, высота 2 метра 6 сантим. Со всѣхъ четырехъ сторонъ симметрически расположены входы, одинъ противъ другого, ведущіе въ небольшіе корридоры; длиннѣе всѣхъ корридоръ направо, т. е. къ югу, около 8 метровъ, оканчивается двумя спусками внизъ на подобіе колодца, столь узенькими, что спуститься по нимъ можно только одному. Третій подобный же люкъ находится съ боку на правой сторонѣ въ томъ же корридорѣ. Такъ какъ мы были въ Гулиджанѣ въ самую сильную жару, то намъ нельзя было долго оставаться въ пещерѣ: сырой и холодный воздухъ былъ крайне опасенъ для здоровья, и мы, осмотрѣвъ ее, принуждены были выйти. Но крестьяне намъ передавали, что спуски внизъ ведутъ въ другія подобныя пещеры, которыя будто-бы простираются до самыхъ полей, отстоящихъ на версту отъ входа въ пещеру. Въ нихъ, по ихъ словамъ, могли-бы помѣститься до 5000 человѣкъ. Къ сожалѣнію, я не могъ провѣрить эти интересныя показанія.

Въ виду интереса, представляемаго рѣчкою Каранъ-гу, я рѣшился обозрѣть всѣ мѣстности по этой рѣчкѣ, отмѣченныя развалинами старинныхъ построекъ или имѣющія пещеры на подобіе гулиджанской. Съ этою цѣлію мнѣ пришлось

[1]) W. *Belck*. «Archeologische Forschungen in Armenien» въ Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft, Sitz. 21 Januar 1893.

пройти ущелье Каранъ-гу, начиная отъ селенія *Кавтарлы*, гдѣ рѣчка Каранъ-гу выходитъ изъ ущелья, вверхъ на протяженіи верстъ 20 до того мѣста, гдѣ ущелье суживается, и мѣста осѣдлости прекращаются. Въ селеніи *Касумали*, въ верстѣ отъ Гулиджана, на лѣвомъ берегу находится холмъ *Калачи*, на которомъ имѣются слѣды небольшого укрѣпленія, равно какъ и пещера, но по сравненію съ гулиджанскою меньшей величины (длина 9 метровъ, ширина 7); въ пещерѣ дуетъ сильный сквозной вѣтеръ, что̀ свидѣтельствуетъ о существованіи другого выхода, котораго мнѣ не удалось найти. Затѣмъ, проѣхавъ мимо селенія *Эгеплярь*, мы достигли селеній *Арыхвали*, Большаго и Малаго: Малое находится на лѣвомъ берегу рѣки, Большое на правомъ. Послѣднее довольно большое селеніе (120 дымовъ), церковь новая, но есть развалины двухъ старинныхъ церквей, стоящихъ рядомъ, очень маленькихъ, на подобіе часовень, 5—6 саженей длины и 3—4 ширины, кладка—большими тесаными камнями такого-же матеріала и обдѣлки, какъ впослѣдствіи мнѣ удалось видѣть въ монастырѣ *Кипчакъ*. Уцѣлѣли база колонны и много древнихъ крестовъ и камней съ орнаментомъ. О происхожденіи этихъ построекъ у мѣстныхъ поселянъ нѣтъ воспоминаній, такъ какъ они занимаютъ это селеніе только съ 1830 года. На противоположной сторонѣ около Малаго *Арыхвали*, на высотѣ около 10 сажень, находятся три пещеры изъ коихъ одна большо̀го размѣра, болѣе гулиджанской (12 арш. ширины, 20 арш. длины, $1\frac{1}{2}$ саж. высоты); налѣво при входѣ возвышенная площадка въ родѣ террасы и въ углу углубленіе внизъ въ родѣ колодца; сзади находится корридоръ, но онъ заложенъ камнями. Другія двѣ пещеры расположены немного ниже, меньшаго размѣра: вѣроятно, онѣ находятся между собою въ сообщеніи [1]).

Выше *Арыхвали* ущелье суживается, поэтому пришлось выйти изъ него и ѣхать по правому берегу. Вся мѣстность, начиная отъ селеній, представляетъ продолговатый холмъ, тянущійся на нѣсколько верстъ по направленію ущелья и параллельно ему; въ верстахъ двухъ отъ селенія начинается валъ и развалины большого селенія, слѣды котораго простираются версты на 2—3. Ширина холма болѣе $\frac{1}{2}$ версты. Въ одномъ мѣстѣ находятся развалины большаго зданія, вѣроятно церкви, судя по обломкамъ крестовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились основанія домовъ и цѣлыя маслобойни, выложенныя изъ камней большой величины. Въ самомъ ущельѣ находятся слѣды двухъ оросительныхъ канавъ; кромѣ того, на правомъ берегу, съ той стороны, гдѣ развалины, на стѣнѣ ущелья (т. е. подъ развалинами) находится огромное число пещеръ въ три ряда. Всѣхъ я насчиталъ до 15 пещеръ или, лучше сказать, входовъ въ пещеры, но весьма трудно было карабкаться по почти отвѣсной скалѣ, и я думаю, что въ дѣйствительности ихъ больше. Всѣ эти пещеры должны быть натуральнаго происхожденія, такъ какъ въ большинствѣ ихъ имѣется масса сталактитовъ. Я прошелъ еще далѣе нѣсколько

[1]) Замѣчу при этомъ, что въ церкви Большаго *Арыхвали* оказались 5 пергаменныхъ Евангелій съ миніатюрами; четыре съ датой (1587 г., 1595 г., 1621 г. и 1726 г., отъ Р. Х.) и одно безъ даты, по палеографическимъ признакамъ конца XVI в. Въ селеніи Малое *Арыхвали* точно также оказалось древнее Евангеліе маленькаго формата, написанное на бумагѣ, въ серебреномъ окладѣ, вѣроятно XVII вѣка.

верстъ пѣшкомъ по самому дну ущелья и встрѣтилъ большое число разрушенныхъ мельницъ, маслобоенъ и подобныхъ сооруженій. Вся эта мѣстность меня весьма заинтересовала: я хотѣлъ развалить и разобрать нѣсколько маслобоенъ, съ цѣлію осмотрѣть, нѣтъ ли въ нихъ какихъ либо надписей (на подобіе сардарабадской), но мѣстный священникъ (о. Теръ-Атанасьянцъ), сопровождавшій меня, указалъ мнѣ на полную невозможность этого предпріятія, въ виду того, что всѣ крестьяне заняты полевыми работами въ большомъ разстояніи отъ селенія (это было 26 іюля), что для этого надобно избрать другое время. Что это за мѣстность — такъ и осталось для меня тайной, такъ какъ ни названій, ни воспоминаній объ ней не сохранилось ни у кого.

Безъ всякаго сомнѣнія, всѣ видѣнные мною слѣды прежнихъ жилищъ относятся къ позднѣйшему армянскому періоду. Но здѣсь надо-бы предполагать присутствіе нѣсколькихъ культурныхъ слоевъ; найденный въ этой мѣстности памятникъ царя Аргишти съ именемъ страны и города вполнѣ достаточны для того, чтобы на мѣстѣ давно оставленныхъ жилищъ искать культурныхъ слѣдовъ урартскаго періода.

Но спрашивается, только ли одна страна *Куліаини* на всемъ Алагёзѣ была единственною политическою величиною, могущею обратить на себя вниманіе урартскихъ монарховъ? Были ли на Алагёзѣ въ этотъ періодъ и другія независимыя политическія единицы, *страны* — по терминологіи ванскихъ надписей? До сего времени не удалось найти въ предѣлахъ Алагёза, кромѣ Гулиджана, клинообразныхъ надписей, и поэтому мы не имѣемъ вполнѣ твердыхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Но это отсутствіе надписей въ настоящее время еще не значитъ, что мѣстность эта не играла никакой роли въ урартскій періодъ. Страны, лежавшія на восточныхъ и южныхъ склонахъ Алагёза, должны были имѣть политическое значеніе сами по себѣ, и, кромѣ того, онѣ должны насъ интересовать уже по тому одному, что служили несомнѣнно дорогою для урартскихъ завоевателей на сѣверъ Алагёза. Въ самомъ дѣлѣ, для исторической географіи не безразличенъ вопросъ, какими путями Аргишти и его преемники, утвердившіеся въ Армавирѣ (*Аргиштихинили*), проникли на сѣверъ Алагёза, въ нынѣшній Ширакъ, въ долину Александрополя, и поддерживали сношенія съ горною страною на сѣверѣ.

На востокъ отъ Аргиштихинили (Армавиръ), въ верстахъ 15-ти, направляется по долинѣ съ сѣвера на югъ и впадаетъ въ Араксъ одинъ изъ важнѣйшихъ его притоковъ въ Эриванской равнинѣ — *Касахъ*. Эта рѣка беретъ свое начало на сѣверномъ склонѣ Алагёза и затѣмъ, огибая его, направляется по всему восточному склону вдоль весьма широкаго ущелья, называемаго *Апаранскимъ*, и затѣмъ вступаетъ въ долину, гдѣ протекаетъ по направленію къ Эчміадзину и затѣмъ Араксу. Огибая болѣе чѣмъ на половину Алагёзъ, рѣка Касахъ есть самый естественный чрезъ него путь съ юга на сѣверъ, и представляетъ самую важную жизненную артерію для обитателей какъ долины такъ и горъ. Многочисленныя горныя ущелья и рѣчки, выступая съ самыхъ почти вершинъ Алагёза, направляются къ Касаху и снабжаютъ его водами. Эти ущелья въ свою очередь откры-

ваютъ доступъ чрезъ вершинную часть Алагёза на соотвѣтственные имъ противоположные склоны. На болѣе низкихъ склонахъ, у самаго подножія Алагёза и при вступленіи въ долину, воды Касаха искусственно распредѣляются по каналамъ и орошаютъ обильные виноградники, лучшіе во всей Эриванской равнинѣ (Аштаракъ, Ушаганъ, Эчміадзинъ и другія). По долинѣ Касаха въ настоящее время идетъ удобный шоссейный трактъ изъ Эчміадзина, т. е. изъ самаго центра долины Аракса, въ Александрополь, по весьма способной къ культурѣ мѣстности.

Трудно думать, чтобы въ урартскій періодъ долина рѣки Касаха и многочисленныя ущелья, ведущія въ нее изъ Алагёза, не были заняты густо населеніемъ, которое, по господствовавшимъ въ ту эпоху политическимъ и этнографическимъ условіямъ, составляло изъ себя одно или нѣсколько странъ, на подобіе Куліаини. Если подобное мы видимъ въ долинахъ другихъ меньшихъ рѣкъ, какъ Каранъ-гу, Занги, ея притока (Эйлярская низменность), то тѣмъ болѣе мы вправѣ ожидать того же на теченіи сравнительно гораздо болѣе важной рѣки, какъ Касахъ. Мѣстность, образуемая восточными и сѣверо-восточными склонами Алагёза съ одной стороны, и горами Гарни-ярыхъ, Алибекъ и Курабогасъ съ другой, представляетъ изъ себя весьма широкое ущелье съ обширными равнинами, весьма удобными для культуры. Климатъ здѣсь гораздо суровѣе, чѣмъ въ долинѣ Аракса, лѣто сравнительно болѣе краткое съ частыми дождями, достаточными для орошенія почвы, въ изобиліи производящей пшеницу, ячмень и другіе злаки. Вся эта мѣстность называется въ настоящее время по армянски *Апаранъ*. По свидѣтельству моего друга, Эчміадзинскаго арменолога о. Галуста Теръ-Мекертчьяна, слово *Апаранъ* не дозволяетъ точной и ясной этимологіи на армянскомъ языкѣ, хотя встрѣчается, какъ географическое названіе, въ древнихъ памятникахъ (X в.) армянской литературы. Кромѣ названія всей мѣстности, о которой у насъ идетъ рѣчь, этимъ именемъ называется главнѣйшее селеніе въ Апаранѣ — *Башъ-Апаранъ;* помимо сего, о. Галустъ считаетъ тожественнымъ съ названіемъ *Апаранъ* по происхожденію другое немного отличное отъ него названіе двухъ селеній на сѣверѣ Апарана, именно *Парни*, изъ коихъ одно лежитъ на сѣверномъ склонѣ Алагёза, другое на почтовой дорогѣ изъ Александрополя въ Делижанъ. Я склоненъ думать вмѣстѣ съ о. Галустомъ, что эти названія *Парни*, *Апаранъ* суть въ дѣйствительности арменизованныя формы древне-урартскаго названія этихъ мѣстностей. Въ надписи Кёланы-Кирланы (Алучалу), принадлежащей Русѣ I (см. ниже) лин. 10 упоминается страна *Piruaini* вмѣстѣ съ другими 23 странами, лежавшими около озера Гокчи, въ долинѣ Аракса и на его притокахъ. Весьма возможно, что это *Piruaini* тожественно съ *Парни (Апаранъ)*. Здѣсь отмѣчу только тотъ фактъ, что мѣстность *Апаранъ (= Парни = Piruaini)* сравнительно бѣдна древними памятниками; видно, что въ армянскій періодъ она не играла особенно важной роли. Важнѣйшія мѣста Апарана, *Каракилиса, Аликучакъ и Башъ-Апаранъ*, не представляютъ въ настоящее время почти ничего интереснаго въ археологическомъ отношеніи. Несмотря однако же на все это, Апаранъ заслуживаетъ вниманія: если онъ и не игралъ политической роли въ урартскій періодъ, то онъ несомнѣнно былъ ши-

рокимъ трактомъ изъ Эриванской равнины въ равнину Александрополя, весьма удобнымъ для проведенія большихъ армій.

Но особенное вниманіе обращаетъ на себя мѣстность, занимающая нижнее теченіе этой рѣки: въ этой мѣстности лежали весьма важныя въ древности армянскіе области *Арагатцотнъ и Ампертъ*. Личное изслѣдованіе мое этой области хотя не доставило документальныхъ данныхъ изъ урартской эпохи, но укрѣпило меня въ мысли, что въ эту эпоху область *Арагатцотнъ и Ампертъ* должны-бы играть болѣе важную роль, чѣмъ долина Каранъ-гу вмѣстѣ съ государствомъ *Куліаини*. Прежде всего, между областями *Куліаини и Арагатцономъ* находится непосредственная связь, созданная самою природою. Ущелье *Манташъ*, изъ котораго вытекаетъ рѣчка Каранъ-гу, и ущелье *Ампертъ*, чрезъ которое течетъ главный притокъ Касаха того же имени, впадающій въ него почти въ равнинѣ (въ верстахъ 10-ти отъ Эчміадзина), берутъ свое начало у подножія юго-западнаго пика Алагёза на весьма небольшомъ другъ отъ друга разстояніи. Перевалъ черезъ гору не особенно труденъ, хотя онъ лежитъ на высотѣ слишкомъ 10 тыс. футовъ. Во всякомъ случаѣ, эти два самыхъ большихъ ущелья Алагёза тѣсно соединены и перерѣзываютъ весь Алагёзъ въ направленіи отъ С.-З. къ Ю.-В. Весь этотъ путь, заключающій въ себѣ около 100 верстъ, отъ Гулиджана до Ушагана, мною былъ пройденъ, и для меня уяснилось значеніе страны Куліаини въ связи съ значеніемъ Арагатцотна и Ампертa. Только одновременно владѣя этими двумя противоположными, сильно укрѣпленными и важнѣйшими склонами Алагёза, Аргишти и его преемники могли назвать себя властелинами долины Аракса. Аргиштихинили (Армавиръ) могъ быть только крайнимъ передовымъ пунктомъ укрѣпленій, простирающихся почти по прямой отъ него линіи изъ глубины равнины чрезъ горы Алагёза вплоть до другой равнины на сѣверо-западѣ Алагёза, т. е. до долины рѣки Арпачая, гдѣ лежитъ Александрополь.

Ущелье Ампертское и рѣчка Ампертъ представляютъ условія болѣе выгодныя въ культурномъ и стратегическомъ отношеніи, чѣмъ ущелье Манташъ и рѣчка Каранъ-гу. На самыхъ верховьяхъ, гдѣ ущелье Ампертъ имѣетъ дикій видъ, оно все-таки проходимо, но тамъ, гдѣ рѣка достигаетъ средины своего теченія, мѣстность представляетъ такія удобства для поселенія и укрѣпленій, какихъ нѣтъ во всей области. Превосходный, здоровый климатъ, крупный лѣсъ, какого и слѣда нѣтъ во всей долинѣ Аракса, обиліе источниковъ, постепенность, съ какою горы понижаются къ долинѣ Аракса посредствомъ ряда террасъ,—все это располагало видѣть въ этой мѣстности одну изъ важнѣйшихъ провинцій Урарту. Но всего приспособленнѣе эта мѣстность могла быть для защиты. Достаточное понятіе объ этомъ можетъ дать осмотрѣнная мною крѣпость *Ампертъ*. Эта крѣпость находится немного выше средняго теченія рѣки Ампертъ, на значительной поэтому высотѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ ущелье Ампертъ (иначе называемое по турецки *Хапнутъ-дараси*) соединяется съ ущельемъ *Архашанъ*, меньшимъ и выходящимъ такъже изъ Алагёза. Мысъ, образуемый соединеніемъ этихъ ущелій, представляетъ мѣсто совершенно недоступное съ трехъ сторонъ, южной, восточной и западной,

съ сѣверной же отдѣленъ отъ остальнаго матерпка глубокой лощиной, такъ что все пространство имѣетъ видъ полуострова. Въ мѣстѣ скрещиванія ущелій стѣны представляютъ совершенно отвѣсный и полированный видъ, а самыя ущелья изображаютъ изъ себя въ полномъ смыслѣ слова пропасти. На этомъ полуостровѣ на задней сторонѣ, гдѣ искусственно вырытъ глубокій ровъ, возвышается огромной величины крѣпость, состоящая изъ нѣсколькихъ соединеныхъ между собою кругообразныхъ башенъ, сложенныхъ изъ тесаныхъ камней. Башни въ общемъ хорошо сохранились, но одна изъ нихъ, стоявшая на самомъ краю пропасти, упала въ неё; лежа внизу вверхъ дномъ, она сохраняетъ еще свои архитектурныя формы. На самомъ остріѣ угла, образуемаго ущельемъ, въ $\frac{1}{4}$ версты отъ крѣпости, находится армянская церковь старинной архитектуры съ двумя башнями, полуразрушенная, но сохранившая еще до нѣкоторой степени свой величественный видъ и изящныя формы. По чрезвычайной трудности, съ какой соединенъ былъ перевалъ чрезъ Алагёзъ, я могъ оставаться здѣсь только очень короткое время. Мѣстность эта совершенно оставленная въ настоящее время, осѣдлыхъ жилищъ почти нѣтъ, и служитъ только мѣстомъ кочевокъ для курдовъ. Но, очевидно, въ древности она была культивирована, о чемъ свидѣтельствуютъ столь величественные памятники. Весьма возможно, что происхожденіе этого укрѣпленія принадлежитъ къ урартской эпохѣ. Вся мѣстность и особенно постройки заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія. Толстый слой насыпной земли на полуостровѣ скрываетъ также несомнѣнно памятники прошлаго.

Крѣпость Ампертъ не была единственнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ въ ущельѣ. По свидѣтельству армянскихъ писателей, значительная крѣпость находилась въ древнее время въ сел. *Пюроганъ*, расположенномъ въ верстахъ 15 отъ ампертской крѣпости и служащемъ въ настоящее время лѣтнимъ мѣстопребываніемъ армянскаго католикоса. Я не знаю, имѣютъ-ли какое либо отношеніе къ оборонительнымъ сооруженіямъ замѣчательныя пещеры, видѣнныя мною по близости отъ Пюрогана, близъ селенія *Акаракъ*, но что эти пещеры искусственнаго происхожденія и притомъ весьма древняго, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Онѣ находятся на весьма значительной высотѣ. Входъ въ пещеры узенькій, запертъ тяжеловѣсными дверями изъ толстаго цѣльнаго камня, которыя съ трудомъ могли отворить два дюжихъ татарина. За дверью слѣдуютъ узенькіе корридоры и затѣмъ также довольно узенькія продолговатыя залы съ хорошо отполированными стѣнами и съ правильно устроенными входами, состоящими изъ такихъ же цѣльныхъ камней, какъ наружная дверь. Я видѣлъ двѣ пещеры: въ одной изъ нихъ я насчиталъ 9 такихъ залъ, въ другой 12. Какое имѣли назначеніе эти пещеры, я не знаю. Одна изъ дверей подобной пещеры имѣется въ Эчміадзинскомъ музеѣ.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что южные склоны Алагёза представляютъ слѣды культурнаго прошлаго гораздо больше, чѣмъ сѣверные. Богато орошаемая здѣсь долина Аракса постепенно повышается на сѣверъ, сохраняя все тотъ же однородно-прекрасный и цвѣтущій видъ. Легко доступные склоны Алагёза, наполняемые обильно водами рѣкъ, принадлежащихъ къ системѣ Касаха, съ клима-

томъ умѣреннымъ и здоровымъ, открывали населенію площадь для обработки земли и вмѣстѣ необходимую защиту отъ непріятельскихъ нападеній. Здѣсь легко могла быть воздвигнута цѣлая сѣть укрѣпленій, благодаря природѣ мѣстности. Именно здѣсь мы должны искать мѣстоположеніе страны, со времени *Argišti* получившей названіе *Argištiḫina*, къ которой принадлежалъ и *Argištiḫinili* (Армавиръ).

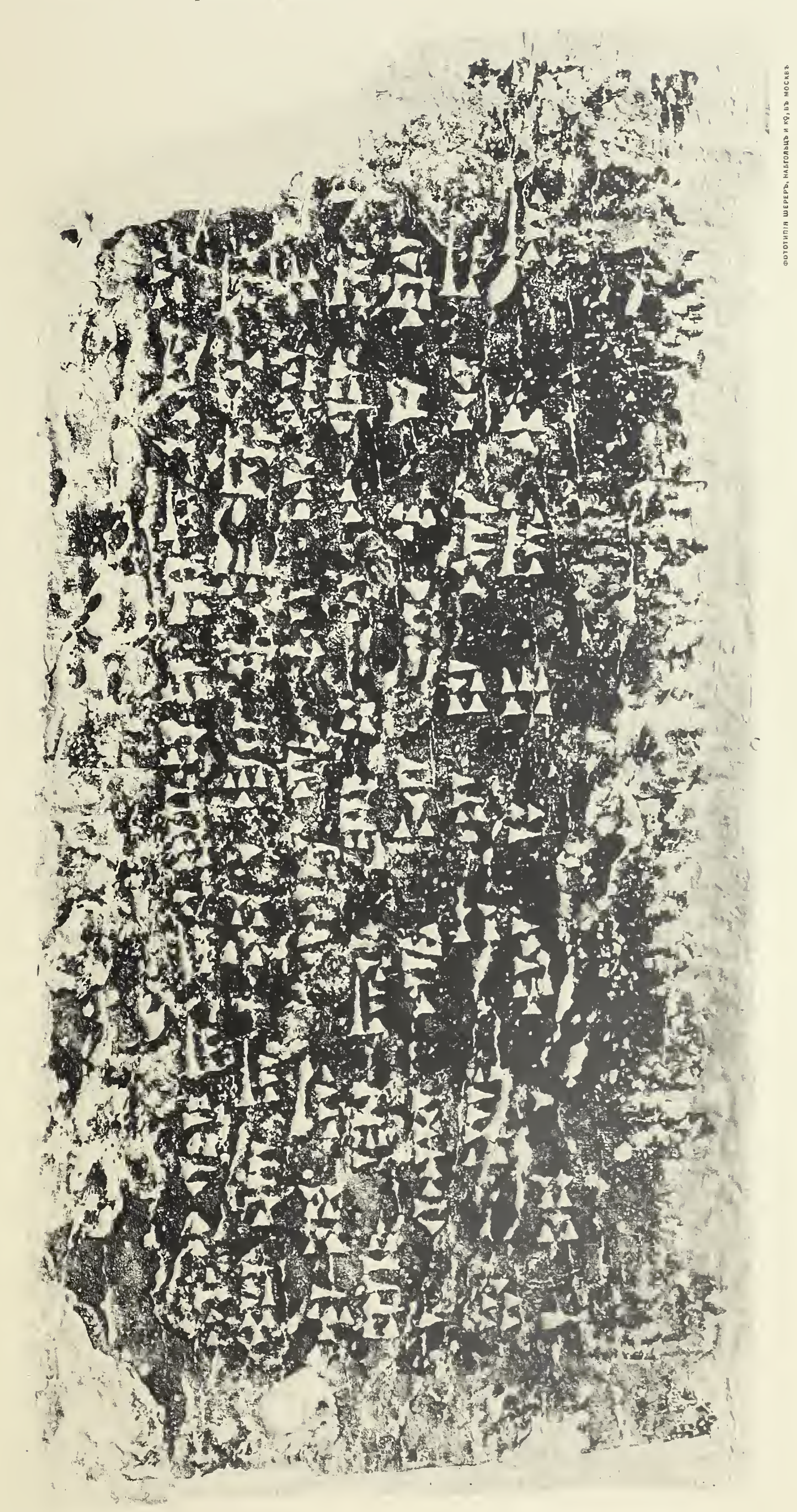
Повторяю, что высказанныя мною соображенія пока еще не подтверждены документальными данными, въ родѣ надписей или архитектурныхъ остатковъ несомнѣнно урартскаго происхожденія, но они находятъ себѣ подтвержденіе въ сказаніяхъ XII-ой главы 1-ой книги Моисея Хоренскаго. Внимательно изучая эту главу въ связи съ данными, добытыми изъ клинообразныхъ надписей, я пришелъ къ убѣжденію, что вся эта глава есть отголосокъ изъ періода урартскихъ завоеваній Менуа, Аргишти и друг., въ долинѣ Аракса, причемъ эти завоеванія приписаны были національнымъ героямъ-эпонимамъ Арменіи: Арменаку, Армаису и другимъ. Я уже имѣлъ случай въ предшествующей главѣ показать, что преданіе объ Армавирѣ у Моисея Хоренскаго (изъ той же 12-й главы) коренится въ воспоминаніяхъ о завоеваніи долины Аракса царемъ Аргишти и о построеніи на мѣстѣ позднѣйшаго Армавира урартской столицы *Argištiḫinili* (см. стран. 32 и слѣд.). Но эти воспоминанія касаются не одного только Армавира, а захватываютъ урартское прошлое всей долины Аракса. По Моисею Хоренскому *Арменакъ*, родоначальникъ и герой-эпонимъ Арменіи, сынъ Хайка, вышелъ изъ Вавилона и поселился въ Эриванской равнинѣ, но прежде этого онъ предоставляетъ одному изъ своихъ братьевъ, *Манавазу* и его потомкамъ, «берегъ соленаго озера», т. е. Вана. Въ этомъ имени *Манавазъ* трудно не видѣть имени *Менуа*, или въ полной формѣ *Menuaše*, и въ нахарарскомъ родѣ *Манавазеанп* его династіи *(Menuaḫini)*. Если такимъ образомъ въ имени брата Арменака и въ его славѣ на берегахъ соленаго озера мы находимъ воспоминаніе о Менуа, то подъ самимъ Арменакомъ скрывается столь извѣстный намъ изъ клинообразныхъ надписей Аргишти. Вотъ подлинныя слова Хоренскаго: «Арменакъ, взявъ все множество (своихъ), отправляется на сѣверо-востокъ, останавливается въ глубокой равнинѣ, окруженной высоковершинными горами, по которой съ запада протекаютъ журчащія рѣки *(очевидно разумѣется Эриванская равнина)*. Поле, что на востокѣ, разстилаясь далеко, тянется къ сторонѣ солнца. У подошвы тѣхъ горъ бьетъ множество прозрачныхъ ключей, воды которыхъ, сливаясь, образуютъ спокойныя рѣки и окружаютъ подошвы горъ и окраины поляны, словно юноши, обходящіе молодыхъ дѣвъ. Но южная гора, надъ которой солнце совершаетъ свое теченіе, съ бѣлоснѣжной вершиной, прямо возникаетъ изъ земли, слегка заканчиваясь остроконечіемъ. — Арменакъ, поселившись въ глубинѣ этой поляны, обстроиваетъ часть ея на сѣверной сторонѣ, (равно какъ и) подошву горы на той-же сторонѣ: гору-же, примѣнительно къ своему имени, называетъ *Арагацъ*, а владѣнія (свои) — *Арагац-отн.* [1]). Легенда здѣсь приписываетъ Арменаку то, что въ дѣйствительности совершилъ Аргиш-

---

[1]) Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, пер. Н. О. Эмина, изд. 1893, стр. 20.

ВИДЪ НА АЛАГЁЗЪ СЪ ГУЛИДЖАНА. ВХОДЪ ВЪ ПЕЩЕРУ.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, ВЪ МОСКВѢ

НАДПИСЬ № VII, ВЪ ГУЛИДЖАНѢ.

(снимокъ съ эстампажа).

ти, т. е. завоеваніе долины Аракса, основаніе въ ея центрѣ столицы («поселившись въ глубинѣ этой поляны») и затѣмъ укрѣпленіе сѣверной части долины и южныхъ склоновъ Алагёза. Мы уже говорили, что страна *Аргиштихина* должна была лежать на сѣверъ отъ Армавира и занимать нижніе склоны Алагёза. Особенно интересно въ легендѣ то, что Арменакъ называетъ Алагёзъ, примѣнительно къ *своему* имени, *Арагатцъ*, а владѣнія свои — *Арагатц-отнъ*, т. е. *подножіе Арагатца;* оказывается, что Арменакъ носилъ другое имя, т. е. *Арагатцъ*. Насколько мнѣ извѣстно, слово *Арагатцъ* не можетъ быть объяснено этимологически съ армянскаго и по заключенію спеціалистовъ, къ которымъ я обращался, всего вѣроятнѣе не армянское. Что можетъ быть естественнѣе видѣть въ этомъ словѣ арменизацію урартскаго *Argišti (=Aragatz)*, а въ *Aragatz-otn*'ѣ — *Argištiḫina*. Побѣды Аргишти въ долинѣ Аракса и памятники, имъ оставленные, настолько упрочили славу его имени, что названіе по его имени цѣлой мѣстности осталось до нашего времени, а его имя и его дѣянія, воспринятыя легендою армянъ, перенесены были на миѳическаго героя-эпонима Арменіи, Арменака. Впрочемъ, въ армянской легендѣ сохранилось воспоминаніе и о томъ, что до прихода армянъ въ Эриванскую равнину въ ней было населеніе до-армянское другого племени; вслѣдъ за разсказомъ о занятіи Арменакомъ *Арагатцотна* Хоренскій говоритъ: «но историкъ (т. е. источникъ Хоренскаго) говоритъ нѣчто (достойное) удивленія: «до прихода кореннаго предка нашего, Хайка, въ многихъ мѣстахъ нашей страны разбросанно жило небольшое число людей» [1]).

Но, какъ и слѣдуетъ ожидать, легенда, на основаніи неясныхъ историческихъ воспоминаній и географическихъ названій, создаетъ свою генеалогію и послѣдовательность событій, смѣшивая эпохи или раздробляя событія одной эпохи на различные періоды. Такъ мы видѣли, что основаніе Армавира приписывается не *Арагатцу* (Аргишти). — онъ-же и Арменакъ. — а его сыну, *Армаису*, давшему свое имя городу. Я уже говорилъ, что вѣрнѣе всего названіе *Армаисъ* искусственно произведено отъ *Армавира*, а не наоборотъ. Объ этомъ Армаисѣ кромѣ того говорится у Хоренскаго слѣдующее: «сына своего, Шарая, многородящаго и прожорливаго, со всѣми его домочадцами отправляетъ на близкую, добрую и плодоносную поляну, по которой протекаютъ многія воды, за хребтомъ сѣверной горы, названной Арагатцомъ. По имени его, говорятъ, и область названа Ширакомъ» [2]). Подъ Ширакомъ здѣсь разумѣется не вся такъ называемая Высокая Арменія, со включеніемъ Карсской области, но собственно долина на сѣверномъ склонѣ Алагёза, т. е. нынѣшняя александропольская равнина. Мы знаемъ изъ надписи Гулиджанъ, мною разсмотрѣнной въ этой главѣ, а также изъ надписи Ганлиджы, которую мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ, что сѣверо-западные склоны Алагёза, именно долина рѣки *Каран-гу* и вся александропольская низменность, были завоеваны Аргишти. Легенда приписываетъ ихъ завоеваніе герою-эпониму позднѣйшей армянской области

---

[1]) Ibidem стр. 20—21.
[2]) Ibidem 21.

Ширака, но важно то, что завоеваніе южныхъ склоновъ Алагёза легенда соединяетъ непосредственно съ завоеваніемъ сѣверныхъ и съ построеніемъ Армавира *(Argištiḫinili)*. Мы видѣли, что въ дѣйствительности такъ и происходило: завоеваніе юга влекло за собою завоеваніе сѣвера и принадлежитъ одной и той же эпохѣ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ народномъ преданіи туманнѣе всего сохранилась память о личности и дѣяніяхъ того лица, которому прежде всего принадлежитъ честь занятія Эриванской равнины, именно Менуа, памятники котораго мы находимъ въ Ташбурунѣ около южнаго склона Арарата. Мы говорили, что его завоеванія ограничивались только правымъ берегомъ Аракса, покореніе всей долины принадлежитъ его знаменитому сыну Аргишти. Очень понятно, что память объ Аргишти и его завоеваніяхъ, о которыхъ по сіе время краснорѣчиво говоритъ такое большое число памятниковъ, носящихъ его имя, затмила память его отца, и покореніе лѣваго берега Аракса, собственно южныхъ или юго-западныхъ склоновъ Арарата, гдѣ остались памятники Менуа, легенда приписываетъ позднѣйшему по генеалогіи потомку Арменака—*Арагатца* (=Аргишти), Амасіи, сыну Армаиса. «Амасія, говоритъ Хоренскій, перешедъ рѣку (Араксъ), идетъ къ южной горѣ и тамъ у подошвы ея въ ущельяхъ строитъ съ большими затратами два дома: одинъ на востокъ отъ истоковъ ключей, бьющихъ у подошвы горы, другой на западъ отъ того же дома, на разстояніи полудневной ходьбы мужа-пѣшехода» [1]. Далѣе онъ говоритъ, что одинъ домъ онъ назвалъ по имени своего сына Пароха—*Парахотъ*, другой—по имени другаго сына Цолака—*Цолакертъ*. Здѣсь я припомню уже сообщенный мною фактъ, что развалины около Ташбуруна, въ которыхъ была найдена клинообразная надпись (№ II) до сего времени мѣстные жители называютъ Цолакертомъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ этой легендѣ о построеніи Парахота и Цолакерта у подножія Арарата скрывается историческое зерно о завоеваніяхъ Менуа *(Манавазъ)* и о его постройкахъ храмовъ и дворцовъ въ этихъ мѣстахъ съ надписями, носящими его имя. Но легенда представляетъ ходъ завоеваній въ обратной послѣдовательности: въ дѣйствительности не съ лѣваго берега завоеватели проникли на правый, а наоборотъ, съ праваго на лѣвый, и завоеваніе лѣваго берега или, лучше сказать, предгорій Арарата предшествовало завоеванію всей долины Аракса и основанію Армавира.

Для полнаго разъясненія того, какъ армянская легенда о ходѣ завоеваній Эриванской равнины родоначальниками Арменіи совпадаетъ въ главномъ и существенномъ съ дѣйствительнымъ ходомъ урартскихъ завоеваній въ VIII вѣкѣ до Р. Х., мы могли бы привести дальнѣйшее сказаніе Моисея Хоренскаго о завоеваніи Гокчи и его береговъ, но объ этомъ мы находимъ умѣстнѣе сказать нѣсколько словъ впослѣдствіи, когда перейдемъ къ памятникамъ Гокчи, а теперь, въ заключеніе, не можемъ не высказать, что XII-ая глава 1-ой книги Моисея Хоренскаго на весьма маломъ пространствѣ представляетъ много поразительно напоминающаго то, что мы

---

[1]) Ibidem 21.

знаемъ изъ дѣйствительной исторіи этой страны въ древнѣйшую эпоху, въ VIII в. до Р. Х., и въ общемъ картина армянскихъ легендарныхъ завоеваній совершенно перенесена съ дѣйствительной исторіи урартскихъ завоеваній, не исключая созвучій въ именахъ лицъ и мѣстъ. Я не сомнѣваюсь, что надлежащій комментарій къ этой главѣ можетъ быть заимствованъ только изъ данныхъ клинообразныхъ надписей.

НАДПИСЬ № VII.

(Табл. XVIII).

A. H. Sayce въ *Muséon'ѣ*, avril 1884, и въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol. XX, Part. 1, № LXI. — *М. В. Никольскій* въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», т. I, вып. 3, стр. 430—431.

Площадь надписи имѣетъ 23,5 сант. выс., 68 сант. ширины. Она высѣчена на задней стѣнѣ ниши, вѣроятно, натуральнаго происхожденія, находящейся внутри скалы: высота ниши 2,61 метр., ширина 2,9 метр., глубина 1,30 метр., Отъ низа надпись находится на разстояніи 45 сантим. Правый бокъ ниши представляетъ одно цѣлое со скалою, а лѣвый на 40 — 50 сант. отдѣлился отъ нея. Высота всей скалы, составляющей берегъ рѣки, 6,7 метр. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ надпись, стѣна ниши представляетъ нѣкоторую выпуклость; камень довольно хрупкій, но площадь надписи, повидимому, совсѣмъ не пострадала отъ времени: всѣ ямочки, трещины и выбоины камня на мѣстѣ надписи находились и въ то время, когда она высѣкалась, и рѣщикъ, очевидно, съ ними считался и ихъ обходилъ. Надпись, несмотря на разбитый видъ поверхности, выгравирована весьма отчетливо и красиво, но чтобы замѣтить это, надобно долго всматриваться и слѣдить за направленіемъ строкъ.

1\. *(d.) Ḫal - di - ni uš - ta - bi ma - si - ni šu - ri - e*

Халди я молился, властителю могущественному,

2\. *ka - ru ni (d.) Ḳu - u - li - a - i - ni - ni*

который далъ Куліаини — страну

3\. *te - ḳu - ni (d.) Ar - gi - iš - ti - ka - i*

въ даръ Аргишти.

4\. *u - lu - uš - ta - bi (d.) Ḫal - di - ni*

я приблизился съ дарами — къ Халди.

5. (d.) Ar- gi- iš- ti- še a- li

Аргишти говоритъ:

6. ḫa- u- bi (d.) Du- ru ba- ni

я завоевалъ городъ Дурубани —

7. (d.) Ku- u- li a- i- ni (d.) -ni

Куліаини страны.

Къ тексту:

Въ прежнемъ изданіи надписи *пять* знаковъ были возстановлены на основаніи контекста,—всѣ они оказались въ оригиналѣ. Въ лин. 1 знака *giš* не имѣется въ оригиналѣ, подобно тому какъ его нѣтъ въ томъ же словѣ въ лин. 1 надписи № XV (Захалу). Въ изданіи послѣдней надписи въ «Археолог. Изв. и Зам.» (1893, 12) мною былъ отмѣченъ этотъ странный фактъ, но проф. *Сэйсъ* однако же недовѣрчиво отнесся къ этому пропуску и дополнилъ его въ своемъ изданіи этой надписи. Не можетъ быть сомнѣнія, что формы *giš-šurie* и *šurie* составляютъ варіанты одного и того же слова. Какъ объяснить такое различіе— это вопросъ, на который трудно дать отвѣтъ при нынѣшнемъ состояніи знанія.

IV.

ГАНЛИДЖА

(Eriahi, Irdaniuni).

Сѣверо-западные склоны Алагёза постепенно спускаются въ равнину, сходную съ Эриванскою равниною, но гораздо меньшаго размѣра и болѣе значительной высоты. Это—равнина Александрополя. Окаймленная съ запада, сѣвера и юго-востока горами (Высокой Арменіи, Сыпь и Алагёзъ), она также представляетъ котловину, хотя не такую знойную, какъ Эриванская, такъ какъ лежитъ на высотѣ 5079 ф. надъ уровнемъ моря. Эта долина есть важный пунктъ скрещиванія различныхъ трактовъ, ведущихъ по различнымъ направленіямъ въ населенныя мѣстности Большаго и Малаго Кавказа: чрезъ рѣку Арпачай, которая омываетъ эту долину, можно подняться вверхъ, въ долину рѣки Куры, чрезъ нынѣшніе Ахалкалаки и Ахалцихъ, и спуститься внизъ, въ долину Аракса, въ которую впадаетъ Арпачай. Отсюда также идетъ широкій путь на востокъ, въ долину рѣки Акстафы, которая въ свою очередь ведетъ въ ту же долину рѣки Куры. Это были два большихъ пути съ Малаго Кавказа на Большой, по которымъ съ незапамятныхъ временъ передвигались народы, занимавшіе Кавказъ. Помимо этого, изъ Александрополя открывается путь въ Высокую Арменію, нынѣ Карсскую область, въ долину рѣки Карсъ-чая, которая вела по направленію къ Эрзеруму. Такимъ образомъ важное значеніе мѣстности, занимаемой Александрополемъ, въ стратегическомъ и культурномъ отношеніи, ясно само собою. Но нынѣшняя твердыня Александрополя *(Гюмри)* позднѣйшаго происхожденія. Въ урартскій періодъ исторіи Закавказья культурный и стратегическій центръ этой мѣстности находился въ другомъ мѣстѣ. Неподалеку отъ нынѣшняго александропольскаго полигона, въ какихъ-нибудь 8 верстахъ къ С.-З., на лѣвомъ берегу Арпачая, въ самомъ ущельѣ рѣки, весьма глубокомъ и широкомъ, и на нѣсколькихъ террасахъ, образуемыхъ склонами ущелья, раскинулось большое селеніе Ганлиджа съ великолѣпнымъ старинным храмомъ (Мармашенъ), однимъ изъ лучшихъ памятниковъ армянской архитектуры. (см. табл. XIX). Самый верхъ ущелья на лѣвомъ берегу рѣки состоитъ изъ скалъ черноватой базальтовой лавы: на одной изъ нихъ, закрытой совсѣхъ сторонъ другими небольшими скалами, какъ-бы въ нѣкоторомъ натуральномъ дворѣ, входъ въ который велъ съ запада, находилась клинообразная надпись изъ 5 строкъ. Стѣна на томъ мѣстѣ, гдѣ находится надпись, гладко выравнена: надпись такъ отлично сохранилась, что какъ будто-бы она вчера была высѣчена (см. табл. XX и XXI).

Эта надпись, не смотря на свою краткость, проливаетъ свѣтъ на географическія и политическія условія этой мѣстности въ урартскій періодъ. Въ ней мы находимъ три географическихъ названія: 1) страны *Eriahi*, о покореніи которой

говорится въ надписи, 2) страны *Iškigulu* и 3) города *Irdaniuni*, причемъ о послѣднемъ говорится, что онъ былъ отдѣленъ отъ страны *Пшкигулу*. Не трудно видѣть, что надпись отмѣчаетъ собственно два событія: завоеваніе страны *Eriaḫi* и отнятіе города *Irdaniuni* отъ страны *Iškigulu*. Всѣ эти мѣстности должны быть такимъ образомъ въ самой близкой географической связи, и въ частности городъ Ирданіуни нужно искать въ непосредственной близи съ надписью. Что обѣ страны *Eriaḫi* и *Iškigulu* были въ близкомъ сосѣдствѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ другія надписи Аргишти, найденныя внѣ предѣловъ русской Арменіи. Страна *Eriaḫi* упоминается въ большой надписи Аргишти на фасѣ ванской скалы, именно XLIII, 48—49 на ряду со страною *Iškigulu* (л. 49), которая упоминается также въ разбираемой надписи; кромѣ сего здѣсь упоминается страна *Etiuni* (л. 47). Близко къ этой послѣдней странѣ *Etiuni*, хотя не рядомъ, стоитъ *Eriaḫi* еще въ двухъ мѣстахъ: въ той же большой надписи Аргишти XXXVII (срав. л. 21. 22 (*Etiuni*) той-же надписи) и въ XLV, 36 (срав. 28 *Etiunini*). Изъ этихъ указаній вполнѣ очевидно, что эти три страны: *Etiuni*, *Eriaḫi* и *Iškigulu* находились въ самой тѣсной связи, причемъ, повидимому, страна *Etiuni* была ближе и важнѣе по отношенію къ Вану, затѣмъ слѣдовала страна *Eriaḫi*, упоминаемая нѣсколько разъ въ анналахъ; что же касается до *Iškigulu*, то она встрѣчается только однажды, причемъ ни въ анналахъ, ни въ надписи въ Ганлиджѣ не говорится о ея покореніи,— очевидно, она лежала далеко на сѣверъ и не играла важной роли въ походахъ Аргишти. Ниже мы приведемъ основаніе, почему мы пріурочиваемъ страну *Etiuni* къ долинѣ Карсъ-чая, теперь же по отношенію къ *Eriaḫi* мы признаемъ вполнѣ основательнымъ опереться на указаніе надписи въ Ганлиджѣ, которая служитъ памятникомъ спеціально завоеваній этой страны, и искать ея положенія въ долинѣ рѣки Арпачая, гдѣ найдена надпись. Весьма возможно, что страна *Eriaḫi*, очевидно, весьма важная въ политическомъ отношеніи, соотвѣтствовала древней армянской провинціи Шираку и занимала весь лѣвый берегъ рѣки Арпачая, и находилась въ самомъ тѣсномъ сосѣдствѣ съ *Etiuni*, расположенной по Карсъ-чаю, до его впаденія въ Арпачай, и соотвѣтствующей Высокой Арменіи, нынѣшней Карсской области.

Что же касается страны *Iškigulu*, не вполнѣ покоренной Аргишти, то ея положеніе надобно искать на сѣверѣ Ганлиджы на верховьяхъ Арпачая. На это указываетъ, кромѣ вышеприведенныхъ основаній, тѣсная связь ея съ городомъ *Irdaniuni*, который слѣдуетъ искать на мѣстѣ нынѣшней Ганлиджы. Относительно положенія города *Irdaniuni* можемъ отмѣтить слѣдующее. Въ саженяхъ 50 отъ надписи къ западу возвышается холмъ, на самомъ верху ущелья Арпачая, имѣющій видъ конусообразнаго кургана, но онъ составляетъ только часть большого продолговатаго холма, который тянется параллельно рѣкѣ на разстояніи болѣе полуверсты, постепенно суживаясь къ западу; между этимъ холмомъ и полями находится широкій оврагъ, который по направленію также къ западу постепенно суживается и углубляется. Мѣсто это было весьма удобно для крѣпости размѣра не менѣе армавирской. На самомъ курганѣ оказались слѣды

построекъ изъ большихъ тесаныхъ камней, симметрически расположенныхъ (см. табл. XX). Армянскій писатель Григорій Магистросъ XI вѣка говоритъ о построеніи замка на вершинѣ холма и приписываетъ его армянскому князю *Вахраму Пахлавуни;* онъ назывался по его имени *Вахрамашенъ*. Что здѣсь дѣйствительно былъ армянскій замокъ сравнительно поздняго происхожденія, объ этомъ свидѣтельствуетъ и то, что за оврагомъ, гдѣ начинаются поля, находятся обширные слѣды старинныхъ армянскихъ поселеній и почти безформенныя развалины церкви со множествомъ поставленныхъ на мѣстѣ развалинъ старинныхъ крестовъ. Этому же князю Вахраму принадлежитъ постройка великолѣпнаго Мармашенскаго храма, служащаго усыпальницей князей Пахлавуни. Однако же весьма естественно предположить, по указанію клинообразной надписи, что на мѣстѣ, гдѣ развалины замка, находился укрѣпленный городъ урартской эпохи. Мы уже говорили, что вся эта мѣстность должна была имѣть важность въ стратегическомъ отношеніи: это была естественная дорога изъ Высокой Арменіи въ низменность Ширака (Гюмри) и далѣе, на востокъ и на сѣверъ, и поэтому въ древности Ганлиджа должна была играть ту же роль, какая въ послѣднее время досталась на долю Александрополя. По внѣшнему виду слѣды укрѣпленій въ Ганлиджѣ напоминаютъ подобныя же развалины на холмахъ вблизи другихъ клинообразныхъ надписей, какъ въ Ордаклю, Эйлярѣ, Ганли-тапа, Сарыкамышѣ, Келаны-Кирланы и т. п. Вѣроятнѣе всего предположить, что позднѣйшія армянскія постройки были возведены на мѣстахъ урартскихъ поселеній и на фундаментахъ урартскихъ построекъ. Весьма возможно также и то, что самый матеріалъ урартскихъ построекъ былъ утилизованъ для позднѣйшихъ построекъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ характеръ кладки, напоминающій кладку въ Армавирѣ.

Городъ *Irdaniuni*, какъ отнятый отъ страны *Iškigulu*, и присоединенный, вѣроятно, къ странѣ *Eriaḫi*, былъ, очевидно, на границѣ между этими двумя странами и ключемъ къ сѣверу. Но далѣе этого пункта ванскія завоеванія, повидимому, не простирались на сѣверъ. Надпись Ганлиджы служитъ поэтому для насъ показателемъ того крайняго предѣла на сѣверѣ, до котораго простирались завоеванія ванскихъ царей. Городъ Ирданіуни могъ быть послѣднимъ на сѣверѣ оплотомъ ихъ владычества, между тѣмъ какъ область, къ которой онъ принадлежалъ и отъ которой онъ былъ отдѣленъ, простиралась гораздо сѣвернѣе и не была завоевана въ цѣломъ объемѣ. Въ противоположность *Iškigulu*, страна *Eriaḫi* была покорена Аргишти въ цѣломъ ея объемѣ. Если вѣрно наше предположеніе, что эта страна занимала равнину Александрополя и весь лѣвый берегъ Арпачая, то, очевидно, она принадлежала къ числу самыхъ важныхъ странъ въ долинѣ Аракса. На послѣднее указываетъ, какъ мы уже говорили, неоднократное упоминаніе *Eriaḫi* въ анналахъ и въ другой надписи Аргишти. Невольно напрашивается здѣсь на сопоставленіе съ *Eriaḫi* названіе другихъ двухъ странъ также въ долинѣ Аракса, именно *Eriduaḫi*, около Ташбуруна, съ городомъ *Luḫiunini*, и кромѣ того упоминаемая въ надписи Келаны-Кирланы, принадлежащей Русѣ I (см. ниже), страна *Eriaini*, которую мы отожествляемъ съ нынѣшнею Эриванью. Были ли эти

названія совершенно различныя, обозначавшія также различныя страны, или они были родственны по значенію и относились къ различнымъ развѣтленіямъ одной и той-же страны или одного и того-же народа, отвѣтить на этотъ вопросъ съ положительностію нельзя, но здѣсь можно высказать нѣкоторыя соображенія въ пользу той мысли, что эти названія были, если не однозначащи, то во всякомъ случаѣ близко родственны. Формы *Eriaini* и *Eriaḫini* отличаются между собою только тѣмъ, что въ послѣдней имѣется суффиксъ *ḫi*, означающій принадлежность (въ собственныхъ именахъ *сынъ*, отчество), и мы имѣемъ случаи того, что формы съ *ḫi* и безъ него чередуются въ названіи одной и той же страны. Такъ вышеупомянутая нами страна *Etiuni* въ надписи XXXI, 3, 7 и 12 находится въ такихъ формахъ: *Etiuḫini(li)* (л. 3), *Etiuḫinaidi* (л. 7) и *Etiuḫinili*. Здѣсь не можетъ быть сомнѣнія, что рѣчь идетъ о той же странѣ *Etiuni*, между тѣмъ во всѣхъ трехъ случаяхъ является этотъ суффиксъ *ḫi*. Сюда также слѣдуетъ отнести и то обстоятельство, что упоминаемая въ ассирійскихъ надписяхъ [1]) урартская страна *Daiaeni*, находившаяся также по близости отъ долины Аракса, въ ванскихъ надписяхъ является подъ формою *Diauḫini* (объ этой странѣ см. ниже) т. е. со вставкою того же суффикса *ḫi*. Отсюда близко предположеніе, что *Eriaini* и *Eriaḫini* тожественны по значенію и суть только видоизмѣненныя формы одного и того же названія. Если это такъ, то страна *Eriaḫini* будетъ заключать въ себѣ, кромѣ долины Арпачая, и всю Эриванскую равнину отъ Арпачая до Эривани, и такимъ образомъ объемъ ея будетъ сравнительно весьма обширенъ. Не столь тѣсное родство находится между этими разсмотрѣнными двумя названіями и названіемъ *Eriduaḫi* или *Eriduaḫini*, страны на правомъ берегу Аракса около Ташбуруна, но едва ли можно отрицать то, что форма *Eriduaḫini* есть видоизмѣненная форма *Eriaḫini* со вставкою *du*. Мы не знаемъ въ точности, какую функцію имѣетъ этотъ слогъ *du* въ разсматриваемомъ словѣ (какъ отдѣльное слово *du* означаетъ «полагать», «поставлять»), но присоединеніе его, повидимому, болѣе мѣняетъ слово, чѣмъ присоединіе *ḫi*, и поэтому мы далеки отъ мысли отожествить *Eriduaḫi* съ *Eriaḫi* и съ *Eriaini*. Мы думаемъ, что *Eriduaḫi* есть совсѣмъ другое названіе, чѣмъ два послѣднія, но и въ то же время, въ виду близости формы, не можемъ не высказать предположенія, что она была названіемъ страны, родственной съ *Eriaḫini* или *Eriaini*. Быть можетъ дѣло надо представлять себѣ такъ, что *Eriahi*, *Eriahini* и *Eriaini* суть названія страны въ Эриванской равнинѣ по лѣвую сторону Аракса, а *Eriduaḫi* есть названіе той же или близко родственной страны по правую сторону Аракса. Понятно само собою, что все это одни предположенія, но они близко напрашиваются теперь, пока факты или будущія открытія не прояснятъ намъ взаимнаго отношенія этихъ родственныхъ названій странъ, несомнѣнно близко лежавшихъ одна къ другой. Наши догадки мы продолжимъ еще далѣе и выразимъ предположеніе, не скрывается ли въ нынѣшнемъ названіи *Аракса* (*Эрасхъ* по армянски) древнее названіе страны (а можетъ быть и самой рѣки) *Eriaḫi*.

---

[1]) См. мою статью: «Клинообразныя надписи ванскихъ царей» стран. 392—393.

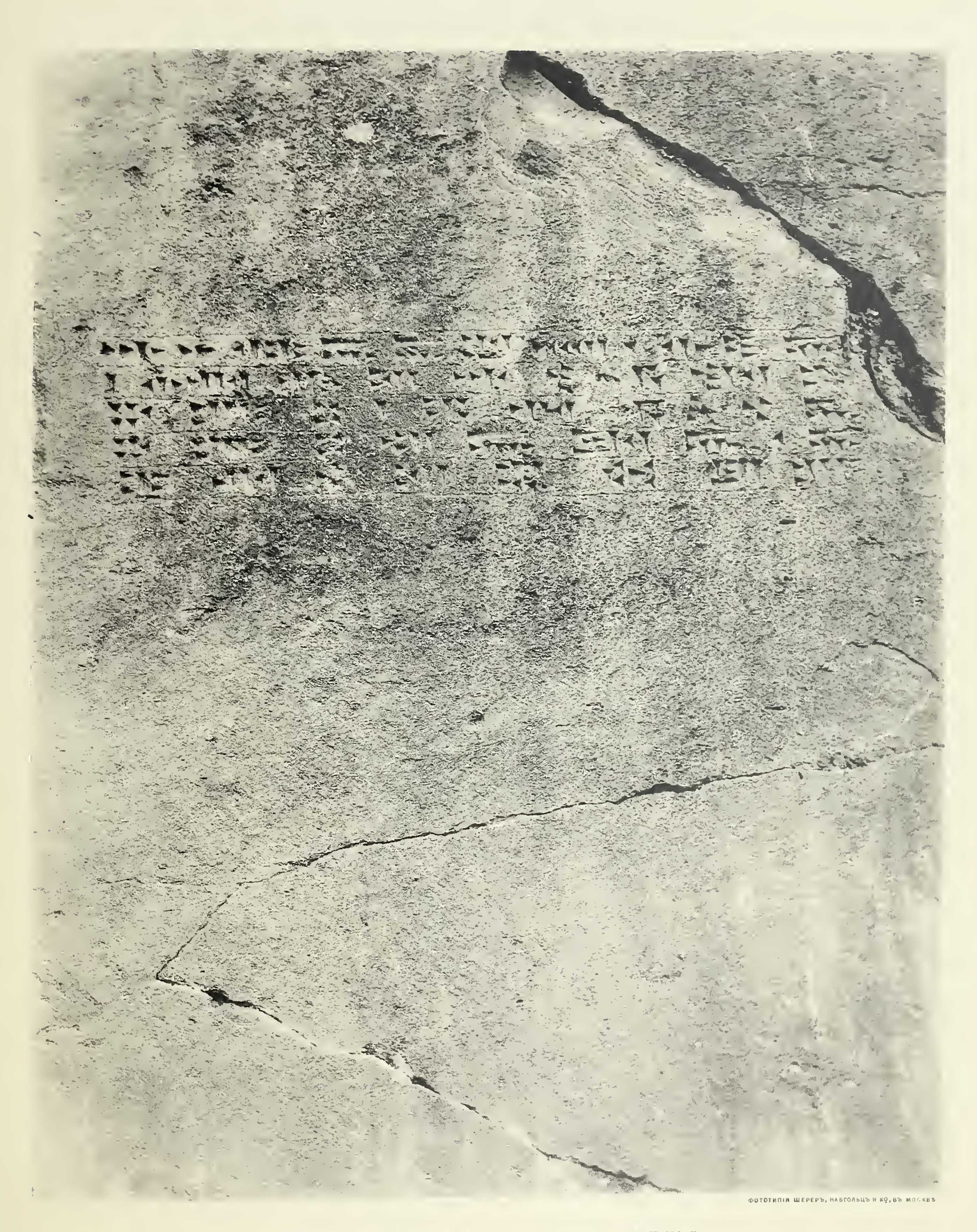
ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И Ко, ВЪ МОСКВѢ

ВИДЪ съ МѢСТА НАДПИСИ на СЕЛЕНІЕ ГАНЛИДЖА.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко. въ Москвѣ

МѢСТО НАДПИСИ въ ГАНЛИДЖѢ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Кº, въ Москвѣ

НАДПИСЬ № V, въ ГАНЛИДЖѢ.

НАДПИСЬ № V.

(Табл. XXI).

J. Kästner въ Bulletin de l'Academie de S.-Petersbourg, t. V (1862), p. 428—435 и въ Mélanges asiatiques, t. IV, p. 675—*A. D. Mordtmann* въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft XXXI, № XXXVII.—*К. П. Паткановъ* въ статьѣ: «О клинообразныхъ надписяхъ ванской системы, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи» (Журн. Министерства Нар. Просв. 1883, прилож. III).—*A. H. Sayce* въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol. XIV, part. 4, № XLVII.—*М. В. Никольскій* въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», т. I, вып. 3, стр. 427—428.

Площадь надписи имѣетъ 18,5 сант. выс., 82 сант. шир. Мѣсто, гдѣ она находится, возвышается надъ селеніемъ, по крайней мѣрѣ, на 100 метровъ; оно ограждено со всѣхъ сторонъ скалами, такъ что образуетъ замкнутое пространство 10 мет. длины и 5,50 мет. ширины, со входомъ со стороны селенія. Стѣна на которой надпись, представляетъ гладкую поверхность; надпись находится на разстояніи 2,10 мет. отъ верха и 1.67 мет. отъ низа. Камень (базальтъ) весьма твердый, знаки надписи врѣзаны глубоко, отчетливо и красиво и сохранились по сіе время безъ всякаго поврежденія.

1. *(d.) Ḫal- di- ni- ni al- su- u- ši- i- ni*
Халдійцамъ великимъ

2. *(d.) Ar- gi- iš- ti- še a- li- e*
Аргишти говоритъ:

3. *ḫa- u- bi (d.) E- ri- a- ḫi -ni*
я завоевалъ Эріахи — страну,

4. *ḫa- u- bi (d.) Ir- da- ni- u- ni*
я завоевалъ городъ Ирданіуни —

5. *pa- ri (d.) Iš- ḳi- gu- lu- u*
отъ страны Ишкигулу.

Къ тексту:

Въ л. 5 знакъ *ḳi* имѣетъ странную форму ; въ прежнемъ изданіи мы сомнѣвались въ дѣйствительности такой формы, но сомнѣній быть не можетъ. Что здѣсь этотъ знакъ есть варіантъ *ḳi*, на это съ несомнѣнностію указываютъ параллельное мѣсто изъ надписи Аргишти на фасѣ ванской скалы (*Сэйсъ* XLIII, 48—49), гдѣ таже страна *Jšḳigulu* является рядомъ съ *Eriaḫi*.

V.

САРЫКАМЫШЪ

(Etiuni, Ahuriani).

По правую сторону рѣки Арпачая находится горная мѣстность, называемая въ настоящее время Карсскою областію; чрезъ нее идетъ путь изъ Александрополя, чрезъ Карсъ и Сарыкамышъ, въ Эрзерумъ, т. е. въ такъ называемую Высокую Арменію, гдѣ получаютъ начало рѣки Евфратъ (восточный и западный), Тигръ и Араксъ. Мы уже говорили, что Менуа былъ въ этой возвышенной мѣстности на Араксѣ, именно въ Гассанъ-кале и тамъ, гдѣ теперь находится селеніе Делибаба, въ Алашкертскомъ округѣ. Операціи ванскихъ царей въ этой области, такимъ образомъ, начались ранѣе, чѣмъ въ Эриванской равнинѣ, куда они могли пройти по теченію Аракса; объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что памятники въ этой мѣстности принадлежатъ Менуа, а не позднѣйшимъ царямъ, и что, слѣдовательно, Менуа постепенно подготовлялъ свое движеніе въ Эриванскую равнину, оперируя на верховьяхъ Аракса. Его преемникъ Аргишти открылъ новый здѣсь путь для своихъ завоевательныхъ стремленій на сѣверъ, именно съ верховьевъ Аракса онъ проникъ въ верховья Карсъ-чая и отсюда по долинѣ этой рѣки спустился въ долину Арпачая и затѣмъ поднялся въ Ганлиджу. Путь этотъ, несомнѣнно, былъ естественнымъ и древнимъ путемъ съ верховьевъ большихъ рѣкъ къ хребтамъ Малаго и Большаго Кавказа. Что Аргишти владѣлъ этимъ путемъ и утвердился на немъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ двѣ его надписи, одна уже нами разсмотрѣнная, находящаяся въ Ганлиджѣ, другая открытая въ Сарыкамышѣ и находящаяся въ настоящее время въ Кавказскомъ музеѣ. Камень уже долгое время хранился въ музеѣ, и только во время нашей экспедиціи мнѣ удалось при помощи одновременнаго изслѣдованія его въ натурѣ и по снимкамъ болѣе или менѣе возстановить его текстъ; онъ разбитъ на 6 кусковъ, но почти весь уцѣлѣлъ, пострадали болѣе всего его низъ и лѣвая сторона, на которой отбита полоса, вмѣщавшая по одному знаку въ каждой строкѣ. Впрочемъ 1-я строка надписи не была ея началомъ, а такъ какъ судя по поверхности не замѣтно, чтобы выше ея была еще строка, то слѣдуетъ предположить, что начало надписи находилось на другомъ камнѣ, быть можетъ такой же величины, какъ и этотъ.

Надпись впервые была открыта А. Д. Ерицовымъ въ 1878 году въ верхнемъ Саракамышѣ; камень, по его словамъ, былъ привезенъ горцами съ развалинъ находящихся въ 5 верстахъ, въ лѣсу, и заложенъ въ наружную стѣну выстроенной ими мечети, съ юго-восточной стороны[1]). А. А. Ивановскій во время своей

[1]) Пятый Археологическій Съѣздъ въ Тифлисѣ, 1882 г. стран. 90.

поѣздки въ 1894 году на Кавказъ посѣтилъ Сарыкамышъ и изслѣдовалъ всю долину Карсъ-чая, причемъ ему удалось собрать свѣдѣнія и относительно Сарыкамышской надписи. Старожилы ему указали холмъ, гдѣ найдена надпись, и даже тѣ развалины на полѣ, среди которыхъ онъ находился. Этотъ холмъ довольно внушительной величины, заключаетъ въ себѣ слѣды старинныхъ построекъ, находится въ самомъ началѣ теченія рѣки Карсъ-чая и служитъ какъ-бы ключемъ въ эту долину. А. А. Ивановскій прошелъ всю долину Карсъ-чая и вынесъ убѣжденіе, что она играла очень важную стратегическую роль въ древнее время, такъ какъ на всемъ ея протяженіи можно замѣчать развалины старинныхъ крѣпостей весьма внушительной величины (см. подробное описаніе всего этого въ его отчетѣ). По тѣсной связи ихъ съ развалинами въ Сарыкамышѣ и въ другихъ мѣстностяхъ онъ относитъ ихъ къ урартской эпохѣ. Такимъ образомъ не можетъ быть сомнѣнія, что долина Карсъ-чая для Аргишти служила большою дорогою на сѣверъ, а область, къ которой она принадлежала, нынѣ Карсская область, въ урартскій періодъ была одною изъ важнѣйшихъ въ Закавказьѣ, подобно тому какъ и въ нынѣшнее время Карсская область служитъ дорогою и ключемъ къ Кавказу съ юга.

Сарыкамышская надпись вполнѣ подтверждаетъ эти соображенія. Не смотря на ея крайне разбитый видъ и трудность возстановленія ея текста, все-таки же изъ нея можно извлечь вполнѣ точныя и несомнѣнныя географическія и историческія данныя. Въ ней упоминаются нѣсколько названій странъ и городовъ, завоеванныхъ Аргишти, причемъ обращаетъ на себя вниманіе то, что здѣсь говорится о завоеваніи страны *Etiuni*, которая упоминается въ надписи 2 раза (л. 5 и 7). Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что надпись есть памятникъ спеціально завоеванія этой страны и сопредѣльныхъ съ нею странъ, и поэтому въ этой области мы должны искать важную урартскую провинцію *Etiuni*. Эта страна часто фигурируетъ въ надписяхъ Аргишти: въ анналахъ она упоминается 5 разъ (*Сэйсъ* XXXVII, 21—22; XXXVIII, 25; XLIII, 41—49), кромѣ сего въ надписи Аргишти XLV, 28 (*Сэйсъ*). При этомъ весьма важны для опредѣленія положенія этой страны два послѣднія изъ приведенныхъ мѣстъ, именно въ надписи XLIII, 47—49 она упоминается рядомъ со страною *Eriaḫi* и *Iškigulu* (о чемъ мы уже говорили выше), а въ надписи XLV, гдѣ упоминается на л. 28, спустя нѣсколько строкъ (именно л. 34—36) находимъ опять страну *Eriaḫi* вмѣстѣ съ страною *Diauḫini*. Положеніе послѣдней страны также опредѣляется надписью XXX, находящейся въ *Делибаба* въ Алашкертскомъ округѣ: рядомъ съ нею мы должны искать и страну *Etiuni* и страну *Eriaḫi*, положеніе же *Eriaḫi* нами опредѣлено: согласно свидѣтельству надписи въ Ганлиджѣ — она находится въ александропольской равнинѣ на лѣвомъ берегу Арпачая. Такимъ образомъ ясно, что между этими двумя странами, *Diauḫini* на югѣ и *Eriaḫi* на сѣверѣ, должна лежать страна *Etiuni*. Разсматриваемая нами Сарыкамышская надпись вполнѣ подтверждаетъ эти соображенія. Найденная въ самомъ началѣ долины Карсъ-чая и повѣствующая главнымъ образомъ о завоеваніи страны *Etiuni*, эта надпись ясно указываетъ, что страна *Etiuni* именно и находилась главнымъ образомъ въ этой долинѣ и соотвѣтствовала нынѣшней Карс-

ской области. На это указываетъ, кромѣ того, то весьма важное обстоятельство, что среди городовъ, завоеванныхъ Аргишти въ этой области, первое мѣсто въ надписи занимаетъ городъ *Aḫuriani*, названіе, которое вполнѣ совпадаетъ съ нынѣшнимъ армянскимъ названіемъ Арпачая *Ахуреанъ*. Но по свидѣтельству арменолога *Сэнъ-Мартэна* [1]) названіе *Ахуреанъ* въ древности принадлежало собственно *Карсъ-чаю*, а не *Арпачаю* [2]). Отсюда можно заключить, что городъ *Aḫuriani*, одноименный съ рѣкою Карсъ-чаемъ, былъ главный городъ страны, расположенной на этой рѣкѣ, и по всей вѣроятности находился на томъ мѣстѣ въ Сарыкамышѣ, гдѣ открыта клинообразная надпись. Вопросъ о томъ, не тожественна ли страна *Etiuni* съ армянской провинціей *Oudi*, классическою Ωτηνη [3]), какъ въ послѣднее время старается обосновать о. Галустъ Теръ-Мекртчьянъ [4]), мы не будемъ разсматривать, замѣтимъ только, что положеніе *Oudi*, болѣе сѣверное, чѣмъ Карсская область, въ долинѣ рѣки Куры въ предѣлахъ Грузіи, не противорѣчитъ положенію *Etiuni* клинообразныхъ надписей, такъ какъ нѣтъ основанія отрицать того, что *Etiuni* могла простираться на сѣверъ гораздо далѣе, чѣмъ Карсская область, и достигать рѣки Куры.

Страна *Etiuni* встрѣчается не въ однѣхъ только надписяхъ Аргишти, но и ранѣе и позднѣе его. Такъ мы встрѣчаемъ ее въ надписи Менуа и его отца Ишпуини (*Сэйсъ* XXXI, 3, 7, 12) подъ формою *Etiuḫini (Etiuḫinili)* и въ надписи Сардури, преемника Аргишти (*Сэйсъ* XLIX, 13). Все это свидѣтельствуетъ о важномъ значеніи страны *Etiuni;* видно, что усилія урартскихъ монарховъ въ предѣлахъ Кавказа были сосредоточены главнымъ образомъ на завоеваніи страны *Etiuni*. Отсюда естественно предположеніе, что страна *Etiuni* была въ нѣкоторомъ отношеніи центральной на Кавказѣ, другія страны находились, если не въ вассальной, то всетаки въ нѣкоторой отъ нея зависимости. Этимъ, вѣроятно, объясняется тотъ странный фактъ, что эта страна *Etiuni* упоминается въ надписи, значительно отдаленной отъ рѣки Карсъ-чая, именно Эйлярской (л. 2), находящейся недалеко отъ Эривани. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

НАДПИСЬ № XXI.

(Табл. XXII).

М. В. Никольскій въ «Археолог. Изв. и Зам.» 1893, № 12,— *W. Belck* въ Zeitschrift für Ethnologie 1892 S. 124, 125 и 484; 1893, S. 217 и въ Zeitschrift für Assyriologie, December 1894, S. 347.— *A. H. Sayce* въ Journal of the Asiatic Society, October 1894, p. 711—713.

Высота камня 1,1 метр., шир. 60,6 сант. Находится въ Кавказскомъ музеѣ въ Тифлисѣ, куда доставленъ въ 1881 году старшиною селенія Сарыкамышъ Тріандофиловымъ по распоряженію военнаго губернатора Карсской области Фран-

[1]) *Saint-Martin*. Memoires historiques et géographiques sur l'Armenie, 1818, p. 39.

[2]) Это же подтверждаетъ о. Галустъ.

[3]) *Plin.* lib. VI, cap. 13.— *Ptol*, Geogr. lib. V, cap. 13.

[4]) «Труды Восточной Коммиссіи» Т. II, вып. 1, стран. 113—114 (протоколы).

кнпи. Въ 1892 году А. С. Хахановъ привезъ въ Императорское Москов. Археол. Общество снимокъ съ надписи, изъ котораго видно, что камень лежалъ бокомъ на дворѣ Кавказскаго музея и служилъ скамьей для сидѣнія. Затѣмъ онъ былъ перенесенъ на крыльцо музея и поставленъ рядомъ съ водопроводнымъ краномъ, такъ что находился почти подъ постояннымъ орошеніемъ. Въ этомъ положеніи я засталъ его въ 1893 году. При этомъ я долженъ засвидѣтельствовать тотъ печальный фактъ, что правая сторона камня, судя по фотографіи А. С. Хаханова, еще не была такъ разбита и изуродована въ 1892 г., какъ въ настоящее время и какъ воспроизведена на прилагаемой къ изданію фотографіи. Вѣроятно камень былъ разбитъ при перетаскиваніи со двора на крыльцо. Надпись въ первый разъ была прочитана и издана мною въ Археол. Изв. и Зам., но, какъ я и высказалъ въ своей статьѣ, мое чтеніе надписи во многомъ только предположительно, такъ какъ надпись находится въ крайне разбитомъ и стертомъ видѣ и, кромѣ того, я не могъ снять съ нея удовлетворительнаго эстампажа вслѣдствіе сырости камня.

Г. Вальдемаръ Белькъ, по поводу моего изданія надписи, помѣщаетъ въ выше цитированной статьѣ Zeitschrift für Assyriologie замѣтку, гдѣ между прочимъ приписываетъ себѣ честь *открытія* этого камня въ Кавказскомъ музеѣ и перваго дешифрированія находящейся на немъ надписи. Но Москов. Археол. Общество знало объ этомъ камнѣ ранѣе г. Белька, еще въ 1882 году (см. статью А. Д. Ерицова въ трудахъ V-го Археол. Съѣзда стр. 90), въ то время, когда онъ не былъ такъ разбитъ; оно же впервые обратило вниманіе директора музея г. Радде на то, что онъ валялся на дворѣ. Далѣе г. Белькъ говоритъ, что онъ въ 1893 году послалъ г. Радде свою транскрипцію и переводъ надписи; объ этомъ обстоятельствѣ я узналъ уже послѣ моего изданія надписи изъ переписки Общества съ г. Радде, но, сколько я ни старался получить, по ходатайству Общества, эту работу г. Белька, мнѣ этого не удалось: г. Радде не удовлетворилъ просьбы Общества, и если г. Белькъ упрекаетъ меня въ томъ, что я игнорирую его труды, то это совершенно несправедливо. Онъ не мнѣ прислалъ свою работу, а г. Радде, который одинъ и держитъ ее въ секретѣ. О своемъ изслѣдованіи надписи г. Белькъ сообщаетъ въ той же замѣткѣ, что онъ посвятилъ на это изслѣдованіе цѣлую недѣлю, причемъ занимался ежедневно 4 — 5 часовъ, снялъ многочисленныя съ нея копіи и т. п. Казалось бы при такомъ изслѣдованіи не должны быть съ его стороны допущены ошибки въ существенныхъ пунктахъ. По его словамъ, надпись состоитъ изъ 28 строкъ, между тѣмъ по прилагаемой фотографіи легко убѣдиться, что она имѣетъ всего 26 строкъ; такою она была и до разбитія камня, такою издана и у меня въ «Арх. Изв. и Зам.» (причемъ двѣ послѣднія строки мною были отмѣчены только, но не прочитаны), между тѣмъ г. Белькъ почему-то обвиняетъ меня въ томъ, что я въ ней нашелъ только 24 строки! Но я желалъ бы спросить г. Белька, гдѣ онъ *открылъ* еще *двѣ* строки сверхъ 26? Что касается транскрипціи и перевода, сдѣланныхъ мною въ 1893, то я могъ ручаться только за *существенное* содержаніе, которое осталось и теперь неизмѣннымъ, въ деталяхъ-же пришлось теперь, при вторичной ревизіи, внести много исправленій, даже въ собственныхъ именахъ. Чтеніе въ 1-й линіи имени города *Aḫuriani* и въ 5-й страны *Etiuni*, по моему мнѣнію, не внушаетъ сомнѣнія, а это мнѣ представляется самымъ важнымъ результатомъ дешифрированія надписи.

---

1. *al ḫa - u - bi (d.) A - ḫu - ri - a - ni*
я завоевалъ городъ Ахуріани.

2. *(d.) Aš - ṭu - ḫi - ni - e - i - ni*
города Аштуахини страну

3. *me - a - lu - ʾa - ri u i - ni*
. . . . крѣпость воздвигъ.

4. *(d.) Aš - ṭu - a - ḫi - ni - e ḫa - u - bi*
городъ Аштуахини я завоевалъ.

5. *(d.) E - ti -. u - ni (d.) i - bi - ra - ni*
Этіуни, страну орошаемую (?)

6. *na - a - li a - nu - i a ni*

7. *ri - e ba - di - ni - e (d.) Ḫal - di - ni*
Халди.

8. *(d.) Ar - gi - iš - ti - i - še a - li - e*
Аргишти говоритъ:

9. *ḫu - ti - a - di (d.) Ḫal - di - e - di*
по приказанію (бога) Халди.

10. *(d.) - di (d.) - di - aš - te*
(бога) Теишба. (бога) Ардини боговъ. —

11. *ḫa - ši - a - al - me - e*
да пошлютъ успѣхъ мнѣ боги, —

12. *II u i bi lu ši - u - bi*
2 локтя (?) . . . . я отнялъ.

13. *pa - ri (d.) Ḳa - al - ra - ḫi*

отъ города Кальрахи

14. *su u - ni ḫa - ṭu - bi iš ti ni*

. . . . я отдѣлилъ ихъ

15. *C XX C bi*

100 20 100

16. *C L VI M C*

150 6000 100

17. *(d.) Ḫal - di - ni - ni al - su - u - ši - ni*

Халдійцамъ великимъ,

18. *(d.) Ar - gi - iš - ti - ni (d.) Me - nu - a - ḫi - ni*

Аргишти, сыну Менуа,

19. *- - - (d.) Bi - a - na - u - e*

царю могущественному, царю страны Біайна,

20. *a - lu - si (d.) Ṭu - uš - pa (d.)*

живущему въ городѣ Тушпа.

21. *(d.) Ar - gi - iš - ti - še a - li - e*

Аргишти говоритъ,

22. *a - lu - še i - ni tu - li - e*

кто эту надпись удалитъ,

23. *a - lu - še pi - tu - li - e tu - ri - ni - ni*

кто изгладитъ имя, этого мужа

24. *(d.) Ḫal - di - še (d.) - še (d.) - še*

(богъ) Халди, (богъ) Теишба, (богъ) Ардини

Послѣднія двѣ строки неразборчивы.

Къ тексту:

Лин. 1. Не смотря на возраженіе В. Белька относительно *ḫa-u-bi*, я считаю чтеніе средняго знака *u* единственно возможнымъ.

Лин. 2. Сэйсъ предполагаетъ вначалѣ идеограмму не города, а индивидуума ⟨, но я думаю, на основаніи лин. 4, что здѣсь скорѣе слѣдуетъ предполагать идеограмму города, по аналогіи съ Ташбурунскою надписью № II, 3.

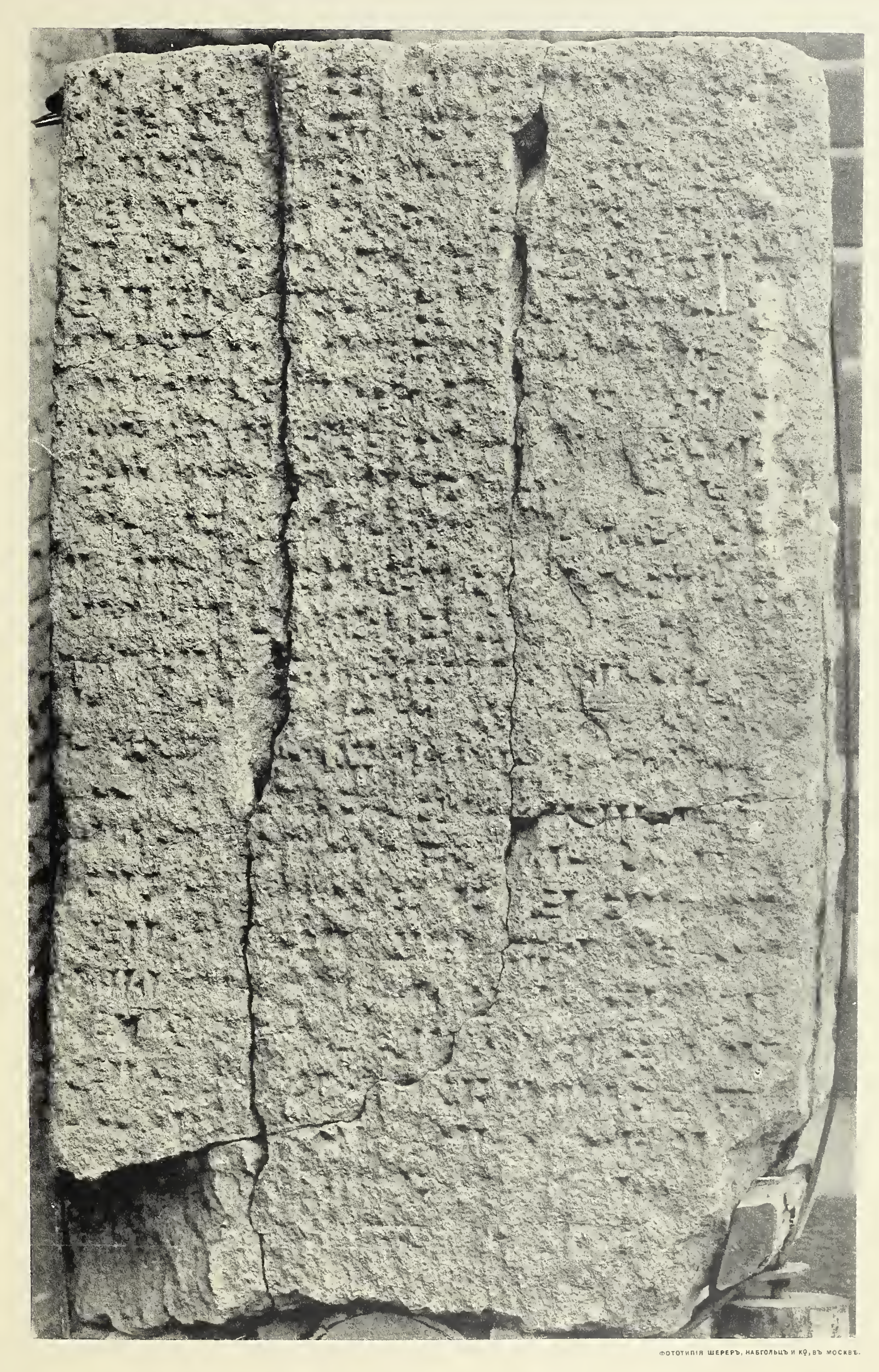
Лин. 3. Что *me-a-lu* есть начало имени страны, это сомнительно. Дальнѣйшее чтеніе этой строки параллельно надписи № XIX, 3 и XXII, 3.

Лин. 5. Слово *Etiuni* вполнѣ ясно. Что касается до слова *ibirani*, то это вѣроятно не собственное, а нарицательное имя. Такъ объясняетъ его проф. Сэйсъ, причемъ онъ предположительно даетъ ему значеніе: *орошаемый водою*. Это значеніе весьма подходитъ въ качествѣ эпитета къ странѣ *Etiuni*, какъ странѣ богатой рѣками (Араксъ, Карсъ-чай и верховья Евфрата).

Лин. 7. Чтеніе всей этой линіи не твердо. Мое чтеніе основано на сличеніи двухъ фотографій: приложенной къ изданію (табл. XXII) и той, которая снята была до разбитія камня. Къ сожалѣнію послѣдняя мелче первой. *ba* можетъ быть и *su* и *ẓu*; имя *Ḫaldi* тоже не твердо.

Лин. 13. Чтеніе города *Ḳalraḫi* едва ли можетъ внушать сомнѣніе.

Лин. 14. Мое прежнее чтеніе здѣсь имени *Etiuni* было ошибочно, стоитъ *su-u-ni*; въ словѣ *ḫa-ṭu-bi* 2-й и 3-й знаки внушаютъ сомнѣніе. Чтеніе *iš-ti-ni* твердо.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°, въ Москвѣ.

НАДПИСЬ № XXI. изъ САРЫКАМЫША.

1) НАДПИСЬ № XXII, изъ ГАНЛИ-ТАПА.

2) ВИДЪ ХОЛМА ГАНЛИ-ТАПА.

VI.

ГАНЛИ-ТАПА

(Eriaini).

Изъ Армавира (= Аргиштихинили), кромѣ разсмотрѣнныхъ нами путей на сѣверъ и сѣверо-западъ, открывалась свободная дорога на востокъ и сѣверо-востокъ. На востокъ долина продолжается вплоть до Эривани, откуда она рѣзко возвышается на сѣверъ и на востокъ. На этомъ пространствѣ находятся нижнія теченія двухъ рѣкъ, текущихъ съ двухъ различныхъ сторонъ, съ сѣверо-запада — *Касаха*, и съ сѣверо-востока — *Занги*. Первая, о которой мы уже говорили, вытекаетъ съ сѣверныхъ склоновъ Алагёза, вторая — съ сѣверо-западнаго угла озера Гокчи. Вступая въ долину Аракса, обѣ рѣки близко приближаются и образуютъ какъ бы одну систему, сообщаясь между собою посредствомъ притоковъ и каналовъ. Въ настоящее время на Касахѣ лежитъ *Эчміадзинъ*, а на Зангѣ — *Эривань*, два важнѣйшіе центра Эриванской равнины. Эта мѣстность — богатѣйшая во всей Эриванской равнинѣ. Вѣроятно здѣсь-то и находились важнѣйшія поселенія въ періодъ урартскій, подобно тому какъ мы видимъ это и въ настоящее время. Мы уже говорили, что Армавиръ до Аргишти не имѣлъ важнаго политическаго значенія; его значеніе могло быть только религіозное. Только со времени Аргишти онъ получаетъ значеніе важнаго стратегическаго пункта. Предполагаемая страна, къ которой онъ принадлежалъ, *'Azani*, также рѣдко упоминается въ надписяхъ и не имѣетъ выдающагося значенія. Весьма возможно, что дѣйствительный культурный центръ въ это время былъ тамъ же, гдѣ и теперь, т. е. на берегахъ Касаха и Занги. На этомъ мѣстѣ мы должны искать положеніе страны, урартское имя которой, упоминаемое въ клинообразныхъ надписяхъ, несомнѣнно тожественно съ именемъ *Эривань*, это — *Eriaini*. Оно встрѣчается въ этой формѣ въ надписи Русы I, найденной въ Кёланы-Кирланы, въ числѣ 23 странъ, завоеванныхъ этимъ царемъ и очевидно расположенныхъ вдоль Гокчи и въ недалекомъ отъ нея разстояніи. Созвучіе *Eriaini* съ нынѣшнимъ *Эривань* такъ велико, что мысль о тожественности этихъ названій *(Eriaini — Eriwan)* напрашивается само собою, тѣмъ болѣе, что названіе *Эривань* не имѣетъ вполнѣ ясной этимологіи ни на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ нынѣшняго времени. Близкими по корню къ названію *Eriaini* были названія другихъ двухъ странъ въ долинѣ Аракса, это *Eriaḫini*, упоминаемой въ надписи Ганлиджы, и *Eriduaḫini* — въ надписи Ташбуруна. Такъ какъ эти два послѣднія названія были только видоизмѣненными или удлиненными формами перваго, то они вѣрнѣе всего принадлежали одной и той же странѣ и

различныя ея формы могли соотвѣтствовать нѣкоторымъ, пока неизвѣстнымъ намъ, топографическимъ расчлененіямъ одной и той же мѣстности; вѣроятно *Eriaini*, какъ мы говорили выше, было названіе центральной мѣстности на лѣвомъ берегу Аракса, *Eriaḫini* — ея сѣвера, простирающагося до Гапліджы, а *Eraduaḫini* — юга на правомъ берегу Аракса до Арарата. Не трудно думать, что владѣя нижними теченіями рѣкъ Касаха и Занги, страна *Eriaini* имѣла въ своей зависимости всѣ тѣ страны, которыя лежали по долинѣ этихъ обѣихъ рѣкъ, и этимъ объясняется, почему ея значеніе могло достигать до Александрополя (Гапліджы), такъ какъ рѣка Касахъ начинается почти у самой равнины Александрополя. Весьма вѣроятно, что центръ этой страны *Eriaini* лежалъ именно тамъ, гдѣ нынѣшняя *Эривань*, такъ какъ городъ этотъ имѣетъ выгодное стратегическое положеніе, находясь въ крайнемъ сѣверовосточномъ углу долины Аракса, въ томъ мѣстѣ, гдѣ горы съ востока и сѣвера круто запираютъ равнину и рѣка Занга выходитъ изъ горъ въ долину. Обладаніе этимъ пунктомъ обезпечивало безпрепятственный путь на сѣверъ или на сѣверо-востокъ по долинѣ рѣки Занги. Въ нынѣшнее время здѣсь лежитъ главнѣйшій трактъ изъ Эриванской равнины чрезъ хребетъ Малаго Кавказа къ Большому Кавказу, именно на сѣверо-востокъ къ сѣверо-западному берегу Гокчи и затѣмъ чрезъ Семеновскій перевалъ въ долину рѣки Акстафы, ведущую въ долину рѣки Куры. Всѣ страны, или мѣстности, лежавшія на этомъ пути къ сѣверу, должны быть въ зависимости отъ той, въ рукахъ которой были эти ворота на сѣверъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ надписей, которыя прямо относились бы къ странѣ *Eriaini*, и точно опредѣляли бы ея топографію, въ родѣ надписей Гулиджана, Ганлиджы, Ордаклю и другихъ, высѣченныхъ на скалахъ тѣхъ мѣстностей, о завоеваніи которыхъ въ нихъ повѣствуется. По этимъ надписямъ мы въ состояніи прямо указать положеніе городовъ и странъ. Но и по отношенію къ странѣ *Eriaini* мы можемъ высказать нѣкоторыя вѣроятныя соображенія, руководствуясь аналогіей съ вышеуказанными мѣстностями. Мы имѣемъ основаніе думать, что *Эривань* урартскаго періода или точнѣе главный городъ страны *Eriaini* лежалъ не на мѣстѣ нынѣшней Эривани, а въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи. Рѣка Занга въ нынѣшней Эривани принимаетъ притокъ, который начинается въ верстахъ 25 отъ Эривани на сѣверо-востокъ и течетъ паралельно Зангѣ на востокъ отъ нея. На томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ притокъ выходитъ изъ ущелья, называемаго Эйлярскимъ, въ равнину, въ 1 верстѣ отъ Эривани, находится значительной величины холмъ, съ котораго открывается видъ на всю долину Аракса въ предѣлахъ Эриванской равнины. А. А. Ивановскій посѣтилъ въ 1894-мъ году этотъ холмъ и нашелъ на вершинѣ его слѣды довольно большой крѣпости, весьма подобной тѣмъ, которые мы находили по близости отъ мѣстонахожденія клинообразныхъ надписей (см. табл. XXIII, 2). Крѣпость имѣетъ около 350 саженъ въ окружности, очень сильно разрушена; камни (по большей части обдѣланные) вросли въ землю и не всегда выступаютъ изъ нея; мѣстами замѣтна кладка внутри самой крѣпости. Многіе изъ камней свалились съ вершины холма къ его подножію. Холмъ этотъ носитъ названіе «Кровавая крѣпость» — по армянски «Аринъ-бертъ», по татарски

«Ганли-тапа». Около 15 лѣтъ тому назадъ при распашкѣ поля у подножія крѣпости однимъ крестьяниномъ селенія *Чалмакчи* въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ Эривани найденъ былъ камень съ клинообразною надписью, очевидно скатившійся вмѣстѣ съ другими съ вершины холма. А. А. Ивановскій первый изъ ученыхъ узналъ о существованіи этого камня и пріобрѣлъ его отъ владѣльца для Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Надпись, къ сожалѣнію, не заключаетъ какихъ либо географическихъ или топографическихъ данныхъ. Она говоритъ о сооруженіи зданія, называемаго *'ari* (или какъ въ надписи XIX. 2 ⋿𒐘 *'ari*), и принадлежитъ Аргишти. Подобная надпись была найдена въ Армавирѣ, но принадлежитъ болѣе позднему времени, именно Русѣ II, сыну Эримена (№ XIX). Какъ болѣе вѣроятное толкованіе слова ⋿𒐘 *'ari* мы принимаемъ *крѣпость*, или *замокъ*; причемъ мѣстонахожденіе надписи даетъ намъ возможность остановиться на этомъ объясненіи. Холмъ *Ганли-тапа* могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ крѣпостью, подобно Армавиру (Аргиштихинили); его небольшія постройки, помимо стѣнъ, могли состоять только изъ принадлежностей крѣпости т. е. башни или казармы, зданія, подобнаго тому, какое мы находимъ на одномъ ассирійскомъ барельефѣ (см. табл. VII). Если это зданіе имѣло отчасти и религіозный характеръ,—такъ какъ одно подобное зданіе посвящено богамъ, — то во всякомъ случаѣ оно было неотдѣлимою принадлежностію крѣпости. Если вѣрно наше объясненіе словъ *kapi ištini*, то зданіе это было построено изъ 10.100 камней, обдѣланныхъ въ ту кубическую форму, какую первоначально имѣлъ камень съ надписью. Такъ какъ размѣръ камней, употребляемыхъ для построекъ, былъ различенъ, но имѣлъ среднюю величину около 2 аршинъ, то зданіе, построенное изъ такого количества, должно быть по условіямъ мѣстности вполнѣ достаточнымъ для крѣпости.

НАДПИСЬ № XXII.

(Табл. XXIII 1).

М. В. Никольскій въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи» Т. 2, вып. 1: *Клинообразная надпись изъ Ганли-тапа около Эривани.*

Камень представляетъ кусокъ базальтовой лавы голубоватаго цвѣта почти кубической формы; одна сторона его сравнительно лучше обтесана и заключаетъ надпись. Площадь надписи заключаетъ 15 сант. выс. и 43.8 сант. шир. Камень находится въ Императорскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ.

1. *(d.) Ar- giš- ti- i- še*
Аргишти,

2. *(d.) Me- nu- a- ḫi- ni- še*
сынъ Менуа,

3. *i- ni 'a- ri šu- u- ni*
эту крѣпость соорудилъ

4. *X M I C ka- pi iš- ti- ni*
изъ 10,100 камней этихъ.

Къ толкованію см. вышеприведенную мою статью и стран. 68 и 69 настоящаго отчета. Вѣроятно слова *i-ni 'a-ri* представляютъ сокращеніе *i-ni* *'a-ri* надписи Русы № XIX, 2. Ср. № XXI, 3.

VII.

ЭЙЛЯРЪ

(Uluani).

Мы не знаемъ названія самой крѣпости Ганли-тапа, о которой говорили въ предшествующей главѣ, въ урартскій періодъ; быть можетъ она называлась *Eriaini*, т. е. по имени страны, въ которой она находилась, быть можетъ это имя перешло на нее впослѣдствіи, какъ имя страны *Біайна* (Ванъ) на крѣпость *Тушпа* (нынѣшній городъ Ванъ). Положеніе ея было весьма выгодное, при самомъ выходѣ изъ горъ и сліяніи двухъ рѣкъ, Занги и ея притока. Послѣдній, протекающій по Ейлярскому ущелью, имѣетъ для насъ особенное значеніе. На самой рѣкѣ Зангѣ не было найдено клинообразныхъ надписей и вообще памятниковъ урартской эпохи, но ея долина была естественнымъ путемъ на сѣверо-западъ къ Большому Кавказу. Если страна *Eriaini* естественно простиралась изъ долины на сѣверъ по рѣкѣ Зангѣ, занимая такимъ образомъ и среднее и нижнее теченіе Занги, то, судя по несомнѣннымъ даннымъ, засвидѣтельствованнымъ клинообразною надписью въ Эйлярѣ, долина, запиравшаяся холмомъ *Ганли-тапа*, была занята другимъ независимымъ государствомъ съ особымъ центромъ. Нынѣшняя дорога изъ Эривани на сѣверо-востокъ къ Гокчѣ идетъ на протяженіи первыхъ 20 верстъ по возвышенности, находящейся между двумя долинами, съ запада — долиною Занги, а съ востока — долиною притока, Ейлярскаго или Керхбулахскаго. Этотъ притокъ получаетъ начало въ селеніи *Башкяндъ*, въ 20 верстахъ отъ Эривани, изъ цѣлаго ряда источниковъ, называемаго армянами *Крхбулахъ* (сорокъ источниковъ), и направляется параллельно Зангѣ до Эривани, гдѣ онъ впадаетъ въ нее. Не въ далекомъ разстояніи отъ этихъ источниковъ находится селеніе Эйляръ, гдѣ рѣчка развѣтляется на два рукава, изъ коихъ одинъ, вышепоименованный, направляется на юго-западъ и впадаетъ въ Зангу около Эривани, другой — прямо на западъ и послѣ короткаго теченія впадаетъ также въ Зангу. Въ ущельѣ, образуемомъ этимъ послѣднимъ теченіемъ, около самаго селенія Эйляра, и находится клинообразная надпись, принадлежащая Аргишти (см. табл. XXIV, 1). Самое селеніе лежитъ на склонѣ одного изъ холмовъ, образующихъ ущелье, съ правой стороны (если отправляться отъ Керхбулаха), клинообразная же надпись находится на противоположной сторонѣ ущелья, противъ селенія, на высотѣ около 50 сажень (см. табл. XXIV, 2). Она вырѣзана на камнѣ огромной величины, который по всѣмъ признакамъ составлялъ одно цѣлое съ окружающими его такъ же большими камнями и оторвался отъ нихъ вслѣдствіе какого

нибудь вулканическаго переворота. Надпись въ 10 строкъ изображена на сторонѣ камня, наклоненной къ землѣ; разсматривать ее можно только стоя на колѣнахъ и въ наклонномъ положеніи. Сторона камня, на которой надпись, имѣетъ почти квадратную форму, и надпись занимаетъ только небольшую ея часть, причемъ она изображена не горизонтально, а наклонно, т. е. не параллельно сторонамъ, а почти по діагонали. Такое направленіе строкъ надписи ясно говоритъ за то, что камень, на которомъ она вырѣзана, первоначально т. е. во время самой гравировки надписи имѣлъ уже то положеніе, въ какомъ находится теперь; дѣйствительно, при такомъ положеніи камня, доступна отдѣлкѣ только именно та часть камня, на которой теперь находится надпись, и рѣщикъ съ удобствомъ могъ дать только такое направленіе строкъ, т. е. наклонное. Мы видили, что урартскіе цари при возведеніи надписей заботились не о томъ, чтобы поставить ихъ на болѣе видное мѣсто, а чтобы предохранить ихъ, насколько возможно, отъ поврежденій. Наклоненное положеніе камня было естественнымъ прикрытіемъ для надписи, которая, какъ почти всѣ найденныя на скалахъ русской Арменіи, сохранилась вполнѣ.

Такъ какъ камень этотъ, судя по его огромной величинѣ (вѣроятно болѣе 1000 пудовъ) и по способу гравировки надписи, не могъ быть перенесенъ изъ другого мѣста, и занимаетъ теперь тоже самое мѣсто, какое имѣлъ при жизни автора надписи, то географическія данныя, содержащіяся въ ней, имѣютъ для насъ важное значеніе. Въ надписи говорится о покореніи страны *Улуани (Uluanie)* и страны города *Дарани* царемъ Аргишти. Если въ Ташбурунѣ мы находимъ въ надписи страну *Еридуахини* съ городомъ *Лухіунини*, въ Гулиджанѣ на рѣкѣ Каранъ-гу— страну *Кулуаини* съ городомъ *Дурубани*, въ Ганлиджѣ на рѣкѣ Арпачаѣ страну *Ишкигулу* съ городомъ *Ирданіуни*, если мы и въ другихъ надписяхъ, какъ въ Ордаклю, Атамханѣ, Захалу такъ же встрѣчаемъ такую же двоицу именъ страны и города, то рѣшительно должно стоять внѣ сомнѣнія, что каждая подобная надпись имѣла значеніе памятника завоеванія именно той опредѣленной мѣстности, въ которой она находится. Ванскіе цари, и особенно Аргишти, повидимому считали за правило въ каждой вновь завоеванной странѣ оставлять надпись, повѣствующую о ея завоеваніи. Они заботливо скрывали эти надписи отъ ревнивыхъ или враждебныхъ взоровъ и предназначали или для отдаленнаго потомства или для взора ихъ боговъ, которымъ они посвящали завоеванныя страны и города. Мнѣ кажется вѣрнѣе послѣднее предположеніе: надпись являлась въ ихъ глазахъ актомъ врученія разъ навсегда завоеванной страны божествамъ Халди и какъ бы печатью, утверждающею неотъемлемость этого владѣнія. Но, какъ въ другихъ мѣстахъ, мы находимъ надписи вблизи тѣхъ мѣстъ, которыя должны быть центральными въ завоеванной странѣ, то и здѣсь въ Эйлярѣ вблизи надписи можно было предполагать мѣстонахожденіе города Дарани. Когда мы при осмотрѣ мѣстности взобрались на находящійся по другую сторону ущелья (противоположную надписи) холмъ, на склонахъ котораго расположена деревня, мы нашли на немъ слѣды укрѣпленія, совершенно аналогичные видѣннымъ мною въ Армавирѣ, Ташбурунѣ.

Ганлиджѣ и друг. Вѣроятно на мѣстѣ нынѣшняго селенія Эйляръ и лежалъ городъ Дарани, центръ страны *Улуани*. Весьма возможно также, что нынѣшнее имя *Эйляръ*, не находящее ясной этимологіи въ мѣстныхъ языкахъ, есть видоизмѣненная, благодаря времени, форма *Улуани;* перенесеніе же имени страны на городъ или на какое либо центральное мѣсто въ странѣ мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. городъ *Тушпа* эпохи урартскихъ царей теперь называется *Ваномъ* по имени страны *Біайна*.

При изслѣдованіи мѣстности меня интересовалъ вопросъ, что собственно придавало значеніе этой мѣстности и способствовало образованію въ ней небольшаго политическаго цѣлаго, страны Улуани съ главнымъ городомъ Дарани? Почему эта мѣстность удостоилась того, что, царь Аргишти увѣковѣчилъ здѣсь память о своихъ завоеваніяхъ? Не трудно найти отвѣтъ на эти вопросы изъ разсмотрѣнія самой мѣстности. Въ 2 верстахъ отъ Эйляра находится селеніе *Башкяндъ*, гдѣ получаютъ начало такъ называемые *сорокъ источниковъ (Крх-булахъ);* масса воды, доставляемая этими источниками, распредѣляется на протяженіи 20 верстъ отъ Эйляра до Эривани, по равнинѣ, имѣющей въ ширину отъ 2 и болѣе верстъ. Вся эта долина представляетъ цвѣтущій садъ и весьма напоминаетъ долину Аракса съ ея пышною растительностію и обильнымъ орошеніемъ; между тѣмъ какъ окрестныя мѣста, внѣ долины, малоплодоносны и маловоздѣланы, долина Крхбулахъ, какъ оазисъ, цвѣтетъ массою зелени и изобилуетъ садами и виноградниками. Отсюда понятно, что въ древности здѣсь легко было образоваться сравнительно по мѣстности важному культурному и политическому центру, подобно тому, какъ подобный центръ образовался благодаря водной системѣ рѣчки Каран-гу на Алагёзѣ. Эйляръ есть первое селеніе, гдѣ получается это орошеніе; оно занимаетъ притомъ болѣе возвышенное мѣстоположеніе и болѣе защищенное, благодаря весьма пересѣкающейся мѣстности. Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время Крхбулахскій каналъ въ Эйлярѣ развѣтляется на два рукава, изъ коихъ одинъ, главный, направляется къ Эривани, другой, меньшій, направляется на западъ, пересѣкаетъ шоссейную дорогу, и соединяется съ Зангой. Вполнѣ основательно предположить, что этотъ малый каналъ существовалъ и въ древнее время, когда система канализаціи была гораздо развитѣе нынѣшней; положеніе Эйляра (Улуани) было поэтому весьма выгодно и въ томъ отношеніи, что изъ него открывался путь съ горной мѣстности съ одной стороны въ долину рѣки Аракса, съ другой въ долину Занги, въ томъ ея мѣстѣ, гдѣ эта рѣка прорѣзываетъ еще горы, не достигая еще той же долины Аракса.

При разсмотрѣніи Эйлярской надписи слѣдуетъ обратить вниманіе на то важное обстоятельство, что въ началѣ надписи (л. 2) упоминается страна *Etiuni*, побѣду надъ которой Аргишти приписываетъ своимъ божествамъ. Мы уже упоминали выше объ этомъ фактѣ при разсмотрѣніи Сарыкамышской надписи. Нѣтъ основанія думать, чтобы страна *Etiuni* была въ непосредственномъ сосѣдствѣ со странами Улуани и Дарани, — вѣроятно ихъ раздѣляла страна *Eriaḫi* съ подчиненными ей малыми странами (напр. *'Aẓani*), — равнымъ образомъ невѣрно предполо-

женіе Сэйса, что страна *Etiuni* въ ванскихъ надписяхъ есть общее названіе Грузіи или вообще сѣверной провинціи. Мы видѣли, что страна *Etiuni* занимала опредѣленное положеніе и не была общимъ терминомъ для Кавказа, упоминаніе же ея въ надписи Ейлярской объясняется исключительно тѣмъ значеніемъ, которое могла имѣть эта страна по отношенію къ другимъ странамъ Малаго Кавказа; занимая высокое сравнительно положеніе, обладая рядомъ важнѣйшихъ крѣпостей, первообразовъ нынѣшняго Карса и Александрополя, владѣя удобными доступами и въ Эриванскую равнину и въ равнину Александрополя, страна *Etiuni* могла держать въ нѣкоторомъ отъ себя подчиненіи всѣ страны, лежавшія по близости отъ нея на Арпачаѣ и Араксѣ и въ сосѣднихъ горахъ. Завоеваніе этой страны обезпечивало для него обладаніе всей долиной Аракса, и вотъ почему онъ могъ упомянуть мимоходомъ объ этомъ завоеваніи въ надписи, относящейся къ его побѣдамъ въ центрѣ Эриванской равнины, около нынѣшней Эривани.

НАДПИСЬ № VI.

(Табл. XXV).

Месропъ Сумбатянцъ въ издававшемся въ Москвѣ армянскомъ журналѣ «Русскій Вѣстникъ», 1863 г., № 53.—*A. D. Mordtmann* въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft XXXI, 2, 3, 1887 г. стр. 510, № 31.—*К. П. Паткановъ* въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. 1883, прилож. № I къ статьѣ: «О клинообразныхъ надписяхъ ванской системы.—*A. H. Sayce* въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol XIV, Part. 4, № XXXVI.—*М. В. Никольскій* въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи» Т. I, вып. 3, стр. 429—430.

Рамка надписи имѣетъ 35,7 сант. выс., 87,8 сант. шир. Надпись сохранилась въ полной цѣлости. Нѣкоторая неясность на эстампажѣ объясняется тѣмъ, что поверхность камня не подвергалась очевидно шлифовкѣ при самомъ высѣканіи надписи и осталась и теперь такою же шероховатою, какою была вначалѣ. Наклонное положеніе камня обозначено и на эстампажѣ: можно составить ясное понятіе о внѣшнемъ видѣ надписи и объ условіяхъ снимания эстампажа по табл. XXIV, 2, гдѣ на верху ущелья изображенъ камень (на немъ стоитъ человѣкъ): бѣлая четыреугольная рамка указываетъ мѣсто надписи.

1\.
(d.) Ḫal- di- ni uš- ta- bi ma- si- ni giš-šu- ri- e
Халди я молился, властителю могущественному

2\.
ka- ru- ni (d.) E- ti- u- ni- ni (d.) Ḫal- di- i
который далъ страну Этіуни; Халди.

1) ЭЙЛЯРСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И КО, ВЪ МОСКВѢ.

2) КАМЕНЬ съ НАДПИСЬЮ въ ЭЙЛЯРѢ.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И Ко, ВЪ МОСКВѢ.

НАДПИСЬ № VI, въ ЭЙЛЯРѢ.

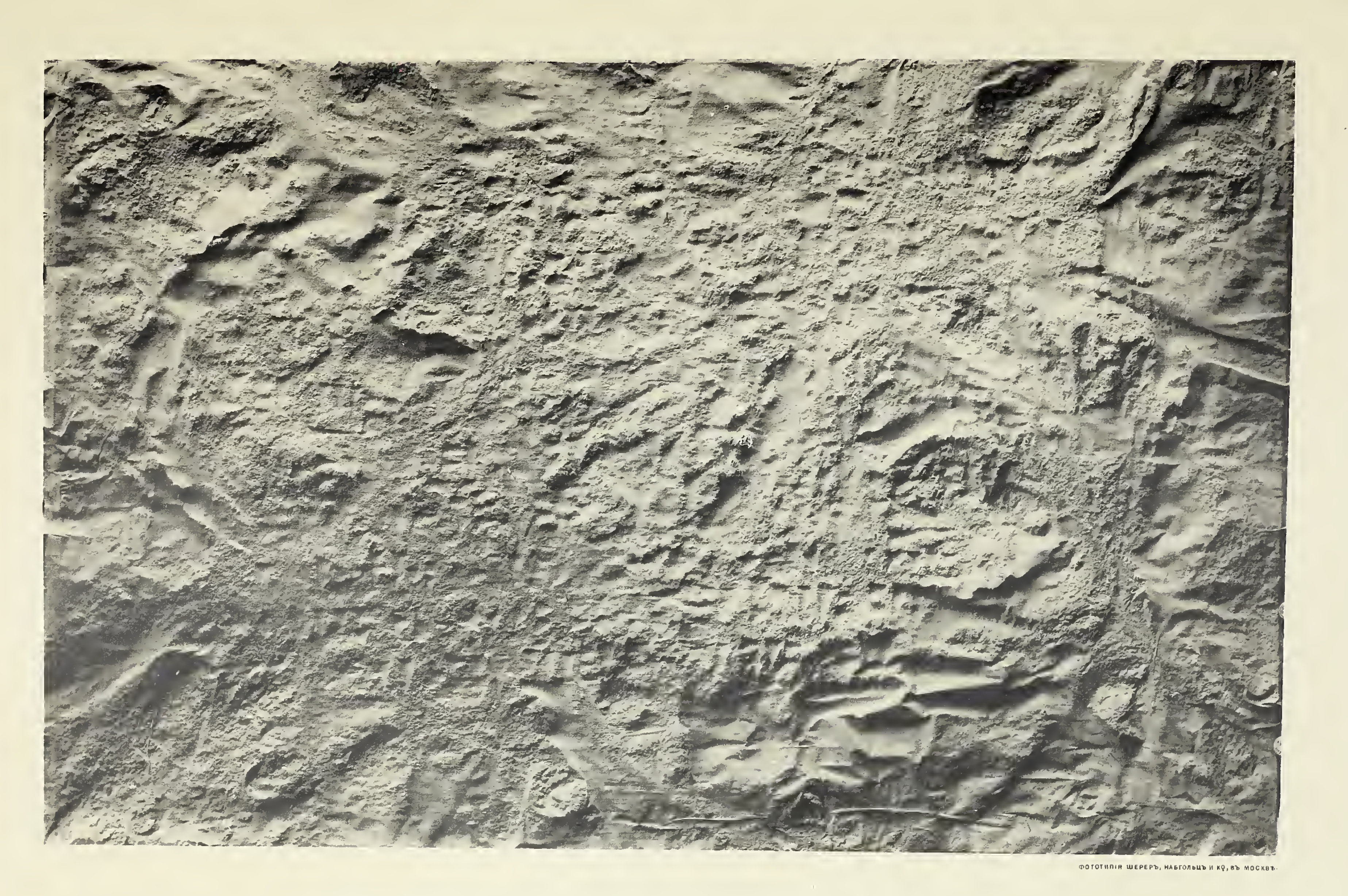

1) МѢСТО НАДПИСИ въ ОРДАКЛЮ.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, ВЪ МОСКВѢ.

2) КАМЕНЬ съ НАДПИСЬЮ въ ОРДАКЛЮ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко, въ Москвѣ.

НАДПИСЬ № VIII, изъ ОРДАКЛЮ
(по эстампажу).

3. *ku - ru - ni (d.) Ḫal - di - ni giš-šu - ri - e ku - ru - ni*
подателю, Халди, могущественному подателю,

4. *(d.) Ḫal - di - ni - ni uš - ma - ši - ni uš - ta - bi*
Халдійцамъ милостивымъ я молился

5. *(d.) Ar - gi - iš - ti - ni (d.) Me - nu - a - ḫi - e*
за Аргишти, сына Менуа,

6. *ḫa - u - ni (d.) U - lu - a - ni - e - i - e - ba - ni*
который завоевалъ Улуани — страну,

7. *(d.) Da - a - ra - ni - ni - e (d.) Ḫal - di - ni - ni*
города Дарани страну, для Халдійцевъ

8. *al - su - ši - ni (d.) Ar - gi - iš - ti - ni (d.) Me - nu - a - ḫi*
великихъ, Аргишти, сына Менуа,

9. *al - su - ni (d.) Bi - a - i - na - e*
царя могущественнаго, царя великаго, царя страны Біайны,

10. *a - lu - si (d.) Ṭu - uš - pa - a - e (d.)*
живущаго въ городѣ Тушпа.

VIII.
ОРДАКЛЮ
(Ḳieḫuni).

Мы разсмотрѣли въ главѣ «Арагатцъ» нѣсколько путей, посредствомъ которыхъ урартскій царь Аргишти могъ сообщаться изъ своей столицы Аргиштихинили съ сѣверною областію въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Александрополь. Болѣе документальныя данныя мы имѣемъ о другомъ пути на сѣверъ, пройденномъ этимъ великимъ ванскимъ завоевателемъ; это — путь изъ Эривани къ сѣверо-западному берегу озера Гокчи. Мѣста, отмѣченныя нахожденіемъ на нихъ клинообразныхъ надписей, именно *Ганли-тапа*, *Эйляръ* и *Ордаклю*, вполнѣ ясно намѣчаютъ для насъ то направленіе, какого держался Аргишти въ своемъ походѣ на сѣверъ. Ганли-тапа и Ордаклю служатъ двумя крайними пунктами этого движенія, а Эйляръ -- одною изъ промежуточныхъ станцій. Это — естественный путь изъ Эриванской равнины на сѣверъ по направленію къ Большому Кавказу, долиною рѣки *Занги;* по нему происходитъ въ настоящее время движеніе изъ Эривани въ Тифлисъ. и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что путь это весьма древній, и по нему происходили великія переселенія народовъ. Вся мѣстность, по которой направляется дорога, довольно равнинная и незамѣтно поднимается на растояніи 60 верстъ до Гокчи, расположенной на высотѣ 6340 футовъ. Огромная котловина, содержащая озеро (70 верстъ длины и до 30 ширины), заперта со всѣхъ сторонъ горными хребтами, и только въ одномъ мѣстѣ, именно на сѣверо-западѣ. гдѣ изъ озера въ настоящее время вытекаетъ рѣчка Занга. вулканическая дѣятельность проявилась съ болѣе слабою энергіею. образовалось нѣчто въ родѣ воротъ, допускающихъ безпрепятственный доступъ къ озеру. Здѣсь озеро образуетъ два небольшихъ залива: около сѣвернаго находится въ настоящее время русское селеніе Еленовка, а у южнаго армянское селеніе Ордаклю. Послѣднее лежитъ въ настоящее время въ сторонѣ отъ шоссейнаго тракта. который направляется чрезъ сел. Еленовку по берегу озера, и затѣмъ. покидая озеро. чрезъ Семеновскій перевалъ спускается въ Делижанское ущелье. въ долину рѣки Акстафы, которая съ своей стороны ведетъ въ долину рѣки Куры. На растояніи 3-хъ верстъ отъ этого тракта. вблизи селенія Ордаклю. по дорогѣ. ведущей изъ Еленовки въ Ново-баязетъ, находится памятникъ царя Аргишти. Не доѣзжая немного селенія. можно замѣтить въ шагахъ 20 отъ плоскаго берега залива гряду невысокихъ скалъ, позади которыхъ почва незамѣтно подымается: на высотѣ 2 аршинъ на одномъ камнѣ большой величины покоится другой камень небольшой сравнительно вели-

чины, выпавшій безъ всякаго сомнѣнія изъ средины сосѣдняго камня, внутри котораго находится пустота, равная ему по вмѣстимости и формѣ (см. табл. XXVI, 1). На этомъ небольшомъ камнѣ и находится 9-ти строчная надпись Аргишти. Особенность ея заключается въ томъ, что строки ея, если смотрѣть на нее снизу, изображены не горизонтально, а вертикально (см. табл. XXVI, 2). Такое неестественное положеніе надписи можетъ, конечно, свидѣтельствовать о томъ, что камень первоначально былъ въ другомъ, болѣе нормальномъ положеніи, и только впослѣдствіи былъ перевороченъ. Но есть основаніе считать это положеніе камня по отношенію къ надписи первоначальнымъ. Рѣщикъ могъ вырѣзать надпись только помѣстившись по лѣвую сторону камня, гдѣ находится узенькая площадка, и поэтому читать или снимать надпись можно только съ этого мѣста, между тѣмъ для наблюдателя, находящагося внизу лицемъ къ скалѣ, направленіе строкъ надписи должно казаться вертикальнымъ. Нѣчто подобное мы видѣли въ Эйлярѣ, гдѣ, вслѣдствіе наклоннаго положенія камня, рѣщикъ долженъ былъ дать строкамъ надписи наклонное направленіе сверху внизъ, почти по діагонали, такъ что начало строкъ надписи образуетъ уголъ съ горизонтальными линіями, по которымъ должны были бы итти строки. Здѣсь, въ Ордаклю, положеніе камня таково, что строки уже имѣютъ совершено вертикальное направленіе. Ошибочно поэтому было бы выводить изъ этого факта какія либо заключенія относительно графическаго характера урартской монументальной письменности, такъ какъ общее правило относительно горизонтальнаго направленія строкъ нужно считать выдержаннымъ и по отношенію къ настоящей надписи. — Другая особенность настоящей надписи состоитъ въ томъ, что рѣщикъ (а можетъ быть и авторъ) избралъ камень не съ ровною, лощеною поверхностію, а напротивъ съ весьма шероховатою и изломанною поверхностію, совершенно неудобною для надписи, при этомъ даже онъ не счелъ нужнымъ ее выравнивать, а ухитрился по этимъ неровностямъ, характеризующимъ натуральный изломъ камня, вырѣзать надпись, благодаря чему получилось, что одни знаки или части знаковъ помѣщаются въ углубленіяхъ камня, а другіе — на возвышеніяхъ. Несмотря на это, надпись очень хорошо сохранилась, но оказалось чрезвычайно затруднительнымъ снять съ нея эстампажъ, такъ какъ коленкоръ при набиваніи долженъ былъ раздираться въ разныхъ мѣстахъ, чтобы попасть во всѣ углубленія камня, по высушеніи же его было рѣшительно невозможно накатать на него краску. Благодаря этому и эстампажъ представляется сравнительно неудовлетворительнымъ, хотя въ сущности онъ довольно достаточно передаетъ все, что есть на камнѣ (см. табл. XXVII).

Въ надписи говорится о покореніи страны *Kieḫuni* и города *Иштикуни*. Эти названія мы можемъ принимать за тѣ самыя, какія носила эта мѣстность и главный ея населенный центръ въ урартскій періодъ. Трудно приблизительно опредѣлить предѣлы этой страны, но нельзя не принять во вниманіе тотъ фактъ, что въ армянскій періодъ исторіи Закавказья область, лежавшая на сѣверѣ Гокчи, называлась *Кегахуни*, именемъ, которое совершенно покрывается древнимъ *Kiехуни*. Весьма вѣроятно, что не только та прибрежная область, которая въ настоящее

время ограничивается съ одной стороны селеніемъ Еленовкою, съ другой — Ордаклю, входила въ составъ этой страны, но и сѣверъ озера, гдѣ находится селеніе Чубухлы, равно какъ и островъ Севангъ. Насколько эта страна распространялась внизъ по теченію рѣки Занги, трудно сказать, но всего вѣроятнѣе думать, что эта страна *Ḳieḫuni* была смежною съ страною *Улуани*, центръ которой находился въ нынѣшнемъ Эйлярѣ.

Что касается до города *Иштикуни*, то всего естественнѣе было искать его въ непосредственной близости къ надписи Ордаклю. И дѣйствительно, изъ разспросовъ я тотчасъ же узналъ, что на одномъ изъ сосѣднихъ съ селеніемъ холмовъ, образующихъ берегъ Гокчи, есть слѣды старинныхъ поселеній. Я поднялся на этотъ довольно большой холмъ по подъему, который нѣкогда былъ искусственно обдѣланъ, и встрѣтилъ здѣсь вполнѣ знакомый мнѣ по Ташбуруну видъ. Валявшіеся на поверхности тесаные камни свидѣтельствовали о томъ что и здѣсь подъ слоемъ песка скрываются остатки старинныхъ сооруженій. Но пространство холма гораздо болѣе того, который находится возлѣ Ташбурунской надписи № I; будучи приблизительно одинаковой ширины, онъ простирается въ длину почти на полуверсту. Даже видъ, представляющійся взору наблюдателя съ этого холма, напоминалъ Ташбурунскій холмъ: съ послѣдняго можно было созерцать всю огромную и однообразную Эриванскую долину, разстилающуюся подобно морю и окаймленную горами, а съ возвышенности Ордаклю открывался видъ на ровное и однообразное водное пространство, также окаймленное горами. На Ташбурунскомъ холмѣ замѣчены были мною и А. А. Ивановскимъ явные слѣды раскопокъ, предпринимавшихся вѣроятно мѣстными поселянами съ цѣлію открытія кладовъ; здѣсь же, въ Ордаклю ничего подобнаго нигдѣ замѣчено не было.

Аргишти стоило только сдѣлать одинъ дневной переходъ, чтобы съ береговъ Гокчи пройти Семеновскій перевалъ и спуститься въ Делижанское ущелье, откуда открывался свободный доступъ къ Большому Кавказу, въ долину рѣки Куры; но на этомъ пути не найдено ни одной клинообразной надписи и ни одного памятника тогдашней эпохи, а потому мы и не знаемъ, пытался ли Аргишти овладѣть этою дорогою и расширить свои завоеванія въ этомъ направленіи. Но что этотъ путь для него былъ открытъ, и онъ имѣлъ его въ виду при своихъ движеніяхъ на сѣверъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Точно также мы не знаемъ, продолжалъ ли онъ свои завоеванія вдоль Гокчи; вѣрнѣе всего его операціи ограничивались покореніемъ сѣверозападнаго ея берега въ связи съ покореніемъ всей долины рѣки Занги, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ около Гокчи мы не находимъ памятниковъ этого царя.

НАДПИСЬ № VIII.

(Табл. XXVII).

Месропъ Сумбатянцъ въ «Араратѣ», 1883 г., стр. 354—355.—*A. H. Sayce* въ Muséon'ѣ, 1884, avril, и въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol. XX. Part. I, p. 25—26.—*M. B. Никольскій* въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», т. I, вып. 3, стр. 432—433.—*W. Belck* und *C. F. Lehmann* въ Zeitschrift für Ethnologie, B. XXIV. Heft 2 (1892) S. 149.

Надпись занимаетъ 32 сант. выс., 58 сант. шир. Положеніе ея описано выше. Благодаря ея особому положенію, оказалось невозможнымъ подойти къ ней на надлежащее разстояніе съ фотографическимъ аппаратомъ; пришлось удовольствоваться эстампажемъ. Надпись сохранилась почти въ полной цѣлости. Слѣдить за направленіемъ строкъ надписи весьма затруднительно, такъ какъ строки начинаются и кончаются не на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, однѣ короче, другія длиннѣе; точно также онѣ идутъ не по прямой линіи, но иногда уклоняются вверхъ или внизъ. Вообще въ графическомъ отношеніи надпись эта представляетъ не мало своеобразнаго.

1. *(d.) Ḫal - di - ni al - su - ši - ni*
Халдійцамъ великимъ

2. *(d.) Ar - gi - iš - ti - še a - li*
Аргишти говоритъ:

3. *ḫa - u - bi (d.) Ḳi - e - ḫu - ni - ni*
я завоевалъ города Кіехуни — страну,

4. *ku - ṭu - bi pa - ri (d.) Iš - ti - ku - ni - u*
отдѣлилъ отъ города Иштикуни,

5. *(d.) ša - na ap - ti - ni ṣu - u - ni - e*
страну . . . . . называемую «озерною»

6. *li - me - i - e - li ḳi - i - u*

. . . .

7. *(d.) Ar - gi - iš - ti - ni*
(для) Аргишти,

8. *(d.) Bi - a - na - u - e*
царя могущественнаго, царя страны Біайна,

9. *a - lu - si (d.) Ṭu - uš - pa (d.)*
живущаго въ городѣ Тушпа.

Къ тексту:

Лин. 1. В. Белькъ послѣ *Ḫal-di-ni* вставляетъ *ni*, а послѣ *ši* оставляетъ пустое мѣсто; для перваго дополненія, которое требуется по аналогіи съ другими надписями, въ оригиналѣ есть мѣсто, но для втораго мѣста нѣтъ.

Лин. 2. Знака , помѣщаемаго Белькомъ, совсѣмъ нѣтъ.

Лин. 3. Знакъ *ḳi* вполнѣ ясенъ и не внушаетъ сомнѣній.

Лин. 4. Знака *bi* нѣтъ, но для него имѣется мѣсто.

Лин. 7. Послѣ *Ar-gi-iš-ti* передъ *ni* Белькъ вставляетъ *i*, но его нѣтъ, и для него не имѣется въ оригиналѣ достаточнаго мѣста.

Къ толкованію:

Лин. 5—6. Сэйсъ дѣлаетъ попытку перевода этихъ совершенно непонятныхъ строкъ, притомъ съ большою увѣренностію, именно такъ:

(5) ebani	*šana*	*aptini*	*tsûnie-(6) li*	*meieli*	*qiu*
the country	the safeguard	which was called	belonging to the canal	the ford	beside.

но слова *šana*, *meieli* и *qiu* не допускаютъ сколько нибудь вѣроятнаго толкованія. Я считаю также недопустимымъ переносъ знака *li* съ 5-й на 6-ю строку; Сэйсъ вѣроятно имѣетъ въ виду здѣсь аналогію съ надписью въ Гулиджанѣ (№ VII), но я указалъ уже, что въ дѣйствительности въ ней нѣтъ переноса знаковъ одного слова съ верхней строки въ нижнюю: *li* надобно всецѣло отнести къ послѣдующему, т. е. *limeieli*. Имѣетъ ли *ḳiu* отношеніе къ *ḳiurani*, IX. 6, XXIV. 4 и XX. 4, сказать трудно, хотя нельзя отрицать возможности. Но заслуживаетъ вниманія объясненіе Сэйса слова *ṣu-u-ni-e*, т. е. *каналъ*; онъ основываетъ свое объясненіе этого слова на надписи Русы № LXXIX, 3. 4. 14. 21, гдѣ находится слово *ṣu-u-e*, *ṣu-i-ni-i*. Белькъ и Леманъ, которымъ принадлежитъ честь открытія и перваго дешифрированія этой надписи, находящейся въ *Toprak-kaleh* около Вана, объясняютъ это слово въ значеніи «See, Wasserreservoir, Bassin». Это объясненіе мы считаемъ болѣе подходящимъ, тѣмъ болѣе, что для обозначенія «каналъ» имѣется въ урартскомъ языкѣ другое слово *pili* (см. № XXIV, 3). Параллельная разбираемой нами фраза имѣется въ надписи Кёланы-Кирланы (лин. 5), именно *i-pa-ni ab-ti-ni ṣu-i-ni-a*. Подъ *ṣuinia* мы всего вѣроятнѣе должны разумѣть въ этомъ мѣстѣ *Гокчу*, *бассейнъ Гокчи* (см. ниже). Такъ какъ надпись Ордаклю находилась также на Гокчѣ, то вѣроятно слово *ṣu-u-ni-e* имѣло въ ней тотъ же смыслъ, что и въ надписи Кёланы-Кирланы. Мы переводимъ его словомъ *озеро* или прилагат. *озерный*.

IX.

АТАМХАНЪ

(Tulihuni).

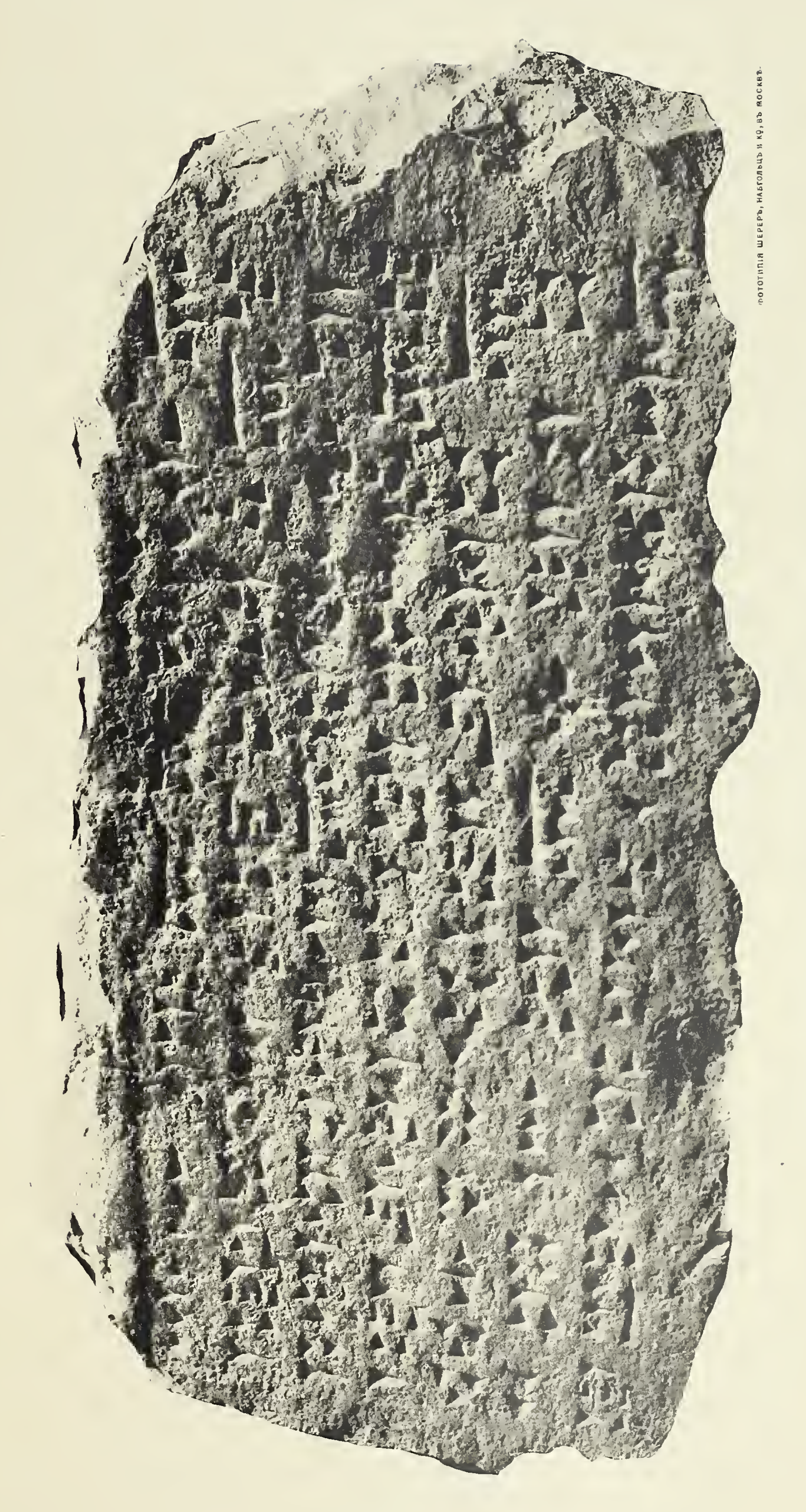
Мое личное знакомство съ Гокчею ограничивается только сѣверозападнымъ ея берегомъ, гдѣ находится надпись Ордаклю, но изслѣдованія географическія и археологическія, произведенныя моимъ сотоварищемъ по экспедиціи, А. А. Ивановскимъ, на всемъ пространствѣ гокчинской котловины, равно какъ снятые имъ весьма удачно эстампажи съ такихъ важныхъ надписей, какъ *Кёланы-Кирланы (Алучалу)* и *Захалу*, даютъ намъ возможность съ нѣкоторою опредѣленностію говорить о прошломъ этихъ мѣстностей, современномъ эпохѣ урартскихъ царей (VIII в. до Р. X.). Въ своей статьѣ «Озеро Гокча» (изъ поѣздки въ Закавказье лѣтомъ 1893 г.), напечатанной въ «Землевѣдѣніи» (1895 г. кн. II и III), А. А. Ивановскій подробно описываетъ физическія условія прибрежныхъ мѣстностей Гокчи, которыя могутъ послужить цѣннымъ матеріаломъ для соображеній о поселеніяхъ на озерѣ въ урартскій періодъ, засвидѣтельствованныхъ документально найденными здѣсь надписями. Теперь можно съ достовѣрностію сказать, что восточныя берега этого озера, образуемые возвышающимся непосредственно надъ озеромъ горнымъ хребтомъ весьма значительной высоты, никогда не были обитаемы; точно также едва ли можно предполагать, что и западный берегъ былъ весь сплошь и густо населенъ въ древнее время. Картина, которую рисуетъ намъ А. А. Ивановскій, изображая разрушеніе, произведенное вулканическою дѣятельностью на пространствѣ между селеніемъ Ордаклю и Ново-баязетомъ, располагаетъ думать, что не только теперь, но и въ древности эта сплошь разрушенная природою область была рѣдко занята народонаселеніемъ. Весьма естественно по этому думать, что ванскій царь Аргишти, достигнувъ Ордаклю, остановилъ здѣсь свое побѣдоносное движеніе, имѣя на сѣверѣ трудно переходимый Бамбакскій хребетъ, а на югѣ — горы Учъ-тапаляръ, врѣзавшіяся въ воды озера. Трудную задачу — преодолѣть эти препятствія онъ предоставляетъ своимъ преемникамъ, которые, впрочемъ, выполнили ее только отчасти, т. е. по отношенію къ болѣе южнымъ берегамъ Гокчи; что же касается до движенія на сѣверъ, къ Большому Кавказу, то, повидимому, на него не отваживались преемники Аргишти.

Преемникъ Аргишти, Сардури II, и преемникъ Сардури II, Руса I, преодолѣли препятствія, представляемыя горными хребтами на западѣ и югѣ Гокчи, и совершили тамъ рядъ завоеваній, память о которыхъ увѣковѣчили въ своихъ надпи-

сяхъ, по сіе время служащихъ краснорѣчивыми свидѣтелями и подлинными документами совершенныхъ ими дѣяній. Памятники эти находятся на югозападномъ и южномъ берегу Гокчи. Здѣсь горные хребты, со всѣхъ сторонъ окружающіе Гокчу, отходятъ отъ берега на нѣкоторое разстояніе, и мѣстность принимаетъ болѣе пониженный и удобный для обитанія характеръ. Здоровый, хотя нѣсколько суровый климатъ, богатство рыбы въ озерѣ, земля, способная къ обработкѣ, благодаря выпадающимъ дождямъ, защищенность мѣста отъ непріятельскихъ нападеній оградою большихъ хребтовъ, по высотѣ достигающихъ снѣговой линіи, наконецъ дикія красоты озера съ его никогда не затихающими голубыми, красивыми волнами и высокими застывшими въ своихъ очертаніяхъ берегами — все это манило обитателей изъ знойныхъ долинъ въ эти хотя не столь богатыя, но болѣе прохладныя и здоровыя мѣстности. По числу найденныхъ здѣсь клинообразныхъ надписей и по сравнительной ихъ важности можно даже предполагать, что югозападныя и южныя берега Гокчи были въ это отдаленное время населены гораздо гуще, чѣмъ въ нынѣшнее время, и образовавшіяся здѣсь независимыя области играли въ политическомъ отношеніи немаловажную роль въ урартскій періодъ.

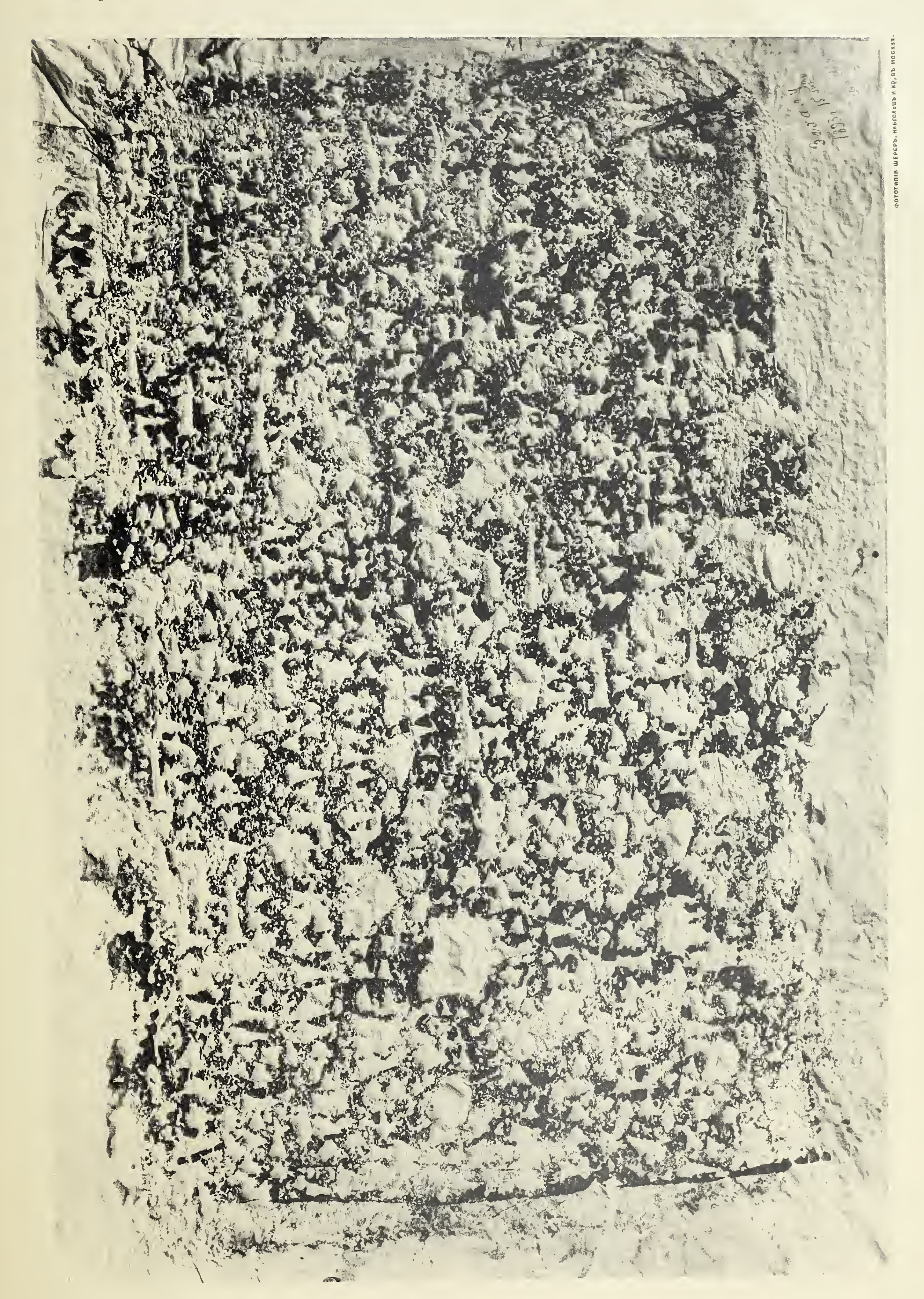
По всему вѣроятію ванскіе цари Сардури II и Руса I проникли въ эти области на югозападныхъ и южныхъ берегахъ Гокчи не тѣмъ путемъ, какимъ достигъ Аргишти береговъ того же озера на сѣверозападѣ, т. е. долиною рѣки Занги; этотъ путь былъ слишкомъ длиненъ и не устранялъ необходимости довольно труднаго перевала чрезъ горы Учъ-тапаляръ. Они могли избрать болѣе прямую дорогу изъ Эриванской равнины въ Манычарскую долину, гдѣ находится памятникъ Сардури II. По словамъ А. А. Ивановскаго, то самое ущелье около Эривани, при входѣ въ которое находится разсмотрѣнный нами холмъ Ганли-тапа, на которомъ найдена была клинообразная надпись, тянется непрерывно къ востоку, достигаетъ вершины хребта Учъ-тапаляръ и затѣмъ посредствомъ перевала сообщается съ другимъ ущельемъ, которое ведетъ въ Манычарскую равнину. Царь Аргишти I, соорудившій крѣпость въ Ганли-тапа и оставившій тамъ надпись, очевидно владѣлъ ключемъ къ этимъ воротамъ къ Гокчѣ и облегчилъ для своихъ преемниковъ обладаніе Гокчею, хотя самъ не имѣлъ возможности пуститься на дальнѣйшія пріобрѣтенія ея береговъ. Сардури II, его сынъ и преемникъ, первый достигъ Манычарской долины, гдѣ и оставилъ надпись, найденную около селенія Атамханъ и въ настоящее время находящуюся въ Кавказскомъ музеѣ въ Тифлисѣ.

А. А. Ивановскій, посѣщая селеніе Атамханъ, собралъ достаточныя свѣдѣнія относительно мѣстонахожденія клинообразной надписи. Ему указана была старожилами гряда камней, къ составу которой принадлежалъ небольшой камень съ надписью, очевидно насильственно выбитый изъ камня сравнительно большей величины. Условія мѣстности здѣсь опять представляютъ большія аналогіи съ Ташбуруномъ. Гора Ахъ-дагъ, возвышающаяся на 11711 футовъ съ запада Манычарской долины, подобно Арарату, спускается въ долину отрогами, образуя выступы или мысы, достигающіе иногда берега озера. Здѣсь, около Атамхана, она образуетъ мысъ на подобіе Ташбурунскаго; около него въ долинѣ находится небольшая

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко, въ Москвѣ.

НАДПИСЬ № XVI, изъ АТАМХАНА.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко, въ Москвѣ.

НАДПИСЬ № XV, въ ЗАХАЛУ.

гряда скалъ, изолированныхъ отъ хребта, среди которыхъ и находилась надпись. Сходство съ I-ю ташбурунскою надписью въ этомъ отношеніи дѣйствительно поразительное.

Атамханская надпись представляетъ особый интересъ во многихъ отношеніяхъ. Ея изученіе на мѣстѣ дало мнѣ возможность установить ея чтеніе, причемъ я долженъ вполнѣ подтвердить чтеніе проф. Лемана имени отца того *Сардури*, которому принадлежитъ надпись, именно *Ar-giš-te-ḫi-ni-še*, и такимъ образомъ вполнѣ устраняется мысль, высказанная Сэйсомъ, что завоеватель, фигурирующій въ этой надписи, не принадлежалъ къ ванской династіи, а былъ какой либо изъ мѣстныхъ царей. Все недоразумѣніе произошло отъ того, что надпись весьма оригинальна въ графическомъ отношеніи, отступая отъ обычнаго способа изображеній собственныхъ именъ царей какъ въ отношеніи употребленія идеограммъ, такъ и фонетическихъ знаковъ. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь мы встрѣчаемся съ извѣстнымъ уже намъ Сардури II, сыномъ Аргишти I, оставившимъ нѣсколько надписей въ Армавирѣ. Насколько въ настоящее время можно судить по надписямъ, усилія этого царя въ долинѣ Аракса направлены были на два пункта, на продолженіе построекъ и укрѣпленій Армавира, который, очевидно, былъ для него, также какъ для его отца, главнѣйшею резиденціей въ этой провинціи, и на продолженіе завоеваній въ долинѣ Аракса, для которыхъ Армавиръ служилъ операціоннымъ базисомъ. Относительно послѣднихъ мы замѣчаемъ, что они предпринимались имъ въ другомъ направленіи, чѣмъ его отцомъ Аргишти. Послѣдній стремился проникнуть далѣе на сѣверъ, отыскивая, вѣроятно, естественныхъ границъ для своихъ завоеваній. Мы не знаемъ, что остановило его у александропольскихъ воротъ съ одной стороны и у Бамбакскаго перевала съ другой стороны: быть можетъ дальнѣйшее движеніе было излишнимъ, такъ какъ Малый Кавказъ былъ естественной границей для его имперіи, а быть можетъ онъ считалъ достаточнымъ *для себя* владѣть главными проходами къ Большому Кавказу, предоставляя своимъ преемникамъ пронести далѣе свое оружіе. Но его преемники вынуждены были, очевидно, силою обстоятельствъ двигаться не на сѣверъ, который они, вѣроятно, считали достаточно укрѣпленнымъ завоеваніями Аргишти, а на востокъ. Быть можетъ, здѣсь играло роль и общее политическое положеніе передней Азіи въ разсматриваемую эпоху. Походы Тиглатъ-Пилесера III-го въ страну Урарту, разгромъ города *Тушпы* (Вана), столицы этого царства, однимъ словомъ униженіе Урарту послѣ періода блестящихъ побѣдъ при Аргишти, остановили навсегда побѣдное шествіе урартскихъ монарховъ на сѣверъ. Однако же эти пораженія не только не заставили Сардури и его преемника отказаться отъ завоеваній въ этой сѣверной своей провинціи, но напротивъ эти завоеванія идутъ съ обычною энергіей въ долинѣ Аракса. Почему они исключительно направлены были на пріобрѣтеніе странъ прибрежныхъ къ Гокчѣ, это, вѣроятно, объясняется тѣсною связью гокчинскаго бассейна съ долиною Аракса: нельзя было владѣть послѣднимъ, не имѣя въ своихъ рукахъ эти горныя страны, хорошо защищенныя природою и, очевидно, въ то время находившіяся въ цвѣтущемъ состояніи.

Содержаніе атамханской надписи доставляетъ намъ интересныя географическія и историческія свѣдѣнія. Она повѣствуетъ о завоеваніи Сардури II города *Тулихуни*, который называется здѣсь столицею мѣстнаго царя *Синалиби*, сына *Луери*, причемъ самъ Синалиби и его дворъ, состоящій изъ мужчинъ и женщинъ, былъ взятъ въ плѣнъ ванскимъ царемъ и уведенъ изъ страны. Наименованіе города столицей (идеограммы читаются: «городъ царскій») встрѣчается только еще одинъ разъ въ закавказскихъ надписяхъ, именно въ I-й Ташбурунской надписи (л. 9) городъ *Лухіунини* называется также столицею. Можетъ быть, слѣдуетъ считать случайностію то, что другіе города, завоеванные въ долинѣ Аракса, не называются столицами, хотя, по всѣмъ соображеніямъ, они играли роль таковыхъ, но во всякомъ случаѣ здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ маленькимъ государствомъ, которое настолько же было самостоятельнымъ, насколько *Эридуахи* около Ташбуруна. Въ разбираемой надписи мы находимъ и названіе самой страны, къ которой принадлежала вышепоименованная столица, именно *Удуріетини* (л. 7). Страна эта была завоевана, причемъ лишилась своей національной независимости и національной династіи; это опять первый случай, гдѣ мы встрѣчаемся съ военными репрессаліями ванскихъ царей въ завоеванныхъ странахъ въ предѣлахъ Закавказья. Объемъ страны Удуріетини былъ вѣроятно очень незначительный: она простиралась по Манычарской долинѣ на югъ едва ли далѣе рѣки Адъ-ямана, такъ какъ далѣе мы встрѣчаемся съ новыми политическими единицами, обладавшими южными берегами Гокчи. Эти данныя ведутъ насъ къ несомнѣнному выводу, что въ урартскій періодъ юго-западные берега Гокчи были заняты болѣе значительнымъ по количеству населеніемъ, которое имѣло всѣ условія независимой области, по тогдашней терминологіи — независимаго царства.

НАДПИСЬ № XVI.

(Табл. XXVIII).

Месропъ Сумбатянцъ въ издававшемся въ Москвѣ армянскомъ журналѣ «Русскій Вѣстникъ», 1863 г., № 53.— *A. D. Mordtmann* въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft № XLV, стр. 624.— Записки Общества Любителей Кавказской Археологіи, 1875, табл. 3.— *К. П. Паткановъ* въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. 1883, выше цитир. статья, прилож. II.— *A. H. Sayce* въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol XIV, Part 4, № LIII — и January 1883 p. 31—32.— *М. В. Никольскій* въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи» Т. I, вып. 3, стр. 450—451.— *C. F. Lehmann* въ Zeitschrift für Assyriologie December, 1894, S. 348—349.

Камень имѣетъ 31 сантим. выс., 69,6 сантим. шир., находится въ Кавказскомъ музеѣ въ Тифлисѣ. По свидѣтельству А. Д. Ерицова [1]), камень этотъ былъ доставленъ въ музей самимъ г. Радде. Небольшой камень, какъ можно судить по

---

[1]) Пятый Археологическій Съѣздъ въ Тифлисѣ, Москва, 1882 г. стран. 90.

оставшимся на немъ слѣдамъ, былъ выбитъ изъ большей скалы около селенія Атамханъ и не принадлежитъ къ архитектурнымъ камнямъ, подобно армавирскимъ. Это-же подтверждаютъ старожилы селенія, спрошенные А. А. Ивановскимъ. Съ надписи мною снятъ эстампажъ, который вполнѣ точно передаетъ все то, что на оригиналѣ, но для изданія мы предпочли воспроизвести фотографію, помѣщенную въ «Запискахъ Общества Любителей Кавказской Археологіи», такъ какъ она, довольно удовлетворительно передавая текстъ, вмѣстѣ съ этимъ знакомитъ съ очертаніями и поверхностію самаго камня. Помимо сего, большею частію ученые знакомы съ этою надписью по фотографіи Кавказскаго Общества, на нее ссылаются; исправленія мы внесли руководствуясь оригиналомъ и эстампажемъ, но при внимательномъ разсмотрѣніи фотографіи можно убѣдиться въ полной точности сдѣланныхъ нами поправокъ.

Если камень былъ выбитъ и снятъ съ своего мѣста самимъ г. Радде, то едва ли можно одобрить этотъ его поступокъ. Предпочтительнѣе было бы оставлять эти надписи на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ первоначально высѣчены, и только въ томъ случаѣ, если цѣлости и сохранности камня угрожаетъ явная опасность, слѣдуетъ прибѣгать къ этому варварскому, хотя и неизбѣжному способу спасти драгоцѣнный памятникъ. Было ли это необходимо сдѣлать по отношенію къ атамханскому камню, мы сомнѣваемся, но во всякомъ случаѣ слѣдовало-бы, приступая къ подобной мѣрѣ, предварительно снять фотографію съ цѣлой скалы, въ составѣ которой находилась надпись, равно и съ окружающей мѣстности, и на самомъ мѣстѣ надписи оставить какое либо видимое указаніе на помѣщавшуюся въ ней надпись. Въ данномъ случаѣ ничего подобнаго сдѣлано не было.

1. *(d.) Ḫal - di - ni - ni ba - u - ši - ni*
Халдійцамъ свободнымъ

2. *(d.) Sar - du - ri - še (d.) Ar - giš - te - ḫi - ni - še*
Сардури, сынъ Аргишти,

3. *a - li (d.) Tu - li - ḫu - ni (d.) - nu - si*
говоритъ: городъ Тулихуни, городъ царскій

4. *(d.) Ṣi - na - li - bi - i (d.) Lu - e - ri - ḫi - ni - i*
Синалиби, сына Луери,

5. *gu - nu - ša ḫa - u - bi (d.) Ṣi - na - li - bi - ni*
въ добычу я завоевалъ. Синалиби,

6. *- ra - ni - lu - tu tu - bi*
царя, мужей, женщинъ я вывелъ,

7. *ku - ṭu - bi pa - ri (d.) U - du - ri - e - ti - ni*
отдѣлилъ отъ страны Удуріетини.

Къ тексту:

Лин. 1. Прежнее чтеніе *uš - ma - a - ši - ni*, помѣщенное въ моемъ изданіи 1893 г., и новое чтеніе Сэйса по фотографіи де-Моргана *al - u - ši - ni* — невѣрны. Въ оригиналѣ, несомнѣнно, стоитъ *ba - u - ši - ni*, т. е. то, слово, которое впервые нами было найдено въ надписи XXIV, 6.

Лин. 2. Эта линія давно уже обращаетъ вниманіе изслѣдователей по своимъ графическимъ особенностямъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ *Sardurišе Argištihinišе*, столь извѣстнымъ изъ другихъ надписей, но имя божества *Sar* въ его имени передано не посредствомъ идеограммы, а фонетическимъ знакомъ. Имя отца читалось различно: *Ra - pi - iš - ḫi - ni - se* (Сэйсъ), *J - pi - tu - ḫi - ni - še* (мною), *Ar - ra - giš - te - ḫi - ni - se* (Сэйсъ), но проф. Леманъ предлагаетъ читать: т. е. *Ar - giš - te - ḫi - ni - še*. Какъ ни странно подобное чтеніе, но оно единственно возможное при тѣхъ научныхъ средствахъ, какими мы располагаемъ. Конечно мы не знаемъ, какое значеніе имѣетъ знакъ въ урартской графикѣ въ качествѣ фонетическаго, но въ виду того, что первое имя несомнѣнно читается *Sardurišе*, а во второмъ всѣ остальные 5 знаковъ (— *giš - te - ḫi - ni - še*) входятъ въ составъ имени отца Сардури, нельзя не вывести заключенія, что первый знакъ читается *ar* въ урартскомъ. Необыкновенно также употребленіе здѣсь *te* вмѣсто *ti*. Во всякомъ случаѣ, естественнѣе признать здѣсь уже извѣстное по надписямъ лицо, чѣмъ предполагать неизвѣстное новое лицо, притомъ не изъ царей Вана.

Лин. 3. Имя города надобно читать не *Tu - li - u - ni*, а *Tu - li - ḫu - ni*. Чтеніе Сэйса по фотографіи де-Моргана невѣрно.

Лин. 4. *Ṣi - e - ri - ḫi - ni - e* слѣдуетъ читать: *Lu - e - ri - ḫi - ni - e*. Впрочемъ вмѣсто *ri* возможно и *ru*: эстампажъ неясенъ въ этомъ мѣстѣ.

Лин. 6. По мнѣнію Сэйса рѣщикъ опустилъ послѣ *lu* знакъ *tu*, чтобы избѣжать диттографіи, знаки же *tu - bi* онъ считаетъ за отдѣльное слово въ значеніи: *я отвелъ*. Это болѣе, чѣмъ вѣроятно, такъ какъ глаголъ 7-й линіи *ku - ṭu - bi* *отдѣлилъ* относится не къ лицу, а къ городу *Tuliḫuni*.

X.

ЗАХАЛУ

(Arkukini, Urtaḫini).

Надпись около селенія Захалу Сардури II находится на южномъ, или скорѣе на юго-восточномъ берегу озера Гокчи. А. А. Ивановскій снялъ вполнѣ удовлетворительный эстампажъ съ этой весьма интересной надписи, высѣченной на большомъ камнѣ (описаніе мѣстности и фотографію надписи см. въ его отчетѣ). Часть южнаго берега озера, по изслѣдованію А. А. Ивановскаго, именно отъ селенія Кёланы-Кирланы и до селенія Захалу, состоитъ опять изъ вулканическихъ образованій и только съ Захалу мѣстность начинаетъ принимать равнинный видъ. Здѣсь начинается Мазринская долина, образуемая теченіемъ рѣчки Мазри, которая вытекаетъ изъ Карабахскихъ горъ. Несомнѣнно, здѣсь на югѣ и на юго-востокѣ находилась та страна, о завоеваніи которой говорится въ надписи Захалу, именно *Аркукини*. Замѣчательно то, что въ этой надписи нѣтъ рѣчи о завоеваніи главнаго города этой страны, но весьма интересно то, что эта страна Аркукини является здѣсь частью другого цѣлаго, именно страны *Urtaḫini*, отъ которой Сардури отдѣлилъ ее. Здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемся съ урартскимъ названіемъ страны *Urarṭu*, до сего времени извѣстнымъ только изъ ассирійскихъ источниковъ. Очевидно оно не имѣло того смысла, съ какимъ является въ ассирійскихъ надписяхъ, т. е. не означало всей ванской имперіи, а имѣло смыслъ болѣе ограниченный. Къ сожалѣнію, такъ кратки и отрывочны географическія данныя ванскихъ надписей, что мы не всегда можемъ извлечь изъ нихъ болѣе или менѣе твердыхъ показаній. Гдѣ былъ центръ страны *Urtaḫini*, какъ широко и въ какомъ направленіи она простиралась отъ южныхъ береговъ Гокчи — вотъ вопросы, имѣющіе первостепенную важность для исторіи страны Урарту. Но во всякомъ случаѣ нахожденіе страны *Urtaḫini (=Urarṭu)* въ предѣлахъ Закавказья въ долинѣ Аракса вполнѣ подтверждаетъ высказанный мною взглядъ *(«Клинообразныя надписи ванскихъ царей», Труды Восточной Коммиссіи Т. I вып. III, стр. 400—401)*, что древняя страна Урарту отвѣчаетъ позднѣйшей Айраратской области и что перенесеніе ея центра съ сѣвера на югъ, въ городъ Ванъ, относится къ позднѣйшему періоду и было вызвано соображеніями политическаго и стратегическаго характера. Но ассирійскія лѣтописи, записавшія на своихъ страницахъ борьбу ассирійскихъ царей съ царствомъ Урарту еще въ то время, когда это царство было въ долинѣ Аракса (въ царствованіе Салманассара II), держались впослѣдствіи этой древней терминологіи, называя царей города Вана (Тушпа) царями не Біайны, какъ они сами

себя называли, а попрежнему *Урарту*. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшія открытія прояснятъ намъ еще болѣе ту роль, какую играла страна *Urṭaḫini* какъ въ позднѣйшее, такъ и въ древнѣйшее время Урарту. Судя же по даннымъ, какія имѣются у насъ въ настоящее время, страна *Urṭaḫini* была независимой въ моментъ покоренія царемъ Сардури южнаго берега Гокчи, такъ какъ о ея покореніи не говорится въ надписи, а лишь объ отдѣленіи отъ нея страны *Arkukini*. Можно догадываться поэтому, что, такъ какъ вся Эриванская равнина была уже покорена въ это время, то страна *Urṭaḫini* имѣла свое положеніе гдѣ либо въ горныхъ мѣстностяхъ на востокъ отъ Эривани.

НАДПИСЬ № XV.

(Табл. XXIX).

Месропъ Сумбатянцъ въ «Араратѣ», 1883, стр. 53.—*М. В. Никольскій* въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», т. I, вып. 3, стр. 448—449 и въ «Археол. Изв. и Зам.», 1893, 12.—*A. H. Sayce* въ Journal of the Royal Asiatic Society, October, 1894, p. 708—709.

Надпись занимаетъ площадь 40,5 сант. выс., 81 сант. шир. Эстампажъ, снятый А. А. Ивановскимъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Правда, на фотографіи, снятой съ эстампажа, надпись представляется неясною, но это зависитъ отъ того, что поверхность камня весьма шероховатая; если ближе всмотрѣться, то легко убѣдиться, что на этой неровной поверхности среди всякого рода ямочекъ и выбоинъ надпись вырѣзана отчетливо и, какъ я убѣдился, сохранилась во всей цѣлости.

1. *(d.) Ḫal - di - ni uš - ta - bi ma - si - ni šu - ri - e*
Халди я молился, властителю могущественному,

2. *ka - ru - ni (d.) Ar - ku - ki - ni - - ni - e*
который далъ Аркукини — землю,

3. *(d.) Sar - du - ri - še a - li uš - ta - di*
Сардури говоритъ: приблизившись (?)

4. *ḫa - u - bi (d.) Ar - ku - ki - ni - ni - e*
я завоевалъ Аркукини — землю.

5. *ḫa - ṭu - bi pa - ri (d.) Ur - ṭa - ḫi - i - ni*
отдѣлилъ отъ страны Уртахини

6. (d.) Ḫal - di - ni - ni al - su - i - ši - ni
Халдійцамъ великимъ,

7. (d.) Sar - du - ri - ni (d.) Ar - giš - ti - ḫi
Сардури, сыну Аргишти,

8. - ni
царю могущественному, царю великому, царю странъ, царю царей,

9. a - lu - si (d.) Ṭu - uš - pa - a - e (d.)
живущему въ городѣ Тушпа.

Къ тексту:

Лин. 1. Въ этой надписи, также какъ въ гулиджанской (№ VII), мы встрѣчаемся съ словомъ *šu-ri-e* вм. *giš-šu-ri-e*. См. стр. 84 настоящаго отчета.

Лин. 2 и 4. Имя страны было прочитано мною *Ši-ri-ḳu-ki-ni*, но Сэйсъ указалъ на возможность читать *Ar-ḳu-ḳi-ni*. Внимательно разсмотрѣвъ всѣ мѣста въ оригиналахъ, гдѣ находится это слово, именно лин. 2 и 4 настоящей надписи и XVIII, 5 (Кёланы-Кирланы, см. ниже), я убѣдился въ томъ, что чтеніе *Ar-ḳu-ḳi-ni* предпочтительнѣе, такъ какъ знаки и стоятъ такъ близко, что составляютъ одинъ знакъ *ar*.

По свидѣтельству В. Белька между 3 и 4 лин. недостаетъ трехъ строкъ, по предположенію же Сэйса недостаетъ одной строки. Но достаточно взглянуть на прилагаемую нами фотографію, чтобы убѣдиться, что эти предположенія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Сомнѣнія по отношенію къ чтенію этой надписи не имѣютъ мѣста, такъ какъ она принадлежитъ къ наилучшимъ по своей сохранности.

XI.

КЁЛАНЫ-КИРЛАНЫ

Самымъ важнымъ памятникомъ ванскихъ завоеваній на Гокчѣ и вообще въ Закавказьѣ служитъ надпись, находящаяся на одной прибрежной скалѣ въ самомъ центрѣ южнаго берега Гокчи. Здѣсь, неподалеку отъ татарской деревни Кёланы-Кирланы и армянской Алучалу, вдается мысомъ небольшой горный кряжъ въ озеро (см. табл. XXX). На верхней части стѣны, образуемой скалою, находится довольно обширная, въ 19 строкъ, клинообразная надпись. Она извѣстна еще съ 1862 г. по снимку, снятому архіепископомъ Месропомъ и помѣщенному въ 1863 году въ издававшемся въ Москвѣ на армянскомъ языкѣ журналѣ «Русскій Вѣстникъ». Проф. Сэйсъ въ своемъ изслѣдованіи о ванскихъ надписяхъ [1]) отзывается объ ней такъ: «Unfortunately his copy, published in *le Nouvellist russe*, is so hopelessly bad that hardly a word in it is recognizable». Только по простой догадкѣ, основанной на томъ, что надписи въ Атамханѣ и Захалу принадлежатъ Сардури II, онъ относитъ и эту надпись Сардури II. Въ послѣднее время было много попытокъ снять эту надпись, которая обращала на себя вниманіе ученыхъ своимъ выдающимся положеніемъ, необычнымъ для подобныхъ памятниковъ на Кавказѣ, своимъ сравнительно большимъ объемомъ и частымъ употребленіемъ, насколько можно было догадыватся, идеограммы *страны* 𒆳. Это послѣднее обстоятельство должно было возбуждать надежду, что въ надписи находятся важныя географическія данныя. Однако же, въ продолженіе слишкомъ 30 лѣтъ, надпись не поддавалась болѣе близкому изслѣдованію, такъ какъ всѣ попытки снять ее были неудачны: она находится такъ высоко надъ водою, что казалось немыслимымъ подступить къ ней близко для снятія эстампажа или фотографіи безъ сооруженія правильныхъ лѣсовъ, каковое сооруженіе въ такой мѣстности, какъ Гокча, представляетъ невѣроятныя трудности. Проф. Сэйсъ въ своихъ письмахъ Императорскому Московскому Археологическому Обществу выражалъ надежду, что русская наука озаботится снарядить экспедицію спеціально для изслѣдованія этой надписи и снятія съ нея фотографіи или эстампажа. Въ 1889 году нѣмецкій изслѣдователь *Вальдемаръ Белькъ* сдѣлалъ отчаянную попытку снять эту надпись: онъ простоялъ 3 часа по поясъ въ водѣ и въ состояніи былъ снять всего $\frac{1}{6}$ надписи (т. е. 3

---

[1]) *The Cuneiform Inscriptions of Van* въ Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, Part 3—4, подъ № LV.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, ВЪ МОСКВѢ.

МѢСТО НАДПИСИ въ КЁЛАНЫ-КИРЛАНЫ.

строки изъ 19). Скопированная имъ часть, по его словамъ, даетъ точное указаніе, что надпись принадлежитъ Сардури II, какъ именно предполагалъ Сэйсъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ утвердительно говоритъ, что фотографія или эстампажъ съ этой надписи не могутъ имѣть значенія для публикаціи, и только отъ тщательнаго изученія *оригинала* можно ожидать ея дешифрированія [1]).

Понятно само собою, что наша экспедиція поставила себѣ одною изъ главныхъ задачъ добиться болѣе или менѣе удовлетворительнаго результата по отношенію къ надписи Кёланы-Кирланы. Экспедиція должна-бы быть сочтена неудавшеюся, если-бы намъ не удалось подвинуть значительно впередъ это дѣло. Къ величайшему нашему удовольствію, моему сотоварищу по экспедиціи, А. А. Ивановскому, удалось блистательно осуществить эту трудную задачу и достигнуть того, что считалось невозможнымъ, т. е. подступить къ надписи и снять эстампажъ, который представляетъ вполнѣ точное и ясное воспроизведеніе того, что находится на самой надписи. Подробный отчетъ объ обстоятельствахъ этого дѣла даетъ въ своемъ мѣстѣ А. А. Ивановскій; съ своей же стороны я могу только засвидѣтельствовать, что лучшей копіи надписи и невозможно желать. Правда, по снимку надпись съ перваго взгляда представляется почти не читаемою, изрытою выбоинами, и повидимому подтверждаетъ увѣреніе Вальдемара Белька, что эта надпись находится въ столь разрушенномъ положеніи, что ни фотографія, ни эстампажъ не помогутъ намъ ее разобрать. Но это совершенно невѣрно. Надпись, если и разрушена, то лишь только въ нижней своей части; что же касается остального, то слѣдуетъ признать ее сохранившеюся довольно удовлетворительно; причина же такого безнадежнаго вида или впечатлѣнія, производимаго надписью, заключается въ томъ, что вырѣзывавшій надпись граверъ не нашелъ нужнымъ выгладить и отшлифовать поверхность камня, оставивъ ее въ натуральномъ видѣ со всѣми шероховатостями и выбоинами. Понятно, что на подобномъ фонѣ трудно было доставить тексту ясность и рельефность, такъ какъ рѣщикъ долженъ былъ обходить выбоины камня и для этого отставлять знаки на нѣкоторое разстояніе; понятно также, что въ настоящее время, по прошествіи почти 3000 лѣтъ, представляется иногда весьма затруднительнымъ отдѣлить то, что относится къ надписи, отъ того, что относится къ шероховатостямъ камня. Но несомнѣнно одно, что изъѣденный видъ камня получился еще до вырѣзыванія на немъ надписи, а не есть результатъ позднѣйшаго разрушенія. Фотографія, приложенная къ изданію (см. табл. XXXI), снята съ эстампажа и также достаточно точно передаетъ то, что на эстампажѣ. Но, чтобы слѣдить за текстомъ, надобно самое напряженное вниманіе: строки при своей длинѣ весьма тѣсно соприкасаются одна къ другой и идутъ не вполнѣ по прямой линіи, знаки, неглубоко вырѣзанные, не всегда ясно выдѣляются изъ сплошныхъ почти неровностей камня, всюду чередуются съ этими послѣдними до такой степени, что во многихъ мѣстахъ является предположеніе, не произошло ли выпаденіе знака, но болѣе внимательное изслѣдованіе въ большинствѣ случаевъ устраняетъ

[1]) Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft, 1893, S. 217. Anm. 3.

это предположеніе. Во всякомъ случаѣ, мы должны признать, что полотно эстампажа даетъ гораздо болѣе, чѣмъ снятая съ него фотографія. Изучая его и съ передней и съ задней стороны, можно было убѣдиться, насколько точно и полно отпечатлѣлась на немъ вся поверхность камня, и если снимокъ имѣетъ несовершенства и представляется неяснымъ, то это слѣдуетъ безусловно отнести къ качествамъ самого оригинала. Изданный мною въ «Археологическихъ Изв. и Зам.» (1893 г. № 12) текстъ этой надписи представляетъ плодъ моихъ продолжительныхъ занятій надъ полотномъ надписи тотчасъ послѣ полученія эстампажа; мнѣ хотѣлось поскорѣе подѣлиться съ западными учеными столь цѣннымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, давно ими тщетно ожидавшимся. Вторичная ревизія надписи въ главномъ и существенномъ подтвердила мое первое чтеніе, но въ нѣкоторыхъ деталяхъ пришлось сдѣлать исправленія; кое-что пришлось оставить подъ сомнѣніемъ. Я надѣюсь, что все это сочтено будетъ вполнѣ естественнымъ при чрезвычайной трудной задачѣ установленія текста этой надписи.

Тѣмъ важнѣе наша побѣда надъ препятствіями, что надпись представляетъ большой интересъ по своему содержанію. Она принадлежитъ не Сардури II, какъ думали Сэйсъ и Белькъ, а *Русѣ*, но не тому Русѣ II, отъ котораго осталась надпись въ Армавирѣ (№ XIX) и на бронзовыхъ щитахъ, найденныхъ около Вана. Послѣдній Руса былъ современникомъ Ассурбанипала (668—626 г. до Р. Х.), между тѣмъ какъ наша надпись принадлежитъ Русѣ I, тому знаменитому современнику Саргона царя ассирійскаго (722—705 г. до Р. Х.), который велъ съ этимъ послѣднимъ отчаянную борьбу на жизнь и смерть во главѣ всѣхъ народовъ сѣвера [1]). Анналы царствованія Саргона изобилуютъ описаніями этой исполинской борьбы, причемъ герой ея называется большею частію не Руса, а съ перестановкою звуковъ *Урса*, хотя и первое имя встрѣчается [2]). Отъ Русы I до сего времени не было найдено ни одной надписи, какъ и вообще отъ его преемниковъ до Русы II, жившаго около 100 лѣтъ спустя. Сэйсъ даже полагалъ, что политическое положеніе Урарту во время борьбы и послѣ разгрома при Саргонѣ не благопріятствовало сооруженію монументальныхъ надписей, и поэтому ихъ не слѣдуетъ и ожидать. Руса II въ надписяхъ называется сыномъ Эримена, а Руса I въ нашей надписи — сыномъ Сардури. Такимъ образомъ разрѣшается вопросъ объ отношеніи Урсы ассирійскихъ надписей къ Сардури II. Естественно было предположить по чисто хронологическимъ основаніямъ, что Урса былъ сыномъ Сардури, но только теперь это является вполнѣ доказаннымъ историческимъ фактомъ, и къ 5 царямъ ванской династіи, преемственно отъ отца къ сыну царствовавшимъ въ Ванѣ и оставившимъ намъ клинообразныя надписи, мы должны присоединить 6-го, притомъ такого, который игралъ самую важную роль въ исторіи Ассиріи.

---

[1]) См. мою статью: «Клинообразныя надписи ванскихъ царей», стр. 412—414.

[2]) См. анналы Саргона л. 58 и 75 у *Hugo Winckler*, Die Keilschrifttexte Sargons, Band I, стр. 13 и 16—17.

Изъ разсматриваемой надписи прежде всего оказывается, что Урса I, несмотря на свое бурное и такъ трагически окончившееся царствованіе, поглощенное ужасною борьбою съ Ассиріей, имѣлъ возможность продолжать непосредственно дѣло его отца Сардури II въ сѣверной провинціи и спеціально на берегахъ Гокчи. Мы видѣли, что Сардури II сосредоточилъ свои завоеванія исключительно на странахъ, прибрежныхъ къ Гокчѣ; его преемникъ, Руса I, оперировалъ точно также здѣсь, и оставшійся здѣсь единственный памятникъ этого царя свидѣтельствуетъ о той чрезвычайной энергіи и тѣхъ успѣхахъ, съ какими онъ подчинялъ своей власти эту древнюю Урарту. Въ немъ Руса повѣствуетъ о завоеваніи не менѣе 23 странъ, имена которыхъ находятся на надписи. Ни въ одной изъ надписей, найденныхъ на скалахъ Кавказа, мы не встрѣчаемъ такого длиннаго реэстра покоренныхъ странъ; всѣ онѣ служатъ памятниками какого нибудь отдѣльнаго завоеванія, преимущественно той страны и города, въ предѣлахъ которыхъ былъ воздвигнутъ памятникъ. Наша надпись повидимому совсѣмъ не имѣетъ этого спеціальнаго характера и служитъ памятникомъ всей дѣятельности и всѣхъ завоеваній Русы въ Урарту, резюмирующимъ результаты его побѣдъ. Вотъ почему географическія данныя этой надписи, несмотря на ихъ чрезвычайную подробность, не могутъ быть во всей точности пріурочены къ опредѣленнымъ мѣстностямъ. Можно только догадываться, что Гокча и именно южный ея берегъ была для него исходною точкою для его дальнѣйшихъ движеній. Едва ли можно думать, чтобы страны, примыкавшія непосредственно къ Гокчѣ, могли занимать долго этого царя, такъ какъ, судя по надписямъ Сардури II, всѣ населенныя мѣста Гокчи были уже въ его власти: страна *Удурiетини* съ городомъ *Тулихуни* на юго-западѣ, страна *Аркукини* на югѣ были уже завоеваны. Неужели на такомъ тѣсномъ пространствѣ мы должны предполагать и другія страны, которыя еще нужно было завоевывать его преемнику? Это рѣшительно невѣроятно, а потому мы думаемъ, что надпись захватываетъ страны, лежавшія внѣ бассейна Гокчи, хотя включаетъ и ту при-гокчинскую страну, въ предѣлахъ которыхъ она была воздвигнута. Мы думаемъ, что эта страна была *Аркукини*, о завоеваніи которой царемъ Сардури II повѣствуется въ надписи Захалу. Но это завоеваніе, очевидно, не было полнымъ; мы отмѣтили тотъ фактъ, что Сардури II въ надписи Захалу говоритъ только о покореніи страны и отдѣленіи ея отъ страны *Уртахини*, но не упоминаетъ о завоеваніи главнаго города этой страны, какъ это мы видимъ во всѣхъ остальныхъ подобныхъ надписяхъ на Кавказскихъ скалахъ. Это заставляетъ предполагать, что этотъ городъ не былъ имъ завоеванъ, и поэтому окончательное и полное завоеваніе этой страны принадлежало его преемнику. И дѣйствительно, мы находимъ въ надписи Кёланы-Кирланы упоминаніе страны *Аркукини* въ числѣ первыхъ странъ, имъ завоеванныхъ. Онъ не упоминаетъ ни страну *Ḳiеḫuni* (Ордаклю), ни страну *Удурiетини* (Атамханъ), такъ какъ, очевидно, онѣ вполнѣ были подчинены, первая Аргишти I-мъ, вторая — Сардури II-мъ, а только одну страну *Аркукини*, покореніе которой, начатое его отцомъ, имъ было довершено. Другихъ странъ около Гокчи трудно ожидать, судя по тѣснотѣ ея бе-

реговъ и ихъ физическимъ условіямъ. Но очень близко предположеніе, что надпись Кёланы-Кирланы находится на томъ мѣстѣ, гдѣ была или столица страны *Аркукини* или же одно изъ важнѣйшихъ ея укрѣпленныхъ мѣстъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ урартскаго имени этого мѣста: трудно думать, чтобы въ надписи оно не находилось, но теперь къ сожалѣнію оно утратилось. Вторая половина и конецъ надписи сильно изглажены прибоемъ волнъ, при сильномъ волненіи достигающихъ надписи, но въ ней говорится о сооруженіи дворцовъ и храмовъ, и поэтому нужно ожидать и имени того мѣста, гдѣ эти зданія были воздвигнуты. Есть основаніе думать, что это мѣсто и было тутъ на берегахъ Гокчи около надписи Кёланы-Кирланы; объ этомъ свидѣтельствуетъ буквальный смыслъ надписи («этотъ дворецъ я возстановилъ»), а также и то весьма интересное обстоятельство, что здѣсь два раза упоминается имя божества Тейшба, занимающаго 2-е мѣсто въ урартской троицѣ *(Халди, Тейшба* и *Ардини)*. Идеограмма Тейшба тожественна съ идеограммою ассирійскаго божества *Раммана*, бога атмосферы, грома и молніи и вообще водной стихіи. Нѣтъ сомнѣнія, что характеръ урартскаго Тейшба былъ одинаковъ съ Рамманомъ. Храмъ, о построеніи котораго говорится въ надписи, былъ посвященъ этому божеству, и это весьма понятно, такъ какъ большое озеро Гокча съ его дикими скалами, съ его вѣтрами и бурями, съ его красивыми голубыми волнами и богатствомъ животнаго царства могло считаться между прочимъ жилищемъ бога водной стихіи. Весьма возможно, что дикій, скалистый мысъ близь селенія Кёланы-Кирланы заключалъ въ себѣ одну изъ центральныхъ твердынь урартскаго царства, основанную или можетъ быть возобновленную Русою I. Подобно своему дѣду Аргишти I, основавшему свой центръ въ Армавирѣ *(Аргиштихинили)* и своему прадѣду, основавшему такой же центръ въ Ташбурунѣ *(Лухіунини-Менуахинили)*, Руса I на Гокчѣ основалъ третій важный укрѣпленный пунктъ, носившій, вѣроятно, названіе, аналогичное со двумя первыми, *Rusaḫinili*. Мы знаемъ, что около Вана находятся развалины крѣпости, носившей это названіе *Rusaḫinili*, принадлежавшей, вѣроятно, тому же Русѣ I [1], и нѣтъ основаній отрицать, что мѣстъ съ этимъ названіемъ могло быть нѣсколько, подобно тому какъ мы находимъ нѣсколько мѣстъ съ именемъ *Менуахинили*. Къ сожалѣнію, пустынный и дикій видъ берега не располагалъ искать на его поверхности или подъ его насыпною почвою слѣдовъ древнихъ построекъ, и только показанія надписи, обнаружившіяся уже послѣ экспедиціи, внушаютъ мысль о необходимости болѣе детальнаго обслѣдованія мѣстности въ Кёланы-Кирланы и производства на ней пробныхъ раскопокъ.

Такимъ образомъ Руса I довершилъ завоеваніе всей Гокчи и на крайнемъ южномъ ея берегу создалъ для себя резиденцію, или укрѣпленный лагерь. Страна, въ которой находился этотъ центръ, называлась *Аркукини*, одна изъ тѣхъ 23 странъ, о завоеваніи которыхъ онъ повѣствуетъ въ своей надписи. Вопросъ

---

[1]) См. статью *C. F. Lehmann*'а въ Zeitschrift für Assyriologie, December, 1894, S. 349—360 и *A. H. Sayce* въ Journal of the R. A. S., January 1893 p. 18—22.

о томъ, гдѣ мы должны искать положеніе остальныхъ 22 странъ, упоминаемыхъ въ надписи, весьма важенъ, но теперь пока мы можемъ отвѣтить на него лишь одними предположеніями. Прежде всего нужно отмѣтить тотъ фактъ, что въ надписи всѣ 23 страны дѣлятся на двѣ группы, изъ коихъ къ первой принадлежатъ 4 страны *(Adaḫuni, Uelida, Kumeruḫi* и *Arkukini)*, причемъ онѣ объединяются въ одномъ названіи мѣстности, имя которой, если правильно наше чтеніе перваго знака, читается *Ṣuinia*,— ко второй группѣ относятся 19 остальныхъ странъ *(Ubimeni, Šanatuaini, Teriuišaini, Rišuaini, Zuaini, Akuani, Amanini, Irkimaini, Elaini, Erieltuaini, Aidamaniuni, Guriaini, Alẓirani, Piruaini, Melaini, Ušeduini, Aṭaẓaini, Eriaini, Aẓameruninі)*, которыя объединяются подъ однимъ названіемъ страны, имя которой, если опять правильно наше чтеніе перваго знака, *Riduani*. Можно сожалѣть, что чтеніе обоихъ первыхъ знаковъ не вполнѣ твердо, но оно имѣетъ за себя много вѣроятности, а вмѣстѣ съ этимъ и даетъ возможность нѣкоторыхъ соображеній. Названіе *Ṣuinia* есть первоначально нарицательное имя «озеро», «бассейнъ», но затѣмъ оно могло получить значеніе собственнаго и стало обозначать спеціально «озеро Гокчу». Это названіе *Ṣuinia* вполнѣ покрывается армянскимъ названіемъ *Сюникъ*, которое принадлежало древней армянской провинціи, обнимавшей всю Гокчу и области, лежавшія на востокѣ и югѣ отъ нея. Такъ какъ въ составъ этой провинціи *Ṣuinia* входила страна *Arkukini*, лежавшая, несомнѣнно, на югѣ Гокчи, то названіе *Ṣuinia* совпадаетъ съ *Сюникъ* не только фонетически, но и по своему географическому значенію, такъ какъ по крайней мѣрѣ одна изъ странъ, расположенныхъ на берегу Гокчи, входила въ ея составъ. Вѣроятно, въ нее входили и другія, но не были упомянуты потому, что завоеваніе ихъ не принадлежало Русѣ I. Что же касается остальныхъ 3-хъ странъ, то всего естественнѣе думать, что онѣ лежали на востокъ и на юго-востокъ отъ Гокчи за предѣлами Карабахскихъ горъ и горы Шагъ-дага. По свидѣтельству А. А. Ивановскаго, ущелья, ведущія въ эти горы, и перевалы чрезъ нихъ доступны для прохода, и открываютъ доступъ въ долины рѣкъ, вытекающихъ съ восточной стороны Малаго Кавказа въ предѣлахъ нынѣшней Елизаветпольской губерніи. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что Елисаветпольская губернія остается до сего времени неизслѣдованной съ археологической стороны, и возможность нахожденія въ ней памятниковъ урартскаго періода пока нельзя считать устраненной.

Что касается до остальныхъ 19 странъ, которыя имѣли своимъ объединяющимъ центромъ страну *Riduani*, то, по всей вѣроятности, мы должны ихъ искать въ долинѣ Аракса и въ горныхъ проходахъ, ведущихъ изъ нея на Гокчу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что среди нихъ находится и страна *Eriaini*, о тожествѣ которой съ Эриванью мы уже говорили. Мы знаемъ, что въ предѣлахъ этой страны былъ уже *Аргишти* и соорудилъ въ *Ганли-тапа* надпись, но ни онъ самъ, ни его отецъ не довершили ея завоеваніе; вѣроятно, въ составъ этой страны входили горные проходы, ведущіе съ запада и съ юго-запада Эриванской равнины въ Гокчинскій бассейнъ, завоеваніе которыхъ досталось на долю Русы I. Мой эчміадзинскій другъ, ученый монахъ Галустъ Теръ-Мкртчьянъ,

по моей просьбѣ, прислалъ мнѣ свои наблюденія надъ географическими названіями надписи Кёланы-Кирланы. Намъ представляется особенно удачнымъ сближеніе имени страны *Guriaini* съ *Garni*, т. е. съ нынѣшнимъ ущельемъ рѣки этого имени, такъ какъ это ущелье является самымъ удобнымъ и кратчайшимъ путемъ изъ долины Аракса на Гокчу и играло съ давняго времени весьма важную роль въ исторіи Арменіи: въ немъ же находились важнѣйшія столицы Арменіи *Арташатъ, Двинъ*. Точно также не лишено основательности сближеніе имени страны *Aidamaniuni* съ нынѣшнимъ названіемъ рѣки, впадающей въ Гокчу съ юго-запада, именно — *Адъ-яманъ*, названіе татарское, которое могло быть передѣлано изъ древняго урартскаго. Менѣе напрашивается на отожествленіе группа названій: *Piruaini* = Апаранъ, *Melaini* = Молни, Мугни, *Ušeduini* = Ушаканъ, тѣмъ болѣе, что они переносятъ насъ отъ Гокчи къ горной системѣ Алагёза. Но и въ этомъ случаѣ нельзя безусловно отрицать возможности нахожденія этихъ странъ внѣ бассейна Гокчи и непосредственно окружающихъ ее хребтовъ. Мы рѣшительно затрудняемся понять, какимъ образомъ на столь маломъ и неудобномъ для обитанія пространствѣ, какъ Гокча и окружающія ее горы и ущелья въ нихъ, могло помѣститься такое большое количество независимыхъ государствъ, имѣвшихъ каждое независимыхъ правителей съ именемъ царей, и не можемъ не допустить предположенія, что географическій горизонтъ надписи гораздо шире, чѣмъ Гокча и ея горы. Долина Аракса по направленію къ юго-востоку, къ Нахичевани, могла представлять большое поприще для завоеванія, точно также и обширный Алагёзъ не могъ быть весь и окончательно покоренъ въ одно царствованіе, и дѣло Аргишти I могло быть и здѣсь, какъ на Гокчѣ, продолжено и докончено его внукомъ, Русой I. Если наше чтеніе имени страны *Riduani* вѣрно, то весьма возможно предположить связь этого названія съ названіемъ страны *Eriduaḫi*, находившейся въ долинѣ Аракса и имѣвшей свой центръ въ *Лухіунини* (Ташбурунъ). Не была ли *Riduani* только видоизмѣненною формою *Eriduaḫi* или *Eriduaḫini*, такъ какъ *ḫi* есть суффиксъ, означающій принадлежность *(= сынъ)*, а *е* могло почему либо выпасть. Во всякомъ случаѣ, страну *Riduani* слѣдуетъ искать внѣ Гокчи, входившей въ составъ *Ṣuinia* (Сюникъ), скорѣе въ долинѣ Аракса, и поэтому съ географической точки зрѣнія отожествленіе ея съ *Eriduaḫini* представляетъ много для себя вѣроятности.

Обозрѣвая ванскія завоеванія на берегу Гокчи, мы видимъ, что эти завоеванія относятся къ періоду, слѣдующему за завоеваніемъ праваго и лѣваго берега долины Аракса въ Эриванской равнинѣ. Кромѣ *Лухіунини* около Ташбуруна и *Аргиштихинили* въ Армавирѣ, служившихъ центрами урартскаго господства при Менуа и при Аргишти, на Гокчѣ мы находимъ, въ болѣе поздній періодъ, при Русѣ I, новый центръ. Мы высказали предположеніе, что этотъ центръ, параллельно *Menuaḫinili* и *Argištiḫinili*, назывался *Rusaḫinili*. Здѣсь опять мы не можемъ пройти молчаніемъ соотвѣтствія хода армянскихъ легендарныхъ завоеваній, описанныхъ въ 12 гл. 1 кн. Моисея Хоренскаго, съ дѣйствительнымъ ходомъ урартскихъ завоеваній. Мы уже говорили въ главѣ «Арагатцъ» о томъ, насколько сказаніе

Хоренскаго объ Армавирѣ, Арагатцѣ, Ширакѣ и Цолакертѣ коренятся въ неясныхъ воспоминаніяхъ объ урартскомъ періодѣ исторіи этихъ мѣстностей. Но легенда, вслѣдъ за повѣствованіемъ о завоеваніи Эриванской равнины и основаніи въ ней центра — Армавира, переноситъ насъ прямо на берега Гокчи. Это случилось при внукѣ Армаиса, строителя Армавира, Гехамѣ. «Гехамъ, по истеченіи лѣтъ, родитъ Хармая въ Армавирѣ и, оставивъ Хармая въ Армавирѣ съ которыми онъ жилъ, самъ отправляется на сѣверо-востокъ къ другой горѣ на берегъ небольшаго озера. Обстроивъ берега озерка, населяетъ его жителями и онъ также гору называетъ Гехамъ по своему имени, а селеніе — Гехакуни. Этимъ именемъ называется также и море» [1]. Мы знаемъ изъ надписей, что и въ дѣйствительности Аргишти изъ Армавира (Аргиштихинили) отправился на сѣверо-востокъ на Гокчу и тамъ завоевалъ страну *Ḳieḫuni* (= Гехакуни), а затѣмъ его преемники, Сардури II и Руса I, завладѣли всѣми берегами этого озера. По имени сына Гехама Сисака вся мѣстность около озера называется *Сюникъ;* въ двухъ клинообразныхъ надписяхъ на Гокчѣ, въ Ордаклю и въ Кёланы-Кирланы, мы встрѣчаемся съ именемъ *Ṣuinia*, которое имѣетъ значеніе «озера», «бассейна»; не могло-ли это названіе сдѣлаться собственнымъ именемъ озера Гокчи и всей провинціи, которая находилась въ бассейнѣ Гокчи?

Сопоставляя все это съ тѣмъ, что мы говорили выше (на стран. 80—83), мы еще разъ выставляемъ на видъ отмѣченный нами фактъ, что армянская легенда о завоеваніи долины Аракса армянами въ дѣйствительности есть отголосокъ урартскихъ завоеваній. Ходъ этихъ легендарныхъ завоеваній вполнѣ соотвѣтствуетъ ходу дѣйствительныхъ завоеваній Менуа, Аргишти, Сардури II и Русы I.

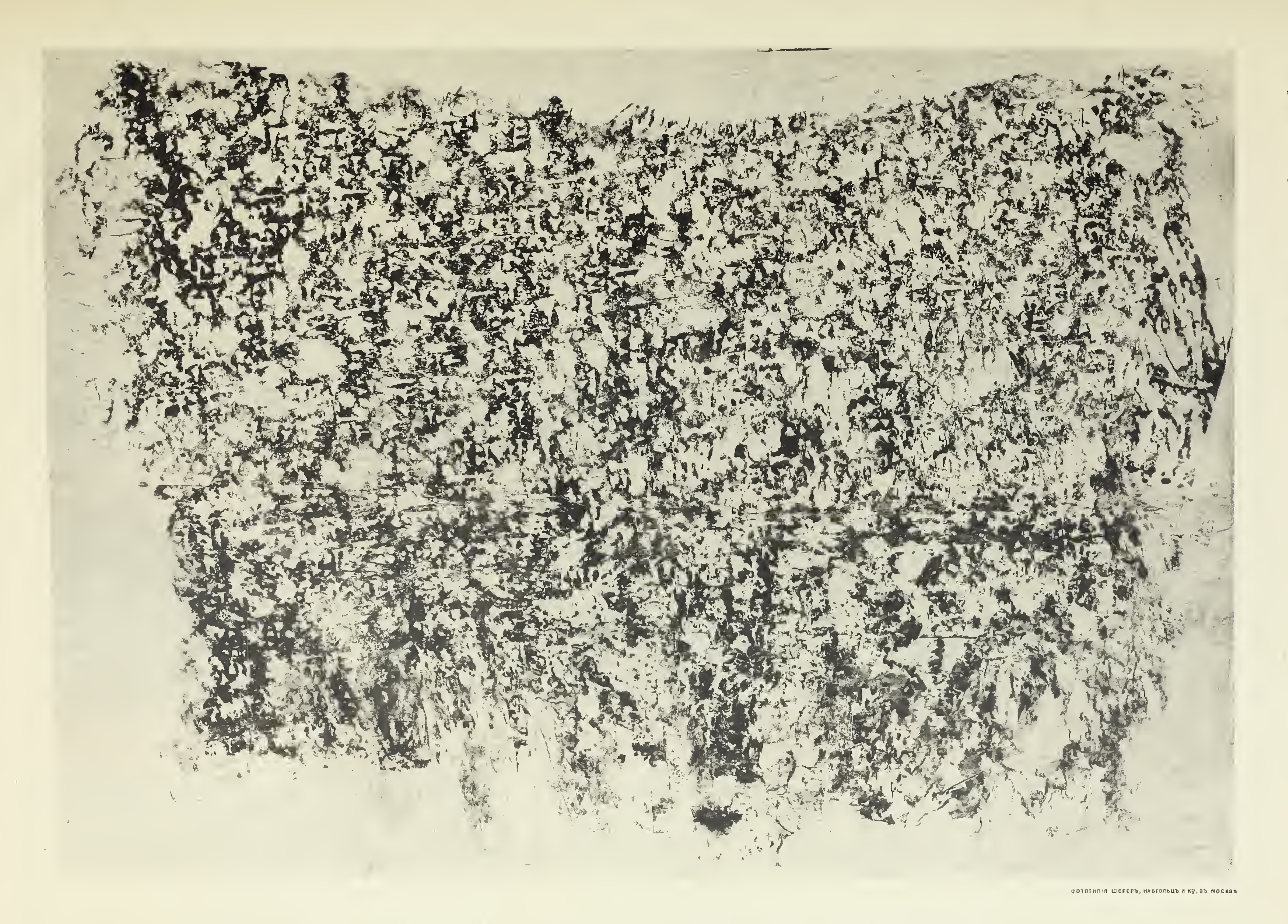
[1]) Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, пер. Н. О. Эмина, 1893, стр. 21.

НАДПИСЬ № XVIII.

(Табл. XXXI).

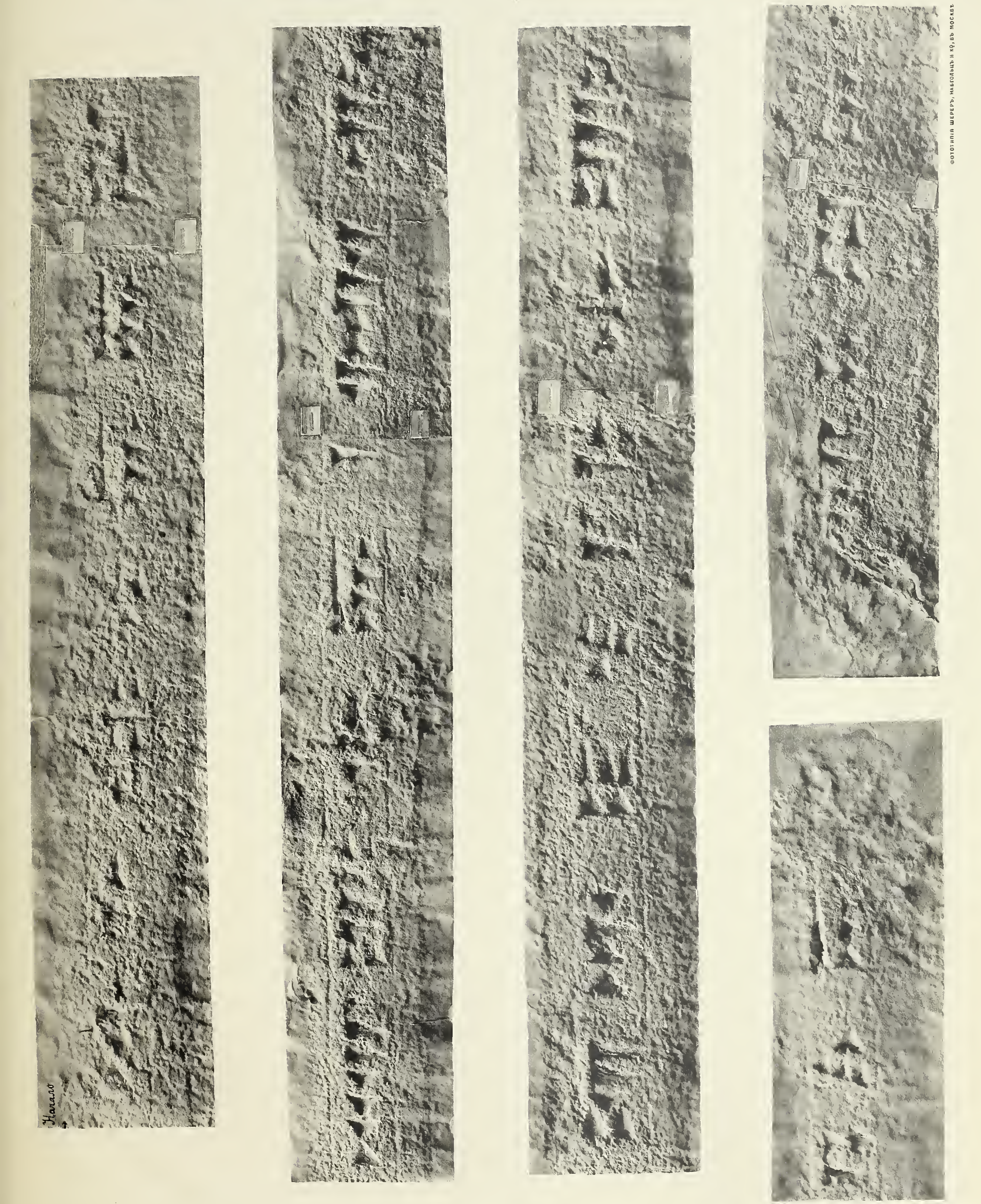
Месропъ Сумбатянцъ въ издававшемся въ Москвѣ армянскомъ журналѣ «Русскій Вѣстникъ», 1863, № 53 — *A. H. Sayce* въ Journal of the Royal Asiatic Society, Vol. XIV. part 4, № LV. — *М. В. Никольскій*. «въ Археол. Изв. и Зам.» 1893, 12. — *A. H. Sayce* въ выше цитированномъ изд., October 1894, p. 713 — 716 — *W. Belck* въ Zeitschrift für Assyriologie, December 1894, S. 346 — 347.

Надпись занимаетъ площадь 89 сант. выс., 1 мет. 40,5 сант. шир. При настоящемъ изданіи текста мною были приняты во вниманіе замѣчанія г. Белька въ Zeitschrift für Assyriologie, но, несмотря на внесенныя мною поправки, я долженъ сказать, что вторичная ревизія текста только подтвердила въ главномъ и существенномъ мое прежнее чтеніе и мой взглядъ на удовлетворительность снятаго А. А. Ивановскимъ эстампажа съ надписи и на пригодность его для изслѣдованія и изданія надписи. Полагаю, что прилагаемая къ настоящему изданію фотографія (табл. XXXI) можетъ убѣдить въ этомъ и самого г. Белька, хотя я долженъ сказать, что эта фотографія не можетъ, къ сожалѣнію, замѣнить самый эстампажъ. Во многихъ мѣстахъ на эстампажѣ вполнѣ ясны углубленія, принадлежащія, несомнѣнно, къ тексту надписи, но на фотографіи они не замѣтны, благодаря отсутствію черной краски, не вездѣ равномѣрно накатанной. Такъ, мое чтеніе именъ 23 странъ, находящихся въ надписи, несмотря на всѣ формы скепсиса, приложенныя мною къ дешифрированію текста, оказалось вполнѣ точнымъ, за исключеніемъ двухъ именъ, это — *Arḳuḳini* вм. *Širiḳuḳini* и *Šanaṭuaini* вм. *Šamaṭuaini;* впрочемъ, чтеніе послѣдняго слова не твердо. Я бы совѣтовалъ г. Бельку лично провѣрить мое чтеніе по эстампажу въ Москвѣ въ Историческомъ музеѣ, если онъ не во всемъ убѣдится по фотографіи. Во всякомъ случаѣ, странно со стороны г. Белька настаивать на невозможности имѣть хорошій снимокъ съ надписи только потому, что ему самому не удалось получить таковой при своихъ попыткахъ снять ее; другіе могли быть въ этомъ отношеніи счастливѣе его.

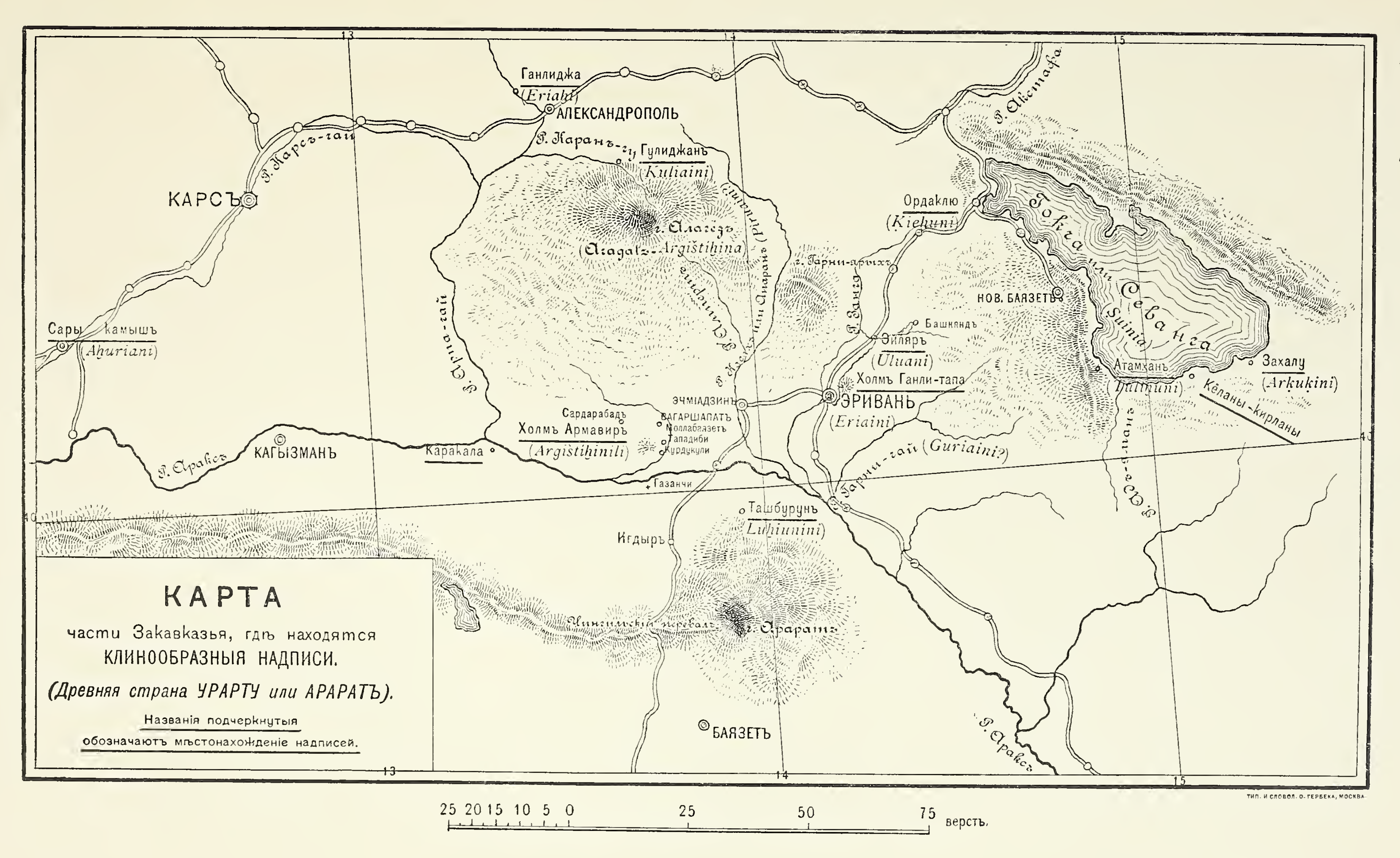
ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И Кº, ВЪ МОСКВѢ.

НАДПИСЬ № XVIII, ВЪ КЁЛАНЫ-КИРЛАНЫ.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, ВЪ МОСКВѢ

НАДПИСЬ № IV, изъ ГАЗАНЧИ.

КАРТА
части Закавказья, гдѣ находятся
КЛИНООБРАЗНЫЯ НАДПИСИ.
(Древняя страна УРАРТУ или АРАРАТЪ).
Названія подчеркнутыя
обозначаютъ мѣстонахожденіе надписей.
КАРСЪ
р. Карсъ-чай
Сары камышъ
(Ahuriani)
Ганлиджа
(Eriahi)
АЛЕКСАНДРОПОЛЬ
р. Каранъ-гу
Гулиджанъ
(Kuliaini)
г. Алагезъ
(Alagalz-Argištihina)
р. Арпа-чай
КАГЫЗМАНЪ
р. Араксъ
Каракала
Холмъ Армавиръ
(Argištihinili)
Сардарабадъ
ВАГАРШАПАТЪ
Моллабаязетъ
Тападиби
Курдукули
ЭЧМІАДЗИНЪ
Газанчи
Игдыръ
г. Гарни-арчихъ
р. Занга
Ордаклю
(Kiehuni)
НОВ. БАЯЗЕТЪ
Башкяндъ
Эйляръ
(Uluani)
Холмъ Ганли-тапа
ЭРИВАНЬ
(Eriaini)
Гарни-чай (Guriaini?)
Атамханъ
Захалу
(Arkukini)
Кёланы-кирланы
(Suinia)
Ташбурунъ
(Luhiunini)
г. Араратъ
БАЯЗЕТЪ
13
14
15
40
25 20 15 10 5 0 25 50 75 верстъ.
ТИП. И СЛОВОЛ. О. ГЕРБЕКА, МОСКВА.

1. (d.) Ḫal - di - ni - ni uš - ma - ši - ni … si - ni - ni (d.) Ru - sa - a - še
Халдійцамъ милостивымъ Руса,

2. (d.) Sar - du - ri - ḫi - ni - še … i - e - še i - ni - li e - ba - ni - li
сынъ Сардури я, когда эта страна

3. šu - si - ni - e uš - ti - ib - ti - ni ma - gu - u - la - ni bu - ra - aš - tu - u - li
одному управленію (?) . . . . была подчинена,

4. (d.) A - da - ḫu - ni (d.) U - e li - da (d.) Ku - me - e - ru - ḫi - e
страну Адахуни, страну Уелида, страну Кумерухи,

5. (d.) Ar - ku - ki - i - ni IV i - pa - ni ab - ti - ni ṣu - i - ni - a
страну Аркукини, 4 царя провинціи (?), называемой «озеромъ»,

6. (d.) U - bi - me ni (d.) Ša - na - ṭu - a - i - ni (d.) Te - ri - u - i - ša - i - ni
страну Убимени, страну Шанатуаини, страну Теріуишаини,

7. (d.) Ri - šu - a - i - ni (d.) Zu - a - i - ni (d.) A - ku - a - ni (d.) A - ma - ni - ni
страну Ришуаини, страну Зуаини, страну Акуани, страну Аманини,

8. (d.) Ir - ki - ma - i - ni (d.) E - la - i - ni (d.) E - ri - el - tu - a - i - ni
страну Иркимаини, страну Элаини, страну Эріельтуаини,

9. (d.) A - i - da - ma - ni - u - ni (d.) Gu - ri - a - i ni (d.) Al - ẓi - ra - ni
страну Аидаманіуни, страну Гуріаини, страну Альзирани,

10. (d.) Pi - ru - a - i - ni (d.) Me - la - a - i - ni (d.) U - še - du - i - ni
страну Пируаини, страну Мелаини, страну Ушедуини,

11. (d.) A - ṭa - ʒa - a - i - ni (d.) E - ri - a - i - ni (d.) A - ʒa - me - ru - ni - ni
страну Атазаини, страну Эріаини, страну Азамеруиини,

12. (XIX) i - pa - ni ab - ti - ni (I) Ri - i - du - a - ni (d.) ba - ba - ni - a
19 царей провинціи (?), называемой Ридуани, страною отдаленной,

13. ku - ru - ni - e XXIII šu - si - ni - i aš - gu - bi
данниками всего 23 царя вмѣстѣ я взялъ;

14. ʾa - še (d.) (d.) Bi - a - i - na - di pa - ru - bi me - ši - ni ša - a - li
мужчинъ, женщинъ въ страну Біайна я вывелъ въ этотъ годъ,

15. na - a - ab ši - di - iš - tu - u - bi (d.) Ru - sa - a - še
я возстановилъ Руса дворцы

16. man - ku (d.) e - ba - a - ni
страны

17. (d.) Teišbaše i - ni ba - du - si - e [ši - di - iš - tu - bi]
богу Теишба этотъ храмъ разрушенный я возстановилъ

18. (d.) Teišbaše i a - na - i
богъ Теишба . . . .

19. *Вся строка стерта.*

Къ тексту:

Лин. 1. Посрединѣ 1-й, равно какъ и 2-й линіи, текстъ отклоняется отъ нормальнаго направленія. благодаря тѣснотѣ мѣста, обусловленной трещиной; это видно изъ того, что знакъ *ma* стоитъ гораздо ниже *uš*, а слѣдующій *ši* едва замѣтенъ въ уменьшенной формѣ. Начало слѣдующаго слова стерто, остается только конецъ: — *si-ni-ni;* Сэйсъ думаетъ, что здѣсь *alsu-si-ni великій* или *alu-si-ni живущій*, но первое невозможно, такъ какъ попытка Сэйса указать паралельную формѣ *alsušini* форму *alsusini* въ атамханской надписи (см. выше) оказалась неудачною, второе же *(alusini)* невѣроятно потому, что никогда не употребляется въ этой связи. Послѣ — *si-ni* слѣдуетъ поставить еще *ni*, пропущенное нами въ прежнемъ изданіи.

Лин. 2. Въ имени *Sar-du-ri-ḫi-ni-še* знаки *ḫi* и *ni* вполнѣ ясны, только *še* не вполнѣ ясно, но слѣды его замѣтны. — Послѣ *Sarduriḫiniše* Сэйсъ предполагаетъ *a-li говоритъ*, но для этихъ двухъ знаковъ не имѣется мѣста. Знаки *i-e-še* изображены мельче предшествующихъ и послѣдующихъ.

Лин. 3 Вмѣсто знака , идеограммы города, слѣдуетъ читать *la*, затѣмъ слѣдуетъ знакъ *ni*, такимъ образомъ будетъ *ma-gu-u-la-ni*. Послѣ знака *tu* вставлено *u*.

Лин. 4. Въ имени *Kumeruḫie* послѣ *me* вставленъ знакъ *e*.

Лин. 5. Вм. *Širikukini* поставлено *Arkukini* (см. надпись, № XV, 2 и 4, Захалу). Слово *La-i-ni-e* мною было прочитано невѣрно, слѣдуетъ читать *Ṣu-i-ni-a*. Ср. надпись Ордаклю, № VIII, 5.

Лин. 6. Въ словѣ *Ša-na-ṭu-a-i-ni* первые два знака не тверды.

Лин. 12. Вм. *i-du-a-i-ni* лучше читать *Ri-du-a-ni*; знакъ *i* послѣ *a* выпущенъ.

Лин. 15. Въ словѣ *Ru-sa-a-še* ясно видно только два послѣдніе знака, остальное можно только предполагать.

Лин. 16. Послѣ *e-ba-a-ni* въ эстампажѣ замѣтно по бѣлому два знака *ni-e*.

Лин. 17. Въ словѣ *ba-du-si-e* послѣ *si* не требуется *i*.

Лин. 18. Слово *ši-di-iš-tu-bi* дополнено. Слѣдовъ его въ оригиналѣ нѣтъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ГЕММА съ КЛИНООБРАЗНОЮ НАДПИСЬЮ.

Во время моего пребыванія въ Эчміадзинѣ о. Галусту Теръ-Мекртчьяну были доставлены два агатовыхъ сферонда съ просверленною дырочкою по серединѣ для ношенія, желтоватаго цвѣта. По словамъ доставившаго ихъ учителя Кульпинскаго училища г. Саригяна, они были найдены однимъ крестьяниномъ селенія Тападиби на армавирскомъ холмѣ во время копанія глины на высотѣ 7 сажень отъ подошвы и въ 2 аршинахъ глубины. Всего было найдено *три* сферонда, изъ коихъ одинъ былъ проданъ владѣльцемъ одному курду въ качествѣ талисмана, а два доставлены въ Эчміадзинъ. Одинъ изъ послѣднихъ, равно какъ прежде проданный, были безъ надписи, оставленный же у себя о. Галустомъ оказался съ клинообразною надписью. Камень имѣетъ въ діаметрѣ 1,7 сант., по обдѣлкѣ и по матеріалу весьма напоминаетъ ассирійскія геммы, которыя большею частію сдѣланы изъ агата и не отличаются изяществомъ, какъ цилиндры халдейскіе. Клинообразная надпись по характеру клиньевъ принадлежитъ не къ ассирійскимъ, а къ ванскимъ. Къ сожалѣнію, надпись не могла быть мною удовлетворительно дешифрирована. Я читаю ее такъ:

▼ ▼► ►▼◢ ◄

Если считать первый горизонтальный клинъ за детерминативъ индивидуума, то мы имѣемъ здѣсь собственное имя лица. Первый затѣмъ знакъ будетъ *me*, послѣдній *u;* если счесть знакъ ►▼◢ за варіантъ ►/► *ni*, то имя было бы *Me-ni-u*, аббревіатура имени *Menuaše*. Но ▼ можетъ означать и цыфру 1, а ▼► *me* — 100, тогда слѣдующая группа будетъ означать предметъ считаемый.

Эта трудность дешифрированія надписи подаетъ поводъ усумниться въ подлинности геммы; можно было бы указать также и на то, что нѣкоторые знаки имѣютъ направленіе необычное въ клинообразной системѣ, т. е. справа налѣво. Что касается послѣдняго, то мы находимъ подобное и на геммахъ ассирійскихъ: объясняется же оно трудностію выдержать строго стиль и каллиграфію письма на твердомъ камнѣ крошечной величины. Вообще же мысль о позднѣйшей подделкѣ, какъ ни естественна она въ виду появленія фальсификаціи клинообраз-

ныхъ надписей на Кавказѣ [1]), отклонялась въ сторону каждый разъ, какъ я приступалъ вновь къ внимательному осмотру геммы. Нынѣшнимъ фальсификаторамъ не подъ силу воспроизвести съ такою оригинальностію и выдержанностію стиля клинообразные знаки на твердомъ камнѣ и мелкою работою, какъ это видимъ здѣсь; они не въ состояніи справиться съ такимъ матеріаломъ, какъ гипсъ и глина, поддѣлка же надписи на такомъ камнѣ, какъ агатъ, немыслима для новѣйшихъ фальсификаторовъ, и до сего времени мы не видали произведеній такого рода. Лично я считаю печать подлинною; что же касается надписи, то быть можетъ другіе изслѣдователи окажутся счастливѣе меня въ дѣлѣ опредѣленія ея смысла. Но что она ванскаго, а не ассирійскаго происхожденія — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться [2]).

[1]) См. мою статью въ Археол. Изв. и Замѣт. 1896, 4: «Фальшивая клинообразная надпись изъ Эриванской губерніи».

[2]) См. мое предварительное сообщеніе объ этомъ въ «Трудахъ Восточной Коммиссіи», т. II, вып. 1, стр. 112—113 (протоколы).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КЛИНООБРАЗНЫЯ НАДПИСИ въ ПОРЯДКѢ №№:

РЕЭСТРЪ ФОТОТИПІЙ:

ПОПРАВКИ:

Стран.	16,	строка	4 сверху	напечатано:	*налѣво.*	слѣдуетъ	*направо.*
»	82,	»	14	»	*лѣваго,*	»	*праваго.*
»	—	»	—	»	*южныхъ,*	»	*сѣверныхъ.*
»	—	»	—	»	*югозападныхъ,*	»	*сѣверозападныхъ.*
»	—	»	12 и 13 снизу	»	*лѣвый,*	»	*правый.*
»	—	»	— — »	»	*правый,*	»	*лѣвый.*

МАТЕРІАЛЫ

по

АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА,

собранные

экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ VI.

Подъ редакціей графини Уваровой.

МОСКВА—1911.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И МАМОНТОВА.
Леонтьевскій пер., д. № 5

А. А. Ивановскій.

ПО ЗАКАВКАЗЬЮ.

Археологическія наблюденія и изслѣдованія 1893, 1894 и 1896 гг.

Съ 1 картой, 16 фототипическими таблицами и 97 рис. въ текстѣ.

Москва.— 1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

ИМПЕРАТОРСКОМУ Московскому Археологическому Обществу угодно было въ 1893 г. командировать М. В. Никольскаго и меня въ Закавказье съ цѣлью, главнымъ образомъ, изученія имѣющихся тамъ памятниковъ эпохи ванскихъ царей. Результаты изслѣдованій М. В. Никольскаго опубликованы имъ въ V-мъ выпускѣ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа". Мною были обслѣдованы окрестности озера Гокчи и сняты эстампажи съ находящихся на берегахъ его клинообразныхъ надписей, причемъ особенное вниманіе было обращено на извѣстную надпись около сел. Кёланы-Кирланы, удовлетворительнаго снимка которой ранѣе не имѣла наука. По окончаніи изслѣдованій на берегахъ озера Гокчи мною былъ совершенъ рядъ рекогносцировочныхъ поѣздокъ по Эриванской равнинѣ, результатомъ которыхъ явилось открытіе невдалекѣ отъ сел. Ташбуруна засыпаннаго землей древняго города. Лѣтомъ 1893 г. время позволило мнѣ разрыть только одно большое зданіе въ этомъ городѣ, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ, по разсказамъ, былъ найденъ камéнь съ клинообразною надписью царя Менуа. Въ 1894 г. Общество вновь командировало меня въ Закавказье для продолженія раскопокъ города и для посѣщенія, если позволитъ время, нѣкоторыхъ мѣстностей Карсской области. Раскопки города заняли значительную часть бывшаго въ моемъ распоряженіи времени; но тѣмъ не менѣе мнѣ удалось въ это же лѣто посѣтить пограничныя части Турціи и Персіи и найти въ первой, въ крѣпости гор. Баязета, высѣченныя въ скалѣ комнаты и барельефъ при входѣ въ нихъ. Невдалекѣ отъ г. Эривани мнѣ посчастливилось открыть и вывезти въ Москву новую клинообразную надпись, которая описана М. В. Никольскимъ подъ названіемъ Ганли-тапинской, по имени того холма, на которомъ она первоначально была найдена. Лѣтомъ 1894-го же года я посѣтилъ нѣкоторыя мѣстности Карсской области, обративъ особенное вниманіе на Сарыкамышъ, гдѣ была найдена клинообразная надпись, хранящаяся въ Тифлисскомъ музеѣ. Результатомъ этой поѣздки было открытіе цѣлаго ряда древнихъ крѣпостей, относящихся къ эпохѣ ванскихъ царей и дающихъ возможность установить нѣкоторые изъ тѣхъ путей, по которымъ направлялись ихъ воен-

ные походы. Последнею была изслѣдована обширная и своеобразная по своему внутреннему устройству крѣпость на берегу озера Чалдыря. Въ 1896 г. Московское Археологическое Общество вновь командировало меня въ Закавказье, на этотъ разъ въ Елисаветпольскую губернію, съ цѣлью производства раскопокъ могилъ, въ особенности т.-наз. „каменныхъ ящиковъ" („Steinkistengräber" нѣмецкихъ археологовъ). Раскопки послѣднихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Елисаветпольской губерніи доставили обширныя и въ высокой степени цѣнныя коллекціи разнообразныхъ бронзовыхъ издѣлій и громадное количество интересныхъ глиняныхъ сосудовъ.

Магистерскіе экзамены и магистерская диссертація отвлекли на нѣсколько лѣтъ мое вниманіе отъ Закавказья и произведенныхъ тамъ изслѣдованій, а когда я получилъ возможность приступить къ обработкѣ собранныхъ во время троекратныхъ экспедицій матеріаловъ, меня постигла тяжкая болѣзнь ногъ, потребовавшая долговременнаго, продолжающагося и до сихъ поръ, лѣченія и нерѣдко на продолжительное время совершенно отрывавшая меня отъ занятій. Вслѣдствіе этой болѣзни я могъ окончить отчетъ о своихъ изслѣдованіяхъ только въ 1905 г. и тотчасъ же приступилъ къ его печатанію. Было отпечатано уже шесть листовъ, когда мой отчетъ постигло новое неожиданное несчастіе—сгорѣла типографія Сытина, въ которой онъ печатался, и пожаръ уничтожилъ значительную часть рукописи, копіи которой не имѣлось у меня. Пришлось снова возстановлять утраченную часть рукописи и, въ виду появленія новыхъ литературныхъ данныхъ, дополнять и измѣнять другіе отдѣлы ея. Между тѣмъ болѣзнь не оставляла меня и требовала для лѣченія ея поѣздокъ то на Кавказскія минеральныя воды, то на Одесскіе лиманы, то въ Крымъ; время же на протяженіи учебнаго года уходило все на обычныя служебныя занятія. Наконецъ, лѣто этого года, съ разрѣшенія доктора, могло быть посвящено такъ долго тяготѣвшему на мнѣ отчету, и онъ могъ быть оконченъ. Приношу Императорскому Московскому Археологическому Обществу и глубокоуважаемому Предсѣдателю его, Графинѣ П. С. Уваровой, мое глубокое извиненіе за столь запоздавшее представленіе отчета о результатахъ моихъ изслѣдованій въ Закавказьѣ.

25-го сентября 1910 года.

I.

Бассейнъ озера Гокчи.

Озеро Гокча или, правильнѣе, Гёкъ-чай [1]) (въ переводѣ съ татарскаго „синяя вода"), представляющее собою самый обширный внутренній водоемъ на всемъ Кавказѣ, находится въ Ново-Баязетскомъ уѣздѣ, Эриванской губ., между 40°9' и 40° 38' сѣв. шир. и 62°36' и 63°21' вост. долготы (отъ Ферро). Расположенное на высотѣ 1903 метровъ надъ уровнемъ Чернаго моря и занимая площадь въ 1398,7 кв. килом., озеро имѣетъ форму косого треугольника, вытянутаго по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Наибольшая его длина достигаетъ 72,5 клм., а ширина — 42 клм. Приблизительно на одной трети продольной оси ширина озера сокращается до 8 клм., вслѣдствіе сближенія противоположныхъ береговъ озера между мысами: Шоръ-гёльскимъ — съ западной стороны и Адъ-тапинскимъ—съ восточной. Такое сближеніе береговъ образуетъ широкій проливъ, раздѣляющій озеро на два неравныхъ бассейна. Меньшій изъ нихъ, сѣверо-западный, занимающій площадь въ 382,7 кв. клм., врѣзывается въ материкъ по направленію къ сѣверо-западу двумя, не носящими никакого названія, заливами [2]); сѣверо-восточный и юго-западный берега этого бассейна нѣсколько раздвигаются къ югу и придаютъ ему форму трапеціи, у которой съ сѣверо-западной стороны врѣзывается входящій уголъ. Другой, юго-восточный, бассейнъ, съ площадью въ 1016 кв. клм., напоминаетъ по своей формѣ усѣченный въ вершинѣ прямоугольный треугольникъ, основаніемъ котораго служитъ южный берегъ, гипотенузою — сѣверо-восточный и катетомъ — западный.

Озеро лежитъ въ большой котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими горными хребтами Малаго Кавказа. Весь бассейнъ Гокчи занимаетъ около 4,200 кв. клм.: изъ нихъ 1398,7 кв. клм. приходятся на поверхность озера, а

---

[1]) Въ древности—Гёгаме и Гёгаркуни; у армянъ извѣстно подъ названіемъ Севанга, иногда—Каджаръ-су (прѣсная вода), у турокъ—Кукча-дари (синее море). У Птолемея озеро Гокча приводится подъ названіемъ *Λυχνῖτις*.

[2]) Въ „Землевѣдѣніи", 1896 г., кн. I—II, стр. 4—5, я предложилъ одинъ изъ нихъ назвать Еленовскимъ, а другой Чубухлинскимъ—по названіямъ селеній Еленовки и Чубухловъ, лежащихъ при этихъ заливахъ.

остальные 2801,3 кв. клм. составляютъ долины и скаты окружающихъ его горъ. Вдоль всего сѣверо-восточнаго берега тянется хребетъ Шагъ-дагъ, у мѣстнаго населенія извѣстный болѣе подъ названіемъ Гюнейскаго хребта, на западъ отъ послѣдняго — Бамбакскій, отроги котораго наполняютъ собою всю сѣверо-западную часть Ново-Баязетскаго уѣзда. Оба эти хребта сходятся неподалеку отъ горы Кюмюрли, достигающей 3290 метровъ высоты. У подошвы этой горы при сел. Семеновкѣ, на высотѣ 2171 м., лежитъ, такъ называемый, Семеновскій перевалъ. Въ сѣверо-восточной части Гюнейскій хребетъ идетъ вдоль самаго берега озера, круто обрываясь въ него. Не доходя сел. Надеждина (на восточномъ берегу озера), хребетъ этотъ нѣсколько отклоняется къ востоку отъ озера, отдѣляя отъ себя къ Гокчѣ высокіе отроги, изъ которыхъ Адъ-тапинскій (2471 м.) образуетъ громадный полуостровъ съ врѣзывающимся въ озеро мысомъ того же названія. Къ числу наиболѣе высокихъ вершинъ Гюнея принадлежатъ: Маралиджа-дагъ (2606 м.), Соухъ-булагъ (2684 м.), Киркити-дагъ (2749), Айгриджа (2660), Кара-архачъ (3057) и Гиналъ-дакъ (3370). На востокѣ отъ южнаго берега озера, въ довольно значительномъ разстояніи отъ него, тянется съ сѣвера на югъ Карабакскій хребетъ. Параллельно южному и юго-западному берегамъ озера Гокчи, также въ значительномъ разстояніи отъ него, непрерывно тянутся высокіе горные хребты, носящіе отдѣльныя названія; такъ, на югѣ: Беклямишъ, Даралагезъ, Гюзалъ-дара, Карахлы и Абдулъ-Хассаръ; къ западу идутъ хребты: Айриджинскій, Агъ-дагскій и Агъ-манганскій съ вершинами: Айриджинъ (3167 м.), Агъ-дагъ (3570), Агъ-манганъ (3101), Учъ-тапаляръ (3267) и др. Отъ хребтовъ этихъ отдѣляются къ озеру многочисленные отроги, которые то подходятъ къ самому берегу и круто обрываются въ него, то вдаются въ озеро скалистыми мысами, образуя въ немъ заливы, то, наконецъ, оканчиваются скатами въ уровень съ поверхностью воды озера. Такое положеніе отроговъ чрезвычайно разнообразитъ очертаніе береговъ Гокчи.

Къ востоку отъ Гокчи, въ топкой, болотистой части Мазринской равнины, находится небольшое озеро Гилли, въ которое впадаетъ множество рѣчекъ. Наибольшее протяженіе этого озера равняется 3 клм. Оно составляло нѣкогда, повидимому, заливъ оз. Гокчи, отдѣлявшійся отъ него косою. Съ теченіемъ времени коса эта все болѣе расширялась и удлинялась и образовала въ концѣ концовъ существующій нынѣ короткій и узкій проливъ, соединяющій оба озера. Впадающія въ Гилли рѣчки несутъ съ собою массу неорганическихъ веществъ, образующихъ на днѣ озера осадки, которыми оно выполняется въ такой степени, что многія мѣста въ немъ представляютъ собою трясину. Осадки отъ прибоя водъ Гокчи, съ одной стороны, и отъ направляющихся по протоку водъ Гилли, съ другой, въ сильной степени должны были способствовать расширенію и удлиненію указанной выше косы, оставившей къ настоящему времени протокъ только въ 10 м. ширины. Воды Гилли текутъ сперва по старому протоку, идущему перпендикулярно берегу Гокчи, а затѣмъ круто поворачиваютъ къ югу и льются между берегомъ и косою до слiянія съ Гокчинскими водами.

Въ сѣверо-западной части Гокчи, на разстояніи 800 м. отъ берега, въ томъ мѣстѣ его, гдѣ онъ вдается угломъ въ озеро, образуя Еленовскій и Чубухлинскій заливы, находится скалистый островъ Севангъ. Островъ имѣетъ форму вытянутой трапеціи, длиною около 1 клм., шириною въ 300 м. и площадью въ 0,3 кв. клм.; наибольшая высота его надъ уровнемъ озера достигаетъ 62 метровъ. Помимо этого острова, вслѣдствіе пониженія въ настоящее время уровня воды въ Гокчинскомъ озерѣ, во многихъ мѣстахъ близъ его береговъ, въ особенности же южнаго и юго-западнаго, образовались болѣе или менѣе значительныя мели, нерѣдко выступающія на поверхность въ видѣ островковъ, дельтъ и длинныхъ косъ, отлагающихся преимущественно около заливовъ или въ устьяхъ впадающихъ въ озеро рѣчекъ. Такія косы иногда удлиняются настолько, что способствуютъ образованію новыхъ рукавовъ рѣкъ, лимановъ или болотистыхъ пространствъ съ стоячею водою, какъ, напр., это можно видѣть при устьяхъ рѣкъ Адъ-ямана, Мазры и др.

Горныя возвышенности, окружающія озеро Гокчу, въ петрографическомъ отношеніи довольно тщательно изслѣдованы горнымъ инженеромъ М. Ф. Митте. „Онѣ состоятъ вообще изъ древнѣйшихъ массивныхъ породъ, какъ: діабазы, діориты, роговообманковые андезиты, порфиры, порфириты, сіениты, сіенито-граниты и слюдяные сланцы. Мѣстами по склонамъ горъ выступаютъ также, въ видѣ узкихъ полосъ, осадочныя образованія,—встрѣчаются известковыя и псаммитовыя отложенія мѣловой формаціи, обусловливающія болѣе правильное тектоническое строеніе почвы.

Во многихъ мѣстахъ, какъ мы выше сказали, при-гокчинскія горы или ихъ отроги приближаются къ самому озеру, образуя болѣе или менѣе крутые скаты и обрывистые берега; особенно, начиная отъ устья рѣчки Балыкъ-чая, почти весь сѣверный и сѣверо-восточный берегъ озера поднимается грядами высокихъ совершенно голыхъ горъ, крутизна которыхъ иногда не оставляетъ мѣста для самой узкой тропинки вдоль берега. Множество глубокихъ овраговъ, направляющихся къ озеру, раздѣляютъ эти горы и обрисовываютъ правильно округленные ихъ скаты. На вершинахъ этихъ горъ почти вездѣ встрѣчаются обнаженія, въ видѣ высокихъ отвѣсныхъ стѣнъ, почти совершенно черныхъ фельзитовыхъ порфировъ, въ основной массѣ которыхъ выдѣляются кристаллы авгита, оливина, магнитнаго желѣзняка и другихъ минераловъ. Эти горныя породы, несмотря на ихъ плотное сложеніе, обладаютъ нѣкоторою слоеватостью, вслѣдствіе чего, при вывѣтриваніи, онѣ легко распадаются на болѣе или менѣе толстыя плитки, опускающіяся постепенно по скатамъ горъ на дно овраговъ и озера.

Съ юго-восточной стороны озера всѣ возвышенности удаляются довольно далеко въ глубь материка, и берегъ образуетъ обширную Мазринскую равнину (до 30 клм. длины и около 20 клм. ширины), выполненную дилювіальными осадками и перерѣзываемую впадающей въ озеро р. Мазрой. Подобный же низменный характеръ имѣютъ также юго-западный и южный берега озера. Они

состоятъ, главнымъ образомъ, изъ глубокихъ, нерѣдко болотистыхъ, долинъ, песчано-известковаго или глинистаго состава, или же изъ постепенно поднимающихся плато, между которыми иногда возвышаются отдѣльныя огромныя скалы и даже группы возвышенностей, исключительно эруптивнаго происхожденія.

Почва западнаго берега, начиная отъ истока р. Занги по направленію къ г. Ново-Баязету, на протяженіи болѣе 30 клм., вся состоитъ изъ вулканическихъ образованій. Здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлыя массы застывшей лавы, образующей высокія черныя скалы или распадающейся на огромныя глыбы, мѣстами разбросанныя въ хаотическомъ безпорядкѣ, мѣстами же сложенныя въ неправильныя кучи. Иногда нагроможденные другъ на другѣ большіе обломки лавы образуютъ какъ-бы высокіе валы кольцеобразной формы, съ возвышающимися по срединѣ такими же конусами изверженія, прямо указывающими на ихъ происхожденіе, какъ потухшихъ вулканическихъ кратеровъ. Эти обломки скалъ, являющіеся, безъ сомнѣнія, общимъ результатомъ неоднократныхъ въ этомъ краѣ землетрясеній, выполняютъ иногда цѣлыя долины и, будучи разсыпаны по скатамъ горъ, составляютъ какъ-бы большія морены, опускающіяся до самаго берега озера. Въ глубинѣ такихъ долинъ нерѣдко и теперь еще совершенно явственно замѣтны потоки застывшей лавы. Вообще этотъ берегъ Гокчи представляетъ картину ужаснаго разрушенія, даже издали поражающую своимъ угрюмымъ и хаотическимъ видомъ. Всѣ горныя породы, встрѣчаемыя здѣсь, состоятъ преимущественно изъ различныхъ лавъ новѣйшаго образованія — изъ обсидіана, перлита, вулканическаго туфа, пемзы и пр. Типическія базальтовыя и долеритовыя лавы, обладающія обыкновенно пористымъ или губчатымъ сложеніемъ, бываютъ сѣраго, чернаго или же кирпично-краснаго цвѣта, въ зависимости отъ характера выдѣляющихся отдѣльныхъ кристалловъ составляющихъ ихъ минераловъ, какъ, напр., оливина, плагіоклаза, магнитнаго желѣзняка, авгита и др. При плотномъ сложеніи и при отсутствіи пустотъ, лавы получаютъ порфировидное строеніе, вслѣдствіе выдѣленія кристалловъ вышеупомянутыхъ минераловъ въ стекловатой изотропной основной массѣ, съ флюидальнымъ расположеніемъ въ ней микролитовъ плагіоклаза. Часто встрѣчаемые здѣсь обсидіаны и перлиты находятся сплошными массами въ трахитовыхъ и андезитовыхъ породахъ, преобладающихъ особенно въ окрестностяхъ г. Ново-Баязета. Что касается пемзы, встрѣчаемой среди лавы и обсидіановъ, то она бываетъ чаще всего темно-сѣраго цвѣта, пористаго сложенія, и иногда до того легкая, что плаваетъ на поверхности воды; нерѣдко она имѣетъ также стекловидную наружность и напоминаетъ обсидіанъ; она бываетъ, наконецъ, плотная и темная, какъ трахитъ. Такія вулканическія породы, подступающія, въ видѣ отдѣльныхъ скалъ или же ихъ обломковъ, къ самому берегу озера, бываютъ иногда перерѣзаны выдвигающимися въ озеро скалами протогиноваго гранита и сіенита".

Въ южной части Манычарской долины особеннаго вниманія заслуживаетъ, такъ называемая, Песчаная гора, изслѣдованная покойнымъ И. С. Поляковымъ.

Въ основаніи ея лежитъ сѣрый песчаникъ довольно мощнымъ пластомъ; выше его—громадная толща изъ гальки, которая не связана въ конгломератъ никакимъ болѣе или менѣе прочнымъ цементомъ, и вообще вся масса этой гальки, по своему характеру, вполнѣ напоминаетъ тѣ толщи рѣчныхъ пластовъ изъ окатанныхъ валуновъ, которыя слѣдуютъ по долинамъ всѣхъ рѣкъ, избораживающихъ Кавказскій хребетъ. Выше галечной толщи лежитъ слой изъ желтоватой глины, заключающій въ себѣ изрѣдка окатанные валунчики; толщина его около одного метра. Надъ этими слоями располагаются многочисленныя и тонкія песчано-глинистыя отложенія: ихъ мощность простирается болѣе, чѣмъ на 30 метровъ. Еще выше ихъ лежатъ въ нѣсколько этажей потоки лавы; въ большинствѣ случаевъ можно насчитать два слоя, въ нѣкоторыхъ — четыре. Слои лавы достигаютъ иногда болѣе двухъ метровъ въ толщину. Здѣсь очевидно, что, прежде чѣмъ началась вулканическая дѣятельность, на томъ мѣстѣ, гдѣ разливаются нынѣ воды озера Гокчи, были другіе водоемы, озера или рѣки. Всѣ отложенія поднимаются надъ уровнемъ озера на высоту болѣе 100—120 м.; слои кончаются круто, часто отвѣсно къ водамъ озера; поперекъ они размыты водами, стекающими съ окрестныхъ высотъ. Потоки воды промыли себѣ скаты въ видѣ трубъ, притомъ такъ, что какъ въ лавѣ, такъ и въ водныхъ отложеніяхъ они образовали овраги. Подмытые водой слои приняли форму фантастическихъ строеній, фронтоновъ, бесѣдокъ; иногда размытыя слоистыя отложенія имѣютъ форму мечетей и башенъ, кототорыя разрисованы поперекъ красивыми слоями песчано-глинистыхъ отложеній, представляющихся въ этомъ случаѣ карнизами.

„Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе значительныя возвышенности отодвинуты дальше отъ береговъ озера, петрографическій характеръ почвы, по описанію Митте, постепенно измѣняется. Здѣсь встрѣчаются различнаго рода конгломераты и брекчіи, т.-е. вообще матеріалы обломочнаго происхожденія, очень разнообразнаго состава; преобладаютъ, однако, породы трахитовыхъ и андезитовыхъ группъ. Обломки этихъ породъ плотно цементированы известью, выдѣляющейся изъ воды Гокчинскаго озера, и образуютъ родъ травертина современнаго происхожденія. По мѣрѣ удаленія болѣе значительныхъ возвышенностей отъ озера, опускающаяся почва переходитъ постепенно въ глубокія долины или же въ плоскія низменности, глинисто-мергелевая почва которыхъ часто образуетъ обширныя болота. Такъ, низменный характеръ имѣетъ почти весь юго-западный берегъ озера, начиная съ устья р. Адъ-ямана, вдоль широкой Манычарской долины, и далѣе. Только начиная съ мѣстности около татарской деревни Кёланы-Кирланы по направленію къ востоку до дер. Захалу и Чамырлы, берега озера принимаютъ опять вулканическій характеръ, выражающійся грудами обломковъ лавы, которые образовали здѣсь множество далеко входящихъ въ озеро косъ, полуостровковъ и заливовъ. Начиная съ вышеуказанныхъ мѣстъ, по мѣрѣ исчезновенія вулканическихъ скалъ, на берегахъ Гокчи опять появляются широкія и плоскія долины, покрытыя пескомъ, гравіемъ и мергелемъ. Вслѣдствіе

пологости береговъ, вытекающіе изъ отроговъ Карабакскихъ горъ рѣчки и ручьи обладаютъ здѣсь весьма малою скоростью теченія, благодаря чему они часто образуютъ стоячія воды, поросшія камышемъ и дающія начало болѣе или менѣе обширнымъ болотамъ. Вся Мазринская долина носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды дѣйствія прибоя волнъ и покрыта песчаными параллельными грядами или дюнами, отступающими въ настоящее время далеко отъ края озера. Геологическое строеніе острова Севанга отвѣчаетъ такому же строенію береговъ озера Гокчи: оно вполнѣ согласно съ общимъ петрографическимъ составомъ горныхъ породъ, характеризующихъ сѣверный берегъ озера: только южная прибрежная часть острова, вулканическая, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ скалъ черной лавы, перерѣзанныхъ иногда жилами обсидіана и покрытыхъ снизу, въ видѣ широкой полосы, бѣлою корою известковыхъ отложеній. Вообще послѣднія, образуясь, благодаря присутствію въ водѣ Гокчи извести, покрываютъ собою всѣ береговыя скалы озера. Бѣлая известковая кора особенно рельефно обозначается на черныхъ порфирахъ и базальтовыхъ лавахъ, выступающихъ изъ волнъ озера. Она даже издали замѣтна, въ видѣ бѣлой полосы, на скалахъ западнаго вулканическаго берега озера, во многихъ мѣстахъ на сѣверо-восточномъ берегу, на островѣ Севангѣ и вообще вездѣ, гдѣ только вода встрѣчаетъ на своемъ пути болѣе высокіе скалистые берега. Наибольшая ширина такой бѣлой береговой полосы достигаетъ 3—3½ м., а толщина ея известковаго слоя доходитъ обыкновенно до нѣсколькихъ миллиметровъ (въ углубленіяхъ на поверхности скалъ, въ пустотахъ пузырьковъ лавы и пр. она бываетъ, конечно, гораздо толще). Выдѣляющаяся изъ воды известь служитъ также цементомъ, связывающимъ отдѣльные куски горныхъ породъ въ особаго рода конгломератъ. Такіе конгломераты, состоящіе изъ смѣси различныхъ камней, отдѣлившихся отъ прибрежныхъ скалъ, въ видѣ угловатыхъ кусковъ или же въ видѣ округленныхъ галекъ, крѣпко цементированы известью, которая, отвердѣвая подъ вліяніемъ атмосфернаго воздуха, пріобрѣтаетъ значительную крѣпость и прочность. Вслѣдствіе такого цементирующаго свойства воды озера всѣ низменные берега его покрыты болѣе или менѣе толстымъ слоемъ подобныхъ конгломератовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „гокчинскихъ камней“. Толщина такихъ отложеній, завися отъ условій и продолжительности ихъ образованія, бываетъ вообще довольно различна — отъ нѣсколькихъ миллиметровъ до ½ метра и болѣе“.

По склонамъ опоясывающихъ Гокчу горъ бьютъ въ значительномъ количествѣ подземные ключи и льются по ущельямъ многочисленные горные потоки, ручьи и рѣчки, направляя свои воды въ озеро. Большая часть этихъ потоковъ и рѣчекъ въ лѣтніе мѣсяцы, въ періоды бездождія, совершенно высыхаетъ, и сравнительно немногіе изъ нихъ, именно не болѣе 23-хъ, сохраняютъ свое теченіе круглый годъ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежатъ: съ сѣверной стороны — только одна рѣчка Балыкъ-чай, иначе Чубухлы; съ западной и юго-западной — р. Каваръ-чай, протекающая по Каварчайской долинѣ

мимо г. Ново-Баязета и впадающая въ озеро у косы Шоръ-гёль, Ахъ-дагъ, Даликъ-ташъ (или Цоккаръ-чай); нѣсколько южнѣе впадаетъ короткая рѣчка Гёль, широкое русло которой и тихое, едва замѣтное теченіе придаютъ ей характеръ небольшого озера; съ южной стороны—р. Адъ-яманъ-чай, несущая наибольшую массу воды въ озеро (въ верхнихъ своихъ частяхъ она носитъ названіе Айриджа-чай), Каранныхъ, Тухтулу, Гюзалъ-дара, Ала-гёль, Гедахъ и Гёль-чай; съ юго-восточной—Кара-су, Чахирлу, Кырхъ-булакъ (или Базаръ-гечаръ), Мазра и Касаманъ; всѣ онѣ протекаютъ по Мазринской равнинѣ и впадаютъ въ озеро Гилли; съ восточной и сѣверо-восточной — Шишкая, Сидъ, Джилъ, Арданышъ, Арда-чай и Тоглуджа.

Вытекаетъ изъ Гокчи одна только р. Занга, извѣстная въ глубокой древности подъ названіемъ Храстанъ или Хурасданъ; настоящее же свое названіе она получила послѣ основанія на ней города Бжни, какъ полагаетъ Шопенъ, еще во время владычества аравитянъ надъ Арменіей, когда они выселили сюда изъ Аравіи колонію зенговъ, вышедшихъ въ Аравію съ восточнаго берега Африки изъ Занзибара. Въ своемъ началѣ, у Еленовскаго залива, р. Занга представляется въ настоящее время въ видѣ очень незначительной рѣчки и увеличивается только постепенно, принимая въ себя по пути ручьи и рѣчки, главнымъ образомъ съ правой ея стороны, съ Бамбакскаго хребта и съ горныхъ вершинъ Пиръ-дага. Первые два километра рѣка течетъ параллельно берегу озера, затѣмъ поворачиваетъ на западъ и удаляется отъ озера. Сначала теченіе рѣки едва замѣтно; но пройдя $4^1/_2$ клм., Занга падаетъ черезъ отвѣсную, метровъ 30—35 высоты, скалистую стѣну въ глубокую и узкую расщелину и, пока не достигнетъ Аракской равнины, имѣетъ характеръ вполнѣ горной рѣки. Общая длина Занги не превышаетъ 100 кл.; впадаетъ она въ р. Араксъ, лежащую на 808 метр. ниже уровня воды въ Гокчѣ; слѣдовательно, паденіе ея на каждый километръ равно въ среднемъ 10,95 метра. Существуетъ предположеніе (Dubois de Montpereux, Nöschel, Эйхвальдъ, Брандтъ и др.), что Занга не имѣла первоначально непосредственнаго сообщенія съ Гокчею и что только въ сравнительно недавнее время искусственно былъ прокопанъ каналъ между озеромъ и ближайшимъ къ нему притокомъ Занги. Эйхвальдъ въ своемъ путешествіи (I, стр. 507) приводитъ извѣстіе, будто бы каналъ между озеромъ и Зангою былъ прокопанъ именно по приказанію Аббаса Великаго. Возможно допустить, что сообщеніе Занги съ Гокчею въ разные періоды было различно, поперемѣнно и естественное и искусственное, въ зависимости отъ колебаній уровня воды въ Гокчѣ; но во всякомъ случаѣ, связь между озеромъ и рѣчкою должно считать очень древнею, такъ какъ озеро является въ настоящее время совершенно прѣсноводнымъ. Рѣка Занга, какъ одна изъ главныхъ оросительныхъ артерій Закавказскаго края, имѣетъ громадное значеніе въ вопросѣ орошенія земель Закавказья. Особой коммиссіи, учрежденной Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ 1883 г. въ Тифлисѣ для составленія проекта ирригаціонныхъ правилъ, принадлежитъ проектъ воспользоваться, для устра-

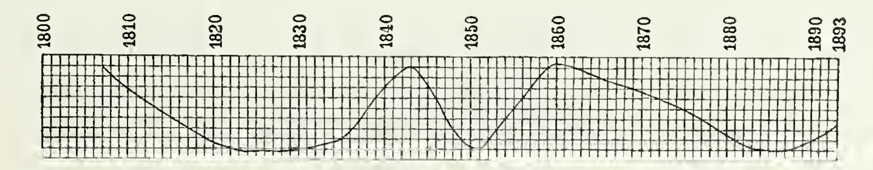
ненія недостатка въ оросительной водѣ въ Закавказскомъ краѣ, нѣкоторымъ количествомъ воды изъ озера Гокчи посредствомъ р. Занги и вспомогательныхъ ирригаціонныхъ канавъ. Производство предварительныхъ, связанныхъ съ этимъ проектомъ, изысканій было исполнено, по распоряженію Мин. Гос. Им., въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1889 и 1890 гг. особою экспедиціею, состоявшею подъ начальствомъ ген. І. И. Жилинскаго. Экспедиція, изысканіямъ которой мы обязаны многими нашими свѣдѣніями о Гокчѣ и р. Зангѣ, высказалась за полнѣйшую возможность осуществленія этого проекта. Расходъ воды, стекающей въ р. Зангу въ періодъ высокаго стоянія горизонта озера, составляетъ, по опредѣленію экспедиціи, около 4,6 куб. саж. въ одну секунду времени, что отвѣчаетъ въ теченіе года запасу воды въ озерѣ около 145 милліоновъ куб. саженей, составляющему слой воды на всей поверхности озера толщиною 0,48 саж. Между тѣмъ, для оросительныхъ цѣлей, согласно проекту и сообразно пространству предполагаемыхъ для орошенія земель, требуется только около 6 милл. куб. саженей, т.-е. слой воды толщиною всего около $1^1/_2$ дюйма. До сихъ поръ, однако, проектъ утилизаціи водъ Гокчи для оросительныхъ цѣлей Закавказья остается безъ осуществленія.

Кромѣ истеченія воды изъ озера Гокчи посредствомъ р. Занги, нѣкоторая часть ея просачивается, вѣроятно, также сквозь водопроницаемыя или трещиноватыя горныя породы его дна и береговъ, о чемъ можно судить по тѣмъ ключамъ и источникамъ, которые выходятъ, невдалекѣ отъ Гокчи, въ мѣстахъ, лежащихъ ниже ея уровня. Наконецъ, вода расходуется чрезъ испареніе ея на всей поверхности озера. Опредѣлить среднюю цифру прихода и расхода воды въ озерѣ Гокчѣ, хотя-бы сколько-нибудь приблизительно, за отсутствіемъ данныхъ о величинѣ каждаго изъ дѣйствующихъ въ томъ и другомъ случаѣ элементовъ, представляется совершенно невозможнымъ. Можно указать только на единственную попытку въ этомъ направленіи, именно инженера Дудова. По его наблюденіямъ, произведеннымъ лѣтомъ 1889 г., все количество воды, приносимое въ озеро ручьями и рѣчками, достигаетъ въ 1 секунду 246 куб. метровъ. Осенью и весною, когда окрестныя горы покрыты снѣгомъ, количество это, по мнѣнію М. Ф. Митте, должно въ 3—4 раза быть большимъ.

По той же причинѣ остается до сихъ поръ невыясненнымъ весьма интересный и важный вопросъ о колебаніяхъ уровня воды въ озерѣ. Что въ настоящемъ своемъ состояніи озеро Гокча представляетъ несомнѣнный фактъ пониженія его уровня, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные признаки: 1) всѣ береговыя скалы озера, какъ было уже указано выше, покрыты бѣлой корой, образовавшейся отъ выдѣляемой водою извести и достигающей въ настоящее время 3—$3^1/_2$ метровъ высоты; если принять высоту волнъ за 1—$1^1/_2$ метра, то горизонтъ озера долженъ былъ быть когда-то, по крайней мѣрѣ, на $1^1/_2$ — 2 метра выше настоящаго; 2) огромное низменное пространство къ юго-востоку отъ озера было нѣкогда, очевидно, дномъ его; оно представляетъ нынѣ волнообразную поверхность, состоящую изъ параллельныхъ берегу озера ря-

довъ грядъ, являющихся, безъ сомнѣнія, результатомъ дѣятельности прибоя волнъ; здѣсь-же, на разстояніи 150—200 метровъ отъ берега, находятся въ значительномъ количествѣ разной величины камни, покрытые тою же известковою корой, которою покрыты и берега самого озера; 3) рѣка Занга, бывшая при своемъ истокѣ изъ озера, по показаніямъ путешественниковъ начала прошлаго столѣтія, довольно значительной рѣчкой, на которой было устроено нѣсколько водяныхъ мельницъ, представляется въ настоящее время очень мелкимъ ручейкомъ; 4) образованіе новыхъ острововъ, полуострововъ, косъ и т. п.

Но на-ряду съ этими признаками, свидѣтельствующими о болѣе высокомъ уровнѣ воды въ озерѣ, нежели настоящій, мы находимъ также несомнѣнныя доказательства и противоположному явленію, т.-е. что уровень Гокчи бывалъ и значительно ниже настоящаго; напр., около деревни Цамакапертъ, противъ острова Севанга, находится старинное армянское кладбище, почти все въ настоящее время покрытое водой. Нѣсколько армянскихъ древнихъ могилъ, лежащихъ невдалекѣ отъ села Надеждина, также, на памяти старожиловъ, были залиты водой. Въ низменныхъ прибрежныхъ мѣстахъ нерѣдко встрѣчаются различныя сооруженія, дороги, каменныя строенія, водопроводы, которые въ настоящее время находятся также въ водѣ. Періоды высокаго и низкаго стоянія горизонта Гокчи въ XIX-мъ столѣтіи, насколько о нихъ можно судить по даннымъ различныхъ путешественниковъ и показаніямъ старожиловъ, собраннымъ въ статьѣ R. Sieger'а, представляются приблизительно въ такомъ видѣ (каждое изъ вертикальныхъ дѣленій діаграммы соотвѣтствуетъ 0,3 метра):

Было сдѣлано много попытокъ къ объясненію этихъ колебаній уровня Гокчи. Указывалось, согласно Hommaire de Hell'ю, на роль обезлѣсенія Гокчинскаго бассейна, но оно, если и было, то могло служить причиной только пониженія уровня озера, но никакъ не колебаній его. Приводилось мнѣніе E. Reclus о томъ, что возрастающая культура и увеличивающаяся съ нею потребность въ водѣ можетъ способствовать пониженію уровней водныхъ бассейновъ, но къ вопросу о колебаніяхъ уровня оз. Гокчи это мнѣніе опять-таки не можетъ быть приложимо,—потребность въ водѣ, по крайней мѣрѣ въ минувшемъ столѣтіи, благодаря постепенному заселенію береговъ Гокчи, могла только увеличиваться, и уровень озера долженъ бы, слѣдовательно, только понижаться. Высказывалось далѣе предположеніе о подземномъ соединеніи оз. Гокчи съ другими большими озерами Арменіи, какъ Ваномъ и Урміей, но противъ такого предположенія, помимо громаднаго разстоянія между этими озерами, говоритъ простое сравненіе относительныхъ высотъ положеній названныхъ озеръ, дающее разницу болѣе 600 метровъ, и сравненіе стояній въ различные періоды ихъ горизонтовъ

по даннымъ Sieger'a, — повышенія и пониженія уровней этихъ озеръ происходятъ приблизительно одновременно. Дѣлались затѣмъ догадки о появленіи на днѣ озера новыхъ ключей, о временномъ исчезновеніи („засореніи") ихъ и, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, возобновленіи ихъ дѣятельности и пр. Пытались явленія колебаній уровня Гокчи поставить также въ связь съ извѣстной теоріей E. Brückner'a о правильныхъ колебаніяхъ климата и чередованіи болѣе влажныхъ и холодныхъ періодовъ его съ болѣе теплыми и сухими, привлекали даже гипотезу Köppen'a, Fritz'a и др. о колебаніяхъ земного климата въ зависимости отъ количества солнечныхъ пятенъ и пр., пр. Но и наиболѣе тщательныя и научно аргументированныя попытки (каковы Sieger'a и Митте) не могли привести къ какимъ-либо болѣе или менѣе опредѣленнымъ выводамъ и заключеніямъ и достаточно выяснить характеръ колебаній уровня оз. Гокчи,— не могли по той причинѣ, что совершенно нѣтъ точныхъ и систематическихъ наблюденій и данныхъ объ ежегодныхъ прибыли и расходѣ воды въ озерѣ, а безъ этихъ данныхъ и наблюденій, само собою разумѣется, вопросъ никогда не подвинется къ удовлетворительному его разрѣшенію. Поэтому наблюденія недавно открытой въ г. Ново-Баязетѣ метеорологической станціи должны дать драгоцѣнный матеріалъ для рѣшенія многихъ вопросовъ, имѣющихъ какъ научный, такъ и практическій интересъ. Было бы при этомъ желательно, чтобы станція была снабжена необходимѣйшими сейсмологическими инструментами и приборами. Извѣстно, что на Кавказѣ и въ особенности въ Закавказьѣ землетрясенія представляютъ нерѣдкое явленіе и иногда сопровождаются страшными катастрофами,—достаточно припомнить катастрофу 1840 г., когда армянское селеніе Ахури, лежавшее у подошвы Арарата и насчитывавшее до 2,000 душъ населенія, было стерто съ лица земли почти со всѣми его жителями. Выше мы упомянули, что древнее армянское кладбище, лежащее на восточномъ берегу оз. Гокчи (въ 120—150 м. отъ берега), невдалекѣ отъ с. Надеждина, на памяти старожиловъ, было затоплено водою, при чемъ послѣдніе сообщали намъ, что затопленіе произошло „сразу" и „было что-то въ родѣ землетрясенія", „собаки завыли", „посуда въ избахъ запобрякивала", „куры летать начали", „подъ землей какъ-будто воза съ тесинами (тёсъ, доски) ѣхали" и пр. Не можетъ быть сомнѣнія, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ, подобнымъ тѣмъ, которыя наблюдаются при землетрясеніяхъ въ приморскихъ мѣстностяхъ, — такъ какъ ударамъ, кромѣ береговой суши, подвергается также и близлежащее морское дно, то образуется обыкновенно громадная волна, которая съ страшною силою устремляется на берегъ и при этомъ ломаетъ и сноситъ все, что стоитъ на ея пути. Такой волнѣ былъ обязанъ, напр., Лиссабонъ своимъ полнымъ разрушеніемъ при знаменитомъ землетрясеніи 1755 года; такая-же волна опустошила въ 1854 г. главный островъ японскаго архипелага Ниппонъ и снесла городъ Симоду; такою-же волною (высотою до 30 метровъ), при землетрясеніи въ Греціи въ 1895 г., былъ разрушенъ городъ Аталанта. Въ вопросѣ о колебаніяхъ уровня оз. Гокчи сейсмологическія явленія должны играть, по нашему мнѣнію,

не послѣднюю роль. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить тотъ фактъ, что на-ряду съ несомнѣнными доказательствами *въ нѣкоторыхъ мѣстахъ* повышенія уровня, *въ другихъ*, наоборотъ, мы встрѣчаемъ такія же несомнѣнныя доказательства его пониженія? Не объясняется ли этотъ фактъ тѣмъ, что въ результатѣ землетрясеній произошло или, вѣрнѣе, происходило (и, быть-можетъ, происходитъ) измѣненіе самого рельефа Гокчинскаго бассейна, т.-е. однѣ части его понизились по отношенію къ уровню озера, а другія, наоборотъ, повысились? Частота явленій землетрясенія въ Закавказьѣ невольно вызываетъ постановку подобнаго вопроса; дать же на него тотъ или другой, положительный или отрицательный, отвѣтъ возможно будетъ, конечно, только тогда, когда накопится достаточное количество сейсмологическихъ наблюденій въ этой мѣстности и наблюденій за состояніемъ горизонта воды Гокчи; послѣднія, конечно, будутъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если они будутъ производиться одновременно въ различныхъ частяхъ озера (чего легко достигнуть устройствомъ въ нѣсколькихъ прибрежныхъ селеніяхъ футштоковъ или водомѣровъ).

Сейсмологическія наблюденія помогутъ, быть-можетъ, также выяснить характеръ и причину нерѣдкаго явленія въ оз. Гокчѣ — именно кратковременныхъ колебаній его уровня. Впервые одно изъ такихъ колебаній было подмѣчено въ 1852 г. Nöschel'емъ. Около дер. Еленовки онъ зашелъ по совершенно сухому грунту на одну изъ косъ, выступающую въ Еленовскомъ заливѣ; черезъ часъ весь перешеекъ косы, шириною около 17 метровъ, оказался покрытымъ слоемъ воды, толщиною въ нѣсколько сантиметровъ, несмотря на то, что воздухъ въ это время былъ тихъ и поверхность озера гладка, какъ зеркало. Черезъ четверть часа вода стала сбывать и черезъ полчаса вернулась въ свое первоначальное положеніе. Nöschel, въ объясненіе этого явленія, высказалъ предположеніе о сообщеніи дна озера съ дѣйствующимъ еще будто бы подземнымъ вулканическимъ очагомъ, при посредствѣ пустаго пространства, выполненнаго только газами и парами, при чемъ перемѣна въ высотѣ горизонта воды зависитъ, по Nöschel'ю, отъ періодическихъ нарушеній равновѣсія, съ одной стороны, между давленіемъ наружной атмосферы и тяжестью воды, а съ другой — между измѣняющеюся упругостью газовъ подземнаго очага. М. Ф. Митте, ссылаясь на Ф. Фореля и изслѣдованія Гельмерсена, Бэра, Веселовскаго и др., видитъ въ этихъ кратковременныхъ колебаніяхъ уровня Гокчи не что иное, какъ обыкновенные сейши. Быть-можетъ, это и такъ, а быть-можетъ, указанныя колебанія являются въ результатѣ тѣхъ незначительныхъ вибрацій почвы, которыя извѣстны подъ именемъ tremor'а и которыя могутъ быть констатируемы только при помощи спеціальныхъ приборовъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ объясненія этого явленія могутъ выйти изъ области предположеній и гаданій только тогда, когда въ нашемъ распоряженіи будетъ достаточный запасъ метеорологическихъ и сейсмологическихъ наблюденій, произведенныхъ одновременно съ наблюденіями при помощи лимнографовъ, т.-е. приборовъ, вычерчивающихъ автоматически кривыя линіи, отвѣчающія перемѣнамъ въ высотахъ наблюдаемаго горизонта воды.

Говоря о состояніи уровня воды въ озерѣ Гокчѣ, нельзя умолчать также о характерѣ господствующихъ въ этомъ краѣ вѣтровъ. Окрестности озера славятся своими сильными вѣтрами, а само озеро—безпрестанными на немъ бурями. Если озеро бываетъ иногда тихо и спокойно, то только по утрамъ; съ полудня же на немъ обыкновенно поднимается сильный вѣтеръ, дующій съ сѣвера или востока (говоримъ про лѣтніе мѣсяцы). Расположенное на высотѣ 1903 метровъ надъ уровнемъ моря, со всѣхъ сторонъ окруженное горами, вершины которыхъ достигаютъ болѣе 3,500 м. высоты и нерѣдко бываютъ покрыты снѣгомъ, озеро отличается вообще прохладнымъ климатомъ; но холодное горное теченіе находитъ себѣ выходъ чрезъ долину р. Занги въ знойную Аракскую долину и служитъ причиною образованія тѣхъ вѣтровъ, которые постоянно дуютъ на западъ и затѣмъ по долинѣ р. Занги поворачиваютъ на югъ.

Что касается глубины озера Гокчи, то наиболѣе точными и подробными свѣдѣніями о ней мы обязаны изслѣдованіямъ Евг. Маркова, произведеннымъ въ 1894 и 1895 г.г. Измѣренія глубины произведены имъ въ 220 пунктахъ, т.-е. 0,15 измѣреній на 1 кв. клм. Суженіемъ береговъ между Шоръ-гёлемъ и Адатапа, съ наибольшею глубиною между ними въ 36 метровъ, озеро раздѣляется на два почти самостоятельныхъ бассейна. Въ сѣверо-западной части озера охваченныя изобатами площади имѣютъ продолговатую форму и, приближаясь къ крутому Гюпейскому берегу, вытягиваются въ направленіи съ сѣвера на югъ. М. Ландсманъ, произведшій въ 1903 г. болѣе детальныя измѣренія глубинъ этой части Гокчи, нашелъ среднюю глубину ея равной 47,5 м. (наибольшая глубина — на сѣверо-востокъ отъ острова Севанга — 95 м.). Юго-восточная часть озера, по своему рельефу, рѣзко отличается отъ сѣверо-западной и представляетъ широкую, покрытую водою, впадину съ крутымъ склономъ на сѣверной сторонѣ и пологими—на западной и южной. Въ серединѣ, при глубинѣ въ 45 метровъ, дно озера совершенно ровное. Болѣе точное представленіе о глубинѣ озера можно составить по слѣдующимъ батометрическимъ даннымъ:

Глубина въ метрахъ.	Пространство въ кв. километрахъ.		
	Сѣв.-зап. часть.	Юго-вост. часть.	Все озеро.
0	382.7	1016,0	1398,7
10	325,4	909,8	1235,2
20	300,2	842,9	1143,1
30	268,1	758,7	1026,8
40	238,0	622,6	860,6
45	—	297,7	—
50	200,1	—	—
60	152,5	—	—
70	62,3	—	—
80	10,3	—	—

Вода озера—прѣсная, на вкусъ нѣсколько жесткая, но для питья вполнѣ годная; она настолько чиста и прозрачна, что позволяетъ различать предметы (въ тихую погоду) на глубинѣ даже 25—30 метровъ; въ болѣе толстыхъ слояхъ она отливаетъ прекраснымъ синевато-зеленымъ цвѣтомъ, благодаря которому озеро и получило свое названіе.

Болѣе продолжительныя наблюденія надъ температурою воды принадлежатъ также Е. Маркову. Суммируя свои наблюденія (отъ 2 до 11 разъ въ день), онъ даетъ слѣдующую таблицу:

Мѣсяцъ (1894 г.).	Число.	Средняя t⁰ Ц.		Разница воздухъ—вода	
		вода	воздухъ	+	—
Іюль.	21	17,1	17,7	0,6	
	23	16,8	21,0	4,2	
Августъ.	4	18,0	21,8	3,8	
	6	17,6	17,7	0,1	
	9	17,7	18,8	1,1	
	13	18,0	18,5	0,5	
	14	18,2	20,6	2,4	
	15	18,9	20,3	1,4	
	18	19,3	21,7	2,4	
	20	18,7	20,0	1,3	
	21	18,1	18,8	0,7	
Сентябрь.	8	17,9	18,3	0,4	
	11	17,8	17,3		0,5

Вертикальное уменьшеніе t⁰ сначала едва замѣтно, но на извѣстной глубинѣ рѣзко усиливается, а затѣмъ опять идетъ постепенно (до 4⁰ Ц. на глубинѣ 80 метровъ). Слой воды, въ которомъ обозначается рѣзкое паденіе t⁰ и который извѣстенъ въ лимнологіи подъ названіемъ „слоя скачка" (Sprungschicht), былъ находимъ въ оз. Гокчѣ всюду, — въ общемъ онъ начинается на глубинѣ 9 — 18 метровъ, и самая нижняя граница его достигаетъ 34—35 метровъ.

Химическій анализъ гокчинской воды, произведенный въ лабораторіи Министерства Финансовъ горнымъ инженеромъ Ф. Ю. Жерве (см. статью М. Ф. Митте), опредѣлилъ слѣдующія главнѣйшія составныя ея части, содержащіяся въ одномъ литрѣ воды:

Хлора	0,0819	граммовъ
Извести	0,0488	„
Сѣрнаго ангидрида.	0,0109	„

Если допустить, что весь хлоръ находится въ соединеніи съ натріемъ, а весь сѣрный ангидридъ—съ известью, и что остальное количество извести находится въ водѣ въ видѣ двууглекислой соли ($Ca02C0_2$), то въ одномъ литрѣ гокчинской воды заключается:

Хлористаго натра	0,1440	граммовъ
Кислой углекислой извести. . . .	0,1059	„
Сѣрокислой извести	0,0185	„
Всего	0,2684	граммовъ

Несмотря на суровый климатъ и продолжительную и холодную зиму, озеро Гокча въ теченіе всей зимы не замерзаетъ; только болѣе закрытые заливы покрываются льдомъ, да около береговъ образуются широкія ледяныя окраины.

Фауна озера Гокчи и его окрестностей представляетъ замѣчательную смѣсь формъ сѣверныхъ съ формами южными, формъ европейскихъ—съ формами азіатскими. Не останавливаясь здѣсь на подробномъ разсмотрѣніи и перечисленіи этихъ формъ (что сдѣлано нами въ „Землевѣдѣніи", 1896 г., кн. I — II, стр. 21), скажемъ нѣсколько словъ только о рыбномъ богатствѣ озера, имѣющемъ важное значеніе въ экономической жизни населенія Ново-Баязетскаго уѣзда, Эриванской губерніи. Еще въ 1829 г. Шопенъ писалъ, что „въ Гёкчайскомъ магалѣ рыбная ловля столь изобильна, что превышаетъ всякое вѣроятіе; караваны прибываютъ сюда на вѣрную ловлю, и рыбы всегда попадаетъ вдвое противъ ожиданія". „Гёкчайская рыба,— пишетъ онъ далѣе,— славится въ цѣломъ Закавказскомъ краѣ; караваны въ 200 и 300 вьюковъ приходятъ изъ Грузіи и прочихъ мѣстъ запасаться ею; для ловли отводятъ рѣку въ сторону, и рыба остается на днѣ, но рѣдко успѣваютъ всю собрать, иногда часть гніетъ на мѣстѣ и заражаетъ воздухъ". Акад. Бэръ, производившій ихтіологическія изслѣдованія оз. Гокчи въ 1855 г., пишетъ, между прочимъ: „Изобиліе рыбы и простота способовъ лова превзошли мои ожиданія, такъ что изслѣдованіе естественныхъ условій, дѣлающихъ возможнымъ существованіе такого огромнаго количества рыбы, въ высшей степени меня заинтересовало". О томъ же изобиліи рыбы въ оз. Гокчѣ свидѣтельствовали и послѣдующіе изслѣдователи, какъ Данилевскій, Кесслеръ, Брандтъ и др. Данныхъ о количествѣ добываемой въ настоящее время въ озерѣ Гокчѣ рыбы никакихъ нѣтъ, но о постепенномъ развитіи здѣсь этого промысла можно судить отчасти по суммѣ доходовъ, поступавшихъ въ казну, какъ откупной платы за право ловли (см. нашу вышеупомянутую статью въ „Землевѣдѣніи"). Ростъ этотъ представляется въ такомъ видѣ:

Въ 1829 — 1830 гг.	поступило	1,160	рублей.
„ 1831 — 1840 „	„	14,120	„
„ 1841 — 1850 „	„	34,425	„
„ 1851 — 1860 „	„	57,168	„

Въ 1861 — 1870	гг.	поступило	87,818	рублей.
„ 1871 — 1880	„	„	181,597	„
„ 1881 — 1891	„	„	245,940	„
		Всего . .	622,668	рублей.

Сильный толчекъ въ развитіи рыболовства, по общему свидѣтельству, былъ данъ выселившимися сюда въ 1848 — 1847 гг. сектантами-молоканами, которые первые завели хорошія лодки, неводы и сѣти, и теперь они являются на Гокчѣ главными рыболовами.

Изъ водящихся въ озерѣ рыбъ найдено до настоящаго времени пять видовъ, изъ которыхъ три принадлежатъ къ семейству лососевыхъ (Salmonidae): 1) бахтакъ-самецъ, кирьюша-самка и ишханъ — безполая форма (Salmo ischchan Kessl.), 2) боджакъ (Salmo species nova) и 3) гегаркуни (Salmo gegarkuni Kessl.), и два—къ семейству карповыхъ: 4) храмуля (Capoeta Sevangi Fil.) и 5) усачъ (Barbarus goktschaicus Kessl.). [1]).

---

[1]) Литература объ оз. Гокчѣ: *А. И. Берже* — Кавказъ въ археологич. отношеніи. „Зап. Общ. Люб. Кавказ. Археол.“, I кн. Тифл., 1875 г.; *А. Гакстгаузенъ* — Закавказ. край. Спб., 1857 г.: *М. Гульельми*—Физич. состояніе Гокчин. бассейна. „Вѣстн. Рыбопромышл.“, 1889 г., №№ 3 и 4; *Гурьевъ*—Путеш. по Казахской и Шамшадильской дистанціямъ и по Елизаветин. округу въ 1829 г. „Горн. Журн.“, 1830 г., ч. IV: *А. А. Ивановскій* — Оз. Гокча. „Землевѣдѣніе“, 1896 г., кн. I—II; „Кавказ. Календарь“ за различ. годы; газ. „Кавказъ“ 1846 г., № 45, 1852 г., №№ 38 и 39; 1861 г., №№ 61 и 62, 1875 г., № 99 и др.; *К. Кесслеръ* — Путеш. по Закавказ. краю въ 1875 г. съ зоолог. цѣлью. „Тр. С.-Петерб. Общ. Естествоисп.“, т. VIII; *Клапротъ* - Опис. Росс. Арменіи. „Библ. для чтенія“, 1834 г., т. 4; *Куна и Бароцци-де-Эльсъ* —Геогностич. опис. нѣкотор. странъ Армянской обл., въ особенности же лежащихъ въ окрестн. оз. Гокчи или Гокчая. „Горн. Журн.“, 1829 г., ч. IV, кн. 12; *М. Ландсманъ*—Малый бассейнъ оз. Гокчи. „Землевѣдѣніе“, 1903 г., кн. IV; *М. Ф. Митте* — Бассейнъ Гокчинскаго оз. „Горн. Журн.“, 1891 г., т. II: *П. Пауль* — Оз. Гокча. „Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа“, вып. XXVII; *И. С. Поляковъ* - Дневникъ археолог. работъ, веденныхъ въ Закавказ. краѣ осенью 1879 г. „Пятый Археолог. Съѣздъ въ Тифлисѣ“. Москва, 1882 г.; Путеш. къ Гокчайскому оз. „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1846, ч. 50; *А. Теръ-Маркаровъ* — Село Геозалдара. „Сборн. свѣд. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“, вып. XVII; „Тр. Арало-Касп. экспед.“, вып. IV; *Граф. П. С. Уварова* — Путев. замѣтки по Кавказу. Москва, 1887 г., вып. 1; *Баронъ П. Усларъ*—Равнины Эривап. губ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, 1852 г., кн. I; *И. Хоцятовскій* — Обзоръ флоры окрестн. оз. Гокчи. „Сборн. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа“, вып. XXVII; *И. Шопенъ* — Историч. памятникъ состоянія Армян. обл. Спб., 1852 г.; *W. Belck* — Die Niveau-Schwankungen des Goektschai-Sees. „Globus“, 1894, № 19; *A. Brandt* — Von den armenischen Alpenseen. „Zoolog. Anzeiger“, 1879, № 38; *Bryce*—Transcaucasia and Ararat, being the result of a vacation tour in the autumn 1876. Lond., 1877; *Dubois de Montpereux* —Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée. Paris, 1839—41; *E. Eichwald*—Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus, 1837; *F. A. Kolenati*—Reiseerinnerungen. I. Die Bereisung Hocharmeniens und Elisabetpols. Dresden, 1859; *E. Markow* — Geophysik des Goktschasees. Freiburg, 1896; *W. Monteith*—Kars and Erseroum: with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829 and an account of Russia beyond the Caucasus, from the time of Peter the Gr. to the treay of Turcoman Chie and Adrianople. Lond., 1856; *W. Moritz*—Reise nach dem Ararat und dem Hochland Armenien. Stuttgart, 1848; *N. Nöschel* —Bemerkungen über den Goktscha - See am Kaukasus im geognost., hydrograph. und meteorol. Beziehung. „Verhandl. der K. K. Mineralog. Gesell.“, 1854; *R. Sieger* —Die Schwankungen der hocharmenischen Seen seit 1800 in Vergleichung mit einigen verwandten Frscheinungen. „Mittheil. der Kais. Königl. Geogr. Gesell. in Wien“, 1888, XXXI; *N. Zeidlitz*—Botanische Ergebnisse einer Reise durch das östliche Transcaucasien und den Aderbeidshan. Dorpat, 1857.

Озеро Гокча поражаетъ путешественниковъ своею дикостью и пустынностью, и многіе изъ нихъ высказали мнѣніе, что берега озера стали заселяться только въ прошломъ столѣтіи, что физико-географическія условія края не допускаютъ мысли о существованіи здѣсь человѣка въ болѣе древнія времена. Такое мнѣніе совершенно ошибочно, и произведенныя нами археологическія изысканія убѣждаютъ въ противномъ. Въ песчано-глинистыхъ слояхъ вышеописанной Песчаной горы и въ мѣстности Куру-хараба (на юго-западномъ берегу озера) сохранились искусственныя пещеры, по многимъ признакамъ служившія когда-то пріютомъ для доисторическаго человѣка. Что берега Гокчи видѣли человѣка каменнаго періода, доказательствомъ этого служатъ находимые въ большомъ количествѣ на западномъ берегу озера (въ особенности между деревнями Еленовкой и Ордаклю) прекрасно обдѣланные изъ обсидіана скребки и другія каменныя орудія [1]). Клинообразныя надписи, хранящіяся на берегахъ Гокчи, около селеній Ордаклю, Келаны-Кирланы и Захалу, свидѣтельствуютъ, что въ IX и VIII вв. до Р. Х. здѣсь были ванскіе завоеватели и существовала ванская культура. На берегахъ р. Занги, какъ сказано выше, была поселена изъ Аравіи колонія зенговъ. На южномъ берегу озера, около села Гюзаль-дары, произведенныя мною раскопки древнихъ могилъ убѣдили меня въ существованіи здѣсь человѣка также бронзоваго вѣка, съ тѣмъ искусственно-деформированнымъ, такъ называемымъ, макроцефалическимъ черепомъ, принадлежность котораго къ тому или иному племени составляетъ пока спорный вопросъ въ антропологіи. Армянскія поселенія существовали на берегахъ Гокчи съ самыхъ древнихъ временъ, о чемъ свидѣтельствуютъ развалины монастырей (Айриванкъ, Народузъ, въ сел. Ниж. Адъяманъ и др.) и многочисленныя древне-армянскія кладбища. Островъ Севангъ обитаемъ съ самаго начала христіанской эры. Вообще различныя археологическія свидѣтельства указываютъ на то, что берега Гокчи (исключая восточнаго, гдѣ, кромѣ нѣсколькихъ древне-армянскихъ могилъ невдалекѣ отъ с. Надеждина, нами не найдено никакихъ археологическихъ памятниковъ) были обитаемы съ незапамятныхъ временъ, и есть даже основаніе думать, что временами они видали болѣе культурную жизнь, чѣмъ настоящая.

По пріѣздѣ на оз. Гокчу, въ Еленовку, населенную жидовствующими молоканами, я прежде всего направился въ лежащее въ 3-хъ верстахъ отсюда, по дорогѣ въ Ново-Баязетъ, татарское селеніе Ордаклю, получившее извѣстность со времени открытія около него клинообразной надписи. Мною были сняты съ этой надписи эстампажъ и нѣсколько фотографій. Какъ на надписи, такъ и на окружающей ее мѣстности я не буду останавливаться, такъ какъ эта мѣстность была посѣщена нѣсколько позже послѣ меня моимъ многоуважаемымъ спутникомъ М. В. Никольскимъ, посвятившимъ надписи въ Ордаклю VIII-ую главу его изслѣдованія „Клинообразныя надписи Закавказья“ („Матеріалы по археологіи

---

[1]) Предположеніе Г. Д. Филимонова о нахожденіи около оз. Гокчи свайныхъ построекъ („Антрополог. Выставка“, т. I, стр. 158) не оправдалось. Объѣхавъ всѣ берега Гокчи, я смѣло могу утверждать, что такихъ построекъ здѣсь нѣтъ.

Кавказа", вып. V, стр. 106—110) и приложившимъ къ ней двѣ изъ снятыхъ мною фотографій. Надпись въ Ордаклю прочтена М. В. Никольскимъ такъ: „Халдійцамъ великимъ Аргишти говоритъ: я завоевалъ города Кіехуни—страну, отдѣлилъ отъ города Иштикуни, страну... называемую „озерною"... (для) Аргишти, царя могущественнаго, царя страны Біайна, живущаго въ городѣ Тушпа". По поводу упоминаемаго въ надписи покоренія страны *Кіехуни* и города *Иштикуни* М. В. Никольскій говоритъ, что эти названія можно „принимать за тѣ самыя, какія носила эта мѣстность и главный ея населенный центръ въ урартскій періодъ. Трудно приблизительно опредѣлить, — говоритъ онъ далѣе, — предѣлы этой страны, но нельзя не принять во вниманіе тотъ фактъ, что въ армянскій періодъ исторіи Закавказья область, лежавшая на сѣверѣ Гокчи, называлась *Кегахуни*, именемъ, которое совершенно покрывается древнимъ *Кіехуни*. Весьма

Рис. 1. Монастырь Айриванкъ.

вѣроятно, что не только та прибрежная область, которая въ настоящее время ограничивается съ одной стороны селеніемъ Еленовкою, съ другой — Ордаклю, входила въ составъ этой страны, но и сѣверъ озера, гдѣ находится сел. Чубухлы, равно какъ и островъ Севангъ".

Подвигаясь отъ Ордаклю далѣе къ югу, я по дорогѣ осмотрѣлъ монастырь Айриванкъ (см. рис. 1), давно уже запущенный и нерѣдко служащій притономъ разбойниковъ. Основаніе монастыря относятъ къ началу IV-го вѣка *). Около монастыря меня поразило обиліе глубокихъ, вырытыхъ колодцемъ, ямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были завалены камнями, другія же были открыты и обнаруживали существованіе около монастыря подземныхъ ходовъ. Въ одну изъ такихъ ямъ, глубиною около 2-хъ саженей, я спустился по веревкѣ и увидалъ передъ собою

*) См. „Записку Н. О. Эмина о памятникахъ древности въ Русской Арменіи" („V-ый Археолог. Съѣздъ въ Тифлисѣ", стр. 47).

узкій, невысокій, но довольно длинный корридоръ, въ концѣ котораго откуда-то пробивался дневной свѣтъ. По ту и другую сторону корридора шелъ рядъ маленькихъ пещерокъ, служившихъ, повидимому, кеміями подвижниковъ этого монастыря. Стѣны какъ корридора, такъ и келій повсюду испещрены крестами. Корридоръ этотъ вывелъ меня на небольшую площадку, лежащую у самой воды озера. Надъ площадкой возвышалась высокая, отвѣсная скала, и я, ища пути, которымъ мнѣ возможно было-бы выбраться наверхъ, увидѣлъ въ этой скалѣ небольшое отверстіе, заложенное камнями. Разбросавъ послѣдніе, я очутился въ проходѣ, ведущемъ куда-то кверху и настолько узкомъ, что по нему можно было только ползти. Проползши въ абсолютной темнотѣ не менѣе 20 саж., я встрѣтилъ небольшую каменную плиту, преграждавшую дальнѣйшій путь. Отвалить эту плиту не представило особыхъ затрудненій, и, къ удивленію своему, я вылѣзъ внутри самой церкви, въ правой ея сторонѣ (см. рис. 2). Очевидно, это былъ потайной ходъ изъ церкви, которымъ, въ случаѣ нападенія, можно было искать спасенія.

Рис. 2. Внутренній видъ Айриванскаго монастыря.

Рис. 3. Намогильный памятникъ между Айриванкомъ и Народузомъ.

Рис. 4. Намогильный памятникъ между Айриванкомъ и Народузомъ.

По дорогѣ отъ Айриванка далѣе къ югу, къ Народузу, я встрѣтилъ влѣво отъ дороги два одиноко стоявшихъ намогильныхъ памятника. На одномъ изъ нихъ (см. рис. 3) изображены: всадникъ, ѣдущій верхомъ на лошади, влѣво отъ него — олень, обращенный головою къ головѣ лошади, и еще лѣвѣе — фигура человѣка; ниже послѣдняго и оленя — двѣ змѣи съ открытыми по направленію

другъ къ другу пастями. Другой каменный намогильный памятникъ — громадной величины: длина его 4 аршина и ширина $1\frac{1}{2}$ арш. (см. рис. 4); на одной сторонѣ его, болѣе узкой, высѣчено изображеніе козла; на другой, сильно разрушенной временемъ, замѣтно изображеніе лошади (ближе къ козлу) и двухъ змѣй, также обращенныхъ пастями другъ къ другу.

Въ Народузѣ заслуживаютъ вниманія развалины храма въ самомъ селеніи (см. рис. 5) и древнее армянское кладбище, усѣянное намогильными памятниками (см. рис. 6).

Рис. 5. Развалины храма въ сел. Народузѣ.

Рис. 6. Древнее армянское кладбище въ сел. Народузѣ.

Изъ Народуза я прибылъ въ Ново-Баязетъ (см. рис. 7), уѣздный городъ, заселенный армянами, переселившимися сюда изъ турецкаго Баязета. Что поражаетъ путешественника при въѣздѣ въ этотъ городъ, такъ это — высокія пирамиды изъ сухого кизяка, изъ-за которыхъ не видать самого города

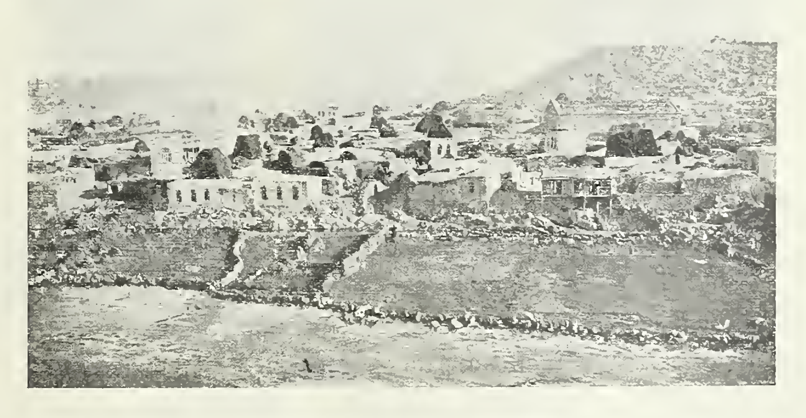

Рис. 7. Городъ Ново-Баязетъ.

Такія пирамиды составляютъ богатство здѣшняго жителя, такъ какъ по склонамъ горъ нѣтъ ни лѣсовъ, ни кустарниковъ, и чтобы существовать здѣсь,

нужно быть скотоводомъ, чтобы имѣть необходимый матеріалъ для отопленія и для варки пищи. То же отсутствіе лѣса заставило мѣстныхъ жителей углублять свои лачуги въ землю, вырывая для этого довольно глубокія ямы. Камень замѣняетъ у нихъ въ большинствѣ случаевъ дерево; камнемъ обкладываются стѣны внутри лачуги въ ямѣ, и выводятся стѣны нѣсколько выше надъ поверхностью земли. Камень берется неотесанный, кладется, по большей части, безъ цемента, самымъ первобытнымъ способомъ. Только для крыши употребляются деревянныя балки, сверхъ которыхъ кладется земля. Различныя хозяйственныя пристройки, ограды для скота, для гуменъ — все это дѣлается изъ дикаго, неотесаннаго камня лавы; изъ нея же встрѣчается и домашняя утварь, какъ-то: ступы, корыта и др. Вообще, если бы не пирамиды изъ кизяка и не скирды хлѣба около поселеній, и не дымъ изъ лачугъ, то было бы трудно отличить здѣшнія деревни отъ естественныхъ возвышеній въ каменистыхъ грядахъ и холмахъ. Въ селеніяхъ, лежащихъ болѣе или менѣе далеко отъ горъ, какъ, напр. на юго-восточномъ берегу Гокчи, камень, какъ строительный матеріалъ, замѣняется нерѣдко глиной. Во всѣхъ постройкахъ глина не пережжена, по недостатку лѣса, и отличается своею крайнею непрочностью: сначала смоченная, затѣмъ подвергнутая дѣйствію солнечной теплоты, она даетъ трещины; кромѣ того, она способна размываться дождевою водой,—отсюда самыя селенія съ такими глиняными саклями имѣютъ полуразрушенный видъ: онѣ—грязны въ сырую погоду, пыльны въ сухую и требуютъ постояннаго исправленія.

Между Ново-Баязетомъ и Адъяманомъ мнѣ впервые на берегахъ Гокчи начали попадаться курганы и могилы, которыхъ я насчиталъ здѣсь до ста. Изъ могилъ особенное мое вниманіе обратили на себя 8 могилъ въ мѣстности, называемой Куру-хараба. Могилы эти обставлены вертикально воткнутыми въ землю камнями, число которыхъ всегда нечетное—отъ 5 до 13, и имъ предшествуетъ рядъ камней, идущихъ по направленію на востокъ. Число камней въ каждомъ ряду колеблется между 34 и 60, при чемъ ряды камней заднихъ могилъ подогнаны къ впереди ихъ лежащимъ такимъ образомъ, что всѣ эти ряды идутъ по одной совершенно прямой линіи. Эти могилы съ рядами камней обратили на себя мое вниманіе потому, что точно такія же я видѣлъ въ 1889 году въ Монголіи, на склонахъ и въ долинахъ Тарбагатая. Такія же могилы были находимы Г. Н. Потанинымъ въ сѣверо-западной Монголіи, Д. Клеменцемъ – въ Минусинскомъ краѣ и Н. М. Ядринцевымъ—въ Алтаѣ, въ долинѣ р. Кок-су, и на Орхонѣ. Чтобы были находимы подобныя могилы гдѣ-либо на Кавказѣ, мнѣ неизвѣстно. Я имѣлъ въ виду вторично посѣтить мѣстность Куру-хараба и тогда произвести здѣсь раскопки; къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось потомъ вновь попасть сюда, и могилы остались не раскопанными.

Изъ Куру-хараба я прибылъ въ селеніе Нижній-Адъяманъ, въ концѣ котораго возвышаются развалины древняго храма (см. рис. 8), а около него лежитъ старинное армянское кладбище. Вообще должно сказать, что среди всѣхъ селеній, лежащихъ на южномъ берегу Гокчи, начиная отъ Адъямана въ юго-запад-

номъ углу и кончая Зодомъ въ юго-восточномъ, я не встрѣчалъ ни одного, гдѣ бы не было древняго армянскаго кладбища, съ различными на немъ намогильными памятниками. На памятникахъ этихъ, всегда каменныхъ, изображаются или кресты, иногда замѣчательно тонкой и искусной работы, о которой даютъ

Рис. 8. Развалины храма въ сел. Нижній-Адьяманъ.

возможность судить представленные здѣсь образцы (см. рис. 9), или же люди, животныя, музыкальные инструменты, сосуды для вина (см. рис. 10) и пр. Но я не встрѣчалъ также почти ни одного селенія, — не исключая армянскихъ и не

Рис. 9. Древне-армянскіе намогильные кресты.

говоря уже о татарскихъ,—гдѣ бы памятники эти хотя бы сколько-нибудь оберегались и не подвергались самому безпощадному истребленію и расхищенію. Мнѣ сплошь и рядомъ приходилось видѣть, что прекрасный намогильный крестъ служитъ мостикомъ черезъ горную рѣчку, или же, просверливъ въ одномъ

концѣ его отверстіе, молотятъ имъ хлѣбъ, а то употребляютъ намогильные памятники, какъ строительный матеріалъ (см. рис. 11).

На южномъ берегу озера Гокчи главной моей задачей было употребить всевозможныя мѣры и средства къ тому, чтобы снять снимокъ съ клинообразной

Рис. 10. Каменные намогильные памятники на армянскомъ кладбищѣ въ сел. Верхнемъ Караилухѣ.

надписи въ Алучалу, самой большой изъ извѣстныхъ до сихъ поръ клинообразныхъ надписей на Кавказѣ и до самаго послѣдняго времени, благодаря трудности доступа къ ней, остававшейся не снятой и не разобранной. М. В. Никольскій въ V-мъ томѣ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа" (стр. 120—121) пишетъ объ этой надписи: „Она извѣстна еще съ 1862 г. по снимку, снятому архіепископомъ Месропомъ и помѣщенному въ 1863 г. въ издавшемся въ Москвѣ на армянскомъ языкѣ журналѣ „Русскій Вѣстникъ"... Въ послѣднее время было много попытокъ снять эту надпись... Однако же, въ продолженіе слишкомъ 30 лѣтъ, надпись не поддавалась болѣе близкому изслѣдованію, такъ какъ всѣ попытки снять ее были неудачны: она находится такъ высоко надъ водою, что казалось немыслимымъ подступить къ ней близко для снятія эстампажа или фотографіи безъ сооруженія правильныхъ лѣсовъ, каковое сооруженіе въ такой мѣстности, какъ Гокча, представляетъ невѣроятныя трудности. Проф. Сэйсъ въ своихъ письмахъ Импе-

Рис. 11. Намогильные памятники въ постройкахъ.

раторскому Московскому Археологическому Обществу выражалъ надежду, что русская наука озаботится снарядить экспедицію спеціально для изслѣдованія этой надписи и снятія съ нея фотографіи или эстампажа. Въ 1889 г. нѣмецкій изслѣдователь Вальдемаръ Белькъ сдѣлалъ отчаянную попытку снять эту надпись: онъ простоялъ 3 часа по поясъ въ водѣ и въ состояніи былъ снять всего $^1/_6$ надписи (т.-е. 3 строки изъ 19)". Рядъ неудачныхъ попытокъ моихъ предшественниковъ по съемкѣ надписи, естественно, заставлялъ и меня сомнѣваться въ успѣхѣ дѣла.

Берега оз. Гокчи здѣсь, на югѣ, измѣняютъ свой характеръ. Болѣе значительныя возвышенности отодвинуты здѣсь дальше отъ берега, и по мѣрѣ удаленія ихъ, какъ упоминалось уже выше, опускающаяся почва переходитъ постепенно въ глубокія долины, орошаемыя рѣчками, или же въ плоскія низменности, глинисто-мергелевая почва которыхъ часто образуетъ обширныя болота. Въ этихъ долинахъ нерѣдко встрѣчаются прекрасные луга, пестрѣющіе въ лѣтнее время массою палатокъ кочующихъ курдовъ, пасущихъ здѣсь свой скотъ. Но мѣстами и этотъ берегъ сохранилъ вулканическій характеръ, выражающійся грудами обломковъ лавы изъ разрушенныхъ вулканическихъ кратеровъ, гдѣ встрѣчаешь различнаго рода конгломераты и брекчіи. Такія вулканическія породы подступаютъ иногда, въ видѣ отдѣльныхъ скалъ или же ихъ обломковъ, къ самому берегу озера или даже врѣзываются въ него. Вотъ на одной-то изъ такихъ скалъ, врѣзывающейся въ озеро и лежащей около селенія Кёланы-Кирланы, и находится знаменитая клинообразная надпись, которую мнѣ предстояло снять. Я не по ошибкѣ назвалъ селеніе Кёланы-Кирланы, а не Алучалу. Надпись лежитъ гораздо ближе къ селенію Кёланы-Кирланы (около версты), вполнѣ ясно видимому отъ нея, нежели къ Алучалу, лежащему отъ нея за холмомъ на разстояніи не менѣе $1^1/_2$ верстъ, и если называть надпись по имени ближайшаго селенія, то ее во всякомъ случаѣ слѣдуетъ называть не Алучалу, какъ это было до сихъ поръ, а Кёланы-Кирланской.

Рис. 12. Скала съ клинообразною надписью около сел. Келаны-Кирланы.

Скала съ надписью, обращенной въ сторону озера, представлена на рисункѣ 12-мъ. Надпись мною снята. Не могу сказать, чтобы достичь этого мнѣ удалось съ большою легкостью. Нижнія строки надписи лежатъ надъ поверхностью воды на высотѣ 2-хъ саженей, и, слѣдовательно, непосредственнаго доступа къ надписи нѣтъ. Выше уже упоминалось, что Гокчинское озеро, въ настоящемъ своемъ состояніи, представляетъ несомнѣнный фактъ понижения уровня, достигшаго довольно значительныхъ предѣловъ. Можно предполагать, что мѣсто надписи въ то время, когда она высѣкалась на скалѣ, было вполнѣ доступно съ поверхности озера. Послѣ перваго осмотра скалы я пришелъ къ заключенію о необходимости постройки лѣсовъ, при помощи которыхъ можно бы было достигнуть надписи, но такую постройку трудно было осуществить, такъ какъ лѣсу по близости нигдѣ нѣтъ, и его можно достать только за нѣсколько десятковъ верстъ. Являлось затѣмъ предположеніе набросать кучу камней до высоты надписи, но это отняло бы очень много времени. Приходилось искать какого-либо иного, болѣе удобовыполнимаго, способа, и въ концѣ концовъ я остановился на слѣдующемъ. Изъ ближайшаго селенія Кёланы-Кирланы была привезена двухколесная арба, въ нее запрягли двухъ буйволовъ, посадили на нихъ погонщиковъ-армянъ и погнали буйволовъ въ воду. Наша цѣль была та, чтобы буйволы обогнули водой тѣ громадные камни, которые лежатъ у берега и по которымъ не было возможности провезти арбу, и подвезли бы послѣднюю къ скалѣ, подъ надпись. Послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ (буйволовъ никакъ не могли заставить плыть въ сторону надписи) цѣль была, наконецъ, достигнута, и арба очутилась подъ надписью. На арбу поставили столъ, на столъ — табуретъ, на табуретъ—стулъ, на стулъ — еще маленькій табуретъ, связали все это кое-какъ имѣвшимися подъ руками ремнями и веревками, и черезъ минуту я уже стоялъ лицомъ противъ надписи.

Углубленія надписи оказались сильно засоренными, нижнія строки много пострадали отъ дѣйствія волнъ,—нѣкоторые знаки здѣсь на-половину сглажены водой, а нѣкоторые, повидимому, и совсѣмъ уничтожены. Вообще эта скала подвергается сильному разрушенію отъ дѣйствія волнъ; вода подтачиваетъ ее все болѣе и болѣе и уже сравнительно немного ей осталось довести свое разрушающее дѣло до того мѣста, гдѣ поперекъ всей скалы, сверху и донизу, идетъ громадная трещина, и разъ скала будетъ досюда подмыта, естественно, вся передняя ея часть, именно та, гдѣ надпись, неминуемо рухнетъ, а вмѣстѣ съ нею на-вѣки погибнетъ и самая надпись.

Весь остатокъ того дня, въ который мнѣ удалось добраться до надписи, я долженъ былъ употребить на очистку и промывку ея, и только съ утра слѣдующаго дня могъ приступить къ съемкѣ съ нея эстампажа. Способъ, которымъ мы съ М. В. Никольскимъ снимали всѣ клинообразныя надписи на Кавказѣ, состоялъ въ томъ, что бралось полотно по размѣру надписи, намазывалось гумми-арабикомъ, накладывалось потомъ на надпись, при чемъ поверхность полотна посыпалась талькомъ, и затѣмъ особой, для этой цѣли приспособленной, щеткой нужно

было колотить по полотну, возможно чаще и сильнѣе, до тѣхъ поръ, пока оно не войдетъ во всѣ углубленія надписи и окончательно не высохнетъ. Послѣ этого особымъ валикомъ на полотно накатывалась типографская краска, отъ чего весь фонъ получался черный, а углубленія, т.-е. самые знаки оставались бѣлыми *). Способъ этотъ, въ особенности легкій и удобный при съемкѣ надписей, лежащихъ горизонтально, при съемкѣ Келаны - Кирланской надписи представилъ немалыя затрудненія. Приходилось, во-первыхъ, считаться съ отвѣснымъ положеніемъ надписи, во-вторыхъ, съ ея громадной величиной (высота надписи — 89 сант., ширина — 140,5 сант.), и въ-третьихъ, что главное, никто не могъ помочь мнѣ при работѣ. Какъ бы то ни было, дѣло по-немногу подвигалось все-таки впередъ, и къ 6-ти часамъ вечера эстампажъ почти заканчивался. Но, къ несчастію, въ это время подулъ довольно сильный вѣтеръ, полотно начало отставать отъ скалы, я всѣми силами спѣшилъ окончить работу, но вдругъ налетѣлъ страшный вихрь и прежде, чѣмъ я успѣлъ что-либо предпринять, сорвалъ со скалы и понесъ мой

Рис. 13. Видъ берега Гокчи къ западу отъ Кёланы-Кирланской надписи.

снимокъ. Я хотѣлъ въ воздухѣ удержать его, совершенно забывъ, на какой шаткой почвѣ стою, и, потерявъ равновѣсіе, въ одно мгновеніе вмѣстѣ съ стуломъ и табуретами очутился въ водѣ. А между тѣмъ мой снимокъ плылъ по темно-синимъ волнамъ Гокчи, уносимый вѣтромъ къ восточнымъ ея берегамъ, и вскорѣ совсѣмъ исчезъ изъ виду. Съ такимъ печальнымъ результатомъ закончилъ я въ этотъ день свою работу.

На слѣдующій день восходъ солнца засталъ меня у той-же надписи и на тѣхъ-же табуретахъ и стульяхъ. Наученный опытомъ предыдущаго дня, я захватилъ теперь съ собой нѣсколько деревянныхъ клиньевъ и веревокъ. Два клина я вбилъ въ верхней щели, по бокамъ надписи, два — внизу, въ самой водѣ, и, соединивъ ихъ веревками, сразу достаточно хорошо укрѣпилъ полотно на надписи. Дѣло съемки послѣдней пошло въ этотъ день гораздо удачнѣе. Къ 6-ти часамъ

*) Подробности съемки эстампажей см. у акад. В. В. Радлова: „Eine neue Methode zur Herstellung von Abklatschen von Steininschriften“. S.-Petersb., 1892.

вечера полотно было прекрасно набито на надпись, а къ 7-ми покрыто краской. Снимокъ, послѣ покрытія его краской, оставляется для просушки обыкновенно на самой надписи; но въ данномъ случаѣ мнѣ предстояло оставить свой снимокъ на ночь, и кто могъ поручиться, что его не постигнетъ та же печальная участь, какой подвергся снимокъ предыдущаго дня, и потому я, вопреки правиламъ, снялъ полотно съ надписи тотчасъ же, какъ оно было покрыто краской, бережно уложилъ его на носилки, и на нихъ снимокъ отнесли въ лежащее отсюда въ 3-хъ верстахъ сел. Гюзалдару, гдѣ я остановился. М. В. Никольскій нашелъ впослѣдствіи эстампажъ вполнѣ удовлетворительнымъ; надпись, богатая историко-географическими данными и оказавшаяся принадлежащей не Сардури II, какъ предполагали проф. Сэйсъ и Белькъ, а Русѣ I, современнику ассирійскаго царя Саргона (722 — 705 гг. до Р. Хр.), имъ прочтена и издана въ V-мъ томѣ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“.

По поводу Кёланы-Кирланской надписи необходимо сказать еще объ остаткахъ того укрѣпленія, слѣды котораго замѣтны на той-же скалѣ, гдѣ находится надпись, въ саженяхъ 50-ти отъ послѣдней. Укрѣпленіе это, со всѣхъ сторонъ обнесенное каменною, въ настоящее время почти совершенно разрушенною стѣною, имѣетъ въ длину 62 сажени и въ ширину 18 саж., при чемъ внутри каменными же стѣнами оно раздѣлено на нѣсколько отдѣленій, число которыхъ, вслѣдствіе крайняго разрушенія, опредѣлить невозможно. Укрѣпленіе это представляетъ полную аналогію тѣмъ, которыя мы позже находили у подошвы Арарата и на одномъ изъ которыхъ мною были произведены раскопки. Объ этихъ укрѣпленіяхъ я буду говорить подробнѣе далѣе, и потому пока не останавливаюсь на этомъ, Кёланы-Кирланскомъ.

Въ окрестностяхъ сел. Гюзалдары *), гдѣ я жилъ во все время производства работъ по съемкѣ Кёланы-Кирланской надписи, находится 17 могилъ, выложенныхъ кругомъ камнями и покрытыхъ каждая одной или двумя большими каменными плитами. Пять изъ этихъ могилъ были мною разрыты, и раскопки дали слѣдующіе результаты. Въ первой изъ раскопанныхъ могилъ костякъ найденъ въ каменномъ ящикѣ, на глубинѣ 3-хъ аршинъ, въ сидячемъ положеніи, съ колѣнами, пригнутыми къ туловищу, и съ лицомъ, обращеннымъ на востокъ. Черепъ—искусственно-деформированный, къ сожалѣнію, очень плохо сохранившійся. Это — первый случай нахожденія здѣсь искусственно-деформированнаго черепа. Въ головахъ стояли два небольшихъ глиняныхъ горшка, около ногъ—три, побольше. При скелетѣ найдены 4 бронзовыя вещи: кинжалъ, ножъ, игла и маленькіе щипчики, служившіе, повидимому, для выщипыванія волосъ. Въ остальныхъ четырехъ могилахъ положеніе костяковъ было такое же, какъ и въ первомъ.

*) Правильнѣе „Геозалдара“ отъ тюркскихъ словъ: „геозалъ“ — красивый и „дärä“ — ущелье, т.-е. красивое ущелье. Въ древности это селеніе, по словамъ армянскаго историка Степанноса Орбельяна, носило названіе Варденисъ, т.-е. „страна розъ“. Основаніе селенія относятъ къ началу V-го вѣка по Р. Х., при князѣ Васакѣ Сюнійскомъ (см. „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, т. XVII. стр. 104).

но черепа обыкновенные, не деформированные, долихоцефалической формы. При скелетахъ находились бронзовые кинжалы и большое количество глиняныхъ сосудовъ разнообразной формы. Десятки могилъ подобнаго типа мною были разрыты позже въ Елисаветпольской губ. Суммарная характеристика такихъ могилъ

Рис. 14. Возвышеніе на берегу Гокчи, около котораго лежитъ сел. Захалу.

будетъ дана дальше. Здѣсь же для насъ важно отмѣтить самый фактъ нахожденія могилъ-„каменныхъ ящиковъ" на южномъ берегу оз. Гокчи.

Изъ сел. Гюзалдары я отправился въ сел. Захалу, гдѣ мнѣ также предстояло снять клинообразную надпись. Послѣдняя высѣчена на скалѣ около самаго

Рис. 15. Мѣсто клинообразной надписи около сел. Захалу.

селенія, съ юго-западной его стороны. Небольшая площадка передъ надписью съ трехъ сторонъ окружена громадными камнями, въ высоту болѣе роста человѣка, за которыми надписи издали совершенно не видно (см. рис. 15). Вѣроятнѣе всего, что эти камни свалились съ верхушки скалы впослѣдствіи, позже высѣченія

надписи. Надпись эта вполнѣ доступна; та часть скалы, гдѣ она высѣчена, гладкая, и потому снять съ нея эстампажъ не представило никакихъ затрудненій. Надпись, по прочтеніи ея М. В. Никольскимъ, оказалась относящейся ко времени Сардури II. Особый интересъ этой надписи М. В. Никольскій видитъ въ томъ, что въ ней „мы первый разъ встрѣчаемся съ урартскимъ названіемъ страны *Урарту*, до сего времени извѣстнымъ только изъ ассирійскихъ источниковъ. Очевидно,—прибавляетъ М. В. Никольскій, — оно не имѣло того смысла, съ какимъ является въ ассирійскихъ надписяхъ, т.-е. не означало всей ванской имперіи, а имѣло смыслъ болѣе ограниченный“.

Изъ Захалу я проѣхалъ въ сел. Зодъ и, не встрѣтивъ на этомъ пути ничего, заслуживающаго вниманія въ археологическомъ отношеніи (кромѣ многочисленныхъ намогильныхъ памятниковъ), повернулъ отсюда на восточный берегъ озера Гокчи. Какъ контрастъ послѣ ровнаго Зодскаго берега, восточный берегъ озера представляетъ мрачную картину совершенно дикихъ горъ и скалъ. Дорогъ нѣтъ никакихъ, и вы пробираетесь здѣсь или по каменистымъ ущельямъ, сдавленнымъ съ двухъ сторонъ высочайшими горами, или карабкаетесь на вершины послѣднихъ, достигающія десяти и болѣе тысячъ футовъ высоты. Все тутъ голо, мертво, пустынно; жизни здѣсь нѣтъ, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ, которые свидѣтельствовали бы о томъ, что она когда-нибудь была. Единственное, что я встрѣтилъ на восточномъ берегу, на пространствѣ первой половины пути по нему, и что указывало на дѣло рукъ человѣческихъ, это—развалины, неизвѣстно кѣмъ и когда построеннаго, караванъ-сарая въ мѣстности Кущу-дараси. А дальше — опять однѣ мертвыя, пустынныя горы и скалы. Бывало, за цѣлый день пути не встрѣтишь ни одной живой души, и развѣ только въ какомъ-нибудь самомъ дикомъ глухомъ уголкѣ неожиданно натолкнешься на двѣ-три палатки, поставленныя елизаветпольскими татарами-разбойниками, спасающимися тутъ отъ преслѣдованія мѣстныхъ властей. И потому съ тѣмъ большею пріятностью поражаешься, когда среди этихъ безжизненныхъ горъ встрѣчаешь русское селеніе Надеждино, раскинувшееся на берегу Гокчи, за Адъ - тапинскимъ полуостровомъ. Селеніе это основано въ 1851 г. молоканами, переселившимися сюда изъ Самарской губ., и въ настоящее время насчитываетъ 37 домовъ и около 250 душъ обоего пола. Нѣкогда въ этой мѣстности, очевидно, жили армяне, оставившіе послѣ себя памятниками двѣ небольшихъ часовни, одна изъ которыхъ лежитъ у подошвы горы, примыкающей къ селенію съ южной стороны, а другая—почти на вершинѣ этой горы.

При осмотрѣ возвышеннаго Адъ-тапинскаго полуострова, въ 5-ти верстахъ отъ сел. Надеждина, я нашелъ на вершинѣ его громадную, болѣе полуторыхъ сотъ саженей въ длину, стѣну, сложенную изъ необдѣланныхъ камней, ничѣмъ не цементированныхъ, тянущуюся въ видѣ полукруга, концы котораго примыкаютъ къ западной сторонѣ полуострова, круто опускающейся въ сторону озера Гокчи. По словамъ жителей сел. Надеждина, въ пространствѣ, огороженномъ этой стѣной, они часто находятъ желѣзныя стрѣлы.

Около самаго селенія Надеждина мною были разрыты три могилы (всѣхъ ихъ тутъ 12), которыя больше всего основанія считать за армянскія. Костяки были находимы на очень большой глубинѣ, 5-ти и 6-ти аршинъ, въ вытянутомъ положеніи, съ лицомъ, обращеннымъ на востокъ. Всѣ костяки были обложены кругомъ обтесанными камнями, и на каждомъ изъ послѣднихъ былъ высѣченъ крестъ. Вещественныхъ находокъ раскопки не дали никакихъ.

Разыскивая клинообразныя надписи и разспрашивая о нихъ жителей Надеждина, изъ которыхъ оказалось семь человѣкъ, „какъ-будто" видѣвшихъ подобныя надписи, я исколесилъ съ ними почти всѣ ущелья на пространствѣ 12—15 верстъ кругомъ Надеждина и, ничего не найдя, отправился изъ с. Надеждина опять къ южному берегу Гокчи, но уже не верхомъ, а въ лодкѣ, чтобы осмотрѣть всѣ скалистые берега. Поѣздка дала отрицательные результаты: ни одной клинообразной надписи здѣсь не найдено, и я, снова вернувшись въ Надеждино, поѣхалъ верхомъ далѣе по восточному берегу, къ сѣверу отъ Надеждина. Вся эта часть, вплоть до самаго сѣвернаго берега, совершенно безлюдна, и трудно себѣ представить мѣстность болѣе дикую, болѣе пустынную, болѣе непроходимую и непроѣздную, какъ эта. Несмотря на то, что отъ Надеждина до татарскаго селенія Чубухловъ, лежащаго на сѣверномъ берегу Гокчи, всего 40—45 верстъ, мы ѣхали это разстояніе пять дней, отправляясь въ путь раннимъ утромъ и останавливаясь на ночлегъ съ закатомъ солнца. Ни дорогъ, ни тропинокъ никакихъ нѣтъ, и потому сплошь и рядомъ приходилось попадать въ такія мѣста, изъ которыхъ чтобы такъ или иначе выбраться, нужно было потратить нѣсколько часовъ. О существованіи здѣсь какихъ бы то ни было археологическихъ памятниковъ и говорить нечего. Пріѣхавъ, наконецъ, въ Чубухлы, я никакъ не могъ предвидѣть, что меня ждетъ обратная поѣздка по тому же пути. Виной всему— тѣ же клинообразныя надписи. Когда я въ Чубухлахъ началъ о нихъ распрашивать, выискался одинъ изъ татаръ, который клялся и божился мнѣ, что онъ видѣлъ такую надпись въ горахъ, въ верстахъ въ 6—7 отъ Надеждина. Я имѣлъ полное основаніе сомнѣваться въ справедливости словъ татарина, такъ какъ объѣхалъ почти всѣ ущелья около Надеждина и ничего не нашелъ, но человѣкъ продолжалъ увѣрять такъ, что нельзя было не поѣхать. Я рѣшилъ поѣхать водой, чтобы по пути осмотрѣть береговыя скалы, но тотъ же татаринъ увѣрилъ меня въ необходимости поѣздки сухимъ путемъ, такъ какъ по дорогѣ, по его словамъ, встрѣтятся два мѣста, гдѣ, „пожалуй", есть и надписи. Дѣлать было нечего, и я опять поѣхалъ по тѣмъ же городамъ. Тѣ два мѣста, гдѣ, „пожалуй", должны были быть надписи, мы проѣхали; никакихъ надписей, конечно, не оказалось, но я утѣшалъ себя мыслью, что впереди меня ждетъ открытіе новой, доселѣ неизвѣстной клинообразной надписи. Ѣдемъ дальше. Вдругъ на поворотѣ въ одно ущелье татаринъ указываетъ на возвышающуюся въ концѣ его скалу и говоритъ, что на этой-то скалѣ и есть надпись. Я во весь карьеръ лечу къ ней, стараюсь еще издали увидать ее, подъѣзжаю, наконецъ, къ самой скалѣ, со всѣхъ сторонъ осматриваю ее, — нѣтъ надписи. Подъѣхалъ, между тѣмъ, и

татаринъ. Посмотрѣлъ онъ на скалу и на мой вопросъ о надписи спокойно отвѣтилъ: „Жидъ сколотилъ“ (жидами татары называютъ молоканъ, большая часть которыхъ жидовствующіе).

Вернулся я снова въ Надеждино и, нанявъ здѣсь гребцовъ, поплылъ съ ними въ лодкѣ вдоль берега опять въ Чубухлы. Проплывъ это разстояніе и осмотрѣвъ всѣ прибрежныя скалы, я убѣдился, что на всемъ восточномъ берегу Гокчи клинообразныхъ надписей нѣтъ.

Изъ Чубухловъ я переплылъ на лодкѣ на островъ Севангъ (см. рис. 16). Къ сѣверо-востоку отъ косы Цамакапертъ, въ $^3/_4$ версты отъ ближайшаго берега и въ 2-хъ верстахъ отъ названной косы, одиноко возвышается этотъ скалистый островъ. Нельзя подыскать болѣе мрачнаго, уединеннаго и наиболѣе удобнаго

Рис. 16. Островъ Севангъ.

мѣста для отшельниковъ, чѣмъ островъ Севангъ. Голая и скалистая почва острова совершенно неплодородна, и только продолжительнымъ трудомъ монаховъ въ западной, болѣе низменной, его части она засажена нѣсколькими десятками деревьевъ, образующихъ рощу, и небольшимъ огородомъ.

Самое названіе острова—Севангъ или, правильнѣе, Са-э-ванкъ — значитъ по-армянски: „вотъ монастырь“. Слова эти приписываются Григорію, просвѣтителю армянской церкви, которой будто бы указалъ на островъ Севангъ, какъ на самое уединенное мѣсто для монастыря. Нѣкоторые, впрочемъ, полагаютъ, что названіе Севанга происходитъ отъ словъ: „Сенъ-ванкъ“, что значитъ по-армянски: „черный монастырь“, оправдывая свое предположеніе тѣмъ, что какъ прежде, такъ и теперь островъ служитъ главнымъ мѣстомъ ссылки провинившихся духовныхъ лицъ армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія, по приговору католикоса.

Основаніе перваго монастыря на островѣ преданіе относитъ еще къ началу введенія христіанства въ Арменіи, при царѣ Тринидатѣ, около 105 года. Теперь

Рис. 17. Видъ съ острова Севанга въ сторону Еленовскаго залива.

этотъ храмъ разрушенъ. Затѣмъ, недалеко отъ прежняго, на самомъ высокомъ мѣстѣ острова въ 876 г. былъ построенъ во имя Божіей Матери новый храмъ армянской княжной Маріей, здѣсь же и погребенной. Этой же княжнѣ, святой Маріи, приписываютъ и учрежденіе севангскаго монашескаго общежитія и передаютъ, что она замуравила себя добровольно въ нишѣ церкви, имѣя сношеніе съ внѣшнимъ міромъ только черезъ единственное отверстіе, продѣланное въ алтарь, откуда доносились до ея слуха только звуки священнослуженія и передавалась аскетическая ея порція. Рядомъ съ церковью во имя Божіей Матери стоитъ храмъ въ честь Апостоловъ, построеніе котораго относятъ приблизительно къ тому же времени. Особеннаго вниманія въ этомъ храмѣ заслуживаютъ входныя двери, на которыхъ и понынѣ остается замѣчательный образецъ ксилографіи того времени. Тутъ много византійской кропотливости въ изображеніи украшеній, доходящемъ до тонкости кружевной работы, хотя, съ другой стороны, очень мало знанія анатоміи въ рѣзьбѣ человѣческихъ фигуръ (см. рис. 18). Самый поздній храмъ построенъ на Севангѣ въ 1654 г. въ западной, болѣе низкой, части острова; при немъ находятся и кельи, большая часть которыхъ занята монахами,

Рис. 18. Деревянныя двери въ храмѣ въ честь Апостоловъ на о-вѣ Севангѣ.

часть отведена для богомольцевъ, а въ нѣкоторыхъ кельяхъ хранятся рукописи, книги и старая церковная утварь. Разсказываютъ, что Севангскій монастырь долгое время былъ книгохранилищемъ для всѣхъ монастырей Арменіи, настоятели которыхъ, опасаясь въ то смутное время, чтобы монастырскія библіотеки не были уничтожены врагами, посылали рѣдкіе и дорогіе экземпляры на Севангъ. Но теперь они покоятся на днѣ озера Гокчи. Испугавшись ревизіи католикоса, который, будучи большимъ библіофиломъ, непремѣнно пожелалъ бы осмотрѣть архивъ, а въ немъ между тѣмъ многіе изъ памятниковъ письменной древности полуистлѣли и сгнили,—настоятель Севангскаго монастыря оставилъ въ архивѣ лишь новыя книги и фоліанты, а все испорченное временемъ, все древнее, все наиболѣе цѣнное приказалъ вывезти изъ монастыря на лодкахъ и бросить въ озеро. Въ настоящее время библіотека Севангскаго монастыря, по словамъ его настоятеля Григорія Теръ-Григоріанца, содержитъ въ себѣ 450 печатныхъ книгъ и 103 рукописныхъ.

Съ острова Севанга я въ лодкѣ переправился на берегъ, въ селеніе Еленовку, и чтобы окончательно покончить съ вопросомъ о мѣстахъ нахожденія здѣсь клинообразныхъ надписей, поплылъ въ лодкѣ вдоль западнаго берега съ цѣлью осмотрѣть всѣ скалистыя части. Осмотръ, какъ и слѣдовало ожидать, далъ отрицательный результатъ.

II.

Эриванская равнина.

Окончивъ поѣздки по озеру Гокчѣ, я направился затѣмъ въ знойную долину Аракса. По дорогѣ изъ Нижнихъ Ахтовъ я свернулъ къ юго-западу, въ сел. Солакъ и Бжни, чтобы провѣрить разсказы о нахожденіи здѣсь клинообразной надписи. Ѣхать пришлось по берегу р. Занги. Занга, вытекая изъ оз. Гокчи небольшимъ ручейкомъ, представляетъ послѣ сліянія ея съ р. Мисханомъ довольно значительную рѣчку. У сел. Нижніе Ахты паденіе ея становится быстрымъ; она

Рис. 19. Большой Араратъ.

течетъ отсюда въ огромной щели, промытой ею въ остывшемъ лавовомъ потокѣ, обнаруживъ въ немъ мощный пластъ темнаго обсидіана. Крутые берега мѣстами обрываются здѣсь на 100 саж. глубины. Тщательный осмотръ мѣстности не подтвердилъ разсказовъ о существованіи здѣсь клинообразной надписи.

Долину Аракса мнѣ пришлось переѣзать во многихъ направленіяхъ. Первая моя по ней поѣздка,—изъ Эчміадзина на Ташбурунъ, Аралыхъ, затѣмъ на Сар-

даръ-булакскій проходъ, лежащій между Большимъ и Малымъ Араратомъ,—носила рекогносцировочный характеръ и имѣла цѣлью намѣтить тѣ мѣста, въ которыхъ должны быть произведены тѣ или иныя работы и изысканія. Въ эту же поѣздку мною съ военнымъ топографомъ А. В. Пастуховымъ (нынѣ покойнымъ) были совершены удачныя восхожденія на вершины Большого (16,916 фут. высоты) и Малаго (12,840 ф.) Арарата. Не останавливаясь на этихъ восхожденіяхъ, представляющихъ чисто географическій интересъ [1]), не могу не сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ могилъ на вершинѣ Мал. Арарата, на существованіе которыхъ было указано покойнымъ Г. И. Радде [2]). На вершинѣ Мал. Арарата, представляющей собою прекрасно выраженный кратеръ вулкана [3]), дѣйствительно,

Рис. 20. Малый Араратъ.

находится небольшой могильникъ. На могилы указываютъ каменныя (андезитовыя) плиты (нѣкоторыя изъ нихъ грубо обтесаны), однѣ изъ которыхъ лежатъ плашмя, другія поставлены вертикально, какъ это наблюдается на магометанскихъ могилахъ. Нѣкоторыя могилы кромѣ плитъ обложены кругомъ еще мелкими камнями. На двухъ плитахъ имѣются плохо сохранившіяся арабскія надписи. Могилъ мы, конечно, не могли раскопать; для этого не было ни рабочихъ, ни необходимыхъ орудій. Остается загадкой, къ какому времени должны быть отнесены эти могилы и какая цѣль преслѣдовалась погребеніемъ на высотѣ почти 13,000 футовъ [4]).

[1]) Онѣ описаны мною въ журн. „Землевѣдѣніе“, 1897 г., кн. I—II.

[2]) См. «V-ый Археологичекій Съѣздъ въ Тифлисѣ», стр. 33.

[3]) Кратеръ этотъ впервые подробно описанъ въ статьѣ проф. A. Arzruni: „Reise nach Süd-Kaukasien“ въ „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, Bd. XXII, № 6 и 9, S. 608.

[4]) Dr. Max. Ebeling, совершившій восхожденіе на вершину Малаго Арарата въ 1897 г., снялъ сохранившіяся на плитахъ арабскія надписи. Проф. Euting въ Страсбургѣ прочелъ, что часть

По словамъ Радде, у окрестныхъ жителей могилы эти извѣстны подъ именемъ могилъ „огузовъ", или великановъ.

„Эриванская равнина, въ которой мнѣ продолжительное время пришлось вести послѣдующія работы, со всѣхъ сторонъ окружена высокими горами вулканическаго происхожденія, понижающимися къ ней довольно пологими скатами и террасами. На сѣверѣ лежитъ мощный Алагезъ, на востокѣ находятся отроги Палтапинскаго хребта, на югѣ высится вѣчно снѣжная вершина Арарата и простирается безплодный Агридагскій хребетъ. Въ длину равнина имѣетъ около 60 верстъ, въ ширину—до 30 верстъ, а надъ уровнемъ моря—около 3,000 футовъ. Она раздѣляется Араксомъ на двѣ половины—сѣверную и южную, имѣющія пологій наклонъ къ руслу Аракса; вся же равнина наклонена къ востоку, имѣя паденіе около 5 футовъ на версту. Рѣка течетъ тутъ въ широкой ложбинѣ съ низкими берегами, раздѣляясь на протоки и образуя низменные острова. Ширина ложбины доходитъ мѣстами до $1^1/_2$ верстъ; русло же рѣки у Маркаринской переправы (по дорогѣ изъ Эчміадзина въ Игдырь) въ малую воду имѣетъ 40 саж. ширины и $1^1/_2$ арш. глубины. Въ половодье Араксъ становится глубокъ и сильно разливается; онъ заполняетъ тогда своею мутною водою всю ложбину и покрываетъ острова. Разливы Аракса производятъ большія опустошенія. Такъ, напр., весною 1887 г. разбушевавшаяся рѣка снесла Маркаринскій мостъ, а въ половодье 1892 г. даже переступила предѣлы своей ложбины и разлилась по сосѣднимъ полямъ. Во время подобныхъ разливовъ Араксъ, повидимому, нѣсколько разъ мѣнялъ свое русло, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣсколько занесенныхъ голышомъ сухихъ ложбинъ, которыя находятся на равнинѣ въ сторонѣ отъ его теперешняго русла. Горы, окружающія Эриванскую равнину, безлѣсны и безводны. Почва ея состоитъ изъ нанесенной рѣкою солоноватой глины, смѣшанной съ измельчанными остатками вулканическихъ изверженій; сама по себѣ почва эта представляетъ солончакъ, совершенно растрескивающійся во время большихъ лѣтнихъ жаровъ, на которомъ могутъ кое-какъ прозябать только рѣдкіе кусты верблюжьей травы, тощій бурьянъ, колючка, а въ мѣстахъ болѣе влажныхъ—гребенчукъ. Чтобы превратить болѣе соленые участки этой почвы въ поля, годныя для земледѣлія, необходимо въ продолженіе пяти лѣтъ ежегодно ихъ затоплять и такимъ образомъ выщелачивать соль, содержащуюся въ почвѣ. Вслѣдствіе такой почвы, а также и чрезвычайной сухости климата, Эриванская равнина была бы обречена на безплодіе и пустынность, если бы изъ Аракса и его притоковъ не была проведена цѣлая сѣть оросительныхъ канавъ. Главныя изъ нихъ отведены изъ Аракса близъ селенія Кеты, гдѣ оканчиваются послѣднія возвышенности, стѣсняющія русло рѣки. Крайнія канавы тянутся: въ сѣверной части равнины—на селеніе Сардаръ-абатъ, въ южной части—на селеніе Халфалу, лежащее у самой подошвы Агридага. Ширина главныхъ канавъ болѣе 2 саженей,

---

надписи содержитъ слово „Измаилъ" и „годъ 1188", т.-е. отвѣчаетъ 1774 г. нашего лѣтосчисленія (Dr. Max Ebeling—Der „Begräbnisplatz" und die Inschriften auf dem Kleinen Ararat. „Verhandl. der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin", 1898, № 2 und 3, S. 130).

а глубина—около аршина. Изъ этихъ канавъ отводится множество второстепенныхъ, а изъ послѣднихъ еще болѣе значительное число канавокъ, непосредственно орошающихъ поля. Въ предѣлахъ этой оросительной сѣти Эриванская равнина, благодаря трудолюбію населенія, представляетъ мѣстность, отличающуюся необыкновеннымъ плодородіемъ и густо населенную. Сложенныя изъ глины селенія повсюду разбросаны тутъ вдоль рѣки и вдоль канавъ и вплотную почти примыкаютъ одно къ другому. Они окружены садами, огородами, виноградниками, пашнями и тополевыми рощами. Каждый воздѣланный участокъ огороженъ глинобитною стѣнкою, вдоль которой по канавамъ посажены ряды тополей и ивъ. На равнинѣ этой воздѣлываются пшеница, рисъ, конопля, хлопокъ, клещевина по краямъ хлопковыхъ полей, кунжутъ, изъ котораго добывается масло, а коегдѣ и табакъ. За недостаткомъ сѣнокосовъ населеніе сѣетъ юнджу, а за недостаткомъ лѣса для построекъ садитъ тополи. Въ восточной части равнины на незанятыхъ полями солончаковыхъ пространствахъ, орошаемыхъ разливами Аракса и нѣсколькихъ ручьевъ, произрастаютъ рощицы мелкаго и рѣдкаго гребенчука. Вообще равнина имѣетъ тутъ видъ почти постоянно зеленаго оазиса. Стоитъ переступить предѣлы орошеннаго пространства, картина совершенно мѣняется. Повсюду простирается или солончаковая пустыня, покрытая бѣловатымъ налетомъ соли и рѣдкими кустами грубой травы, или каменистая степь, усыпанная обломками вулканическихъ изверженій,—притонъ скорпіоновъ и фалангъ, таящихся подъ каждымъ камнемъ. Въ климатическомъ отношеніи все пространство Эриванской равнины, орошенное канавами, считается вреднымъ для здоровья. Залитыя водою поля представляютъ благопріятную почву для развитія болотныхъ міазмовъ, которые пропитываютъ и воздухъ, и мутную воду канавъ. Господствующія болѣзни тутъ—упорная лихорадка и поносъ. Лѣтомъ вслѣдствіе сырости появляется на равнинѣ множество комаровъ и цѣлыя тучи незамѣтныхъ для глазъ мошекъ. Нападаютъ они на человѣка только въ тихую погоду, преимущественно вечеромъ, послѣ захода солнца, жалятъ всю ночь и непривычнаго совершенно лишаютъ сна. Чтобы избѣжать ихъ, необходимо спать или подъ густымъ пологомъ, или на достаточной высотѣ надъ землею; поэтому мѣстное населеніе проводитъ ночи на плоскихъ крышахъ своихъ жилищъ или на вышкахъ, нарочно для этого устроенныхъ“[1]).

Послѣ рекогносцировочныхъ поѣздокъ по Эриванской равнинѣ мы съѣхались съ М. В. Никольскимъ въ Эчміадзинскомъ монастырѣ, совершили отсюда совмѣстную поѣздку для осмотра того холма Блура, въ остаткахъ построекъ на которомъ армяне видятъ развалины своей древней столицы Армавира (см. объ этой поѣздкѣ въ отчетѣ М. В. Никольскаго, въ V томѣ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“), а затѣмъ черезъ Игдырь проѣхали, также вмѣстѣ, въ сел. Ташбурунъ, куда насъ привлекала клинообразная надпись царя Менуа. М. В. Никольскій занялся изученіемъ и съемкой надписи, я же предпринялъ раскопки на холмѣ, лежащемъ противъ этой надписи.

---

[1]) См. „Записки Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.“, кн. XX, стр. 99.

Араратъ принадлежитъ къ наиболѣе значительной вулканической области Кавказа, съ которой по величинѣ не можетъ быть сравниваема никакая изъ областей Западной Европы. Точно опредѣлить начало вулканическихъ изверженій здѣсь въ настоящее время, по недостатку данныхъ, не представляется возможнымъ. Нахожденіе на Армянскомъ плоскогоріи пропилитовъ, роговообманковыхъ и авгитовыхъ андезитовъ, довольно разнообразныхъ трахитовъ, обсидіана и перлита, повидимому, указываетъ, что изверженія начались давно, можетъ-быть, даже подъ конецъ мѣлового періода. Что эти вулканическія изверженія продолжались и въ неогеновую эпоху, можно считать доказаннымъ какъ для восточной, такъ и для западной Арменіи, гдѣ авгитовые андезиты въ видѣ лавъ тѣсно связаны съ неогеновыми отложеніями. Превосходное сохраненіе формы вулкановъ Арменіи, наблюдаемое еще и въ настоящее время, случаи землетрясеній—все это говоритъ въ пользу того, что вулканическая дѣятельность продолжалась въ четвертичный періодъ и, вѣроятно, здѣсь ее засталъ человѣкъ [1]). Склоны Бол. Арарата и его подножія покрыты обширными лавовыми потоками, спускающимися въ сторону Аракса. На концѣ одного изъ такихъ потоковъ и находится та крѣпость, въ которой мнѣ предстояло произвести раскопки [2]). На рисункѣ 21-мъ представленъ планъ этого укрѣпленія. По занимаемой площади укрѣпленіе сравнительно небольшое: длина его — 25 саж., ширина — 12 саж.; кругомъ идетъ стѣна изъ болѣе или менѣе гладко обтесанныхъ камней, мѣстами, въ особенности въ сѣверной части, значительно разрушенная. Съ южной стороны во всю ширину укрѣпленія идетъ ровъ, шириною $1\frac{1}{2}$ саж. и глубиною около 1 саж. Внутри укрѣпленіе подраздѣлено на 7 отдѣленій, изъ которыхъ средніе соединены между собою проходомъ въ 1 саж. ширины. Раскопки были заложены въ четырехъ мѣстахъ (на планѣ эти мѣста представлены черными): въ самомъ нижнемъ (южномъ) лѣвомъ отдѣленіи, затѣмъ— въ среднемъ, далѣе — въ третьемъ и, наконецъ, въ томъ полукругѣ, которымъ оканчивается укрѣпленіе. Стѣны, какъ оказалось въ результатѣ раскопокъ, углубляются до 2 саж. Въ третьемъ отдѣленіи (гдѣ на планѣ виденъ треугольникъ) встрѣтились при раскопкѣ два громадныхъ цѣльныхъ камня, примыкавшихъ къ третьей, сложенной изъ отдѣльныхъ гладкихъ камней, стѣнѣ такимъ образомъ, что вмѣстѣ съ нею они образуютъ треугольникъ, постепенно

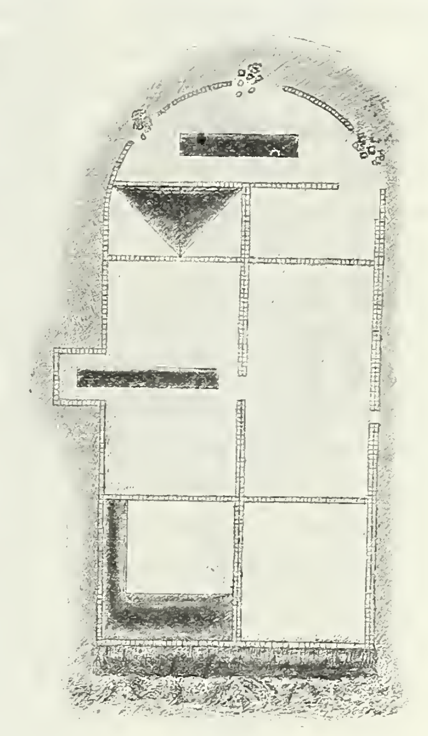

Рис. 21. Планъ крѣпости около Ташбурунской клинообразной надписи.

[1]) *А. А. Иностранцевъ*. Геологія, т. II, стр. 418.

[2]) Фотографіи приложены къ отчету М. В. Никольскаго.

суживающійся книзу. Вверху сторона этого треугольника равна 3 саж., а внизу, на глубинѣ 2 саж., только 1 сажени. При раскопкахъ въ большомъ количествѣ были находимы обломки сосудовъ, о формѣ которыхъ трудно судить: кромѣ того, были находимы въ большомъ числѣ части стеклянныхъ браслетъ, а при раскопкахъ въ нижнемъ (южномъ) отдѣленіи и въ треугольникѣ найдены два тундыря и карасъ, точно такіе же, какіе и теперь употребляются армянами. Раскопки не дали ни одного предмета, позволявшаго бы съ большей или меньшею точностью опредѣлить эпоху.

На холмѣ, лежащемъ рядомъ съ этимъ, точно также сохранились слѣды укрѣпленія, по формѣ своей представляющаго полную аналогію разрытому.

Съ холма я перенесъ раскопки къ востоку отъ Ташбуруна, въ верстахъ 3 отъ него, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ мѣстныхъ жителей, былъ найденъ камень съ клинообразною надписью царя Менуа, долгое время служившій одному армянину ступой для толченія соли и только при насъ отобранный у него (подробности см. въ отчетѣ М. В. Никольскаго). Раскопки обнаружили громадное зданіе, въ 13 саж. длиною и въ 9 саж. шириною (см. планъ на 22 мъ рисункѣ). Стѣны зданія выложены въ два ряда изъ правильныхъ каменныхъ кубиковъ (*a*) изъ черно-синеватой базальтовой лавы. Сторона кубика—1 аршинъ. Въ землю стѣны углубляются на 4 аршина. Все зданіе подраздѣлено на 8 комнатъ, соединенныхъ между собою узкими, вездѣ не шире 1 аршина, проходами. Полъ выложенъ глиняными, въ 8 вершковъ длины и 6 вершковъ ширины, кирпичными плитками (*b*). Поверхность ихъ прекрасно отполирована, и крестъ-на-крестъ на ней идутъ небольшія углубленія желобками. Кирпичи пригнаны другъ къ другу очень плотно, и когда при раскопкахъ ихъ очищали отъ земли, не трогая ихъ самихъ, они производили впечатлѣніе прекраснаго паркетнаго пола. Во всѣхъ комнатахъ, прилегающихъ къ наружнымъ стѣнамъ, по два окна, на высотѣ отъ пола 2 аршинъ, величиною какъ-разъ въ каменный кубикъ, который, кажется, какъ бы вынутъ изъ стѣны. По угламъ комнатъ, обращенныхъ къ сѣверу, найдены тундыри, $1^1/_2$ арш. въ діаметрѣ. Въ двухъ углахъ другихъ комнатъ лежали кучи кирпичей, указывавшія какъ бы на существованіе тутъ печей. По правую и лѣвую сторону входныхъ дверей средней комнаты, обращенной на востокъ, найдено по каменной колоннѣ (въ $1^1/_2$ арш. вышины), имѣющей форму, представленную на рис. *c*, и по каменной же, повидимому, подставкѣ къ этимъ колоннамъ (см. рис. *d*). Никакихъ вещей сверхъ этого найдено не было.

Раскопки 1893 года были на этомъ прекращены. Въ 1894 г. раскопки, по порученію Московскаго Археологическаго Общества, продолжались. Въ эту поѣздку мнѣ сопутствовали членъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи В. А. Монастыревъ и, въ качествѣ рисовальщика, ученикъ выпускного класса Строгановскаго училища М. С. Шуваловъ. Кромѣ этихъ лицъ, выѣхавшихъ изъ Москвы вмѣстѣ со мной, въ Эривани къ намъ присоединился, въ качествѣ переводчика, смотритель Аштаракскаго училища (въ Эчміадзинскомъ уѣздѣ) М. Д. Маркарьянцъ, сопутствовавшій намъ съ М. В. Никольскимъ еще

въ прошломъ, 1893-мъ, году и, какъ тогда, такъ и теперь оказавшій незамѣнимыя услуги. По пріѣздѣ въ Ташбурунъ мы въ самомъ же началѣ нашихъ работъ принуждены были лишиться важной для насъ помощи рисовальщика г. Шувалова. Перемѣна климата, довольно сильная жара, стоявшая въ Эриванской равнинѣ (днемъ доходило до 50° Р.), обиліе нестерпимо кусающихъ и не дающихъ

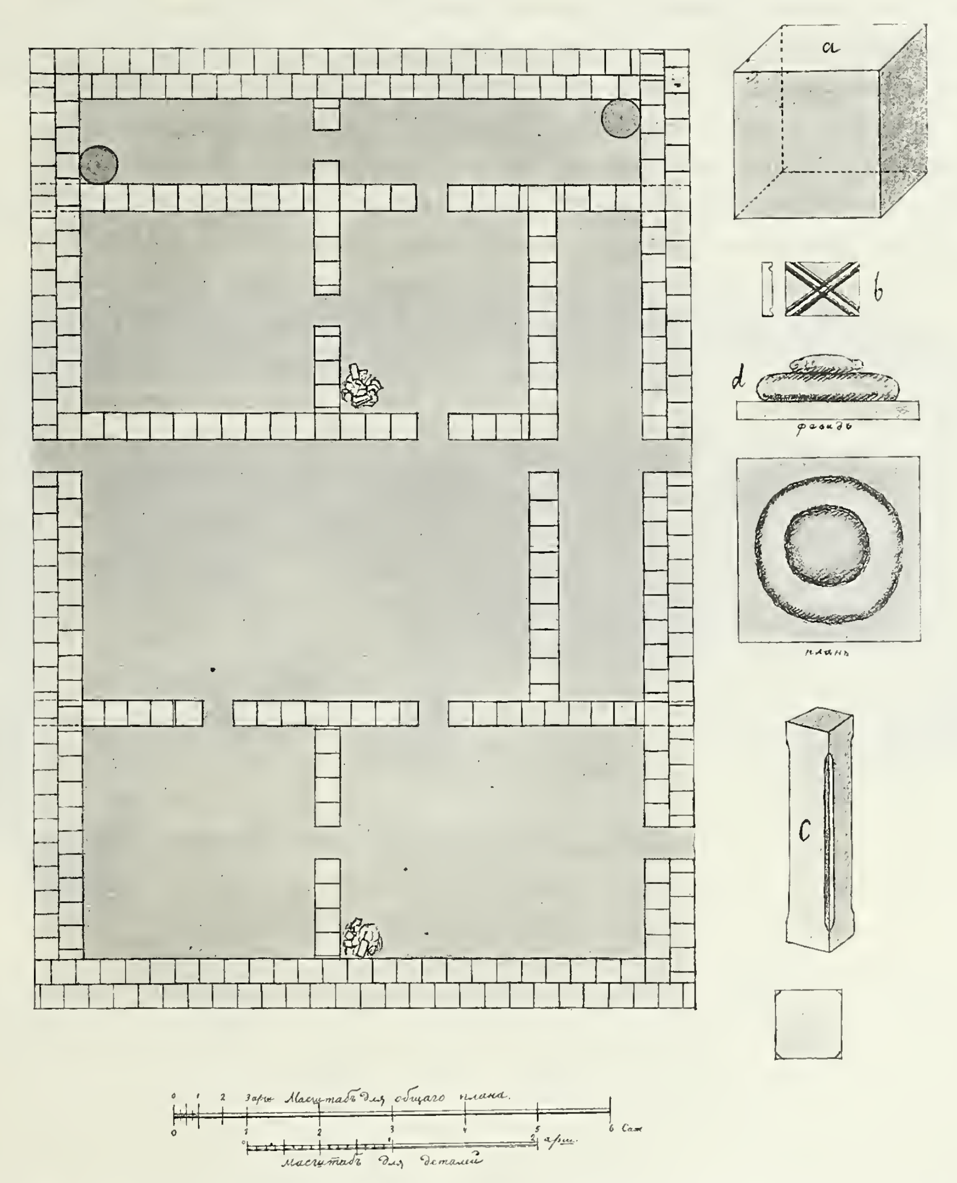

Рис. 22. Планъ разрытаго зданія на мѣстѣ, гдѣ, по разсказамъ, найденъ камень съ клинообразною надписью царя Менуа.

непривычному человѣку заснуть ночью мошекъ, отсутствіе хорошей воды и сноснаго питанія,—все это, въ соединеніи еще съ боязнью скорпіоновъ, фалангъ, тарантуловъ и змѣй, также въ большомъ изобиліи водящихся въ долинѣ Аракса, вредно отразилось на его здоровьѣ,—онъ схватилъ страшную лихорадку, съ каждымъ днемъ усиливавшуюся, и я, по совѣту пріѣзжавшаго къ больному сур-

малинскаго уѣзднаго врача, долженъ былъ отправить г. Шувалова обратно въ Москву. Вся же работа, предназначавшаяся на его долю (преимущественно составленіе и черченіе плановъ), была выполнена моимъ дѣятельнымъ помощникомъ В. А. Монастыревымъ, который, перенеся на мѣстѣ довольно мужественно всѣ указанныя неблагопріятныя условія, поплатился здоровьемъ за свое пребываніе въ долинѣ Аракса уже по возвращеніи въ Москву, проболѣвъ здѣсь продолжительное время. Помощь, оказанная мнѣ В. А. Монастыревымъ, была весьма существенна, и я не могу не выразить здѣсь ему моей самой искренней благодарности.

Раскопки 1894 года были начаты невдалекѣ отъ зданія, разрытаго въ прошломъ году, въ 30 саженяхъ отъ него по направленію къ востоку. Раскопки обнаружили зданіе, назначеніе котораго трудно опредѣлить (планъ его см. на рис. 23-мъ). Стѣны выложены изъ необдѣланныхъ камней, различной величины, но подогнанныхъ такъ хорошо другъ къ другу, что какъ внутренняя, такъ и внѣшняя поверхность стѣнъ представляются ровными. Камни между собою ничѣмъ не цементированы. Ширина стѣнъ — $1^1/_2$ аршина. Стѣны углубляются въ землю въ западной половинѣ зданія на 1,3 сажени, въ восточной — немного болѣе, именно на 1,45 саж. Сѣверная стѣна зданія имѣетъ въ длину 7,3 саж. Приблизительно посрединѣ отъ сѣверной стѣны къ южной изъ такихъ-же необдѣланныхъ камней выложена поперечная стѣна, дѣлящая все внутреннее помѣщеніе на двѣ половины. Западная сторона этой поперечной стѣны сохранилась хорошо, восточная—разрушена. Между этой поперечной стѣной и сѣверной стѣной всего зданія существовалъ, повидимому, узкій проходъ, ведшій изъ одной половины зданія въ другую: часть его теперь завалена камнями. По направленію на востокъ зданіе нѣсколько расширяется: внутренняя сторона западной стѣны равна 2,3 саж,, западная сторона поперечной стѣны—2,6 саж. и внутренняя сторона восточной стѣны — 2,7 саж., т.-е. расширеніе достигаетъ 0,4 сажени. Поломъ служитъ грунтъ земли. Въ западной половинѣ зданія, въ мѣстахъ, обозначенныхъ на планѣ буквами *a* и *b*, найдены кучи мелкихъ обломковъ какого-то сосуда, вѣроятнѣе всего, караса. Другихъ вещественныхъ находокъ никакихъ не было.

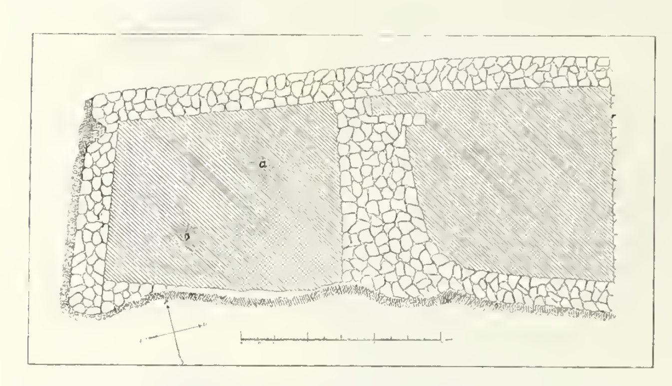

Рис. 23. Планъ зданія, разрытаго въ 30 саж. къ востоку отъ зданія, планъ котораго представленъ на рис. 22-мъ.

Послѣ раскопки вышеозначеннаго зданія былъ произведенъ рядъ пробныхъ раскопокъ, имѣвшихъ цѣлью обнаружить болѣе крупную постройку, съ стѣнами, сложенными изъ обдѣланныхъ камней. Послѣдніе были встрѣчены въ 10 саженяхъ къ сѣверу отъ зданія, открытаго изъ-подъ земли въ прошломъ году. Здѣсь

и начаты были раскопки, занявшія у экспедиціи большую часть времени, бывшаго въ ея распоряженіи лѣтомъ этого года. Раскопки съ самаго же начала позволяли предполагать, что мы удачно попали на мѣсто, какого искали. И дѣйствительно, чѣмъ дальше онѣ шли и чѣмъ больше обнаруживались изъ-подъ земли стѣны, тѣмъ болѣе росло у насъ убѣжденіе, что мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то грандіознымъ по размѣрамъ зданіемъ. Результатъ раскопокъ не разочаровалъ насъ. Представляя на рис. 24-мъ планъ этого зданія, остановимся подробнѣе на его описаніи. Зданіе имѣетъ въ длину (въ направленіи съ запада на востокъ) немного менѣе 15-ти саженей. Длина западной стѣны—9,3 саж., ширина ея—1 саж. Стѣна эта сложена изъ крупныхъ камней (черно-синеватая базальтовая лава), хорошо обдѣланныхъ, кубической формы, не одинаковыхъ размѣровъ. Камни лежатъ въ два ряда, плотно прилегая другъ къ другу; ничѣмъ не цементированы.

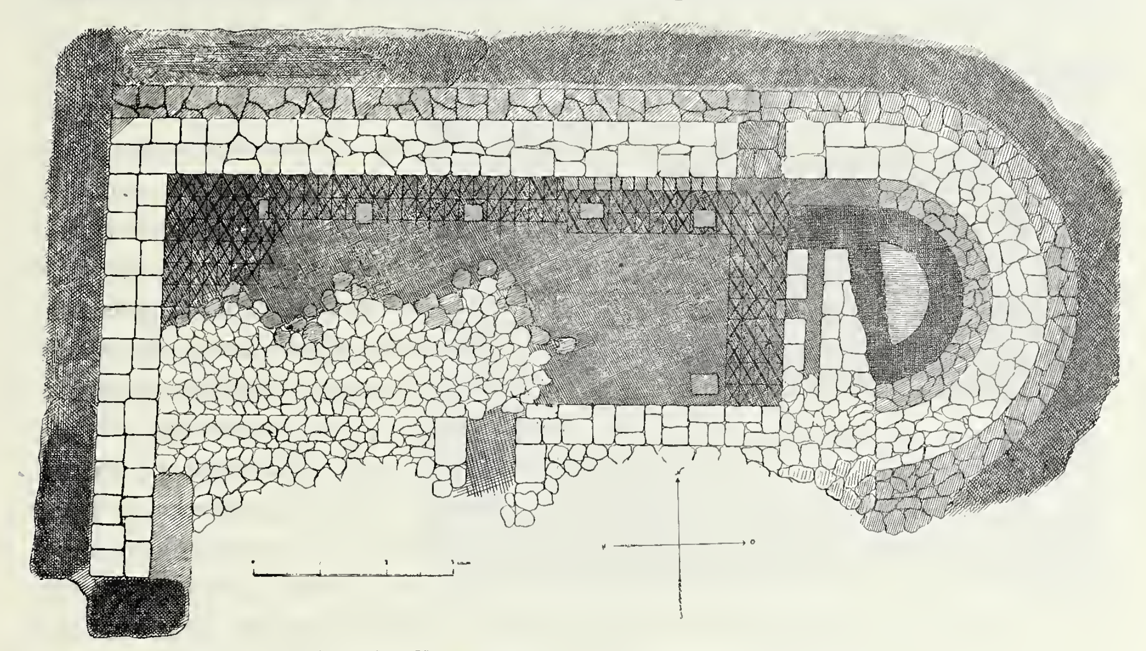

Рис. 24. Планъ зданія, отрытаго въ 1894 году.

Внутренняя и внѣшняя поверхность стѣны въ общемъ ровная, исключая небольшихъ углубленій и щелей въ мѣстахъ соединенія камней между собою. Высота стѣны—1,6 саж. Кладка стѣны начинается не на поверхности земли, а на нѣкоторой глубинѣ. Повидимому, для фундамента вырывалось предварительно углубленіе въ 2 сажени шириною и нѣсколько болѣе $^1/_2$ сажени (0,6 саж.) глубиною. Основаніемъ для подобнаго предположенія служитъ бо́льшая рыхлость земли въ данномъ мѣстѣ по сравненію ея съ плотностью обычнаго грунта въ этой мѣстности. Одна половина этого углубленія, шириною въ одну сажень, закладывалась камнями; другая половина его, шириною также въ одну сажень, можно думать, служила для облегченія работъ по укладкѣ камней. Подобное углубленіе, какъ показали дальнѣйшія раскопки, идетъ кругомъ всего зданія. Оставлялось ли это углубленіе у наружной стѣны послѣ возведенія фундамента, или же засыпалось землею и сравнивалось съ прилегающею поверхностью, трудно сказать. Съ

восточной стороны (со стороны внутренности зданія) стѣна возвышается на одну сажень. Сѣверная стѣна зданія по способу кладки камней представляетъ нѣкоторыя особенности, отличающія ее отъ описанной западной стѣны. Одна изъ этихъ особенностей состоитъ въ томъ, что стѣна эта не на всемъ своемъ протяженіи выложена двумя рядами камней, плотно, какъ въ западной стѣнѣ, прилегающихъ другъ къ другу,—мѣстами между внутреннимъ и внѣшнимъ рядами камней оставались пустыя пространства, которыя заполнялись уже не обдѣланными камнями (такое же явленіе, еще болѣе рѣзко выраженное, было замѣчено и при раскопкахъ восточной стѣны). Главная же особенность заключается въ томъ, что къ этой стѣнѣ съ наружной стороны примыкаетъ еще каменная кладка, шириною въ $1^1/_2$ аршина и высотою—1 арш., съ ровными какъ верхнею, такъ и боковою поверхностями. Подобная каменная кладка охватывала все зданіе, какъ съ сѣверной, такъ съ восточной и, повидимому, южной сторонъ. На разстояніи почти $9^1/_2$ саж. отъ западнаго конца сѣверная стѣна прерывается проходомъ, шириною въ 2 слишкомъ арш., лежащимъ на уровнѣ каменной кладки, возвышающейся, какъ было сказано, на 1 арш. Около этого прохода, съ внѣшней стороны стѣны, найдены два камня съ вырѣзками по одному ихъ краю (см. рис. 25). Не было ли необходимости въ этихъ вырѣзкахъ при устройствѣ входныхъ дверей? Отъ указаннаго выше прохода стѣна на протяженіи $1^1/_2$ саж. идетъ все по прямому направленію (на востокъ), но затѣмъ начинаетъ загибаться на юго-востокъ, и вся восточная стѣна представляетъ собою правильный полукругъ. При соединеніи этого полукруга съ южной стѣной правильность кладки нарушается; стѣна въ этомъ мѣстѣ разрушена, и оно завалено кучею необдѣланныхъ камней. Далѣе по направленію къ западу опять ясно выступаетъ правильная кладка изъ хорошо обдѣланныхъ камней, тянущаяся на протяженіи почти 4-хъ саженей, а затѣмъ стѣна прерывается такимъ же проходомъ, какъ и на сѣверной сторонѣ, съ тою только разницею, что онъ на одинъ аршинъ глубже послѣдняго и лежитъ на одномъ уровнѣ съ поломъ внутри зданія. Отъ этого прохода вплоть до своего конца стѣна сильно разрушена. На мѣстѣ ея и кругомъ навалена груда камней, и, что любопытно, среди нихъ нѣтъ совсѣмъ тѣхъ правильныхъ кубиковъ, изъ которыхъ сложены всѣ стѣны зданія,—очевидно, они увезены отсюда. Къ югу отъ западнаго конца южной стѣны, судя по рыхлой землѣ, было вырыто углубленіе на $^1/_2$ саж. Внутри зданія всѣ стѣны возвышаются на одну сажень. О внутреннемъ видѣ разрытаго зданія можно судить какъ по вышеприведенному плану, такъ и по прилагаемымъ фотографіямъ (см. рис. 26 и 27). Полъ внутренняго помѣщенія былъ выложенъ такими же кирпичными плитками, какія были находимы и при раскопкахъ 1893 года (см. *b* на рис. 22-мъ). На поверхности и этихъ пли-

Рис. 25. Камни, отрытые около прохода въ сѣверной стѣнѣ.

токъ также имѣются вышеописанные желобки, пересѣкающіеся крестъ-на-крестъ. Въ большомъ количествѣ цѣльныя плитки были встрѣчены въ сѣверо-западномъ углу зданія; вдоль сѣверной стѣны онѣ шли въ два ряда, а вдоль восточной—въ четыре ряда. Но судя по массѣ обломковъ ихъ, найденныхъ на остальномъ пространствѣ, можно предполагать, что подобныя плитки покрывали весь полъ. Вдоль сѣверной стѣны, на разстояніи немного болѣе 4-хъ аршинъ другъ отъ друга, встрѣчены пять большихъ, хорошо отполированныхъ камней изъ той же черно-синеватой базальтовой лавы, изъ которой сложены стѣны зданія. Камни врыты въ землю на глубину 2 — 3 четвертей, возвышаясь надъ поверхностью пола на $1^1/_2$—2 четверти. Верхняя поверхность этихъ камней совершенно плоская, квадратной или совершенно продолговатой формы, съ очень слабо округленными краями. Продолговатую форму имѣютъ четыре камня изъ пяти, квадратную—только одинъ (второй отъ западной стѣны). Противъ 5-го (восточнаго) камня на противоположной сторонѣ, у южной стѣны, также врытъ подобный же камень. Идутъ ли вообще вдоль южной стѣны такіе камни, съ положительностью сказать нельзя, потому что, какъ упоминалось выше, стѣна эта сильно разрушена и кругомъ ея навалена груда камней. Служили ли эти камни пьедесталами для колоннъ или назначеніе

Рис. 26. Внутренній видъ разрытаго зданія.

ихъ было какое-либо иное, я не берусь рѣшить. Необходимо отмѣтить, что вдоль сѣверной стѣны, начиная отъ прохода въ ней по направленію къ западу, идетъ также рядъ подобныхъ камней (числомъ 12), но почти вдвое меньшей величины; камни плотно прилегаютъ какъ другъ къ другу, такъ и къ самой стѣнѣ (см. рис. 26). Восточная стѣна зданія, какъ уже говорилось, образуетъ собою полукругъ. Внутри этого полукруга встрѣтились архитектурныя особенности, отличающія восточную часть зданія отъ западной. Во-первыхъ, къ внутренней стѣнѣ ея прилегаетъ такая же каменная кладка, въ 1 арш. высотою, какая окружаетъ восточную и сѣверную стѣны съ наружной стороны. Затѣмъ отъ входа въ сѣверной стѣнѣ къ юго-востоку, на разстояніи немного болѣе одной сажени отъ него, стоятъ рядомъ положенные другъ-на друга четыре камня, гладко отесанные въ форму правильнаго куба, сторона котораго равна одному аршину. За этими двумя парами кубическихъ камней, къ югу, оставленъ узкій

(у́же аршина) проходъ, передъ которымъ съ западной стороны положенъ небольшой плоскій камень, служившій, быть-можетъ, ступенькой. Далѣе къ югу, за проходомъ, возвышаются опять двѣ пары такихъ же камней, какъ и къ сѣверу отъ прохода. Остальное пространство вплоть до стѣны завалено камнями. Къ востоку отъ указанныхъ четырехъ паръ камней опять идетъ узкій, немного менѣе аршина, проходъ, а за нимъ вновь возвышается на два аршина каменная стѣна, шириною болѣе двухъ аршинъ (у южнаго конца). Начинается эта стѣна на такомъ же разстояніи отъ сѣверной стѣны зданія, какъ и вышеописанныя двѣ пары камней; противоположная ея сторона, повидимому (говорю „повидимому“, такъ какъ стѣна здѣсь разрушена), примыкала вплотную къ южной стѣнѣ зданія. Восточная часть этой поперечной стѣны частью разрушена. Все пространство между этою поперечною стѣною и стѣною, идущей полукругомъ, заполнено землею, въ которой ничего не найдено. Бѣлымъ полукругомъ на планѣ (см. рис. 24) означена часть оставшейся земли, отъ которой не была здѣсь очищена внутренность зданія, — многочисленныя пробы желѣзнымъ щупомъ не обнаружили въ этой кучѣ оставшейся земли никакого твердаго предмета, и работа по выбрасыванію ея была признана излишней.

Рис. 27. Внутренній видъ разрытаго зданія.

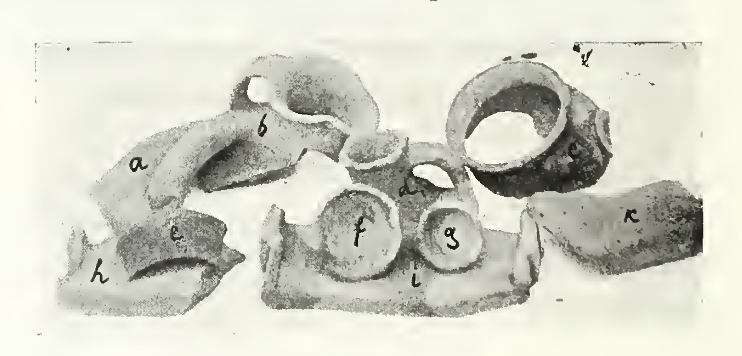

Рис. 28. Вещи, найденныя при раскопкахъ зданія, планъ котораго представленъ на рис. 24-мъ.

Вещественными находками раскопки были крайне бѣдны. Въ разныхъ мѣстахъ внутри зданія были найдены пять обломковъ глиняныхъ сосудовъ (см. *a b, c, d* и *e* на рис. 28-мъ) и двѣ маленькихъ глиняныхъ чашечки (*f* и *g* на рис. 28-мъ). Немаловажное значеніе находокъ этихъ сосудовъ для меня выяснилось только два года спустя, когда я произвелъ раскопки многочисленныхъ могилъ,

такъ называемыхъ „каменныхъ ящиковъ", въ Елисаветпольской губернiи. Сосуды и ихъ обломки, найденные при раскопкѣ описываемаго зданiя, обнаружили полнѣйшее сходство по формѣ и матерiалу, изъ котораго они сдѣланы, съ многими изъ сосудовъ, найденныхъ въ такомъ большомъ количествѣ при раскопкахъ „каменныхъ ящиковъ" въ Елисаветпольской губ. (см. ниже въ описанiи этихъ раскопокъ). Трудно опредѣлить назначенiе предметовъ, обозначенныхъ на рис. 28-мъ буквами *h* и *i*; ихъ найдено всего два экземпляра, одинъ—цѣльный (*i*), другой—сломаный (*h*). Это—глиняныя дощечки (изъ обожженной глины), $1^1/_2$ сант. толщиною, 40—41 сант. въ длину и 17 сант. въ ширину; края ихъ съ двухъ сторонъ загнуты подъ прямымъ угломъ и возвышаются надъ поверхностью дощечки на 2 сант. Для выдѣлки этихъ дощечекъ служила, повидимому, опредѣленныхъ размѣровъ форма, такъ какъ измѣренiя того и другого экземпляра дали для различныхъ соотвѣтственныхъ дiаметровъ совершенно одинаковыя величины. Загнутыми краями дощечки хорошо зацѣпляются одна за другую и не отпадаютъ одна отъ другой даже при вертикальномъ положенiи. Изъ предметовъ, изображенныхъ на 28-мъ рисункѣ, остается еще указать на небольшую каменную плитку (*k*), съ гладко обточенной верхней, нѣсколько вогнутой, поверхностью. Не служила ли эта плитка просто точильнымъ камнемъ? Большое наше вниманiе обратилъ на себя каменный предметъ, представленный на рис. 29-мъ. Онъ былъ найденъ внутри зданiя около сѣверной стѣны, недалеко отъ входа. Наибольшiй дiаметръ его—1 арш. Сначала онъ былъ принятъ нами за обломанный крестъ, но позднѣйшая находка другого предмета, очень похожаго на этотъ, найденнаго около поперечной стѣны внутри зданiя (см. *a* на рис. 30-мъ), заставила усумниться въ вѣрности первоначальнаго предположенiя. Этотъ второй камень не такъ чисто и тщательно обдѣланъ, какъ первый, но на верхней поверхности его ясно выступаетъ одна особенность, которая съ трудомъ различалась на первомъ камнѣ, а именно небольшое углубленiе, идущее сводомъ съ одной стороны на другую и предназначенное, повидимому, для постановки на него еще какого-либо предмета. Мнѣ кажется, будетъ ближе къ истинѣ, если, откинувъ мысль о крестѣ, видѣть въ этихъ двухъ камняхъ просто какiя-либо архитектурныя принадлежности разрытаго зданiя. Изъ другихъ находокъ, представленныхъ на 30-мъ рис., обратимъ вниманiе на обломокъ шестигранной каменной колонны (*b*) съ дiаметромъ въ $^3/_4$ аршина, на небольшой обломокъ четырехграннаго камня (*h*), представляющаго въ поперечномъ разрѣзѣ форму трапецiи, на обломокъ, повидимому, отъ такого же камня (*g*) и на предметы *d*, *e* и *f*, сдѣланные изъ глины и служившiе, очевидно, архитектурными украшенiями. Наконецъ, въ большомъ количествѣ (въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ), отчасти въ цѣломъ видѣ, большею же частью въ разбитомъ, найдены гли-

Рис. 29. Каменный предметъ, найденный при раскопкахъ зданiя.

няные желоба (*c* на рис. 30-мъ), съ вогнутою полукругомъ внутреннею поверхностью, суживающіеся отъ одного конца къ другому такъ, что суженный край одного желоба плотно укладывается въ болѣе широкій край другого. Желоба эти были находимы въ разбросанномъ видѣ какъ внутри зданія, преимущественно около стѣнъ его, такъ и снаружи, также около стѣнъ его. Сомкнутые своими краями (узкими съ болѣе широкими), подобные желоба прекрасно могли служить для стока по нимъ воды.

Указанными предметами и исчерпываются всѣ наши находки, добытыя при раскопкахъ вышеописаннаго зданія. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что земля погребла въ себѣ это зданіе уже послѣ того, какъ оно было разграблено, и все болѣе цѣнное и годное для тѣхъ или иныхъ цѣлей было увезено и унесено. Едва-ли можно сомнѣваться также въ томъ, что разрытое нами зданіе представляетъ одно изъ грандіознѣйшихъ сооруженій погребеннаго подъ землей

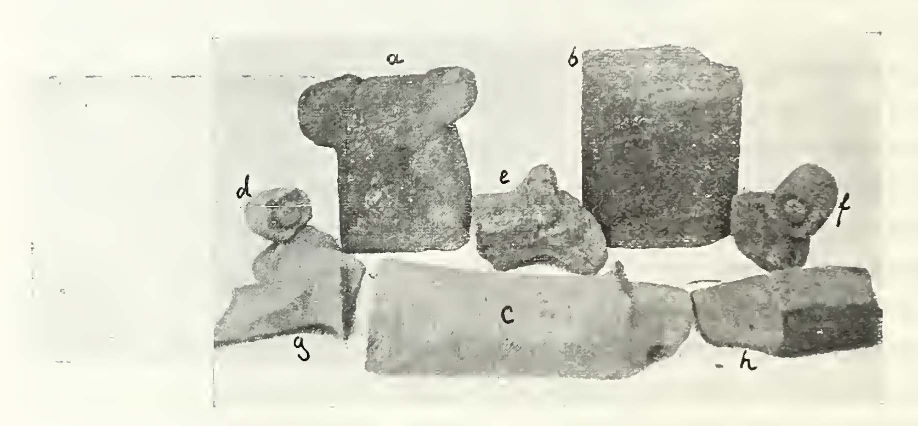

Рис. 30. Вещи, найденныя при раскопкахъ зданія, планъ котораго представленъ на рис. 24-мъ.

города. Вѣроятнѣе всего предполагать, что оно служило въ свое время или храмомъ, или какимъ-либо другимъ важнымъ общественнымъ зданіемъ.

Дальнѣйшія раскопки имѣли цѣлью выяснить характеръ ближайшихъ къ открытому зданію построекъ. Раскопками была захвачена площадь почти въ 1.500 кв. саж. (болѣе 50 саж. въ направленіи съ востока на западъ и около 30 саж. съ юга на сѣверъ). Планъ этихъ раскопокъ представленъ на рис. 31-мъ. Сначала были прорыты во всѣ стороны отъ раскопаннаго зданія различной длины траншеи съ цѣлью найти ту или иную ближайшую постройку. Траншеями (№№ 1 и 2 на планѣ) на востокъ отъ зданія (длиною 10 саж., шириною 1 арш. и глубиною $1^1/_2$ арш.) и на сѣверо-востокъ отъ него (длиною 15 саж. и такой-же ширины и глубины, какъ предыдущая) не было обнаружено никакой постройки; точно также безрезультатно были поиски къ югу отъ зданія (траншея—№ 3—была проведена здѣсь на протяженіи 10 саж., начиная отъ мѣста входа въ южной стѣнѣ до зданія, разрытаго въ прошломъ, 1893-мъ году). Слѣдующую, 4-ую, траншею повели отъ юго-западнаго угла зданія на западъ,

сначала шириною въ 2 арш. на протяженіи 7 саж., а затѣмъ шириною въ 1 арш. еще на протяженіи 19 саж. (глубина всѣхъ траншей была $1^1/_2$ арш.), и также не встрѣтили никакихъ слѣдовъ кладки. Отъ этой южной траншеи были проведены по направленію на югъ еще двѣ траншеи (№№ 5 и 6), длиною въ 2 саж. каждая, на разстояніи почти 9 саж. одна отъ другой, и также безъ результата. Наконецъ, была обнаружена стѣна зданія при проведеніи траншеи (№ 7) отъ той же длинной южной траншеи (№ 4) къ сѣверу, въ разстояніи $4^1/_2$ саж. отъ послѣдней. Стѣны зданія (*a*) оказались сложенными изъ такихъ-же большихъ камней, какъ и перваго разрытаго громаднаго зданія, съ тою разницею, что камни эти были обдѣланы не съ четырехъ сторонъ, а только съ одной, лицевой, выходившей внутрь или наружу зданія. Камни, по большей части, сложены въ два ряда, при чемъ пустыя мѣста между большими камнями были зава-

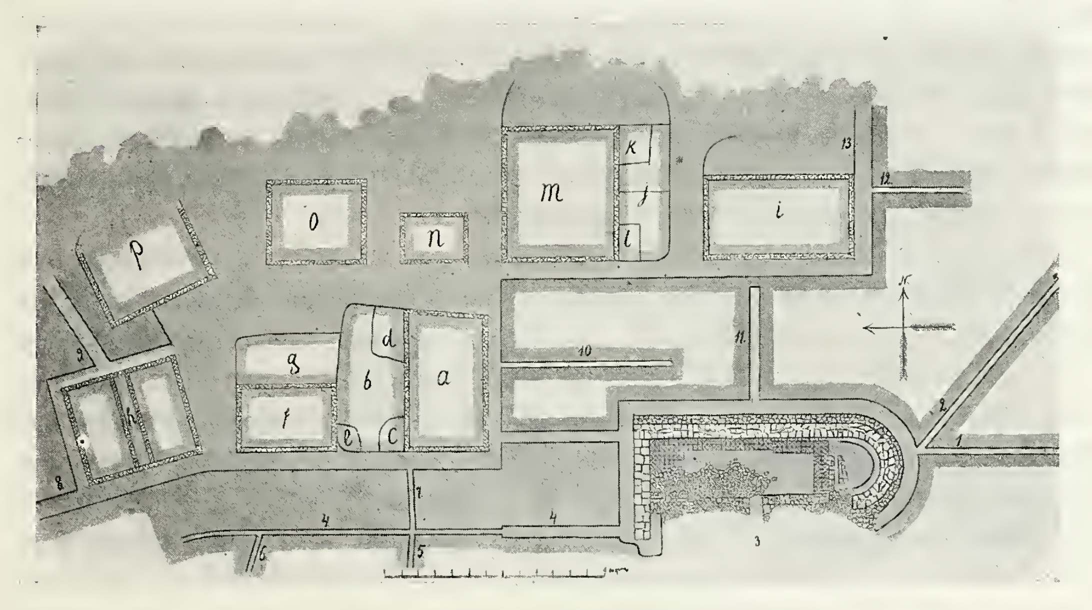

Рис. 31. Планъ раскопокъ 1894 года.

лены болѣе мелкими. Высота стѣнъ—$1^1/_2$ сажени, ширина—2 арш. Сѣверная и южная стѣны имѣютъ въ длину по 5 саж., восточная—8 саж., а западная—9 саж., такъ что зданіе не имѣетъ формы правильнаго четыреугольника, а расширяется по направленію къ западу на одну сажень. Въ восточной стѣнѣ, на разстояніи 3-хъ саженей отъ сѣверной, находилось, повидимому, окно или дверь, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ стѣны обнаружена большая дыра съ выпавшими по краямъ ея камнями. Въ той же восточной стѣнѣ, въ разстояніи одной сажени отъ южной стѣны, встрѣчено на высотѣ 2-хъ аршинъ отъ полу почти квадратное отверстіе, имѣющее въ высоту 1 арш., а въ ширину 15 вершковъ. Такой же величины два отверстія и на такой же высотѣ надъ поломъ имѣются въ южной стѣнѣ, посрединѣ ея, на разстояніи 1-ой сажени одно отъ другого. Сѣверная и западная стѣны совершенно цѣльныя; никакихъ отверстій въ нихъ не найдено. Полъ зданія убитъ глиной, слоемъ въ одинъ вершокъ.

Къ только-что описанному зданію примыкаетъ съ западной стороны другое (*b*) или, вѣрнѣе, часть же его, но стѣны здѣсь тоньше, всего въ 1 аршинъ, сложены изъ необдѣланныхъ мелкихъ камней и во многихъ мѣстахъ сильно разрушены. Ширина этой пристройки 4 саж.; къ западу она расширяется; углы западной стѣны не острые, а закругленные. Въ пристройкѣ имѣются три отдѣленія (*c*, *d*, и *e*), стѣны которыхъ выложены изъ такихъ же небольшихъ необдѣланныхъ камней и такой же ширины, какъ и въ самой пристройкѣ. Въ отдѣленіи *c*, съ сѣверной стороны, около западной стѣны зданія *a*, хорошо сохранился проходъ, въ $1\frac{1}{2}$ арш. шириною.

При дальнѣйшихъ раскопкахъ, продолженныхъ на западъ, опять обнаружены такія же стѣны, какъ и въ зданіи *a*, той же 2-аршинной ширины и также въ $1\frac{1}{2}$ саж. высоты. Длина разрытой постройки (*f*) оказалась равной 6-ти саж., а ширина – 4 саж.; въ южной стѣнѣ ея, на разстояніи $1\frac{1}{2}$ саж. отъ западной стѣны, имѣется такое же отверстіе, какія были встрѣчены ранѣе въ постройкѣ *a*, только нѣсколько больше, а именно правильный квадратъ съ сторонами, равными каждая 1 арш. 5 верш. Къ сѣверной стѣнѣ этой постройки примыкаетъ тоже пристройка, такой же длины, какъ она, но нѣсколько уже (3 саж.), съ совершенно такими же стѣнами, какъ у пристройки *b*.

При продолженіи раскопокъ еще далѣе на западъ, въ разстояніи 2-хъ саженей отъ юго-западнаго угла зданія *f*, была встрѣчена еще постройка (*h*), длиною въ 7 саж. и шириною въ 6 саж., стѣны которой выложены по образцу *a* и *f* и идутъ не параллельно стѣнамъ этихъ двухъ послѣднихъ построекъ, а подъ нѣкоторымъ къ нимъ угломъ, имѣя направленіе, показанное на планѣ. Никакихъ отверстій, которыя можно было бы принять за окна или двери, въ стѣнахъ (высота ихъ также $1\frac{1}{2}$ саж.) не встрѣчено. Посрединѣ зданія идутъ двѣ поперечныхъ стѣны, съ разстояніемъ между ними въ 2 арш., сложенныхъ точно такимъ же образомъ, какъ и внѣшнія стѣны. Стѣны эти также совершенно цѣльныя, и изъ отдѣленія, образуемаго ими, нѣтъ иного выхода, какъ черезъ самыя стѣны.

Проведенныя отъ этого послѣдняго зданія (*h*) траншея на западъ (№ 8) и траншея на сѣверо-западъ (№ 9), длиною первая въ 10, а вторая въ 12 саж., не обнаружили слѣдовъ построекъ. Также безрезультатны были и траншея № 10, прорытая на 10 саж. къ востоку отъ зданія *a*, и траншея № 11, идущая на 7 саж. на сѣверъ отъ большого зданія. Только при пробной раскопкѣ еще сѣвернѣе этой послѣдней траншеи вновь показалась знакомая намъ каменная кладка. Зданіе (*i*), по очисткѣ отъ земли его стѣнъ, оказалось имѣющимъ въ длину (съ запада на востокъ) 9 саж. и въ ширину 5 саж. Стѣны, какъ и предыдущихъ построекъ, сложены въ два ряда изъ большихъ камней, съ одной только обтесанной стороной; ширина ихъ—2 аршина; высота колеблется около $1\frac{1}{2}$ саж., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ немного не достигая этой высоты, въ другой нѣсколько превышая ее. Въ срединѣ западной стѣны, повидимому, существовалъ проходъ; здѣсь правильная кладка камней, съ сглаженной ихъ верхнею поверх-

ностью, возвышается на протяженіи полутора аршина только на 1 арш, а выше камни лежатъ въ безпорядкѣ, очевидно, обвалившись сверху и съ боковъ. Въ южной стѣнѣ, на равномъ разстояніи отъ концовъ ея и на разстояніи 4-хъ аршинъ другъ отъ друга, на высотѣ 2-хъ аршинъ, имѣются такія же отверстія въ 1 квадр. аршинъ, какія ранѣе были находимы въ постройкахъ *a* и *f*. Отъ сѣверо-западнаго угла зданія идетъ сначала къ сѣверу, загибаясь потомъ къ востоку, стѣна такой-же кладки, какая описана въ пристройкахъ *b* и *g*; она скоро прерывается, и къ востоку отъ нея встрѣчены въ небольшомъ количествѣ только отдѣльно лежащіе камни; вѣроятнѣе всего, камни отсюда увезены впослѣдствіи.

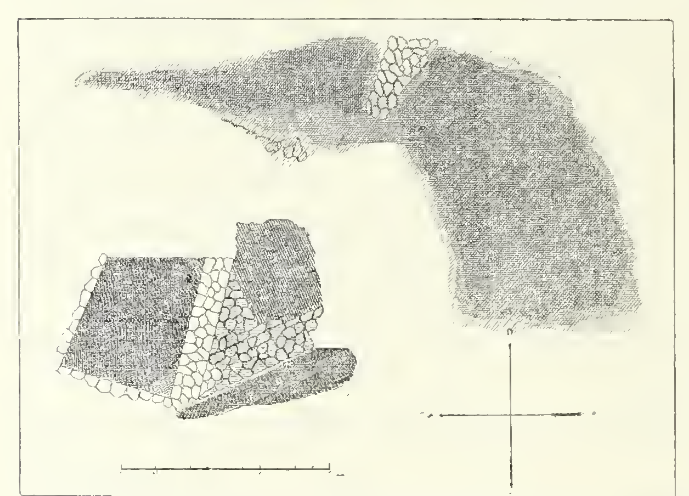
Траншея (№ 12) къ востоку отъ зданія *i*, длиною въ 4 саж., и траншея (№ 13) къ сѣверу отъ него, длиною въ 7 саж., не встрѣтили каменной кладки. Таковая была обнаружена при раскопкахъ къ западу отъ зданія *i*. Здѣсь, въ 2-хъ саженяхъ отъ послѣдняго, встрѣчена постройка (*j*) такого же типа, какъ вышеописанныя постройки *b* и *g*. Длина ея (съ юга на сѣверъ)—8 саж., ширина—3 саж.; по срединѣ она перерѣзана стѣной, идущей съ запада на востокъ, на двѣ половины; въ каждой изъ послѣднихъ имѣются небольшія отдѣленія *k* и *l*. Стѣны во многихъ мѣстахъ разрушены, но камни, составлявшіе ихъ, остаются на мѣстѣ. Юго-восточный уголъ закругленъ, углы же внутреннихъ отдѣленій *k* и *l* прямые. Эта постройка на западѣ примыкаетъ къ другой (*m*), типа построекъ *a*, *f*, *h* и *i*; длина послѣдней—8 саж., ширина—7 саж. Въ южной стѣнѣ ея, какъ и зданія *i*, имѣются два квадратныхъ отверстія въ 1 арш., также на разстояніи 4-хъ аршинъ одно отъ другаго и на равныхъ разстояніяхъ отъ концовъ стѣны. За входъ въ зданіе можетъ быть принято отверстіе въ западной стѣнѣ, въ $1^1/_2$ саж. отъ ея южнаго конца, найденное въ точно такомъ же состояніи, какъ вышеописанное входное отверстіе въ зданіи *i*. Отъ сѣверо-западнаго угла этого зданія и отъ сѣверо-восточнаго угла прилегающей къ нему постройки *j* идетъ на сѣверъ полукругомъ стѣна, сложенная по образцу стѣнъ построекъ *b* и *j*; по мѣрѣ удаленія къ сѣверу части этой стѣны становятся все болѣе разрушенными и, наконецъ, прерываются совсѣмъ, и по той линіи на сѣверъ, гдѣ, можно предполагать, проходила ранѣе стѣна, сохранилось только нѣсколько отдѣльныхъ камней.

Къ западу отъ зданія *m*, съ промежутками въ 2 сажени, обнаружены при раскопкахъ еще двѣ постройки (*n* и *o*); первая изъ нихъ (*n*), сравнительно со всѣми разрытыми постройками, очень небольшая: длина ея—4 саж., ширина—3 саж., другая (*o*) больше и, при ширинѣ въ 5 саж., имѣетъ длину въ 6 саж. Стѣны ихъ по матеріалу, изъ котораго сложены, по способу кладки, по высотѣ и ширинѣ совершенно сходны съ стѣнами построекъ *a*, *f*, *h*, *i* и *m*. Никакихъ отверстій въ стѣнахъ того и другого зданія не встрѣчено, со всѣхъ сторонъ онѣ цѣльныя. Наконецъ, еще далѣе къ западу была открыта постройка *p*, 7 саж. въ длину и 5 саж. въ ширину. Особенность этой постройки та, что ея сѣверная стѣна была, повидимому, не прямая, а изогнутая, на что указываетъ

остатокъ этой стѣны, сохранившійся у сѣвернаго конца западной стѣны; на остальномъ протяженіи отъ этой стѣны уцѣлѣло только нѣсколько камней.

Зданіемъ *p* были закончены раскопки этой громадной площади. Если не считать грандіознаго зданія, находящагося въ юго-восточномъ углу разрытой площади, всѣ остальныя обнаруженныя на ней постройки могутъ быть подраздѣлены на два типа: однѣ—съ стѣнами въ 2 арш. толщины, сложенными изъ большихъ камней, другія—съ стѣнами меньшей толщины, всего въ 1 арш., построенными изъ болѣе мелкихъ камней. Полъ первыхъ во всѣхъ случаяхъ былъ убитъ глиной слоемъ въ 1 вершокъ, тогда какъ въ постройкахъ второго типа присутствія глины на полу ни разу не было замѣчено; нельзя ли видѣть въ послѣднихъ пристройки къ жилымъ помѣщеніямъ, служившія для какихъ-либо хозяйственныхъ цѣлей. Вещественныхъ находокъ, къ сожалѣнію, не было сдѣлано никакихъ ни въ постройкахъ перваго, ни въ постройкахъ второго типа; единственное, что было находимо въ громадномъ количествѣ, это—обломки сосудовъ, но настолько мелкіе, что по нимъ нельзя составить представленія о формѣ самихъ сосудовъ.

Слѣдующая раскопка была произведена въ верстахъ полуторыхъ къ востоку отъ разрытой площади. Эта раскопка обнаружила только остатки стѣнъ (см. рис. 32), по которымъ нельзя возстановить самой постройки. Прежде всего здѣсь была обнаружена стѣна, 2-хъ аршинъ ширины, сложенная по образцу стѣнъ вышеописанныхъ построекъ; высота ея не превышала 1-ой саж. Длина стѣны только немного болѣе 2-хъ саж.; на сѣверѣ она сразу прерывается, и никакихъ слѣдовъ дальнѣйшей кладки не замѣтно. Отъ южнаго конца этой стѣны къ сѣверо-востоку, подъ острымъ къ ней угломъ, шла также, повидимому, стѣна, теперь сильно разрушенная; длина ея—около 2 саж., и дальше къ сѣверо востоку камней не найдено. Съ западной стороны замѣтны слѣды пристройки, на сѣверѣ также рѣзко обрывающейся. Въ разрытомъ пространствѣ къ сѣверо-востоку отсюда только въ 2 мѣстахъ обнаружена небольшая кладка. Почва здѣсь встрѣчена поразительно рыхлая, какой мы не наблюдали при прежнихъ раскопкахъ.

Рис. 32. Планъ раскопокъ, произведенныхъ въ $1^1/_2$ вер. къ востоку отъ мѣста предыдущихъ раскопокъ (рис. 31).

На рис. 33-мъ представленъ планъ раскопки, произведенной въ саженяхъ 150-ти къ сѣверо-востоку отъ предыдущей. При раскопкѣ этой встрѣченъ рядъ особенностей, не наблюдавшихся при прежнихъ раскопкахъ. Въ западной части разрытаго пространства обнаружена стѣна, идущая съ юга на сѣверъ (съ очень

незначительнымъ отклоненіемъ на востокъ), 4 арш. шириною, $1^1/_2$ саж. высотою и болѣе 6 саж. длиною. Стѣна, разрушенная въ своей южной части, на сѣверѣ отвѣсно обрывается. Съ западной стороны стѣны, у сѣвернаго конца ея, плотно прилегаютъ къ стѣнѣ, возвышаясь отъ начала ея кладки на землѣ на 1 арш., 4 обдѣланныхъ камня; меньшей величины 4 камня, положенныхъ въ рядъ, идутъ перпендикулярно къ стѣнѣ (почти къ срединѣ ея). Къ востоку отъ стѣны все пространство, длиною въ $6^1/_2$ саж. и шириною въ $4^1/_4$ саж., выложено въ два ряда, одинъ надъ другимъ, большими камнями, плотно прилегающими другъ къ другу. Нижній рядъ этихъ камней лежитъ на одномъ уровнѣ съ основаніемъ стѣны; толщина обоихъ рядовъ составляетъ приблизительно $1^1/_2$ арш., такъ что стѣна возвышается надъ ними на 1 саж. Поверхность, образуемая камнями, довольно гладкая; нѣкоторые изъ нихъ носятъ слѣды искусственной отдѣлки. Въ двухъ мѣстахъ, показанныхъ на планѣ, камни были выбраны; въ сѣверовосточномъ углу ихъ, повидимому, совсѣмъ не было. Во всѣ стороны, исключая западной, эти два ряда камней оканчиваются ровными краями, не имѣя около

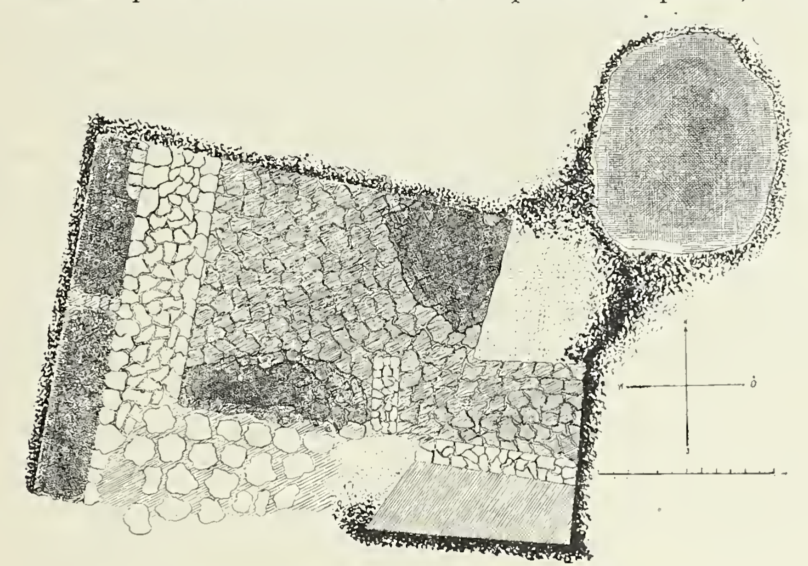

Рис. 33. Планъ раскопки въ 150 саж. къ сѣв.-востоку отъ предыдущей (рис. 32).

послѣднихъ никакихъ стѣнъ, кромѣ южной стороны, гдѣ на $1^1/_2$ арш. возвышается на протяженіи почти 3-хъ саженей полуразрушенная стѣна, шириною въ 1 арш., и такая же стѣна, длиною въ $1^1/_4$ саж., тянется отъ западнаго ея конца къ сѣверу. Но за-то на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно-бы ожидать стѣнъ, всюду найдена масса мелкаго, почти раздробленнаго въ порошокъ, угля и золы. Не даетъ ли это право предполагать, что въ этихъ мѣстахъ стѣны были деревянныя, уничтоженныя впослѣдствіи пожаромъ? Особенно много остатковъ углей и золы встрѣчено въ сѣверо-восточномъ углу, гдѣ раскопками обнаружено на глубинѣ $1^1/_2$ саж. бывшая когда то яма (засыпанная теперь очень рыхлой землей), почти круглой формы, съ діаметромъ въ 14 арш., суживающаяся книзу и имѣющая на днѣ, на глубинѣ 5 аршинъ, всего только 2 арш. въ діаметрѣ.

На поверхности засыпанной ямы найдено очень мало углей, но за-то они довольно толстымъ слоемъ окружаютъ края ея. Вещей никакихъ, даже обломковъ сосудовъ, не попадалось.

На этомъ наши раскопки города были закончены. Трудно опредѣлить пространство, занятое имъ. Поверхность той мѣстности, гдѣ онъ погребенъ, представляется въ настоящее время совершенно ровной, и только кое-гдѣ едва замѣтно торчащіе изъ-подъ земли камни указываютъ на присутствіе здѣсь подземной постройки. На основаніи такихъ признаковъ и небольшихъ пробныхъ раскопокъ, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, я вынесъ убѣжденіе, что городъ долженъ занимать собою площадь не менѣе 10—12 верстъ въ окружности. Отъ построекъ города сохранились къ нашему времени только нижнія ихъ части, скрытыя въ землѣ, высотою приблизительно въ $1^1/_2$ сажени; все же, что оставалось на земной поверхности, очевидно, въ теченіе вѣковъ подвергалось расхищенію со стороны позднѣйшихъ насельниковъ этой равнины,—расхищенію, продолжающемуся и до сихъ поръ; въ окрестныхъ селеніяхъ можно встрѣтить немало характерныхъ каменныхъ кубиковъ, взятыхъ, безъ сомнѣнія, изъ развалинъ города; стѣны зданія, разрытаго нами въ 1893 г., въ 1894 г. во многихъ мѣстахъ оказались разобранными, и камни, изъ которыхъ онѣ сложены, увезенными. Полное отсутствіе въ разрытыхъ зданіяхъ вещей, которыя могли представлять хотя бы малѣйшую цѣнность, заставляетъ предполагать, что основаніе города было занесено землей уже послѣ того, какъ городъ былъ оставленъ жителями или разграбленъ его завоевателями. Толщина слоя земли, покрывающаго въ настоящее время развалины города, равна, какъ указывалось выше, $1^1/_2$ саженямъ. Въ результатѣ какихъ явленій могъ образоваться этотъ наносный слой земли? На одни изъ нихъ можно указать только предположительно, относительно другихъ имѣются нѣкоторыя историческія свидѣтельства. Къ числу первыхъ могутъ быть отнесены большіе разливы рѣки Аракса, констатированные неоднократно за послѣднія десятилѣтія и, безъ сомнѣнія, имѣвшіе мѣсто и раньше. Отдаленность нынѣшняго русла рѣки Аракса отъ развалинъ города не исключаетъ возможности достиженія его водами города,—Араксъ, благодаря низкимъ берегамъ, равнинному характеру мѣстности и чрезвычайно слабому наклону ея, не разъ мѣнялъ свое русло и могъ протекать ранѣе гораздо ближе къ городу, чѣмъ теперь. Вѣроятное участіе, далѣе, въ занесеніи землей города можно приписать вѣтрамъ, наносившимъ сюда съ окрестныхъ возвышенностей разрыхленные продукты. Но едва ли не главную роль въ разсматриваемомъ фактѣ должны были играть нѣкоторыя явленія, сопровождавшія землетрясенія въ этой области. Араратъ и его окрестности подвергались очень частымъ землетрясеніямъ [1]. Таковыя были: въ 715 году и особенно сильное въ 894 году, когда въ Эривани и ея

---

[1] *И. Мушкетовъ* и *А. Орловъ*. Каталогъ землетрясеній Россійской имперіи. „Записки Рус. Географич. Общества по общей географіи", т. XXVI. Спб., 1893 г. См. также мою статью „Араратъ" въ журн. „Землевѣдѣніе", 1897 г., кн. I—II.

окрестностяхъ погибло 20,000 человѣкъ. Затѣмъ имѣются извѣстія о землетрясеніяхъ въ Арменіи въ 1003, 1111, 1131, 1134, 1139, 1219, 1235 и 1283 гг. Въ 1319 г. страшнымъ землетрясеніемъ въ провинціи Араратъ разрушено много городовъ и деревень, а также и знаменитая древняя столица Арменіи, Ани. Въ 1648 г., 2-го апрѣля, ночью, городъ Ванъ и его окрестности постигло сильное землетрясеніе, разрушившее половину городской стѣны, всѣ церкви и мечети, а также и множество другихъ зданій, подъ развалинами которыхъ погибло много людей. Въ продолженіе восьми дней вся страна колыхалась, „какъ корабль на волнахъ", а затѣмъ колебанія повторялись черезъ каждые 4—5 дней вплоть до іюня мѣсяца. Въ 1679 г., въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ теченіе 3 дней, въ Эривани и въ окружной странѣ до Арарата, раздавались очень сильные подземные удары, сопровождавшіеся образованіемъ во многихъ мѣстахъ громадныхъ трещинъ, причемъ погибло до 8,000 человѣкъ [1]). Наиболѣе подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ о землетрясеніи 1840 года [2]). 20-го іюня, въ 7 ч. 45 м. пополудни, начались подземные удары, перемежавшіеся съ волнообразными колебаніями земли, которыя направлялись отъ Арарата къ востоку. Это явленіе длилось въ теченіе двухъ минутъ и сопровождалось подземными звуками, похожими на раскаты грома и какъ бы выходившими изъ глубины Арарата. Первые четыре удара, самые сильные, шли по направленію теченія Аракса къ Ордубату, производя на своемъ пути страшныя опустошенія. Въ то же самое время, въ 6 верстахъ выше селенія Ахури, въ верховьѣ ущелья св. Іакова, образовалась разсѣлина и извергла изъ себя массу водяныхъ паровъ и газовъ, поднявшихся выше Арарата; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ той же разсѣлины начали извергаться огромныя (болѣе 1,000 пудовъ вѣсомъ) каменныя глыбы и грязь, а затѣмъ потекла внизъ горячая иловатая масса, которая въ нѣсколько часовъ затопила всю окрестную низменность[3]). Когда пары, застилавшіе Араратъ, исчезли, оказалось, что монастырь св.Іакова [4]) и сел. Ахури съ 2,000 жителей, со всѣми садами и полями, исчезли, погребенные подъ толстымъ слоемъ извергнутыхъ ила и каменьевъ. Разрушительныя послѣдствія этого землетрясенія не ограничились однако злополучнымъ днемъ 20-го іюня. При первыхъ же ударахъ съ боковыхъ склоновъ ущелья оторвались цѣлыя скалы и глыбы вѣковыхъ снѣговъ и скоро завалили ущелье на протяженіи 7 верстъ, образовавъ ниже сел. Ахури какъ бы плотину, которая сдержи-

---

[1]) *Carloff H* (Geschichte der durch Ueberlieferung nachgewiesenen natürlichen Veränderungen der Erdoberfläche. Gotha. 1822-41. T. III, S. 369) относитъ этотъ фактъ къ 1680 г.

[2]) См. „Эриванскій сборникъ", вып. I, подъ ред. *Д. Д. Пагирева.* Эривань, 1892 г.

[3]) Объясненій описаннаго явленія существуетъ нѣсколько. Щуровскій полагалъ, что потоки грязи, извергшіеся изъ ущелья св. Іакова, были не что иное, какъ размягченные водными парами и газами трахиты. По Эйхвальду, внутри Арарата находится громадный бассейнъ воды, который, подъ дѣйствіемъ внутренняго жара, развиваетъ огромное количество паровъ; послѣдніе, напирая на кору, по временамъ и прорываютъ ее. См. вышеуказанную мою статью „Араратъ".

[4]) Монастырь былъ основанъ, по словамъ Муравьева, въ VII в. католикосомъ Анастасіемъ См. „Труды V Археолог. Съѣзда въ Тифлисѣ", стр. 190.

вала массы водъ, камней и грязи. Но сильнымъ напоромъ грязной массы плотина была прорвана, и 24-го іюня масса заваловъ ринулась внизъ, пронеслась въ теченіе двухъ минутъ около 20 верстъ до р. Карасу, вторглась въ ея русло, и вся окрестность, болѣе нежели 25 верстъ въ окружности, долгое время представляла собою сплошное илистое болото. Такіе потоки повторялись еще три раза. Какъ видимъ изъ приведеннаго описанія, землетрясенія сопровождались иногда такими явленіями, въ результатѣ которыхъ могли образовываться значительныя повышенія уровня поверхности долины р. Аракса [1]).

Съ юга, со стороны отроговъ Арарата, разрытый нами городъ былъ, повидимому, защищенъ нѣсколькими большими и маленькими крѣпостями. Выше, на стр. 37-й и 38-й, я упоминалъ уже о двухъ крѣпостяхъ, находящихся на хол-

Рис. 34. Крѣпостца по дорогѣ отъ Ташбуруна къ большой крѣпости у Арарата (съ сѣв.-восточной стороны).

махъ невдалекѣ отъ Ташбурунской надписи. Но особенное вниманіе обращаетъ на себя по своимъ размѣрамъ крѣпость, лежащая на восточной сторонѣ Ташбурунскаго отрога, въ верстахъ около 3-хъ отъ с. Ташбуруна. По дорогѣ къ этой большой крѣпости имѣются двѣ небольшихъ крѣпостцы. Одна изъ нихъ, фотографическій снимокъ съ которой представленъ на рис. 34-мъ, лежитъ у самой дороги, на разстояніи менѣе полпути отъ большой крѣпости. Она представляетъ собою небольшой и невысокій холмъ, съ разбросанными на немъ камнями. Опытный глазъ сразу же замѣтитъ, что изъ этихъ камней были возведены когда-то стѣны, остатки которыхъ, находящіеся въ землѣ, и въ настоящее время являются хорошо сохранившимися. Эта крѣпостца также была разрыта мною. Наибольшее протяженіе ея—около 30 саженей. Внутренняя поверхность крѣпостцы углублена приблизительно на одну сажень и довольно хорошо выравнена. Въ сѣв.-западной части ея была вырыта большая яма, заполненная въ настоящее время

---

[1]) Вѣроятно, этими же повышеніями уровня надо объяснить неудачу всѣхъ нашихъ попытокъ найти кладбище разрытаго города,—могилы, можно думать, вслѣдствіе позднѣйшихъ наносовъ оказались глубоко погребенными подъ землей.

рыхлой землей. Стѣны крѣпостцы выложены изъ неравной величины камней, мѣстами грубо обдѣланныхъ, по большей же части не носящихъ никакихъ слѣдовъ отдѣлки. Общая фигура, представляемая крѣпостью (см. рис. 35),—очень своеобразной формы, зависящей, повидимому, отъ грунта холма, на которомъ расположена крѣпость; стѣны ея прилегаютъ къ такимъ частямъ холма, которыя, съ одной стороны, вслѣдствіе своей прочности и массивности не могли быть разрушены и удалены при возведеніи крѣпости, съ другой — для самихъ стѣнъ служили вполнѣ прочной и надежной защитой (подобнаго устройства

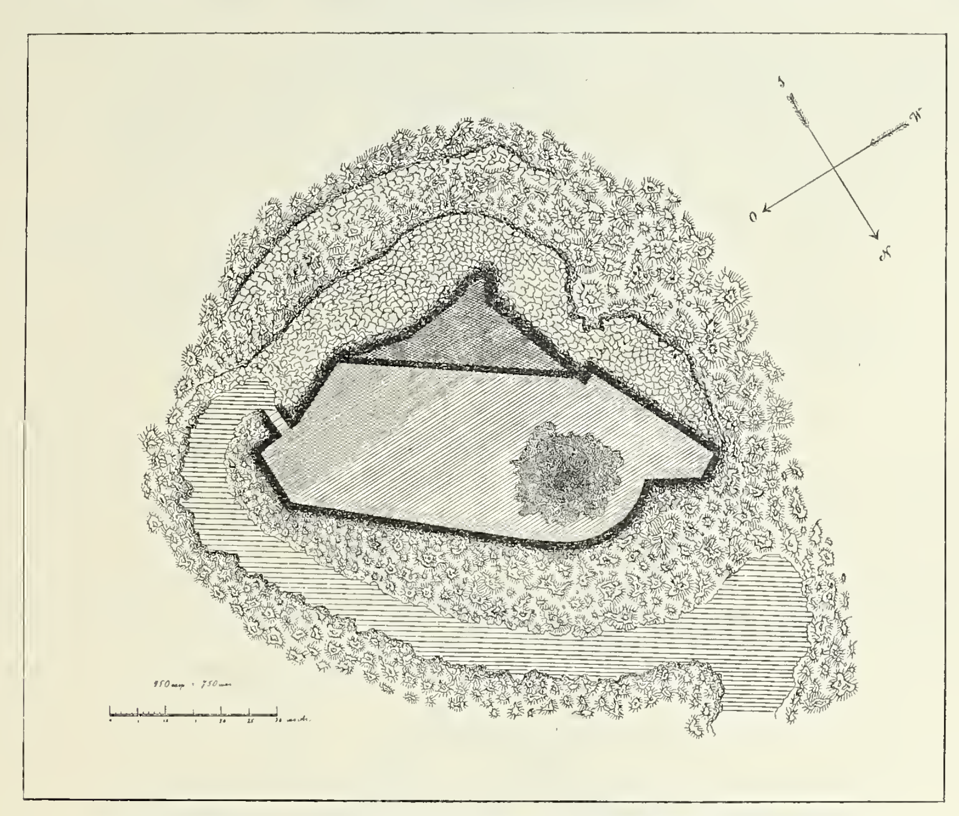

Рис. 35. Планъ той же крѣпостцы, какая представлена на рис. 34-мъ.

стѣны мы встрѣчаемъ и въ другихъ крѣпостяхъ; см., напр., далѣе рис. 41). Южная часть крѣпости болѣе углублена, нежели остальныя, и была отгорожена стѣной, въ настоящее время полуразрушенной. Съ юго-западной стороны въ крѣпость ведетъ входъ, около двухъ аршинъ ширины. Идущая съ сѣверной стороны узкая, выровненная и нѣсколько углубленная полоса служила, по всей вѣроятности, дорогой, по которой подъѣзжали къ крѣпости.

На половинѣ пути между только-что описанной крѣпостцей и большою крѣпостью лежитъ еще одна небольшая крѣпостца, планъ которой представленъ на рис 36-мъ. Она имѣетъ форму неправильнаго шестиугольника, расположеннаго на возвышенномъ выступѣ, обращенномъ въ сторону маленькаго озерка Асой-гёлъ; она значительно больше предыдущей (наибольшее протяженіе съ за-

пада на востокъ — саженей 70); стѣны ея сложены изъ необдѣланныхъ камней и въ настоящее время настолько разрушены, что не даютъ возможности судить ни объ ихъ высотѣ, ни объ ихъ ширинѣ.

Но особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ крѣпость, которую я въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ отличіе отъ другихъ крѣпостей, буду называть большой. На рис. 37-мъ представленъ планъ мѣстности къ югу отъ Ташбуруна, гдѣ находится эта большая крѣпость. Какъ видимъ, предгорія Арарата образуютъ около Ташбуруна выступъ, наиболѣе далеко выдающійся по направленію къ сѣверу. По дорогѣ изъ Ташбуруна въ Каракоенлу, ближе къ предгоріямъ, находится извѣстная Ташбурунская клинообразная надпись. Съ восточной стороны горнаго выступа идутъ изъ Ташбуруна двѣ дороги: одна — въ большемъ разстояніи отъ выступа — на Ташбурунскіе выселки, другая — около самаго вы-

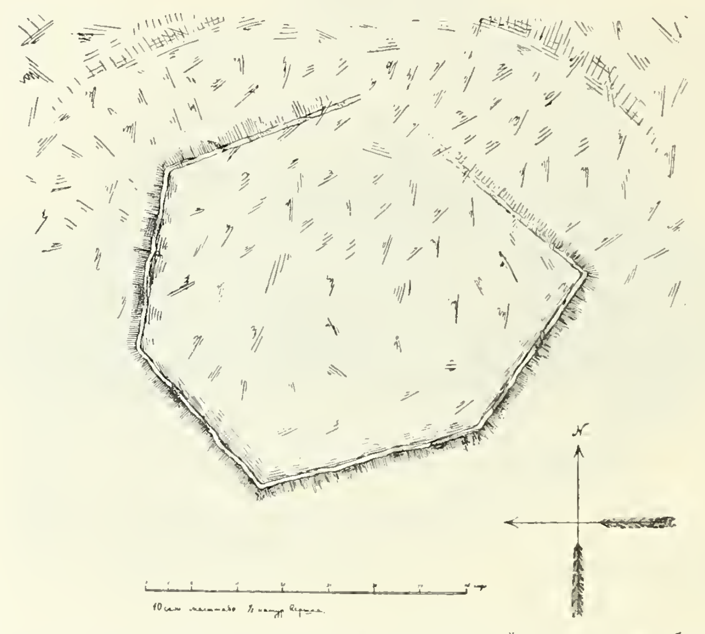

Рис. 36. Планъ крѣпости, лежащей на половинѣ пути между большой крѣпостью и крѣпостцей, представленной на рис. 34 и 35-мъ.

ступа — мимо большой крѣпости. По дорогѣ къ послѣдней находятся вышеописанныя двѣ крѣпостцы, обозначенныя на планѣ цифрами 1 и 2. Сейчасъ же за 2-й крѣпосцей лежитъ маленькое озерко Асой-гёлъ, отъ котораго начинаются камыши, тянущіеся въ юго-восточномъ направленіи на довольно большое разстояніе. На половинѣ пути между Асой гёломъ и большой крѣпостью встрѣчается родникъ съ холодноватой водою. Сама крѣпость лежитъ на холмѣ значительной высоты. Сѣв.-сѣв.-восточная сторона холма обрывается въ сторону дороги, а остальные склоны его прилегаютъ къ глубокому ущелью, которое съ двухъ сторонъ обхватываетъ этотъ холмъ и затѣмъ уходитъ въ направленіи на югъ. Крѣпость имѣетъ форму неправильнаго пятиугольника (см. рис. 38). Наибольшее протяженіе ея, между сѣвернымъ и южнымъ углами, немного превышаетъ 400 саж. Стѣны крѣпости — въ очень разрушенномъ состояніи (см. рис.

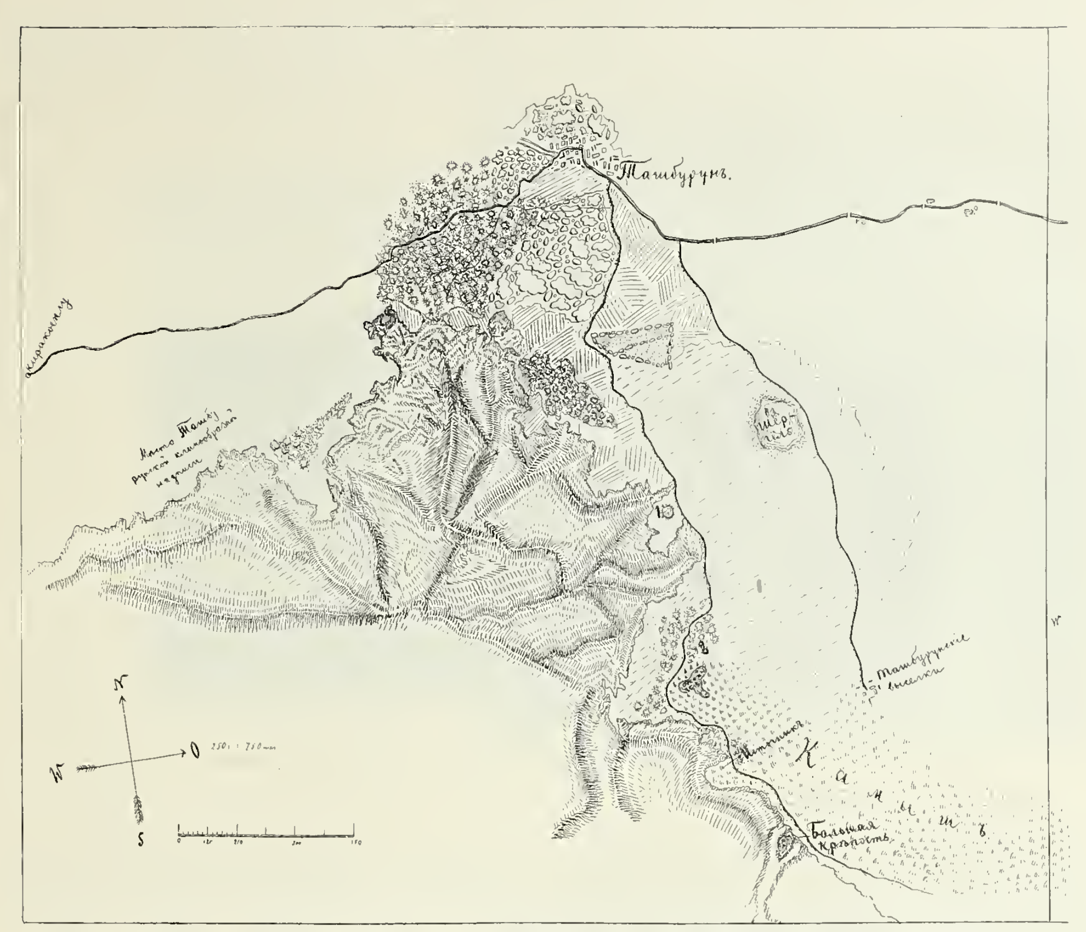

Рис. 37. Планъ мѣстности къ югу отъ Ташбуруна, гдѣ находится большая крѣпость.

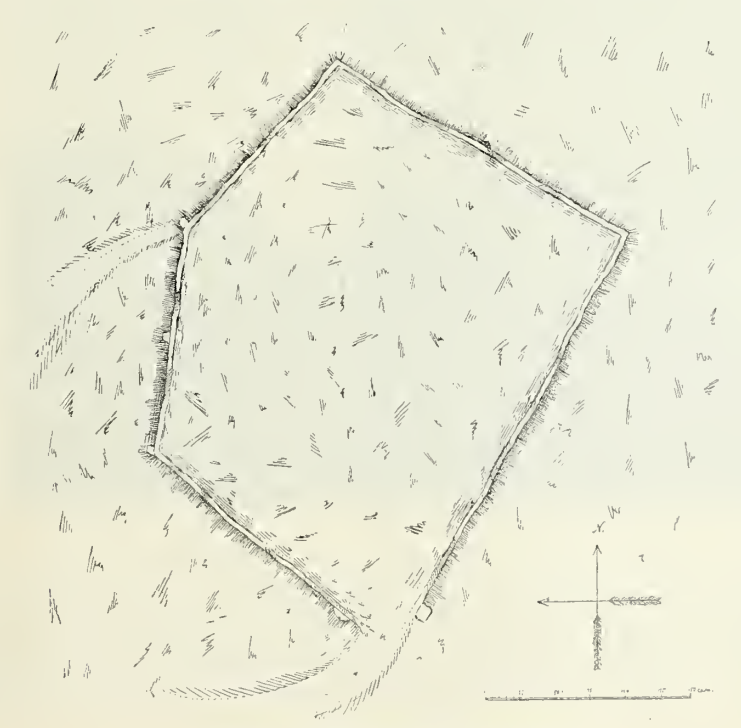

Рис. 38. Планъ большой крѣпости.

39 и 40). Онѣ сложены изъ громадныхъ камней, мѣстами грубо обтесанныхъ (см. рис. 41), по большей же части совсѣмъ не обдѣланныхъ. Въ сохранившихся частяхъ высота стѣнъ болѣе 1 саж., какъ это видно на рис. 41-мъ; тол-

Рис. 39. Видъ на большую крѣпость съ южной стороны.

щина ихъ также едва ли была менѣе 1-й сажени. По стѣнамъ возвышалось, повидимому, нѣсколько башенъ. Явные слѣды пяти изъ нихъ замѣтны и теперь

Рис. 40. Видъ на большую крѣпость съ юго-западной стороны.

(три—въ западной части и двѣ—въ южной), но ихъ безъ сомнѣнія было больше. Одна изъ развалившихся башенъ представлена на рис. 42-мъ. Съ южной стороны въ крѣпость ведетъ довольно ровный, широкій подъемъ, защищенный пара-

петами. Менѣе ясно выраженные, но все же замѣтные слѣды подобнаго же, но только болѣе узкаго подъема можно видѣть и съ западной стороны крѣпости, гдѣ онъ ведетъ къ самой сѣверной изъ разрушенныхъ башенъ[1]). Выгодное географическое положеніе этой крѣпости, ея размѣры, величина стѣнъ, присутствіе на нихъ нѣсколькихъ башенъ—все это должно указывать, что описанной крѣпости принадлежала нѣкогда весьма важная роль въ дѣлѣ защиты страны, прилегающей съ сѣвера къ отрогамъ Арарата. Такихъ крупныхъ крѣпостей намъ не приходилось встрѣчать болѣе не только въ мѣстностяхъ, лежащихъ около Арарата, но и вообще въ Закавказьѣ. Характеръ возведенія стѣны этой крѣпости и характеръ построекъ разрытаго мною города не оставляютъ мѣста для сомнѣнія въ томъ, что городъ и крѣпость — одной и той же культурной эпохи, основаны и возведены однимъ и тѣмъ же народомъ, и между ними существовала самая тѣсная связь, которая поддерживалась еще двумя промежуточными небольшими крѣпостями.

Рис. 41. Стѣна большой крѣпости.

Прежде чѣмъ оставить Эриванскую равнину, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о найденной мною здѣсь въ 1894 г. и до этого времени остававшейся неизвѣстной клинообразной надписи. Надпись высѣчена на кускѣ базальто-

Рис. 42 Развалины башни въ большой крѣпости.

[1]) Существованіе въ этой, равно какъ и въ Сарыкамышской (см. далѣе) крѣпостяхъ двухъ входовъ опровергаетъ утвержденіе В. Белька, что въ крѣпостяхъ былъ только одинъ входъ („diese Mauern besassen nur einen und zwar einen ziemlich schmalen Thoreingang“) см. „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.“, 1895, S. 603.

вой лавы сѣровато - голубоватаго цвѣта, почти кубической формы, и занимаетъ на немъ площадь въ 15 сант. выс. и 43,8 сант. ширины. Найдена мною надпись во дворѣ армянина Папана Теръ-Аветисова, жителя селенія Чолмакчи, лежащаго въ одной верстѣ на сѣв.-востокъ отъ Эривани. По словамъ Теръ-Аветисова, онъ нашелъ этотъ камень съ надписью 15 лѣтъ тому назадъ при распашкѣ поля около холма, носящаго названіе „Кровавая крѣпость“, по-арм.— „Арипъ-Бертъ“, по-тат.—„Ганли-тапа“. У мѣстнаго населенія холмъ болѣе извѣстенъ подъ послѣднимъ, татарскимъ названіемъ, и самую надпись, по мѣсту ея нахожденія, правильнѣе всего назвать Ганлитапинской. Холмъ лежитъ на разстояніи $1^1/_2$ вер. отъ сел. Чолмакчи, къ юго-востоку отъ него, въ томъ мѣстѣ

Рис. 43. Планъ крѣпости на Ганлитапинскомъ холмѣ.

Аракской долины, гдѣ выходитъ въ нее Эйлярское ущелье, въ которомъ, какъ извѣстно, также найдена клинообразная надпись. Осмотръ холма убѣдилъ меня въ существованіи на вершинѣ его одной изъ тѣхъ крѣпостей, которыя были находимы почти повсюду, гдѣ имѣются клинообразныя надписи, и хронологическая связь которыхъ съ послѣдними едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Планъ этой крѣпости представленъ на рис. 43-мъ. Она имѣетъ около 350 саж. въ окружности. Форма ея – вытянутая въ направленіи съ юга на сѣверъ, при чемъ сѣверный конецъ образуетъ острый уголъ, а южная ея часть заканчивается дугообразно. Крѣпость очень сильно разрушена; камни, по большей части обдѣланные, вросли въ землю и не вездѣ выступаютъ изъ нея; мѣстами

замѣтна кладка внутри самой крѣпости; этими внутренними стѣнами крѣпость была раздѣлена на четыре части такъ, какъ это показано на планѣ. Многіе изъ камней свалились съ вершины холма къ его подножію, и на одномъ-то изъ нихъ и найдена Ганлитапинская клинообразная надпись. Камень съ надписью былъ пріобрѣтенъ мною, вывезенъ въ Москву и въ настоящее время находится въ Историческомъ музеѣ. Надпись прочтена М. В. Никольскимъ и издана имъ вь V т. „Матеріаловъ по археологіи Кавказа"; тамъ же помѣщенъ фотографическій снимокъ, снятый мною съ Ганлитапинскаго холма.

Въ 1893 г., покидая Эриванскую равнину, я проѣхалъ въ Александрополь, а отсюда—въ лежащее въ 8 вер. отъ него, на лѣвомъ берегу Арпачая, селеніе Ганлиджа. Около этого селенія на одной изъ скалъ имѣется клинообразная надпись временъ Аргишти; неподалеку отъ мѣста надписи тянется продолговатый холмъ со слѣдами такой же крѣпости, какія были находимы въ другихъ мѣстахъ около клинообразныхъ надписей. Я имѣлъ въ виду произвести раскопки на этомъ холмѣ, но, встрѣчая всюду на самой незначительной глубинѣ естественный каменистый грунтъ, долженъ былъ прекратить раскопки.

III.

Баязетъ и Макинское ханство.

Въ 1894 г., передъ началомъ описанныхъ въ предыдущей главѣ раскопокъ около Ташбуруна, я долженъ былъ сдѣлать небольшую остановку въ Эчміадзинѣ, чтобы представиться Его Святѣйшеству, Католикосу всѣхъ армянъ, Мкртычу I и поблагодарить его за то любезное письмо, которое онъ прислалъ въ Московское Археологическое Общество въ отвѣтъ на просьбу послѣдняго объ оказаніи мнѣ содѣйствія. Выражая во время пріема свое глубокое сочувствіе предпринятымъ Обществомъ изслѣдованіямъ въ предѣлахъ древней Арменіи, Католикосъ въ то же время выразилъ полнѣйшую готовность „всегда, во всемъ и всѣми зависящими отъ него мѣрами содѣйствовать высоко имъ чтимому Обществу, такъ доблестно и такъ неусыпно стоящему на стражѣ русской археологіи". Въ бесѣдѣ Католикосъ указывалъ, между прочимъ, на необходимость перенесенія археологическихъ изслѣдованій изъ Русской Арменіи въ Турецкую и въ особенности въ окрестности оз. Вана, которыя хорошо извѣстны ему, благодаря многолѣтнему его служенію тамъ въ санѣ епископа. Въ случаѣ осуществленія экспедиціи въ Ванъ, Католикосъ также обѣщалъ помочь ей, чѣмъ только можетъ, и выразилъ увѣренность, что армянскимъ населеніемъ экспедиція всюду будетъ принята достойнымъ образомъ.

Во время пребыванія моего въ Эчміадзинѣ членъ-корреспондентъ Московскаго Археологическаго Общества, монахъ Галлустъ, сообщилъ мнѣ, что имъ получены достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что въ Турціи, въ Алашкертѣ, сравнительно недалеко отъ русской границы, имѣется клинообразная надпись, никѣмъ еще не снятая и нигдѣ не опубликованная. Тѣ же свѣдѣнія сообщилъ мнѣ позже въ Игдырѣ Сурмалинскій уѣздный начальникъ А. А. Богуславскій и одинъ торговецъ-татаринъ, не разъ бывавшій въ Алашкертѣ и самъ видѣвшій надпись. Отъ уѣзднаго же начальника Богуславскаго я узналъ, что черезъ нѣсколько дней долженъ проѣхать изъ Эривани черезъ Игдырь въ Турцію первый секретарь нашего консульства въ Эрзерумѣ В. В. фонъ-Циммерманъ и что онъ, въ случаѣ моей поѣздки въ Турцію, болѣе всякаго другого можетъ оказать

мнѣ необходимое содѣйствіе. Фонъ-Циммерманъ, пріѣхавъ въ Игдырь и узнавъ о моемъ желаніи видѣться съ нимъ, былъ такъ любезенъ, что самъ пріѣхалъ ко мнѣ на раскопки въ Ташбурунъ, сообщилъ, что поѣздка въ Алашкертъ безъ особыхъ затрудненій можетъ быть совершена въ 5—6 и, самое большее, 7 дней, и выразилъ со своей стороны полную готовность сопровождать меня какъ въ Алашкертъ, такъ и обратно. Случай былъ настолько удобный, что я счелъ невозможнымъ не воспользоваться имъ и, поручивъ раскопки съ необходимыми указаніями и разъясненіями гг. Монастыреву и Маркарьянцу, отправился съ В. В. фонъ-Циммерманомъ въ Турцію. Перерѣзавъ русскую границу черезъ постъ Орговъ, мы благополучно доѣхали до города Баязета. Если въ жизни каждаго человѣка бываетъ немало случайностей, то едва ли не болѣе всего выпадаетъ ихъ на долю путешественниковъ. По тому пріему, какой былъ оказанъ мнѣ мѣстными властями, по тому вниманію и любезности, съ какими я былъ встрѣченъ, никакъ нельзя было ожидать всѣхъ послѣдующихъ событій. На другой день по пріѣздѣ въ Баязетъ я, услыхавъ наканунѣ отъ губернатора о какихъ-то изображеніяхъ козловъ на скалѣ въ старой Баязетской крѣпости, отправился осматривать эту скалу. Меня сопровождали г. фонъ-Циммерманъ, консульскій кавасъ и два турецкихъ заптія (жандарма). Къ моему счастью, губернаторъ нѣсколько ошибся въ опредѣленіи изображеній. На скалѣ я нашелъ прекрасный барельефъ съ двумя фигурами людей, между которыми, правда, имѣется и изображеніе козла. Губернаторъ предупредилъ меня, что фотографировать въ крѣпости не разрѣшается. Я не могъ поэтому сфотографировать скалу и барельефъ большимъ, взятымъ съ собою, аппаратомъ, а долженъ былъ удовольствоваться снимками, сдѣланными украдкой маленькимъ аппаратомъ. Эти снимки приложены мною здѣсь: на рис. 44-мъ крѣпость и скала въ ней съ изображеніями снята издалека; на рис. 45-мъ мы видимъ ту же скалу вблизи, а на рис. 46-мъ представленъ самый барельефъ (длина его—

Рис. 44. Старая Баязетская крѣпость (знакомъ ╳ обозначено мѣсто, гдѣ находится барельефъ).

5 аршинъ, высота—2 арш.): вправо—мужчина, идущій съ посохомъ или жезломъ въ правой рукѣ и несущій что-то на согнутой лѣвой рукѣ, слѣва—тоже, повидимому, мужчина съ поднятыми обѣими руками, быть можетъ, погоняющими изображенное передъ нимъ животное-козла; посрединѣ — продолговатое отверстіе, въ аршинъ высотою, почти на половину въ нижней своей части заложенное небольшими камнями, довольно гладкими съ наружной стороны и вовсе не обдѣланными или грубо оббитыми съ остальныхъ сторонъ. Отверстіе, обращенное на югъ, находится на такой значительной высотѣ и на скалѣ настолько отвѣсной, что достигнуть до него можно только съ большимъ трудомъ, — пришлось разуться и при подъемѣ пользоваться помощью спутниковъ. Отверстіе ввело насъ въ высѣченную въ скалѣ камеру, съ гладко отполированными поломъ, потолкомъ и стѣнами. Въ ней было настолько темно, что необходимо было зажечь свѣчи. Длина камеры — 1888 мм., ширина — немного меньше, высота—1700 мм. Въ той же стѣнѣ, въ которой выбито отверстіе (выбито оно не посрединѣ, а лѣвѣе отъ нея), въ правой половинѣ ея и приблизительно на половинѣ высоты имѣется небольшое четырехугольное углубленіе; такое же углубленіе есть и посрединѣ правой стѣны. Въ стѣнѣ, противоположной отверстію, по срединѣ ея отъ пола до потолка высѣчена ниша, представляющая по формѣ своей половину цилиндра, съ діаметромъ не менѣе аршина. Углы камеры, прилегающіе къ наружной стѣнѣ, закруглены, углы у противоположной стѣны — прямоугольны. Къ этой камерѣ съ правой стороны примыкаетъ другая, меньшихъ размѣровъ, но также тщательно высѣченная. Въ юго-западномъ углу первой камеры выбита ведущая на верхъ узкая, довольно крутая, изъ восьми ступенекъ лѣстница, которая приводитъ въ подобный же второй этажъ; въ немъ, вправо отъ входа и параллельно наружной стѣнѣ, высѣченъ сводомъ корридоръ, длиною саженей въ пять, а влѣво, въ юго-западномъ углу, узкій проходъ ведетъ кверху и совершенно неожиданно выводитъ наружу, на верхъ самой скалы. Все это помѣщеніе, вы-

Рис. 45. Скала съ барельефомъ и отверстіемъ, ведущимъ внутрь ея.

сѣченное въ скалѣ, и его отдѣльныя части были тщательно измѣрены мною и нанесены на планъ, но на другой же день, какъ это мы увидимъ далѣе, я долженъ былъ лишиться этого плана и передать его Баязетскому губернатору. Это обстоятельство и лишило меня возможности сопроводить сдѣланное по памяти описаніе высѣченныхъ въ скалѣ помѣщеній планомъ ихъ. Впослѣдствіи, при попыткѣ возстановить снятый мною планъ, я, къ сожалѣнію, убѣдился, что многихъ цифръ память не могла удержать, а безъ нихъ возстановить планъ было невозможно.

Рис. 46. Барельефъ на скалѣ въ старой Баязетской крѣпости.

Подобныя высѣченныя въ скалахъ камеры были находимы археологами неоднократно какъ въ предѣлахъ Турціи, въ особенности въ окрестностяхъ озера Вана, такъ и въ предѣлахъ Персіи [1]). Большинство изслѣдователей склонны видѣть въ этихъ архитектурныхъ памятникахъ „погребальныя камеры", и только

[1]) См. *J. de Morgan*—Mission scientifique en Perse. I—IV T. Paris, 1894- 97; Relation des missions scientifiques de MM. *H. Hyvernat et P. Müller-Simonis* (1888—1889) „Du Caucase au golfe Persique à travers l'Armenie, le Kurdistan et la Mésopotamie". Washington, 1892; *W. Belck*—Forschungsreise in Klein-Asien. „Zeitschr. für Ethnol". („Verhandl".), 1901, H. VI; *O. Mann*—Archäologisches aus Persien. „Globus", 1903, Bd. LXXXIII, Nr. 21; *C. F. Lehmann*—Von der deutschen armenischen Expedition. „Wiener Zeitschr. für die Kunde des Morgenlandes" 1900, XIV. Band, 1. und 2. Heft; *R. Virchow*—Forschungsreise unserer armenischen Expedition Belck-Lehmann. „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethn. u. Urg.", 1899, S. 413.

недавно извѣстный изслѣдователь W. Belck, на основаніи осмотра большаго количества камеръ въ скалахъ (Felsenkammern), высказалъ убѣжденіе, что „sie sich bei näherer Untersuchung ebenso ausnahmslos als für *Lebende* bestimmte Wohnungen erwiesen hatten“ [1]) На основаніи единственныхъ видѣнныхъ много вышеописанныхъ камеръ въ Баязетской крѣпости я готовъ присоединиться къ мнѣнію В. Белька, и не потому только, что я не видѣлъ никакихъ слѣдовъ погребенія,—они могли быть уничтожены временемъ и людьми, а руководствуясь и нѣкоторыми другими соображеніями. Мѣсто, гдѣ находятся камеры, самою природою предназначено для крѣпости, — трудно найти менѣе доступныя для врага скалы, и современная Баязетская крѣпость смѣнила собою, вѣроятно, цѣлый рядъ другихъ крѣпостей, которыя съ глубокой древности стали воздвигаться здѣсь. Камеры, высѣченныя въ скалѣ, являются какъ-бы крѣпостью въ крѣпости, абсолютно защищенной частью ея и наиболѣе надежнымъ оплотомъ. Выходъ изъ такой крѣпости па верху скалы, внѣ предѣловъ досягаемости врага, могъ служить находящимся въ крѣпости громаднѣйшую службу,—съ одной стороны, онъ давалъ возможность осажденной непріятелемъ крѣпости все время поддерживать сношенія съ внѣшнимъ міромъ и пополнять свои боевые и съѣстные припасы; съ другой же стороны, въ случаѣ необходимости сдать крѣпость непріятелю, по этому выходу было удобно оставить крѣпость и не быть взятымъ въ плѣнъ.

Какой эпохѣ и какому народу могли принадлежать эти камеры въ скалахъ? Dr. Oskar Mann, описывая подобныя камеры, встрѣченныя имъ въ Персіи, между деревнями Issâkäwänd и Čämän i Ismaîl (провинція Kirmanshah), называетъ ихъ „achämenidische Felsengräber“ [2]). Белькъ въ вышеуказанной статьѣ, описывая подобный же архитектурный памятникъ въ Амасіи, говоритъ: „Wenn ich also früher dieses Merkmal in erster und hauptsächlichster Reihe für die Chalder in Anspruch genommen habe, so neige ich jetzt mehr dazu, es auf die Gesammtheit der turanisch-alarodischen Völker-Stämme auszudehnen und anzunehmen, dass allüberall da, wo wir im nördlichen Vorder-Asien ausgesprochene Beweise solcher antiken Felsenbauthätigkeit antreffen, wir mit einer turanisch-alarodischen Urbevölkerung zu rechnen haben“ [3]). Въ другомъ мѣстѣ той же статьи, сравнивая Амасійскіе памятники съ Ванскими, Белькъ пишетъ: „Kurz zusammengefasst haben wir also zu constatiren, dass zwar in Anlage und Ausführung dieser Felsen-Gräber einige Aenlichkeiten mit den Felsen-Bauten von Van vorhanden sind, dass aber hier unter Verwendung beträchtlich grösserer Ausmaasse für alle in Betracht kommenden Verhältnisse und Anlagen eine bedeutend entwickeltere Kunstfertigkeit zum Ausdruck gelangt ist als in Van. Wir werden daraus also zu folgern haben, dass entweder die hiesigen Felsen-Bauten erheblich jüngeren Datums sind als die vani-

---

[1]) „Verhandlungen der Berl. Gesell. für Anthr., Ethnol. und Urgesch.“, 1901, S. 462—63.

[2]) „Globus“, 1903, 4. Juni.

[3]) Ibid., S. 469.

schen, oder aber dass die künstlerische Befähigung der hiesigen Bevölkerung für Felsen-Bauten den Chalder-Alarodiern erheblich überlegen war“ [1]).

Что касается камеръ, высѣченныхъ въ скалѣ Баязетской крѣпости, то, при сравненіи ихъ съ Ванскими, я не нахожу той „eine bedeutend entwickeltere Künstfertigkeit“, на которую указываетъ Белькъ, какъ на отличительную особенность Амасійскихъ памятниковъ, и готовъ считать ихъ за аналогичныя Ванскимъ памятникамъ, связанныя съ послѣдними, вѣроятнѣе всего, и хронологически.

На другой день послѣ осмотра камеръ, когда я намѣренъ былъ покинуть Баязетъ и двинуться далѣе, въ Алашкертъ, и начались тѣ „случайности“, о которыхъ я упоминалъ выше и которыя не позволили мнѣ ни продолжать своего пути, ни возвратиться въ предѣлы Россіи. Оказалось, что я, благодаря своимъ изслѣдованіямъ въ скалѣ, прилегающей къ крѣпости, былъ заподозрѣнъ въ съемкѣ плана самой крѣпости. Такое подозрѣніе, вызванное, очевидно, сообщеніемъ губернатору находившагося при мнѣ во время работъ „заптія“ (жандарма), было передано по телеграфу Эрзерумскому генералъ-губернатору, немедленно отвѣтившему: „Астронома (sic) Ивановскаго не только нельзя пускать въ Алашкертъ, но и куда-либо впредь до распоряженій изъ Порты“. Приказаніе генералъ-губернатора было исполнено съ замѣчательною точностью: на дорогахъ, ведущихъ въ Алашкертъ и на русскую границу, было поставлено по отряду всадниковъ, а квартира, въ которой я жилъ, стала охраняться „заптіями“, зорко слѣдившими за мной и сопровождавшими меня всюду, куда бы я ни пошелъ. Результатъ моихъ работъ въ крѣпости—планъ высѣченныхъ въ скалѣ камеръ,— по требованію губернатора, я долженъ былъ передать ему. Черезъ нѣсколько дней дошелъ до меня слухъ, что меня собираются везти въ Эрзерумъ. Прогулка эта, быть можетъ, сама по себѣ и интересная, совершенно не входила въ планы моей экспедиціи. Мнѣ, во что бы то ни стало, нужно было поспѣшить въ предѣлы Россіи, чтобы закончить начатыя тамъ, въ Эриванской губ., около Ташъ-буруна, раскопки. Не знаю, какова бы была моя дальнѣйшая судьба, если бы мнѣ не пришелъ на помощь персидскій консулъ, живущій въ Баязетѣ, мирза Мехмедъ-Ханъ. По его совѣту, я рѣшилъ избрать путь, возможность моего проѣзда по которому совершенно не была предусмотрѣна турками, а именно въ Персію, съ тѣмъ, чтобы черезъ нее возвратиться въ Эриванскую губ. Планъ „бѣгства“ въ Персію былъ настолько детально разработанъ мирзою Мехмедъ-Ханомъ, въ осуществленіе его было вложено столько чисто-азіатской или, вѣрнѣе, восточной хитрости, что я нимало не колебался послѣдовать совѣту мирзы и послѣ быстрой пятичасовой ѣзды верхомъ по узкой горной тропинкѣ, ведущей изъ Баязета къ персидской границѣ, былъ уже въ предѣлахъ Макинскаго ханства.

---

[2]) Ibid., S. 467.

Это ханство, занимающее сѣверный уголъ Персіи, граничитъ съ русскимъ Закавказьемъ вдоль Эриванской губерніи. Макинскій ханъ считается могущественнѣйшимъ и въ то же время самымъ непокорнымъ вассаломъ Персидскаго шаха. Многочисленныя и прекрасно организованныя шайки разбойниковъ, преимущественно курдовъ, нашедшія себѣ пріютъ и покровительство у Макинскаго хана, своими набѣгами и грабежами наводятъ страхъ на пограничныя мѣстности трехъ государствъ: Россіи, Турціи и Персіи. Персидскій консулъ въ Баязетѣ Мехмедъ-Ханъ снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ этому хану, и, при своемъ проѣздѣ чрезъ Макинское ханство, я долженъ былъ посѣтить его. Къ рекомендаціи консула присоединилъ свою рекомендацію и начальникъ пограничной комиссіи, мирза Масумъ-Ханъ-Этиматъ-Уль-Визаре, бывшій одно время персидскимъ посланникомъ въ Петербургѣ и любезно встрѣтившій меня на персидской границѣ, въ деревнѣ Пиръ-Ахмедъ. Я не буду описывать здѣсь своего пребыванія въ Макинскомъ ханствѣ [1]), такъ какъ оно не сопровождалось никакими археологическими изслѣдованіями. На мои разспросы о клинообразныхъ надписяхъ и вообще о памятникахъ эпохи ванскихъ царей мнѣ всюду отвѣчали, что о таковыхъ надписяхъ и памятникахъ ничего не слыхали, никогда ихъ не видали и вообще ничего не знаютъ о нихъ. Въ той части Макинскаго ханства, которую удалось осмотрѣть мнѣ,—я также могу утверждать,—не только слѣдовъ ванской культуры, но и вообще какихъ-либо археологическихъ памятниковъ, заслуживающихъ вниманія и изученія, нѣтъ. Благополучно перерѣзавъ Макинское ханство въ направленіи съ запада на востокъ, посѣтивъ Макинскаго хана и побывавъ въ его столицѣ Маку, я выѣхалъ къ русскому пограничному сел. Шахтахты, а отсюда — въ Ташбурунъ, на мѣсто раскопокъ [2]).

---

[1]) Это сдѣлано мною въ другомъ мѣстѣ: см. мою статью „Въ Макинскомъ ханствѣ“ въ „Русск. Вѣдом.“, 1897 г., №№ 314, 323 и 335.

[2]) Алашкертъ, куда я стремился, посѣтили позже нѣмецкіе изслѣдователи Белькъ и Леманъ. Вотъ что послѣдній говоритъ объ Алашкертѣ: „Für Alašgert lagen Nachrichten vor, die auf eine sehr reiche Ausbeute an neuen chaldischen Inschriften schliessen liessen. Diese schrumpften jedoch, wie ich bald inne werden musste, auf ein Inschriftenfragment zusammen, das aber immerhin nicht jeder Bedeutung entbehrt; denn Menuas nennt darin eine Stadt A-na-ši, in der wohl das Prototyp des Namens Alašgert zu erblicken sein wird (*kert*—armenisch bekanntlich gleich Festung)“. См. „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes“, 1900, XIV. Band, 1. und 2. Heft, S. 32.

IV.

Въ Карсской области.

Кратковременная поѣздка по Карсской области, совершенная мною въ 1894 г. по окончаніи работъ около Ташбуруна, была предпринята съ цѣлью осмотрѣть Сарыкамышъ и его окрестности, гдѣ найдена извѣстная клинообразная надпись царя Аргишти, хранящаяся въ настоящее время въ Кавказскомъ музеѣ въ Тифлисѣ, а также собрать свѣдѣнія объ имѣющихся здѣсь памятникахъ эпохи

Рис. 47. По дорогѣ изъ Кульпъ въ Кагызманъ.

ванскихъ царей. Мой путь, начавшійся съ Игдыря, лежалъ на Кульпъ, Кагызманъ и Сарыкамышъ. Недалеко отъ Игдыря, изъ сел. Чарухча, я долженъ былъ свернуть по горной тропинкѣ на юго западъ, по направленію къ озеру Балыкъ-гёлю, чтобы осмотрѣть окрестности селеній Кюлюджа, Аликеса, Харабапарчанисъ и Парчанискалача, гдѣ, какъ мнѣ сообщали изъ разнообразныхъ источниковъ, имѣется какая-то надпись, возможно и клинообразная, и остатки какихъ-то

древнихъ укрѣпленій. Къ сожалѣнію, разсказы и на этотъ разъ оказались вздорными, и въ результатѣ тщательнаго осмотра мѣстности пришлось убѣдиться, что никакой надписи и никакихъ остатковъ укрѣпленій здѣсь нѣтъ.

Изъ армянскаго селенія Кульпъ, извѣстнаго выходомъ богатѣйшей залежи каменной соли, разрабатываемой съ древнѣйшихъ временъ, дорога идетъ на Кагызманъ глубокимъ Кагызманскимъ ущельемъ. Ущелье это, отдѣляющее Закавказское плоскогорье отъ хребта Агридага, представляетъ собою громадную трещину, по дну которой въ направленіи съ запада на востокъ довольно быстро несетъ свои воды Араксъ. Западный конецъ ущелья лежитъ на высотѣ 4500, а восточный—3200 фут. надъ ур. м. Съ лѣвой стороны, гдѣ круто обрывается Закавказское плоскогорье, ущелье возвышается надъ уровнемъ Аракса у своего

Рис. 48. Рѣка Араксъ около Кагызмана.

восточнаго конца, близь устья Арпачая, болѣе чѣмъ на 1000 фут., а у Кагызмана—почти на 2500 фут. По обѣимъ сторонамъ ущелья мы видимъ множество уступовъ и контрфорсовъ, гдѣ всюду обнажаются пласты разноцвѣтной глины съ соляными налетами; немало встрѣчается и соляныхъ источниковъ. Съ праваго склона ущелья, образуемаго сѣвернымъ скатомъ Агридага, стекаетъ множество горныхъ рѣчекъ, которыя вначалѣ текутъ довольно медленно и водою ихъ пользуются для искусственнаго орошенія, потомъ же образуютъ рядъ бурныхъ потоковъ и водопадовъ, съ шумомъ низвергающихся на дно ущелья. Протекающій по ущелью Араксъ проявляетъ свою эрозіонную дѣятельность и вглубь, и вширь: тамъ, гдѣ ущелье съуживается до нѣсколькихъ десятковъ саженей, особенно замѣтна разрушающая дѣятельность воды вглубь; тамъ же, гдѣ ущелье расширяется до версты и болѣе и гдѣ Араксъ имѣетъ возможность, особенно въ половодье, извиваясь, перебрасываться съ одной стороны на другую, мы видимъ, какъ онъ постепенно все болѣе расширяетъ ущелье, подрывая его глинистые берега и обрушивая ихъ большими масами. Характеръ мѣстности, а

также суровыя климатическія условія являются причиной малой заселенности этого ущелья.

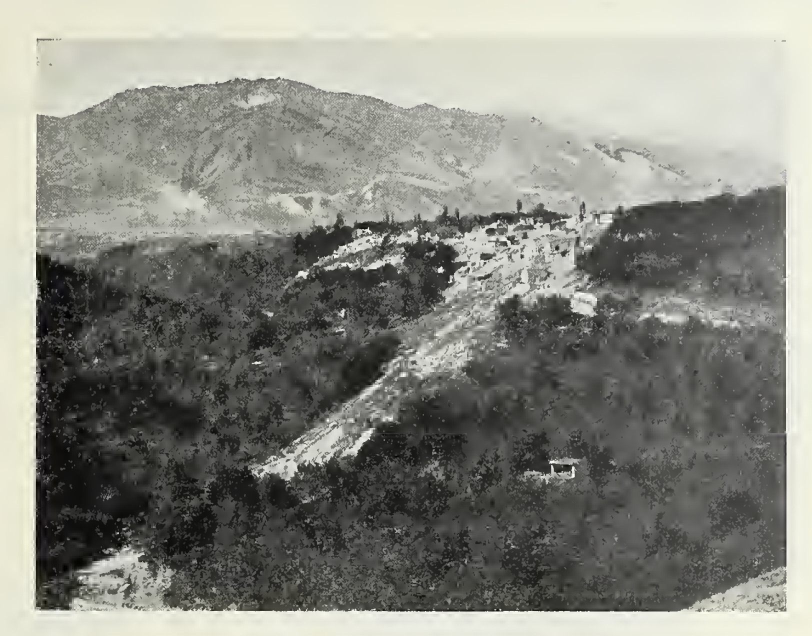

Рис. 49. Кагызманъ.

Городъ Кагызманъ (см. рис. 49) расположенъ на одной изъ террасъ Кагызманскаго ущелья, на высотѣ 4600 фут. н. ур. моря, при р. Кагызманъ-дара-

Рис. 50. Добываніе соли около Кагызмана.

су, впадающей въ Араксъ справа. Онъ, какъ и Кульпъ, извѣстенъ своими соляными ломками (см. рис. 50). Изъ Кагызмана мой путь лежалъ на западъ, въ Сарыкамышъ; но, прежде чѣмъ выѣхать сюда, я долженъ былъ совершить

рядъ большихъ и маленькихъ поѣздокъ какъ къ югу отъ Кагызмана, такъ и къ сѣверу, по направленію къ Карсу. Цѣль поѣздокъ была все та же—найти новыя

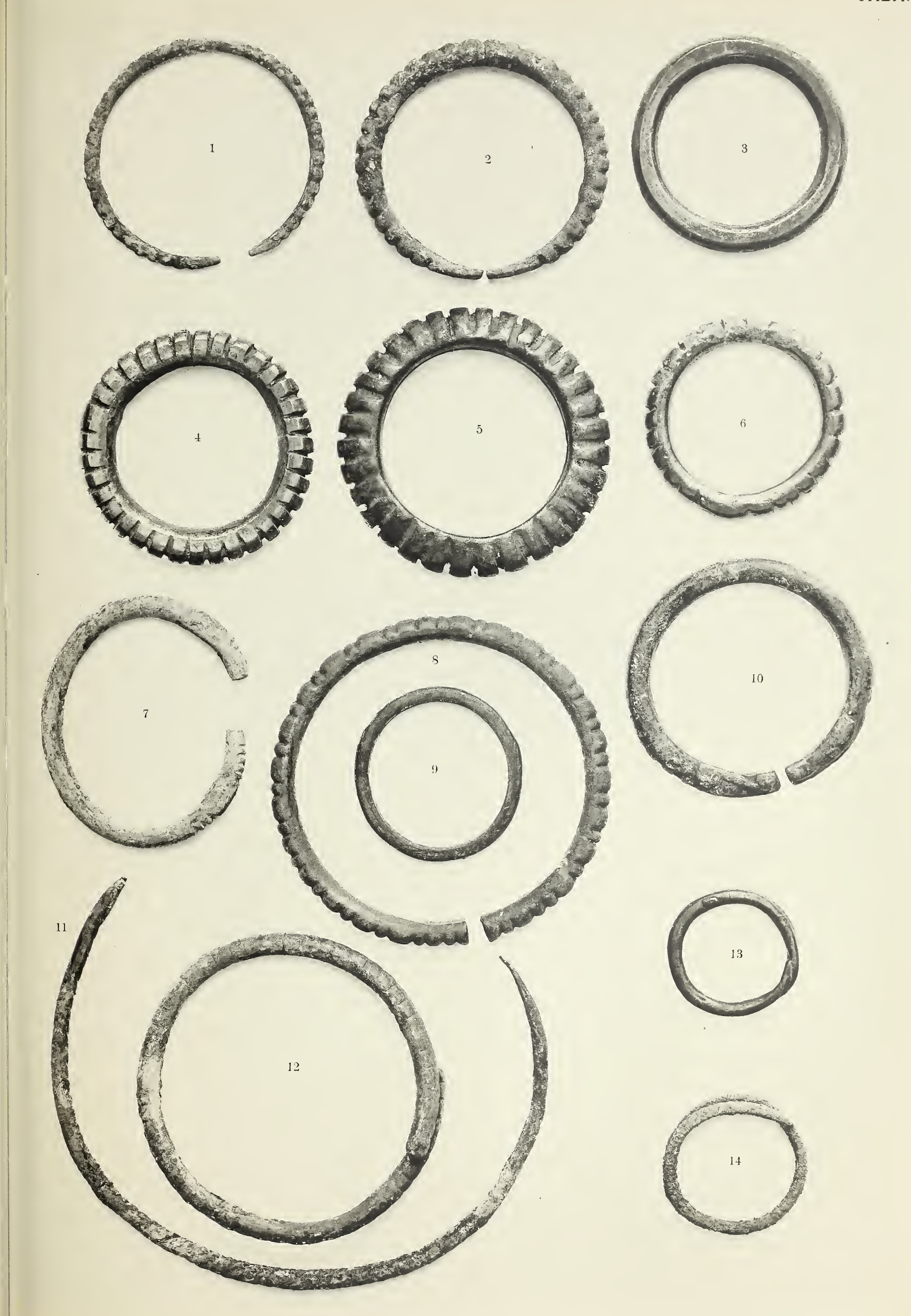
Рис. 51. Древне-армянскій монастырь Бешъ-Килиса („пять церквей") между Кагызманомъ и Карсомъ.

клинообразныя надписи и остатки древнихъ укрѣпленій. Что и тѣ, и другіе имѣются около Кагызмана, меня увѣряли самымъ положительнымъ образомъ.

Рис. 52. Древне-армянскій монастырь Дикоръ (Дигоръ), въ 4 вер. къ юго-востоку отъ Бешъ-Килиса (между Кагызманомъ и Карсомъ).

Какъ ни скептически относился я къ подобнаго рода увѣреніямъ, но оставлять ихъ безъ вниманія и не провѣрять я не считалъ себя въ правѣ, и обыкновенно

Фот. П. Павлова

воочію приходилось убѣждаться, что для такихъ увѣреній не было ни малѣйшихъ основаній. Такой же результатъ былъ достигнутъ и поѣздками по окрестностямъ Кагызмана. Я позволю себѣ только привести здѣсь фотографическіе снимки съ двухъ замѣчательныхъ древне-армянскихъ монастырей, находящихся между Кагызманомъ и Карсомъ,—Бешъ-килиса (что въ переводѣ означаетъ „Пять церквей“) и въ 4 вер. къ юго-востоку отъ него Дикоръ или Дигоръ, изъ которыхъ первый очень красиво расположенъ въ глубокомъ ущельѣ. О томъ и другомъ монастырѣ говорится въ отчетѣ А. Д. Ерицова, помѣщенномъ въ „Трудахъ V-го Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ“.

Изъ Кагызмана я избралъ на Сарыкамышъ прямой путь, по которому можно проѣхать только верхомъ: сначала по дикому ущелью рѣчки Баянъ-су на сел. Пуруты, отсюда на сел. Гечеванъ и далѣе по чрезвычайно трудному

Рис. 53. Скала около сел. Пуруты (по дорогѣ изъ Кагызмана въ Сарыкамышъ) съ высѣченной въ ней церковью.

перевалу черезъ хребетъ Ахъ-Баба, гдѣ насъ засталъ очень сильный холодъ, на Сарыкамышъ. Какъ ни дика, ни безплодна и ни малолюдна мѣстность, по которой пришлось здѣсь проѣзжать, но, повидимому, и она нѣкогда знала лучшія для нея времена, нежели теперь, и въ ней происходила когда-то борьба за религіозныя и политическія права. На это указываютъ нѣкоторые встрѣченные нами архитектурные памятники. Около сел. Пуруты, лежащаго въ верховьяхъ рѣчки Баянъ-су, находится скала съ издалека замѣтными на ней слѣдами вывѣтриванія (см. рис. 53). При ближайшемъ осмотрѣ скалы въ ней оказалась грубо высѣченная маленькая церковь съ крестами и слѣдами надписей на стѣнахъ, сильно пострадавшими отъ времени, а мѣстами и отъ человѣка. Стѣны церкви очень закоптѣли,—можно думать, что въ позднѣйшее время эта церковь служила чьимъ-либо жилищемъ и убѣжищемъ, и въ ней горѣли костры. Размѣры церкви—очень небольшіе: алтарь имѣетъ въ длину 3 арш., въ ширину—2,

а въ высоту (потолокъ куполообразный)—5 арш. Длина средней части церкви—3 саж.; ее можно было бы назвать квадратной, если бы правая сторона не была

Рис. 54. Внутренность церкви, высѣченной въ скалѣ около сел. Пуруты (по дорогѣ изъ Кагызмана въ Сарыкамышъ).

дугообразно вогнутой. Средняя часть церкви отдѣлена отъ алтаря стѣною съ двумя боковыми проходами и двумя отверстіями надъ этими послѣдними (см.

Рис. 55. Развалины крѣпости около сел. Гечеванъ (по прямой дорогѣ изъ Кагызмана въ Сарыкамышъ).

рис. 54). Влѣво отъ церкви была высѣчена, повидимому, маленькая часовенка. Около сел. Гечевана находятся остатки крѣпости, фотографическій снимокъ

Рис. 56. Сарыкамышъ.

которой представленъ на рис. 55-мъ. Одна изъ стѣнъ крѣпости примыкаетъ къ обрывистому склону ущелья, что́ дѣлаетъ крѣпость съ этой стороны трудно доступной. Недалеко отъ крѣпости, на той же возвышенной поверхности, на которой находится и она, стоитъ небольшая полуразрушенная армянская церковь.

Рис. 57. Остатки фундамента мечети, изъ котораго взята Сарыкамышская клинообразная надпись.

Въ Сарыкамышѣ (рис. 56) я долженъ былъ познакомиться съ мѣстностью, гдѣ была найдена Сарыкамышская клинообразная надпись. А. Д. Ерицовъ, открывшій эту надпись, въ „Трудахъ V-го Археологическаго Съѣзда“, стр. 90, сообщаетъ о ней: „Лѣтомъ прошлаго 1878 года я видѣлъ въ поселеніи нашихъ эмигрантовъ-горцевъ, въ верхнемъ Сарыкамышѣ (у Соганлугскаго хребта) большой камень съ нѣсколько пострадавшею клинообразною надписью. Этотъ камень привезенъ горцами съ развалинъ, находящихся въ 5 верстахъ, въ лѣсу, и заложенъ въ наружную стѣну выстроенной ими мечети съ юго восточной

стороны. Нынѣ эмигранты, кажется, бросили свое поселеніе и удалились въ Турцію". Надпись дешифрирована и издана М. В. Никольскимъ въ V т. „Матеріаловъ по археологіи Кавказа"; она содержитъ въ себѣ интересныя географическія и историческія данныя. Мечети, о которой говоритъ Ерицовъ, въ настоящее время не существуетъ,—она разрушена, и въ мое время отъ нея сохранялись только остатки фундамента (рис. 57), камни изъ котораго, по мѣрѣ надобности, увозятся сарыкамышскими жителями. Что касается свѣдѣній Ерицова о первоначальномъ мѣстонахожденіи камня съ надписью, то они расходятся съ свѣдѣніями, полученными мною отъ теперешнихъ жителей Сарыкамыша. По ихъ словамъ, камень съ надписью находился первоначально на томъ холмѣ недалеко отъ Нижняго Сарыкамыша, гдѣ и теперь еще много громадныхъ обдѣланныхъ камней. Холмъ этотъ, лежащій въ полуверстѣ къ сѣв.-сѣв.-востоку отъ Нижн. Сарыкамыша и имѣющій эллипсоидную форму, очень значительной высоты и величины, является господствующимъ въ данной мѣстности,— съ него на далекое разстояніе въ разныя стороны можно обозрѣвать окрестности и съ него удобно было защищать ущелье, ведущее на сѣверо-востокъ, въ глубь страны. Достаточно было бросить бѣглый взглядъ на находящіеся на поверхности холма камни, чтобы сразу же узнать въ нихъ остатки крѣпости, подобной тѣмъ, которыя не разъ приходилось видѣть въ Эриванской губерніи. Крѣпость сильно разрушена, хотя мѣстами каменная кладка сохранилась довольно хорошо; нѣсколько камней свалились съ вершины холма на его склоны; многіе камни носятъ на себѣ явные слѣды отдѣлки. При изслѣдованіи холма съ крѣпостью на немъ обнаружена особенность, отличающая его отъ другихъ холмовъ съ подобными крѣпостями: склоны его спускались, повидимому, нѣкогда террасообразно [1]). Къ настоящему времени террасы очень сильно сгладились, лучше сохранившись на болѣе длинныхъ склонахъ холма, имѣющаго, какъ сказано выше, эллипсоидную форму. Число террасъ—не менѣе четырехъ. Изъ нѣсколькихъ фотографій, снятыхъ съ холма, удалась, къ сожалѣнію, только одна, на которой виденъ склонъ холма, спускающагося въ сторону Н. Сарыкамыша; на вершинѣ холма замѣтны развалины древней крѣпости (см. рис. 58).

Изъ Сарыкамыша въ направленіи на востокъ и югъ было совершено нѣсколько поѣздокъ моимъ спутникомъ В. А. Монастыревымъ, но онѣ не обнаружили никакихъ памятниковъ интересующей насъ эпохи, и мы двинулись въ Карсъ. Дорога шла по долинѣ р. Карсъ-чая. Эта рѣчка беретъ свое начало въ Соганлугскомъ хребтѣ и образуется нѣсколькими небольшими ручейками, сливающимися между собою у селенія Сарыкамыша. Отсюда она течетъ сначала, на протяженіи верстъ 16-ти, по неглубокому и неширокому ущелью, по склонамъ котораго растетъ рѣдкій сосновый лѣсъ, а затѣмъ ущелье расширяется, и

---

[1]) Подобныя же террасы (только несравненно лучше сохранившіяся) на склонахъ холмовъ съ крѣпостями на нихъ наблюдалъ въ Турецкой Арменіи, около деревень Baghin и Mazgerd. *E. Huntington;* см. его статью: „Weitere Berichte über Forschungen in Armenien und Commagene" въ „Zeitschr. f. Ethnol.", 1901, H. V.

до Карса р. Карсъ-чай извивается среди низкихъ береговъ по холмистой мѣстности, изрѣдка перерѣзываемой небольшими отрогами окрестныхъ горъ. Нѣтъ

Рис. 58. Холмъ (направо) около Н. Сарыкамыша съ остатками крѣпости на немъ.

Рис. 59. Соганлукское ущелье, ведущее къ востоку отъ Сарыкамыша.

сомнѣнія, что долина р. Карсъ-чая въ эпоху ванскихъ царей служила важнымъ стратегическимъ путемъ, на что, помимо нахожденія клинообразной надписи и укрѣпленія около Сарыкамыша, указываютъ еще нѣсколько крѣпостей, встрѣченныхъ нами по пути въ г. Карсъ. Я затрудняюсь сказать что-либо опредѣленное о разбросанныхъ камняхъ на 5-ой верстѣ нашего пути отъ Сарыкамыша; если они и представляютъ собою остатки бывшаго здѣсь укрѣпленія, то во всякомъ случаѣ очень незначительнаго по своимъ размѣрамъ. На 11-ой верстѣ отъ Сарыкамыша къ Карсу, около сел. Чатахъ, налѣво, на высокомъ холмѣ нами найдена крѣпость, построенная по типу описанныхъ нами ранѣе крѣпостей. Остатки стѣнъ сохранились настолько, что даютъ полную возможность судить объ общей формѣ крѣпости (рис. 60): она — пятиугольна, около 350 — 360 саж. въ окружности, съ неравными сторонами; изъ нихъ лучше всѣхъ сохранилась западная, у краевъ и посрединѣ которой замѣтны развалины башенъ; такія же двѣ развалины башенъ имѣются и на южной сторонѣ, гдѣ былъ, повидимому, входъ въ крѣпость,—здѣсь ясно замѣтенъ выровненный спускъ, ведущій внизъ; слѣды такого же спуска видны и съ западной стороны, у развалинъ самой сѣверной башни. По склонамъ холма такъ же, какъ и около Сарыкамыша, видны слѣды прежнихъ террасъ, которыхъ, какъ и у Сарыкамышскаго холма, было не менѣе четырехъ. Когда я осматривалъ эту крѣпость, она не напомнила мнѣ по своей формѣ ни одной изъ видѣнныхъ мною прежде, и только впослѣдствіи, сравнивая планы различныхъ крѣпостей, я былъ пораженъ сходствомъ плана этой крѣпости съ планомъ большой крѣпости около Арарата, неподалеку отъ Ташбуруна (см. выше, рис. 38): тотъ же пятиугольникъ, то же расположеніе въ немъ сторонъ, въ тѣхъ же мѣстахъ развалины башенъ, тѣ же, наконецъ, два спуска, ведущіе въ одинаковыя стороны. При осмотрѣ всѣхъ прежнихъ крѣпостей я выносилъ убѣжденіе, что форма ихъ, столь разнообразная, находится въ полной зависи-

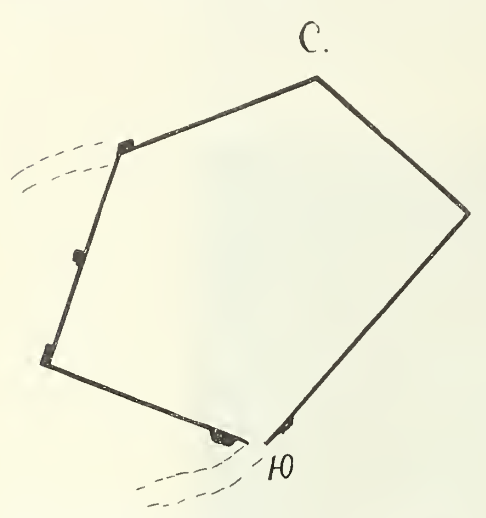

Рис. 60. Планъ крѣпости на холмѣ около сел. Чатахъ.

Рис. 61. Одна изъ стѣнъ крѣпости около сел. Чатахъ.

мости отъ размѣровъ и рельефа поверхности того холма, на которомъ крѣпость выстроена. На Чатахскомъ холмѣ мы имѣемъ первый случай постройки крѣпости по плану другой, именно Ташбурунской. Не служитъ ли этотъ фактъ новымъ доказательствомъ того, что большая крѣпость около Арарата пользовалась въ эпоху ванскихъ царей громадною извѣстностью и особеннымъ значеніемъ.

Въ разстояніи 14 верстъ отъ Сарыкамыша лежитъ сел. Эдды-килиса, что въ переводѣ означаетъ „семь церквей", и дѣйствительно, здѣсь видны развалины семи церквей, изъ которыхъ сравнительно лучше сохранились двѣ. Около самаго селенія, налѣво отъ дороги, возвышается довольно высокая скала, на которой также замѣтны остатки крѣпости. Остатки эти не даютъ возможности съ точностью судить о формѣ бывшей крѣпости, но, какъ мнѣ тогда казалось, эта форма должна быть схожей съ формой предыдущей, Чатахской, крѣпости.

Рис. 62. Карсъ.

Такимъ образомъ, на небольшомъ разстояніи (всего 14 верстъ) между Сарыкамышемъ и Эдды-килиса мы имѣемъ три (а, можетъ быть, и четыре, если считать за остатки крѣпости видѣнные мною камни на 5-ой верстѣ) бывшихъ когда-то, повидимому, достаточно сильными и хорошо защищенными, крѣпости. Очевидно, разъ узкое ущелье Карсъ-чая требовало такой сильной защиты, путь по нему имѣлъ чрезвычайно важное значеніе, и я вполнѣ готовъ раздѣлить мнѣніе многоуважаемаго М. В. Никольскаго, что „долина Карсъ-чая для Аргишти служила большою дорогою на сѣверъ, а область, къ которой она принадлежала, нынѣ Карсская область, въ урартскій періодъ была одною изъ важнѣйшихъ въ Закавказьѣ, подобно тому какъ и въ нынѣшнее время Карсская область служитъ дорогою и ключемъ къ Кавказу съ юга" (стр. 91 V-го тома „Матеріаловъ по археологіи Кавказа").

Выше я упомянулъ, что р. Карсъ-чай по узкому ущелью течетъ на протяженіи 16-ти верстъ, а потомъ выходитъ на холмистую мѣстность. Любопытно, что только эта часть Карсъ-чая и защищалась крѣпостями; дальше же Эддыкилиса и до самаго г. Карса никакихъ развалинъ крѣпостей нами уже не было встрѣчено.

На основаніи свѣдѣній, имѣвшихся ранѣе въ моемъ распоряженіи, а также сообщенныхъ мнѣ изъ разныхъ источниковъ въ Карсѣ, я нашелъ необходимымъ посѣтить озеро Чалдыръ (Чалдыръ-гёль) и осмотрѣть его окрестности. Это озеро находится въ сѣв.-восточной части Карсской области, въ серединѣ Закавказскаго плоскогорья, на высотѣ 6522 фут. надъ ур. моря. Озеро имѣетъ форму неправильнаго треугольника, обращеннаго вершиною на югъ, отъ 42 до 45 верстъ въ окружности. Наибольшая длина озера—19 верстъ, ширина—

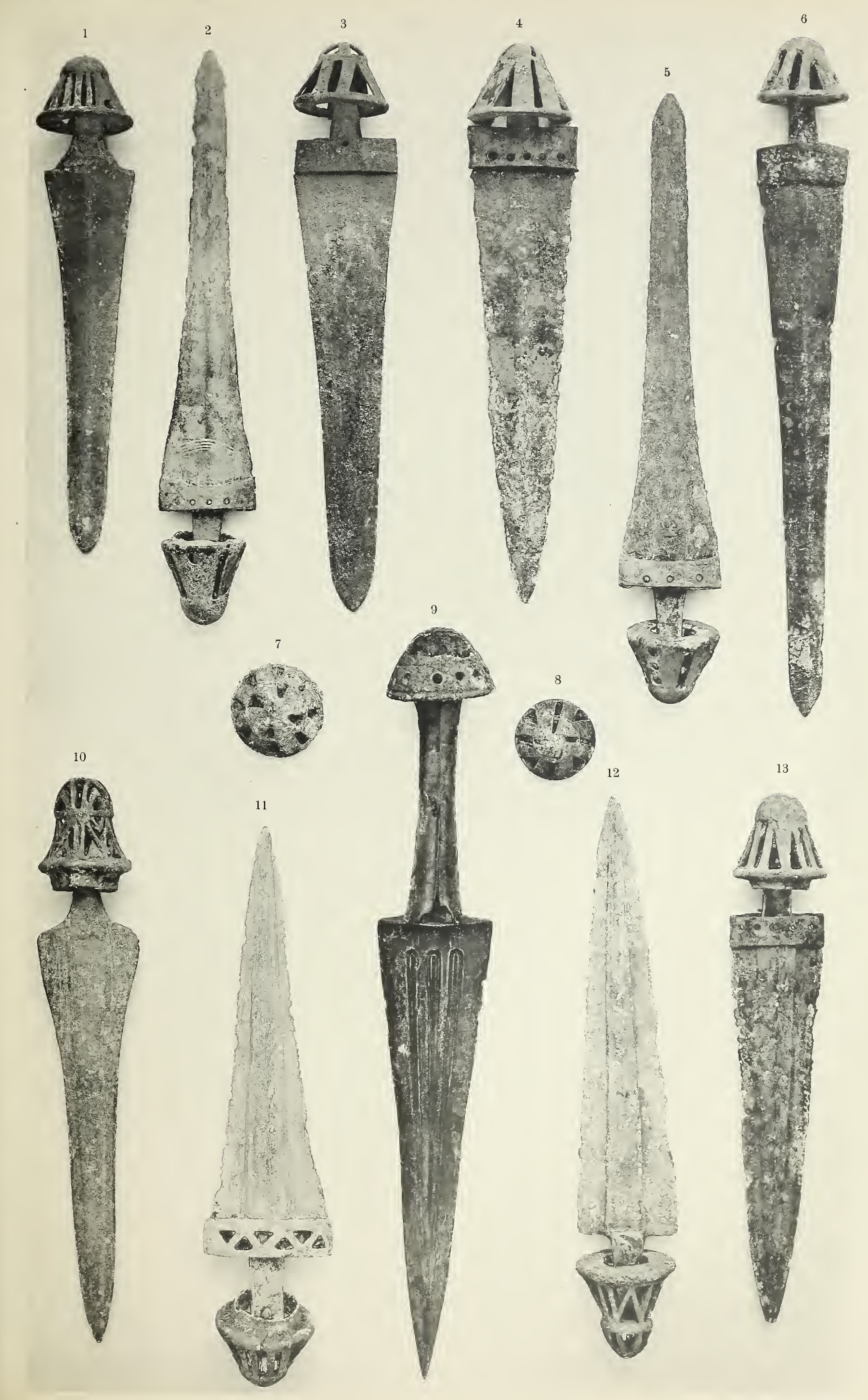

Рис. 63. Озеро Чалдыръ около Ташъ-баши.

15 верстъ, глубина, по словамъ Каврайскаго [1]), простирается въ срединѣ до 10 метровъ, поверхность—около 75 кв. верстъ. По мнѣнію Абиха, „Чильдырское озеро, какъ и сосѣднее съ нимъ на сѣверѣ Хозапинское, не должны считаться настоящими кратерными озерами, такъ какъ они представляютъ лишь котловины, огражденныя валомъ излившихся въ предѣлы атмосферы лавъ“ [2]). Окружающія озеро горы (на западѣ—Кысырдагъ, на востокѣ—Бол. и Мал. Ахбабы) поднимаются до высоты 8—9 тыс. фут. Восточный берегъ—сравнительно пологій, западный—болѣе крутой; на югѣ лежитъ небольшая болотистая равнина, по кото-

[1]) Ѳ. Ѳ. *Каврайскій.* Отчетъ о командировкѣ для изученія р. Куры и озеръ Тифлисской губ. и Карсской обл. Спб., 1901 г., изд. Мин. Земл; см. также журн. „Землевѣдѣніе“, 1910 г., кн. II, стр. 75.

[2]) *Г. Абихъ.* Геологія Армянскаго нагорья. Западная часть. Орографическое и геологическое описаніе. Перев. Б. З. Коленко. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XXI.

Фот. П. Павлова.

рой вытекаетъ изъ озера рѣчка Чалдыръ-су, притокъ Карсъ-чая. Озеро славится своими рыбными богатствами, особенно форелью и сазанами.

Въ сѣв.-восточномъ углу озера выдается небольшой полуостровъ. Вниманіе изслѣдователя памятниковъ урартскаго періода сразу же будетъ остановлено находящеюся на полуостровѣ, близь селенія Агджа-кала, крѣпостью. Она имѣетъ форму неправильнаго треугольника, обращеннаго вершиною на югъ. Любопытно, что общее очертаніе крѣпости очень напоминаетъ очертаніе самого Чалдыръ-гёля, особенно на картахъ болѣе крупнаго масштаба. Наибольшую длину имѣетъ восточная сторона крѣпости — саженей 70, наименьшую — сѣверная (саженей 40). Въ способѣ постройки этой крѣпости есть особенности, отличающія ее отъ другихъ, видѣнныхъ нами прежде, крѣпостей. Послѣднія съ полнымъ правомъ можно назвать циклопическими сооруженіями; стѣны ихъ по большей части сложены изъ громадныхъ, тяжеловѣсныхъ камней, иногда прямо поражающихъ своей величиной. При сооруженіи этой, — будемъ называть ее Чалдырской, — крѣпости на-ряду съ большими камнями, какъ, напр., на рис. 65-мъ, шли въ дѣло и сравнительно мелкіе (рис. 66 и 68), и такихъ камней больше всего. Правда, въ этомъ явленіи можно и не видѣть отличительной особенности данной постройки, а объяснить его иной причиной: у большей части крѣпостей намъ приходилось видѣть жалкіе остатки ихъ, сохранившіеся отъ разрушенія временемъ и главнымъ образомъ, вѣроятно, человѣкомъ. Послѣдній естественно прежде всего бралъ то, что было легче всего взять, т.-е. болѣе мелкіе и болѣе легкіе камни; камни же громадной величины и вѣса, справиться съ которыми было не подъ силу одному человѣку или нѣсколькимъ, оставались на мѣстѣ и сохранились здѣсь до нашихъ дней. Съ этой точки зрѣнія Чалдырская крѣпость должна быть признана наиболѣе сохранившейся, такъ какъ мы видимъ въ ней и массу мелкихъ камней, воспользоваться которыми у послѣдующихъ обитателей полуострова и прилегающей къ нему мѣстности, повидимому, не было надобности. Другая особенность Чалдырской крѣпости, какой намъ не приходилось видѣть въ предыдущихъ крѣпостяхъ, это—обиліе внутреннихъ подраздѣленій, неправильныхъ и чрезвычайно запутанныхъ (см. рис. 64, 67 и 68). И эта особенность можетъ найти себѣ такое же объясненіе, какое высказано было выше, т.-е. что въ другихъ крѣпостяхъ мы не находили такой сложной сѣти внутреннихъ сооруженій только потому, что болѣе мелкіе камни изъ крѣ-

Рис. 64. Планъ крѣпости на полуостровѣ оз. Чалдыръ, близъ сел. Агджа-кала.

постей были унесены или увезены, въ Чалдырской же крѣпости всѣ эти внутреннія сооруженія, тоже значительно разрушенныя, все-таки болѣе или менѣе

Рис. 65. Одна изъ стѣнъ Чалдырской крѣпости.

сохранились. Самое южное отдѣленіе крѣпости, имѣющее форму почти равносторонняго треугольника, сплошь завалено камнями; просто ли здѣсь обруши-

Рис. 66. Одна изъ стѣнъ Чалдырской крѣпости съ внутренней стороны.

лись стѣны, или ранѣе въ этомъ мѣстѣ стояла башня, сказать трудно. Точно также трудно сказать что-либо опредѣленное о круглой полуразрушенной башнѣ, стоящей внѣ Чалдырской крѣпости (см. рис. 69); скорѣе всего ей слѣдуетъ

Рис. 67. Видъ издалека на внутреннюю часть Чалдырской крѣпости.

Рис. 68 Внутренняя часть Чалдырской крѣпости, прилегающая къ озеру.

приписать отдѣльное отъ крѣпости, болѣе позднее происхожденіе, такъ какъ составляющіе ея стѣны камни скрѣплены между собою цементомъ, чего ни разу не наблюдалось ни въ видѣнныхъ нами въ предѣлахъ русскаго Закавказья крѣпостяхъ, ни въ крѣпостяхъ, посѣщенныхъ изслѣдователями въ предѣлахъ Турціи [1]), да и круглую форму башенъ также не приходилось наблюдать въ крѣпостяхъ ни разу.

Рис. 69. Башня около Чалдырской крѣпости.

Осмотръ окрестностей озера Чалдыране привелъ къ открытію никакихъ другихъ археологическихъ памятниковъ, и я отсюда прямымъ путемъ на Ахалкалахи и далѣе на Ахалцихъ выѣхалъ въ Москву, закончивъ такимъ образомъ свои изслѣдованія 1894 года.

---

[1]) *W. Belck.* Bauten und Bauart der Chalder. „Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte", 1895, S. 602; *E. Huntington.* Weitere Berichte über Forschungen in Armenien und Commagene. „Zeitschrift für Ethnologie", 1901, H. V (здѣсь, на стр. 179-ой, приведенъ прекрасный снимокъ сравнительно хорошо сохранившейся крѣпостной стѣны съ клинообразной въ ней надписью около деревни Baghin, на правомъ берегу р. Пери, въ 4 часахъ ѣзды къ сѣверу отъ г. Палу).

V.

Въ Елисаветпольской губерніи.

Начавшія появляться въ изданіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ Обществъ, преимущественно же въ „Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte“ извѣстія о раскопкахъ Belck'а и Rösler'а и о находимыхъ при этихъ раскопкахъ предметахъ своеобразной бронзовой культуры побудили Императорское Московское Археологическое Общество командировать меня въ 1896 году въ Елисаветпольскую губернію для производства археологическихъ изслѣдованій. Главною цѣлью послѣднихъ должны были быть раскопки могилъ съ бронзовыми вещами и возможное ознакомленіе съ культурой той эпохи, къ какой онѣ относились. Для первоначальнаго ознакомленія съ подобными могилами я рѣшилъ избрать мѣстность около Кедабека и Калакента, въ Елисаветпольской губерніи, получившихъ широкую извѣстность себѣ въ археологической литературѣ, благодаря многочисленнымъ раскопкамъ и не менѣе многочисленнымъ находкамъ нѣмецкаго ученаго В. Белька. Белькъ находился въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для изслѣдованія того обширнаго могильнаго поля съ „каменными ящиками“, которое лежитъ въ мѣстности около Кедабека и Калакента. Здѣсь находится извѣстный мѣдеплавильный заводъ Сименса, и Белькъ, служа на этомъ заводѣ въ качествѣ химика и электротехника, имѣлъ сравнительно легкую возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ-рядъ производить свои археологическія изысканія, приведшія къ такимъ богатымъ и цѣннымъ для науки результатамъ.

Кедабекъ и Калакентъ лежатъ въ сѣверныхъ отрогахъ Ганжинскаго хребта, южные склоны котораго, обращенные въ сторону озера Гокчи, круты и коротки, тогда какъ сѣверные гораздо болѣе отлоги, длинны и въ сѣв.-сѣв.-восточномъ направленіи перерѣзываются многочисленными горными рѣчками, прорывшими мѣстами глубокія ущелья. Изъ этихъ рѣчекъ для насъ особый интересъ представляетъ р. Шамхоръ. Образуясь недалеко отъ Калакента изъ сліянія двухъ рѣчекъ, направлящихся въ нее съ юга: р. Чанчахи, стекающей со склоновъ Гиналъ-дага, и Калакента, собирающаго въ себя воды съ Сатана-хача и Огруджи, Шамхоръ мало извилистой линіей течетъ въ направленіи на сѣв.-сѣв.-востокъ,

къ рѣкѣ Курѣ, въ которую онъ и впадаетъ съ правой стороны. Съ озера Гокчи, съ юго-восточной части его, наиболѣе удобный путь (только верховой) въ Шамхорскую долину лежитъ по ущелью р. Калакента(рис. 70). Правда, мѣстами, гдѣ ущелье съуживается, горная тропинка извивается надъ крутыми обрывами, мѣстами же встрѣчаются крутые подъемы, съ трудомъ преодолѣваемые лошадьми, тѣмъ не менѣе этотъ путь къ Гокчѣ является и наиболѣе прямымъ, и наиболѣе безопаснымъ. Тамъ, гдѣ рѣчки Чанчахи и Калакентъ, сливаясь между собою, образуютъ Шамхоръ, и къ западу отсюда мѣстность представляетъ собою неровную, всхолмленную долину, перерѣзанную по разнымъ направленіямъ небольшими и неглубокими оврагами. Долина р. Шамхора и именно та часть ея,

Рис. 70. Ущелье р. Калакента, ведущее съ Шамхорской долины къ оз. Гокчѣ.

гдѣ находится гора Мисдагъ, близь Кедабекскаго мѣдеплавильнаго завода, славится, какъ одно изъ особенно богатыхъ въ Закавказьѣ мѣсторожденій мѣди. По словамъ В. Я. Лисовскаго, „Мисдагская руда состоитъ почти поровну изъ мѣди, желѣза и сѣры, болѣе 30% каждаго вещества, съ незначительною примѣсью цинка и слѣдами серебра; добыча мѣди въ 1894 году простиралась тутъ почти до 100.000 пудовъ“ [1]). Мѣдь выплавляется на Кедабекскомъ и Калакентскомъ заводахъ Сименса, соединенныхъ между собою узкоколейною желѣзною дорогою.

Въ этой-то мѣстности мнѣ и предстояло произвести раскопки. В. Белькъ вскрылъ здѣсь до меня 300 могилъ; мнѣ поэтому пришлось довольствоваться тѣми могилами, которыя не были вскрыты Белькомъ. Всѣ могилы, находящіяся въ этой мѣстности, представляютъ собою такъ наз. „каменные ящики“, „Steinkistengräber“ нѣмецкихъ авторовъ. Далѣе будетъ дано подробное описаніе каж-

[1]) „Зап. Кавказ. Отд. Имп. Рус. Геор. Общ.“, 1896 г., кн. XX, стр. 228.

дой изъ вскрытыхъ мною могилъ, здѣсь же укажу только на то, что это — могилы, вырытыя въ землѣ, выложенныя по сторонамъ большей или меньшей величины каменными плитами и прикрытыя сверху или одной, или нѣсколькими, чаще всего двумя, плитами. Находить могилы не всегда легко. Не всегда намогильная плита лежитъ такъ открыто на земной поверхности, какъ это мы видимъ на рис. 71-мъ; чаще же всего отъ этой верхней плиты видна бываетъ только незначительная часть, и только опытный глазъ можетъ предположить здѣсь существованіе „каменнаго ящика". Нерѣдки, наконецъ, случаи, когда на

Рис. 71. Могила-„каменный ящикъ".

поверхности вы не видите совершенно никакихъ слѣдовъ „каменнаго ящика" и только зондомъ можно обнаружить его. На рисункѣ 72-мъ именно и представлена такая поверхность со скрытыми подъ нею могилами-„каменными ящиками"; на переднемъ планѣ—вскрытая ранѣе кѣмъ-то (вѣроятно, г. Белькомъ) могила; на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ лошадь съ всадникомъ, зондъ обнаружилъ каменную плиту, и здѣсь, дѣйствительно, оказалась могила; другая могила была разрыта за деревомъ, нѣсколько влѣво отъ него, гдѣ также не видно никакихъ слѣдовъ „каменнаго ящика". Всѣ эти три случая (1) когда верхняя плита видна вся, 2) когда видна часть ея и 3) когда она совсѣмъ скрыта подъ землею) могутъ быть объяснены разными причинами. Во-первыхъ, несомнѣнное значеніе имѣетъ большая или меньшая степень выступанія боковыхъ каменныхъ плитъ,—чѣмъ

выше выступаютъ онѣ изъ могилы, тѣмъ естественно выше должна лежать верхняя плита (что мы и видимъ на рис. 71-мъ)—и обратно. Во-вторыхъ, небезразлично должно быть соотношеніе между величиной (и, слѣдовательно, вѣсомъ) верхней плиты и боковыхъ,—небольшія боковыя плиты не выдерживаютъ тяжести верхней и глубже врѣзываются въ землю (здѣсь имѣетъ, конечно, также значеніе большая или меньшая плотность самого грунта). Имѣетъ, далѣе, значеніе растительный покровъ,—гдѣ его нѣтъ или мало и гдѣ наблюдаются энергичные процессы вывѣтриванія, тамъ могилы оказываются занесенными чаще, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ густымъ растительнымъ покровомъ (ср. тѣ-же рисунки 71 и 72). Оказываетъ затѣмъ вліяніе и высота мѣстности,—на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ верхнія плиты „каменныхъ ящиковъ“ обыкновенно хорошо видны. Очень часто могильники располагаются по близости рѣкъ. Въ такомъ случаѣ

Рис. 72. Поверхность съ скрытыми подъ нею могилами-„каменными ящиками“.

степень выступанія верхнихъ плитъ и сохранности самихъ могилъ будетъ зависѣть отъ того, въ какой части рѣки находится могильникъ,—въ той ли, гдѣ она эродируетъ, или въ той, гдѣ аккумулируетъ. Тамъ, гдѣ рѣка производитъ размываніе, не только остаются наружи верхнія плиты могилъ, но нерѣдко обнаруживаются и боковыя плиты, причемъ содержимое могилъ уносится водою черезъ дыры и щели, находящіяся въ мѣстахъ соединенія продольныхъ и поперечныхъ плитъ могилы. Такого рода примѣръ мы видимъ не рисункѣ 73-мъ, гдѣ (вправо) рѣка размыла нѣсколько „каменныхъ ящиковъ“. Въ тѣхъ же мѣстахъ, въ которыхъ рѣка аккумулируетъ, образуетъ наносы рыхлыхъ продуктовъ и производитъ наростаніе почвы, „каменные ящики“ естественно постепенно заносятся и совсѣмъ скрываются подъ наносной почвой, по большей части навсегда погибая такимъ образомъ для науки. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ, только что указанныхъ, причинъ опредѣленіе площади, занимаемой могильникомъ, и

Фот. П. Павлова.

числа могилъ на данномъ пространствѣ представляется не только дѣломъ труднымъ, но и прямо невозможнымъ.

Какъ я упомянулъ выше, я долженъ былъ ограничиться раскопкою только тѣхъ могилъ, какія остались послѣ многолѣтнихъ раскопокъ В. Белька. На пространствѣ между Кедабекомъ, Кара-мурадомъ, Кара-булахомъ и Калакентомъ мною вскрыто всего 72 „каменныхъ ящика". Прежде чѣмъ дать суммарную характеристику разрытыхъ могилъ и найденныхъ въ нихъ вещей, я приведу необходимыя свѣдѣнія о каждомъ изъ разрытыхъ „каменныхъ ящиковъ"[1]).

Рис. 73. „Каменные ящики" (вправо), размытые рѣкою.

№ 1. Длина—165 сант., ширина—70, глубина—90 сант.; направленіе—съ Ю. на С.; западная, южная и сѣверная стороны—изъ цѣльныхъ плитъ, восточная - изъ двухъ плитъ, верхняя—цѣльная, массивная; могила заполнена землей и вперемежку съ ней булыжникомъ; большое количество мелкихъ черепковъ отъ сосудовъ, среди нихъ изображенный на фиг. 10 табл. XIV съ орнаментомъ типа меандръ (à la grecque); кости истлѣли, и положеніе костяка потому осталось не опредѣленнымъ; около западной стороны, ближе къ южной плитѣ, бронзовый кинжалъ типа № 12 табл. III.

№ 2. Длина—190 сант., ширина—70, глубина—70 сант.; направленіе—съ С.-З. на Ю.-В.; юго западная сторона—изъ трехъ, плотно одна къ другой прилегающихъ, плитъ, сѣв.-восточная—изъ двухъ, на сѣв.-западной и юго-восточной сторонахъ (поперечныхъ)—по цѣльной плитѣ; покрыта могила двумя плитами, изъ которыхъ меньшая—не болѣе четверти большой; внутренность заполнена рыхлой землей, безъ камней; много черепковъ отъ большихъ и маленькихъ сосудовъ; цѣлыхъ—два, оба рядомъ около юго-западной плиты, одинъ—типа № 7 табл. XI (высота его 75 мм., ширина верхней части—163 мм., самой широкой части—167 мм. и дна—50 мм.) и другой—типа № 14 табл. XII (высота—180 мм.,

[1]) Во все время производства раскопокъ я пользовался радушнымъ пріютомъ у лѣсничаго Д. Н. Сохіева, которому приношу мою глубокую благодарность.

ширина верхней части—205, самой широкой части—252 и дна—94 мм.); нѣсколько мелкихъ циллиндрическихъ сердоликовыхъ бусъ; ближе къ юго-восточной сторонѣ—бронзовое кольцо типа № 13 табл. II и около него—бронзовый браслетъ типа № 7 той же табл. II.

№ 3. Длина 230 сант., ширина—90 сант., высота—105 сант.; направленіе—съ юго-юго запада на сѣв.-сѣв.-востокъ; продольныя стороны „ящика“ состоятъ каждая изъ трехъ болѣе или менѣе одинаковой величины плитъ, поперечныя—каждая изъ двухъ; верхняя плита—цѣльная, чрезвычайно массивная и тяжелая, потребовавшая для своего удаленія большихъ усилій; внутренность вся заполнена землей и булыжникомъ, лежавшимъ внизу могилы и заполнявшимъ, по крайней мѣрѣ, треть ея; верхняя половина могилы была сплошь засыпана рыхлой землей; костякъ истлѣлъ настолько, что отъ него сохранились только небольшіе кусочки; судя по небольшому пространству, какое занимали остатки костяка въ сѣверной половинѣ могилы, положеніе трупа было сидячее; очень большое количество разбитой и разбросанной по всей могилѣ глиняной посуды, изъ обломковъ которой взяты № 12 табл. XIV, орнаментированный двойными рядами зигзагообразно изломанныхъ линій (между которыми идетъ рядъ точекъ), образующихъ въ свою очередь рядъ четырехугольниковъ, въ центрѣ каждаго изъ которыхъ имѣется еще по одному маленькому четырехугольнику съ вкрапленными въ немъ точками; въ той половинѣ могилы, гдѣ сохранились остатки костяка, посрединѣ ея найдены два бронзовыхъ кинжала, оба одинаковаго типа № 3 табл. III, небольшой (длиною 23 сант.) бронзовый набалдашникъ (?), шириною 44 мм., съ круглыми дырочками по краямъ открытаго конца его (№ 2 табл. IV) и бронзовая игла длиною 107 мм., типа № 9 табл. IX.

№ 4. Длина—200 сант., ширина—105 (западной) и 86 (восточной части), высота—90 сант.; направленіе—съ З. на В.; верхняя плита, состоящая изъ двухъ половинъ и, повидимому, разбитая, была нѣсколько сдвинута въ бокъ; могила заполнена землей и въ безпорядкѣ разбросанными обломками горшковъ, кромѣ которыхъ ничего въ ней не найдено; могила была несомнѣнно вскрыта ранѣе.

№ 5. Длина—185 сант., ширина—80, высота тоже 80 сант.; направленіе—съ З. на В.; та же картина, какъ и въ предыдущей могилѣ; очевидно, и эта была уже разрыта.

№ 6. Длина—245 сант., ширина—110 и глубина—100 сант.; направленіе—съ С.-З. на Ю.-В.; юго-западная и сѣв.-восточная продольныя стороны сложены каждая изъ трехъ плитъ, причемъ недостающія части въ углахъ заполнены небольшими валунами, которые можно видѣть и около сѣв.-западной и юго-восточной поперечныхъ сторонъ; верхняя плита—тоже изъ трехъ частей, довольно плотно подогнанныхъ одна къ другой; могила заполнена землей, и только на днѣ нѣсколько небольшихъ камней-валуновъ, повидимому, выпавшихъ изъ стѣнъ; слѣды отъ истлѣвшаго костяка, замѣтные только въ одной сѣв.-западной половинѣ, указываютъ скорѣе всего на сидячее положеніе покойника; найдено 14 со-

судовъ, изъ которыхъ девять извлечены совершенно цѣлыми, два распались при очищеніи ихъ и три были разбиты ранѣе (повидимому, они были поставлены другъ на друга); самый большой изъ сосудовъ, кувшинъ съ узкимъ горломъ (высотою—355 мм., шириною верхней части—75 мм., самой широкой части—245 и дна—130 мм.), изображенный на рис. 7 табл. X, стоялъ у сѣв.-западной плиты; по бокамъ его находились два сосуда, одинъ—типа № 12 табл. XII (высота—125 мм., ширина верхней части—144, самой широкой части—180 и дна—67 мм.) и другой, черный—типа № 16 табл. XII (высота—76 мм., ширина верхней части—162, самой широкой части—167 и дна—88 мм.); послѣдній лежалъ на боку; у сѣв.-восточной плиты, приблизительно у средины ея, стояли два сосуда-кувшина, оба—типа № 8 табл. X и оба совершенно одинаковаго размѣра: высота—283 мм., ширина верхней части—122 мм., самой широкой—245 мм. и дна—80 мм.; противъ этихъ сосудовъ, у противоположной стѣны, найденъ кувшинъ типа № 13 табл. X (высота—208 мм., ширина верхней части—90 мм., самой широкой—175 и дна—72 мм.); остальные девять сосудовъ находились въ юго-восточной половинѣ; три уцѣлѣвшихъ изъ нихъ принадлежатъ къ типу № 3 и № 12 табл. XI и № 12 табл. XII; размѣры перваго изъ нихъ, т.-е. типа № 3 табл. XI: высота—40 мм., ширина верхней и въ то же время самой широкой части—112 мм. и дна—65 мм.; размѣры втораго (типа № 12 табл. XI): высота—80 мм., ширина верхней части—60 мм., самой широкой—118 мм. и дна—44 мм.; размѣры третьяго (типа № 12 табл. XII): высота—130 мм., ширина верхней части—144 мм., самой широкой—185 мм. и дна—68 мм. Изъ бронзовыхъ вещей въ могилѣ найдены: ножъ—типа № 1 табл. VII (длиною 167 мм.), два большихъ одинаковыхъ браслета, съ зубчатою поверхностью, представленныхъ на рис. 8 табл. II-ой (діаметръ—100 мм.), и кинжалъ, совершенно такой же, какой изображенъ на фиг. 9 табл. III (длина всего съ головкой—310 мм.).

№ 7. Длина—200 сант., ширина—86, глубина—90 сант.; направленіе—съ С.-С.-З. на Ю.-Ю.-В.; „ящикъ“ сложенъ изъ не особенно крупныхъ плитъ (на продольныхъ сторонахъ ихъ по четыре, а на поперечныхъ—по двѣ), пустыя пространства между которыми заложены небольшими рѣчными валунами; такими же валунами засыпано и дно могилы, а верхняя ея половина заполнена рыхлой землей; верхняя плита—цѣльная, очень толстая и тяжелая; подъ валунами и вперемежку съ ними много разной величины обломковъ глиняныхъ горшковъ и кувшиновъ и ни одного цѣлаго; въ сѣв.-сѣв.-западной половинѣ могилы, тоже подъ валунами,—слѣды истлѣвшаго костяка, находившагося, судя по занимаемому слѣдами его пространству, въ сидячемъ положеніи; обломковъ посуды несравненно больше въ другой половинѣ могилы, юго-юго-восточной; среди нихъ много типа № 2, 5 и 11 табл. XIV; среди валуновъ и обломковъ горшковъ на мѣстѣ бывшаго костяка найдены: одинъ бронзовый кинжалъ типа № 4 табл. III (длиною 16 сант.) и одинъ массивный бронзовый литой браслетъ (9 сант. въ діаметрѣ), съ глубокими рубцами на его поверхности, изображенный на рис. 5 табл. II. Не служили ли подобные массивные браслеты такъ наз. наручниками

или боевыми кольцами („Schlagring“ нѣмецкихъ этнографовъ), на подобіе тѣхъ, какіе и въ настоящее время встрѣчаются у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ? [1]).

№ 8. Длина—260 сант., ширина—108 сант. и глубина—130 сант., направленіе—съ С. на Ю.; западная сторона—изъ четырехъ плитъ, восточная—изъ трехъ, сѣверная - изъ двухъ и южная—изъ одной; прикрытъ „ящикъ“ двумя плитами, плотно прилегающими одна къ другой; общая картина могилы та же, что и у № 7: также много валуновъ и черепковъ глиняной посуды и также верхняя часть могилы покрыта толстымъ слоемъ рыхлой земли; слѣды истлѣвшаго костяка находились въ южной половинѣ могилы; въ этой же половинѣ найдены два бронзовыхъ кинжала (въ разстояніи сантиметровъ 30—35 другъ отъ друга) типа № 1 и 11 табл. III, одинъ бронзовый браслетъ типа № 4 табл. VII и одна бронзовая игла типа № 9 табл. IX.

№ 9. Длина—180 сант., ширина—80 и глубина—85 сант.; направленіе—съ С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З; продольныя стѣнки—изъ двухъ плитъ каждая, поперечныя—по одной; закрываетъ могилу одна плита; внутренность „ящика“ заполнена землей; слѣды истлѣвшаго костяка и мѣстами небольшіе остатки самихъ костей замѣтны почти на всемъ протяженіи могилы, что заставляетъ констатировать въ этой могилѣ погребеніе покойника въ лежачемъ положеніи, обращеннаго лицомъ на Ю.-Ю.-З.; въ головахъ — большой кувшинъ, изображенный на фиг. 6 табл. X (высота его — 328 мм., ширина верхней части — 115 мм., самой широкой — 285 мм. и дна — 90 мм.); по сторонамъ, приблизительно около плечъ, стояло по черному горшку типа № 14 табл. XI, одинъ изъ которыхъ и изображенъ на этой таблицѣ (высота его — 77 мм., ширина верхней части — тоже 77 мм., самой широкой — 112 и дна — 55 мм.); въ ногахъ также находились два кувшина: одинъ, лежавшій на боку, — типа № 13 табл. X (высота — 208 мм., ширина верхней части — 85, самой широкой — 180 и дна — 75 мм.) и другой — типа № 12 той-же табл. X (высота его — 244 мм., ширина верхней части — 78, самой широкой — 195 и дна — 66 мм). Никакихъ другихъ вещей въ этой могилѣ не найдено.

№ 10. Длина — 240 сант., ширина — 95 сант. и глубина—110 сант.; направленіе — съ З. на В.; продольная сѣверная стѣна сложена изъ четырехъ плитъ съ валунами между ними, южная — изъ трехъ, также съ валунами, западная и восточная — изъ двухъ съ валунами вдоль угловъ; верхняя плита — цѣлая, очень большаго вѣса, представившая большія трудности для ея удаленія; верхняя часть могилы заполнена землей, нижняя — массою обломковъ глиняныхъ горшковъ и кувшиновъ и большимъ количествомъ мелкихъ валуновъ; изъ сосудовъ ни одинъ не сохранился въ цѣлости; подъ камнями и среди черепковъ — слабые слѣды истлѣвшаго костяка; по всему дну много мелкихъ круглыхъ бусъ изъ стекловидной массы трудно опредѣлимаго, скорѣе сѣрова-

---

[1]) *Г. Шурцъ.* Исторія первобытной культуры. Спб., стр. 330.

то-зеленоватаго, цвѣта; въ западной половинѣ могилы найдены бронзовые щипцы (или пинцетъ), изображенные на фиг. 9 табл. IV; щипцы, длиною 67 мм., перехвачены продолговатымъ бронзовымъ колечкомъ, которое само не могло сниматься, но отъ передвиженія его вдоль шипцовъ концы ихъ могли сжиматься и разжиматься; недалеко отъ щипцовъ лежали два бронзовыхъ браслета типа № 1 и 12 табл. II и бронзовый кинжалъ типа № 12 табл. III.

№ 11. Длина — 265 сант., ширина — 110 сант. и глубина — 105 сант.; направленіе — съ С.-З. на Ю.-В.; продольныя стороны образованы каждая двумя грубо обдѣланными плитами; на сѣв.-западной сторонѣ также двѣ плиты, на юго-восточной — одна; прикрыта могила тремя плотно прилегающими одна къ другой плитами; вся могила заполнена рыхлой черной землей; камней въ ней нѣтъ; слѣды истлѣвшаго костяка находятся въ сѣв.-западной половинѣ могилы; положеніе покойника было, повидимому, сидячее; полуистлѣвшая часть нижней челюсти лежала въ одномъ изъ горшковъ; всѣхъ сосудовъ въ могилѣ 12; изъ нихъ разбиты только три, повидимому, вслѣдствіе давленія на нихъ тяжести земли; расположеніе сосудовъ было таково: по сосуду въ углахъ сѣв.-западной стороны, въ одномъ – изображенный на фиг. 13 табл. XII (высота его — 160 мм., ширина верхней части — 150, самой широкой — 263 и дна — 80 мм.; по верхней поверхности верхняго обода такой же орнаментъ, какъ и по срединѣ), въ другомъ — типа № 2 табл. X, чернаго цвѣта (высота его — 247 мм., ширина верхней части — 115, самой широкой — 310 и дна — 115 мм.); третій сосудъ, въ которомъ найдена часть нижней челюсти, стоялъ, повидимому, на колѣнахъ покойника; онъ изображенъ на рис. 11 табл. XII (высота его—90 мм., ширина верхней и самой широкой части одинакова — по 230 мм., ширина дна—80 мм.); по одному сосуду стояло у каждой изъ сторонъ по срединѣ могилы; оба они раздавлены землей; имѣли форму, судя по черепкамъ, кувшина типа № 7 табл. X; остальные сосуды всѣ находились въ юго-восточной половинѣ могилы и были разставлены безъ всякаго порядка; изъ нихъ два могутъ быть отнесены къ типу № 12 табл. XII, одинъ — типа № 16 той-же табл. XII, одинъ — типа № 3 табл. XI, два — типа № 8 табл. XII; форму разбитаго сосуда трудно опредѣлить; среди сосудовъ много (до 40 штукъ) раковинъ типа № 20 и 21 табл. VIII, съ просверленными вдоль ихъ отверстіями для пришиванія или нанизыванія; много маленькихъ сердоликовыхъ бусъ краснаго цвѣта; въ той половинѣ „ящика“, гдѣ находился скелетъ, почти по срединѣ этой половины, найдено одно бронзовое височное кольцо типа № 3 табл. IX (но безъ привески, изображенной на рисункѣ), одно маленькое бронзовое кольцо и два бронзовыхъ браслета типа № 10 и 12 табл. II.

№ 12. Длина — 260 сант., ширина — 115 сант. и глубина — 135 сант.; направленіе — съ З. на В.; поперечныя стѣнки „ящика“, западная и восточная, состоятъ изъ цѣльныхъ плитъ, сѣверная — изъ четырехъ и южная – изъ трехъ; верхняя плита была настолько велика, что не могла быть снята усиліями рабочихъ; попытки разбить ее тоже оказались неудачны; пришлось обхватить

плиту двумя толстыми цѣпями и стащить ее при помощи буйвола; вся верхняя часть могилы почти на-половину оказалась засыпанною рыхлой землей; нижняя же половина была заполнена большимъ количествомъ рѣчныхъ валуновъ (величиною съ кулакъ и болѣе) и многочисленными, по большей части чернаго цвѣта, черепками глиняной посуды, среди которой въ сравнительно лучшей сохранности найденъ только одинъ, изображенный на рис. 19 табл. XI; изъ обломковъ посуды въ этой могилѣ взяты изображенные на табл. XIII подъ №№ 8 и 14, изъ которыхъ первый орнаментированъ по краю линіею изъ точекъ и прилегающими къ ней трехугольниками съ параллельными въ нихъ линіями, а второй — неправильной, змѣеобразно извивающейся линіей; костякъ сохранился сравнительно лучше, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ могилахъ, — найдены были полуистлѣвшіе остатки тазовыхъ костей, femur'а, humerus'а, нѣсколько фалангъ и удалось даже извлечь недалеко отъ западной стѣнки „ящика" черепъ (безъ лицевыхъ, однако, частей), лежавшій на правомъ боку и обращенный лобною частью на сѣверъ (въ таблицѣ измѣреній череповъ онъ значится подъ № 1); положеніе костяка безъ сомнѣнія было сидячее; изъ вещей многія оказались новыми по сравненію съ прежде найденными; такъ въ мѣстѣ нахожденія остатковъ скелета найдены въ разстояніи поларшина другъ отъ друга два одинаковыхъ большихъ бронзовыхъ кольца, по 12 сант. въ діаметрѣ; кольца эти, одинъ изъ которыхъ изображенъ на рис. 10 табл. VII, имѣютъ внутри и по срединѣ зигзагообразно извивающуюся проволоку, заканчивающуюся небольшимъ спиралеобразнымъ кольцомъ; проволока, образующая внутреннюю зигзагообразно извивающуюся линію и спиралеобразное кольцо и служащая продолженіемъ проволоки, образующей само (большое) кольцо, имѣетъ ту особенность, что она плоская, тогда какъ проволока самого кольца круглая; кромѣ этихъ двухъ бронзовыхъ колецъ, въ этой же половинѣ могилы, гдѣ находился скелетъ, въ разныхъ частяхъ ея найдены шесть круглыхъ привѣсокъ изъ сурьмы (антимона) съ изображенными на одной сторонѣ ихъ животными, въ которыхъ скорѣе всего можно видѣть горныхъ козловъ (см. рис. 7 и 8 табл. VI); вверху эти круглыя привѣски заканчивались, повидимому, душкой, но она на всѣхъ экземплярахъ отломлена; на всѣхъ экземплярахъ вверху имѣется по двѣ дырочки; сравнивая частности орнамента одной привѣски съ орнаментомъ остальныхъ и находя ихъ совершенно одинаковыми, надо вывести заключеніе, что эти привѣски выливались въ особыхъ формахъ, и для нашихъ привѣсокъ, повидимому, служила одна и таже форма; кромѣ этихъ шести привѣсокъ найдено около нихъ много маленькихъ обломковъ какихъ-то вещей тоже изъ сурьмы; два обломка, лучше сохранившіеся, изображены на рис. 4 и 6 табл. VI; среди этихъ обломковъ лежала бронзовая игла или булавка, 11 сант. длиною, довольно толстая, съ загнутымъ въ колечко однимъ концомъ (см. № 11 табл. IX), и около нея бронзовая вещь, изображенная на рис. 4 табл. IX, съ двумя душками, повидимому, для пришиванія или привѣшиванія и съ 8 сквозными, въ формѣ треугольниковъ, отверстіями; далѣе найдены четыре бронзовыхъ браслета: два изъ

нихъ массивныхъ, типа № 4 табл. II, и два тоньше, но большихъ размѣровъ, типа № 12 табл. II; около браслетъ лежали два тонкихъ бронзовыхъ колечка, типа № 14 табл. II, и по всей могилѣ масса разнообразныхъ бусъ; среди нихъ много было карнеоловыхъ или сердоликовыхъ, маленькихъ (длиною 3—4 мм.), боченкообразной и цилиндрической формы; много также по всей могилѣ было разсыпано мелкаго бисера изъ голубой египетской пасты. Замѣчу въ заключеніе, что въ этой могилѣ были найдены маленькіе кусочки истлѣвшаго дерева.

№ 13. Длина — 220 сант., ширина — 95 сант. и глубина — 110 сант.; направленіе — съ С.-З. на Ю.-В.; верхняя плита, скрытая подъ землей, оказалась довольно значительно сдвинутой въ сторону, что заставляло подозрѣвать, не была-ли эта могила вскрыта ранѣе, и, дѣйствительно, кромѣ многочисленныхъ мелькихъ обломковъ горшковъ, въ ней ничего не было найдено.

№ 14. Длина — 180 сант., ширина — 85, глубина — 90; направленіе — съ Ю.-Ю. В. на С.-С.-З.; продольныя стѣны сложены каждая изъ двухъ плитъ, сѣверная (поперечная) – изъ одной, съ южной же стороны плиты не было совсѣмъ; ее замѣняли рѣчные валуны, которые обвалились со стѣны и засыпали собою прилегающую часть могилы; прикрыта могила была двумя поперекъ ея лежавшими плитами; покойникъ, судя по слѣдамъ истлѣвшаго костяка, находился на самой срединѣ могилы, обставленный со всѣхъ сторонъ глиняными сосудами; изъ нихъ стоящіе у южной, обвалившейся впослѣдствіи, стѣнки всѣ разбиты; многіе обломки были съ орнаментомъ типа № 4, 6 и 12 табл. XIV; цѣлыхъ сосудовъ извлечено пять; изъ нихъ два стояли около южной стѣнки: одинъ изъ черной глины, амфорообразной формы, съ ручкой, изображенный на рис. 2 табл. X, имѣлъ въ высоту 270 мм.; ширина верхней его части — 121 мм., самой широкой по срединѣ — 320 мм. и дна — 120 мм.; другой, типа № 6 табл. X, имѣлъ въ высоту 320 мм., въ ширину (верхняя часть) — 108 мм., посрединѣ— 275 и діаметръ дна — 85 мм.; около этихъ двухъ сосудовъ, ближе къ центру могилы, стояли еще три—типа № 11 и 16 табл. XII и № 8 табл. X; изъ вещей по срединѣ могилы найдено много (болѣе 50) маленькихъ бронзовыхъ пуговокъ, изображенныхъ на рис. 14—17 табл. VIII, и двѣ большихъ пуговицы изъ сурьмы; онѣ изображены почти въ натуральную величину на рис. 10 и 11 табл. VIII; въ самомъ центрѣ могилы, на днѣ ея, лежалъ массивный бронзовый браслетъ, 75 мм. въ діаметрѣ, типа № 4 табл. II, и недалеко отъ него бронзовый кинжалъ типа № 4 табл. III, а рядомъ съ нимъ бронзовый ножъ типа № 1 табл. VII, только меньшихъ размѣровъ (длиною 118 мм.).

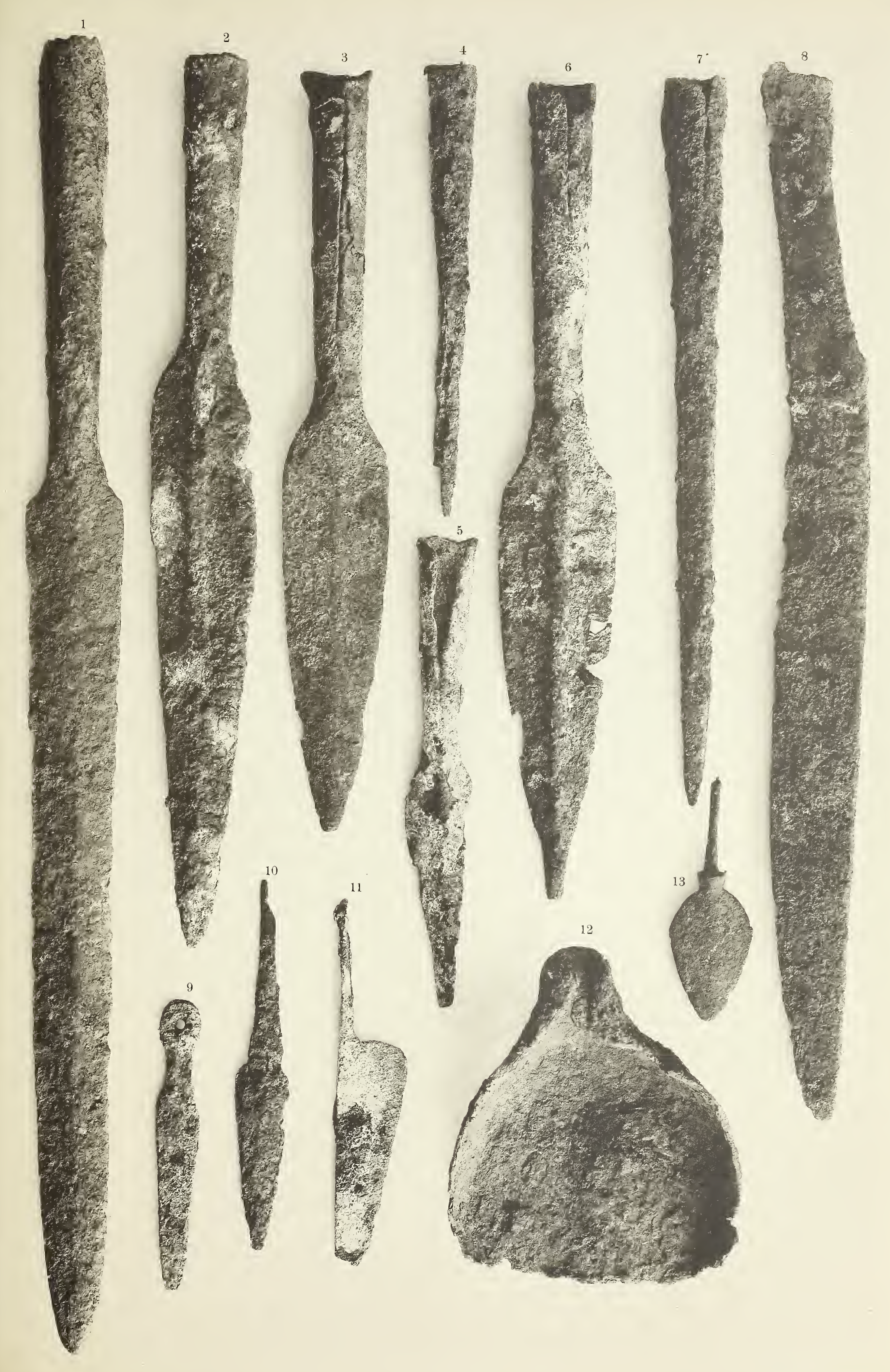
№ 15. Длина — 235 сант., ширина — 100 сант., глубина — 120 сант.; направленіе — съ З. на В.; и въ этой могилѣ, какъ и въ предыдущей, одна изъ стѣнъ «ящика», восточная, сложена изъ рѣчныхъ валуновъ; сѣверную стѣну составляютъ три плиты (изъ нихъ одна вдвое больше двухъ остальныхъ), южную — также три, а западная состоитъ изъ двухъ; въ углахъ между плитами, гдѣ позволяло свободное пространство, вставлены валуны; прикрыта могила плитой изъ двухъ хорошо пригнанныхъ половинъ; верхняя половина могилы заполнена

землей, нижняя — валунами и многочисленными глиняными черепками разбитой посуды; цѣлаго сосуда не было ни одного; отъ костяка сохранились полуистлѣвшіе femur и humerus; черепъ сдавленъ и разбитъ на мелкіе куски; около него лежало височное кольцо съ привѣской къ нему, изображенное на рис. 3 табл. IX, и неподалеку часть, повидимому, другого височнаго кольца, также съ привѣской, изображенной на рис. 13 той же табл. IX; тутъ же лежало много маленькихъ обломковъ тонкой и узкой, зигзагообразно сложенной, бронзовой пластинки (см. рис. 8 табл. IX) и 23 бронзовыхъ пуговки типа №№ 14—17 табл. 8; по всей могилѣ разбросано много (нѣсколько сотъ) чрезвычайно мелкаго (1—2 мм. въ діаметрѣ), по большой части цилиндрической формы, бисера изъ голубой египетской пасты.

№ 16. Длина — 275 сант., ширина — 110 сант., глубина — 125 сант,; направленіе — съ З. на В.; сѣверная и южная стѣнки образованы каждая четырьмя, болѣе или менѣе одинаковой величины, плитами; двѣ плиты образуютъ восточную стѣнку, съ западной же стороны не было никакой стѣнки — ни изъ плитъ, ни изъ валуновъ; прикрыта могила двумя большими плитами; вся могила засыпана рыхлой землей, въ которой найдено нѣсколько косточекъ грызуновъ; ни слѣдовъ костяка, ни какихъ-либо вещей, ни черепковъ въ этой могилѣ не встрѣчено; повидимому, въ ней совсѣмъ не было погребенія.

№ 17. Длина — 195 сант,, ширина — 90, глубина — тоже 90 сант.; направленіе — съ С.-З. на Ю.-В.; продольныя стѣны сложены изъ двойныхъ плитъ, поперечныя — изъ цѣлыхъ; прикрыта могила была также одной громадной плитой; верхняя половина могилы засыпана рыхлой землей, нижняя завалена камнями-валунами, подъ которыми и среди которыхъ много черепковъ глиняной посуды, по большей части съ орнаментомъ; изъ нихъ взятъ № 14 табл. XIV, орнаментированный вдоль края линіей изъ точекъ съ прилегающими къ ней трехугольниками и съ параллельными линіями внутри послѣднихъ; отъ костяка сохранилось нѣсколько маленькихъ полуистлѣвшихъ косточекъ, около нихъ — слѣды истлѣвшаго дерева; изъ вещей по срединѣ могилы, гдѣ остатки костяка, найдены: бронзовый кинжалъ типа № 2 табл. III, пять обсидіановыхъ стрѣлокъ типа №№ 11—14 табл. VII, двѣнадцать бѣлыхъ круглыхъ раковинъ съ просверленными въ нихъ дырочками (см. №№ 20 и 21 табл. VIII) и одинъ средней величины (62 мм. въ діаметрѣ) бронзовый браслетъ типа № 3 табл. II.

№ 18. Длина — 205 сант., ширина — 95 сант., глубина — 115 сант.; направленіе — съ З. на В.; сѣверная и южная стѣнки „ящика" образованы тремя, приблизительно одинаковой величины, плитами, западная—двумя и восточная— одной; покрыта могила одной громадной плитой, удалить которую стоило громаднаго труда; могила засыпана только землей; камней-валуновъ въ ней не было; судя по пространству, занятому слѣдами истлѣвшаго костяка, и по мѣсту нахожденія вещей, погребенъ былъ трупъ въ этой могилѣ, вѣроятнѣе всего, въ лежачемъ положеніи (голова его находилась у западной стѣнки, и лицо было обращено, надо думать, на востокъ); у западной стѣнки стоялъ большой, изъ

Фот. П. Павлова.

черной глины, амфорообразный сосудъ, изображенный на рис. 3 табл. X; высота его — 240 мм., ширина верхней части — 105 мм., самой широкой — 275 и дна — 120 мм.; по бокамъ сосуда, ближе къ горлу, имѣются двѣ ручки-петли для подвѣшиванія сосуда; между ручками, на одномъ уровнѣ съ ними и на одной только сторонѣ, выдается на 2 сант., шириною въ 5 сант., маленькій выступъ (прилѣпка), помогающій наклонять сосудъ, когда онъ виситъ; недалеко отъ этого сосуда, около сѣверной и южной стороны «ящика» (сбоку головы?), стояло еще по сосуду, одинъ изъ которыхъ развалился (вѣроятно, вслѣдствіе давленія на него тяжести земли), но былъ, повидимому, того же типа, какъ другой, стоявшій противъ него и изображенный на рис. 15 табл. X; высота его — 310 мм., діаметръ верхней части — 110 мм., самой широкой — 270 мм. и дна — 110 мм.; на трехъ сторонахъ его, кромѣ той, гдѣ ручка, имѣются маленькіе сосочки; между этими сосудами найдено до 150 штукъ бусъ, изъ которыхъ одну треть составляли круглыя сердоликовыя бусы, а двѣ трети представляли собою маленькіе каменные цилиндрики (подобныя бусы изображены на 4 рис. табл. XI вып. II-го «Матеріаловъ по археологіи Кавказа»); здѣсь же, но дальше отъ западной стѣнки, въ кучкѣ лежало 37 штукъ бронзовыхъ круглыхъ литыхъ бусъ (рисунокъ ихъ имѣется на стр. 70 вып. VIII «Матеріаловъ по археологіи Кавказа»), 23 раковины Dentalium изъ группы Scaphopoda, 7 раковинъ Cardium и 11 штукъ раковинъ изъ Gastoropoda (видъ близкій къ Fusus) [1]), и вмѣстѣ съ ними двѣ пластинки изъ сурьмы, съ тремя просверленными въ каждой изъ нихъ дырочками, типа № 5 табл. VI и №№ 4 и 12 табл. XII; около нихъ, ближе къ центру могилы, найдены два массивныхъ, совершенно одинаковыхъ, бронзовыхъ браслета, 83 мм. въ діаметрѣ, съ укрѣпленнымъ между концами сердоликовымъ шарикомъ; одинъ изъ нихъ изображенъ на рис. 18 табл. IV. Въ этой могилѣ мы натолкнулись на одну любопытную особенность, которую впослѣдствіи искали, но безуспѣшно, и въ другихъ могилахъ. При изслѣдованіи зондомъ, по окончаніи раскопокъ, дна могилы, въ сѣв.-западомъ углу ея было замѣчено присутствіе рыхлой земли, идущей въ глубину за предѣлы „каменнаго ящика“; раскопки въ этомъ мѣстѣ обнаружили значительнаго діаметра нору, уведшую на глубину почти одного метра, гдѣ, очевидно, обиталъ когда-то какой-то грызунъ и гдѣ мы нашли маленькій складъ похищенныхъ имъ изъ могилы вещей: 5 сердоликовыхъ бусъ, 23 каменныхъ циллиндрическихъ, 4 бронзовыхъ, одно тонкое бронзовое колечко и двѣ тонкихъ бронзовыхъ дуги, представлявшихъ собою, повидимому, остатки серегъ. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ случаевъ, когда сосуды оказываются опрокинутыми, а вещи находятся не въ надлежащихъ мѣстахъ, причину этого также слѣдуетъ искать въ хозяйничаніи въ могилѣ какого-либо грызуна.

№ 19. Длина и ширина этой могилы могли быть опредѣлены только на днѣ

---

[1]) Найденныя въ могилахъ раковины опредѣлены для меня проф. В. П. Зыковымъ, которому приношу мою глубокую благодарность.

ея, такъ какъ стѣнки ея были обложены камнями-валунами, которые всѣ обвалились и верхніе края могилы подверглись сильному разрушенію; длина на днѣ всей могилы (не считая камней, образовывавшихъ ея стѣны) равнялась 160 сант., ширина—85 сант., глубина—90 сант.; могилу покрывала одна большая плита; направленіе—съ В.-Ю.-В. на З.-С.-З.; подъ камнями найдено нѣсколько мелкихъ осколковъ глиняной посуды, едва замѣтные слѣды истлѣвшаго костяка, одно маленькое и тоненькое бронзовое колечко и штукъ около 30 круглыхъ, мелкихъ сердоликовыхъ бусъ. Небольшіе размѣры этой могилы заставляютъ предполагать, что въ ней погребенъ былъ ребенокъ.

№ 20. Длина—280 сант., ширина—115 сант. и глубина—130 сант., направленіе—съ В.-Ю.-В. на З.-С.-З.; могила была разрыта ранѣе; земля, камни-валуны, масса глиняныхъ черепковъ посуды—все перемѣшано между собою; найдено около десятка маленькихъ, круглыхъ сердоликовыхъ бусъ.

№ 21. Длина—240 сант., ширина—110 сант., глубина—140 сант.; направленіе—съ З. на В.; продольныя стѣнки „ящика", сѣверная и южная, сложены каждая изъ трехъ, одинаковой величины, плитъ, поперечныя, а равно и верхняя—изъ двухъ; вся могила засыпана рыхлой землей; камней-валуновъ не было; костякъ, хотя и сильно истлѣлъ, но все таки былъ найденъ въ сравнительно лучшей сохранности, чѣмъ въ предыдущихъ могилахъ; удалось даже извлечь черепъ (безъ лицевыхъ частей); покойникъ безъ сомнѣнія былъ погребенъ въ этой могилѣ въ лежачемъ положеніи, съ вытянутыми руками и ногами; черепъ лежалъ на лѣвомъ боку у восточной стѣнки «ящика» (лицо было обращено, слѣдовательно, на западъ); длина всего костяка—1610—1625 мм; кругомъ головы стояло пять глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ самый большой находился между черепомъ и восточной стѣной «ящика»; сосудъ этотъ, изъ черной глины, изображенный на рис. 14 табл. XII, имѣетъ въ высоту 180 мм., ширина верхней его части—205 мм., самой широкой—252 мм. и дна—94 мм.; по верхней половинѣ сосуда кромѣ линейнаго орнамента, видимаго на рисункѣ, идетъ еще орнаментъ изъ пересѣкающихся линій (рѣшетчатый), но очень слабо выраженный; по правую и лѣвую сторону отъ черепа стояло по два сосуда: по правую сторону—кувшинъ съ ручкой изъ черной глины, изображенный на рис. 14 табл. X (высота его—265 мм., ширина верхней части—90 мм., самой широкой—210 и дна—130 мм.); онъ былъ наполненъ, повидимому, какимъ-то масломъ, слѣды котораго продолжаютъ сохраняться и на внутренней, и на внѣшней поверхности сосуда; рядомъ съ нимъ находился сосудъ типа № 1 табл. XII, но нѣсколько большей величины и безъ орнамента; по лѣвую сторону черепа стоялъ амфорообразный сосудъ, также изъ глины, изображенный на рис. 4 табл. X; высота его—260 мм., ширина верхней части—105, самой широкой—290 и дна—100 мм.; ручекъ нѣтъ, но вверху, сбоку имѣется небольшой треугольный выступъ; сосудъ удобно держать, упираясь въ этотъ выступъ большимъ пальцемъ и опуская остальные четыре внутрь; рядомъ съ нимъ сосудъ былъ раздавленъ; по своей формѣ, судя по осколкамъ, онъ приближался къ типу № 8 табл. X; остальные сосуды, числомъ восемь, стояли въ

ногахъ; эти были меньшихъ размѣровъ; изъ нихъ чашка изъ черной глины, съ толстыми стѣнками, грубоватой работы, изображена на рис. 10 табл. XII (высота ея—90 мм., ширина верхней части—135, самой широкой—165 и дна—105 мм.); другой сосудъ изъ числа этихъ, кувшинъ изъ красной глины, мы можемъ видѣть на рис. 16 табл. XI (высота его -105 мм., ширина верхней части—60, самой широкой—110 и дна—55 мм.); онъ покрытъ грубо нарѣзаннымъ, въ формѣ треугольниковъ, орнаментомъ; на сторонѣ, противоположной ручкѣ, имѣется выступъ, одной стороной приподнятый кверху, другой—опущенный внизъ, безъ отверстія въ немъ; изъ сосуда удобно наливать, подкладывая подъ этотъ выступъ большой палецъ; на рис. 11 табл. XI изображена здѣсь же найденная небольшая глиняная чашечка (высота—50 мм., ширина верхней части—32, самой широкой—82 и дна—30 мм.), въ которой также, повидимому, находилось какое-то масло; изъ остальныхъ пяти сосудовъ одинъ приближается по формѣ къ типу № 15 табл. XI (но безъ крышки), другой—къ типу № 23 табл. XI (меньшихъ, однако, размѣровъ), третій — къ типу № 20 табл. XI, но безъ ручекъ, четвертый—къ типу № 11 табл. XII (меньшей величины) и пятый—къ типу № 16 той же табл. XII; всѣ сосуды не производятъ впечатлѣнія новыхъ, а бывшихъ продолжительное время въ употребленіи. Около черепа, въ разстояніи 30—35 мм. отъ glabella, и подъ самимъ черепомъ, именно подъ височною костью, найдены два бронзовыхъ замыкающихся височныхъ кольца типа № 3 табл. IX съ надѣтыми на нихъ бронзовыми привѣсками, съ треугольными сквозными прорѣзами, одинъ экземпляръ которыхъ изображенъ на рис. 12 табл. IX; около же черепа, недалеко другъ отъ друга, лежали двѣ бронзовыхъ фигурки птицъ (голубь?), обѣ одинаковыхъ, съ тонкой, продолговатой и слегка изогнутой головой и острымъ клювомъ, съ быстро расширяющейся и переходящей въ туловище шеей, съ продолговатымъ и довольно широкимъ на концѣ хвостомъ и съ гладкимъ, безъ ногъ, брюшкомъ; кромѣ головы и хвоста, всю фигуру насквозь прорѣзываютъ треугольныя отверстія (внутренность фигуръ полая), причемъ вершины треугольниковъ обращены попеременно то внизъ, то вверхъ; на верхней поверхности шеи птицы, ближе къ туловищу, имѣется петля, къ которой прицѣплена цѣпочка (бронзовая же), состоящая изъ маленькихъ, слегка овальныхъ, смыкающихся между собою, колечекъ; длина цѣпочки—около 40 сант.; другой конецъ ея зацѣпленъ за одно изъ колечекъ той же цѣпочки (на разстояніи отъ конца, нѣсколько меньшемъ половины цѣпочки); вначалѣ я предполагалъ, что это—случайное явленіе; при послѣдующихъ же находкахъ подобныхъ бронзовыхъ фигурокъ птицъ съ цѣпочками пришлось убѣдиться (какъ это видно и на фиг. 18 табл. IX), что конецъ цѣпочки всегда бываетъ зацѣпленъ за одно изъ колечекъ, что, повидимому, вызывалось необходимостью извѣстнымъ образомъ прикрѣпить цѣпочку. Я все время говорилъ объ одной цѣпочкѣ той фигуры птицы, которая изображена на рис. 16 табл. IX; цѣпочка же другой птицы подверглась такому окисленію, что представляла собою сплошную компактную массу, которую нельзя было разъединить иначе, какъ отламывая отъ нея каждое колечко цѣпочки от-

дѣльно. Около же черепа, а частью и подъ нимъ было собрано 28 штукъ маленькихъ, тонкихъ ромбоидальныхъ бронзовыхъ пластинокъ съ ушкомъ на одномъ углу, служившимъ для пришиванія или нанизыванія; одна изъ такихъ пластинокъ изображена на рис. 5 табл. VII; какъ форма, такъ и размѣры пластинокъ, при внимательномъ сличеніи ихъ между собою, оказываются не вполнѣ одинаковы, но разница можетъ быть названа ничтожной. Шею покойницы (по всѣмъ даннымъ въ этой могилѣ была погребена женщина) облегали нити разнообразныхъ бусъ, среди которыхъ особенно много было маленькихъ шарообразныхъ сердоликовыхъ; среди бусъ же найдены три просверленныхъ привѣски изъ свѣто-дымчатаго топаза (въ формѣ четыреугольныхъ продолговатыхъ пластинокъ, длиною отъ 15 до 22 мм., шириною—11—16 мм. и толщиною—3—5 мм.); много также было цилиндрическихъ и бочкообразныхъ бусъ разной величины изъ стеклянной массы съ глазками и линіями разныхъ цвѣтовъ; болѣе 20 штукъ было найдено просверленныхъ раковинъ Cypraea moneta; больше всего бусъ было около шеи, но въ значительномъ количествѣ онѣ были разбросаны и вдоль всего костяка, изъ чего можно заключить, что бусами украшалось и платье. Около тазовой области найдена длинная, тонкая бронзовая игла, изображенная на рис. 9 табл. IX. На каждой рукѣ было по бронзовому браслету: на правой—типа № 6 табл. II (съ діаметромъ въ 77 мм.), на лѣвой изображенный на рис. 10 табл. II (82 мм. въ діаметрѣ), съ трудно различимымъ на немъ орнаментомъ; на пальцахъ руки были кольца, отъ которыхъ сохранились тонкія, легко ломающіяся частички; на каждой ногѣ также было по браслету, оба одинаковыхъ, типа № 8 табл. II (112 мм. въ діаметрѣ).

№ 22. Длина—270 сант., ширина—100 сант., высота—105 сант.; направленіе—съ В.-Ю.-В. на З.-С.-З.; продольныя стѣны сложены изъ трехъ плитъ каждая, поперечныя—изъ одной; верхняя плита—двойная, изъ приблизительно равныхъ половинъ, прекрасно подогнанныхъ другъ къ другу; верхнія двѣ трети могилы заполнены рыхлой землей, а нижняя треть—камнями и надъ ними и вперемежку съ ними многочисленными осколками посуды, изъ которыхъ взяты изображенные на рис. 4 и 16 табл. XIV, оба съ орнаментомъ типа меандръ; среди осколковъ попадались просверленныя раковины Cypraea moneta, которыхъ собрано 32 штуки; костякъ, придавленный по срединѣ могилы камнями, истлѣлъ; положеніе его было, повидимому, сидячее; на пространствѣ, гдѣ сохранились слѣды костяка, найдены: тонкая, узкая, чрезвычайно легко ломающаяся бронзовая лента, длиною около 40 сант., шириною въ самой широкой части—22 мм., съ небольшими дырочками на томъ и другомъ концѣ для прикрѣпленія ея; лента эта, изображенная на рис. 3 табл. VIII, вѣроятнѣе всего, была принадлежностью головнаго убора; тутъ же найдены двѣ полуразрушенныхъ частицы какого-то бронзоваго предмета (въ одномъ изъ нихъ остатки цѣпочки), настолько дефектныя, что по нимъ нельзя составить представленіе о самомъ предметѣ (см. рис. 22 и 23 табл. VIII); рядомъ лежали недалеко другъ отъ друга девять маленькихъ плоскихъ колечекъ, одно изъ которыхъ изображено на рис. 8 табл. VIII; въ сто-

ронѣ отъ этихъ вещей, ближе къ поперечной з.-с.-з.-ной стѣнкѣ, лежалъ бронзовый предметъ, который можно счесть за наконечникъ копья; онъ изображенъ на рис. 5 табл IV; длина его—225 мм.; у полаго конца имѣются двѣ небольшихъ дырки съ сохранившимися въ нихъ головками гвоздей, которыми, очевидно, копье было прикрѣплено къ древку.

№ 23. Длина—220 сант., ширина—95 сант., высота—115 сант.; направленіе—съ В. на З.; продольныя, сѣверная и южная, стѣнки „ящика" сложены каждая изъ трехъ приблизительно одинаковой величины плитъ, западная—изъ двухъ, восточная—изъ пяти небольшихъ и плохо отдѣланныхъ плитъ; покрыта могила одной цѣльной плитой; сверху болѣе чѣмъ на-половину могила заполнена рыхлой землей; нижняя ея часть завалена камнями-валунами и осколками разбитой посуды, по большей части изъ черной глины и съ разнообразнымъ орнаментомъ; осколокъ съ орнаментомъ типа меандръ, изображенный на рис. 8 табл. XIV, взятъ изъ этой могилы; отъ истлѣвшаго костяка сохранилось только нѣсколько мелкихъ частицъ, легко разрушившихся при извлеченіи ихъ; положеніе трупа было, повидимому, сидячее, по срединѣ могилы; найдено болѣе 20 маленькихъ бронзовыхъ пуговокъ типа №№ 14—17 табл. VIII, 12 штукъ просверленныхъ раковинъ типа №№ 20—21 табл. VIII, болѣе 30 штукъ мелкихъ шарообразныхъ сердоликовыхъ бусъ, одно небольшое (43 мм. въ діаметрѣ) бронзовое кольцо, изображенное на рис. 13 табл. II, и бронзовый кинжалъ типа № 15 табл. VII.

№ 24. Длина—315 сант., ширина—110, глубина—145 сант.; направленіе—съ С.-С.-З. на Ю.-Ю.-В.; покрывали могилу двѣ плиты; продольныя стѣны сложены изъ трехъ плитъ каждая, поперечная сѣв.-сѣв.-западная—изъ двухъ, на юго-юго-восточной сторонѣ плитъ не было совсѣмъ; на три четверти могила засыпана землей, нижняя часть завалена камнями и мелкими осколками посуды; найдено въ разныхъ мѣстахъ пять штукъ сердоликовыхъ бусъ; могила, очевидно, была уже вскрыта ранѣе.

№ 25. Длина—275 сант., ширина—125, глубина—120 сант.; направленіе—съ С. на Ю.; общая картина та же, что и въ предыдущей могилѣ; очевидно, и эта могила была уже разрыта.

№ 26. Длина—210 сант., ширина—100 сант., глубина—105 сант.; направленіе—съ З. на В.; продольныя стѣнки образованы двумя плитами каждая, поперечныя—одной; покрыта могила также одной большой плитой; вся могила занесена рыхлой землей; костякъ сохранился менѣе, чѣмъ на-половину; удалось извлечь часть сильно разрушеннаго черепа; положеніе покойника (по срединѣ могилы) было сидячее, съ лицомъ, обращеннымъ на западъ; покойникъ былъ обставленъ со всѣхъ сторонъ глиняными сосудами, числомъ девять, изъ которыхъ три найдены распавшимися; въ двухъ изъ нихъ сохранились остатки костей какого-то животнаго, а въ третьемъ—полуистлѣвшій черепъ овцы; отъ разбитыхъ сосудовъ взятъ орнаментированный кусокъ, изображенный на рис. 13 табл. XIV; изъ уцѣлѣвшихъ сосудовъ одинъ былъ типа № 2 табл. XII (съ от-

ломанной ручкой), другой—типа № 4 той же XII табл., третій—типа № 15 табл. X (нѣсколько меньшихъ размѣровъ), четвертый—изображенъ на рис. 1 табл. X; онъ—изъ темно-бурой глины; высота его—190 мм., ширина верхней части—105 мм., самой широкой—262 мм. и дна—80 мм.; верхній ободъ его—желобообразный, орнаментъ—тонкія, прямыя параллельныя полосы; почти у самого верхняго края сосуда съ одной стороны небольшой выступъ, позволяющій удобно держать сосудъ двумя пальцами; въ этомъ сосудѣ лежалъ черепъ овцы; пятый изъ найденныхъ здѣсь сосудовъ изображенъ на рис. 8 табл. X; высота его—260 мм., ширина верхней части — 115 мм., самой широкой—245 и дна—75 мм.; кругомъ средины его идетъ орнаментъ—между двумя рѣзкими прямыми параллельными линіями двѣ тонкихъ зигзагообразныхъ; шестой сосудъ по своей формѣ приближается къ типу № 6 табл. X (но меньшихъ размѣровъ); голову покойника по горизонтальной окружности облегала тонкая бронзовая лента на подобіе той, какая найдена въ могилѣ № 22 и изображена на рис. 3 табл. VIII, но гораздо худшей сохранности,—она вся разсыпалась на мелкіе кусочки при извлеченіи черепа; около же черепа найдено около 20 штукъ маленькихъ бронзовыхъ пуговокъ такого же типа, какъ изображенныя на рис. 14—17 табл. VIII, и нѣсколько частей тоненькихъ трубочекъ, образованныхъ спиралеобразно изогнутыми бронзовыми проволоками (особенность послѣднихъ, между прочимъ, та, что въ поперечномъ разрѣзѣ онѣ имѣютъ D-образную форму); двѣ такихъ трубочки представлены на рис. 6 и 7 табл. VIII [1]); около тазовыхъ костей, недалеко другъ отъ друга, лежали два очень тонкихъ дискообразныхъ бронзовыхъ круга, съ перваго взгляда напоминающихъ тѣ „умбо“, какія описаны гр. П. С. Уваровой въ VIII вып. „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“ и изображены здѣсь на стр. 88 и табл. XLIII, но, при внимательномъ разсмотрѣніи, представляющихъ и значительныя отличія отъ нихъ; болѣе сохранившійся экземпляръ, изображенный на рис. 18 табл. VIII, имѣетъ въ діаметрѣ 115 мм.; кругомъ диска, на разстояніи 2 мм. отъ края, идетъ слегка возвышающійся валикъ, шириною у основанія 7—8 мм.; на поверхности диска имѣются четыре небольшихъ (15—18 мм. въ діаметрѣ) выпуклыхъ круга, изъ которыхъ одинъ заключенъ въ выпуклое же кольцо (всѣмъ выпуклостямъ на верхней поверхности диска соотвѣтствуютъ углубленія на противоположной сторонѣ); по краямъ диска, гдѣ они не отломлены, имѣются маленькія дырочки для прикрѣпленія этого диска; назначеніе этихъ бронзовыхъ дисковъ осталось для меня неопредѣленнымъ; около дисковъ найдены четыре круглыхъ и тонкихъ бронзовыхъ пластинки, 37—45 мм. въ діаметрѣ, съ выпуклою поверхностью на одной сторонѣ и вогнутою на другой, съ четырьмя дырочками по краямъ для прикрѣпленія; два изъ четырехъ найденныхъ экземпляровъ изображены на рис. 1 и 4 табл. VIII; на рис. 2 и 5 той

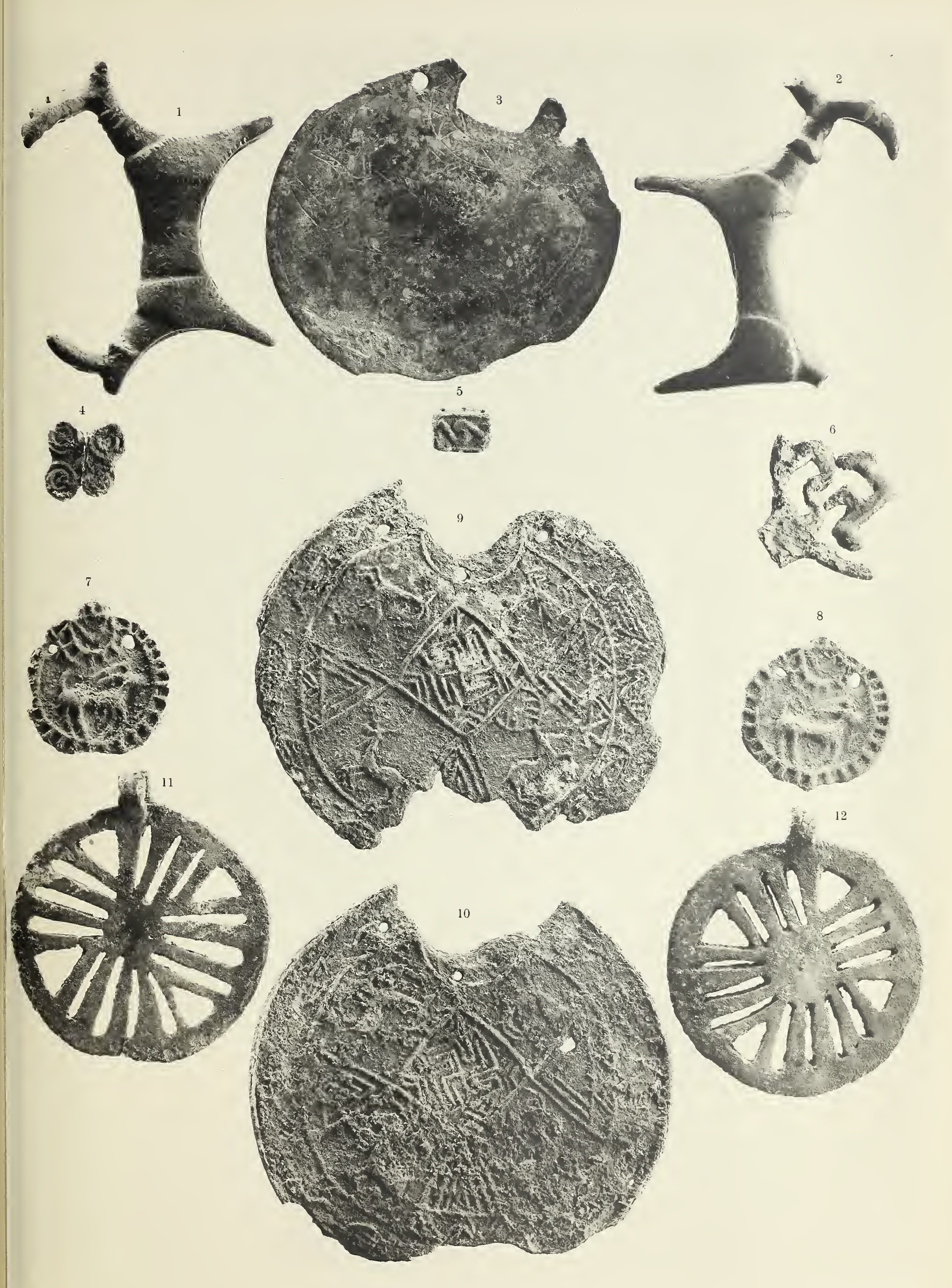
[1]) Wilke („Zeitschr. f. Ethnol.“, 1904, H. I, S. 70) неправильно думаетъ, что длина подобныхъ спиральныхъ трубочекъ, находимыхъ на Кавказѣ, колеблется только между 3—4 сант., а ширина —между 0,5—1 сант. Въ трудѣ гр. П. С. Уваровой о могильникахъ Сѣв. Кавказа („Матеріалы по археологіи Кавказа“, вып. VIII), на XXVI и XXX табл., изображены бронзовыя спирали несравненно большей длины и толщины.

же VIII табл. изображены найденные въ этой же могилѣ такіе же бронзовые кружки, числомъ восемь, но значительно меньшихъ размѣровъ (15—18 мм. въ діаметрѣ) и только съ двумя дырочками по краямъ для прикрѣпленія ихъ, причемъ въ одномъ экземплярѣ (см. рис. 5 табл. VIII) сохранились маленькіе бронзовые гвоздики, которыми эти кружки были, очевидно, прибиты; присутствіе этихъ гвоздиковъ заставляетъ предполагать, что какъ эти маленькіе выпуклые бронзовые кружки, такъ и кружки большихъ размѣровъ, такъ, наконецъ, и большіе два диска едва-ли служили для украшенія платья, а были прибиты къ какому-то отдѣльному предмету, можетъ быть, напр., украшали собою поверхность щита или колчана со стрѣлами; послѣднее предположеніе высказывается потому, что въ сосѣдствѣ съ этими бронзовыми украшеніями найдены семь маленькихъ стрѣлъ, изъ свѣтло-дымчатаго обсидіана, прекрасной отдѣлки (см. рис. 11—14 табл. VII). Инвентарь этой могилы дополнялся, наконецъ, большимъ бронзовымъ мечемъ, изображеннымъ на рис. 1 табл. I; онъ лежалъ на $1^1/_2$—2 четверти влѣво отъ скелета; длина меча—62 сант., наибольшая ширина около рукоятки—61 мм., длина рукоятки—9 сант. (конецъ ея отломленъ): останавливаетъ на себѣ вниманіе способъ ковки этой рукоятки; первоначально она представляла собою неширокую, до 30 мм., плоскую пластинку, которая потомъ, на протяженіи 61 мм., съ боковъ посрединѣ (вдоль пластинки), съ той и другой стороны была разрѣзана на глубину до 1 сант., и разрѣзанныя части отвернуты и закруглены въ противоположныя стороны такъ, чтобы эти разрѣзанныя части противоположныхъ сторонъ соединились между собою; на той и другой сторонѣ меча одинаковый орнаментъ: около рукояти три дугообразныхъ углубленія болѣе глубокихъ и два болѣе мелкихъ, съ легкими поперечными насѣчками на дугахъ, лежащихъ между углубленіями; рядомъ съ этими углубленіями—спиралеобразныя насѣчки, идущія какъ поперекъ меча, такъ на небольшомъ протяженіи (2 сант.) и вдоль краевъ его; по срединѣ меча въ продольномъ направленіи, на протяженіи 32 сант.,—четыре ряда двойныхъ, закругленныхъ вверху, линій, отъ рукоятки къ концу меча постепенно суживающихся (т. наз. „Blutrinne“ нѣмецкихъ археологовъ).

№ 27. Длина—180 сант., ширина –80 сант., глубина—95 сант., направленіе—съ В.-Ю.-В. на З.-С.-З.; продольныя стѣнки „ящика“ состоятъ изъ трехъ плитъ каждая, зап.-сѣв.-западная—изъ двухъ, а противоположная ей, вост.-юго-восточная, сложена изъ камней-валуновъ, которые встрѣчаются въ промежуткахъ между плитами и въ остальныхъ стѣнкахъ, а равно и въ углахъ „ящика“; прикрыта могила двумя одинаковой величины плитами; засыпанная сверху болѣе чѣмъ на-половину землей, въ нижней своей части могила завалена круглыми камнями, раздавившими находившіеся на днѣ сосуды; послѣднихъ было не болѣе 5—6 и все небольшихъ; изображенная на рис. 13 табл. XIII половина маленькой глиняной чашки съ орнаментомъ на ней взята изъ этой могилы; судя по немногимъ полуистлѣвшимъ косточкамъ, сохранившимся отъ скелета, въ особенности по верхней челюсти, въ этой могилѣ погребенъ 3—4-лѣтній ребе-

нокъ; бронзовыхъ вещей никакихъ не было; найдено только десятка два маленькихъ круглыхъ сердоликовыкъ бусъ да столько же мелкаго, изъ сѣровато-голубаго камня, цилиндрической формы, бисера.

№ 28. Длина—290 сант., ширина—115 сант., глубина—120 сант., направленіе—съ В.-С.-В. на З.-Ю.-З.; прикрыта могила двумя большими, хорошо пригнанными другъ къ другу плитами; продольныя стѣнки „ящика" составлены изъ черырехъ плитъ каждая, поперечныя—изъ двухъ; вся могила засыпана рыхлой землей; круглыхъ камней-валуновъ нѣтъ; отъ костяка, находившагося по срединѣ могилы, повидимому, въ сидячемъ положеніи, сохранилось только немного полуистлѣвшихъ костей; костякъ былъ обставленъ 15 глиняными сосудами, изъ которыхъ девять наиболѣе крупныхъ сосудовъ оказались раздавленными; изъ обломковъ взятъ изображенный на рис. 17 табл. XIII, принадлежавшій, очевидно, очень большому сосуду изъ красной глины, орнаментированный мелкою штриховкою, съ выпуклостю на немъ въ формѣ ножницъ или щипцовъ, и изображенный на рис. 18 той-же табл. XIII и представляющій собою ручку отъ сосуда (высота у основанія—83 мм.), очень похожую en face на морду верблюда (ясно замѣтны двѣ ноздри и ротъ); изъ сосудовъ, сохранившихся въ могилѣ въ цѣлости, одинъ изображенъ на рис. 1 табл. XIII; это—тарелка изъ черной глины, орнаментированная на внѣшней поверхности семью треугольниками съ пересѣкающимися внутри ихъ нѣсколькими прямыми линіями; высота тарелки—72 мм., діаметръ верхней части—270 мм. и дна—приблизительно 100 мм.; другой сосудъ, изображенный на рис. 7 табл. XII, представляетъ собою грубо сдѣланную изъ черной глины чашку, съ очень толстыми стѣнками, на трехъ толстыхъ, грубо вылѣпленныхъ ножкахъ (высота его—110 мм., ширина верха—208 мм. и дна—80 мм.); такой же грубой работы былъ и сосудъ, изображенный на рис. 18 табл. XI; онъ также изъ черной глины, четырехугольной формы, суживающійся книзу и оканчивающійся здѣсь четырьмя низкими и широкими ножками, съ орнаментомъ изъ грубо проведенныхъ сверху внизъ полосъ (высота его—82 мм., длина стороны вверху—112, внизу—81 мм.); остальные три цѣлыхъ сосуда по своей величинѣ и формѣ наиболѣе приближались къ изображеннымъ на рис. 11 и 14 табл. XI и на рис. 11 табл. XII; на пространствѣ между сосудами найдено большое количество бусъ и бисера; между бусами выдѣлялись по размѣрамъ три изъ краснаго карнеола, четырехугольной формы, длиною 30—35 мм., шириною—18—24 мм., толщиною—9—13 мм., съ плоскою, прекрасно отполированною поверхностью на одной сторонѣ и нѣсколько выпуклою на другой; отверстія у у всѣхъ трехъ идутъ въ продольномъ направленіи; 18 бусъ, также изъ сердолика, длиною отъ 24 до 29 мм. и съ діаметромъ въ 9—12 мм., имѣли форму цилиндровъ, но не съ острыми, а слегка округленными краями; 13 сердоликовыхъ бусъ были конусообразныя (длиною 8—10 мм.); не менѣе 100 собрано небольшихъ шарообразныхъ, также сердоликовыхъ, бусъ и нѣсколько сотъ мелкаго, цилиндрической формы, голубоватаго бисера; среди бусъ и бисера найдено еще 9 штукъ раковинъ каури (Cypraea moneta) съ просверленными отверстіями

Фот. П. Павлова.

въ нихъ для нанизыванія; изъ другихъ вещей, найденныхъ въ этомъ „ящикѣ,“ обращаетъ на себя вниманіе большая круглая бляха изъ сурьмы (антимона), изображенная на рис. 9 табл. VI; діаметръ круга—104 мм.; вверху бляхи—полукруглая выемка, и около нея три небольшихъ круглыхъ отверстія; бляха — очень тонкая и очень хрупкая; одна сторона ея гладкая, другая—съ довольно сложнымъ орнаментомъ: въ центрѣ—не совсѣмъ правильный квадратъ, заполненный нѣсколькими ломанными линіями; ко всѣмъ угламъ квадрата, за исключеніемъ верхняго, присоединяются вершинами треугольники, внутри которыхъ имѣются треугольники меньшей величины, а внутри послѣднихъ—еще меньшіе; въ пространствѣ между треугольниками — изображенія животныхъ; въ двухъ нижнихъ нетрудно узнать оленей, верхнія же изображенія напоминаютъ собою скорѣе всего горныхъ козловъ; всѣ животныя изображены бѣгущими; орнаментъ, идущій по краямъ бляхи, трудно различимъ; около описанной бляхи найдена другая, меньшихъ размѣровъ, типа № 7 табл. VI, и много мелкихъ кусочковъ изъ сурьмы, легко разсыпавшихся при извлеченіи ихъ; повидимому, въ могилѣ была еще одна большая бляха и нѣсколько маленькихъ; изъ бронзовыхъ вещей въ могилѣ найдены два гладкихъ массивныхъ браслета, оба одинаковыхъ, по 85 мм. въ діаметрѣ (одинъ изъ нихъ изображенъ на рис. 13 табл. IV), и одинъ меньшій (80 мм. въ діаметрѣ) съ раздвигающимися концами, орнаментированный поперечными углубленіями на внѣшней поверхности; онъ изображенъ на рис. 1 табл. II.

№ 29. Длина—250 сант., ширина—90 сант. и глубина—115 сант.; направленіе—съ В. на З.; продольныя стѣны—изъ трехъ плитъ каждая, западная—изъ двухъ, восточная—изъ камней-валуновъ, верхняя плита—двойная; всѣ сосуды разбиты и придавлены большимъ количествомъ камней-валуновъ; костякъ истлѣлъ; положеніе трупа было, повидимому, сидячее; найдено болѣе 20 штукъ маленькихъ, эллипсоидной формы, сердоликовыхъ бусъ, бронзовое четырехгранное шило, длиною 90 мм. (см. рис. 7 табл. IX), бронзовая игла такой же формы, какъ изображенная на рис. 11 табл. IX, бронзовый ручной браслетъ, 8 сант. въ діам., съ плоскою внутреннею поверхностью и полукруглою внѣшнею, и бронзовый ножъ, длиною 190 мм., изображенный на рис. 1 табл. VII.

№ 30. Длина—225 сант., ширина—110 сант., глубина—120 сант.; направленіе—съ С.-С-З. на Ю.-Ю.-В.; продольныя стѣны — изъ трехъ плитъ каждая, поперечныя—изъ двухъ, сверху—двѣ одинаковой величины плиты, плотно прилегающихъ одна къ другой; сосуды такъ же, какъ и въ предыдущей могилѣ, всѣ разбиты и лежатъ подъ грудою камней-валуновъ; верхнія двѣ трети могилы засыпаны рыхлой землей; отъ костяка сохранились только полуистлѣвшія части, и, судя по нимъ, положеніе покойника было сидячее; въ одномъ изъ разбитыхъ сосудовъ находились полуистлѣвшіе остатки костей животнаго, вѣроятнѣе всего, барана; изъ обломковъ глиняной посуды взяты здѣсь обломки съ орнаментомъ типа меандръ, изображенные на рис. 17 и 18 табл. XIV; среди обломковъ посуды найдено 17 штукъ красныхъ сердоликовыхъ бусъ, цилиндрической формы

(7—8 мм. длиною), но не съ острыми, а округленными краями; изъ вещей найденъ въ этой могилѣ только бронзовый обломокъ какого-то массивнаго предмета, очень похожій по своей формѣ на лезвее тѣхъ оригинальныхъ топоровъ, какіе описаны графиней П. С. Уваровой въ VIII вып. „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“ и изображены тамъ на рис. 1 табл. CXV и рис. 1 табл. CXVI (особенно велико сходство съ послѣднимъ изъ нихъ); менѣе сходства у этого обломка съ концомъ бронзоваго серпа, изображеннаго у проф. Шантра [1]). Такъ какъ въ могилѣ, кромѣ этого обломка, ничего не найдено, то можно предполагать, что эта могила была когда-то ограблена.

№ 31. Длина—195 сант., ширина—90 сант., высота—95 сант., направленіе—съ В.-Ю.-В. на З.-С.-З.; каждую изъ продольныхъ стѣнъ образуютъ двѣ плиты; поперечную — одна, сверху — также одна большая плита; вся могила засыпана землей; кромѣ черепковъ глиняной посуды, лежавшихъ въ безпорядкѣ, ничего не найдено; очевидно, могила была уже разрыта.

№ 32. Длина—210 сант., ширина — 100 сант., глубина — 110 сант., направленіе — съ С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З.; обѣ продольныхъ стѣны состоятъ изъ трехъ плитъ, каждая изъ поперечныхъ—изъ двухъ; двѣ верхнихъ плиты значительно были раздвинуты между собой; картина могилы та-же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ: вся могила засыпана землей, много въ безпорядкѣ разбросанныхъ обломковъ глиняной посуды, вещей—никакихъ; могила, безъ сомнѣнія, была разрыта ранѣе.

№ 33. Длина—260 сант., ширина — 105 сант., глубина — 115 сант., направленіе—съ С.-З. на Ю.-В.; одна изъ продольныхъ стѣнъ (юго-западная) сложена изъ трехъ плитъ, другая (сѣв.-восточная)—изъ двухъ; изъ двухъ-же плитъ состоитъ каждая изъ поперечныхъ стѣнокъ; покрыта могила тоже двумя плитами, плотно пригнанными одна къ другой; валуновъ въ этой могилѣ нѣтъ совсѣмъ; вся она засыпана землей; судя по положенію полуистлѣвшаго костяка, покойникъ былъ погребенъ по срединѣ могилы въ сидячемъ положеніи и обставленъ сосудами; послѣднихъ было семь, но въ цѣлости сохранились изъ нихъ только три, остальные же распались вслѣдствіе давленія на нихъ земли; одинъ изъ цѣлыхъ сосудовъ былъ типа № 14 табл. XII, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ (высота—170 мм., ширина верхней части—190, самой широкой—244 и дна—86 мм.), другой — типа № 4 табл. XII и третій — типа № 16 табл. X; по правую сторону отъ костяка, между двумя изломанными сосудами и стѣнкой „ящика“, находился полуистлѣвшій черепъ лошади; слѣдовъ другихъ костей этого животнаго не было замѣтно; изъ вещей, кромѣ 13 штукъ просверленныхъ раковинъ (см. №№ 20 и 21 табл. VIII), найдены: небольшіе и тонкіе, легко разрушавшіеся при извлеченіи, кусочки бронзовой ленты, подобной той, какая изображена на рис. 3 табл. VIII, и служившей, повидимому, принадлежностью головного убора; болѣе, вѣроятно, сотни маленькихъ круглыхъ бронзовыхъ пу-

---

1) *E. Chantre*—Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. I, pl. VI, f. 1.

говокъ (см. рис. 14—17 табл. VIII), служившихъ, надо думать, не для застегиванія, а просто для украшенія; четыре большихъ бронзовыхъ пуговицы, съ выпуклой наружной поверхностью и вогнутой внутренней, имѣющей большую продолговатую петлю (см. рис. 26 табл. VIII); такихъ же двѣ бронзовыхъ пуговицы, но съ тѣмъ различіемъ, что на внѣшней, выпуклой поверхности ихъ, посрединѣ, имѣется небольшое круглое возвышеніе, съ плоскимъ верхомъ; одинъ небольшой, плоскій каменный амулетъ, снабженный суживающимся къ центру отверстіемъ (см. рис. 16 табл. VII), и другой такой же предметъ, но значительно бóльшихъ размѣровъ, служившій, быть можетъ, оселкомъ (см. рис. 2 табл. VII); восемь штукъ небольшихъ обсидіановыхъ стрѣлокъ, свѣтло-дымчатаго цвѣта, очень тщательной отдѣлки, съ полукруглой и рѣже четырехугольной выемкой на концѣ, противоположномъ острію стрѣлы (см. рис. 11—14 табл. VII); бронзовые щипчики, длиною въ 10 сант., изображенные на рис. 8 табл. IV; изображенный на рис. 3 табл. IV бронзовый круглый предметъ (7 сант. длиною), полый внутри, открытый съ одного конца и закрытый съ другого, едва замѣтно къ этому концу расширяющійся, съ четырьмя круглыми отверстіями на двухъ противоположныхъ сторонахъ, служившій, быть можетъ, набалдашникомъ палки или жезла какого-нибудь должностнаго лица; очень дефектный бронзовый предметъ, изображенный на рис. 7 табл. IV, и изображенный на рис. 9 табл. III бронзовый кинжалъ, длиною (съ головкой) въ 31 сант. (длина рукоятки, безъ головки—85 мм.); рукоятка его сдѣлана тѣмъ же способомъ, какъ и у меча, найденнаго въ могилѣ № 26 и изображеннаго на рис. 1 табл. I, и орнаментъ кинжала также одинаковъ съ орнаментомъ меча; внутри рукоятки сохранились остатки дерева; поперекъ головки кинжала идетъ неширокая дуга вдоль всего нижняго края головку пронизываютъ небольшія круглыя отверстія.

№ 34. Длина—250 сант., ширина — 100 сант., глубина — 125 сант., направленіе—съ В. на З.; продольныя стѣны состоятъ изъ трехъ плитъ каждая, поперечная западная—изъ двухъ, восточная — изъ одной; прикрыта была могила одной, грубо обтесанной, плитой; вся могила заполнена землей; въ ней никакихъ слѣдовъ погребенія не найдено.

№ 35 Длина—195 сант., ширина—80 сант., глубина—95 сант., направленіе—съ С.-В. на Ю.-З.; продольныя стѣнки состоятъ изъ двухъ плитъ каждая, поперечныя—изъ одной; прикрыта могила также одной плитой; верхнія двѣ трети могилы заполнены землей, а нижняя—камнями-валунами и обломками разбитой ими глиняной посуды; кости черепа сохранились сравнительно хорошо, но самъ онъ также раздавленъ камнями на кусочки; положеніе трупа было сидячее; лицомъ онъ былъ обращенъ на Ю.-З.; вещами могила не богата: въ ней найденъ только одинъ бронзовый браслетъ, 63 мм. въ дімметрѣ, гладкій, съ концами, заходящими одинъ за другой, на подобіе того, какъ это мы видимъ на рис. 12 табл. II, и бронзовый кинжалъ, длиною 222 мм., изображенный на рис. 4 табл. III.

№ 36. Длина—210 сант., ширина—95 сант., глубина—100 сант., напра-

вленіе—съ В. на З.; прикрыта могила громадной, толстой плитой; продольныя стѣнки „ящика“ состоятъ изъ двухъ плитъ каждая, поперечныя — изъ одной; могила засыпана только рыхлой землей; камней въ ней не было; костякъ полуистлѣлъ, но черепная крышка сохранилась настолько, что могла быть извлечена (см. далѣе описаніе добытыхъ череповъ); судя по остаткамъ костяка, покойникъ былъ похороненъ въ лежачемъ положеніи, съ нѣсколько согнутыми въ колѣнахъ ногами, на лѣвомъ боку; голова лежала у восточной стороны могилы, и лицо было обращено, слѣдовательно, на сѣверъ; въ головахъ его стояли три большихъ глиняныхъ сосуда: одинъ—типа № 13 табл. XII (съ почти истлѣвшими въ немъ костями какого-то животнаго), другой, изъ черной глины, изображенъ на рис. 15 табл. XII (высота его—150 мм., ширина верхней части—105, самой широкой—186 и дна—90 мм.), третій—типа № 11 той же табл. XII; по сторонамъ у ногъ стояли еще четыре сосуда, три изъ которыхъ раздавлены землей, четвертый же, давшій уже трещины, изображенъ на рис. 5 табл. X (высота его—275 мм., ширина верхней части—115 мм., самой широкой — 220 и дна—90 мм.; посрединѣ орнаментированъ тремя параллельными полосами); судя по окраскѣ черепа, въ составъ головного убора входили какіе-то бронзовые предметы, но настолько, повидимому, тонкіе, что время уничтожило ихъ совершенно, оставивъ отъ нихъ слѣдъ только на черепѣ; съ лѣваго бока, около тазовыхъ костей, лежалъ бронзовый кинжалъ, длиною 235 мм., изображенный на рис. 3 табл. III; никакихъ другихъ вещей (даже бусъ), при самомъ тщательномъ изслѣдованіи и просѣваніи земли, въ этой могилѣ не было, кромѣ чрезвычайно важной находки — хорошо сравнительно сохранившагося бронзоваго пояса, изображеннаго на рис. 2 табл. I. До сихъ поръ подобнаго рода предметы принято было называть поясами. Просмотрѣвъ литературу, относящуюся къ прежде найденнымъ поясамъ, я не нашелъ въ ней ни одного точнаго указанія, на какой части скелета и въ какомъ положеніи были найдены эти пояса. Отсутствіе такихъ указаній, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что большинство поясовъ были находимы въ очень разрушенномъ состояніи, не позволявшемъ съ достаточною точностью установить положеніе предмета на скелетѣ. Что касается моего экземпляра, то я съ достовѣрностью могу сказать, что онъ найденъ не тамъ, гдѣ ему надлежало бы быть въ томъ случаѣ, если бы онъ служилъ поясомъ, т.-е. не у таліи и не поперекъ скелета, а вдоль его и стоящимъ ребромъ, параллельно передней сторонѣ лежащаго на боку скелета; на трупѣ положеніе описываемаго предмета было, повидимому, такимъ, какое принято называть „черезъ плечо“, т.-е. отъ плеча наискось къ таліи [1]). Я здѣсь же, однако, дол-

[1]) У проф. Р. Вирхова, въ его извѣстномъ изслѣдованіи: „Über die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus, unter besonderer Berücksichtigung der ornamentirten Bronzegürtel aus transkaukasischen Gräbern“ (aus den „Abhandlungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin“ vom Jahre 1895), объ одномъ бронзовомъ поясѣ, найденномъ г. Белькомъ около Кедабека въ „каменномъ ящикѣ“ съ двумя въ немъ скелетами, говорится, между прочимъ, со словъ г. Белька, слѣдующее: „Dieses Blech war in drei Windungen zusammengerollt. Die mit Erde u. s. w. angefüllte Rolle lag horizontal auf dem Boden des Grabes. Beim Aufrechtstellen entfiel ihr unter anderen

женъ оговориться, что изъ раскопокъ многихъ десятковъ „каменныхъ ящиковъ“ я вынесъ убѣжденіе, что нахожденіе того или иного предмета не у той части скелета, гдѣ мы его ожидаемъ, или нахожденіе одниxъ и тѣхъ же предметовъ въ разныхъ могилахъ не у однихъ и тѣхъ же частей скелета не должно давать повода къ заключеніямъ, вытекающимъ только изъ однихъ этихъ фактовъ. Во-первыхъ, необходимо считаться съ перемѣщеніями предметовъ въ могилѣ, производимыхъ черезъ извѣстный промежутокъ времени послѣ погребенія паденіемъ трупа въ томъ случаѣ, если онъ былъ похороненъ въ сидячемъ положеніи; во-вторыхъ, надо принимать во вниманіе тѣ перемѣщенія, въ особенности мелкихъ вещей, какія могутъ производить различные грызуны, кости которыхъ нерѣдко встрѣчаются въ могилахъ; въ-третьихъ, наконецъ, у насъ не можетъ быть увѣренности въ томъ, что данный предметъ долженъ быть принадлежностью костюма, надѣтою вмѣстѣ съ послѣднимъ на покойника, а не просто положенною съ нимъ въ могилу. Поэтому я не могу отрицать назначеніе найденнаго мною предмета, какъ пояса, только потому, что онъ лежалъ не у таліи; но, съ другой стороны, я не могу также утверждать, что этотъ предметъ долженъ быть именно поясомъ, а не служить какому-либо другому назначенію, напр., быть украшеніемъ груди. Только съ этою оговоркою я буду въ дальнѣйшемъ изложеніи примѣнять къ найденному мною предмету названіе „пояса“. Послѣдній представляетъ собою чрезвычайно тонкій, гладкій, какъ-бы вальцированный, бронзовый листъ, длиною въ 730 мм. и шириною (на всемъ протяженіи равномѣрною) въ 136 мм.; съ той и другой стороны онъ покрытъ прекраснымъ зеленоватымъ налетомъ (патиной), во многихъ мѣстахъ отпавшимъ впослѣдствіи. Патина, умѣряющая первоначальный блескъ бронзоваго предмета, смягчающая на немъ переходы отъ выпуклостей къ углубленіямъ и чрезъ то способствующая ему производить болѣе выгодное впечатлѣніе, бываетъ, какъ извѣстно, двоякаго рода: естественная, происходящая отъ дѣйствія заключающихся въ воздухѣ и въ атмосферной водѣ кислотъ на металлъ, и искусственная, для полученія которой существуетъ нѣсколько рецептовъ. На нашемъ „поясѣ“ вѣроятнѣе всего слѣдуетъ видѣть естественную патину. Концы пояса закруглены и снабжены каждый тремя небольшими, круглыми отверстіями, служившими, очевидно, для прикрѣпленія пояса [1]). За-

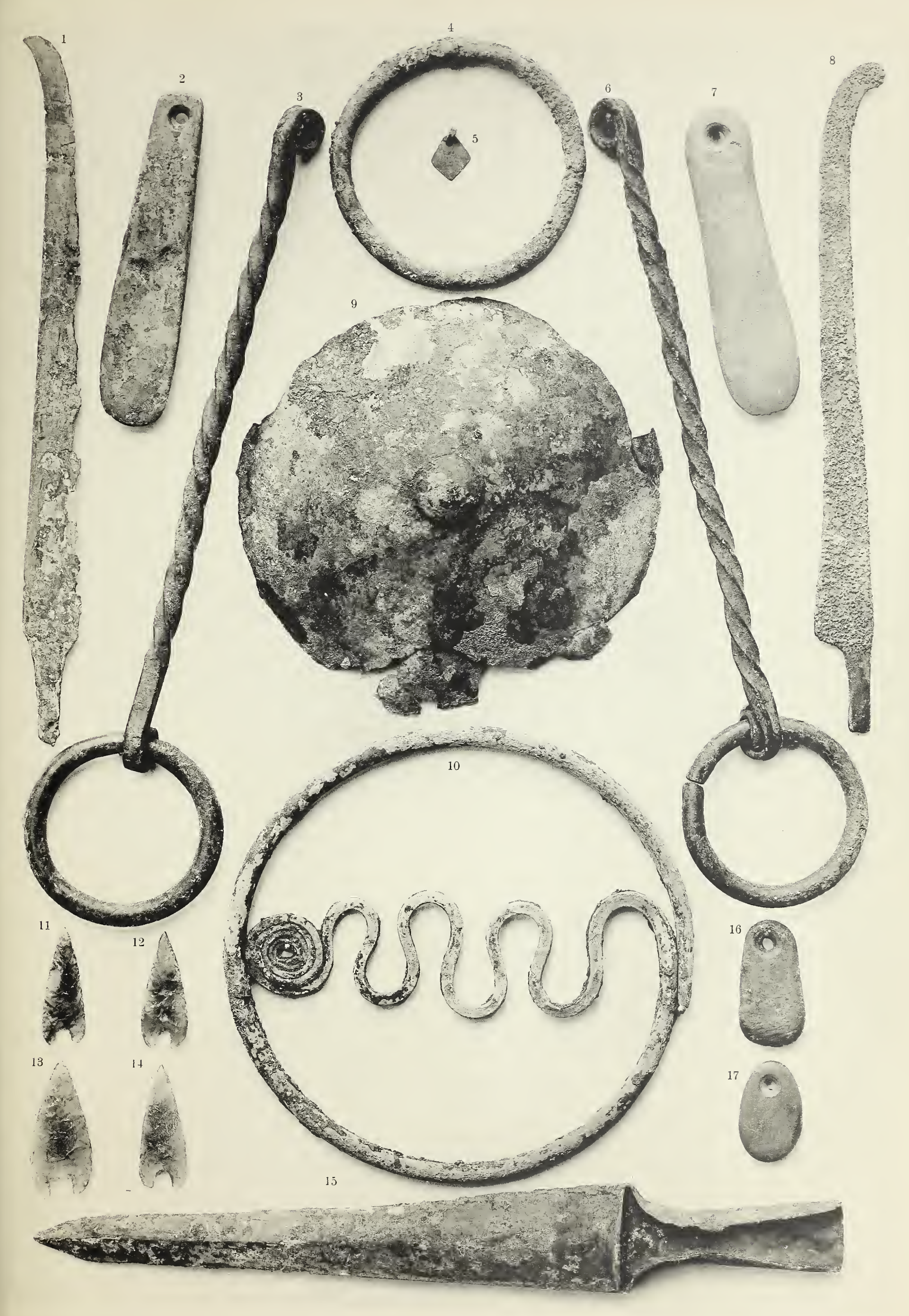
kleinen Knochen *ein Stück Schulterblatt*, jedoch kein grösserer Armknochen... Die Länge des Bleches lässt darauf schliessen, dass es bestimmt war, die Brust oder den Kopf gu schmücken. Es lag etwa 0^m. 4 von den beiden Skeletten seitlich entfernt, nicht weit von der Wand nach Norden zu“.— „Später,—прибавляетъ къ этому отъ себя проф. Р. Вирховъ,—hat Hr. Belck das Stück als Gürtelblech anerkannt. Das „Schulterblatt“ ist wohl nur zufällig in das aufgerollte Blech hineingerathen“ (S.23—24). Изъ этого отрывка мы видимъ, во-первыхъ, что Белькъ вначалѣ также не рѣшался назвать найденный имъ предметъ поясомъ и назвалъ его такъ почему-то только позже; во-вторыхъ, въ виду опредѣленности положенія на скелетѣ найденнаго мною экземпляра, „ein Stück Schulterblatt“, быть можетъ, является не совсѣмъ „wohl nur zufällig“, какъ предполагаетъ Р. Вирховъ.

[1]) Проф. Руд. Вирховъ въ вышеуказанномъ изслѣдованіи: „Über die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus“, первый обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что у закавказскихъ бронзовыхъ поясовъ нѣтъ застежекъ, а вмѣсто нихъ—только круглыя отверстія, для продѣванія шнурковъ (Schnurlöcher). J. de Morgan добылъ при раскопкахъ единственную поясную застежку сѣверной формы въ Арменіи, въ могильникѣ Актала („Mission scientifique au Caucase“. Paris, 1889).

кругленные концы и отверстія на нихъ мы встрѣчаемъ на всѣхъ, найденныхъ до сихъ поръ въ Закавказьѣ, бронзовыхъ „поясахъ“, за исключеніемъ пояса, хотя найденнаго недалеко отъ Кіева, но несомнѣнно закавказскаго происхожденія; онъ описанъ гр. П. С. Уваровой въ VIII вып. „Матеріаловъ по археологіи Кавказъ“ (тамъ же приложенъ фототипическій снимокъ съ него); концы этого послѣдняго „пояса“ имѣютъ почти острые углы, и отверстія на „поясѣ“ отсутствуютъ. Изслѣдуя внимательно края отверстій на нашемъ экземплярѣ, мы не видимъ на нихъ слѣдовъ, оставляемыхъ продолжительнымъ треніемъ шнурка, ремня или чего-либо имъ подобнаго. Отсюда естественъ выводъ, что или „поясъ“ былъ новый и мало употреблялся, или что черезъ отверстія не проходили шнурки, которыми онъ стягивался бы при надѣваніи и которые въ такомъ случаѣ постепенно обшаркивали бы края отверстій, а послѣднія служили, быть можетъ, для постояннаго прикрѣпленія „пояса“ къ какому-либо другому предмету. Всѣ закавказскіе бронзовые „пояса“ чрезвычайно тонки и чрезвычайно хрупки. Если извѣстную долю послѣдняго качества „поясовъ“ и слѣдуетъ приписать разрушительному дѣйствію времени, то все же у насъ нѣтъ данныхъ, говорящихъ за то, что эти „пояса“ могли быть когда-нибудь достаточно прочны. Они производятъ такое впечатлѣніе, что, для какой бы цѣли они ни служили— для украшенія таліи или какой-либо другой части тѣла, всегда при надѣваніи и ношеніи ихъ угрожала опасность сломать ихъ. Смотря на ихъ непрочность и хрупкость, невольно хочется сдѣлать предположеніе, что эти „пояса“ при ношеніи ихъ предварительно нашивались (или прикрѣплялись какимъ-либо инымъ способомъ) на что-либо такое, что способно было придать имъ большую прочность и меньшую ломкость, напр., на кожу. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на то, что длина бронзовыхъ поясовъ въ среднемъ незначительна (у нашего экземпляра всего 73 сант.), и если это были, дѣйствительно, пояса, то едва ли они могли надѣваться такъ, чтобы концы ихъ сходились между собою; вѣроятнѣе всего, что между концами оставался значительный промежутокъ, который и могъ восполняться частью того матеріала, на который былъ прикрѣпленъ „поясъ“. Нашъ экземпляръ, подобно другимъ, покрытъ съ одной стороны орнаментомъ, поражающимъ кропотливостью, тонкостью и изяществомъ работы (на другой сторонѣ орнаментъ отсутствуетъ совершенно). Проф. Р. Вирховъ въ своемъ вышеуказанномъ изслѣдованіи: „Ueber die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus“, подраздѣляетъ закавказскіе бронзовые пояса, по способу ихъ отдѣлки, на три группы: 1) когда они представляютъ собою совершенно гладкій листъ, безъ какого-либо орнамента (встрѣчается очень рѣдко), 2) когда на поясахъ имѣются гравированныя или чеканныя (gepunzten) украшенія, преимущественно геометрическаго характера, и 3) когда на поясахъ выгравированы различныя фигурныя изображенія, чаще всего животныхъ и рѣдко человѣка. По этой классификаціи нашъ экземпляръ долженъ быть отнесенъ къ послѣдней, третьей, группѣ. На-ряду съ характерностью общихъ чертъ орнамента, свойственныхъ закавказскимъ бронзовымъ поясамъ,—чертъ, которыми послѣдніе рѣзко отлича-

ются отъ поясовъ другихъ мѣстностей, слѣдуетъ отмѣтить, что орнаментъ каждаго изъ закавказскихъ бронзовыхъ поясовъ въ частностяхъ отличается своими, ему одному только принадлежащими, особенностями; на каждомъ поясѣ замѣтна индивидуальность мастера, его дѣлавшаго, и нѣтъ случая, когда бы орнаментъ одного бронзоваго пояса представлялъ собою копію другого. Орнаментъ геометрическаго характера занимаетъ на нашемъ экземплярѣ большую часть его поверхности, и только сравнительно небольшая часть ея по срединѣ украшена изображеніями животныхъ. Со всѣхъ сторонъ „поясъ“ окаймляетъ лента, одинаково на всемъ протяженіи ея орнаментированная: сначала вдоль края идутъ двѣ параллельныя линіи, состоящія изъ мелкихъ точекъ и заключающія внутри между собою третью, образованную мелкою штриховкою; затѣмъ слѣдуютъ двѣ линіи, скрученныя между собою, а за ними опять двѣ параллельныхъ линіи изъ точекъ съ промежуточной между ними штриховкой; далѣе въ два ряда идетъ ∞-образный орнаментъ, особенность котораго заключается въ томъ, что конецъ каждой ∞-образной фигуры вплетается въ начало слѣдующей за нею такой же ∞-образной фигуры; къ этому орнаменту примыкаетъ линія изъ мелкихъ наклонныхъ черточекъ (штриховъ), а къ послѣдней—почти вплотную параллельная ей линія изъ маленькихъ точекъ; затѣмъ слѣдуетъ рядъ изъ отдѣльныхъ, не соприкасающихся между собою полукружныхъ линій съ врѣзанными внутри ихъ еще двумя меньшими полукружными же линіями; этотъ рядъ изъ полукружныхъ линій опирается на полоску, которая въ верхней половинѣ пояса образована одними только мелкими шрихами, а въ нижней становится двойной—изъ мелкихъ штриховъ и точекъ. Пространство между изображеніями животныхъ и краевымъ орнаментомъ заполнено съ той и другой стороны опять ∞-образными фигурами (но бóльшихъ размѣровъ, чѣмъ вышеупомянутыя), расположенныхъ четырьмя рядами, по пяти фигуръ въ каждомъ ряду; при этомъ пространство между рядами подраздѣлено на треугольники, изъ которыхъ одинъ заштрихованъ внутри весь точками, а рядомъ лежащій съ нимъ треугольникъ оставленъ безъ штриховки, слѣдующій опять заштрихованъ и т. д. Центральная часть пояса занята пятью фигурами быстро бѣгущихъ одно за другимъ фантастическихъ животныхъ. Пристрастіе къ изображенію не дѣйствительныхъ, а фантастическихъ животныхъ составляетъ характерную черту художниковъ, украшавшихъ своими произведеніями закавказскіе бронзовые пояса. Эта черта была причиной того, что попытка проф. Р. Вирхова въ его изслѣдованіи: „Ueber die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus“, подойти къ рѣшенію вопроса о происхожденіи закавказскихъ бронзовыхъ поясовъ съ зоологической точки зрѣнія не дала, несмотря на всю эрудицію автора, положительныхъ результатовъ. На нашемъ экземплярѣ всѣ пять животныхъ изображены бѣгущими одно за другимъ въ одномъ направленіи — слѣва направо. Изображеніе перваго (слѣва) животнаго встрѣчалось часто (всего десять разъ) и на поясахъ, описанныхъ проф. Вирховымъ. Онъ далъ этому животному названіе „Greifenpferd“—лошадь-грифъ. Животное изображено съ толстой, короткой, опущенной внизъ головой,

съ широкой и своеобразно разинутою пастью, съ торчащими впередъ ушами, съ большимъ, поставленнымъ по срединѣ головы, глазомъ; общее выраженіе животнаго—выраженіе хищника. Длинная, крѣпкая шея красиво изогнута дугой, что можно наблюдать только у породистыхъ лошадей. Туловище—вытянутое, тонкое, поджарое. Длинный хвостъ, поднятый S-образно и оканчивающійся нѣкоторымъ утолщеніемъ, скорѣе всего напоминаетъ хвостъ льва, чѣмъ лошади. Тонкія, упругія ноги снабжены на своихъ концахъ или большими копытами, или, быть можетъ, даже когтями на подобіе когтей крупной хищной птицы. Все животное покрыто разнообразной штриховкой: въ однихъ мѣстахъ—точками, въ другихъ—маленькими черточками, въ третьихъ—короткими дугами. По мнѣнію проф. Вирхова, штриховка должна обозначать волосяной покровъ животнаго, при чемъ, по его мнѣнію, къ разнымъ частямъ животнаго примѣнялась и различная штриховка. Животное, изображенное вторымъ слѣва, появляется впервые на нашемъ экземплярѣ,—его не находимъ ни на поясахъ, описанныхъ Вирховымъ, ни на поясѣ, фототипическій снимокъ съ котораго представленъ графиней Уваровой въ VIII вып. „Матеріаловъ по археологіи Кавказа". Оно обладаетъ длинной и узкой мордой, со лба ∞-образно идутъ назадъ, близко пригибаясь къ шеѣ и потомъ къ спинѣ, длинные рога, изображенные тремя кривыми линіями, съ мелкой штриховкой между ними; къ верхней поверхности начальной половины роговъ примыкаетъ зигзагообразная линія, образующая пять маленькихъ треугольниковъ, заполненныхъ внутри точками; эта зигзагообразная линія прибавлена художникомъ, быть можетъ, съ цѣлью показать неровную поверхность роговъ; шея—короткая и толстая; хвостъ—очень короткій; ноги, повидимому, снабжены копытами; туловище такъ же, какъ и у предыдущаго животнаго, покрыто различной штриховкой, при чемъ обращаютъ на себя вниманіе три продольныхъ, идущихъ по спинѣ, полосы, которыхъ нѣтъ на рисункѣ предыдущаго животнаго. Какъ и послѣднее, разсматриваемое животное—фантастическое; изъ существующихъ животныхъ въ немъ больше всего сходства можно найти, пожалуй, съ газелью. Третье слѣва животное—такое же, какъ и первое; четвертое—такое же, какъ второе, и пятое, наконецъ,—такое же, какъ первое и третье; незначительную разницу между ними можно найти, при внимательномъ сравненіи, только въ способѣ штриховки. Такимъ образомъ къ тремъ изъ пяти, изображенныхъ на поясѣ, животныхъ можетъ быть примѣнено предложенное Вирховымъ названіе „лошадь-грифъ", два же другихъ выказываютъ сходство съ газелью. Послѣднія, повидимому, преслѣдуются первыми. Проф. Вирховъ первый обратилъ вниманіе на то, что художники не любили на орнаментированныхъ бронзовыхъ поясахъ оставлять пустыя, не заполненныя тѣмъ или инымъ рисункомъ, пространства; можетъ быть, именно этимъ стремленіемъ ихъ можно объяснить слишкомъ длинные хвосты „лошадей-грифовъ" и громадные рога животныхъ, сходныхъ съ газелями; подобному же стремленію, вѣроятно, обязаны своимъ появленіемъ на поясѣ двѣ змѣи, извивающіяся между первымъ и вторымъ и между

Фот. П. Павлова.

третьимъ и четвертымъ животными [1]), а равно помѣщенные въ пустыхъ пространствахъ между животными три крестообразныхъ знака, носящихъ у нѣмецкихъ археологовъ названіе „Hakenkreuz“ — „крестъ изъ крючковъ“. Вильке [2]), утверждавшій вначалѣ, что на закавказскихъ предметахъ этотъ „Hakenkreuz“ бываетъ только такой формы: 卍 и никогда не имѣетъ обратной, т.-е. 卐, которая наблюдается на нѣкоторыхъ предметахъ, добытыхъ Schliemann'омъ при раскопкахъ Трои, впослѣдствіи отказался отъ этого утвержденія и призналъ, что обѣ формы встрѣчаются одинаково часто [3]).

№ 37. Длина—235 сант., ширина—105 сант., глубина—120 сант.; направленіе— съ С.-С.-В. на Ю.-Ю. З; верхнія три четверти могилы заполнены рыхлой землей, нижняя—небольшими валунами и многочисленными обломками сосудовъ, по большей части орнаментированныхъ; обломки, изображенные на рис. 5 и 20 табл. XIV, взяты изъ этой могилы; костякъ полуистлѣлъ, черепъ раздавленъ лежащими на немъ камнями на мелкіе куски; положеніе покойника, вѣроятнѣе всего, было сидячее, и въ такомъ случаѣ лицо должно было быть обращено на С.-С.-В.; около костяка лежало нѣсколько, также полуистлѣвшихъ, костей животнаго, повидимому, барана; въ разныхъ мѣстахъ могилы замѣтны были слѣды дерева; въ могилѣ найдено громадное количество (болѣе 500) разнообразныхъ бусъ и бисера; среди нихъ особенно много было красныхъ сердоликовыхъ бусъ, большихъ и маленькихъ, круглыхъ и овальныхъ, цилиндрическихъ и плоскихъ, колесообразныхъ, бочкообразныхъ, чечевицеобразныхъ, коническихъ и пр.; по величинѣ выдѣлялись три сердоликовыхъ бусы, въ видѣ поплавка, длиною въ 50 мм ; изъ бронзовыхъ вещей въ могилѣ найдены: два большихъ кольца, у которыхъ одинъ конецъ змѣеобразно протягивается посрединѣ до противоположной стороны и заканчивается здѣсь спиралеобразно загнутымъ кругомъ (см. рис. 10 табл. VII); затѣмъ найденъ большой массивный браслетъ съ красной сердоликовой бусой между концами его, $8^1/_2$ сант. въ діаметрѣ, совершенно такого же типа, какъ браслетъ, найденный въ могилѣ № 18 и изображенный на рис. 11 табл. IV; около него лежали два маленькихъ, но толстыхъ кольца, изображенныя на рис. 12 и 14 табл. IV; много попадалось, наконецъ, мелкихъ кусочковъ сурьмы, тотчасъ разсыпавшихся, какъ только до нихъ дотрогивались.

№ 38. Длина—220 сант., ширина—100 сант., глубина—115 сант., направленіе — съ Ю. на С.; верхняя плита—цѣльная, очень тяжелая; продольная восточная стѣнка составлена изъ пяти небольшихъ плитъ, западная—изъ трехъ, южная

---

[1]) Аналогичныя изображенія змѣй можно нерѣдко встрѣтить на ассиро-халдейскихъ цилиндрахъ. См. *J. Menant*—Empreintes de cylindres assyro-chaldéens relevées sur les contrats d'intérêt privé du Musée Britannique classées et expliquées par M. J. Menant. Paris, 1880.

[2]) *Wilke.* Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren Donauländern. „Zeitschr f. Ethnol“; 1904, Heft I, S. 86.

[3]) „Mitteilungen der Anthropol. Gesellschaft in Wien“, 1908, XXXVIII. Band, II. und III. Heft, S. 152, гдѣ онъ говоритъ: „Aus diesen Beispielen (in den verschiedenen Ausgrabungsberichten Rösslers in der „Zeitschr. f. Ethn.“) ergibt sich zugleich, dass die Swastika nicht nur, wie ich in meiner früheren Arbeit nach den Mitteilungen *Morgans* angenommen hatte, nach links gestellt (卍) vorkommt, sondern ebenso häufig umgekehrt (卐)“.

и сѣверная—каждая изъ двухъ; камней-валуновъ внутри могилы не было; вся она была засыпана рыхлой землей; костякъ найденъ въ очень разрушенномъ состояніи; положеніе трупа было сидячее; лицомъ онъ былъ обращенъ на югъ; покойникъ былъ обставленъ кругомъ 15-ю сосудами; изъ нихъ шесть были раздавлены землей, а девять оказались цѣлыми: 1) небольшая чашка изъ черной глины (высота ея—96 мм., ширина верхней части — 158 мм., самой широкой — 185 мм. и дна—80 мм.), орнаментированная сѣтчатыми треугольниками, въ верхнемъ ряду идущими подрядъ кругомъ чашки, вершиной внизъ, а въ нижнемъ расположенными такъ, что каждый треугольникъ этого ряда опирается своимъ основаніемъ на вершины двухъ сосѣднихъ треугольниковъ верхняго ряда, при чемъ изъ этихъ трехъ треугольниковъ опять получается форма треугольника; чашка эта изображена на рис. 2 табл. XIII; 2) небольшое блюдце изъ черной глины (высота его — 27 мм., діаметръ верхней части — 127 мм. и дна—55 мм.), изображенное на рис. 16 табл. XIII; 3) горшокъ изъ черной глины (высота его— 125 мм., ширина верхней части—144 мм , самой широкой—180 мм. и дна—67 мм.), безъ орнамента; онъ изображенъ на рис. 12 табл. XII; 4) маленькій круглый сосудъ изъ сѣрой глины, нѣсколько суживающійся кверху (высота его—42 мм., ширина верхней части—39 мм. и дна—48 м.), съ полушарообразнымъ углубленіемъ на верху, очень грубой работы, изображенъ на рис. 1 табл. XI; 5) очень оригинальный сосудъ изъ черной глины, изображенный на рис. 21 табл. XI, на трехъ круглыхъ, немного суживающихся книзу, ножкахъ, съ шарообразнымъ корпусомъ и съ большою по размѣрамъ сосуда ручкою (высота сосуда вмѣстѣ съ ножками—110 мм., діаметръ верхней части — 78 мм. и самой широкой — 130 мм.); особенность сосуда составляютъ многочисленныя сквозныя маленькія отверстія, которыми пронизанъ корпусъ сосуда; отверстія идутъ рядами, по три отверстія сверху внизъ; всѣхъ рядовъ 14, а отверстій, слѣдовательно,—42; сосудъ, повидимому, предназначался для такихъ продуктовъ, жидкость которыхъ могла при помощи отверстій удаляться изъ сосуда (творогъ, масло и пр) [1]); остальные четыре цѣлыхъ сосуда представляютъ собою типы, уже встрѣчавшіеся въ прежнихъ могилахъ и изображенные на рис. 14 табл. XI, на рис. 11 и 13 табл. XII и на рис. 1 табл. X. Могила эта такъ же, какъ и предыдущая, содержала въ себѣ громадное количество разнообразныхъ бусъ, по большей части изъ краснаго и кроваво-краснаго сердолика; форма ихъ—также чрезвычайно разнообразная шаровидная, эллипсоидная, кубическая, ромбовидная, цилиндрическая, четырехугольная въ видѣ плитки (при чемъ отверстіе дѣлается обыкновенно вдоль плитки), многогранная и др. Среди бусъ найдены три небольшихъ четыреугольныхъ пла-

---

[1]) *Fr. Bayern* („Untersuchungen über die ältesten Gräber-und Schatzfunde in Kaukasus", Berlin, 1885, S. 11) также предполагаетъ, что подобные сосуды могли служить для приготовленія масла и дѣлаетъ отсюда заключеніе, „dass die Bereitung der Butter schon in dieser alten Periode bekannt war". *Л.Нидерле* („Человѣчество въ доисторическія времена",стр. 165, рис 123), описывая продырявленные горшечки изъ чешскихъ культурныхъ ямъ, опредѣленно говоритъ, что оии предназначались для выдѣлки сыра. У сомалійцевъ сосуды, снабженные сквозными отверстіями, употребляются для огня; см. *Фр. Ратцель*—Народовѣдѣніе, т. II, стр. 176.

стинки изъ сурьмы (см. рис. 5 табл. VI), съ ∞-образнымъ выпуклымъ знакомъ на одной сторонѣ и съ тремя сквозными, идущими въ поперечномъ направленіи, отверстіями. Проф. Р. Вирховъ, говоря о подобныхъ пластинкахъ изъ Закавказья, высказываетъ предположеніе, что сквозныя отверстія на нихъ „als seien sie bestimmt gewesen, in eine dreifache Halskette zur Abwechselung und Befestigung eingereiht zu werden"[1]). Что касается ∞-образнаго знака на пластинкахъ, то Wilke[2]) склоненъ думать, что онъ долженъ имѣть какое-либо символическое значеніе, „wenn auch, — прибавляетъ онъ,—diese selbst noch nicht ganz klar ist". Hörnes [3]) считаетъ подобные знаки за изображеніе змѣй, а Olshausen видитъ въ нихъ фигуру молніи [4]). Кромѣ указанныхъ трехъ пластинокъ, въ могилѣ были повидимому, и другія украшенія изъ сурьмы, остатками которыхъ являлись столь незначительные кусочки, что по нимъ нельзя было судить ни о формѣ, ни тѣмъ болѣе о назначеніи предмета. Изъ бронзовыхъ предметовъ найдены здѣсь: круглый рубчатый литой браслетъ, съ сплющенными и не совсѣмъ плотно сходящимися между собою концами, 82 мм. въ діаметрѣ (онъ изображенъ на рис. 2 табл. II), и четыре тонкихъ кольца, у двухъ изъ которыхъ концы заходятъ одинъ на другой.

№ 39. Длина—290 сант., ширина—130 сант., глубина—140 сант.; направленіе—съ С.-В. на Ю.-З.; покрыта могила двумя плитами; продольныя стѣны „ящика" состоятъ изъ четырехъ плитъ каждая, сѣв.-восточная — изъ трехъ и юго-западная—изъ двухъ; земля, полевые камни, многочисленные осколки глиняныхъ сосудовъ—все оказалось перемѣшаннымъ между собою и служило доказательствомъ, что эта могила была уже вскрыта ранѣе; найдено десятка три небольшихъ шаровидныхъ бусъ изъ сердолика.

№ 40. Длина—255 сант., ширина—120 сант., глубина—125 сант., направленіе—съ В. на З.; сѣверная стѣна „ящика" состоитъ изъ четырехъ, сравнительно небольшихъ, плитъ, южная — изъ трехъ, восточная и западная — изъ двухъ каждая; прикрывали могилу двѣ плиты; могила также оказалась уже разрытой, и внутренность ея представляла въ общемъ ту же картину, какая наблюдалась въ предыдущей могилѣ.

№ 41. Длина—300 сант., ширина—135 сант., глубина—130 сант., направленіе — съ В. на З.; могила тоже была уже разрыта ранѣе; кромѣ многочисленныхъ и въ безпорядкѣ разбросанныхъ осколковъ глиняной посуды и нѣсколькихъ сердоликовыхъ бусъ, ничего не найдено.

№ 42. Длина—205 сант., ширина—110 сант., глубина—120 сант., направленіе—съ З.-С.-З. на В.-Ю.-В.; продольныя стѣнки „ящика" образованы тремя плитами каждая, на зап.-сѣв.-западной сторонѣ ихъ было двѣ, а вост.-юго-

---

[1]) „Verhandl. der Berl. Gesell. für Anthr., Ethn. und Urgesch.", 1884, S. 130.

[2]) *Wilke.* Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren Donauländern. „Zeitschr. f. Ethnol.", 1904, H. I, S. 86.

[3]) *Hörnes.* Urgeschichte der bild. Kunst in Europa, S. 345.

[4]) Цит. по *Wilke,* S. 87.

восточная выложена изъ круглыхъ окатанныхъ разной величины камней, которые въ небольшомъ количествѣ найдены и въ самой могилѣ, но только въ этой же вост.-юго-восточной половинѣ, тогда какъ въ другой половинѣ могилы ихъ совсѣмъ не было; сверху могила была прикрыта двумя плотно прилегающими одна къ другой плитами; вся могила засыпана рыхлой землей; костякъ полуистлѣлъ; раздавленный землей черепъ лежалъ на правомъ боку около вост.-юго-восточной стѣнки „ящика"; на основаніи же общаго расположенія сохранившихся костей скелета вѣроятнѣе всего предположеніе, что трупъ былъ погребенъ въ этой могилѣ въ вытянутомъ и лежачемъ на спинѣ положеніи (длина всего скелета—1640 мм.), съ руками, положенными на животъ; сосуды, стоявшіе около головы покойника, всѣ раздавлены навалившимися на нихъ камнями; ихъ было здѣсь четыре, всѣ крупныхъ размѣровъ; въ ногахъ стояли три сосуда, въ одномъ изъ которыхъ сохранились полуистлѣвшія кости животнаго и въ числѣ ихъ одна баранья лодыжка; изображенный на рис. 11 табл. X сосудъ изъ черной глины, съ двумя боковыми петлями для подвѣшиванія (высота его—300 мм., ширина верхней части—105, самой широкой—225 и дна—80 мм.), взятъ изъ этой могилы; другіе два сосуда, сохранившіеся въ цѣлости, приближались по своей формѣ и величинѣ къ № 16 табл. X и № 14 табл. XII; съ лѣвой стороны скелета, около тазовыхъ костей, лежалъ бронзовый кинжалъ, длиною 210 мм., изображенный на рис. 13 табл. III, и впервые въ вскрытыхъ мною „каменныхъ ящикахъ" найдены желѣзные предметы, именно длинный наконечникъ копья, изображенный на рис. 1 табл. V (онъ лежалъ около правой ступни, остріемъ къ зап.-сѣв.-западной стѣнкѣ „ящика"), затѣмъ листовидная стрѣла (рис. 13 табл. V) и маленькій ножъ (рис. 10 той же табл. V).

№ 43. Длина—205 сант., ширина—95 сант., глубина—115 сант., направленіе—съ С. на Ю.; продольныя стѣнки составлены изъ двухъ плитъ каждая, поперечныя—изъ одной; прикрыта могила сверху двумя плитами; могила носитъ явные слѣды ограбленія ея: обломки глиняныхъ сосудовъ были находимы какъ въ нижнихъ, такъ и въ верхнихъ слояхъ наполнявшей могилу рыхлой земли; кости скелета также были разбросаны по разнымъ направленіямъ; въ разныхъ мѣстахъ попадались единичные экземпляры сердоликовыхъ бусъ; были найдены и бронзовыя вещи: 1) круглая, тонкая пластинка (зеркальце?), съ выемкой на одной сторонѣ и двумя круглыми отверстіями по сторонамъ этой выемки; орнаментъ—какъ бы стилизованныя животныя, безъ головы; наибольшій діаметръ пластинки—82 мм.; края въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отбиты, быть можетъ, съ цѣлью узнать металлъ, изъ котораго сдѣланъ предметъ (онъ изображенъ на рис. 3 табл. VI); 2) обломленная и хорошо сохранившаяся часть бронзоваго пояса, съ витымъ орнаментомъ, идущимъ по краямъ и посрединѣ его, и съ круглымъ отверстіемъ на закругленномъ концѣ пояса; часть наружной, орнаментированной поверхности носитъ на себѣ явные слѣды тренія ея какимъ-то, повидимому, твердымъ предметомъ, оставившимъ послѣ себя кое-гдѣ легкія царапины; не тронутая же часть покрыта темно-зеленой патиной; вѣроятно, оба факта — и то, что отъ „пояса"

былъ отломанъ кусокъ, и то, что послѣдній подвергался тренію—имѣли въ виду одну цѣль—узнать, изъ чего сдѣланъ „поясъ“, и разъ оказалось не изъ золота, онъ потерялъ для грабителей всякое значеніе; найденный обломокъ „пояса“ изображенъ на рис. 24 табл. VIII; 3) послѣдней, третьей, находкой въ этой могилѣ былъ небольшой бронзовый крючекъ, съ отверстіемъ въ немъ ближе къ острому концу и двумя петлями въ этомъ отверстіи, служившими, очевидно, для закрѣпленія крючка въ какомъ-то другомъ предметѣ (см. рис. 33 табл. VIII).

№ 44. Длина—200 сант., ширина—95 сант., глубина—120 сант., направленіе—съ С.-В. на Ю.-З.; продольныя стѣнки образованы двумя плитами каждая, поперечныя—одной; верхняя плита—также цѣльная, очень массивная и чрезвычайно тяжелая; могила заполнена рыхлой землей; положеніе покойника было сидячее, съ лицомъ, обращеннымъ на Ю.-З.; костякъ полуистлѣлъ; черепъ раздавленъ землей на мелкія части; покойникъ былъ обставленъ со всѣхъ сторонъ сосудами, число которыхъ простиралось до 14-ти, но въ цѣлости или въ такомъ видѣ, что можно было впослѣдствіи реставрировать, сохранилось изъ нихъ только шесть; среди послѣднихъ особенное вниманіе обращаетъ на себя сосудъ, изображенный на рис. 9 табл. XII; это — прекрасной работы ваза, сдѣланная изъ голубовато-сѣраго камня; высота ея—112 мм., діаметръ верхней части—280 мм., самой узкой части—45 мм. и нижней—107 мм.; сама чаша вазы не глубока; она покоится на прекрасно отточенной и украшенной спиралеобразнымъ орнаментомъ ножкѣ; наружные края ея орнаментированы сплошнымъ рядомъ небольшихъ треугольниковъ, обращенныхъ своими вершинами внизъ и имѣющихъ каждый внутри себя еще по два, входящихъ другъ въ друга, треугольника; на двухъ противоположныхъ сторонахъ вазы, недалеко отъ края, имѣются сѣдлообразныя ручки, съ сквознымъ продольнымъ отверстіемъ въ каждой изъ нихъ; изъ другихъ сосудовъ этой могилы заслуживаетъ особаго упоминанія небольшой, также каменный, сосудъ, изображенный на рис. 15 табл. XI и имѣющій форму (нѣсколько овальную) миски; высота его—60 мм., ширина верхней части—61 (наименьшая)—68 мм. (наибольшая), наибольшій діаметръ по срединѣ—121 мм. и ширина дна—67 мм.; у самыхъ краевъ сосуда, нѣсколько вверхъ и вбокъ, выдаются два снабженныхъ круглыми отверстіями ушка; сосудъ покрывается куполообразной, также каменной, крышкой, тоже съ просверленными ушками, ложащимися какъ разъ на ушки самого сосуда; крышка орнаментирована линіями изъ маленькихъ точечекъ; посрединѣ самого сосуда, на наиболѣе выпуклой его части, съ тѣхъ сторонъ, гдѣ нѣтъ ушковъ, имѣется по одному сосочку. О подобнаго рода сосудахъ съ крышками, снабженныхъ отверстіями въ ушкахъ какъ самого сосуда, такъ и его крышки („Schnurösengefässe“ по терминологіи нѣмецкихъ археологовъ), создалась довольно обширная литература [1]).

---

[1]) *Графиня П. С. Уварова*—Могильники Сѣв. Кавказа. „Мат. по археол. Кавказа“, вып. VIII, стр. 75; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. II, p. 92; *Hubert Schmidt*—Troja-Mykene-Ungarn. Archäologische Parallelen. „Zeitschr. f. Ethnol.“, 1904, H. V, S. 651; *Wilke*—Vorgeschichtliche Beziehungen zwischen Kaukasus und dem unteren Donaugebiete; ein Beitrag zum

Schmidt, Wilke и др., сравнивая подобные сосуды изъ различныхъ мѣстностей, указываютъ, что сосуды, находимые на Кавказѣ, бываютъ снабжены только двумя ушками, тогда какъ найденные, напр., при раскопкахъ Трои имѣютъ всегда ихъ нѣсколько и, какъ minimum, четыре [1]). Третій сосудъ, взятый изъ этой могилы, изображенъ на рис. 10 табл. XI; онъ—изъ черной глины, довольно грубой формовки, небольшихъ размѣровъ: высота его—64 мм., діаметръ верхней части—84 мм., самой широкой—108 мм. и дна—45 мм.; по верхней половинѣ его идетъ кругомъ зигзагообразный, двухлинейный орнаментъ. Изъ трехъ остальныхъ сохранившихся въ цѣлости сосудовъ одинъ по своей формѣ и размѣрамъ приближался къ типу № 4 табл. XII, другой—къ типу № 11 табл. XI и третій—къ типу № 22 табл. X. На пространствѣ, какое занималъ скелетъ, и около него найдена масса разнообразныхъ бусъ, преимущественно изъ сердолика, и нѣсколько привѣсокъ, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе по своей красотѣ два небольшихъ (30 мм. въ діаметрѣ), плоскихъ, изъ темнаго мрамора, кольца съ пронизывающими ихъ съ той и другой стороны продольными отверстіями; двѣ кроваво-красныхъ сердоликовыхъ привѣски имѣли сѣкирообразную форму и въ своей верхней части орнаментированы съ той и другой стороны наклонными, пересѣкающимися между собою, линіями; среди бусъ найдено восемь штукъ просверленныхъ Cypraea moneta; недалеко отъ черепа лежалъ бронзовый шейный обручъ, съ слегка рубчатою поверхностью, съ наибольшимъ діаметромъ въ 165 мм.; онъ изображенъ на рис. 11 табл. II; недалеко отъ него и недалеко другъ отъ друга найдены два гладкихъ, массивныхъ литыхъ браслета, 88 мм. въ діаметрѣ; изъ другихъ бронзовыхъ вещей найдены въ могилѣ два тонкихъ колечка, оба съ заходящими другъ на друга концами, типа № 14 табл. II, но меньшихъ размѣровъ, одна игла типа № 9 табл. IX и двѣ одинаковыхъ небольшихъ бронзовыхъ фигуры птицы (одна изъ нихъ изображена на рис. 17 табл. IX), отличающихся нѣкоторыми частностями отъ тѣхъ фигурокъ птицъ, которыя были найдены въ „каменномъ ящикѣ" № 21 и одна изъ которыхъ изображена на рис. 16 табл. IX: голова ея съ клювомъ не такъ длинна, какъ у послѣдней, шея же, наоборотъ, длиннѣе и тоньше; у прежде найденной фигурки туловище почти сплошь было пронизано треугольными вырѣзками; у вновь же найденной фигурки треугольники идутъ кругомъ только нижней части туловища; расположеніе треугольниковъ при этомъ такое же, какъ и у фигуры № 16, т.-е. треугольники, идя двумя рядами, вершинами обращены другъ къ другу, а основаніями въ противоположныя стороны; у новаго экземпляра птицы очень хорошо очерчена форма крыла; снизу туловища, почти по срединѣ его, придѣланы двѣ ножки, которыя по своему исполненію и отдѣлкѣ не совсѣмъ гармониру-

---

Arierproblem. „Mitteil. d. anthropol. Gesell. in Wien", 1908, B. XXXVIII, H. II u. III., S. 143; *Dörpfeld*—Troja und Ilion, S. 248; *H. Schliemanns* Sammlung trojanischer Altertümer и др.

[1]) *Max Ohnefalsch-Richter* въ своемъ изслѣдованіи: „Parallelen in den Gebräuchen der alten und den jetzigen Bevölkerung von Cypern" („Zeitschr. f. Ethnol", 1891, H. I), указываетъ на очень распространенный обычай привѣшивать сосуды на стѣны, для чего они и снабжались ушками и дырочками.

ютъ съ отдѣлкою всей фигурки и отъ которыхъ можно было бы ожидать бо́льшаго изящества; хвостъ—довольно тонкій и длинный, нѣсколько расширяющійся къ концу и заканчивающійся здѣсь не прямой, а закругленной линіей; на спинкѣ птицы, въ мѣстѣ перехода ея въ область шеи, имѣется ушко, за которое птичка привѣшивалась къ цѣпочкѣ (съ болѣе крупными звеньями, чѣмъ у № 16). Фигура птицы скорѣе всего напоминаетъ голубя; названіе голубя же даетъ проф. Вирховъ подобной бронзовой фигуркѣ птицы, добытой Rösler'омъ при раскопкахъ въ Ходжалахъ [1]); самъ же Rösler [2]) по поводу аналогичной находки въ другомъ мѣстѣ высказываетъ мнѣніе, что „der Vogel dürfte wohl an einen Fasan oder die hier häufige Trapp-Gans erinnern" [3]).

№ 45. Длина—190 сант., ширина—85 сант., глубина—105 сант., направленіе—съ С.-З. на Ю.-В.; каждая продольная стѣнка состоитъ изъ двухъ плитъ, а каждая поперечная—изъ одной; прикрыта могила также одной цѣльной плитой; верхнія три четверти могилы заполнены рыхлой землей, нижняя же четверть—камнями-валунами и разбитыми ими на мелкіе куски глиняными сосудами; костякъ—очень сильно истлѣвшій; покойникъ погребенъ былъ, повидимому, въ лежачемъ положеніи, и, судя по общей длинѣ оставленныхъ истлѣвшимъ скелетомъ слѣдовъ (1400 мм.), или покойникъ былъ очень низкаго роста, или ноги его были нѣсколько согнуты. Могила дала мало вещественныхъ находокъ: болѣе 30 штукъ маленькихъ цилиндрическихъ сердоликовыхъ бусъ, всего двѣ штуки просверленныхъ Cypraea moneta и одинъ бронзовый, очень пострадавшій отъ времени, кинжалъ, изображенный на рис. 11 табл. III (длиною 202 мм.).

№ 46. Длина—290 сант., ширина—125 сант., глубина—120 сант., направленіе—съ С.-З. на Ю.-В.; продольныя стѣны состоятъ изъ трехъ плитъ каждая, поперечныя—изъ двухъ; изъ двухъ же плитъ состоитъ и верхняя покрышка, при чемъ одна изъ половинъ значительно была сдвинута; могила оказалась уже разрытой; кромѣ многочисленныхъ обломковъ глиняныхъ сосудовъ и нѣсколькихъ сердоликовыхъ бусъ, ничего въ ней не найдено.

---

[1]) „Verhandl. der Berl. Gesel. f. Anthrop., Ethnol. u. Urgesch", 1895, S. 550.

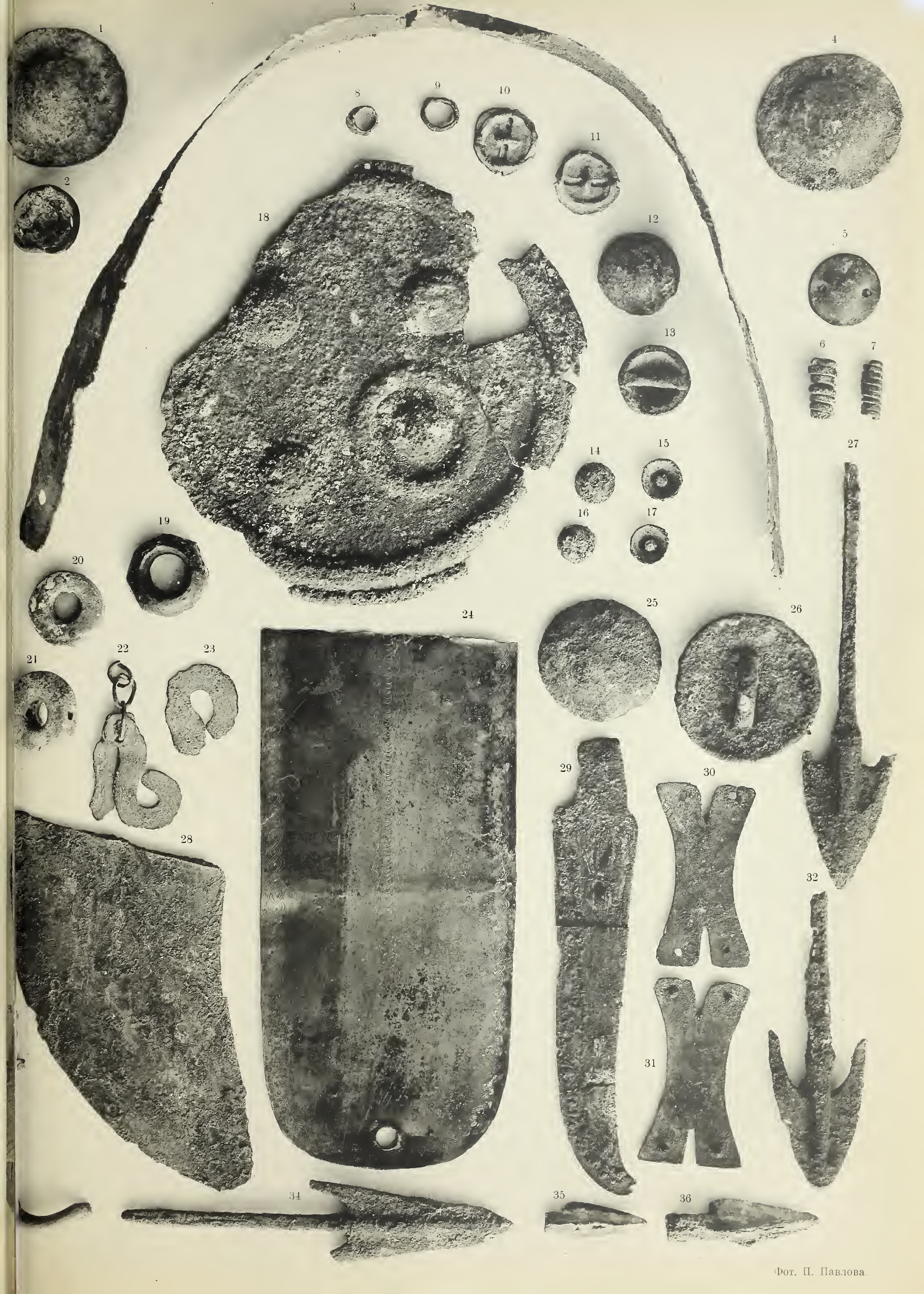
[2]) Ibid., 1901, S. 99.

[3]) Очень похожъ по общей формѣ на нашу бронзовую фигуру птицы маленькій сосудъ, найденный г. Павлиновымъ въ ризницѣ с. Иллори (въ Абхазіи, въ 2 вер. отъ берега Чернаго моря); сосудъ имѣетъ видъ голубя; голова его, служащая крышкой, снимается и прикрѣплена къ сосуду цѣпочкой; авторъ, къ сожалѣнію, не упоминаетъ, изъ какого матеріала сдѣланъ сосудъ и извѣстно ли что-либо объ его происхожденіи (*А. М. Павлиновъ*—Экспедиція на Кавказъ 1888 г. „Матер. по археол. Кавказа", вып. III, табл. VII). У *J. Menant* въ его „Recherches sur la glyptique orientale" (Paris, 1883) неоднократно приводятся рисунки птицъ, похожихъ на нашихъ; такъ, на геліографической таблицѣ № VI надъ вавилонскимъ царемъ Marduk-idin-akhi изображена птица, сходная съ нашей; сходно также и приводимое у Менана изображеніе птицы на одномъ памятникѣ въ видѣ столба, открытомъ въ Багдадѣ G. Smith'омъ и относящемся ко времени вавилонскаго царя Marduk-idin-habal (немного позднѣе упомянутаго выше Marduk-idin-akhi). Большое сходство можно найти съ нашими птицами и у птицъ, изображенныхъ на ассирійскихъ цилиндрахъ (см. также у Менана). Изображеніе птицъ въ халдейской скульптурѣ см. у *G. Perrot et Ch. Chipiez*—Histoire de l'art dans l'antiquité. Tome II. Chaldée et Assyrie. Paris. 1884, p. 611.

№ 47. Длина—170 сант., ширина—80 сант., глубина—85 сант., направленіе—съ З. на В; всѣ стороны „ящика“ состоятъ изъ цѣльныхъ плитъ, за исключеніемъ восточной, которая была выложена изъ камней-валуновъ, обрушившихся впослѣдствіи и заваливших собою часть могилы; полуистлѣвшій костякъ принадлежалъ ребенку, судя по остаткамъ нижней челюсти, лѣтъ 7—8; покойникъ похороненъ въ лежачемъ положеніи, но на спинѣ или на боку — на основаніи небольшого числа сохранившихся отдѣльныхъ косточекъ нельзя сказать; изъ пяти глиняныхъ сосудовъ, которые окружали скелетъ, три раздавлены камнями и землей; всѣ они были небольшихъ размѣровъ; одинъ изъ уцѣлѣвшихъ сосудовъ, изъ черной глины, изображенъ на рис. 13 табл. XI (высота его—62 мм., ширина верхней части — тоже 62 мм., самой широкой — 115 мм. и діаметръ дна—38 мм.), а другой, также изъ черной глины, но сравнительно грубой работы—на рис. 8 табл. XII (высота его — 95 мм., ширина верхней части — 105, самой широкой—125 и дна—80 мм.); кромѣ сосудовъ, въ могилѣ найдено небольшое, 48 мм. въ діаметрѣ, бронзовое кольцо, съ заходящими другъ на друга концами, изображенное на рис. 14 табл. II, и штукъ около ста мелкихъ сердоликовыхъ бусъ, преимущественно шаровидной и циллиндрической формы.

№ 48. Длина—205 сант., ширина—90 сант., глубина—115 сант., направленіе - съ С.-С.-В на Ю.-Ю.-З.; продольныя стѣнки „ящика“ состоятъ одна—изъ трехъ, другая — изъ двухъ плитъ, обѣ поперечныя — изъ двухъ; покрыта была могила тоже двумя плитами; нижняя часть могилы засыпана полевыми камнями, раздавившими находившіеся на днѣ могилы сосуды; изъ обломковъ послѣднихъ взяты: 1) обломокъ, длиною 80 мм., по своей формѣ напоминающій человѣческую ногу и служившій, повидимому, ручкою сосуда (см. рис. 19 табл. XIII), 2) сѣдлообразная глиняная ручка, длиною у основанія 81 мм., съ двумя отверстіями по концамъ (рис. 20 табл. XIII), и 3) ручка изъ глины, поверхность которой и прилегающихъ къ ней частей истыкана многочисленными точками (рис. 21 табл. XIII); судя по остаткамъ истлѣвшаго скелета, покойникъ былъ похороненъ въ сидячемъ положеніи; изъ бронзовыхъ вещей найдены при немъ: два бронзовыхъ браслета, изъ которыхъ одинъ гладкій, 71 мм. въ діаметрѣ, изображенъ на рис. 3 табл. II, а другой, съ разъединенными концами, украшенными, кромѣ насѣчекъ, еще какимъ-то трудно различимымъ орнаментомъ (82 мм. въ діаметрѣ),—на рис. 7 той же табл. II; далѣе въ этой могилѣ найдены 4 бронзовыхъ, средней величины, пуговицы, съ поперечной перекладиной на внутренней, вогнутой поверхности (двѣ изъ этихъ пуговицъ изображены на рис. 12 и 13 табл. VIII), 37 штукъ мелкихъ бронзовыхъ пуговокъ типа №№ 14—17 табл. VIII, 8 бронзовыхъ трехперыхъ, со втулкой, стрѣлъ (изъ нихъ 5 штукъ меньшаго и 3 бо́льшаго размѣра), двѣ изъ которыхъ изображены на рис. 35 и 36 табл. VIII, бронзовый кинжалъ типа № 3 табл. III и десятка три мелкихъ бусъ, преимущественно сердоликовыхъ.

№ 49. Длина—200 сант., ширина—85 сант., глубина—110 сант., направленіе—съ З. на В.; сѣверная стѣнка „ящика“ образована тремя плитами, изъ ко-

Фот. П. Павлова.

торыхъ одна, вдвое бо́льшая, чѣмъ каждая изъ двухъ остальныхъ, шла во всю длину могилы и образовывала собою верхнюю половину стѣнки, тогда какъ нижняя половина была составлена изъ двухъ одинаковой величины плитъ; южную стѣнку составляли три плиты, западную — двѣ и восточную — одна; прикрыта была могила также одною большою плитою; вся могила заполнена рыхлой землей; камней-валуновъ не было; положеніе покойника было сидячее, съ лицомъ обращеннымъ на западъ; изъ восьми сосудовъ, которыми былъ обставленъ покойникъ, сохранились цѣлыми или съ отбитыми только небольшими частями четыре: 1) чашка изъ черной глины, изображенная на рис. 5 табл. XIII (высота ея—80 мм., ширина верхней части—150 мм., самой широкой—175 и дна—82 мм.); орнаментъ состоитъ изъ четырехъ линій, изъ которыхъ верхняя идетъ зигзагообразно, а три нижнихъ—нѣсколько извилисто; въ трехъ мѣстахъ, равномѣрно отстоящихъ другъ отъ друга, линіи прерываются неправильными кругами, заключающими въ себѣ по такому же неправильному кругу, но меньшей величины; 2) небольшой кувшинъ изъ черной глины, съ отбитою наполовину верхнею частью, изображенный на рис. 15 табл. XIII (высота его—100 мм., діаметръ самой широкой части—88 мм. и дна—40 мм.); въ орнаментѣ этого сосуда мы встрѣчаемъ тотъ „Hakenkreuz“ (крестъ изъ крючковъ), который былъ уже разъ встрѣченъ нами на бронзовомъ „поясѣ“ и о которомъ говорилось при описаніи могилы № 36; 3) глубокая глиняная тарелка, изображенная на рис. 4 табл. XII (высота ея—72 мм., діаметръ верхней части—220 мм. и дна—100 мм.) и 4) пузатый кувшинъ съ ручкой, изъ красной глины, изображенный на 21 рис. табл. X (высота его—170 мм., діаметръ самой широкой части—170 мм. и дна—100 мм.). Кромѣ сосудовъ, могила содержала въ себѣ очень большое количество бусъ (не менѣе 500) и бисера; бусы чрезвычайно разнообразны какъ по формѣ, такъ и матеріалу, изъ котораго онѣ сдѣланы; болѣе же всего сердоликовыхъ бусъ, шаровидной и циллиндрической формы; среди бусъ обращаютъ на себя вниманіе кольца изъ какого-то темно-сѣраго камня, круглыя внутри и 8-гранныя снаружи, съ пронизывающими ихъ въ продольномъ направленіи тремя, рядомъ лежащими отверстіями, на подобіе того, какъ это мы видѣли на пластинкѣ, найденной въ могилѣ № 38 и изображенной на рис. 5 табл. VI; быть можетъ, проф. Р. Вирховъ и правъ, дѣлая предположеніе, что пронизанныя подобными отверстіями пластинки (а также, вѣроятно, и кольца) могли служить для соединенія между собою нѣсколькихъ (въ данномъ случаѣ трехъ) нитей бусъ или бисера [1]); такихъ колецъ было три; одно изъ нихъ изображено на рис. 19 табл. VIII [2]). Попадались среди бусъ и маленькіе кусочки антимона, но они тотчасъ же разсыпались, какъ только до нихъ дотрогивались; вѣроятно, они представляли собою остатки бывшихъ укра-

[1]) *R. Virchow*. Neue Erwerbungen aus Transkaukasien, insbesondere eine Fensterurne und Schmucksachen aus Antimon. „Verhand. der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. und Urgesch.“, 1884, S. 130; см. также выше, описаніе могилы № 38.

[2]) У негрскихъ племенъ внутренней Африки мѣдныя кольца, напоминающія по своей формѣ добытыя въ этой могилѣ нами, замѣняютъ деньги (*Фр. Ратцель*. Народовѣдѣніе, т. II, стр. 330 и рис. на стр. 363).

шеній; среди бусъ же найдено шесть штукъ маленькихъ колечекъ, одно изъ которыхъ изображено на рис. 9 табл. VIII, и одна овальная, плоская, продыравленная пластинка изъ камня (амулетъ?), изображенная на рис. 17 табл. VII. Дальнѣйшія находки въ этой могилѣ составляли два большихъ литыхъ, рубчатыхъ браслета изъ бронзы, съ заходящими другъ на друга концами, съ діаметромъ въ 100 мм. (одинъ изъ нихъ изображенъ на рис. 12 табл. II), массивный бронзовый браслетъ, съ глубокими поперечными на немъ рубцами, 77 мм. въ діаметрѣ, изображенный на рис. 4 той же табл. II, три небольшихъ круглыхъ и гладкихъ браслета, два тонкихъ бронзовыхъ колечка, кольцо изъ бронзовой пластинки шириною въ 120 мм. и бронзовая игла, точно такая же, какъ изображенная на рис. 9 табл. IX.

№ 50. Длина — 340 сант., ширина — 140 сант., глубина—130 сант., направленіе—съ С.-З. на Ю.-В.; могила покрыта двумя громадными плитами; съ сѣв.-западной стороны, около плиты, въ могилу ведетъ глубокая яма; съ этой стороны, какъ оказалось, могила была разрыта, и въ ней, кромѣ многочисленныхъ мелкихъ обломковъ сосудовъ и 3—4 десятковъ красныхъ сердоликовыхъ бусъ, ничего не найдено; тяжелыя верхнія плиты при прежней раскопкѣ могилы не были, повидимому, тронуты.

№ 51. Длина—195 сант., ширина—85 сант., глубина—105 сант., направленіе—съ С.-З. на Ю.-В.; каждую изъ продольныхъ стѣнъ составляютъ три плиты, а каждую изъ поперечныхъ—двѣ; прикрыта могила также двумя плитами; верхнія три четверти могилы засыпаны рыхлой землей, а нижняя завалена круглыми, разной величины, камнями; сосуды разбиты, за исключеніемъ одного, у котораго только отбита верхняя часть и отломлена ручка; онъ изображенъ на рис. 8 табл. XI (высота его—48 мм., наибольшая ширина—50 мм. и ширина дна—17 мм.); отъ скелета сохранилось только нѣсколько полуистлѣвшихъ костей; покойникъ былъ похороненъ, повидимому, въ сидячемъ положеніи, съ лицомъ, обращеннымъ на Ю.-В.; изъ вещей въ этой могилѣ найденъ небольшой (длиною около 110 мм.), разломанный на три части, бронзовый листовидный предметъ, подобный изображенному на рис. 21 табл. XVI; назначеніе этого листовиднаго предмета, который былъ находимъ и въ могильникахъ Сѣв. Кавказа, различными изслѣдователями опредѣляется неодинаково, чѣмъ и объясняются различныя названія, даваемыя этому предмету археологами; такъ, графиня П. С. Уварова[1]), описывая Комунтскую эпоху, называетъ изображенные на рис. 11 и 12 табл. LV и на рис. 6, 7 и 8 табл. LVII ея труда: „Могильники Сѣвернаго Кавказа“, листовидные предметы „кинжалами бронзовыми, или скорѣй лезвіями кинжаловъ“, и характеризуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „они очень тонкіе, среднее ребро замѣтно у весьма рѣдкихъ экземпляровъ, и то только въ видѣ намека или указанія на ребро; форма этихъ лезвій почти у всѣхъ листообразная, исключая одного экземпляра изъ моего собранія, сильно заостреннаго книзу; верхняя

[1]) „Матеріалы по археологіи Кавказа“, вып. VIII, стр. 117.

часть у всѣхъ овальная, за исключеніемъ одного, у котораго изъ такого же тонкаго матеріала выведенъ незначительный стержень для насадки рукоятки; у остальныхъ сохранились на вершинѣ или три отверстія, или даже гвозди, служившіе для прикрѣпы рукояти". Въ другомъ мѣстѣ того же труда, на стр. 228, описывая подобные листовидные предметы, найденные въ Кумбултѣ и изображенные на рис. 8—10 табл. XCV, графиня П. С. Уварова называетъ „дротиками" и говоритъ о нихъ, что „всѣ они довольно тонки, со стержнемъ для насадки и большею частію, хотя съ варіантами, но приближаются къ листообразной формѣ". E. Rösler [1]), нашедшій подобный листовидный бронзовый предметъ при раскопкахъ около деревни Achmachi, описываетъ его, какъ „kleiner Bronze-Dolch, von anderer Form, ohne Schaftring, flach und ohne Rippe, sich nach der Mitte hin etwas verstärkend". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ [2]), описывая „zwei Bronzeklingen von Dawschanli und Artschadsor, eine mit spitzem, die andere mit stumpfzulaufendem Ende", опредѣленно называетъ ихъ наконечниками копій (Lanzenspitze). Wilke въ своихъ „Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren Donauländern" [3]) называетъ, однако съ знакомъ вопроса, такіе листовидные предметы „наконечниками копій"—„Lanzen(?)spitze". Р. Вирховъ [4]) подобныя находки въ Кобани называлъ просто кинжалами (Dolche), но противъ такого опредѣленія листовидныхъ предметовъ возражалъ Schliemann [5]), считавшій послѣдніе наконечниками копій. Что касается добытаго мною бронзоваго листовиднаго предмета, то ни форма его, ни мѣсто, какое онъ занималъ въ могилѣ, ни какія-либо другія данныя также не позволяютъ опредѣленно высказаться объ его назначеніи; сравнивая, однако, его со всѣми другими видами оружія, находимыми въ „каменныхъ ящикахъ", а также съ аналогичными находками въ другихъ мѣстностяхъ, мнѣ представляется наиболѣе близкимъ къ истинѣ считать его за принадлежность дротика. Изъ другихъ предметовъ въ описываемой могилѣ найдены бронзовые щипчики, длиною въ 97 мм., типа № 8 табл. IV, бронзовый кинжалъ, изображенный на рис. 12 табл. III, и бронзовый браслетъ, 65 мм. въ діаметрѣ, типа № 3 табл. II.

№ 52. Длина—205 сант., ширина—115 сант., глубина—110 сант., направленіе—съ С.-В. на Ю.-З.; камни, которыми выложены стѣнки могилы, очень грубой отдѣлки; на продольныхъ стѣнкахъ ихъ по четыре, на поперечныхъ—по три; покрыта могила одной массивной плитой; вся могила засыпана только одной землей, камней-валуновъ нѣтъ; костякъ почти истлѣлъ совершенно; по полуистлѣвшимъ остаткамъ его можно предполагать, что трупъ находился въ этой могилѣ въ сидячемъ положеніи, и лицо его было обращено на сѣв.-востокъ; покойникъ былъ обставленъ восьмью глиняными сосудами, изъ которыхъ пять

[1]) *E. Rösler*. Ausgrabungen bei dem Dorfe Achmachi. „Verhandl. der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. und Urgesch.", 1899, S. 268.

[2]) „Verhandl. der Berl. Gesell. für Anthr., Ethnol. und Urgesch.", 1896. S. 95.

[3]) „Zeitschrift für Ethnologie", 1904, Heft I, S. 80.

[4]) *R. Virchow*. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, S. 76—82.

[5]) *Schliemann*. Troja. Leipzig, 1884, S. 102.

разбились отъ тяжести давившей на нихъ земли, а три сохранились въ цѣлости; изъ послѣднихъ одинъ (высота его—200 мм., ширина верхней части—88 мм., самой широкой—170 и дна—78 мм.) изображенъ на рис. 13 табл. X, другой—на рис. 22 той же табл. X; это - небольшихъ размѣровъ кувшинъ (высота его—160 мм., ширина верхней части—50, самой широкой—143 и дна - 66 мм.), изъ темно-бурой глины, съ большой ручкой, пронизанной по краямъ двумя сквозными отверстіями; около горлышка идетъ орнаментъ, состоящій изъ трехъ параллельныхъ полосъ, пересѣкаемыхъ маленькими черточками; ниже этихъ полосъ также замѣтны слабые слѣды какого-то орнамента; третій изъ уцѣлѣвшихъ осудовъ, изъ черной глины, изображенъ на рис. 16 табл. XII (высота его—80 мм., ширина верхней части—170 мм., самой широкой—175 и дна—92 мм.); посрединѣ могилы, гдѣ находился костякъ, найдено большое количество (не менѣе 300) бусъ, преимущественно красныхъ сердоликовыхъ; среди бусъ найдено шесть привѣсокъ, одна изъ которыхъ имѣла сѣкирообразную форму, другая — коническую, съ отверстіемъ въ самой узкой части, третья и четвертая — квадратную, съ поперечнымъ на одномъ изъ угловъ отверстіемъ, пятая--шестигранную и шестая — цилиндрическую, съ ушкомъ на концѣ; среди бусъ же найдены двѣ каменныхъ пряслицы; одна изъ нихъ—плоская съ обѣихъ сторонъ, другая имѣетъ форму полушара; основываясь на формѣ веретена нѣкоторыхъ современныхъ малокультурныхъ народовъ, можно думать, что обѣ пряслицы служили принадлежностью не двухъ, а одного веретена: полушаровидная надѣвалась на конецъ палочки, а плоская — ближе къ серединѣ ея, въ промежуткѣ между обѣими пряслицами наматывались получаемыя при пряжѣ нитки; таково устройство веретена, напр., у алжирскихъ негровъ [1]). Изъ бронзовыхъ вещей въ этой могилѣ найдены: два височныхъ кольца, совершенно такой же формы, какъ изображенное на рис. 10 табл. VII, но гораздо меньшихъ размѣровъ (55—60 мм. въ діаметрѣ), бронзовая фигурка птицы иного типа, чѣмъ найденныя въ могилахъ №№ 21 и 44 и изображенныя на рис. 16 и 17 табл. IX; она (см. рис. 15 табл. IX) — болѣе грубой отливки; треугольныя отверстія замѣняютъ на ней двѣ глубоко врѣзывающіяся въ туловище (съ той и другой стороны) линіи, одна изъ которыхъ на половину сквозная; ноги отставлены слишкомъ далеко одна отъ другой; хотя на спинкѣ птицы есть ушко для привѣшиванія ея, но никакой цѣпочки, какъ это было въ могилахъ №№ 21 и 44, не найдено; два бронзовыхъ браслета — одно, изображенное на рис. 4 табл. VII, и другое типа № 10 табл. II—дополняли собою инвентарь этой могилы.

№ 53. Длина—280 сант., ширина—120 сант. и глубина—110 сант.; направленіе—съ З. на В.; продольная сѣверная стѣна сложена изъ 4 небольшихъ плитъ, южная—изъ трехъ, обѣ поперечныя—изъ двухъ каждая; покрыта могила также двумя большими плитами; вся могила засыпана рыхлой землей: никакихъ вещей и вообще никакихъ слѣдовъ погребенія въ этой могилѣ не найдено.

---

[1]) *Г. Шурцъ.* Исторія первобытной культуры; см. рисунокъ: „Алжирская негритянка за прялкой“, между 268 и 269 стр.

№ 54. Длина—210 сант., ширина—95 сант. и глубина—110 сант., направленіе—съ С.-З. на Ю.-В.: продольныя стѣнки имѣютъ по три плиты каждая, сѣв.-западная поперечная—тоже три, а юго-восточная—одну большую; покрыта могила двумя плитами; могила заполнена землей вперемежку съ многочисленными глиняными обломками, въ безпорядкѣ разбросанными по всей могилѣ; повидимому, могила была ограблена; тѣмъ болѣе страннымъ было найти въ этой могилѣ двѣ бронзовыя фигуры животныхъ, вѣроятнѣе всего, горныхъ козловъ; одна фигура была найдена на самомъ днѣ могилы, около юго-восточной стѣнки, другая—по срединѣ могилы, на глубинѣ приблизительно 50–60 сант.; обѣ онѣ изображены на 1 и 2 рис. табл. VI; та и другая сторона ихъ одинаковы; наибольшая длина ихъ—82 мм.; внутри онѣ полыя и могутъ быть на какой-нибудь не толстый, плоскій предметъ надѣты; подобныя фигуры ни раньше, ни позже не были находимы мною въ „каменныхъ ящикахъ"; можно дѣлать много догадокъ и предположеній относительно того, какъ онѣ попали въ эту могилу; но, какъ бы то ни было, будетъ правильнѣе всего не считать ихъ принадлежностью погребальнаго инвентаря „каменныхъ ящиковъ".

№ 55. Длина—225 сант., ширина—100 сант., глубина—105 сант., направленіе—съ С. на Ю.; продольныя стѣнки образованы тремя плитами каждая, сѣверная—небольшими четырьмя, южная—двумя; покрывали могилу двѣ, плотно пригнанныхъ одна къ другой, плиты; могила засыпана рыхлой землей, и только на днѣ ея лежали камни-валуны, но въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ то наблюдалось въ предыдущихъ могилахъ; костякъ полуистлѣлъ; положеніе покойника было сидячее, лицомъ на югъ; на пространствѣ, занятомъ остатками костяка, а также и около него найдено большое количество (отъ 300 до 400) бусъ и мелкаго бисера; бусы—преимущественно сердоликовыя; форма ихъ—главнымъ образомъ цилиндрическая (съ округленными краями), плоская круглая и шаровидная; изъ разной величины и формы привѣсокъ одна, въ видѣ плоскаго полукруга, на обѣихъ сторонахъ имѣла сѣтчатый орнаментъ; попадались маленькіе кусочки антимона, на одномъ изъ которыхъ, побольше, замѣтенъ былъ орнаментъ, въ видѣ спиралеобразныхъ круговъ, на подобіе тѣхъ, какіе изображены на рис. 4 табл. VI: изъ бронзовыхъ вещей найдены два височныхъ кольца того же типа, какъ изображенное на рис. 3 табл. IX (только безъ привѣсокъ), игла, подобная изображенной на рис. 9 табл. IX, три маленькихъ колечка съ заходящими другъ на друга концами, того же типа, какъ № 14 табл. II (но вдвое меньшихъ размѣровъ), и два браслета, съ рубчатою поверхностью, того же типа, какъ изображенный на рис. 1 табл. II (но съ сомкнутыми концами). Изъ сосудовъ, найденныхъ въ этой могилѣ, обращаетъ на себя вниманіе каменный сосудъ, очень тонкой отдѣлки, изображенный на рис. 24 табл. XI; высота его—135 мм., ширина верхней части не опредѣлена, такъ какъ одинъ край сосуда отломленъ; діаметръ самой широкой части—103 мм. и дна—35 мм.; у верхняго края ручки имѣется вертикально поставленное полукруглое ушко съ отверстіемъ въ немъ; въ этой же могилѣ найденъ другой каменный сосудъ,

изображенный на рис. 3 табл. XI (высота его—42 мм., ширина верхней части—116 мм. и дна—70 мм.); изъ крупныхъ сосудовъ въ этой могилѣ взятъ красивый кувшинъ изъ черной глины, изображенный на рис. 16 табл. X (высота его—280 мм., ширина верхней части—90 мм., самой широкой—180 мм. и дна—135 мм.); на поверхности его замѣтенъ слабый рѣшетчатый орнаментъ; ясно выраженнымъ орнаментомъ обладаетъ добытая изъ этой же могилы тарелка изъ черной глины, изображенная на рис. 11 табл. XIII (высота ея—40 мм., ширина верха—175 и дна—80 мм.); остальные сосуды, находившіеся въ этой могилѣ, были разбиты; изъ обломковъ (черной глины) взяты изображенные на рис. 7 табл. XIII и на рис. 2 и 7 табл. XIV; всѣ они имѣютъ характерный для сосудовъ закавказскихъ „каменныхъ ящиковъ“ орнаментъ, съ бѣлой начинкой внутри его. Послѣдняя уже давно обратила на себя вниманіе зап.-европейскихъ археологовъ, и въ настоящее время мы имѣемъ по поводу нея немало статей и изслѣдованій. A. Voss [1]) дѣлаетъ обзоръ мѣстностей Зап. Европы, въ которыхъ были находимы сосуды съ подобнаго рода инкрустаціей, и обзоръ этотъ, указывая на чрезвычайно широкое распространеніе ея, перечисляетъ почти всѣ зап.-европейскія государства (Португалія, Испанія, Германія, Италія, Венгрія, Франція, Голландія, Англія). „Diese Technik,—говоритъ онъ,—gehört nicht einer bestimmten Zeit an, sondern sie erstreckt sich von der ersten trojanischen Stadt Schliemann's bis in die späte La Tène-Zeit, und, wenn ich nicht irre, sogar bis in die römische Kaiserzeit, und ist verbreitet von Vorder-Asien und Cypern, wo derartig verzierte Gefässe häufig sind, über ganz Europa bis nach Spanien“. По даннымъ Руд. Вирхова [2]), Гремплера [3]), Ольсхаузена [4]), Краузе [5]) и др., бѣлое вещество, служившее для заполненія орнамента, могло быть различнаго происхожденія: или это была углекислая известь (съ присоединеніемъ иногда мѣла, какъ то показали изслѣдованія проф. Webski [6]), или фосфорнокислая известь, или гипсъ, или, наконецъ, смола, которая, по словамъ Olshausen'а, часто встрѣчается въ каменный, а потомъ и бронзовый вѣкъ на глиняныхъ сосудахъ съ цѣлью какъ разнаго рода склеекъ, такъ и для прикрѣпленія и замазки крышекъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда орнаментъ небольшой, онъ заполнялся бѣлой кашицей, вѣроятнѣе всего, какъ то предполагаетъ проф. Вирховъ [7]), при помощи какой-либо палочки; когда же орнаментъ занималъ значительную часть поверхности сосуда и былъ довольно сложнымъ, то вмѣстѣ съ Olshausen'омъ [8]) можно предполагать, что сосудъ въ данномъ случаѣ весь обмазывался тѣмъ или

---

[1]) „Verhandlungen der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. und Urgesch.“, 1895, S. 121—123.

[2]) Ibid., 1895, S. 123.

[3]) *Grempler*. Die weisse Füllmasse in Einritzungen prähistorischer Thongefässe. „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethn. u. Urgesch.“, 1895, S. 462.

[4]) Ibid., 1895, S.S. 462—465.

[5]) *Э. Краузе*. Техническая дѣятельность первобытной эпохи. „Вселенная и человѣчество“ подъ общей редакціей *Ганса Крэмера*, т. V, стр. 82.

[6]) „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.“, 1895, S. 124.

[7]) Ibid., 1888, S. 565.

[8]) Ibid., 1895, S. 462.

нымъ бѣлымъ веществомъ, и потомъ уже послѣднее удалялось съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно не должно было быть. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что сосуды съ подобной инкрустаціей предназначались только для погребеній; такъ, F. Jagor [1]) говоритъ: „Diese Gefässe waren für den Todtencult bestimmt, *nur* für diesen Zweck, obwohl,—прибавляетъ онъ далѣе,—die Annahme, dass sie vorher religiösen Zwecken gedient haben mögen, nicht ungereimt erscheint“ [2]). Къ этому, на основаніи моихъ личныхъ наблюденій при многочисленныхъ раскопкахъ „каменныхъ ящиковъ“, я могу добавить, что сосуды съ инкрустаціей обладаютъ меньшею прочностью по сравненію съ остальными сосудами,—по большей части они были находимы въ могилахъ въ разрушенномъ состояніи, тогда какъ другіе (безъ инкрустаціи) сосуды, стоявшіе съ ними рядомъ, оказывались цѣлы.

№ 56. Длина—220 сант., ширина—100 сант., глубина—105 сант., направленіе—съ З.-С.-З. на В.-Ю.-В.; продольныя стѣнки образованы тремя плитами каждая, а поперечныя двумя, причемъ на зап.-сѣв.-западной сторонѣ обѣ плиты стоятъ рядомъ, а на вост.-юго-восточной онѣ поставлены одна надъ другой; покрывали могилу двѣ, хорошо обдѣланныхъ и плотно прилегающихъ одна къ другой, плиты; вся могила была заполнена землей; камней-валуновъ не было; костякъ найденъ въ сравнительно хорошо сохранившемся состояніи, и отъ него могла быть взята полуразрушенная черепная коробка (безъ лицевыхъ частей), значащаяся въ измѣрительномъ листкѣ (см. далѣе) подъ № 5-ымъ; покойникъ былъ похороненъ въ этой могилѣ въ лежачемъ положеніи, на лѣвомъ боку, съ нѣсколько, повидимому, согнутыми въ колѣнахъ ногами; голова лежала ближе къ зап.-сѣв.-западной стѣнкѣ, и около нея стояли три большихъ сосуда: одинъ изъ нихъ типа № 15 табл. X, другой, въ видѣ кувшина съ узкимъ горломъ, изображенъ на рис. 12 той же табл. X (высота его—268 мм., ширина верхней части—85, самой широкой—210 мм. и дна—70 мм.) и третій—типа № 13 табл. XII; въ ногахъ стояли и лежали четыре сосуда: 1) кувшинъ изъ красной глины, съ отбитымъ горломъ, изображенный на рис. 1 табл. XII (высота его—145 мм., ширина верхней части—55, самой широкой—102 и дна—53 мм.); въ верхней своей части онъ орнаментированъ нѣсколькими, идущими кругомъ, параллельными линіями; въ промежуткѣ между двумя нижними линіями идетъ зигзагообразная; 2) каменный, хорошо выточенный, небольшой сосудъ, изображенный на рис. 2 табл. XI (высота его—48 мм., ширина верхней части—84 мм. и дна—50 мм.); 3) сосудъ изъ черной глины, изображенный на рис. 6 табл. XI (высота его—42 мм., ширина верхней части — 110 мм.; дно постепенно закругляется); 4) разбитый сосудъ, по своей формѣ приближавшійся къ № 8 табл. XII; въ немъ

---

[1]) *F. Jagor.* Ein prähistorischer Fund von Ciempozuelos. „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.“, 1895, S. 119.

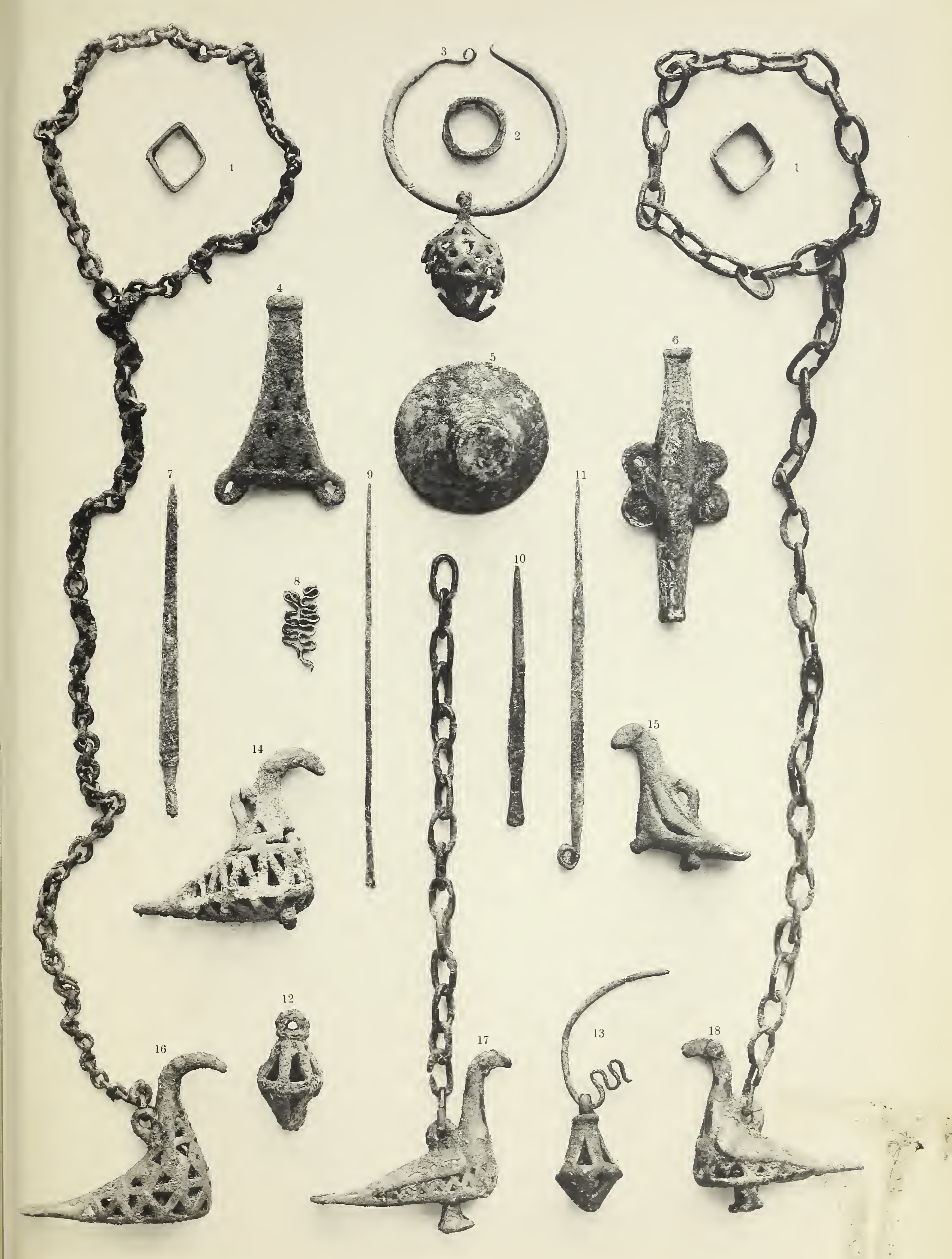
[2]) *R. Buchholz* въ своей статьѣ: „Über die Durchlässigkeit vorgeschichtlicher Thongefässe und deren hauswirthschaftliche Verwendbarkeit“ („Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.“, 1891, S. 259), вообще отрицаетъ изготовленіе глиняныхъ сосудовъ съ спеціальною цѣлью употребленія ихъ въ погребальныхъ обрядахъ; по его мнѣнію, находимые въ могилахъ сосуды первоначально „als hauswirthschaftliche Gefässe offenbar gedient haben“.

сохранились остатки костей какого-то животнаго. Около костей ступни, съ лѣвой стороны, лежалъ полуистлѣвшій черепъ лошади; слѣдовъ другихъ частей ея скелета не было замѣтно; около черепа найдены принадлежности удилъ, изображенныя на рис. 3 и 6 табл. VII и представляющія собою довольно длинные витые бронзовые стержни, снабженные на обоихъ концахъ загнутыми въ кольцо петлями; на одномъ концѣ эти петли захватываютъ собою значительныхъ размѣровъ бронзовыя кольца, къ которымъ, можно думать, привязывался поводъ; въ петляхъ другого конца, гдѣ должна быть основная часть удилъ, вкладываемая въ ротъ животнаго, ничего нѣтъ, что заставляетъ предполагать, что эта часть удилъ въ данномъ случаѣ была не металлическая, а изъ какого-либо другого матеріала, напр., кожи; недалеко отъ удилъ, около же лошадинаго черепа, найдена круглая бронзовая бляха, изображенная на рис. 9 табл. VII, 110 мм. въ діаметрѣ, съ слабо вогнутою поверхностью на одной сторонѣ (съ продолговатою петлею на ней) и также слабо выпуклою на другой; послѣдняя, имѣющая посрединѣ небольшую шишечку, покрыта темно-зеленой патиной; тотъ фактъ, что этотъ круглый предметъ лежалъ около черепа лошади, въ сосѣдствѣ съ удилами, заставляетъ видѣть въ немъ также принадлежность узды,—онъ могъ быть украшеніемъ, напр., лба лошади; около черепа же лошади найдены шесть бронзовыхъ пуговицъ средней величины (одна изъ нихъ изображена на рис. 25 табл. VIII), съ выпуклой одной стороной и вогнутой другой; на послѣдней у всѣхъ имѣются петли того же типа, какъ у № 26 табл. VIII; кромѣ того, около черепа было много мелкихъ бронзовыхъ обломковъ, въ видѣ тонкихъ пластинокъ, служившихъ, повидимому, также для украшенія черепа. По другую, правую, сторону костей ступни найденъ тотъ бронзовый предметъ, длиною 23 сант., который изображенъ на рис. 4 табл. IV; онъ могъ имѣть, повидимому, двоякое назначеніе — быть наконечникомъ копья (круглый конецъ его—полый внутри и могъ надѣваться на древко) и, при отсутствіи древка, служить кинжаломъ (съ округленнаго конца его удобно держать въ рукѣ). Съ правой же стороны, приблизительно около середины скелета, лежалъ значительныхъ размѣровъ бронзовый кельтъ (длина его—135 мм., самая широкая часть—85 мм., самая узкая—35 мм.), изображенный на рис. 6 табл. IV. По мнѣнію Undset'a, подобную форму имѣли ассирійскіе кельты: „Die assyrischen Schwerter hatten alle, wie die runden, an den Monumenten wiedergegebenen Griffe zeigen, nicht Zunden, sondern schmale Angeln für die runden Griffe“[1]). На головѣ покойника, судя по слѣдамъ окиси, были какія-то бронзовыя украшенія.

№ 57. Длина—190 сант., ширина—80 сант., глубина—105 сант., направленіе—съ С.-С.-З. на Ю.-Ю.-В.; продольныя стѣнки состоятъ изъ двухъ плитъ каждая, поперечныя — изъ одной; покрыта была могила также одной толстой плитой; вся могила засыпана рыхлой землей; на днѣ ея лежали полевые камни и разбитые глиняные сосуды; изъ обломковъ ихъ взята здѣсь половина чаши,

---

1) *Dr. Ingvald Undset.* Die ältesten Schwertformen. „Zeitschr. f. Ethnol“, 1896, Heft I, S. 27.

Фот. П. Павлова.

изъ черной глины, изображенная на рис. 10 табл. XIII и орнаментированная линіями, заполненными бѣлымъ веществомъ; судя по немногимъ остаткамъ скелета, трупъ былъ погребенъ въ сидячемъ положеніи, и лицо его было обращено на сѣв.-сѣв.-западъ; изъ вещей найдены въ могилѣ: бронзовый кинжалъ, длиною 196 мм., изображенный на рис. 1 табл. III, небольшой, разломанный на три части, бронзовый ножъ (рис. 29 табл. VIII), на поверхности котораго замѣтны слѣды ноженъ, и продолговатая небольшая каменная привѣска (оселокъ?) съ круглымъ отверстіемъ на одномъ концѣ (рис. 7 табл. VII).

№ 58. Длина—290 сант., ширина—130 сант., глубина—125 сант., направленіе—съ С. на Ю.; продольная западная стѣна состоитъ изъ четырехъ плитъ, а восточная—изъ трехъ; поперечныя стѣнки образованы двумя плитами каждая; покрыта была могила также двумя плитами; вся могила заполнена рыхлой землей вперемежку съ полевыми камнями и обломками глиняныхъ сосудовъ; попадались мѣстами на разной глубинѣ полуистлѣвшія человѣческія кости; найдено нѣсколько десятковъ маленькихъ круглыхъ сердоликовыхъ бусъ; могила, очевидно, была разрыта ранѣе.

№ 59. Длина—265 сант., ширина—125 сант., глубина—130 сант.; направленіе—съ С.-С.-З. на Ю.-Ю.-В.; въ продольныхъ стѣнкахъ—по три плиты, въ поперечныхъ—по двѣ, двумя же плитами и покрыта могила; раскопки обнаружили въ общемъ ту же картину, какъ и въ предыдущей могилѣ,—очевидно, и эта также была разрыта ранѣе.

№ 60. Длина—200 сант.; ширина—110 сант., глубина—115 сант., направленіе—съ С.-В. на Ю.-З.; могила была покрыта одной громадной плитой; продольныя стѣнки „ящика“ состояли изъ трехъ плитъ каждая, сѣв.-восточная—изъ двухъ, а юго-западная, которая была выложена изъ камней-валуновъ, найдена обрушившейся; отъ скелета сохранилось только нѣсколько полуистлѣвшихъ костей; судя по расположенію послѣднихъ, покойникъ былъ погребенъ въ сидячемъ положеніи и лицомъ былъ обращенъ на юго-западъ; всѣхъ сосудовъ, которыми былъ обставленъ покойникъ, было 11; изъ нихъ уцѣлѣли только четыре: 1) пузатый кувшинъ изъ черной глины, съ большой ручкою, съ тремя сосочками по сторонамъ, орнаментированный кругомъ слегка углубляющимися продольными линіями; сосудъ изображенъ на рис. 17 табл. X (высота его—225 мм., ширина верхней части—55, самой широкой—200 и дна—110 мм.); 2) кувшинъ изъ красной глины, изображенный на рис. 19 табл. X; у нижней части горлышка идутъ кругомъ двѣнадцать маленькихъ шишечекъ (кнопокъ); двѣ такихъ же кнопки имѣются по сторонамъ носка и три, соединенныхъ вмѣстѣ, на верхней части ручки; высота кувшина—205 мм., наибольшая ширина верхней части—65 мм., самой широкой—145 мм. и дна—100 мм.; 3) небольшая чашка изъ черной глины (рис. 4 табл. XIII), съ оригинальнымъ орнаментомъ и съ остатками бѣлаго вещества въ немъ (высота чашки — 56 мм., діаметръ верхней части—178 и дна—88 мм.); 4) сосудъ, изображенный на рис. 20 табл. XI, съ большими двумя ушками по сторонамъ и круглыми отверстіями въ нихъ (высота сосуда—

105 мм., ширина верхней части—75 мм., самой широкой—112 мм. и дна—57 мм.); въ пространствѣ между сосудами найдено очень большое количество бусъ и бисера; бусы, какъ и въ предыдущихъ находкахъ, чрезвычайно разнообразны какъ по матеріалу, изъ котораго онѣ сдѣланы, такъ и по ихъ формѣ и величинѣ; въ качествѣ матеріала [1]) преобладаетъ халцедонъ; послѣднему, какъ извѣстно, въ зависимости отъ окраски его даютъ различныя названія; среди нашего матеріала чаще всего встрѣчался карнеолъ или сердоликъ (почти исключительно только краснаго цвѣта), рѣдко хризопразъ или плазма, еще рѣже геліотропъ или стефановъ камень; встрѣчались, также рѣдко, яшма и агатъ; есть нѣсколько бусъ изъ стекла; немало бусъ, сдѣланныхъ изъ голубой египетской пасты; изъ раковинъ больше всего Dentalium изъ группы Scaphopoda, меньше—Cardium и Gastoropoda (видъ близкій къ Fusus). Среди бусъ обращаетъ на себя вниманіе по своимъ размѣрамъ одна (которую правильнѣе назвать привѣской), въ видѣ слегка овальной съ той и другой стороны пластинки изъ сардолика (длиною въ 38 и шириною въ 25 мм.); съ одной стороны она орнаментирована рѣшетчатымъ орнаментомъ, а съ другой четырьмя продольными и четырьмя поперечными линіями подраздѣлена на девять четыреугольниковъ; средній изъ послѣднихъ не орнаментированъ; идущіе по сторонамъ его (въ продольномъ направленіи) два четыреугольника покрыты сѣтчатымъ орнаментомъ, а орнаментъ остальныхъ четырехугольниковъ составляютъ наклонно идущія линіи; одно изъ продольныхъ реберъ привѣски имѣетъ рубчатую поверхность; сквозь это же ребро идетъ (тоже въ продольномъ направленіи) сквозное отверстіе для привѣшиванія. Изъ другихъ бусъ, найденныхъ въ этой могилѣ, слѣдуетъ обратить вниманіе на продолговатую (48 мм. длиною) круглую трубочку изъ голубой египетской пасты, къ серединѣ постепенно расширяющуюся и достигающую здѣсь 18 мм. толщины, тогда какъ по краямъ послѣдняя равна всего только 8 мм.; трубочка—внутри полая, и кромѣ того, съ наружной стороны, въ серединѣ, гдѣ трубочка имѣетъ наибольшую толщину, она пронизана еще шестью круглыми отверстіями; поверхность трубочки ближе къ краямъ орнаментирована идущими кругомъ прямыми линіями, а посрединѣ—рѣшетчатымъ орнаментомъ. Изъ четырехъ агатовыхъ бусъ три имѣютъ бочкообразную форму, а одна—форму сердца. Бусы изъ голубой египетской пасты—небольшія (5—6 мм. въ діаметрѣ), плоскія, круглыя или овальныя; по плоскимъ сторонамъ онѣ украшены сѣтчатымъ орнаментомъ; отверстій на каждой бусѣ два: одно идетъ вдоль, другое—поперекъ; изъ египетской же голубой пасты были сдѣланы три найденныя въ этой могилѣ бусы, имѣвшія форму усѣченнаго конуса (діаметръ основанія—20 мм., высота—15 мм.) и со всѣхъ четырехъ сторонъ прорѣзанныя глубокими бороздами, промежутки между которыми заполнены сѣтчатымъ орнаментомъ; на нихъ также по два отверстія и также одно идетъ вдоль, а другое—поперекъ; другія же бусы изъ египетской пасты, имѣвшія также форму усѣченнаго конуса (но только нѣсколько меньшихъ раз-

[1]) Опредѣленіе матеріала бусъ (кромѣ раковинъ) любезно сдѣлано для меня проф. В. И. Вернадскимъ, которому приношу мою глубокую благодарность.

мѣровъ), были полыя внутри, и отверстія въ нихъ также были вдоль (чрезъ вершину конуса) и поперекъ. Стеклянныя бусы—или цилиндрической формы, или шарообразныя (13—16 мм. въ діаметрѣ), съ глубокими въ послѣднемъ случаѣ бороздками, идущими отъ одного выхода отверстія къ другому. Между бусами найдены двѣ пряслицы: одна—изъ чернаго съ сѣрыми крапинками мрамора очень хорошо обточенная, плоская съ одной стороны и выпуклая съ другой; діаметръ ея—35 мм.; другая—40 мм. въ діаметрѣ, изъ глинистаго сланца, тонкая и плоская съ обѣихъ сторонъ, грубо обдѣланная; объ этихъ двухъ пряслицахъ можно повторить то же, что было сказано выше о пряслицахъ, найденныхъ въ могилѣ № 52, т. е. что, вѣроятнѣе всего, онѣ были принадлежностью не двухъ, а одного веретена. Изъ такого же мрамора, изъ какого сдѣлана пряслица, найдено небольшое колечко (25 мм. въ діаметрѣ) съ плоскою поверхностью той и другой стороны въ продольномъ направленіи и выпуклымъ какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ ребромъ. Бронзовыми предметами могила была также богата: въ ней найдено пять браслетъ, изъ которыхъ два, по 66 мм. въ діаметрѣ, съ рубчатою внѣшнею поверхностью, имѣли совершенно одинаковую форму и величину (см. рис. 6 табл. II); одинъ былъ типа № 1 и другой — № 7 табл. II; пятый бронзовый браслетъ, небольшихъ размѣровъ (45 мм. въ діаметрѣ), очень изящно орнаментированъ съ внѣшней стороны продольными круговыми линіями и мелкими насѣчками на ребрахъ между ними, съ внутренней же стороны—ромбоидальными, безпрерывно слѣдующими одна за другой, фигурами, усѣянными внутри многочисленными мелкими точками. Кромѣ браслетъ, въ могилѣ найдены два бронзовыхъ кольца той же формы, какъ изображенное на рис. 10 табл. VII, но гораздо меньшихъ размѣровъ, именно по 55 мм. въ діаметрѣ. Назначеніе послѣдняго, найденнаго въ этой могилѣ, бронзоваго предмета представляется спорнымъ; предметъ этотъ изображенъ на рис. 10 табл. IV (длина его—88 мм., наибольшая ширина—57 мм.); отъ узкаго конца, снабженнаго посрединѣ небольшимъ круглымъ отверстіемъ, онъ сначала постепенно, а потомъ быстро расширяется къ другому концу, гдѣ оканчивается пятью, приблизительно одинаковыхъ размѣровъ, зубьями. На первый взглядъ этотъ предметъ напоминаетъ тѣ оригинальной формы гребни, которые описаны графомъ А. С. Уваровымъ и которые, по мнѣнію Ворсо, людямъ каменнаго вѣка могли служить для сученія нитокъ и веревокъ изъ звѣриныхъ шкуръ [1]). Найденный нами предметъ едва ли могъ имѣть такое назначеніе; скорѣе является предположеніе, что онъ могъ служить украшеніемъ головы, напр., шпилькою (причемъ прикрѣплялся, вѣроятно, къ деревянному или костяному стержню), или это—просто привѣска, амулетъ. Въ послѣднемъ случаѣ не имѣемъ ли мы дѣло съ стилизованнымъ изображеніемъ кисти человѣческой руки, и пять зубьевъ не должны ли обозначать пять пальцевъ? Послѣднее предположеніе намъ представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что бронзовыя фигуры человѣческихъ рукъ были находимы на

[1]) *Графъ А. С. Уваровъ.* Археологія Россіи. Каменный періодъ. Москва, 1881, стр. 203 (рис. 32 и 33).

Кавказѣ неоднократно[1]), и возникновеніе ихъ, по мнѣнію Wilke[2]), должно быть относимо къ начальному періоду бронзоваго вѣка. Изображеніе человѣческой руки въ качествѣ амулета и въ настоящее время пользуется широкимъ распространеніемъ среди малокультурныхъ народовъ. „Особую группу среди искусственныхъ амулетовъ,—говоритъ Шурцъ[3]),—представляютъ воспроизведенія оборонительныхъ жестовъ, которыя желаютъ закрѣпить въ этихъ изображеніяхъ для того, чтобы обратить ихъ изъ временныхъ въ постоянные. Поднятая вверхъ ладонь руки изображаетъ отказъ, требованіе удалиться, желаніе прогнать кого-нибудь; этотъ жестъ во всемъ мірѣ ислама служитъ однимъ изъ любимѣйшихъ амулетовъ. Въ видѣ оттисковъ или стилизованныхъ изображеній его можно встрѣтить почти что на каждомъ домѣ мусульманина; эта рука, сдѣланная изъ металла, служитъ часто украшеніемъ женскаго костюма. Тотъ же символъ встрѣчается въ сѣверной Азіи. Рука съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ служитъ талисманомъ въ южной Италіи“.

№ 61. Длина — 195 сант., ширина — 80 сант., глубина — 105 сант., направленіе—съ С.-З. на Ю.-В.; покрыта могила одной плитой; какъ продольныя, такъ и поперечныя стѣнки „ящика“ образованы двумя плитами каждая; могила засыпана рыхлой землей; на днѣ ея много камней-валуновъ и разбитой ими глиняной посуды; изъ обломковъ ея взятъ изображенный на рис. 6 табл. XIV кусокъ чашки изъ черной глины, орнаментированный грубымъ изображеніемъ какого-то животнаго, при чемъ всѣ углубленія заполнены бѣлымъ веществомъ; скелетъ полуистлѣлъ, однако лицевая часть сохранилась довольно хорошо и могла быть впослѣдствіи изслѣдована (измѣренія см. ниже, въ таблицѣ, подъ № 6); покойникъ былъ погребенъ въ сидячемъ положеніи; лицо его было обращено на сѣв.-западъ; при скелетѣ съ лѣвой стороны найденъ большой бронзовый мечъ, изображенный на рис. 3 табл. I; длина его — 70 сант., самая широкая часть у рукояти—78 мм., длина рукояти—90 мм.; ковка рукояти представляетъ ту же особенность, на какую указано при описаніи меча, найденнаго въ могилѣ № 26 и изображеннаго на рис. 1 табл. I; посрединѣ меча, вдоль его, на той и другой сторонѣ одинаковый орнаментъ: три ряда двойныхъ линій, закругленныхъ ближе къ рукояти и, при постепенномъ суживаніи ихъ, оканчивающихся въ 16 сант. отъ конца меча, который закругленъ, а не острый; около рукояти съ той и другой стороны по двѣ дугообразныхъ углубленныхъ линіи; назначеніе меча было, очевидно, рубить, а не колоть. Около меча лежалъ узкій, съ нѣсколько загнутымъ концомъ, бронзовый ножъ, изображенный на рис. 8 табл. VII; недалеко лежалъ разломанный на мелкіе кусочки бронзовый тонкій дискъ, повидимому,

---

[1]) *Графиня П. С. Уварова.* Могильники Сѣв. Кавказа. „Матеріалы по археологіи Кавказа“, вып. VIII, стр. 64—65, рис. 9 и 10 табл. XXIII, рис. 6 табл. XXV, рис. 7 и 8 табл. XXIX и рис. 7 табл. XXXVII; *В. Ѳ. Миллеръ*—Терская область. Археологич. экскурсіи. „Матеріалы по археологіи Кавказа“, вып. I, рис. 7 табл. XXI.

[2]) „Mitteilungen der anthropol. Gesellschaft in Wien“. 1908, B. XXXVIII, II. und III. Heft, S. 162.

Генр. Шурцъ. Исторія первобытной культуры. Спб., стр. 619—620.

совершенно такой же формы, какъ найденный въ могилѣ № 26 и изображенный на рис. 18 табл. VIII; штукъ до 80 было разбросано маленькихъ бронзовыхъ пуговокъ типа №№ 14—17 табл. VIII; далѣе найдено пять штукъ каменныхъ стрѣлокъ типа № 32 табл. XV; изъ нихъ три сдѣланы, по опредѣленію проф. В. И. Вернадскаго, изъ яшмы, а двѣ—изъ кремня; размѣръ всѣхъ стрѣлокъ различенъ; длина стрѣлокъ изъ яшмы: 60—50—32 мм., а двухъ кремневыхъ — 59 и 53 мм. Вмѣстѣ съ стрѣлками найдены двѣ тонкихъ Х-образныхъ бронзовыхъ пластинки (см. рис. 30 и 31 табл. VIII), съ круглыми отверстіями въ каждомъ изъ четырехъ концовъ и съ сохранившимися въ нѣкоторыхъ изъ нихъ маленькими гвоздиками для прикрѣпленія пластинокъ. Не служили ли послѣднія украшеніемъ колчана? Вмѣстѣ съ пластинками найдены и тѣ бронзовые ромбоидальные предметы (два экземпляра), которые изображены на рис. 1 табл. IX. Нахожденіе ихъ вмѣстѣ съ стрѣлками заставляетъ предполагать, не были ли они вставлены въ четырехугольныя вырѣзки костянаго или деревяннаго ключа, служившаго для натягиванія тетивы лука, на подобіе того, какъ это наблюдается и въ настоящее время у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ, напр., у эскимосовъ [1]).

№ 62. Длина—200 сант., ширина—90 сант., глубина—110 сант., направленіе—съ С.-В. на Ю.-З.; одна изъ продольныхъ стѣнъ „ящика" (сѣв.-западная) сложена изъ трехъ плитъ, другая—изъ двухъ, по двѣ же плиты въ каждой изъ поперечныхъ стѣнокъ и двѣ же плиты, плотно прилегавшихъ одна къ другой, покрывали могилу; послѣдняя вся была засыпана рыхлой землей, а на днѣ ея лежали камни-валуны и осколки глиняной посуды; положеніе покойника было сидячее, съ лицомъ, обращеннымъ на юго-западъ; костякъ полуистлѣлъ; въ могилѣ найдены: двѣ большихъ бронзовыхъ стрѣлки, изображенныхъ на рис. 27 и 32 табл. VIII, небольшое четырехгранное (грани неравны, — двѣ шире двухъ другихъ) бронзовое шило, изображенное на рис. 10 табл. IX; бронзовые щипчики типа № 9 табл. IV (но безъ перемычки на нихъ) и желѣзное листовидное копье, изображенное на рис. 2 табл. V и по формѣ своей похожее на бронзовое копье, найденное въ могилѣ № 56 и изображенное на рис. 4 табл. IV; закругленная часть копья, какъ и у послѣдняго,—полая внутри и могла надѣваться на древко, но она могла служить и ручкой, и въ такомъ случаѣ копье превращалось въ кинжалъ; здѣсь же найденъ и желѣзный наконечникъ копья (пики), изображенный на рис. 4 табл. V.

№ 63. Длина—275 сант., ширина—115 сант., глубина—120 сант.; направленіе—съ З. на В.; сѣверная продольная стѣна образована пятью небольшими плитами, южная—тремя, западная—четырьмя, поставленными по двѣ въ рядъ, одна надъ другой, восточная выложена камнями-валунами, часть которыхъ обрушилась; сверху положены двѣ плиты; вся могила засыпана рыхлой землей; вещей и вообще какихъ-либо слѣдовъ погребенія въ могилѣ не найдено.

---

[1]) Рисунки подобныхъ ключей см. у *Турца*—Исторія первобытной культуры, стр. 488.

№ 64. Длина—255 сант., ширина—120 сант. и глубина—также 120 сант., направленіе съ С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З.; продольныя стѣны состоятъ изъ трехъ плитъ каждая, поперечная сѣв.-сѣв.-восточная — также изъ трехъ, а юго-юго-западная — изъ двухъ; покрывали могилу двѣ плиты, неплотно прилегавшія одна къ другой; могила заполнена рыхлой землей; камней-валуновъ не было; найдено много въ безпорядкѣ разбросанныхъ обломковъ глиняныхъ сосудовъ, десятка два сердоликовыхъ бусъ, въ видѣ маленькихъ плоскихъ кружковъ, и одна длинная агатовая, боченкообразной формы; попадались полуистлѣвшія человѣческія кости; могила, безъ сомнѣнія, была разрыта ранѣе.

№ 65. Длина—295 сант., ширина—125 сант., глубина—130 сант., направленіе—съ З. на В.; сѣверную продольную стѣну „ящика“ образуютъ пять сравнительно небольшихъ плитъ, южную—четыре, западную поперечную—три и восточную — двѣ; покрыта могила была также двумя плитами; вся могила была заполнена рыхлой землей вперемежку съ камнями-валунами и многочисленными обломками глиняной посуды, изъ числа которыхъ взятъ орнаментированный (меандръ) обломокъ сосуда изъ черной глины, изображенный на рис. 11 табл. XIV; изъ вещей найдены только одна бронзовая, пронизанная треугольными отверстіями, шишечка отъ ручки кинжала, изображенная на рис. 7 табл. III; очевидно, и эта могила также была разрыта ранѣе.

№ 66. Длина—220 сант., ширина—110 сант., глубина—115 сант., направленіе—съ С.-З. на Ю.-В.; покрывали могилу двѣ большихъ и толстыхъ, плотно прилегавшихъ одна къ другой, плиты; продольныя стѣны „ящика“ состояли изъ трехъ плитъ каждая, поперечныя—изъ двухъ; покойникъ былъ похороненъ въ лежачемъ положеніи; голова его находилась у сѣв.-западной стѣнки; скелетъ полуистлѣлъ и настолько дефектенъ, что сказать по положенію костей, лежалъ ли покойникъ на спинѣ или на боку, невозможно; скелетъ кругомъ былъ обставленъ 15-ью сосудами, изъ которыхъ развалившимися оказались только четыре, а остальные 11 были цѣлы (необходимо замѣтить, что камней-валуновъ въ этой могилѣ не было). Изъ глиняныхъ издѣлій, найденныхъ въ этой могилѣ, особенное вниманіе обращаетъ на себя превосходно исполненная голова коровы или быка, изображенная на рис. 17 табл. XI; она—изъ красной глины; длина ея—215 мм., ширина отверстія на-верху между рогами — 47 мм., разстояніе между внутренними краями роговъ—130 мм., наибольшее разстояніе между внѣшнею поверхностью роговъ—179 мм., ширина нижней части морды—70 мм., высота треугольника на лбу—52 мм., длина основанія его—30 мм.; концы роговъ обломлены; на мѣстѣ ноздрей имѣются небольшія углубленія; ротъ обозначенъ дугообразной (въ продольномъ направленіи и въ поперечномъ разрѣзѣ) полосой; посрединѣ его—небольшая дырочка; обратная поверхность фигуры — совершенно гладкая, такъ что на нее удобно класть голову. По общей формовкѣ и тщательности отдѣлки описываемая голова не уступаетъ головѣ бронзоваго быка, найденнаго въ пещерѣ „Бычья Скала“ (въ Моравіи), получившей извѣстность, благодаря находкамъ галльштаттской эпохи, сдѣланнымъ въ ней д-ромъ Ванкелемъ

и хранящимся въ Вѣнскомъ музеѣ [1]). Рёсслеромъ, [2]) при раскопкахъ въ Арчадзорѣ (Елисаветпольской губ.) въ 1893 г., была найдена въ одной изъ могилъ бронзовая головка быка съ треугольнымъ прорѣзомъ во лбу и небольшими круглыми отверстіями, идущими кругомъ вдоль края и служившими, очевидно, для прикрѣпленія головки къ предмету, на который она надѣвалась (см. рис. 74 и 75, снятые съ оригинала, хранящагося въ Петербургѣ, въ Эрмитажѣ)[3]). Изображенія бычьей головы часто, какъ извѣстно, встрѣчаются на ассирійскихъ цилиндрахъ [4]). Нерѣдки они и на бронзовыхъ произведеніяхъ финикійскаго искусства [5]). Въ

Рис. 74. Бронзовая головка быка съ прорѣзомъ на лбу (раскопки Реслера въ Арчадзорѣ 1893 г.).

этой же могилѣ найденъ сосудъ изъ красной глины, изображенный на рис. 23 табл. XI (высота его—130 мм., ширина верхней части—80, самой широкой—102 мм. и дна—65 мм.), и чашка изъ черной глины, изображенная на рис. 7 табл. XI (высота ея—75 мм., ширина верхней части—163, самой широкой—167 и дна—50 мм.); остальные восемь сосудовъ, найденныхъ цѣлыми въ этой могилѣ, приближались по своей величинѣ и формѣ къ типамъ №№ 4 и 6 табл. X, №№ 11 (нѣсколько большихъ размѣровъ) и 15 (безъ крышки) табл. XI и №№ 4, 5 (со сломаной ручкой), 11 и 12 табл. XII. На головѣ покойника, вѣроятно, находилась тонкая и неширокая бронзовая лента, на подобіе той, какая найдена въ

---

[1]) *Люборъ-Нидерле.* Человѣчество въ доисторическія времена. Перев. подъ ред. *Д.Н. Анучина.* Спб., 1898, стр. 402 и 404.

[2]) „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.", 1894, S. 229.

[3]) О бронзовыхъ фигуркахъ быковъ, найденныхъ въ предѣлахъ Европы, см. въ статьѣ *P. Reinecke*: „Beiträge zur Kenntnis der frühen Bronzezeit Mitteleuropas" въ „Mittheil. der Anthropolog. Gesell. in Wien", 1902, XXXII. Band. I. und II. Heft, S. 123.

[4]) *Joachim Menant.* Recherches sur la clyptique orientale. Première partie: Cylindres de la Chaldée. Seconde partie: Cylindres de l'Assyrie. Paris, 1883, pp. 111. 213, 248, 254.

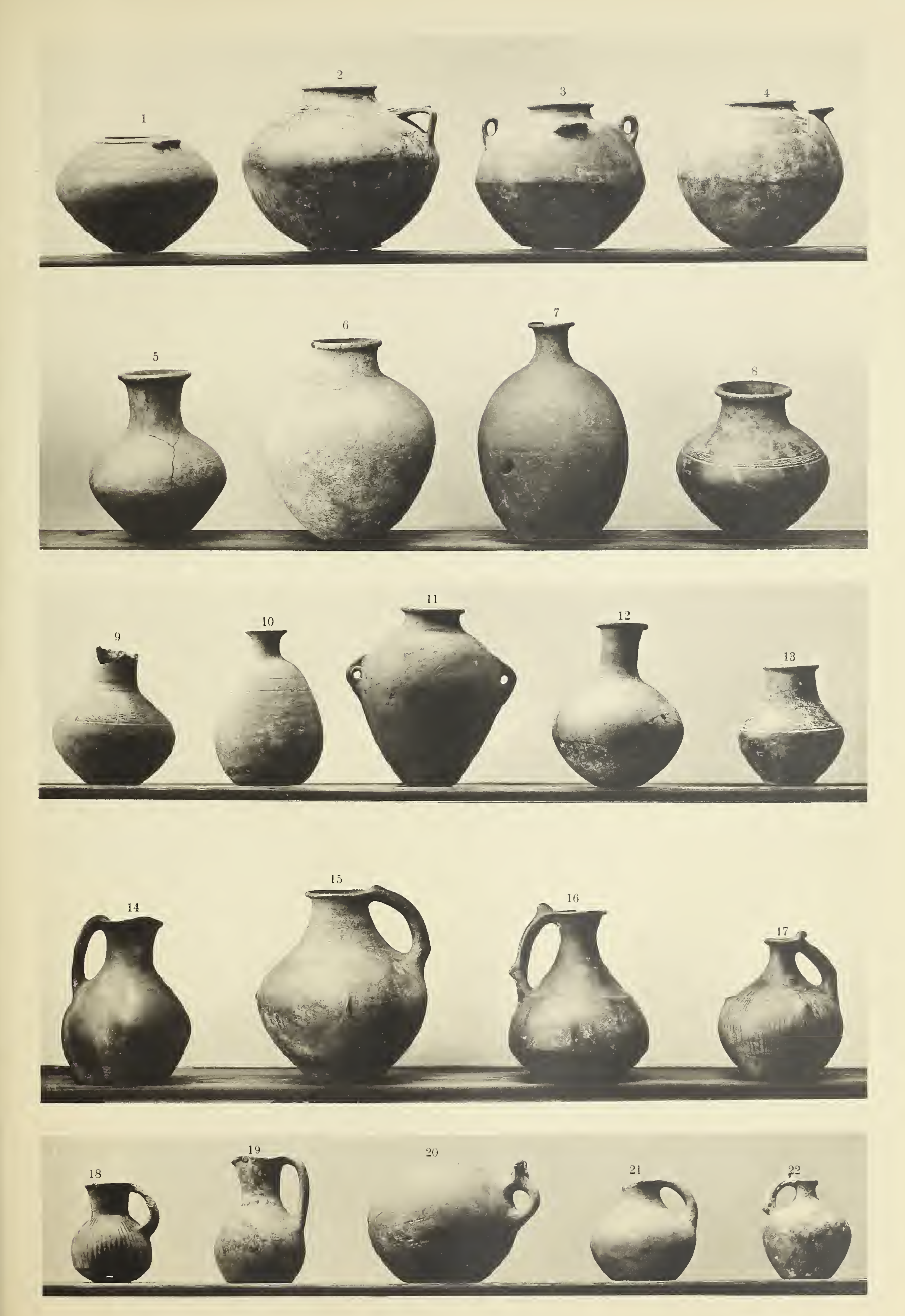
[5]) *Ernest Babelon.* Manuel d'archéologie orientale. Paris, 1888.

могилѣ № 22 и изображена на рис. 3 табл. VIII; отъ нея сохранились только небольшіе кусочки. Въ области головы же найдено большое количество (штукъ 50) маленькихъ бронзовыхъ пуговокъ типа №№ 14—17 табл. VIII, и только четыре изъ нихъ были покрупнѣе, типа №№ 12 и 13 той же табл. VIII-ой; повидимому, и бронзовая лента, и бронзовыя пуговицы служили украшеніемъ головного убора. Съ лѣвой стороны скелета, въ области тазовыхъ костей, лежалъ бронзовый кинжалъ, изображенный на рис. 15 табл. VII; ручка кинжала по своей ковкѣ болѣе сходна съ ручками мечей, нежели кинжаловъ. Недалеко отъ кинжала найдены три обсидіановыхъ стрѣлки типа №№ 11 — 14 табл. VII (одна — свѣтло-дымчатая, другая — темно-дымчатая, третья—еще болѣе темная) и вмѣстѣ

Рис. 75. Та же бронзовая головка быка въ профиль.

съ ними маленькое бронзовое колечко, съ совершенно гладкою внутреннею поверхностью и съ замѣтными гранями на внѣшней; колечко это изображено на рис. 2 табл. IX; быть можетъ, оно было вставлено въ отверстіе деревяннаго или костянаго ключа, служившаго для натягиванія тетивы. Приблизительно посрединѣ могилы, съ правой стороны отъ скелета, найденъ массивный бронзовый браслетъ, 90 мм. въ діаметрѣ, съ рѣзко выраженною зубчатою поверхностью, того же типа, какъ и № 5 табл. II; массивность браслета и зубчатая поверхность даютъ, по моему мнѣнію, основаніе считать его за боевое кольцо. Въ этой же могилѣ найдены двѣ плоскихъ бронзовыхъ привѣски, изображенныхъ на рис. 11 и 12 табл. VI; онѣ—круглыя, 64 мм. въ діаметрѣ, снабженныя грубо сдѣлан-

Фот. П. Павлова.

ными петлями для привѣшиванія; поверхность ихъ между центральною и краевыми частями имѣетъ узкіе и продолговатые сквозные прорѣзы, по три съ каждой стороны, за исключеніемъ стороны, противоположной петлямъ, гдѣ ихъ по четыре; кромѣ того, со всѣхъ четырехъ сторонъ въ пластинкахъ вырѣзаны треугольники; хотя въ общемъ у обѣихъ привѣсокъ рисунокъ одинаковъ, но, при сличеніи деталей, послѣднія выказываютъ замѣтную разницу.

№ 67. Длина — 185 сант., ширина — 80 сант., глубина — 105 сант., направленіе — съ С. на Ю.; въ продольныхъ стѣнкахъ — по двѣ плиты, въ поперечныхъ — по одной; покрыта была могила также одной цѣльной плитой; могила засыпана рыхлой землей, за исключеніемъ самой нижней части, гдѣ лежали небольшіе окатанные камни и осколки разбитыхъ ими сосудовъ; отъ скелета сохранились только немногія полуистлѣвшія кости; положеніе покойника было сидячее, лицомъ на югъ, съ пригнутыми, какъ кажется, къ туловищу колѣнами; изъ вещей найдены здѣсь: разбитый на части бронзовый листовидный наконечникъ копья или дротика, на подобіе изображеннаго на рис. 21 табл. XVI, одна бронзовая игла типа № 11 табл. IX, длинный и узкій желѣзный ножъ, изображенный на рис. 8 табл. V, съ короткой рукояткой и сохранившимися въ отверстіяхъ ея четырьмя небольшими гвоздиками, и штукъ около 40 плоскихъ, круглыхъ сердоликовыхъ бусъ.

№ 68. Длина—205 сант., ширина — 110 сант. и глубина — тоже 110 сант.; направленіе длинной оси могилы — съ Ю.-Ю.-З. на С.-С.-В.; сверху покрывали могилу двѣ, хорошо пригнанныхъ одна къ другой, плиты; на продольныхъ сторонахъ было по три плиты, на поперечной юго-юго-западной — двѣ, а на сѣв.-сѣв.-восточной—одна; скелетъ полуистлѣлъ; покойникъ былъ погребенъ въ сидячемъ положеніи, и лицо его было обращено на сѣв.-сѣв.-востокъ; около него стояли пять большихъ глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ въ цѣлости сохранились только три; одинъ сосудъ съ узкимъ горломъ, изображенный на рис. 10 табл. X (высота его — 250 мм., діаметръ верхней части — 67 мм., самой широкой—173 мм. и дна—100 мм.), и два—типа №№ 14 и 15 табл. XII; изъ вещей найденъ въ этой могилѣ бронзовый кинжалъ, длиною 222 мм., изображенный на рис. 2 табл. III, четыре кремневыхъ стрѣлки того же типа, какъ изображенная на рис. 32 табл. XV, и небольшіе плоскіе кусочки изъ сурьмы, разсыпавшіеся при ихъ извлеченіи.

№ 69. Длина — 215 сант., ширина — 95 сант., глубина — 115 сант., направленіе—съ С.-В. на Ю.-З.; сверху могилу покрывали двѣ, плотно соединенныхъ между собою, плиты; сѣв.-западная продольная стѣна имѣла четыре плиты, а юго-восточная — три; въ каждой изъ поперечныхъ стѣнъ было также по три плиты; положеніе покойника было сидячее, и лицо его было обращено на юго-западъ; кругомъ покойникъ былъ обставленъ разной величины и формы сосудами, числомъ восемь; изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе впервые найденный мною въ „каменныхъ ящикахъ" небольшой бронзовый сосудъ, изображенный на рис. 4 табл. XI (высота его—85 мм., ширина верхней части—23 мм.,

самой широкой — 65 и дна — 55 мм.); рядомъ съ нимъ стоялъ низкій и широкій каменный кувшинъ съ ручкой, изображенный на рис. 5 той же табл. XI (высота его — 78 мм., ширина верхней части — тоже 78 мм., самой широкой— 95 и дна—41 мм.); онъ—тонкой работы и орнаментированъ слабыми продольными желобообразными углубленіями; третій изъ найденныхъ въ этой могилѣ сосудовъ, кувшинъ съ отбитымъ верхомъ, изображенъ на рис. 9 табл. X (высота его—230 мм., ширина верхней части—72 мм., самой широкой—195 мм. и дна — 75 мм.); въ верхней половинѣ этого сосуда интересенъ орнаментъ: на двухъ противоположныхъ сторонахъ по три равныхъ треугольника, высота которыхъ 75 мм. и длина основанія — 45 мм.; внутри треугольниковъ идутъ полоски точками; на другихъ же двухъ сторонахъ сосуда вырѣзано по продолговатому четыреугольнику, также внутри украшенному полосками изъ мелкихъ точекъ; на той же X-ой таблицѣ, подъ № 20, изображенъ четвертый изъ найденныхъ въ этой могилѣ сосудовъ, почти шаробразной формы, изъ красной глины, съ отбитою верхнею частью (высота его — 200 мм., діаметръ самой широкой части — 230 мм. и дна — 125 мм.) и съ ручкою, раздвоенною вверху, благодаря чему сосудъ удобно брать, накладывая большой палецъ на углубленіе, образованное раздвоеніемъ ручки; остальные четыре сосуда по своей величинѣ и формѣ болѣе всего приближались къ № 7 табл. X (только немного меньшихъ размѣровъ), къ №№ 7 и 14 табл. XI и къ № 11 табл. XII. Въ пространствѣ между сосудами найдено болѣе 300 штукъ разнообразныхъ бусъ (преимущественно сердоликовыхъ), раковинъ (Dentalium) и мелкаго бисера. Изъ бронзовыхъ вещей въ могилѣ найдены: два височныхъ кольца, того же типа, какъ изображенное на рис. 3 табл. IX, только безъ привѣски и бо̀льшихъ размѣровъ (58 мм. въ діаметрѣ); дискъ изъ сурьмы, изображенный на рис. 10 табл. VI, 104 мм. въ діаметрѣ; какъ форма его, такъ, повидимому, и орнаментъ, которымъ покрыта одна изъ его сторонъ, совершенно схожи съ дискомъ, также изъ сурьмы, найденномъ въ могилѣ № 28 и изображенномъ на рис. 9 табл. VI; сходство обоихъ дисковъ настолько велико, что можно даже предполагать, что оба они появились изъ одной и той же формы; кромѣ этого диска, было найдено еще значительное количество кусочковъ изъ сурьмы, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ могилѣ были погребены съ покойникомъ еще какіе-то предметы изъ сурьмы. Далѣе въ этой могилѣ найдены два массивныхъ гладкихъ бронзовыхъ браслета и два браслета, тоже гладкихъ, но меньшей толщины и суживающейся къ концамъ (на подобіе фиг. 1 табл. II), которые не соединены между собою (разстояніе между ними 10—15 мм.); кромѣ браслетъ, найдены въ могилѣ два маленькихъ тонкихъ и гладкихъ колечка, одно витое змѣйкой и одно (серьга?) съ маленькой дырочкой въ одномъ концѣ.

№ 70. Длина — 205 сант., ширина — 110 сант., глубина—120 сант., направленіе - съ С.-В. на Ю.-З.; продольныя стѣнки „ящика“ имѣютъ по три плиты, поперечныя—по двѣ; покрыта могила тоже двумя, плотно прилегающими одна къ другой, плитами; вся могила засыпана рыхлой землей, самое же дно ея за-

валено полевыми камнями и разбитыми ими глиняными сосудами, изъ обломковъ которыхъ взятъ изображенный на рис. 15 табл. XIV съ орнаментомъ такъ-наз. „волчій зубъ" („Wolfszahnornament" нѣмецкихъ археологовъ), о которомъ Wilke говоритъ, что онъ „sich in Mitteleuropa ebensowohl an bronzezeitlichen wie neolithischen Gefässen findet, ja sogar bis in das Paläolithikum zuruckgeht" [1]). Покойникъ былъ погребенъ въ сидячемъ положеніи, съ лицомъ, обращеннымъ на юго-западъ; найдено штукъ сорокъ сердоликовыхъ бусъ и 11 штукъ просверленныхъ раковинъ (рис. 20 и 21 табл. VIII); изъ вещей при покойникѣ находились: бронзовый кинжалъ, длиною 260 мм., изображенный на рис. 6 табл. III, двѣ длинныхъ бронзовыхъ стрѣлки, изъ которыхъ одна (другая сломана) изображена на рис. 34 табл. VIII, четыре кремневыхъ, разной длины, стрѣлки типа №№ 11—14 табл. VII и одинъ бронзовый набалдашникъ, длиною 55 мм., изображенный на рис. 1 табл. IV, съ маленькими круглыми отверстіями, идущими какъ вдоль, такъ и по краямъ, и съ тѣми треугольными вырѣзками, которыя такъ характерны для бронзовыхъ предметовъ, находимыхъ въ закавказскихъ „каменныхъ ящикахъ", и рисунки которыхъ такъ часто встрѣчаются какъ въ отчетахъ Рёслера, помѣщенныхъ въ разные годы въ „Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte", такъ и въ изслѣдованіи de Morgan'a—„Mission scientifique au Caucase" (въ особенности на такъ-наз. „clochettes pendeloques de bronze"). Что касается назначенія самого предмета, то оно не можетъ пока считаться установленнымъ. Rösler считалъ его сначала за ручку пики [2]), а позже сталъ видѣть въ немъ наконечникъ плети или нагайки [3]). По мнѣнію Белька, „die Bronzeröhren dienten ebenfalls sicher als Griffknöpfe, und zwar fanden sie sich in Kalakent zweimal als Theile einer Pferdeausrüstung (vermuthlich also als Peitschengriffknöpfe) vor, womit nicht ansgeschlossen sein soll, dass sie ebenso gut als Lanzenfüsse oder Füsse der an langen Holzchäften befestigt gewesenen Gabelwaffen verwendet wurden" [4]). Къ этимъ предположеніямъ можно прибавить еще одно, именно что этотъ бронзовый предметъ могъ служить, какъ набалдашникъ трости или жезла.

№ 71. Длина—250 сант., ширина — 110 сант., глубина — 130 сант., направленіе – съ З. на В.; продольныя стѣнки состоятъ сѣверная изъ пяти, а южная изъ четырехъ грубо обдѣланныхъ камней; на западной сторонѣ послѣднихъ тоже четыре, а на восточной — три; покрываютъ могилу двѣ плиты; рыхлая земля, наполнявшая могилу, была перемѣшана съ полевыми камнями и обломками глиняныхъ сосудовъ; полуистлѣвшія человѣческія кости лежали въ безпорядкѣ и встрѣчались на разной глубинѣ; найдено нѣсколько сердоликовыхъ бусъ, раковинъ Gastoropoda и нѣсколько мелкихъ бронзовыхъ обломковъ какого-то плоскаго и тонкаго предмета. Могила, безъ сомнѣнія, была уже разрыта ранѣе.

---

1) „Mitteil. d. anthrop. Gesell. in Wien", 1908. II. и III. H., S. 147.
2) „Verhandl. der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethn. u. Urgesch.", 1892, S. 566.
3) Ibid., 1899, S. 289.
4) Ibid., 1894, S. 241.

№ 72. Длина—200 сант., ширина—85 сант., глубина—100 сант., направленіе—съ С.-С.-З. на Ю.-Ю.-В.; „ящикъ“ образованъ тремя плитами съ каждой изъ продольныхъ сторонъ, и двумя—съ каждой изъ поперечныхъ; покрывали могилу также двѣ, плотно прилегающихъ одна къ другой, плиты; до дна могила засыпана рыхлой землей, дно же ея завалено полевыми камнями вперемежку съ глиняными обломками сосудовъ; отъ скелета сохранились только немногія полуистлѣвшія кости; положеніе покойника было сидячее; лицо его было обращено на юго-юго-востокъ; изъ вещей найдены: бронзовый кинжалъ, длиною 220 мм., изображенный на рис. 10 табл. III, гладкій литой бронзовый браслетъ, два тонкихъ бронзовыхъ колечка, одно бронзовое четырехгранное шило типа № 7 табл. IX и не болѣе 20 штукъ плоскихъ и круглыхъ сердоликовыхъ бусъ.

Вскрывъ 72 „каменныхъ ящика“, я закончилъ раскопки въ мѣстности, лежащей между Кедабекомъ, Кара-мурадомъ, Кара-булахомъ и Калакентомъ. Я воздерживаюсь пока отъ суммарной характеристики инвентаря вскрытыхъ здѣсь „каменныхъ ящиковъ“, что̀ будетъ сдѣлано нѣсколько дальше, когда будутъ описаны аналогичныя раскопки въ другихъ мѣстностяхъ Елисаветпольской губерніи. Но, прежде чѣмъ перейти къ послѣднимъ, я считаю необходимымъ возвратиться назадъ, къ озеру Гокчѣ, и сказать нѣсколько словъ о произведенныхъ мною на берегахъ его въ 1893 г. раскопкахъ могилъ. Какъ я упомянулъ выше (стр. 26), въ окрестностяхъ сел. Гюзалдары, невдалекѣ отъ котораго, на скалистомъ берегу озера Гокчи, находится знаменитая Кёланы-Кирланская клинообразная надпись, мною встрѣчено 17 могилъ-„каменныхъ ящиковъ“. Пять изъ нихъ были мною разрыты, и раскопки ихъ дали слѣдующіе результаты.

№ 73. Длина—275 сант., ширина—120 сант., глубина—135 сант., направленіе—съ З. на В.; на продольныхъ сторонахъ — по три большихъ плиты, на поперечныхъ—по четыре небольшихъ; сверху могила покрыта одной громадной плитой; вся могила заполнена рыхлой землей; костякъ полуистлѣлъ; судя по положенію сохранившихся костей, трупъ былъ похороненъ въ сидячемъ положеніи, съ колѣнами, пригнутыми къ туловищу, и съ лицомъ, обращеннымъ на востокъ; черепъ былъ искусственно-деформированный, такъ называемый макроцефалическій, но, къ сожалѣнію, въ такомъ разрушенномъ состояніи, что не только нельзя было реконструировать его, но и просто сберечь. Въ головахъ стояли два небольшихъ глиняныхъ сосуда; одинъ — типа № 11, другой — № 12 табл. XII, около ногъ — три, побольше: одинъ приближается по своей формѣ и величинѣ къ типу № 14 табл. X, другой, поломанный, — къ типу № 20 той же табл. X и третій — къ типу № 13 табл. X. Изъ бронзовыхъ вещей при скелетѣ найдены: кинжалъ, длиною 232 мм., изображенный на рис. 5 табл. III, ножъ типа № 8 табл. VII, игла — совершенно такая же, какъ найденная въ могилѣ № 21 и изображенная на рис. 9 табл. IX, и маленькіе щипчики типа № 8 табл. IV.

№ 74. Длина—235 сант., ширина—110 сант., глубина—125 сант., направленіе—съ С.-З. на Ю.-В.; на продольныхъ сторонахъ — по четыре большихъ

плиты, на поперечныхъ — по четыре плиты значительно меньшихъ размѣровъ; сверху покрывала могилу одна массивная плита; могила была засыпана только рыхлой землей; камни же валуны, которые такъ нерѣдко встрѣчались въ „каменныхъ ящикахъ“ Елисаветпольской губ., въ могилахъ около оз. Гокчи совершенно отсутствовали; положеніе покойника было то же, что и въ предыдущей могилѣ; похороненъ онъ былъ лицомъ на юго-востокъ; черепъ, рѣзко долихоцефалической формы, сохранился довольно хорошо (сохранились даже лицевыя части); онъ изображенъ далѣе на рис. 93—97 (надпись: „вымытъ водою на западномъ берегу,“ сдѣлана на этомъ черепѣ по ошибкѣ). Изъ восьми сосудовъ, найденныхъ въ этой могилѣ, въ цѣлости сохранились шесть: 1) большой глиняный сосудъ, приближающійся по своей величинѣ и формѣ къ типу № 14 табл. XII (только съ болѣе узкою верхнею частью), 2) такого же типа, какъ изображенный на рис. 8 табл. X, только съ болѣе узкимъ горломъ, 3) точно такой же, какъ изображенный на рис. 15 табл. X, 4) типа № 5 табл. XI, отличающійся отъ послѣдняго тѣмъ, что самая верхняя часть (отъ верхняго края до выпуклости) менѣе широка, 5) имѣющій форму № 14 табл. XI, изъ черной глины, съ замѣтными слѣдами огня на немъ, и 6) небольшой сосудъ изъ черной глины, изображенный на рис. 6 табл. XIII (высота его—81 мм., ширина верхней части—135 мм., самой широкой—156 и дна—75 мм.), съ орнаментомъ, состоящимъ изъ грубо вдавленной зигзагообразной линіи и изъ продольной штриховки въ тѣхъ частяхъ, гдѣ углы, образуемые ломанною линіею, обращены своими вершинами кверху. При скелетѣ найдены: бронзовый кинжалъ типа № 4 табл. III, шишечка отъ рукоятки котораго изображена на рис. 8 табл. III, массивный литой бронзовый браслетъ типа № 4 табл. II, шесть небольшихъ обсидіановыхъ стрѣлокъ типа №№ 11—14 табл. VII, нѣсколько полуистлѣвшихъ кусочковъ тонкой бронзовой пластинки и 7 штукъ раковинъ Cardium.

№ 75. Длина—220 сант., ширина—105 сант., глубина—115 сант., направленіе—съ С.-С.-З. на Ю.-Ю.-В.; продольныя стѣнки „ящика“ состоятъ каждая изъ двухъ большихъ плитъ, поперечная сѣв.-сѣв.-восточная — изъ четырехъ, а юго-юго-западная—изъ трехъ; покрыта была могила двумя плотно прилегающими одна къ другой плитами. И въ этой могилѣ положеніе покойника было сидячее, съ лицомъ, обращеннымъ на юго-юго западъ. Изъ шести сосудовъ, найденныхъ въ могилѣ, сохранились цѣлыми четыре: 1) типа № 8 табл. X съ болѣе, однако, узкимъ горломъ, 2) типа № 19 табл. X, но гладкій, безъ тѣхъ шишечекъ, которыя украшаютъ сосудъ, изображенный на рис. 19 табл. X, 3) типа № 23 табл. XI, но меньшихъ размѣровъ, и 4) совершенно такого же типа, какъ изображенный на рис. 15 табл. XI, только меньшей величины и безъ крышки. Изъ бронзовыхъ вещей въ могилѣ найдены: набалдашникъ такого же типа, какъ изображенный на рис. 1 табл. IV, только значительно длиннѣе его ($7^1/_2$ сант.), массивный гладкій, круглый браслетъ типа № 13 табл. IV и кинжалъ типа № 11 табл. III; въ этой же могилѣ кромѣ того найденъ плоскій, отполированный, съ просверленнымъ отверстіемъ на одномъ концѣ, каменный предметъ (оселокъ?), очень сходный съ изображеннымъ на рис. 7 табл. VII.

№ 76. Длина—230 сант., ширина—100 сант., глубина—125 сант., направленіе—съ С.-В. на Ю.-З.; продольныя стѣнки составляютъ каждую четыре плиты; четыре же плиты составляютъ сѣв.-восточную стѣнку, тогда какъ юго-западная составлена только тремя; сверху на могилѣ лежали двѣ плиты; отъ костяка сохранились только небольшія полуистлѣвшія части; насколько можно судить по послѣднимъ, покойникъ и здѣсь также былъ погребенъ въ сидячемъ положеніи; лицо его должно было быть обращено на сѣв.-востокъ. Сосудовъ было пять; изъ нихъ цѣлы четыре: 1) небольшая чашка изъ черной глины (высота ея—95 мм., ширина верхней части—145 сант., самой широкой—167 и дна—70 мм.), изображенная на рис. 3 табл. XIII, съ своеобразнымъ орнаментомъ, при которомъ примѣнено втираніе въ углубленныя линіи бѣлой массы; 2) большой кувшинъ изъ черной глины, съ маленькими сосочками по срединѣ всѣхъ четырехъ сторонъ, совершенно того же типа, какъ сосудъ, изображенный на рис. 15 табл. X; 3) такая же чашка изъ черной глины, какъ изображенная на рис. 2 табл. XIII, и съ такимъ же, какъ у нея, орнаментомъ; 4) амфорообразный сосудъ изъ черной глины, выказывающій наибольшее сходство съ изображеннымъ на рис. 3 табл. X; внутри его сохранились остатки полуистлѣвшихъ костей какого-то животнаго (вѣроятнѣе всего, барана). Кромѣ большаго количества красныхъ сердоликовыхъ бусъ, преимущественно цилиндрической и шарообразной формы, въ могилѣ найдены: бронзовый кинжалъ такого же типа, какъ найденный въ могилѣ № 73 и изображенный на рис. 5 табл. III, бронзовое шило типа № 7 табл. IX, два гладкихъ, съ не сходящимися концами, бронзовыхъ браслета и два маленькихъ, тонкихъ бронзовыхъ колечка.

№ 77. Длина—210 сант., ширина—105 сант., глубина—115 сант., направленіе—съ С.-В. на Ю.-З.; продольныя стѣнки состоятъ изъ трехъ плитъ каждая, поперечная юго-западная—также изъ трехъ, а сѣв.-восточная—изъ четырехъ; могила была покрыта сверху громадной, толстой плитой, удаленіе которой потребовало большаго труда и много времени. Костякъ сохранился сравнительно хорошо; отъ него взятъ черепъ, безъ лицевыхъ частей, также крайне долихоцефалической формы; измѣренія его приведены въ общей таблицѣ подъ № 9-ымъ. Покойникъ былъ погребенъ въ сидячемъ положеніи; лицо его было обращено на юго-западъ. Изъ шести сосудовъ, находившихся въ этой могилѣ, сохранились цѣлыми, и то не вполнѣ, только три: 1) большой типа № 13 табл. XII, 2) значительно меньше, приближается по формѣ къ типу № 12 табл. XII, но съ носкомъ, какъ у чайника (наполовину отломленнымъ), и 3) чашка изъ черной глины, очень похожая на изображенную на рис. 16 табл. XII. Найдено штукъ 50 красныхъ сердоликовыхъ бусъ, такъ же, какъ и въ предыдущей могилѣ, преимущественно шарообразной и цилиндрической формы, и 11 штукъ раковинъ изъ группы Scaphopoda (Dentalium). Изъ бронзовыхъ вещей въ этой могилѣ находились: кинжалъ типа № 9 табл. III, массивный, съ зубчатою поверхностью, браслетъ типа № 5 табл. II, два маленькихъ кольца (одно изъ нихъ съ заходящими другъ на друга концами) и щипчики типа № 9 табл. IV.

Такимъ образомъ инвентарь „каменныхъ ящиковъ", находящихся на берегу Гокчи, около сел. Гюзалдара, выказываетъ въ общемъ полное сходство съ инвентаремъ „каменныхъ ящиковъ", вскрытыхъ мною около сел. Кедабека, Карамурада, Кара-булаха и Калакента.

Изъ Кедабека я проѣхалъ въ Шушу [1]), чтобы совершить нѣсколько поѣздокъ въ окрестности ея и произвести въ нихъ раскопки. Моему желанію познакомиться съ жившимъ въ Шушѣ, въ качествѣ преподавателя нѣмецкаго языка въ мѣстномъ реальномъ училищѣ, Э. А. Рёслеромъ и узнать отъ него о нѣкоторыхъ подробностяхъ его раскопокъ, отчеты о которыхъ тогда только-что стали печататься въ „Zeitschrift für Ethnologie" и „Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte", не суждено было осуществиться, такъ какъ г. Рёслеръ былъ въ отъѣздѣ.

Первою моею поѣздкою изъ города Шуши была поѣздка въ Джеванширскій уѣздъ и прежде всего въ сел. Арчадзоръ или Давшанлы [2]), лежащее въ верстахъ 70 къ сѣв.-сѣв.-западу отъ Шуши. Около этого селенія находилось нѣсколько кургановъ, раскопать которые я имѣлъ намѣреніе. Земля, на которой находились курганы, оказалась недавно пріобрѣтенной въ частное владѣніе помѣщикомъ М. И. Долухановымъ, который выразилъ желаніе за каждый разрытый курганъ получить особую плату и при этомъ назначилъ столь высокую цѣну, что его условія ни въ какомъ случаѣ не могли быть мною приняты. Осмотръ окрестностей Давшанлы убѣдилъ въ существованіи отдѣльно разбросанныхъ кургановъ и въ другихъ мѣстностяхъ, лежащихъ на пространствѣ между селеніями Давшанлы, Ванкъ, Кюлатакъ, Дамголу и Ахмахи. Курганы эти, по большей части, незначительныхъ размѣровъ; вершины и склоны ихъ обыкновенно покрыты деревьями и кустарниками (см. рис. 76—78). Мною разрыты здѣсь всего пять кургановъ.

№ 78. Курганъ находится на разстояніи $1^1/_2$—2 вер. отъ сел. Дамголу, въ верховьѣ той маленькой рѣчки, на которой стоитъ послѣднее и которая впадаетъ съ правой стороны въ р. Хаченъ (такъ произносятъ мѣстные жители, на картахъ же Кавказскаго военно-топографическаго отдѣла Главнаго штаба рѣка называется Хачинъ). Фотографическій снимокъ этого кургана представленъ на рис. 76. Курганъ такъ осѣлъ и такъ расползся во всѣ стороны, что опредѣлить окружность его у основанія совершенно невозможно. Насыпь изъ земли вперемежку съ небольшимъ количествомъ полевыхъ камней, поросшая въ настоящее время кустарниками, скрывала подъ собою, на глубинѣ 166 сант., „каменный ящикъ", покрытый сверху двумя грубо обдѣланными, но плотно прилегающими одна къ другой плитами. Длина „ящика" достигала 280 сант., ширина—125, глубина—135 сант.; направленіе длинной оси—съ С.-З. на Ю. В.; одна продоль-

---

[1]) Въ Шушѣ я пользовался любезнымъ гостепріимствомъ инспектора Шушинскаго реальнаго училища А. Г. Чепиго, которому приношу мою искреннюю благодарность.

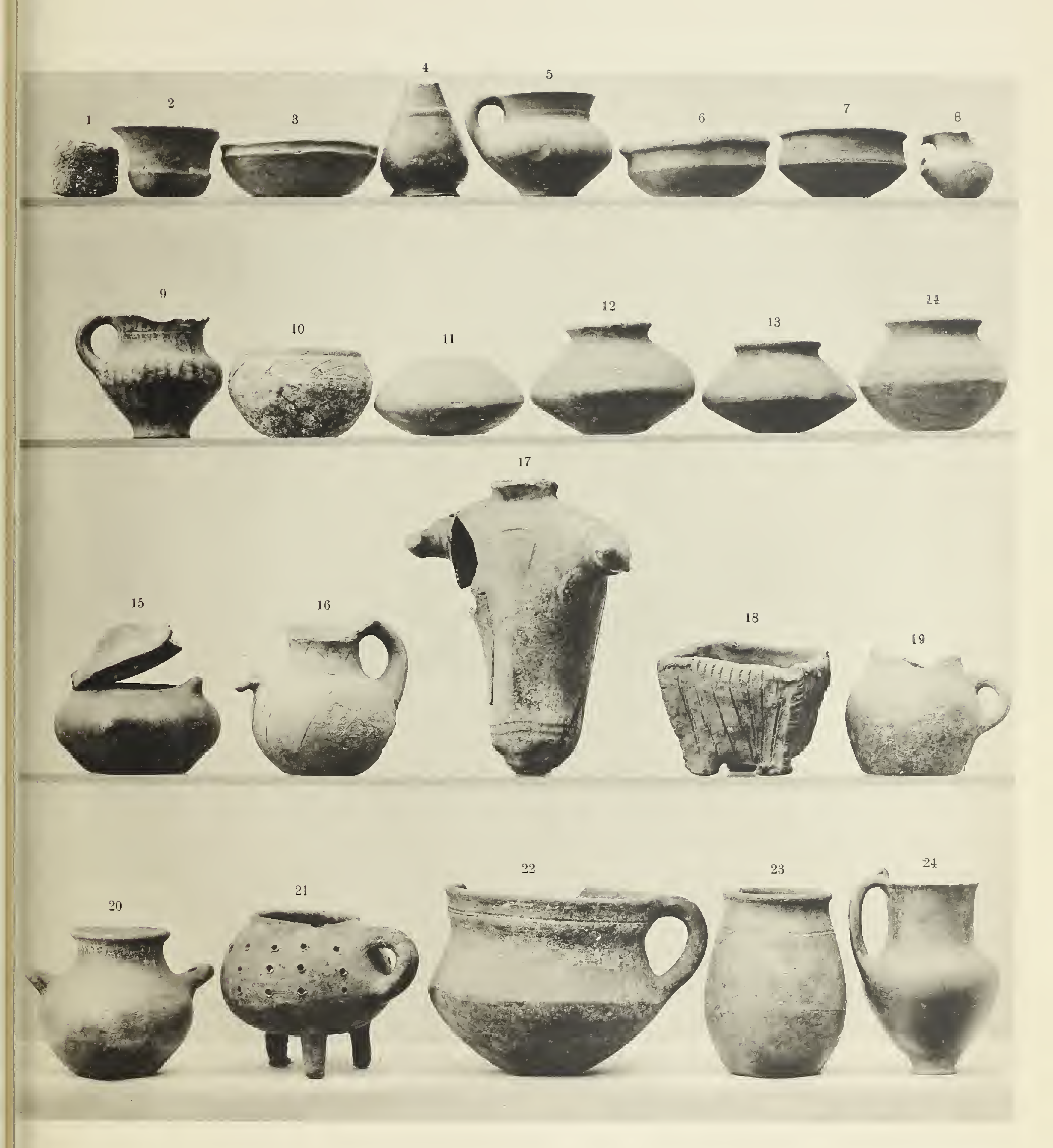
[2]) Русскіе и татары называютъ селеніе Давшанлы, а армяне—Арчадзоръ, что значитъ „медвѣжье ущелье".

ная (юго-западная) стѣна „ящика“ была сложена изъ шести сравнительно небольшихъ плитъ, другая (сѣв.-восточная)—изъ пяти; сѣв.-западную поперечную стѣнку составляли тоже пять, еще меньшей величины, плитъ, а юго-восточную—только три. Вся могила была заполнена рыхлой землей, а на самомъ днѣ ея кромѣ того лежало значительное количество полевыхъ камней. Содержимое могилы представило картину, хорошо знакомую по предыдущимъ раскопкамъ „каменныхъ ящиковъ“. Глиняные сосуды всѣ были разбиты, за исключеніемъ небольшой чашечки изъ черной глины (высота ея - 36 мм., ширина верхней части—105 и дна—42 мм.), у которой выбитъ только небольшой кусочекъ; она

Рис. 76. Курганъ около сел. Дамголу.

изображена на рис. 9 табл. XIV и украшена орнаментомъ, углубленія котораго заполнены бѣлой массой. Отъ скелета сохранилось только нѣсколько полуистлѣвшихъ костей, которыя даютъ, однако, возможность сказать, что покойникъ былъ похороненъ въ сидячемъ положеніи, и лицо его было обращено на юго-востокъ. На лобной и височной костяхъ черепа замѣтны слѣды окиси металла, заставляющіе предполагать, что на головномъ уборѣ имѣлись бронзовыя (вѣроятно, тонкія) украшенія. Изъ вещей при скелетѣ найдены: бронзовый кинжалъ, длиною 320 мм., точно такого же типа, какъ найденный въ могилѣ № 33 и изображенный на рис. 9 табл. III; изломанный на нѣсколько мелкихъ кусочковъ бронзовый ножъ типа № 29 табл. VIII; массивный, съ глубокими зубцами на внѣшней поверхности, бронзовый браслетъ типа № 5 табл. II; тонкіе бронзовые кусочки, изъ которыхъ составляется предметъ, похожій на изображенный на рис. 9 табл. VII; 15 штукъ каменныхъ, разной величины, стрѣлокъ типа №№ 11—14 табл. VII, изъ которыхъ 9 штукъ обсидіановыхъ, а шесть, большей величины,—изъ яшмы; болѣе сотни сердоликовыхъ, разной формы и величины, бусъ и 23

Фот. П. Павлова.

раковины, относящіяся, по опредѣленію проф. В. П. Зыкова, къ группѣ Gastoropoda и образующія видъ, близкій къ Fusus.

№ 79. Этотъ курганъ, изображенный на рис. 77-мъ, находился саженяхъ въ 50-ти къ юго-западу отъ предыдущаго. Очертанія его такъ же, какъ и послѣдняго, были настолько неясны, что опредѣлить сколько-нибудь точно размѣры его не представилось возможнымъ. Прежде чѣмъ приступить къ раскопкамъ, необходимо было срубить покрывавшіе курганъ деревья и кустарники. „Каменнаго ящика“ достигли на глубинѣ приблизительно 2 метровъ 30 сант. Онъ былъ покрытъ тремя толстыми, грубо обдѣланными и недостаточно плотно прилегавшими другъ къ другу, плитами. Длина его простиралась до 260 сант., ширина—до 130 сант. и глубина—до 140 сант.; направленіе—съ З. на В.; продольныя

Рис. 77. Курганъ невдалекѣ отъ сел. Дамголу.

стѣнки сложены каждая изъ шести плитъ, а поперечныя—изъ четырехъ, причемъ въ углахъ и въ свободныхъ промежуткахъ между плитами вставлены были небольшіе округленные полевые камни; послѣдніе, вперемежку съ многочисленными обломками разбитой глиняной посуды, довольно толстымъ слоемъ покрывали и дно могилы. Судя по находкамъ отдѣльныхъ полуистлѣвшихъ костей, трупъ былъ похороненъ въ этой могилѣ въ лежачемъ положеніи; черепныя кости были найдены у западной стѣнки, и лицомъ, слѣдовательно, трупъ былъ обращенъ на востокъ. У восточной стѣнки, въ ногахъ покойника, сохранились полуистлѣвшія кости животнаго, принадлежавшія, вѣроятнѣе всего, собакѣ. Изъ вещей въ могилѣ найдены: бронзовый кинжалъ типа № 6 табл. III, массивный бронзовый браслетъ съ рубчатою внѣшнею поверхностью, болѣе всего приближающійся къ типу № 2 табл. II, и довольно толстая бронзовая игла типа № 9 табл. IX; на-ряду съ этими бронзовыми предметами найдены и желѣзные: наконечникъ копья, изображенный на рис. 6 табл. V, и предметъ, изображенный

на рис. 9 той же табл. V и напоминающій своей формою современныя отвертки; кромѣ того, въ этой же могилѣ найдено много мелкихъ сердоликовыхъ бусъ, почти исключительно шаровидной и цилиндрической формы, и штукъ около 50 раковинъ Dentalium изъ группы Scaphopoda.

№ 80. Этотъ курганъ находился саженяхъ въ 20-ти къ западу отъ предъидущаго. Онъ также широко расползся и на поверхности былъ покрытъ кустарниками. Раскопки съ несомнѣнностью указывали на искусственное, насыпное происхожденіе этого холма, между тѣмъ никакихъ слѣдовъ погребенія, несмотря на тщательные поиски ихъ (насыпь была срыта до грунта), не найдено. Очевидно, мы имѣли дѣло съ такимъ же ложнымъ курганомъ, какіе встрѣчали иногда и другіе изслѣдователи, напр., Ф. Д. Нефедовъ [1]) при своихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южномъ Приуральѣ и Прикамьѣ.

№ 81. Къ юго-юго-западу отъ сел. Дамголу лежитъ сел. Кюлатакъ. Въ разстояніи $1-1\frac{1}{2}$ версты къ югу отъ него, на лѣвомъ берегу рѣчки Кюлатакъ, впадающей въ р. Хаченъ (Хачинъ), разрытъ четвертый въ бассейнѣ р. Хаченъ курганъ. Онъ имѣлъ въ окружности немного болѣе 40 метровъ; поверхность его была покрыта кустарниками. Холмъ былъ насыпанъ изъ мѣстной почвы вперемежку съ небольшими полевыми камнями. „Каменный ящикъ“ обнаруженъ на глубинѣ приблизительно двухъ метровъ. Онъ былъ покрытъ тремя неплотно прилегавшими одна къ другой плитами. Длинная ось его вытянута въ направленіи съ С.-С.-З. на Ю.-Ю.-В. Продольныя стѣнки сложены изъ шести плитъ каждая, поперечныя — изъ пяти. Длина „ящика“ достигала 3-хъ метровъ, ширина—135 сант., глубина — 140 сант. Весь „ящикъ“ былъ заполненъ рыхлой землей, а дно его завалено значительнымъ количествомъ полевыхъ камней. Глиняные сосуды всѣ были разбиты; среди разнообразнаго орнамента на нихъ встрѣчались меандръ, т. наз. „волчій зубъ“ („Wolfzahnornament“ нѣмецкихъ археологовъ) и изображенія животныхъ (обломокъ, изображенный на рис. 19 табл. XIV, взятъ изъ этой могилы). Скелетъ на-половину истлѣлъ. Положеніе трупа было лежачее; черепныя кости лежали у сѣв.-сѣв.-западной стѣнки. На пространствѣ, занятомъ скелетомъ, найдено болѣе сотни разнообразныхъ бусъ, главнымъ образомъ сердоликовыхъ и преимущественно шаровидной и цилиндрической формы; три миндалевидныхъ бусы, длиною каждая по 3 сант., съ отверстіемъ вдоль продольной оси, были сдѣланы изъ агата. Среди раковинъ (около полусотни) были какъ Dentalium (гр. Scaphopoda), такъ и Cardium. На головѣ, судя по слѣдамъ окиси на черепныхъ костяхъ, было какое-то металлическое украшеніе; очень можетъ быть, что въ составъ его входили маленькія бронзовыя пуговки типа №№ 14—17 табл. VIII и маленькія бронзовыя колечки типа № 9 табл. VIII, которыхъ найдено штукъ около двухсотъ; большей величины бронзовыхъ пуговокъ, типа №№ 12—13 табл. VIII, найдено 18 штукъ. Изъ бронзовыхъ вещей, кромѣ того, найдены въ могилѣ: кинжалъ типа № 12 табл. III, два браслета, изъ

---

[1]) *Ф. Д. Нефедовъ.* Археологическія изслѣдованія въ южномъ Приуральѣ и въ Прикамьѣ. „Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній“, изд. Имп. Москов. Археолог. Обществомъ, т. 3.

которыхъ одинъ приближается къ типу № 3, а другой — къ типу № 6 (только бо́льшихъ размѣровъ, 57 мм. въ діаметрѣ) табл. II и четырехгранное шило типа № 10 табл. IX. Какъ и въ могилѣ № 79, кромѣ бронзовыхъ вещей, здѣсь найдены три желѣзныхъ предмета, одинъ изъ которыхъ можно принять за наконечникъ пики (онъ изображенъ на рис. 7 табл. V), другой—за наконечникъ копья (рис. 3 той же таблицы) и третій (рис. 11 той же табл. V)—за маленькій ножъ.

№ 82. Курганъ этотъ, изображенный на рис. 78, находится невдалекѣ отъ сел. Ванкъ, къ юго-востоку отъ него, приблизительно на половинѣ пути къ сел. Чорманъ, по правую сторону р. Хаченъ. Онъ имѣетъ въ окружности у основанія около 35 метровъ. Въ составъ насыпи входитъ та же земля, изъ какой состоитъ окрестная почва, и значительное число полевыхъ камней, которые видны и на поверхности кургана. Двѣ плиты, покрывающія „каменный ящикъ“, встрѣ-

Рис. 78. Курганъ невдалекѣ отъ Ванка.

чены на глубинѣ около 3-хъ метровъ. Длина „ящика“—200 сант., ширина—110, глубина—130 сант., направленіе—съ З. на В. Стѣны сложены изъ камней, у которыхъ немного сглажены только выходящія внутрь могилы стороны. „Ящикъ“ весь заполненъ рыхлой землей, а дно его, какъ и въ предыдущихъ могилахъ, было завалено полевыми камнями, благодаря которымъ всѣ глиняные сосуды, находившіеся въ могилѣ, оказались разбитыми. Покойникъ былъ погребенъ въ этомъ „ящикѣ“ въ сидячемъ положеніи; лицо его было обращено на востокъ. Могила эта, сравнительно съ предыдущими, оказалась бѣднѣе находками; въ ней, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ сердоликовыхъ бусъ, найдены: бронзовый кинжалъ типа № 1 табл. III, одинъ массивный, гладкій, круглый (въ поперечномъ разрѣзѣ) браслетъ, два тонкихъ, гладкихъ бронзовыхъ колечка, одна каменная, съ просверленнымъ въ ней отверстіемъ, привѣска типа № 17 табл. VII и шесть штукъ маленькихъ обсидіановыхъ стрѣлокъ, вполнѣ похожихъ на изображенныя на рис. 11—14 табл. VII.

Такимъ образомъ произведенныя мною въ бассейнѣ р. Хачена раскопки кургановъ еще лишній разъ подтверждаютъ мнѣніе, высказанное В. Белькомъ, „dass die prähistorischen Bevölkerungen des Schamchorthales (Kalakent), wie des Chatschenthales (Dawschanly-Artschadsor) von gleicher Nationalität, gleichen Sitten und Gebräuchen gewesen sind“ [1]). То обстоятельство, что въ двухъ изъ четырехъ разрытыхъ кургановъ обнаружено присутствіе, на-ряду съ бронзовыми, и желѣзныхъ предметовъ, даетъ, быть можетъ, нѣкоторое основаніе приписать этимъ курганамъ нѣсколько меньшую давность, чѣмъ „каменнымъ ящикамъ“ въ бассейнѣ р. Шамхора.

Изъ сел. Ванкъ я проѣхалъ въ сел. Ходжалы, лежащее на почтовомъ трактѣ между ст. Евлахомъ Закавказской жел. дор. и гор. Шушой, въ 22 вер-

Рис. 79. Курганы около ст. Ходжалы.

стахъ къ сѣверу отъ послѣдняго. Около Ходжаловъ [2]) находится до 30 разной величины кургановъ (см. рис. 79 и 80, на которомъ представленъ вскрытый ранѣе—вѣроятно, г. Рёслеромъ—курганъ) и много „каменныхъ ящиковъ“, верхнія плиты которыхъ мѣстами видны вполнѣ хорошо, мѣстами же почти скрыты нанесенной на нихъ землей.

По словамъ Рёслера, приводимымъ гр. П. С. Уваровой [3]), курганы въ Ходжалахъ могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы. Первую группу составляютъ „значительныя плоскія насыпи изъ крупныхъ рѣчныхъ голышей. Могилы этого рода представляются въ видѣ могучихъ каменныхъ ящиковъ, сложенныхъ изъ огромныхъ плитъ, безъ особаго верхняго прикрытія, и заполненныхъ большими

---

[1]) „Verhandlungen der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.“, 1894, S. 241.

[2]) По дорогѣ отъ Ходжаловъ къ ст. Агдаму также много отдѣльно разбросанныхъ кургановъ.

[3]) Коллекціи Кавказскаго музея. Томъ V. Археологія. Составила *графиня П. С. Уварова*. Тифлисъ, 1902, стр. 114.

камнями. Могильный инвентарь располагался на днѣ ящика въ значительномъ слоѣ земли, перемѣшанной съ древесной золой, среди которой замѣчались также слабые остатки пережженныхъ костей и черепки посуды. Бронзовыхъ предметовъ туалета немного, но значительное количество бронзовыхъ топоровъ, копій и стрѣлъ, кольца бронзовыя и множество грубо шлифованныхъ сердоликовыхъ бусъ. Предметы этихъ могилъ отличаются особой патиной свѣтло-синяго цвѣта". Другую группу составляютъ „курганы значительныхъ размѣровъ, прикрывающіе кострища съ массой золы, огромными залежами пережженныхъ костей животныхъ: лошадей, барановъ, собакъ, кабановъ и буйволовъ или быковъ. На значительной глубинѣ подъ этими остатками, на подстилкѣ изъ рѣчнаго песку,

Рис. 80. Вскрытый курганъ около ст. Ходжалы.

обломки бронзовыхъ поясовъ, попорченное огнемъ бронзовое оружіе, бронзовые котлы, обожженныя человѣческія кости и пр. Сосуды этого могильника болѣе мелкіе, блестящіе и черные. И въ этомъ могильникѣ кромѣ бронзы не имѣется другого металла".

Я имѣлъ въ виду произвести раскопки нѣкоторыхъ изъ находящихся здѣсь кургановъ, но это намѣреніе не пришлось привести въ исполненіе, такъ какъ вслѣдствіе рабочей поры нельзя было найти достаточное количество рабочихъ; поэтому я ограничился только раскопками нѣсколькихъ „каменныхъ ящиковъ" и, убѣдившись, что они—того же типа и съ тѣмъ же инвентаремъ, какъ и раз-

рытые ранѣе, прекратилъ здѣсь раскопки. Всего мною здѣсь вскрыто четыре „ящика“.

№ 83. Длина—190 сант., ширина—100 сант., глубина—115 сант., направленіе—съ С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З. Стѣнки „ящика“ сложены частью изъ небольшихъ нѣсколько обдѣланныхъ камней, частью же изъ совсѣмъ необдѣланныхъ, полевыхъ. Послѣдними было покрыто и дно могилы. Сосуды были всѣ разбиты, за исключеніемъ одного, изъ черной глины, у котораго было только выбито дно; онъ изображенъ на рис. 1 табл. XIV (высота его—81 мм., ширина верхней части—169 и самой широкой—183 мм.); верхній наружный край его орнаментированъ двумя зигзагообразными, пересѣкающимися между собой, линіями, ниже которыхъ вся боковая поверхность занята стилизованными изображеніями животныхъ; углубленія орнамента заполнены той бѣлой массой, о которой говорилось выше. Трупъ, судя по очень дефектнымъ остаткамъ скелета, былъ похороненъ въ сидячемъ положеніи и лицомъ былъ обращенъ на юго-юго-западъ. Кромѣ небольшого числа мелкихъ сердоликовыхъ бусъ и 6 штукъ раковинъ Cardium, при скелетѣ найдены: бронзовый кинжалъ типа № 12 табл. III, гладкій бронзовый браслетъ и одно бронзовое колечко.

№ 84. Длина—240 сант., ширина—110 сант, глубина—120 сант., направленіе—съ С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З. На камняхъ, изъ которыхъ сложены стѣнки „ящика“, такъ же, какъ и въ предыдущей могилѣ, только на немногихъ замѣтны слѣды грубой обдѣлки. Скелетъ полуистлѣлъ. Трупъ былъ похороненъ въ сидячемъ положеніи, лицомъ къ юго-юго-западу. На днѣ могилы лежали округленные, разной величины, камни и обломки глиняныхъ сосудовъ. При скелетѣ найдены: бронзовый кинжалъ типа № 4 табл. III, два небольшихъ бронзовыхъ колечка, 8 штукъ бронзовыхъ пуговицъ типа №№ 12—13 табл. VIII и изъ желѣзныхъ предметовъ изображенные на рис. 5 табл. V (повидимому, сильно пострадавшій отъ времени наконечникъ копья) и на рис. 12 той же табл. V; назначеніе послѣдняго предмета можетъ быть спорнымъ; лично я готовъ считать его за грубо сдѣланный топоръ, напоминающій по своей формѣ нѣкоторые топоры ла-тэнскаго типа, у которыхъ отверстія для топорища образованы, какъ и у нашего предмета, посредствомъ пригиба крыльевъ плоскаго топора другъ къ другу.

№ 85. Длина—290 сант., ширина—135 сант., глубина—140 сант., направленіе — съ З. на В.; по всѣмъ признакамъ эта могила была разрыта ранѣе, такъ какъ полуистлѣвшія кости скелета, обломки глиняныхъ сосудовъ, камни и земля—все безпорядочно было перемѣшано между собою; никакихъ вещей не найдено.

№ 86. Длина—220 сант., ширина—120 сант., глубина—130 сант., направленіе—съ Ю.-З. къ С.-В.; стѣнки ящика выложены изъ необдѣланныхъ камней; покойникъ былъ похороненъ въ сидячемъ положеніи, лицомъ на сѣв.-востокъ; дно могилы заполнено округленными небольшими камнями и разбитыми глиняными сосудами; изъ вещей найдено: около полусотни мелкихъ сердоликовыхъ бусъ, бронзовый кинжалъ типа № 10 табл. III, изломанный на нѣсколько частей

бронзовый ножъ типа № 29 табл. VIII, 6 штукъ обсидіановыхъ стрѣлокъ такъ часто встрѣчающагося типа №№ 11—14 табл. VII и бронзовое шило типа № 7 табл. IX.

Изъ Ходжаловъ я снова возвратился въ Шушу, откуда направился затѣмъ въ Джебраильскій уѣздъ Елисаветпольской губ., гдѣ мнѣ хотѣлось провѣрить многочисленные разсказы о доисторическихъ памятникахъ, находящихся въ этомъ уѣздѣ. Я проѣхалъ отъ Шуши въ вост.-юго-восточномъ направленіи, въ молоканское селеніе Кара-булакъ (иначе Чинари), лежащее на берегу рѣчки Куру-чай (въ переводѣ съ татарскаго „сухая рѣка"), притока Аракса. На подробной картѣ Генеральнаго штаба это селеніе значится на листѣ Н. 9, на 39° 35′ с. ш. и 64° 50′ в. д. Разсказы о большомъ количествѣ кургановъ въ этой мѣстности оправдались въ дѣйствительности. Изъ кургановъ въ особенности

Рис. 81. Курганъ „Кара-кюппекъ".

обращаетъ на себя вниманіе курганъ, носящій названіе „Кара-кюппекъ" (въ переводѣ съ татарскаго „черная собака"). Онъ лежитъ въ верстахъ двухъ къ сѣверу отъ Кара-булака, между двумя почти параллельно текущими рѣчками: Куру-чаемъ и Кёндалянъ-чаемъ (въ переводѣ съ татарскаго—кривая, излучистая, зигзагообразно текущая рѣчка), или Варандá (какъ ее называютъ молокане), на правомъ берегу которой онъ и находится. Курганъ, насыпанный изъ песка и глины, высотою около 50 метровъ, имѣетъ, какъ видно на рис. 81-мъ, вытянутую форму и сѣдлообразную вершину (продольный діаметръ ея болѣе 40 метровъ) и издалека производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто этотъ холмъ образованъ двумя стоявшими рядомъ и слившимися между собою впослѣдствіи курганами. Рёслеръ посрединѣ этого холма, въ углубленной его части, произвелъ небольшія раскопки, при которыхъ, между прочимъ, были найдены хорошо отполированные кирпичи квадратной формы, съ идущими на гладкой поверхно-

сти ихъ крестъ-на-крестъ желобообразными углубленіями. Судя по приводимому г. Рёслеромъ рисунку [1]), кирпичи эти очень напоминаютъ тѣ кирпичныя плиты, какія были находимы мною при раскопкахъ въ Эриванской губ., около Ташбу-

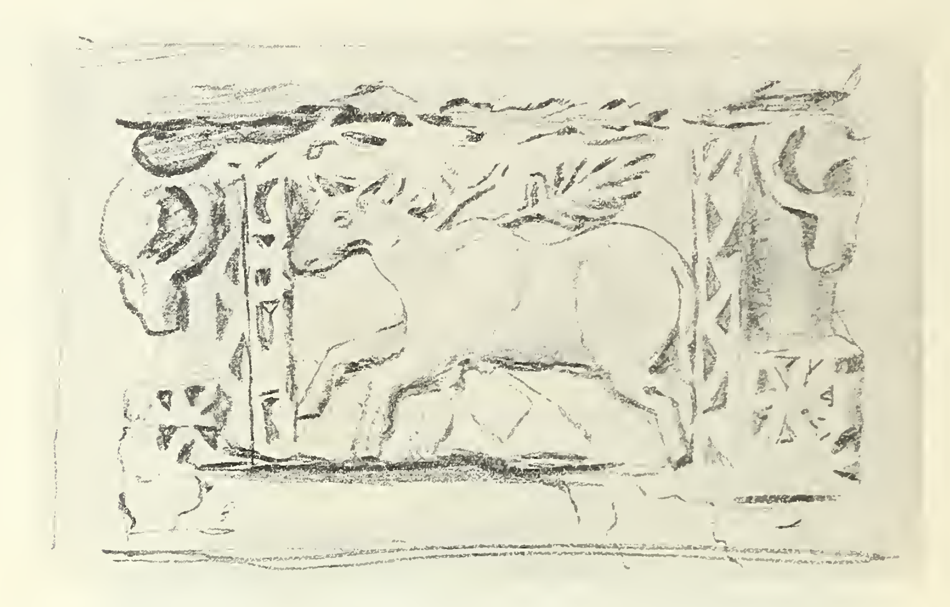

Рис. 82. Каменная плита съ изображеніемъ на ней животнаго (кулана или осла?), найденная между Кара-кюппекомъ и Кара-булакомъ.

рупа (см. выше, стр. 38 и рис. 22 *b*). Недалеко отъ Кара-кюппека въ западномъ направленіи лежитъ другой громадный курганъ, который, хотя и уступаетъ

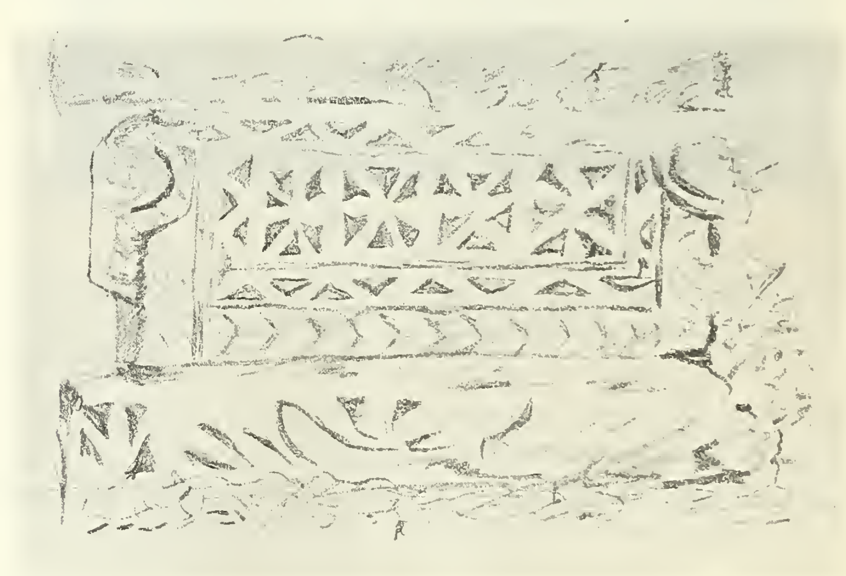
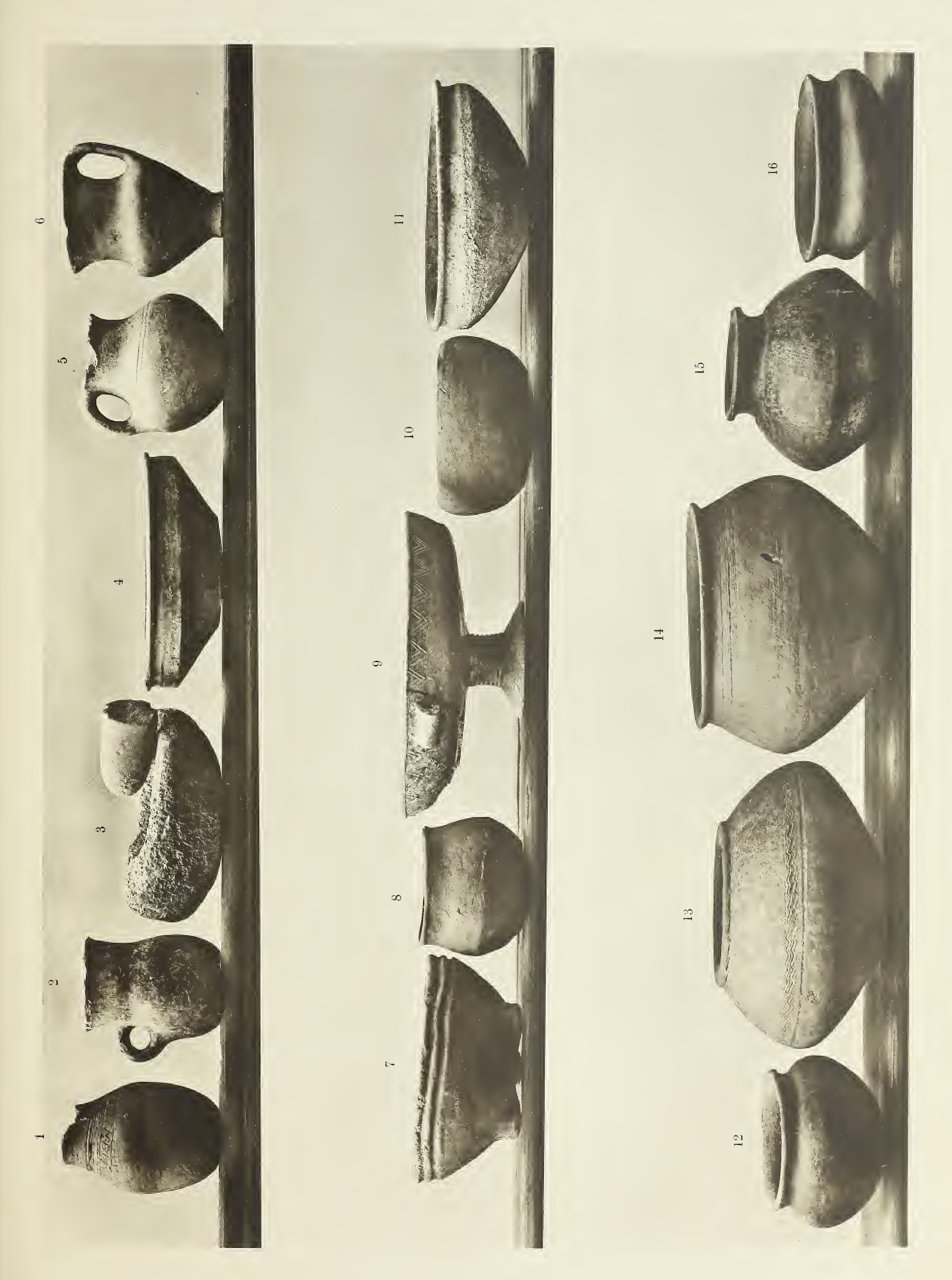

Рис. 83. Обратная сторона той же плиты, какая изображена на рис. 82-мъ.

первому по высотѣ, но превосходитъ его по длинѣ окружности. Къ востоку отъ Кара-кюппека, по правому берегу р. Кёндалянъ-чая, на протяженіи многихъ

[1]) „Verhandlungen der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. und Urgesch.“, 1896, S. 165.

Фот. П. Павлова.

верстъ разбросаны то группами въ 10—15—20 штукъ, то въ одиночку разной величины курганы.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію раскопокъ нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ кургановъ, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ одной интересной каменной плитѣ, случайно найденной мною въ окрестностяхъ Карабулака. Возвращаясь однажды верхомъ съ Кара-кюппека въ Кара-булакъ, я замѣтилъ приблизительно на половинѣ прямого пути между тѣмъ и другимъ торчащій изъ земли уголъ какого-то камня. Я слѣзъ съ лошади и сталъ осматривать камень съ цѣлью убѣдиться, нѣтъ ли въ этомъ мѣстѣ „каменнаго ящика". Осмотръ выдавшейся изъ земли части обнаружилъ искусственную отдѣлку камня и присутствіе на немъ какого-то орнамента. Камень нѣсколько позже былъ извлеченъ изъ земли и оказался большой плитой, имѣвшей 145 сант. въ длину, 84—85 сант., въ ширину и отъ 35 до 40 сант. толщиною. Обѣ продольныхъ стороны плиты орнаментированы. На одной изъ нихъ посрединѣ изображено какое-то животное (см. рис. 82), въ которомъ нѣкоторое сходство можно видѣть или съ куланомъ (Equus hemionus), или съ домашнимъ осломъ (Equus asinus). Надъ спиной животнаго высѣчена, повидимому, вѣтка какого-то хвойнаго растенія. Изображенія у верхнихъ угловъ плиты можно принять за черепъ какого-то крупнаго животнаго. Въ орнаментъ по сторонамъ животнаго въ значительномъ числѣ входятъ разной формы треугольники. Изъ треугольниковъ же главнымъ образомъ состоитъ орнаментъ и на противоположной сторонѣ плиты (см. рис. 83). Изслѣдованіе мѣста, гдѣ найдена эта плита, не обнаружило ни слѣдовъ погребенія, ни слѣдовъ какой-либо постройки. Мѣстные жители также ничего не знали о существованіи этой плиты. Можно предполагать, что она была оставлена въ этомъ мѣстѣ по какой-либо случайной причинѣ.

Къ сѣверу отъ сел. Кара-булака, на правомъ берегу Кёндалянъ-чая, находятся на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга 22 разной величины кургана. Пять изъ этихъ кургановъ были мною разрыты.

№ 87. Чтобы познакомиться съ способомъ погребенія въ курганахъ Карабулака и съ ихъ могильнымъ инвентаремъ, я избралъ для раскопокъ сначала сравнительно небольшой курганъ, лежащій въ серединѣ всей группы кургановъ. Курганъ этотъ изображенъ на рис. 84-мъ. Онъ имѣлъ правильную куполообразную форму, съ вдавленной немного верхушкой. Длина окружности его у основанія простиралась приблизительно до 40 метровъ. Верхушка кургана на глубину до $1^1/_2$ метровъ состояла изъ рыхлой земли, такой же, какъ окружающая курганъ почва; глубже стали попадаться разной величины полевые камни; на глубинѣ $2^1/_2$ метровъ они образовали сплошной слой, а на глубинѣ $3^1/_2$ метровъ встрѣчены большія грубо обдѣланныя плиты, покрывавшія нѣкогда, повидимому, „каменный ящикъ", но впослѣдствіи обрушившіяся внутрь его и придавившія собою все содержимое могилы. Сосуды поэтому всѣ найдены разбитыми на мелкіе кусочки; всѣ они—изъ черной глины; орнаментъ на нихъ представляетъ различныя варіаціи тѣхъ фигуръ, преимущественно геометрическихъ, съ какими

мы знакомы по сосудамъ, добытымъ при прежнихъ раскопкахъ, и какія изображены на XIII и XIV фототипическихъ таблицахъ. Среди обломковъ сосудовъ найдена небольшая ступка (рис. 3 табл. XII) изъ туфа съ углубленіемъ въ видѣ полушара (ширина его—95 мм., глубина—50 мм.) и небольшой пестикъ при ней съ округленнымъ однимъ концомъ и отбитымъ другимъ (длина пестика—83 мм.). Судя по полуистлѣвшимъ и раздробленнымъ плитами на мелкія части костямъ скелета, трупъ былъ погребенъ въ лежачемъ положеніи; голова его была обращена на сѣв.-западъ, ноги—на юго-востокъ. Вперемежку съ остатками человѣческихъ костей найдено много костей какого-то животнаго, вѣроятнѣе всего барана. Поражало въ этой могилѣ прежде всего обиліе бусъ и мелкихъ бронзовыхъ пуговокъ. Тѣхъ и другихъ собрано, я думаю, не менѣе 600—700 штукъ. Бусы состояли почти исключительно изъ различныхъ родовъ халцедона: боль-

Рис. 84. Курганъ около сел. Кара-булака.

шая часть бусъ были карнеоловыя или сердоликовыя; попалось нѣсколько и хризопразовыхъ бусъ, окрашенныхъ въ синевато-зеленые тона; самыя большія бусы были преимущественно агатовыя. Формы бусъ были чрезвычайно разнообразны, но, при всемъ разнообразіи, среди нихъ не было такихъ, какія не были бы уже найдены при прежнихъ раскопкахъ. Необходимо отмѣтить, что среди бусъ найдены пять плоскихъ, четырехугольныхъ бусъ изъ сурьмы, подобныхъ изображенной на рис. 5 табл. VI, при чемъ на двухъ изъ нихъ такъ же, какъ и на послѣдней, имѣются ∞-образные знаки, а на трехъ остальныхъ ихъ замѣняютъ знаки, похожіе на буквы M или W (въ зависимости отъ того, какъ ихъ повернуть). Эти M- или W-образные знаки, какъ и ∞-образные, должны имѣть, по мнѣнію Wilke[1]), какое-либо символическое значеніе. Бронзовыя пуговки большею частью были маленькія, такія же, какъ изображенныя на 14—17 рис. табл. VIII, но было нѣсколько штукъ и бо̀льшихъ размѣровъ. Кромѣ бронзовыхъ пуговокъ найдены 9 пуговицъ изъ сурьмы того же типа, какъ изображенныя на 10 и 11 рис. табл. VIII. Изъ сурьмы же были нѣсколько мелкихъ

[1]) „Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien“, 1908, S. 152.

плоскихъ обломковъ, судя по орнаменту на нихъ, принадлежавшихъ прежде предмету, подобному изображеннымъ на 9 и 10 рис. табл. VI; многіе же кусочки изъ сурьмы были настолько разрушены, что не давали возможности возстановить предметы, части которыхъ они составляли. Въ могилѣ найдены, далѣе, двѣ бронзовыхъ фигурки птицъ, схожія съ прежде найденными при раскопкахъ около Кедабека. Одна изъ этихъ фигурокъ, изображенная на рис. 18 табл. IX, наибольшее сходство выказываетъ съ фигуркой, найденной въ могилѣ № 44 и изображенной на рис. 17 той же табл. IX; незначительныя, не бросающіяся въ глаза съ перваго взгляда, отличія (въ формѣ крыльевъ, въ формѣ носа, въ постановкѣ ногъ, въ мѣстѣ прикрѣпленія петли для цѣпочки) однако таковы, что не позволяютъ считать обѣ фигурки отлитыми въ одной и той же формѣ. Цѣпочка, на которой виситъ птичья фигурка, обращаетъ на себя вниманіе по способу прикрѣпленія другаго конца ея,—онъ зацѣпленъ за одну изъ петель на такомъ разстояніи, что образуется значительныхъ размѣровъ петля, повидимому, на что-то надѣвавшаяся. Петля, какъ я указалъ уже раньше, при описаніи могилы № 21,—не случайное явленіе; она наблюдается на всѣхъ цѣльныхъ цѣпочкахъ (см. рис. 16 табл. IX). Другая бронзовая фигурка птицы, найденная въ этой же могилѣ и изображенная на рис. 14 табл. IX, большее сходство обнаруживаетъ съ № 16 табл. IX, отличаясь отъ послѣдней формой треугольниковъ (у нея они равнобедренные, тогда какъ у № 16 равносторонніе) и нижнею частью туловища, которая у № 16 гладкая и плоская, не прорѣзанная треугольниками; у № 14 же она нѣсколько выпуклая и, какъ все остальное туловище, пронизана треугольниками. Изъ другихъ бронзовыхъ вещей въ этой могилѣ найдены пять штукъ височныхъ колецъ типа № 3 табл. IX, изъ которыхъ извлечено цѣлымъ только одно, остальныя же четыре были изломаны; далѣе найдены бронзовый, довольно массивный предметъ, совершенно такой же, какъ добытый въ могилѣ № 12 и изображенный на рис. 4 табл. IX, и бронзовый предметъ неизвѣстнаго назначенія, рисунокъ котораго представленъ на фиг. 6 табл. IX. Бронзовыхъ браслетъ извлечено изъ этой могилы пять штукъ; изъ нихъ одно было съ рубчатою поверхностью на подобіе № 6 табл. II; у другаго рубцы были выражены слабо и концы заходили одинъ на другой, какъ это видимъ на рис. 12 табл. II; остальные три были гладкіе, похожіе на № 3 табл. II. Кромѣ браслетъ въ могилѣ найдены три небольшихъ бронзовыхъ колечка, всѣ круглыя въ поперечномъ разрѣзѣ, и одно бронзовое кольцо побольше; оно изображено на рис. 9 табл. II. Наконецъ, въ этой же могилѣ найдено девять штукъ маленькихъ спиралеобразныхъ бронзовыхъ трубочекъ, подобныхъ ранѣе добытымъ въ могилѣ № 26 и изображеннымъ на рис. 6 и 7 табл. VIII.

№ 88. Въ разстояніи саженей 20-ти къ сѣверу отъ предыдущаго кургана былъ разрытъ мною второй курганъ, нѣсколько большихъ размѣровъ (рис. 85). Строеніе насыпи было совершенно такое же, какъ и у № 87, но вмѣсто ожидавшагося „каменнаго ящика“ на глубинѣ около 5 метровъ найдена масса золы и углей, указывавшая въ данномъ случаѣ на трупосожженіе. На простран-

ствѣ, покрытомъ золой и углями (среди послѣднихъ сохранился обгорѣлый кусокъ дерева), лежало много глиняныхъ обломковъ посуды изъ черной глины, остатки обгорѣлыхъ костей (животныхъ или человѣка, трудно сказать),

Рис. 85. Курганъ около сел. Кара-булака.

много небольшихъ сердоликовыхъ бусъ шаровидной и цилиндрической формы, согнутый въ полукругъ бронзовый кинжалъ, по своей формѣ болѣе всего приближающійся къ типу № 15 табл. VII, гладкій, средней величины, бронзовый

Рис. 86. Курганъ около сел. Кара-булака.

браслетъ, также нѣсколько погнутый, и пять штукъ обсидіановыхъ стрѣлокъ типа №№ 11—14 табл. VII.

№ 89. Третьимъ въ этой мѣстности былъ разрытъ курганъ, фотографическій снимокъ котораго представленъ на рис. 86-мъ. Онъ былъ больше предыду-

щихъ,—окружность его у основанія превышала 60 метровъ. Форма его была нѣсколько продолговатая; вершина образовывала небольшую сѣдловину. Насыпь состояла изъ песка, глины и камней; нѣкоторые изъ послѣднихъ достигали значительной величины. Раскопки не оставили сомнѣнія въ томъ, что курганъ уже былъ когда-то разрытъ ранѣе. Повидимому, онъ былъ насыпанъ надъ „каменнымъ ящикомъ", но плиты, составлявшія его, оказались развороченными. Отъ скелета сохранилось нѣсколько разбросанныхъ въ разныя стороны костей. Сосуды были разбиты на мелкія части. Орнаментъ, встрѣчавшійся на глиняныхъ обломкахъ, былъ того же характера, какъ на прежде добытыхъ сосудахъ. Найдено штукъ около 30 небольшихъ сердоликовыхъ бусъ. Бронзовыхъ вещей никакихъ не найдено. Слѣдовъ золы или углей не было.

№ 90. Четвертымъ былъ разрытъ самый большой въ этой мѣстности курганъ, снимокъ съ котораго представленъ на рис. 87-мъ. Онъ имѣлъ въ окруж-

Рис. 87. Большой курганъ около сел. Кара-булака.

ности у основанія болѣе 80 метровъ; высота его достигала 17 метровъ. Насыпь состояла, главнымъ образомъ, изъ песка и глины; камней было сравнительно немного; очень большихъ камней, какъ въ предыдущемъ курганѣ, не было совсѣмъ. Когда достигли грунта, на глубинѣ 17 метровъ, встрѣтили большое количество золы, углей и лежавшихъ среди нихъ мелкихъ обломковъ глиняныхъ сосудовъ, съ явными на нихъ слѣдами огня; сохранилось нѣсколько небольшихъ полуобгорѣвшихъ кусковъ дерева. Вещей никакихъ въ этомъ курганѣ не найдено.

№ 91. Пятый изъ разрытыхъ около сел. Кара булака кургановъ представленъ на рис. 88-мъ. Онъ имѣлъ приблизительно 26 метровъ въ діаметрѣ; высота холма достигала 6 метровъ. Верхніе слои насыпи состояли больше изъ песка, нижніе—изъ глины; во всѣхъ слояхъ встрѣчалось много полевыхъ камней, преимущественно мелкихъ, что можно видѣть на 88 и 89 рисункахъ. На глубинѣ около 6 метровъ встрѣчены громадныя деревянныя балки [1]), лежавшія

[1]) По мнѣнію Rösler'а, также находившаго при своихъ раскопкахъ кургановъ Елисаветпольской губ. деревянныя балки, послѣднія сдѣланы изъ кедроваго дерева (Cedernholz). „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.". 1902, S. 170.

другъ на другѣ тремя рядами (см. рис. 90). Онѣ прикрывали собою большую могилу, имѣвшую въ длину 10 метровъ, а въ ширину и въ глубину—по 2 метра. Направленіе могилы по ея продольной оси было съ С.-З. на Ю.-В. Она находилась не въ центрѣ кургана, а немного въ сторонѣ (на юго-западъ) отъ него. Дно и стѣны могилы были покрыты небольшимъ слоемъ мелкой пыли. Влага, повидимому, ни съ какой стороны не проникала сюда. Въ общемъ сохранилась могила со всѣмъ содержимымъ ея прекрасно. При входѣ въ могилу съ юго-восточной стороны лежалъ поперекъ ея скелетъ верблюда (головою на сѣв.-востокъ). Такъ какъ могила, повидимому, оказалась узка для верблюда, она въ этомъ мѣстѣ была нѣсколько съ той и другой стороны расширена небольшими дуго-

Рис. 88. Пятый изъ разрытыхъ около сел. Кара-булака кургановъ.

образными углубленіями. Такія же дугообразныя углубленія мы находимъ въ другомъ мѣстѣ могилы, почти по срединѣ ея, гдѣ лежалъ второй скелетъ верблюда (также головою на сѣв.-востокъ). У сѣв.-западной стѣны могилы найдены три человѣческихъ скелета (см. рис. 91): одинъ изъ нихъ, вытянутый параллельно сѣв.-западной стѣнѣ могилы, головою на сѣв.-востокъ, а ногами—на юго-западъ, свидѣтельствовалъ о лежачемъ (на спинѣ) положеніи покойника (длина костяка—1645 мм.); другіе же два покойника были похоронены въ сидячемъ положеніи, приложенные спинами къ сѣв.-восточной стѣнѣ, по ту и другую сторону лежащаго покойника. Судя по степени сохранности зубовъ, каждому изъ трехъ покойниковъ было отъ 40 до 50 лѣтъ. Всѣ черепа выказывали крайнюю долихоцефалію и лептопрозопію (къ сожалѣнію, при пересылкѣ въ Москву они были разбиты).

Съ юго восточной стороны около скелетовъ отъ одной до другой стѣны стоялъ рядъ сосудовъ, какъ-бы отгораживавшій скелеты отъ остального пространства могилы. Всѣхъ сосудовъ было 16. Среди нихъ были формы уже встрѣчавшіяся ранѣе, но были и новыя. Къ послѣднимъ относятся: 1) небольшой кув-

шинъ, съ отвалившимся дномъ, съ большой, нѣсколько отбитой, ручкой, орнаментированный продольными, неглубокими желобообразными полосками и изображенный на рис. 18 таб. X; (высота его—170 мм., ширина верхней части—70 и самой широкой—130 мм.); 2) кувшинъ поменьше (высота его—87 мм., діаметръ верхней части—70, самой широкой—90 и дна—41 мм.), каменный, орнаментированный также продольными желобообразными углубленіями; 3) сосудъ, изображенный на рис. 12, табл. XI и орнаментированный нѣсколькими идущими кругомъ сосуда параллельными линіями (высота его—75 мм., діаметръ верхней части—63, самой широкой—123 и дна—47 мм.); 4) сосудъ изъ черной глины, съ отломленнымъ краемъ (отломленный кусокъ лежалъ въ сосудѣ); рисунокъ его представленъ на фиг. 22 табл. XI (высота его—124 мм., діаметръ верхней части—158, самой широкой—172 и дна—62 мм.); въ сосудѣ лежали полуистлѣвшія мелкія кости какой-то птицы; 5) сосудъ изъ красной глины, представленный на фиг. 2 табл. XII (высота его—125 мм., діаметръ верхней части—85, по срединѣ—82 и дна—65 мм.); 6) кувшинъ также изъ красной глины, изображенный на рис. 5 той-же табл. XII (высота его—130 мм., діаметръ верхней части—72 мм., самой широкой—124 и дна—60 мм.); 7) сосудъ изъ красной глины, изображенный на 5 рис. той же таблицы (высота его—142 мм., діаметръ верхней части—97, самой широкой—107 и дна—41 мм.); 8) небольшая орнаментированная чашка изъ черной глины, изображенная на рис. 12 табл. XIII (высота ея—72 мм., ширина верха—160 мм., дна—88 мм.), и 9) чашка также изъ черной глины (рис. 3 табл. XIV), орнаментированная изображеніями какихъ-то животныхъ, короткіе хвосты которыхъ загнуты въ сторону головы (высота ея—100 мм., діаметръ верхней части—155, наибольшій—183 и дна—60 мм.). Остальные 7 сосудовъ имѣли сходство съ прежде найденными и изображенными на рис. 2 (со слѣдами какого-то масла на поверхности его), 16, 17 табл. X, на рис. 5 и 15 (только безъ крышки) табл. XI, на рис. 13 и 14 табл. XII (въ обоихъ сосудахъ лежали кости животныхъ; особенно много ихъ было въ сосудѣ типа № 14, въ которомъ поверхъ костей лежалъ бараній черепъ; среди костей найдены въ этомъ сосудѣ кромѣ того два кабаньихъ клыка). Вещи были найдены какъ при человѣческихъ скелетахъ, такъ и при скелетахъ животныхъ. Такъ какъ три человѣческихъ скелета лежали вплотную одинъ возлѣ другого, то опредѣлить принадлежность тѣхъ или иныхъ вещей каждому изъ скелетовъ въ отдѣльности въ большинствѣ случаевъ не представлялось возможнымъ. По ту и другую сторону средняго, лежачаго скелета, около femur, найдены тѣ бронзовыя булавы, которыя изображены на 1 и 2 рис. табл. XV; изображенная на рис. 1-мъ болѣе массивная (разстояніе у нея между точками *a* и *b* равняется 8 сант.), чѣмъ изображенная на рис. 2-мъ; между двумя болѣе крупными конусообразными выступами, которыхъ у каждой булавы три, поставлены рядомъ по двѣ меньшихъ размѣровъ; слѣдовательно, на каждой булавѣ по 9 конусообразныхъ выступовъ (три большихъ и шесть меньшихъ); по срединѣ круглыя отверстія для надѣванія; длина отверстія у первой булавы—5 сант., у второй—4 сант. Около та-

зовыхъ костей лежачаго скелета по разнымъ направленіямъ было разбросано большое количество разнообразныхъ наконечниковъ стрѣлъ; изъ нихъ 12 (см. 27 и 28 рис. табл. XV) были бронзовые, прекрасной кованной работы, съ довольно длинными, у однихъ экземпляровъ прямыми, у другихъ—нѣсколько изогнутыми, боковыми крюками; они—безъ втулки, а прикрѣплялись къ древку при помощи длиннаго, суживающагося къ концу стержня; на рис. 28-мъ табл. XV, гдѣ изображенъ наконечникъ стрѣлы съ сохранившеюся частью древка, можно видѣть и самый способъ прикрѣпленія наконечника къ древку. Двѣ бронзовыхъ стрѣлки имѣли форму, изображенную на рис. 29 табл. XV; повидимому, первоначальная форма этихъ двухъ стрѣлъ была такая же, какъ и у изображенныхъ на рис. 27 и 28 табл. XV, но боковые крючки были отломлены впослѣдствіи. Шесть стрѣлокъ, по опредѣленію проф. В. И. Вернадскаго, были изъ яшмы: двѣ

Рис. 89. Раскопки пятаго кургана около сел. Кара-булака.

изъ нихъ—большей величины (см. рис. 32 табл. XV) и четыре—меньшихъ размѣровъ (рис. 34 и 35 той же табл. XV). Кромѣ того, найдено еще 28 обсидіановыхъ стрѣлокъ также двухъ разныхъ размѣровъ: 11—большихъ, того типа, какой представленъ на рис. 33 табл. XV, и 17—маленькихъ, изъ которыхъ двѣ изображены на рис. 30 и 31-мъ табл. XV. Всѣхъ стрѣлокъ изъ этой могилы взято, слѣдовательно, 48. Предметы изъ кости, представленные на рис. 13—16 табл. XV, также, какъ мнѣ кажется, нужно считать принадлежностью стрѣлъ: №№ 13—15 надѣвались на тотъ конецъ стрѣлы, который накладывался на тетиву лука, 16-й же № не служилъ ли наконечникомъ стрѣлы въ тѣхъ случаяхъ, когда стрѣла должна была только оглушить добычу, напр., при охотѣ на дорогихъ звѣрей, шкурку которыхъ нежелательно портить обыкновенной, вонзающейся въ тѣло, стрѣлой (такъ поступаютъ при охотѣ на дорогихъ звѣрей многіе сибирскіе

Фот. П. Павлова.

инородцы). Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ найдены стрѣлы, лежали неподалеку другъ отъ друга и слѣдующіе предметы изъ кости: кольцо (рис. 11 табл. XV), 55 мм. въ діаметрѣ, орнаментированное двойными, сходящимися между собой подъ острымъ угломъ, линіями и точками въ промежуткахъ между ними; довольно толстая, круглая пластинка (рис. 12 табл. XV), болѣе широкая съ одной стороны и болѣе узкая—съ другой, съ круглымъ сквознымъ отверстіемъ по срединѣ; круглая, тонкая, грубо обдѣланная пластинка (рис. 17 табл. XV), съ большимъ овальнымъ отверстіемъ по срединѣ и двумя остроконечными выступами по бокамъ; часть продолговатой пластинки (рис. 18 табл. XV), орнаментированная двумя рядами тройныхъ линій и перекрещивающимися въ промежуткѣ между ними двумя линіями; пластинка (рис. 19 табл. XV) съ нѣсколько вогнутыми верхнею и боковыми поверхностями и съ круглымъ сквознымъ отверстіемъ на

Рис. 90. Деревянныя балки, покрывавшія могилу въ пятомъ курганѣ.

одномъ концѣ; длинная, узкая, пронизанная многочисленными круглыми отверстіями пластинка (рис. 20 табл. XV), которая съ одного конца обломлена; продолговатый, круглый въ поперечномъ разрѣзѣ предметъ (рис. 21 табл. XV), съ небольшой выемкой по срединѣ и слабо вогнутою поверхностью по ту и другую сторону отъ этой выемки; нѣсколько изогнутый, также круглый въ поперечномъ разрѣзѣ предметъ (рис. 22 табл. XV), орнаментированный въ пяти мѣстахъ идущими кругомъ параллельными двойными линіями съ поперечными между ними нарѣзками; кромѣ перечисленныхъ костяныхъ предметовъ, вмѣстѣ съ ними было найдено много полуистлѣвшихъ костяныхъ обломковъ. Вмѣстѣ съ стрѣлами и указанными костяными предметами найдены далѣе: обломокъ заостренной кости (рис. 23 табл. XV), служившей, быть можетъ, шиломъ; маленькая заостренная кость (тоже шило?), тупой конецъ которой съ одной стороны срѣ-

занъ такъ, что удобно можетъ быть привязанъ (рис. 24 табл. XV); пять штукъ костяныхъ рогообразныхъ предметовъ (рис. 25 и 26 табл. XV) различной длины: въ 85, 73, 70 (два) и 58 мм., съ двумя сквозными отверстіями на каждомъ—въ точкѣ *c* и при сломанныхъ концахъ. Въ ногахъ средняго лежачаго трупа, почти около самой юго-западной стѣны могилы лежали два одинаковыхъ бронзовыхъ наконечника, конусообразно суживающихся къ одному концу, съ полыми втулками и съ двумя маленькими отверстіями у широкаго конца (одинъ изъ нихъ изображенъ на рис. 9 табл. XVI), и на разстояніи отъ нихъ около 30 сант. еще третій бронзовый наконечникъ, болѣе длинный и узкій (рис. 10 табл. XVI). Наконечники находились на разстояніи приблизительно одного метра отъ описанныхъ выше булавъ, и два изъ нихъ, быть можетъ, слѣдуетъ считать за наконечники послѣднихъ. Съ правой стороны лежачаго покойника, недалеко отъ булавы, найденъ плоскій, листовидный бронзовый предметъ (рис. 21 табл. XVI), вѣроятнѣе всего, по моему мнѣнію, служившій принадлежностью дротика. Не къ нему ли слѣдуетъ отнести третій изъ только-что упомянутыхъ бронзовыхъ наконечниковъ? По лѣвую сторону средняго скелета, на разстояніи отъ него приблизительно 65 сант., по срединѣ между сѣв.-восточною и юго-западною стѣнками могилы, лежалъ тотъ бронзовый топоръ, который изображенъ на рис. 7 табл. XVI; длина его—145 мм., ширина около лезвія—55 мм., въ самой узкой части—12 мм.; толщина топора, достигающая по срединѣ одного сантиметра, къ тому и другому концу, особенно къ острому, уменьшается. По поводу этого топора я обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. На стѣнкахъ могилы, вырытой въ глинистой почвѣ, въ очень многихъ мѣстахъ сохранились, въ видѣ небольшихъ желобообразныхъ полосъ, слѣды того заступа, которымъ рыли могилу или, по крайней мѣрѣ, выравнивали стѣнки ея. Дугообразное лезвіе найденнаго въ могилѣ топора какъ разъ соотвѣтствовало по своей формѣ и размѣрамъ вертикальнымъ полосамъ на стѣнкахъ могилы. Это обстоятельство если и не даетъ намъ права отрицать за изображеннымъ на рис. 7 табл. XVI предметомъ назначеніе топора, то во всякомъ случаѣ позволяетъ установить за нимъ и другое назначеніе, именно заступа. Въ кучѣ костей, образованной упавшими скелетами двухъ похороненныхъ въ сидячемъ положеніи покойниковъ, найдены: два бронзовыхъ кинжала того же типа, какъ изображенные на рис. 6 и 9 табл. III, два массивныхъ, съ рубчатою поверхностью, бронзовыхъ браслета типа № 5 табл. II и обломленный съ одного конца узкій бронзовый ножъ, длиною 13 сант., изображенный на рис. 24 табл. XVI.

По срединѣ могилы, поперекъ ея, лежалъ, какъ сказано выше, скелетъ верблюда. Около шейныхъ позвонковъ его найдены три одинаковыхъ подковообразныхъ тонкихъ бронзовыхъ пластинки (рис. 22 табл. XVI), шириною между точками *a* и *b* въ 14 сант., съ двумя бронзовыми петлями. Можно предполагать, что эти три подковообразныхъ пластинки были повѣшены на шеѣ верблюда и, ударяясь при ходьбѣ его другъ о друга, могли до нѣкоторой степени замѣнять

колокольчикъ или бубенчикъ [1]). Около костей туловища верблюда и среди самихъ костей найдены слѣдующія вещи: два предмета эллипсоидной формы, одинъ изъ которыхъ представленъ на рис. 3 табл. XV; длина ихъ 8 сант.; средина—изъ слоновой кости (?); по краямъ украшены врѣзанными перламутровыми треугольниками, укрѣпленными въ бронзовомъ ободкѣ; по срединѣ—бронзовый. идущій насквозь, гвоздь, верхъ шляпки котораго изъ накладного золота; снизу—неширокая (7 мм.), овальной формы, бронзовая пластинка, прикрѣпленная на 4-хъ бронзовыхъ же маленькихъ подставкахъ такимъ образомъ, что между ними легко можетъ быть продѣтъ ремень. Кромѣ описанныхъ двухъ предметовъ, вмѣстѣ съ ними найдены еще два такой же формы (рис. 4 и 5 табл. XV), только меньше (длина изображеннаго на 5 рис.— 65 мм.); края ихъ заключены въ бронзовые ободки (у № 4-го ободокъ не сохранился, но видны слѣды его); около гвоздей, шляпки которыхъ украшены накладнымъ золотомъ, врѣзано въ кость на томъ и другомъ предметѣ по маленькому золотому колечку. Около этого же скелета верблюда найдены два круглыхъ изъ слоновой кости (?) предмета, изображенныхъ—одинъ верхней стороной, другой нижнею—на рис. 6 и 7 табл. XV; на верхней поверхности ихъ - по пяти небольшихъ углубленій и по одному, идущему насквозь, гвоздю, на шляпкѣ которыхъ также, повидимому, было накладное золото. Изображенные на рис. 8 и 9 табл. XV предметы также найдены около этого верблюжьяго скелета; они—круглые, изъ слоновой кости (?), съ бронзовымъ ободкомъ по краямъ и съ бронзовыми гвоздями по срединѣ (съ накладнымъ на шляпкахъ ихъ золотомъ); обратная сторона (рис. 9)—вся бронзовая, съ большими бронзовыми петлями. Вмѣстѣ съ этими двумя предметами найдены еще четыре такихъ же, съ тѣмъ только отличіемъ, что у нихъ нѣтъ по срединѣ бронзовыхъ гвоздей. Наконецъ, перечисленныя украшенія дополнялись еще большимъ, широкимъ бронзовымъ кольцомъ (рис. 2 табл. XVI), 85 мм. въ діаметрѣ, на двухъ противоположныхъ сторонахъ верхней поверхности котораго имѣются по три клинообразныхъ знака, и круглымъ, съ отверстіемъ по срединѣ, бронзовымъ предметомъ (рис. 5 табл. XVI), одна сторона котораго—выпуклая, другая—вогнутая.

При скелетѣ второго верблюда, лежавшемъ недалеко отъ юго-восточной стѣнки могилы, было найдено также значительное число различныхъ украшеній, часть которыхъ была такая же, какъ у перваго скелета верблюда, но были и новыя. Къ первымъ слѣдуетъ отнести два предмета совершенно того же типа, какъ изображенный на рис. 3 табл. XV, два—типа №№ 8 и 9 табл. XV и пять—этого же типа, но безъ гвоздей по срединѣ. Остальныя украшенія были бронзовыя: 1) три круглыхъ предмета (рис. 6 табл. XVI), 64 мм. въ діаметрѣ, съ вставленнымъ небольшимъ плоскимъ кружкомъ по срединѣ (какой-то красный

[1]) См изображенія верблюдовъ у *E. Babelon*—Manuel d'archéologie orientale. Paris, 1888, p. 177 (f. 128), и у *G. Perrot et Ch. Chipiez*—Histoire de l'art dans l'antiquité. Tome II. Chaldée et Assyrie. Paris, 1884, стр. 525, рис. 239, на которомъ представленъ хранящійся въ Британскомъ музеѣ обелискъ Салманасара II съ изображеніями на немъ верблюдовъ и ихъ погонщиковъ.

сплавъ) и идущими отъ него звѣздообразно восьмью врѣзанными трехугольными бронзовыми пластинками; на обратной сторонѣ (рис. 10 табл. XV)—конусообразно обдѣланный кусочекъ дерева, придерживаемый двумя тонкими бронзовыми гвоздями, идущими отъ двухъ, находящихся на этой сторонѣ, трехугольныхъ выступовъ; такіе же выступы и тоже снабженные гвоздиками имѣются и на другой сторонѣ (рис. 6 табл. XVI); повидимому, и здѣсь также былъ вставленъ кусочекъ дерева; 2) бронзовый выпуклый кругъ (рис. 1 табл. XVI), 7 сант. въ діаметрѣ, съ четырехугольникомъ по срединѣ, составленномъ изъ перламутровыхъ трехугольниковъ и пластинокъ, и съ бронзовой петлей, схожей съ изображенной на рис. 9 табл. XV, на обратной сторонѣ; 3) два бронзовыхъ выпуклыхъ круга, изображенныхъ на 3 и 4 рис. табл. XVI (верхняя и нижняя сто-

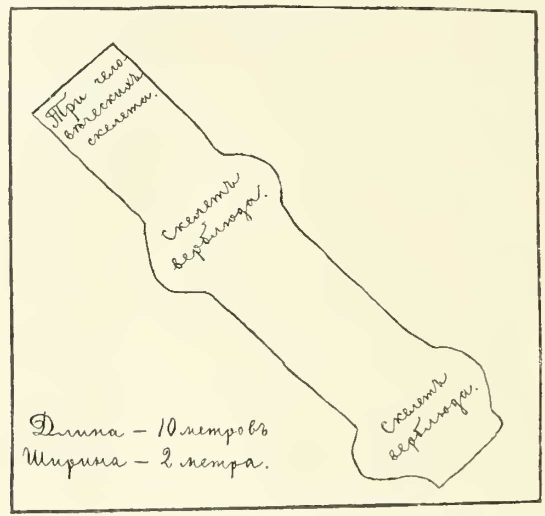

Рис. 91. Могила въ пятомъ курганѣ.

рона); 4) бронзовая пластинка (пряжка?), съ круглыми и продольными отверстіями на ней, изображенная на рис. 8 табл. XVI; 5) два бронзовыхъ предмета (рис. 11 и 12 табл. XVI) найдены около черепа; 6) около черепа же найдены: бронзовая ложкообразная привѣска съ бронзовой петлей въ углубленной части (рис. 13 табл. XVI), бронзовыя привѣски, изображенныя на 14, 17—20 и 23 рис. той же таблицы, и два бронзовыхъ кольца (рис. 15 и 16 табл. XVI).

Такимъ образомъ эта могила оказалась наиболѣе богатой по количеству и разнообразію найденныхъ въ ней предметовъ; но среди послѣднихъ были и такіе экземпляры (сосуды, кинжалы, браслеты и стрѣлы), какіе неоднократно были находимы и въ прежде разрытыхъ могилахъ. Поэтому нѣтъ основаній не отнести и этотъ курганъ со всѣмъ его могильнымъ инвентаремъ къ той же культурной стадіи, къ какой относятся всѣ ранѣе добытые предметы. Въ данномъ курганѣ намъ посчастливилось только напасть на такое богатое погребеніе, на какое до этого раза не наталкивались. Удачной раскопкой этого кургана и были закончены мои археологическія изслѣдованія въ Закавказьѣ въ 1896 г.

Суммируемъ нѣкоторыя данныя о вскрытыхъ нами могилахъ-„каменныхъ ящикахъ". Длина послѣднихъ колеблется между 160—340 сант., ширина—между 70—140 сант. и глубина—между 70—145 сант. У W. Belck'a [1]), вскрывшаго болѣе 300 „каменныхъ ящиковъ" (Steinkisten), эти цифры колеблются въ значительно бо́льшихъ предѣлахъ, а именно: длина—между 140—550 сант.; ширина—между 60—280 сант. и глубина—между 40—310 сант.; кубическое содержаніе могилъ, по опредѣленію Белька, простирается отъ 0,4 куб. до 40 куб. метровъ. „Каменные ящики" покрыты обыкновенно одною или двумя, плотно пригнанными одна къ другой, плитами; плиты иногда бываютъ такъ велики и тяжелы, что удаленіе ихъ представляетъ громаднѣйшія трудности. Боковыя стѣнки „ящиковъ" сложены изъ неодинаковаго числа плитъ; въ продольныхъ стѣнкахъ это число чаще всего колеблется между 2—4, а въ поперечныхъ оно равняется 1—2. Въ рѣдкихъ случаяхъ промежутки между плитами, особенно по угламъ могилы, заполняются небольшими полевыми камнями. Дно могилы—изъ грунта; каменныя плиты на днѣ никогда не были находимы. Направленіе могилъ по странамъ свѣта—совершенно произвольное [2]). Какъ мною, такъ Белькомъ и Реслеромъ многіе „каменные ящики" найдены ограбленными; при этомъ въ однихъ случаяхъ ограбленныя могилы оставлялись, повидимому, открытыми, въ другихъ же онѣ вновь закрывались и какъ-бы возстановлялись съ цѣлью скрыть слѣды ограбленія. Случаи ограбленія могилъ были, можно думать, и единичные, и массовые; на послѣдніе указываютъ нѣкоторые историческія свидѣтельства. Такъ, „лѣтописецъ V в. Егише, упоминая о чрезвычайныхъ налогахъ персовъ, говоритъ, что народу оставалось лишь прибѣгнуть къ разграбленію могилъ своихъ предковъ-язычниковъ и тѣмъ уплатить тяжелую дань. Другой подобный случай упоминается въ продолженіи лѣтописи Самуиля и относится къ VIII столѣтію, когда народъ доставалъ изъ языческихъ могилъ драгоцѣнности и тѣмъ удовлетворялъ арабскихъ сборщиковъ податей. Какъ часто практиковалась эта мѣра и въ другія годины бѣдствія страны, у насъ нѣтъ болѣе историческихъ указаній, но несомнѣнно, что расхищенія были часты, чѣмъ и объясняется исчезновеніе обширныхъ кладбищъ" [3]). Разграбленіе одного изъ древнихъ закавказскихъ могильниковъ, Кизылъ-Ванскаго, около г. Нахичевани Н. В. Федорову пришлось наблюдать въ самое послѣднее время, именно въ 1895 г. [4]).

---

1) *W. Belck.* Archäologische Forschungen in Armenien. „Verhandl. der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.", 1893.

2) Rösler въ началѣ своей археологической дѣятельности былъ того мнѣнія, что „каменные ящики" имѣютъ направленіе West-Ost. Belck въ свое время выразилъ по этому поводу сожалѣніе, что Рёслеръ не всегда опредѣлялъ направленіе точно компасомъ и высказалъ убѣжденіе, что „каменные ящики" не имѣютъ опредѣленнаго направленія. „Verhandl. der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.", 1894, S. 225.

3) Пятый Археологическій Съѣздъ въ Тифлисѣ. I. Труды предварительныхъ комитетовъ. Москва, 1882 г., стр. 86.

4) *А. С.* Нѣкоторые закавказскіе могильники. „Извѣстія Имп. Археолог. Комиссіи", 1909 г., вып. 29, стр. 3.

Но кромѣ ограбленныхъ „каменныхъ ящиковъ“, какъ мною, такъ Белькомъ и Реслеромъ было встрѣчено нѣсколько „ящиковъ“, въ которыхъ не было найдено никакихъ слѣдовъ погребенія. По моимъ наблюденіямъ, такіе „ящики“ отличались обыкновенно очень большими размѣрами. Белькъ также говоритъ, что такія могилы производили по внѣшнему виду впечатлѣніе особенно богатыхъ. Фр. Байернъ, найдя при своихъ изслѣдованіяхъ около аула Степана-Цминды (Stepan-Zminda), одну изъ разрытыхъ имъ могилъ совершенно пустой (ganz leer), призналъ, повидимому, вполнѣ удовлетворительнымъ объясненіе, данное этому факту присутствовавшимъ при раскопкахъ однимъ хевсуромъ, а именно онъ пишетъ: „Mein Chewsure sagte mir, dass dies das Grab eines Fremden wäre, denn bei ihnen sei es alte Sitte, dass, wenn ein Fremder in einem Aule sterbe, so würde er daselbst feierlich begraben; später kämen die Angehörigen und öffneten das Grab, um den Todten in ihr Dorf zu bringen; das Grab aber werde wieder zugedeckt und bliebe zum Andenken unberührt“ [1]). Белькъ [2]) и Реслеръ [3]) также присоединяются къ этому мнѣнію и думаютъ, что „ящики“, находимые теперь пустыми, служили временной могилой покойниковъ, которыхъ впослѣдствіи перевозили въ другое мѣсто. Если „ящики“ заполнялись затѣмъ камнями и землей, то это дѣлалось, по предположенію Белька, съ цѣлью по возможности воспрепятствовать еще разъ воспользоваться могилой. Если въ пустой могилѣ находились иногда бусы или какіе-либо другіе предметы, то Белькъ готовъ объяснить нахожденіе ихъ тѣмъ, что „beim Herausheben der Leiche konnte sich dann leicht eine Perle des Halsschmuckes loslösen oder ein Stückchen des Gürtelbleches abbrechen und im Grabe zurückbleiben“ [4]). Мнѣ представляется, что по поводу нахожденія нѣкоторыхъ „каменныхъ ящиковъ“ пустыми, безъ какихъ-либо слѣдовъ погребенія въ нихъ, можно высказать и еще одно предположеніе, а именно что „каменные ящики“ не всегда изготовлялись ad hoc и post mortem тѣхъ субъектовъ, для которыхъ они предназначались. Найти подходящія для „ящика“ плиты, обдѣлать ихъ, перевезти иногда на очень большое разстояніе и, наконецъ, устроить самый „ящикъ“—все это могло требовать очень значительнаго времени и задерживать похороны дольше, чѣмъ это было нужно. Не было ли обыкновенія имѣть на каждомъ кладбищѣ нѣсколько запасныхъ „ящиковъ“ или нѣкоторыя лица не заботились ли еще при жизни объ устройствѣ мѣста своего посмертнаго успокоенія, какъ это дѣлается многими и нынѣ. При такомъ предположеніи въ „ящикахъ“, находимыхъ теперь пустыми, никогда и не было погребенія или потому, что населеніе ушло изъ данной мѣстности, и заготовленные „ящики“ не могли быть использованы, или же потому, что лицо, устроившее для себя могилу, умерло и похоронено въ другомъ мѣстѣ. Что ка-

---

[1]) *Friedrich Bayern's* Untersuchungen über die ältesten Gräber-und Schatzfunde in Kaukasien, herausgegeben und mit einem Vorwort versehen von *Rud. Virchow.* Supplement zur „Zeitschr. für Ethnologie“, 1885, S. 46.

[2]) „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethn. u. Urgesch.“, 1894. S. 238.

[3]) Ibid. S. 221.

[4]) Ibid., S. 238.

сается нахожденія отдѣльныхъ экземпляровъ бусъ въ такихъ пустыхъ „ящикахъ, то они легко могли попасть туда и съ костюма рабочихъ, устраивавшихъ эти „ящики".

Покойники хоронились въ „ящикахъ" обыкновенно въ сидячемъ положеніи, но встрѣчались рѣдкіе случаи и лежачаго положенія скелетовъ. Никакой разницы въ находкахъ вещей при томъ и другомъ способѣ погребенія подмѣтить нельзя. Повидимому, лежачее положеніе покойниковъ вызывалось чисто физіологическими причинами. Какъ извѣстно, человѣческіе трупы съ различной быстротой послѣ смерти окоченѣваютъ, и всѣ члены дѣлаются тогда ригидными и неподатливыми. Придать членамъ покойника то или иное положеніе можно только вскорѣ же послѣ смерти. Поэтому во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это во́-время не могло быть сдѣлано, окоченѣвшій трупъ долженъ быть оставленъ

Рис. 92. Вскрытый „каменный ящикъ".

въ томъ положеніи, въ какомъ застигла смерть [1]). Эта именно причина и могла заставлять дѣлать исключеніе изъ общаго правила и погребать покойниковъ не въ сидячемъ положеніи, какъ это было въ обычаѣ, а въ лежачемъ.

По той картинѣ, какую наблюдаетъ изслѣдователь въ „каменныхъ ящикахъ" по вскрытіи ихъ, послѣдніе могутъ быть подраздѣлены на два типа. „Каменные ящики" перваго типа бываютъ засыпаны только рыхлой землей; положеніе скелета и вещей въ нихъ—менѣе всего нарушенное; сосуды по большей части—очень хорошей сохранности. Повидимому, „ящикъ" этого типа послѣ того, какъ въ него былъ положенъ трупъ и сосуды, закрывался сверху плитой,

[1]) *Ландуа.* Физіологія, перев. подъ ред. Данилевскаго; см. также статью *кн. И. Тарханова* „Окоченѣніе мышечное" въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона.

не будучи при этомъ засыпанъ землей; та же рыхлая земля, какою оказывается заполненнымъ „ящикъ“ впослѣдствіи, можно думать, накопляется въ немъ постепенно, вмѣстѣ съ проникающей въ него водой. Въ „каменныхъ ящикахъ“ второго типа, кромѣ рыхлой земли, всегда находится значительное количество полевыхъ камней различной величины; сосуды въ такихъ „ящикахъ“ оказываются обыкновенно всѣ разбитыми, а многія вещи—поломанными. По мнѣнію Белька, въ такихъ могилахъ на покойника и вещи сначала набрасывался тонкій слой земли, затѣмъ шедшій вдоль всей могилы слой маленькихъ и большихъ полевыхъ камней, затѣмъ еще слой земли и, наконецъ, плита [1]). Мнѣ представляется невозможнымъ допустить, чтобы покойника забрасывали камнями и на глазахъ участниковъ похоронъ разбивали этими камнями только что поставленные въ могилу сосуды, которые, надо думать, предназначались для очень продолжительной службы покойнику. Изъ раскопокъ „каменныхъ ящиковъ“ съ полевыми камнями внутри ихъ я вынесъ такое впечатлѣніе, что послѣ похоронъ покойника и установки сосудовъ около него въ могилѣ на нѣкоторой глубинѣ устраивался деревянный навѣсъ, поверхъ котораго могила устилалась камнями, а на самомъ верху покрывалась каменной плитой. Впослѣдствіи, когда деревянный навѣсъ подгнивалъ, онъ обрушивался; обрушивались внизъ и камни и при своемъ паденіи разбивали глиняные сосуды и ломали нѣкоторыя болѣе легкія и ломкія вещи; позже въ образовавшуюся пустоту постепенно набиралась рыхлая земля и заполняла ее. Тѣ куски дерева, какіе мнѣ приходилось находить въ „ящикахъ“ этого второго типа, я считаю поэтому за остатки бывшаго деревяннаго навѣса въ могилѣ [2]).

Покойникъ полагался въ могилу, надо думать, въ праздничномъ уборѣ, со всѣми тѣми предметами, которые и при жизни являлись необходимою принадлежностью костюма или воинскаго снаряженія. Украшеніемъ головы мужчинъ нерѣдко служила тонкая и довольно широкая бронзовая лента (въ родѣ вѣнчика), а также бусы и мелкіе бронзовыя пуговицы. Браслеты на рукахъ носились какъ мужчинами, такъ и женщинами. Массивные, съ зубчатою внѣшнею поверхностью, браслеты, находимые исключительно въ мужскихъ могилахъ, слѣдуетъ, быть можетъ, считать за боевыя кольца. Что касается ножныхъ браслетъ, то они, повидимому, носились только женщинами. При каждомъ мужскомъ скелетѣ обыкновенно были находимы тѣ или иные предметы вооруженія: или бронзовый кинжалъ (очень часто), или мечъ (въ рѣдкихъ случаяхъ), или топоръ, или ножъ, или копье (иногда дротикъ), или пика, или стрѣлы (рѣже бронзовыя, чаще каменныя, въ особенности обсидіановыя). Съ нѣкоторыми муж-

---

[1]) „Verhandlungen der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. und Urgesch“, 1894, S. 236.

[2]) Байернъ, встрѣтивъ въ одномъ изъ разрытыхъ имъ около Рѣдкина лагеря „каменныхъ ящиковъ“ остатки дерева, говоритъ по поводу нихъ: „Die Leiche wurde also mit allem Nöthigen versehen, ja sogar mit Kleinholz zum Feueranmachen, wie ich in einem Grabe fand, woselbst der etwa wieder erwachende Begrabe durch Reiben von Hölzern sich Licht und Feuer machen konnte“ (*Fr. Bayern's* Untersuchungen über die ältesten Gräber-und Schatzfunde in Kaukasien. Supplement zur „Zeitschr. f. Ethnoll.“, 1885, S. 8). Я полагаю, что и въ этомъ случаѣ нахожденіе куска дерева въ могилѣ проще всего объяснить такъ, какъ объяснено выше мною.

Фот. П. Павлова.

чинами клали въ могилу ихъ жезлъ или посохъ, ручка котораго была украшена особымъ бронзовымъ набалдашникомъ. Судя по большому количеству оружія, находимаго въ могилахъ, это былъ народъ воинственный и охотничій. Туловище нѣкоторыхъ мужчинъ украшалось особою широкою бронзовою лентою, которую до сихъ поръ было принято считать за поясъ; но по соображеніямъ, о которыхъ говорилось выше, я полагаю, что подобныя бронзовыя ленты могли служить украшеніемъ вообще передней части туловища, а не непремѣнно поясомъ. Наружная поверхность найденной мною бронзовой ленты украшена весьма сложнымъ орнаментомъ, въ составъ котораго входятъ характерныя, находимыя только въ Закавказьѣ, изображенія фантастическихъ животныхъ. Нерѣдки при покойникахъ такіе предметы, какъ бронзовыя иглы, шила и маленькіе щипчики; много разнообразныхъ бусъ; встрѣчаются каменные амулеты и оселки, а также различные бронзовые предметы и предметы изъ сурьмы, назначеніе которыхъ трудно опредѣлить съ точностью. Въ каждую могилу клался обыкновенно одинъ покойникъ, но встрѣчаются „каменные ящики", въ особенности съ насыпанными надъ ними курганами, въ которыхъ наблюдается совмѣстное погребеніе нѣсколькихъ покойниковъ, при чемъ одинъ изъ нихъ особенно выдѣляется по богатству и разнообразію находимыхъ при немъ вещей. Съ богатыми покойниками зарывались иногда въ могилу нѣкоторыя домашнія животныя, иногда цѣликомъ, а иногда только части ихъ, обыкновенно голова. Мною найдены въ одной могилѣ два скелета верблюдовъ и были находимы головы лошадей. Белькъ также находилъ въ разрытыхъ имъ могилахъ какъ головы лошадей, такъ и полные скелеты ихъ; не одинъ разъ встрѣчался ему при раскопкахъ въ Калакентѣ и обычай погребенія съ умершими собакъ [1]. Животныя, погребаемыя съ ихъ хозяевами, бываютъ обыкновенно богато убраны разнообразными предметами изъ золота, бронзы, кости (простой и слоновой) и перламутра.

Въ женскихъ могилахъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе обиліе бусъ, чрезвычайно разнообразныхъ какъ по формѣ, такъ и по матеріалу, изъ котораго онѣ сдѣланы. Изъ бусъ не только, повидимому, составлялись нити и онѣ носились на шеѣ, но ими украшалось также платье и головные уборы. Къ спеціально женскимъ украшеніямъ слѣдуетъ отнести бронзовыя височныя кольца различной формы, съ особыми привѣсками на нѣкоторхыъ изъ нихъ. Разнообразной формы браслеты и кольца являются частою и почти необходимою принадлежностью женскихъ скелетовъ; наоборотъ, бронзовые шейные обручи употреблялись, должно быть, чрезвычайно рѣдко. Обычай ношенія серегъ безъ сомнѣнія существовалъ, но какъ широко онъ былъ распространенъ и примѣнялся ли всѣми женщинами, выяснить не удалось, такъ какъ бронзовыя серьги, повидимому, чаще всего подвергались въ могилахъ полнѣйшему уничтоженію. Были находимы при женскихъ скелетахъ бронзовыя зеркальца и разной формы и величины привѣски изъ антимона. Бронзовыя иглы встрѣчались въ женскихъ

[1] „Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte", 1894, стр. 238 и 239.

могилахъ одинаково часто, какъ и въ мужскихъ. Бронзовыя фигуры птицъ (вѣроятнѣе всего голубей) съ бронзовыми же цѣпочками при нихъ, повидимому, также слѣдуетъ считать принадлежностью женскихъ могилъ; принадлежностью только послѣднихъ являются и каменныя пряслица.

Вещи, находимыя въ „каменныхъ ящикахъ“, какъ съ мужскимъ, такъ и съ женскимъ погребеніемъ,—почти исключительно бронзовыя. Это—въ полномъ смыслѣ слова бронзовый вѣкъ, но уже приближающійся къ своему концу, такъ какъ изрѣдка въ бронзовый инвентарь могилъ начинаютъ вторгаться грубыя желѣзныя издѣлія, состоящія пока только изъ разнаго рода оружія. Бронзовая культура на пространствѣ, занятомъ нынѣ Елисаветпольской губерніей, достигла, повидимому, такого полнаго—и качественно, и количественно—расцвѣта, какъ ни въ какой другой части Закавказья, и покойный Р. Вирховъ былъ правъ, сказавъ: „Man wird daher wohl annehmen dürfen, dass in der Gegend von Kalakent und Schuscha Centren der Metalltechnik bestanden haben, wie sie bis jetzt noch nirgend weiter in dieser Region hervorgetreten sind“ [1]). На-ряду съ бронзовыми издѣліями заслуживаютъ упоминанія нерѣдкія находки и предметовъ изъ сурьмы (антимона), которые, однако, въ громадномъ большинствѣ случаевъ находились въ очень разрушенномъ состояніи [2]).

Обширный и разнообразный матеріалъ доставили раскопки „каменныхъ ящиковъ“ по керамическому искусству. Глиняные сосуды во всѣхъ могилахъ составляли необходимую часть погребальнаго инвентаря. Въ „каменныхъ ящикахъ“ перваго типа, засыпанныхъ только рыхлой землей, они были находимы по большей части сохранившимися вполнѣ удовлетворительно; въ „ящикахъ“ же второго типа, заполненныхъ кромѣ земли и полевыми камнями, они почти безъ исключенія бываютъ разбиты. Въ нѣкоторыхъ сосудахъ сохранились кости животныхъ, служившихъ, очевидно, пищею человѣка, на другихъ видны слѣды пропитавшаго ихъ масла. Размѣры сосудовъ чрезвычайно разнообразны; разнообразна и ихъ форма: амфорообразная, бомбообразная, конусообразная, съуживающаяся конусообразно отъ середины кверху и книзу, цилиндрическая, бокалообразная, пирамидальная (на ножкахъ), въ видѣ полушара (также на ножкахъ)

[1]) *Rudolf Virchow.* Ueber die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus. Aus den „Abhandlungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin“, 1895.

[2]) Матеріаломъ для нѣкоторыхъ вещей, добытыхъ при раскопкахъ „каменныхъ ящиковъ“ въ Рѣдкинѣ лагерѣ, служило, по опредѣленію Байерна, олово или „silberhaltiges Blei“, но впослѣдствіи этотъ металлъ былъ опредѣленъ, какъ сурьма (см. *R. Virchow*—Eine Anzahl neuer Erwerbungen aus Transkaukasien, insbesondere eine Fensterurne und Schmucksachen aus Antimon въ „Verhandl. der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch“., 1884, S. 125). По словамъ Р. Вирхова („Über die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus“), ему извѣстенъ только одинъ предметъ изъ чистаго олова, именно найденный Белькомъ въ Калакентѣ разломанный ножной браслетъ, анализъ котораго показалъ, что въ немъ содержится: олова—99,603, антимона—0,126, цинка—0,173 и желѣзо—въ невѣсомыхъ слѣдахъ. Всѣ же остальныя извѣстія о нахожденіи въ Закавказьѣ доисторическихъ вещей изъ олова, при тщательной провѣркѣ ихъ, не подтверждались. „А съ тѣхъ поръ,—прибавляетъ проф. Вирховъ,—какъ мнѣ удалось доказать, что онѣ состоятъ изъ чистаго антимона, упоминанія объ оловѣ совсѣмъ прекратились“. По вопросу о нахожденіи олова на Кавказѣ см. также статью *проф. Arzruni*— Ueber das Vorkommen von Zinnstein und die Bronzeindustrie des Kaukasus Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol u. Urgesch“, 1884, S. 58.

и др.; одни изъ сосудовъ служили чашками, другіе—тарелками, третьи—вазами, четвертые—кувшинами, пятые—горшками и пр.; нѣкоторые изъ сосудовъ снабжены разной формы и величины ручками, другіе имѣютъ ушки съ отверстіями для продѣванія въ нихъ шнурковъ, на которыхъ сосуды, очевидно, подвѣшивались; встрѣчались сосуды съ большимъ числомъ круглыхъ сквозныхъ отверстій на стѣнкахъ ихъ и пр. Многіе изъ сосудовъ орнаментированы; орнаменты, по большей части, геометрическаго характера; нерѣдки меандръ и т.-наз. „волчій зубъ" (Wolfszahnornament); углубленія орнамента часто бываютъ заполнены бѣлою массою.

Скелеты были находимы или въ совершенно истлѣвшемъ, или въ полуистлѣвшемъ видѣ; поэтому остеологическаго матеріала собрано мало, — удалось добыть только девять, да и то по большей части не цѣлыхъ, череповъ—два женскихъ и семь мужскихъ. О результатахъ краніометрическаго изслѣдованія этихъ череповъ даетъ представленіе таблица, помѣщенная на 172 и 173 страницахъ.

Всѣ мужскіе черепа [1]) имѣютъ горизонтальную окружность большихъ размѣровъ, у женскихъ же она - средняя (501—520 мм.). Вертикальная дуга мужскихъ череповъ—тоже большихъ размѣровъ, за исключеніемъ одного съ средними размѣрами (356—370 мм.); послѣдніе размѣры имѣютъ и женскіе черепа. Изъ отдѣльныхъ частей этой дуги у женскихъ череповъ болѣе всего развита лобная часть, у мужскихъ же—темянная. Поперечная дуга мужскихъ череповъ — средняя (301—320 мм.), женскихъ — малая. Наибольшій продольный діаметръ у мужскихъ череповъ большой, за исключеніемъ одного черепа съ среднимъ продольнымъ діаметромъ (171—185 мм.); у одного женскаго черепа—онъ большой, у другого—средній. Наибольшій поперечный діаметръ у мужскихъ череповъ средній (131—146 мм.) и только у одного малый; у одного женскаго черепа онъ—средній, у другого—малый. Наименьшій лобный діаметръ у 4-хъ мужскихъ череповъ имѣетъ большіе размѣры и у 2-хъ средніе; изъ женскихъ череповъ у одного онъ—средній, а у другого—малый. Наибольшій лобный діаметръ у двухъ мужскихъ череповъ большой и у одного—средній (111—118 мм.). Ушной діаметръ какъ у мужскихъ, такъ и у женскихъ череповъ среднихъ размѣровъ (121—130 мм). Высотный діаметръ у двухъ женскихъ череповъ малый (до 125 мм.), а у одного мужского—большой (133 мм. и бол.). Основная линія, которая могла быть опредѣлена только у одного мужского черепа, оказалась въ данномъ случаѣ большой. Длина лица у мужскихъ череповъ—большая (74 мм. и бол.), наибольшая же ширина лица у одного—большая, у другого—средняя (130—136 мм.); скуловой діаметръ также въ одномъ случаѣ большой, въ другомъ—средній (111—124 мм.); длина носа у одного - большая и у одного—средняя (51—57 мм.), а ширина его у одного средняя (23—25 мм.), а у другого—малая. Межглазничное пространство мужскихъ череповъ—среднихъ размѣровъ (21—25 мм.); высота глазницъ—тоже

[1]) Прилагаемые фотографическіе снимки череповъ изготовлены для меня студ. Н. А. Синельниковымъ, которому приношу мою глубокую благодарность.

№ по порядку № могилы Полъ	1 12 ♀	2 21 ♀	Средняя.	3 26 ♂	4 36 ♂	5 56 ♂	6 61 ♂	7 74 ♂	8 75 ♂	9 77 ♂	Средняя.	Общая средняя.
Абсолютные размѣры:												
Горизонтальная окружность	520	510	515	537	533	524	—	544	—	577	543	535
Вертикальная дуга	367	360	363	390	374	392	—	—	370	416	388	381
Лобная ея часть	130	125	127	135	120	132	—	125	120	136	128	128
Темянная ея часть	120	128	124	140	130	132	—	135	140	136	135	133
Затылочная ея часть	117	107	112	115	124	128	—	—	110	144	124	121
Поперечная дуга	294	290	292	—	—	—	—	313	—	317	315	303
Наибольшій продольный діам.	187	181	184	189	193	188	—	192	178	210	192	190
Наибольшій поперечный діам.	135	130	132	138	133	129	—	132	136	146	136	135
Наименьшій лобный діам.	95	90	92	100	95	93	102	102	100	108	100	98
Наибольшій лобный діам.	—	—	—	—	—	—	—	121	118	126	122	—
Затылочный поперечный діам.	116	110	113	—	105	—	—	118	—	116	113	113
Ушной діаметръ	127	125	126	—	—	—	—	122	—	123	123	124
Височный діаметръ	130	135	132	—	—	—	—	134	—	140	137	135
Высотный діаметръ	125	122	123	—	—	—	—	—	—	143	143	130
Длина затылочнаго отверстія	36	38	37	—	—	—	—	—	—	37	37	37
Ширина затылочнаго отверстія	30	27	28	—	—	—	—	—	—	31	31	29
Основная линія	—	—	—	—	—	—	—	—	112	—	112	—
Длина лица	—	—	—	—	—	—	74	79	—	—	77	—
Наибольшая ширина лица	—	—	—	—	—	—	150	132	—	—	141	—
Скуловой діаметръ	—	—	—	—	—	—	130	121	—	—	125	—
Щечный діаметръ	—	—	—	—	—	—	112	104	—	—	108	—
Длина носа	—	—	—	—	—	—	51	59	—	—	55	—
Ширина носа	—	—	—	—	—	—	22	24	—	—	23	—
Межглазничное пространство	—	—	—	—	—	—	24	21	—	—	22	—
Отъ подносовой до альвеоляр. точки	—	—	—	—	—	—	23	22	—	—	22	—
Высота глазницъ	—	—	—	—	—	—	35	36	—	—	36	—
Ширина глазницъ	—	—	—	—	—	—	40	44	—	—	42	—

№ по порядку № могилы Полъ	1 12 ♀	2 21 ♀	Средняя.	3 26 ♂	4 36 ♂	5 56 ♂	6 61 ♂	7 74 ♂	8 75 ♂	9 77 ♂	Средяя.	Общая средняя
Длина нёба	—	—	—	—	—	—	58	56	—	—	57	—
Ширина нёба	—	—	—	—	—	—	44	40	—	—	42	—
Соотношенія:												
Черепной указатель	72,19	71.82	72,00	73.01	68,91	68,61	—	68,75	76,40	69,51	70,86	71,15
Высотно-продольный указатель	66,84	67,40	67,14	—	—	—	—	—	—	68,08	68,08	67,44
Высотно-поперечный указатель	92,59	93,84	93,21	—	—	—	—	—	—	97,94	97,94	94,79
Отн. вертикал. дуги къ горизонт. окр.	70,58	70,59	70,58	72,62	70,17	74,81	—	—	—	72,09	72,42	71.81
Отн. поперечной дуги къ горизонт. окр.	56,54	56,86	56,70	—	—	—	—	—	—	54.94	54,94	56,11
Отн. лобной части къ вертикал. дугѣ	35,42	34,72	35,07	34,62	32,08	33,67	—	—	32,43	32,69	33,09	33,66
Отн. темянной части къ вертикал. дугѣ	32,70	35.55	34,12	35,90	34,76	33,67	—	—	37,84	32,69	34,97	34,73
Отн. затылочной части къ вертикал. дугѣ	31,88	29,72	30,80	29,49	33,15	32,66	—	—	29,73	34,62	31,93	31,61
Отн. наим. лобн. д. къ наиб. попереч.	70,37	69,23	69,80	72,46	71,43	72,09	—	77,27	73.53	73,97	73,46	72,54
Отн. наим. лобн д. къ наиб. лобному	—	—	—	—	—	—	—	84,29	84,74	85,71	84,91	—
Отн. затыл. попер. д. къ наиб. попереч.	85,92	84,61	85,27	—	78,94	—	—	89.39	—	79,45	82,59	83,66
Отн. ушнаго д. къ наиб. попереч.	94,07	96,15	95,11	—	—	—	—	92,42	—	84,24	88,33	91,72
Отн. височнаго д. къ наиб. попереч.	96,29	103,84	100,6	—	—	—	—	101,51	—	95,89	98,70	99,65
Отн. ширины къ длинѣ затыл. отв.	83,31	71,03	77,17	—	—	—	—	—	—	83,78	83,78	79,37
Лицевой указатель	—	—	—	—	—	—	49,33	59,84	—	—	54,58	—
Отн. скулов. д. къ наиб. шир. лица	—	—	—	—	—	—	86,66	91,66	—	—	89,16	—
Отн. щечнаго д. къ наиб. шир. лица	—	—	—	—	—	—	74,66	78,78	—	—	76,72	—
Носовой указатель	—	—	—	—	—	—	43,13	40,67	—	—	41,90	—
Отн. межглазн. простр. къ наиб. шир. лица	—	—	—	—	—	—	16,00	15,91	—	—	15,95	—
Глазничный указатель	—	—	—	—	—	—	87,50	81,82	—	—	84,66	—
Небный указатель	—	—	—	—	—	—	75,86	71,43	—	—	73,64	—

среднихъ размѣровъ (31—36 мм.), ширина же глазницъ у одного—большая и у одного—средняя (36—40 мм.). Длина нёба у обоихъ мужскихъ череповъ большая (51 мм. и бол.), ширина же нёба у одного—большая и у одного средняя (35—40 мм.).

Рис. 93. Черепъ, добытый изъ „каменнаго ящика“ № 74 на берегу оз. Гокчи (norma facialis).

Рис. 94. Тотъ же черепъ — norma lateralis.

По черепному указателю всѣ—крайніе долихоцефалы, и только одинъ мужской черепъ оказался субдолихоцефалическимъ; minimum этого указателя спускается до 68,61. По высотно-поперечному указателю всѣ—среднеширокіе (92,01—

Рис. 95. Тотъ же черепъ— norma verticolis.

Рис. 96. Тотъ же черепъ — norma accipitalis.

Рис. 97. Тотъ же черепъ — norma basalis.

97,99). Лицевой указатель у одного мужского черепа малый (до 52,99), у другаго—большой (57 и бол.) По глазничному указателю одинъ изъ мужскихъ череповъ является микроземомъ, а другой—мезоземомъ (83—88,99). По носовому указателю оба мужскихъ черепа лепторины (до 47) и по нёбному оба—средне-

широконебные (71—76,99). Къ этимъ даннымъ можно прибавить, что надбровныя дуги у всѣхъ череповъ развиты слабо; сосцевидные отростки малы; по большей части наблюдается сильное заростаніе швовъ; судя по формѣ носовыхъ костей, носъ у живыхъ особей долженъ былъ быть горбатымъ, орлинымъ; на одномъ черепѣ имѣется слабо выраженный torus palatinus; никакихъ аномалій на черепахъ не найдено. Суммированіе всѣхъ краніологическихъ признаковъ позволяетъ, съ одной стороны, установить тотъ фактъ, что всѣ черепа принадлежатъ одному и тому же племени, а съ другой—признать сравнительную чистоту этого племени и отсутствіе физическихъ чертъ, которыя указывали бы на его смѣшанность. Раскопки на берегу оз. Гокчи констатировали существованіе среди этого племени искусственно деформированныхъ (макроцефалическихъ) череповъ, причемъ погребальный инвентарь могилы, въ которой найденъ подобный деформированный черепъ, ничѣмъ не отличался отъ погребальнаго инвентаря всѣхъ другихъ „каменныхъ ящиковъ“.

Черепа, добытые въ могильникахъ Кавказа, описывались многими авторами: проф. Д. Н. Анучинымъ [1]), проф. А. П. Богдановымъ [2]), проф. Р. Вирховымъ [3]), проф. Э. Шантромъ [4]), проф. П. Брока [5]), Тельферомъ [6]), Калужскимъ [7]), Сцѣпурой [8]), мною [9]) и др. Какъ ни малочисленны серіи череповъ, изслѣдованныхъ отдѣльными авторами, все же, на основаніи изученія ихъ, съ положительностью можно утверждать, что они принадлежали народамъ, чрезвычайно различнымъ по своему антропологическому составу, и только одинъ краніологическій признакъ является общимъ для всѣхъ ихъ, это—долихоцефалія череповъ [10]). Всѣ изслѣдователи согласно утверждаютъ, что древнее населеніе Кавказа, какъ сѣвернаго, такъ и южнаго, было преимущественно долихоцефалическое. Проиэ-

---

[1]) *Д. Н. Анучинъ.* О древнихъ искусственно-деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи, „Изв. Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. XLIX, вып. 4. Протоколы Засѣданій Антропилог. Отдѣла“, Москва, 1887 г., стр. 367—414.

[2]) *А. П. Богдановъ* О черепѣ изъ Кавказскихъ дольменовъ и о черепахъ изъ Кавказскихъ кургановъ и могилъ. „Антропол. Выставка 1879 г.“ („Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр.“, т. XXXV, ч. 1, вып. 4), т. III, ч. 1, стр. 419.

[3]) *R. Virchow.* Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus. Berlin, 1883.

[4]) *E. Chantre.* Recherches anthropoliques dans le Caucase, t. II. Paris—Lyon, 1885: см. также „Reovue d'Anthropologie“ 1881.

[5]) *P. Broca.* „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1873.

[6]) *Telfer.* „Journal of the Antropol. Instit.“, 1874.

[7]) *Н. В. Калужскій.* Замѣтка о черепахъ, найденныхъ К. И. Ольшевскимъ на Кавказѣ. „Дневникъ Антропол. Отдѣла“ Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн., 1890 г., вып. 4, стр. 124—131.

[8]) *Сцѣпура.* Опытъ антропологическаго изслѣдованія макроцефалическихъ череповъ, найденныхъ въ гробницахъ древняго Самтаврскаго кладбища. Тифлисъ, 1875.

[9]) *А. А. Ивановскій.* Черепа изъ могильниковъ Осетіи (раскопки графини П. С. Уваровой). „Дневникъ Антрополог. Отдѣла“, 1890 г., вып. 4; см. также „Матеріалы по археологіи Кавказа“, изд. Москов. Археол. Общ., вып. VIII, стр. 356—359.

[10]) *Wilke* въ своихъ „Arhäologische Parallelen aus dem Kaukasus und dem unteren Donauändern“ („Zeitschr. für Ethnologie“, 1904, S. 94) говоритъ, между прочимъ: „Im Gegensatze zu den Gräberfeldern im Norden des Kaukasus weisen die Nekropolen Transkaukasiens vorwiegend brachycephale Schädelformen auf, obwohl auch dort dolicho-oder mesokephale Schädel von arischer Form keineswegs fehlen“. Я недоумѣваю, на основаніи какихъ данныхъ авторъ могъ высказать подобное заключеніе.

веденное мною сравненіе [1]) краніологическихъ данныхъ о древнемъ и современномъ населеніи Кавказа позволяетъ констатировать тотъ несомнѣнный фактъ, что нынѣшнее населеніе Кавказа, въ противоположность древнему долихоцефалическому, является почти исключительно брахицефалическимъ. Какъ шло перерожденіе длинноголоваго населенія въ короткоголовое, притокъ чьей крови повліялъ на измѣненіе первоначальнаго долихоцефалическаго типа въ брахицефалическій,—вопросъ этотъ до сихъ поръ, за неимѣніемъ достаточныхъ для рѣшенія его данныхъ, остается темнымъ и не разгаданнымъ.

Кому принадлежали эти „каменные ящики“ въ Закавказьѣ и какой народъ являлся здѣсь носителемъ этой столь высоко развитой бронзовой культуры? Въ археологической литературѣ мнѣ извѣстны только три попытки подойти къ рѣшенію этого труднаго вопроса: одна изъ нихъ сдѣлана покойнымъ проф. Руд. Вирховымъ, другая—Белькомъ и третья—Вильке. О попыткѣ проф. Вирхова [2]) найти для рѣшенія этого вопроса нѣкоторые опорные пункты съ зоологической точки зрѣнія, на основаніи изученія изображенныхъ на закавказскихъ бронзовыхъ поясахъ животныхъ, дѣйствительныхъ и фантастическихъ, говорилось уже выше, при описаніи раскопокъ могилы № 36 (см. стр. 107), въ которой былъ найденъ бронзовый орнаментированный поясъ. Белькъ не одинъ разъ мѣнялъ свой взглядъ на вопросъ о принадлежности изслѣдованныхъ имъ могилъ тому или другому народу. Сначала онъ приписывалъ сооруженіе „каменныхъ ящиковъ“ предкамъ современныхъ армянъ, но затѣмъ отказался отъ этого мнѣнія, говоря, что обитателей „ящиковъ“ слѣдуетъ скорѣе всего искать въ жителяхъ древняго Ванскаго государства [3])—„in den Bewohnern des alten Van-Reiches, den Urartäern, bezw. pontischen Chaldäern, wie Hr. Dr. Lehmann und ich sie anfänglich genannt haben [4]), но позже авторъ отказался и отъ этого мнѣнія, найдя его ошибочнымъ (...„die von mir gehegte Vermuthung eines ursächlichen Zusammenhanges zwischen den Chaldern und der uns in den Gräberfunden von Kalakent entgegentretenden Cultur eine *irrige* war“) [5]) и оставивъ вопросъ открытымъ.

Вильке въ своихъ двухъ обширныхъ, снабженныхъ многочисленными иллюстраціями, работахъ [6]), подвергнувъ сравнительному изученію бронзовые

---

[1]) См. вышеуказанную мою статью о черепахъ изъ могильниковъ Осетіи.

[2]) *R. Virchow.* Ueber die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus. „Abhandl. der K. Preuss Akad. der Wissensch. zu Berlin“, 1895.

[3]) *W. Belck.* Archäologische Forschungen in Armenien. „Verhandlungen der Berl. Gesell. für Anthrop., Ethnol. und Urgeschichte“, 1893, S. 64.

[4]) По словамъ М. В. Никольскаго („Матеріалы по археологіи Кавказа“, вып. V, стр. 3), „попытка нѣмецкихъ изслѣдователей В. Белька и К. Лемана провести среди ученыхъ усвоенное ими названіе ванскаго народа *понтійскими халдеями* или *халдійцами* не увѣнчалась пока успѣхомъ, такъ какъ утвержденіе названныхъ ученыхъ, что этотъ народъ самъ называлъ себя *халдійцами*, имѣетъ довольно проблематическій характеръ“.

[5]) „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethn. u. Urgesch.“, 1893, S. 81.

[6]) *Wilke.* Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren Donauländern. „Zeitschr. f. Ethnol.“, 1904, H. I, S. 39—104; *онъ же*—Vorgeschichtliche Beziehungen zwischen Kaukasus und dem unteren Donausgebiete; ein Beitrag zum Arierproblem. „Mitteil. der Anthropol-Gesell. in Wien“, 1908, II. und III. Heft; см. также его недавнее изслѣдованіе: „Neolitische Keramik und Arierproblem“, въ „Archiv für Anthropologie“, 1909, Bd. VII (Neue Folge), H. 4.

Фот. П. Павлова.

предметы и глиняные сосуды, найденные въ предѣлахъ Кавказа и въ придунайской области, пришелъ къ заключенію о тѣсной культурной связи, существовавшей нѣкогда между этими двумя странами. Обѣ области, по его предположенію, почерпнули первоначально ихъ культуру изъ одного и того же источника, и именно преимущественно изъ микенской культуры. Но изъ сходства нѣкоторыхъ формъ въ микенской области и на Кавказѣ вовсе не слѣдуетъ, что мы должны признавать непосредственную зависимость послѣдняго отъ первой; накопившійся со времени изслѣдованій Байерна многочисленный и разнообразный матеріалъ показываетъ, что сходство, которое въ нѣкоторомъ отношеніи существуетъ между обѣими странами, нарушается многими чрезвычайно глубокими различіями. Допуская прямую связь между дунайскою и кавказскою культурною областью, Вильке задается вопросомъ, которая изъ обѣихъ культуръ была древнѣйшая, и умѣнье обрабатывать металлы пришло ли съ Кавказа или обратно. Большая часть предметовъ, общихъ обѣимъ культурнымъ областямъ, въ особенности фибулы и иглы, появляются на Кавказѣ, по автору, какъ готовые типы. Въ придунайскихъ странахъ, наоборотъ, мы часто встрѣчаемъ формы, которыя полностью напоминаютъ мастеровъ еще каменнаго вѣка, и фибула является здѣсь въ ея наипростѣйшемъ и самомъ примитивномъ видѣ. Въ еще большей степени встаетъ передъ нами пріоритетъ придунайской металлической культуры передъ кавказской въ употребленіи спиралей; время появленія послѣднихъ можетъ быть отнесено здѣсь безъ сомнѣнія къ до-металлической эпохѣ. Изъ орнаментовъ кавказской бронзовой культуры, которые въ средней и сѣверной Европѣ встрѣчались уже въ каменный вѣкъ, можно указать на крестъ (Hakenkreuz) и двойной завитокъ (Doppelvoluten); точно такъ же нѣкоторые геометрическіе мотивы, которые служили на Кавказѣ для украшенія различныхъ бронзовыхъ предметовъ, какъ, напр., „волчій зубъ“ (Wolfszahnornament) и др., мы находимъ въ большомъ количествѣ уже въ неолитической керамикѣ средней и сѣверной Европы. Наконецъ, можно указать еще на нѣкоторые предметы, какъ, напр., сѣкирообразныя привѣски, фигуры птицъ и др., которыя въ западныхъ странахъ и на сѣверѣ Европы встрѣчаются также въ каменномъ вѣкѣ, тогда какъ на Кавказѣ онѣ принадлежатъ бронзовому вѣку или концу неолитическаго періода. И на поставленный выше вопросъ о сравнительной древности кавказской и дунайской культуры Вильке отвѣчаетъ вопросомъ же, — можно ли въ виду приведенныхъ имъ фактовъ еще сомнѣваться, какая изъ обѣихъ культурныхъ областей древнѣйшая, какая изъ нихъ была дающей и какая получающей.

Дальнѣйшій важный вопросъ, на который авторъ пытается отвѣтить, это— когда произошло разсматриваемое культурное теченіе изъ придунайской страны или изъ сосѣднихъ областей на сѣверный склонъ Кавказа и затѣмъ черезъ хребетъ послѣдняго въ области Куры и Аракса. Сдѣлавъ оговорку, что параллели, проведенныя имъ между обѣими областями, касаются почти исключительно только формъ, относящихся къ древнѣйшимъ стадіямъ эпохи металловъ

и даже частью заходящихъ въ конецъ каменнаго вѣка, Вильке указываетъ, что напрасно мы ищемъ на Кавказѣ типичный венгерскій мечъ, первообразъ котораго представляютъ микенскіе мечи. Нигдѣ здѣсь мы не находимъ также полыхъ цельтовъ, которые встрѣчаются почти во всей Европѣ и Россіи до Сибири включительно и даже въ Японіи. Съ другой стороны, въ Венгріи и въ другихъ придунайскихъ странахъ не достаетъ типичныхъ украшеній, которыя такъ характерны для кавказской бронзовой культуры, напр., веслообразныхъ булавокъ (Rudernadeln), булавокъ-зеркалъ (Spiegelnadeln), поясовъ съ ихъ своеобразнымъ животнымъ орнаментомъ, замѣчательныхъ спиральныхъ височныхъ колецъ и пр. Такимъ образомъ, если Кавказъ получилъ свою металлическую культуру съ запада, то это должно было произойти въ очень ранній періодъ, когда металлическое искусство въ придунайскихъ странахъ не могло еще послѣ первыхъ шаговъ подняться слишкомъ высоко. Вслѣдствіе особыхъ политическихъ отношеній (на что указалъ уже раньше Вирховъ), создавшихся въ результатѣ вторженія чуждой расы скиѳо-алтайскихъ племенъ въ промежуточныя сѣв.-понтійскія области, связь между придунайскими странами и Кавказомъ на многія столѣтія затѣмъ была совершенно прервана, и только уже въ сравнительно позднѣйшіе періоды замѣчаются вновь нѣкоторыя сношенія между обѣими культурными странами, которыя подтверждаются и историческими свидѣтельствами. Благодаря этимъ торговымъ сношеніямъ, могли попасть на Кавказъ и даже далѣе въ Туркестанъ предметы галльштаттской эпохи и періода La-Tène.

Относительно направленія, какое взяло культурное теченіе отъ устья Дуная въ кавказскія страны, по мнѣнію Вильке, едва ли можетъ быть сомнѣніе. Это теченіе не дѣлало большого крюка черезъ Малую Азію, а направилось изъ своего исходнаго пункта приблизительно вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря на сѣверные склоны Большого Кавказа.

Наконецъ, Вильке задается еще однимъ вопросомъ: какъ послѣдовала эта культурная передача? Если не исключенъ ввозъ черезъ торговлю или постепенная и продолжительная передача изъ рукъ въ руки, то гораздо больше вѣроятія представляетъ допущеніе переноса культуры прикочевавшими на Кавказъ племенами. Происходи эта передача изъ рукъ въ руки или черезъ торговлю, то остается непонятнымъ, почему эти взаимныя отношенія не имѣли мѣста въ позднѣйшія культурныя эпохи, почему не нашли дорогу на Кавказъ венгерскіе мечи, полые цельты и пр. или отсюда обратно, на западъ, главнѣйшіе продукты кавказской металлической работы. Противъ постепеннаго ввоза на Кавказъ произведеній металлическаго искусства говоритъ особенно то обстоятельство, что техника во всѣхъ могильникахъ является въ высоко развитыхъ формахъ. Если бы искусство обработки металловъ было заимствовано отъ какого-либо уже осѣдлаго, еще относящагося къ каменному вѣку. населенія, то на кавказскихъ древностяхъ должно бы проявиться постепенное развитіе металлургической техники, начиная съ первоначальныхъ зачатковъ ея, и не всѣ могилы содержали бы въ себѣ столь многочисленные бронзовые предметы, а должны

бы были встрѣчаться и такія могилы, инвентарь которыхъ состоялъ бы исключительно или преимущественно изъ каменныхъ предметовъ, бронзовые же предметы либо совсѣмъ не встрѣчались бы, или же только въ единичныхъ случаяхъ [1]). Но до сихъ поръ нигдѣ на Кавказѣ не установлено съ опредѣленностью смѣшеніе каменныхъ и бронзовыхъ предметовъ. Даже не вполнѣ выяснено, пережилъ ли Кавказъ чистый бронзовый вѣкъ или же съ бронзой пришло уже и знаніе желѣза, которое вначалѣ было распространено очень скудно. Объяснить удовлетворительнымъ образомъ это внезапное и непосредственное появленіе уже развитой металлической культуры возможно, только допустивъ вторженіе уже знакомаго съ металлами народа.

Съ такимъ полученнымъ археологическимъ путемъ результатомъ вполнѣ согласуются считавшіяся многими изслѣдователями за миѳическія извѣстія древнихъ историковъ, въ особенности Геродота, о великомъ передвиженіи народовъ съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря въ Переднюю Азію. Греки во всякомъ случаѣ могли судить только о послѣднемъ фазисѣ этого великаго передвиженія народовъ, которое продолжалось многія столѣтія. Геродотъ представляетъ себѣ дѣло такимъ образомъ, что киммерійцы, тѣснимые скиѳами, двигаясь вдоль береговъ Чернаго моря, покоряютъ Синопъ (*Σινώπη*), около 700 г. до Р. Х., овладѣваютъ даже Сардами и въ то время, какъ преслѣдующіе ихъ скиѳы теряютъ слѣды ихъ на Кавказѣ, достигаютъ, наконецъ, Мидіи. Кромѣ этого, направлявшагося черезъ Кавказъ съ сѣвера на югъ, передвиженія киммерійцевъ, намъ повѣствуютъ еще о путяхъ киммерійцевъ черезъ Босфоръ,—путяхъ, которые въ настоящее время ставятъ въ связь съ вторженіемъ принадлежащихъ къ ѳрако-фригійскимъ ордамъ армянъ въ Анатолію.· Оба повѣствованія, впрочемъ, никоимъ образомъ не противорѣчатъ другъ другу, а позволяютъ, какъ мы увидимъ это позже, соединить ихъ между собою. Белькъ [2]) сдѣлалъ попытку фиксировать намъ, на основаніи ассирійскихъ и халдейскихъ надписей, какъ начало, такъ и конецъ этихъ киммерійскихъ передвиженій черезъ Кавказъ. Для конца онъ принимаетъ IX-ое столѣтіе до Р. Хр., тогда какъ первое появленіе киммерійцевъ въ Закавказьѣ онъ относитъ приблизительно къ 1150 г. Начиная съ начала XI в., на югѣ Малаго Кавказа происходятъ довольно сильныя передвиженія народовъ, которыя были вызваны, очевидно, новыми, направлявшимися въ Закавказье съ Бол. Кавказа и Куры, движеніями. Въ особенности изъ одного извѣстія Тиглатъ-Пилезара I (Tiglatpilesar I., около 1020 г.) явствуетъ, что мосхи около 1070 г. спустились изъ своихъ жилищъ въ горахъ и, покоривъ, заняли ассирійскія области Alzi и Purrukussu ,которыя слѣдуетъ искать въ верх-

---

[1]) Авторъ не принимаетъ во вниманіе перемѣнъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ народа, съ которыми тѣсно связаны различные способы погребенія. Народъ, оставившій намъ бронзовыя издѣлія, могъ пережить и каменный вѣкъ, и начало бронзоваго, но мы можемъ не находить слѣдовъ ни того, ни другого просто потому, что тогда могли существовать другіе погребальные обряды, при которыхъ покойниковъ совсѣмъ не снабжали никакими предметами, какъ это стали дѣлать впослѣдствіи, когда бронзовая культура достигла уже высокаго развитія.

[2]) „Verhandl. der Berl. Gesell. für Anthr., Ethnol. und Urgesch,,“ 1900, S. 45

немъ теченіи Западнаго Тигра, между нимъ и Евфратомъ. Понятно, что столь значительное и продолжительное вліяніе могло быть оказано только черезъ вторженіе и колонизацію очень большихъ массъ, для чего, благодаря громаднымъ трудностямъ, какія въ то время представлялъ переходъ черезъ Бол. Кавказъ, требовалось, конечно, очень много времени. Для странствованія киммерійцевъ отъ сѣвернаго берега Чернаго моря до того времени, какъ мосхи осѣли въ Мал. Кавказѣ, едва ли мы можемъ считать менѣе двухъ или трехъ столѣтій, такъ что выступленіе ихъ съ прежней родины послѣдовало приблизительно около 1400 г. до Р. Хр. и, можетъ быть, даже нѣсколько ранѣе. Это время соотвѣтствуетъ какъ разъ тому періоду, къ которому мы относимъ древнѣйшіе фазисы металлической культуры въ придунайскихъ странахъ. И въ хронологическомъ отношеніи между результатами историческаго и археологическаго изслѣдованія царитъ полное согласіе. Проф. Hampel въ своихъ „Neue Studien über die Kupferzeit“ указалъ на цѣлый рядъ близкихъ отношеній венгерскихъ бронзовыхъ издѣлій къ сибирскимъ, и эти отношенія едва ли можно объяснить иначе, какъ допустивъ, что уже въ древнѣйшую пору эпохи металловъ произошло вторженіе урало-алтайскихъ ордъ въ восточную Венгрію и Семиградье, гдѣ сибирскія находки встрѣчаются наиболѣе часто. Какія это были племена, сказать, конечно, нельзя, но останавливаетъ на себѣ вниманіе имя одного доисторическаго народа въ Семиградьѣ, знакомаго съ горнымъ дѣломъ, именно Agathyrser, которыхъ этнологи относятъ къ урало-алтайскимъ племенамъ. Археологическія изслѣдованія подтверждаются и историческими данными. По Геродоту (IV, 11), скиѳскія племена, которыя вызвали великія передвиженія киммерійцевъ, пришли не съ сѣв.-запада, а изъ Азіи, откуда они, тѣснимые жившими къ востоку и сѣв.-востоку массагетами, вторглись въ Европу черезъ Араксъ. Само собою разумѣется, что подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ понимать не ту текущую по южному Закавказью рѣку, которая такъ называется въ настоящее время, а Волгу (Rha). Если начало движенія киммерійцевъ падаетъ на конецъ XV стол., то *первое* появленіе азіатскихъ племенъ въ восточной Европѣ мы должны отнести ко времени, значительно болѣе раннему. Въ такомъ случаѣ мы отодвигаемся къ тому времени, которое соотвѣтствуетъ концу неолитическаго или самому началу бронзоваго вѣка. Поэтому представляется очень рискованнымъ приписывать ввозъ металлической культуры въ Европу именно этимъ азіатскимъ пришельцамъ, которые, будучи незначительны числомъ, появились сначала не какъ побѣдоносные завоеватели, а какъ мирные, тѣснимые на родинѣ и потому вынужденные покинуть ее, бѣглецы.

Если это предположеніе проф. Hampel'я и извѣстія Геродота и другихъ историковъ объ этихъ раннихъ передвиженіяхъ азіатскихъ племенъ правильны, то вторженіе арійцевъ какъ въ южную Европу, такъ и въ Мал. Азію объясняется самымъ простымъ и единственнымъ образомъ. Тѣснимые все въ большемъ числѣ надвигающимися сибирскими ордами, италики принуждены были отступать въ западномъ направленіи, на равнину По, а греки—къ югу черезъ Бал-

канскія горы, чтобы въ ихъ новыхъ областяхъ обитанія, на основѣ полученныхъ на прежней родинѣ, подъ финикійско-египетскимъ вліяніемъ, знаній развить ту высокую культуру, созданія которой и въ настоящее время вызываютъ въ насъ такое глубочайшее удивленіе. Киммерійскіе арійцы, обитавшіе между нижнимъ Дунаемъ и Крымомъ, не могли отъ все болѣе напиравшаго на нихъ давленія съ сѣвера податься прямо къ югу, а вынуждены были двинуться по обѣ стороны Чернаго моря. Племена, жившія болѣе западно, двинулись черезъ ѳракійскій Босфоръ въ Мал. Азію и при своемъ движеніи черезъ Балканскій полуостровъ увлекли съ собою жившія тамъ ѳракійскія, бригійскія и мизійскія племена. Отъ восточнаго отвѣтвленія, которое во всякомъ случаѣ перешло черезъ Киммерійскій Босфоръ и достигло Кубани, часть осталась въ узкихъ, трудно доступныхъ ущельяхъ Терека. Металлическое искусство, принесенное этою частью съ прежней родины и заимствованное нѣкогда отъ сосѣдей въ нижнедунайскихъ странахъ, продолжало развиваться здѣсь спокойно и (при незначительномъ чуждомъ вліяніи) далѣе тѣмъ своеобразнымъ образомъ, какой выказываютъ намъ находки въ Кобани и другихъ сѣв.-кавказскихъ станціяхъ. Главная же масса однако продолжала путь черезъ Кавказскій хребетъ на югъ. Какою дорогою при этомъ она воспользовалась—знаменитымъ ли уже въ древности Дарьяльскимъ ущельемъ или проходомъ, извѣстнымъ въ настоящее время подъ именемъ военно-осетинской дороги, сказать, конечно, нельзя; но съ достовѣрностью можно только утверждать, что путь ихъ не могъ идти по восточному берегу Чернаго моря, какъ это полагаетъ Геродотъ, такъ какъ круто обрывающіяся къ морю горы даже и теперь представляютъ абсолютное препятствіе для подобнаго передвиженія народовъ.

Отъ Куры движеніе направилось черезъ долину Акстафы (Рѣдкинъ лагерь и др. станціи), чтобы въ окрестностяхъ нынѣшняго Делижана раздѣлиться на двѣ вѣтви. Одна вѣтвь направилась черезъ теперешніе Александрополь и Карсъ въ западномъ направленіи и покорила около 700 г. Синопъ и значительную часть Мал. Азіи. Это—Gomer Библіи и Gimmiri или, какъ ихъ называетъ Rawlinsen, Tzimri ниневійскихъ надписей. Другая вѣтвь избрала южное направленіе и достигла, наконецъ, долины Аракса, который она перешла около нынѣшней Джульфы. До сихъ поръ доводятъ насъ послѣднія и, надо сказать, очень скудныя археологическія данныя объ этомъ движеніи. Далѣе слѣды послѣдняго потеряны, но, на основаніи изысканій Brunnhofer'а относительно географическихъ названій, дѣлается вѣроятнымъ предположеніе, что арійскія племена двинулись отъ Аракса къ южному берегу Каспійскаго моря и далѣе къ Инду. Этой вѣтви слѣдуетъ приписать основаніе Мидійскаго царства, которое появляется въ исторіи впервые въ IX в. и возникло на мѣстѣ древняго Anzan и Suri, какъ называлась страна у вавилонянъ. Изъ Индіи затѣмъ индо-германцы крѣпко осѣли въ лежавшемъ отъ нея къ югу и востоку Эламѣ, который, будучи ослабленъ многочисленными и ведшимися съ перемѣннымъ счастьемъ войнами съ вавилонянами и ассирійцами, былъ открытъ при Кіаксарѣ иранскому вторженію.

Здѣсь мы уже подходимъ къ началу исторіи арійскаго Персидскаго царства, которое послѣ низверженія Астіага его внукомъ Киромъ возникло на землѣ древняго Элама. При Кирѣ и его преемникахъ происходитъ объединеніе всѣхъ индо-германцевъ, пришедшихъ съ запада черезъ Босфоръ и съ сѣвера черезъ Кавказъ въ Малую и Переднюю Азію, въ одно могущественное государство, которое простирается отъ восточныхъ береговъ Средиземнаго моря до границъ легендарной Индіи.

Таковы соображенія д-ра Вильке относительно путей и способовъ распространенія на сѣверномъ и южномъ Кавказѣ бронзовой культуры. Эти соображенія базируются на предположеніи, что бронзовыя издѣлія занесены на Кавказъ киммерійцами, пришедшими сюда изъ придунайскихъ странъ и съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, иначе говоря, кавказская бронзовая культура и бронзовая культура придунайской области находятся между собою въ самомъ близкомъ родствѣ, принадлежа одному и тому же народу. Не со всѣми соображеніями и предположеніями д-ра Вильке можно согласиться. Прежде всего авторъ не приводитъ никакихъ данныхъ, которыя убѣждали бы насъ въ несомнѣнной принадлежности придунайскихъ бронзовыхъ издѣлій именно киммерійцамъ. Но если бы такія данныя и были у автора, то они не имѣли бы еще рѣшающаго значенія въ вопросѣ о принадлежности и кавказской бронзовой культуры также киммерійцамъ. Для доказательства физическаго родства народа, обитавшаго нѣкогда въ придунайской области и оказавшагося затѣмъ черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, по предположенію автора, на Кавказѣ, есть простой и вѣрный путь, это — изученіе, при помощи методовъ физической антропологіи, остеологическихъ и, главнымъ образомъ, краніологическихъ признаковъ разсматриваемаго народа. Но то, что сдѣлано въ этомъ отношеніи авторомъ, насъ не можетъ удовлетворить. Въ главѣ о „Rassenzugehörigkeit“ [1]) авторъ, ссылаясь, съ одной стороны, на изслѣдованія Вирхова, Пантюхова и мои вообще всѣхъ древнихъ ископаемыхъ кавказскихъ череповъ, а съ другой стороны—на изслѣдованія Вирхова, Лушана, Мюллера и др. вообще древнихъ (бронзоваго и даже каменнаго вѣка) ископаемыхъ череповъ Зап. Европы (включая самыя различныя ея части—Богемію, Померанію, Данію, Скандинавію), готовъ видѣть во всѣхъ этихъ черепахъ, взятыхъ изъ столь удаленныхъ другъ отъ друга мѣстностей и относящихся къ различнымъ эпохамъ, общее сходство только потому, что они являются преимущественно долихо-или мезоцефальными, „wie sie dem geläufigen arischen Typus entsprechen“. Но современная антропологія знаетъ, что сходство одного физическаго признака еще ровно ничего не доказываетъ; необходимо изучить совокупность по возможности всѣхъ признаковъ, а разъ авторомъ это не сдѣлано, онъ не въ правѣ указывать на физическое, кровное родство тѣхъ или другихъ народовъ. Не можемъ мы считать доказаннымъ родство придунайскаго и кавказскаго населенія и на основаніи сравнительнаго изученія объектовъ бронзовой

---

[1]) „Zeitschrift für Ethnologie“, 1904, H. I, S. 94.

культуры, по крайней мѣрѣ по методу, принятому д-ромъ Вильке. Если бы авторъ нарисовалъ намъ такую картину погребенія въ придунайскихъ странахъ, которая и по устройству могилы, и по способу положенія покойника, и по могильному инвентарю выказывала бы полное тождество съ картиной погребенія на Кавказѣ, да, такая картина могла бы имѣть большое значеніе для подтвержденія гипотезы автора. Она могла бы имѣть значеніе даже и тогда, когда не было бы полнаго тождества въ обѣихъ странахъ, а лишь извѣстное сходство; нѣкоторыя различія и отступленія можно было бы объяснять въ этомъ случаѣ мѣстными условіями, хронологической разницей погребенія и пр. Но авторъ въ своемъ изслѣдованіи ничего намъ не говоритъ ни объ устройствѣ могилъ, ни о способѣ погребенія, ни о могильномъ инвентарѣ того населенія придунайскихъ странъ, которое онъ сближаетъ съ кавказскимъ населеніемъ бронзовой эпохи, беря его къ тому же en masse и не дѣлая различія между отдѣльными мѣстностями и отдѣльными стадіями бронзовой культуры. Но, можетъ быть, сходство сравниваемыхъ объектовъ настолько разительно, что оно говоритъ само за себя и не оставляетъ мѣста какимъ-либо сомнѣніямъ относительно тождественности той и другой культуры и родства народовъ, обладавшихъ этой культурой? Ничего подобнаго. Изъ многочисленныхъ коллекцій предметовъ бронзовой эпохи, добытыхъ на Кавказѣ и въ придунайской области, д-ръ Вильке выбралъ нѣкоторые, очень немногочисленные, между которыми наблюдается разной степени сходство или въ формѣ, или въ орнаментѣ, или въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ деталяхъ, напр., въ знакахъ, принимаемыхъ авторомъ за символическіе. Авторъ привлекъ къ сравненіямъ очень незначительное число предметовъ, очевидно, только потому, что бо́льшаго онъ не могъ найти. На основаніи сравнительныхъ данныхъ автора мы можемъ говорить—самое бо́льшее—о сходствѣ нѣкоторыхъ немногихъ чертъ въ бронзовыхъ и гончарныхъ издѣліяхъ Кавказа и придунайской области, но никакъ не о сходствѣ самихъ издѣлій и, слѣдовательно, обѣихъ культуръ и тѣмъ менѣе о родствѣ обладателей этихъ культуръ. Поэтому положеніе д-ра Вильке, что бронзовая культура Кавказа и культура придунайскихъ странъ близко родственны между собою и что въ носителяхъ этой культуры можно видѣть киммерійцевъ, нельзя считать, несмотря на рядъ остроумныхъ догадокъ автора, въ достаточной степени обоснованнымъ и доказаннымъ.

Я далекъ отъ мысли приписывать своимъ изслѣдованіямъ рѣшающее значеніе въ трудномъ вопросѣ о народѣ, останки котораго вмѣстѣ съ разнообразными бронзовыми издѣліями мы встрѣчаемъ въ закавказскихъ „каменныхъ ящикахъ". Но я не могу не напомнить о фактѣ, который я отмѣтилъ уже выше (стр. 44 – 45), именно о фактѣ нахожденія, при раскопкахъ города около Ташбуруна, пяти обломковъ глиняныхъ сосудовъ (см. рис. 28), форма и матеріалъ которыхъ указывали на полное сходство ихъ съ сосудами, найденными при раскопкахъ „каменныхъ ящиковъ". Если бы у насъ были доказательства того, что эти обломки сосудовъ принадлежали народу, построившему разрытый нами городъ

и жившему въ немъ, мы въ правѣ были бы утверждать, что и въ „каменныхъ ящикахъ“ похоронены представители того же народа. Какъ ни заманчиво желаніе поставить въ связь „каменные ящики“ съ городомъ (а, слѣдовательно, и съ крѣпостями, и съ клинообразными надписями),—связь, которая пролила бы столько новаго и яркаго свѣта на эпоху ванскихъ царей, но этому желанію необходимо противопоставить ограниченность матеріала, указывающаго на эту связь, и невозможность доказать, что обломки сосудовъ не попали въ развалины города какимъ-либо случайнымъ образомъ. Белькъ, приписавшій вначалѣ закавказскія бронзовыя издѣлія урартійцамъ, впослѣдствіи отказался однако, какъ я уже выше упоминалъ, отъ этого мнѣнія. Какъ на причину, заставившую автора признать послѣднее ошибочнымъ, Белькъ указываетъ на малый районъ географическаго распространенія „каменныхъ ящиковъ“ по сравненію съ райономъ географическаго распространенія извѣстныхъ памятниковъ (крѣпостей и клинообразныхъ надписей) эпохи ванскихъ царей. Но не слѣдуетъ забывать, что изслѣдованіе „каменныхъ ящиковъ“, можно сказать, только-что началось, и нѣтъ сомнѣнія, что границы ихъ географическаго распространенія, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, будутъ расширяться; можно, напр., предполагать о существованіи „каменныхъ ящиковъ“ и въ Бакинской губерніи, случайно найденные сосуды въ которой (въ Джаватскомъ уѣздѣ) выказываютъ полную аналогію съ сосудами, находимыми въ „каменныхъ ящикахъ“ [1]). При вопросѣ о географическомъ распредѣленіи послѣднихъ нельзя опускать изъ вида и того обстоятельства (на которое уже было мною указано), что „каменные ящики“ могутъ быть занесены землей и скрыты подъ ней. Мы не знаемъ далѣе, какъ поступали въ тѣхъ случаяхъ, когда матеріалъ для устройства „каменныхъ ящиковъ“ находился слишкомъ далеко, и привозъ его былъ очень затрудненъ. У насъ нѣтъ, наконецъ, никакихъ свѣдѣній и о томъ, примѣнялось ли погребеніе въ „каменныхъ ящикахъ“ только въ мирное время и не замѣнялось ли оно какимъ-либо другимъ во время войнъ, когда устройство „ящиковъ“ едва ли представлялось возможнымъ. Вообще границы географическаго распространенія „каменныхъ ящиковъ“, далеко еще не установленныя, не должны, по моему мнѣнію, имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ о связи „каменныхъ ящиковъ“ съ эпохой ванскихъ царей. Будемъ надѣяться, что будущимъ изслѣдователямъ закавказской бронзовой культуры, при бо́льшемъ накопленіи матеріала, удастся опредѣленно отвѣтить на рядъ вопросовъ, связанныхъ съ этой культурой, и точнѣе, чѣмъ могли мы, выяснить ея происхожденіе и принадлежность ея тому или другому народу.

---

[1]) *Rosler*. Archäologische Funde in Transkaukasien. „Verhandl. der Berl. Gesell. für Anthr., Ethnol. u. Urgesch.“, 1897, S. 209.

Фот. П. Павлова.

ОБЪЯСНЕНІЕ ФОТОТИПІИ.

I.

1. Бронзовый мечъ, длиною 62 сант. (могила 26).
2. Бронзовый поясъ съ сложнымъ орнаментомъ на немъ, въ составъ котораго входятъ фантастическія животныя (могила 36).
3. Большой бронзовый мечъ, длиною 70 сант. (могила 61).

II.

1. Бронзовый браслетъ съ раздвигающимися концами и съ рубчатою поверхностью, найденъ въ могилѣ 28; того же типа найдены въ могилахъ 10, 55, 60 (2 экз. съ замкнутыми концами) и 69 (2 экз.).
2. Бронзовый литой браслетъ съ сплющенными и не совсѣмъ плотно сходящимися между собою концами—въ мог. 38; того же типа въ мог. 79.
3. Гладкій бронзовый браслетъ—мог. 48; того же типа въ мог. 51 и 81.
4. Массивный бронзовый браслетъ, съ глубокими поперечными на немъ рубцами,—могила 49; того же типа въ мог. 12 (2 экз.), 14 и 74.
5. Массивный литой бронзовый браслетъ, съ глубокими рубцами на его поверхности,—мог. 7; того же типа въ мог. 66, 77, 78 и 91 (2 экз.).
6. Бронзовый браслетъ съ рубчатою внѣшнею поверхностью—2 экз. въ мог. 60; того же типа въ мог. 21 и 81.
7. Бронзовый браслетъ съ разъединенными концами, украшенными, кромѣ насѣчекъ, еще какимъ-то трудно различимымъ орнаментомъ,—мог. 48; того же типа въ мог. 2 и 60.
8. Большой бронзовый браслетъ, два экземпляра котораго добыты въ мог. 6; того же типа 2 экз. въ мог. 21.
9. Бронзовое кольцо—мог. 87.
10. Бронзовый браслетъ съ трудно различимымъ по немъ орнаментомъ—мог. 21; того же типа въ мог. 11 и 52.
11. Бронзовый шейный обручъ съ слегка рубчатою поверхностью—мог. 44.
12. Рубчатый браслетъ изъ бронзы, съ заходящими другъ на друга концами,—2 экз. въ мог. 49: того же типа въ мог. 10, 11, 12 (2 экз.) и 35.
13. Бронзовое кольцо—мог. 23; того же типа въ мог. 2.
14. Бронзовое кольцо съ заходящими другъ на друга концами—мог. 47; того же типа въ мог. 12 (2 экз.), 44 (2 экз.) и 55 (2 экз.).

III.

1. Бронзовый кинжалъ—мог. 57; того же типа въ мог. 8 и 82.
2. То же—мог. 68; того же типа въ мог. 17.
3. То же—мог. 36; такого же типа въ мог. 3 (2 экз.), 4, 48 и 87 (3 экз.).
4. То же—мог. 35; такого же типа въ мог. 7, 74 и 84.
5. То же—мог. 73; такого же типа въ мог. 76.
6. То же—мог. 70; такого же типа въ мог. 79, 87 и 91.
7. Бронзовая, пронизанная трехугольными отверстіями, шишечка отъ ручки кинжала—мог. 65.

8. Шишечка отъ рукоятки кинжала типа № 4 этой таблицы, найденнаго въ мог. 74.
9. Бронзовый кинжалъ—мог. 33; точно такой же въ мог. 6, 77, 78 и 91.
10. То же—мог. 72; таго же типа въ мог. 86.
11. То же—мог. 45; того же типа въ мог. 8 и 75.
12. То же—мог. 51; того же типа въ мог. 1, 10, 81, 83 и 87.
13. То же—мог. 42.

IV.

1. Бронзовый набалдашникъ (?), съ маленькими круглыми отверстіями, идущими какъ вдоль, такъ и по краямъ, и съ тѣми трехугольными вырѣзками, которыя такъ характерны для бронзовыхъ предметовъ, находимыхъ въ закавказскихъ „каменныхъ ящикахъ",—мог. 70; того же типа въ мог. 75.
2. Бронзовый набалдашникъ (?), длиною 44 мм., съ круглыми дырочками по краямъ открытаго конца его,—мог. 3.
3. То же, длиною 70 мм.,—мог. 33.
4. Кинжалъ-наконечникъ копья—мог. 56.
5. Бронзовый наконечникъ копья—мог. 22.
6. Бронзовый кельтъ—мог. 56.
7. Предметъ неизвѣстнаго назначенія—мог. 33.
8. Бронзовые щипчики—мог. 33; того же типа въ мог. 51 и 73.
9. Бронзовые щипцы (или пинцетъ), перехваченные продолговатымъ бронзовымъ колечкомъ,—мог. 10; того же типа въ мог. 62 и 77.
10. Бронзовый предметъ съ пятью зубьями неизвѣстнаго назначенія—мог. 60.
11. Массивный бронзовый браслетъ съ укрѣпленнымъ между концами сердоликовымъ шарикомъ—мог. 18 (2 экз.); такого же типа въ мог. 37.
12. Толстое бронзовое кольцо, найденное вмѣстѣ съ № 14 этой таблицы въ мог. 37.
13. Гладкій массивный браслетъ—мог. 28 (2 экз.); того же типа въ мог. 75.
14. Толстое бронзовое кольцо, найденное вмѣстѣ съ № 12 этой таблицы въ мог. 37.

V.

Всѣ предметы, снимки съ которыхъ помѣщены на этой таблицѣ,—желѣзные.
1. Длинный наконечникъ копья—мог. 42.
2. Листовидное копье—мог. 42.
3. То же—мог. 81.
4. Наконечникъ копья (пики)—мог. 62.
5. Наконечникъ копья—мог. 84.
6. То же—мог. 79.
7. Наконечникъ пики мог. 81.
8. Длинный и узкій ножъ, съ короткой рукояткой и сохранившимися въ отверстіяхъ ея четырьмя небольшими гвоздиками,—мог. 67.
9. Предметъ, напоминающій своей формой современныя отвертки,—мог. 79.
10. Маленькій ножъ—мог. 42.
11. То же—мог. 81.
12. Предметъ неизвѣстнаго назначенія—мог. 84.
13. Листовидная стрѣла—мог. 42.

VI.

1—2. Двѣ бронзовыя фигуры животныхъ (горныхъ козловъ), найденныя въ мог. 54.
3. Круглая, тонкая бронзовая пластинка (зеркальце?) съ выемкой на одномъ мѣстѣ и двумя круглыми отверстіями по сторонамъ этой выемки—мог. 43.
4. Обломокъ какого-то предмета изъ сурьмы—мог. 12.
5. Четырехугольная пластинка изъ сурьмы, съ ∞—образнымъ выпуклымъ знакомъ на одной сторонѣ и тремя сквозными, идущими въ поперечномъ направленіи, отверстіями; 3 экз. найдены въ мог. 38 и 5 экз. въ мог. 87, причемъ на двухъ изъ послѣднихъ—∞—образные знаки, а не трехъ—знаки, похожіе на W или \\\\.
6. Обломокъ какого-то предмета изъ сурьмы—мог. 12.

7—8. Привѣски изъ сурьмы съ изображенными на одной сторонѣ ихъ животными, повидимому, горными козлами; 6 экз. найдены въ мог. 12 и 1 экз.—въ мог. 28.
9. Бляха изъ сурьмы съ сложнымъ орнаментомъ на одной сторонѣ—мог. 28.
10. То же—мог. 69.
11—12. Бронзовыя привѣски—мог. 66.

VII.

1. Бронзовый ножъ—мог. 29; того же типа въ мог. 6 и 14.
2. Каменный оселокъ (?)—мог. 33.
3. Длинный витой бронзовый стержень, снабженный на обоихъ концахъ загнутыми въ кольцо петлями; на одномъ концѣ петля захватываетъ собою значительныхъ размѣровъ бронзовое кольцо; предметъ этотъ, вмѣстѣ съ № 6 этой таблицы, служилъ, повидимому, принадлежностью удилъ,—мог. 56.
4. Гладкій брозовый браслетъ—мог. 52; того же типа въ мог. 8.
5. Ромбоидальная бронзовая пластинка съ ушкомъ на одномъ углу; такихъ въ могилѣ 21-ой найдено 28 штукъ.
6. См. № 3 этой таблицы.
7. Каменная привѣска (оселокъ?)—мог. 57; того же типа въ мог. 75.
8. Бронзовый ножъ—мог. 61; того же типа въ мог. 73
9. Бронзовая бляха съ слабо выпуклою поверхностью—мог. 56; того же типа въ мог. 78.
10. Бронзовое кольцо съ зигзаго-извивающейся внутри проволокой, конецъ которой спиралеобразно загнутъ въ кольцо; по два экземпляра такихъ колецъ найдено въ мог. 12, 36, 52 и 60 (въ послѣднемъ случаѣ меньшихъ размѣровъ).
11-14. Стрѣлки изъ свѣтло-дымчатаго обсидіана; такихъ стрѣлокъ найдено: 5 экз.—въ 17 мог., 7 экз.—въ 26 мог., 8 экз.—въ мог. 33, 3 экз.—въ мог. 66, 4 экз.—въ мог. 70, 6 экз.—въ мог. 74, 15 экз.—въ мог. 78, 6 экз.—въ мог. 82, 6 экз.—въ мог. 86 и 5 экз.—въ мог. 88.
15. Бронзовый кинжалъ—мог. 66; того же типа въ мог. 23 и 88.
16. Каменный амулетъ (?)—мог. 33.
17. То же—мог. 49; того же типа въ мог. 82.

VIII.

1. Круглая, тонкая бронзовая пластинка, съ выпуклою поверхностью на одной сторонѣ и вогнутою на другой; 4 экз. такихъ найдено въ мог. 26.
2. То же, но меньшихъ размѣровъ—8 экз. въ мог. 26.
3. Бронзовая тонкая лента, бывшая, повидимому, принадлежностью головнаго убора,—мог. 22; остатки подобной же ленты найдено въ мог. 26 и 33.
4. См. № 1 этой таблицы.
5. См. № 2 этой таблицы.
6—7. Тоненькія трубочки, образованныя спиралеобразно изогнутыми бронзовыми проволоками,—мог. 26; такія же (9 экз.)—въ мог. 87.
8. Маленькое плоское бронзовое колечко—мог. 22 (9 экз.).
9. Маленькое бронзовое колечко—6 экз. въ мог. 49 и очень много въ мог. 81.
10-11. Двѣ пуговицы изъ сурьмы—мог. 14; того же типа въ мог. 87 (9 экз.).
12—13. Бронзовыя, средней величины, пуговицы съ поперечной перекладиной на внутренней вогнутой поверхности—мог. 48 (4 экз.); такихъ же 4 экз. въ мог. 66, 18 экз.—въ мог. 81 и 8 экз.—въ мог. 84.
14—17. Маленькія бронзовыя пуговицы, служившія, повидимому, не для застегиванія, а для украшенія,—мог. 14 (болѣе 50 экз.); такія же найдены въ мог. 15 (23 экз.), 23 (болѣе 20 экз.), 26 (около 20 экз.), 33 (болѣе 100 экз.), 48 (37 экз.), 61 (до 80 экз.), 66 (экз. 50), 81 (оч. много) и 87 (много).
18. Бронзовый кругъ—мог. 26 (2 экз.); того же типа въ мог. 61
19. Кольцо изъ какого-то темно-сѣраго камня, круглое внутри и 8-гранное снаружи, съ пронизывающими его въ продольномъ направленіи тремя, рядомъ лежащими, отверстіями,—мог. 49 (3 экз.).
20—21. Просверленныя вдоль раковины—мог. 33 (13 экз.); того же типа въ мог. 11, 17, 23 и 70.
22—23. Остатки какого-то бронзоваго предмета—мог. 22.

24. Обломокъ бронзоваго пояса, съ витымъ орнаментомъ, идущимъ по краямъ и по срединѣ его, и съ круглымъ отверстіемъ на закругленномъ концѣ пояса—мог. 43.
25. Бронзовая пуговица средней величины—мог. 56 (6 экз.)
26. Большая бронзовая пуговица—мог. 33 (4 экз.).
27. Бронзовая стрѣлка—мог. 62.
28. Обломокъ какого-то бронзоваго предмета—мог. 30.
29. Разломанный на три части бронзовый ножъ, на поверхности котораго замѣтны слѣды ноженъ,—мог. 57; того же типа въ мог. 78 и 86.
30—31. Бронзовыя Х-образныя пластинки съ круглыми отверстіями въ каждомъ изъ четырехъ концовъ и съ сохранившимися въ нѣкоторыхъ изъ нихъ маленькими гвоздиками для прикрѣпленія пластинокъ—мог. 61.
32. Бронзовая стрѣлка—мог. 62.
33. Бронзовый крючекъ, съ отверстіемъ въ немъ ближе къ острому концу и двумя петлями въ этомъ отверстіи,—мог. 43.
34. Бронзовая стрѣлка—мог. 70 (2 экз.).
35. Бронзовая трехперая, со втулкою, стрѣлка—мог. 48 (5 экз.).
36. То же, побольше,—мог. 48 (3 экз.).

IX.

1. Бронзовые ромбоидальные предметы—мог. 61 (2 экз.).
2. Бронзовое колечко съ гладкою внутреннею поверхностью и съ замѣтными гранями на внѣшней—мог. 66.
3. Височное кольцо съ привѣской къ нему—мог. 15; того же типа, только безъ привѣски, въ мог. 11, 21 (2 экз.), 55 (2 экз.), 69 (2 экз.) и 87 (5 экз.).
4. Бронзовый предметъ неизвѣстнаго назначенія—мог. 12: такой же въ мог. 87.
5. Бронзовый кругъ съ вогнутой одной стороной и выпуклой другой и съ шишечкой по срединѣ послѣдней—мог. 33.
6. Бронзовый предметъ неизвѣстнаго назначенія—мог. 87.
7. Бронзовое четырехгранное шило—мог. 29; того же типа въ мог. 72, 76 и 86.
8. Обломокъ тонкой и узкой, зигзагообразно сложенной, бронзовой пластинки—мог. 15.
9. Бронзовая игла—мог. 21; того же типа въ мог. 3, 8, 44, 49, 55, 73 и 79.
10. Бронзовое четырехгранное шило—мог. 62; того же типа въ мог. 81.
11. Бронзовая игла или булавка съ загнутымъ въ колечко однимъ концомъ—мог. 12; того же типа въ мог. 29 и 67.
12. Бронзовая привѣска, найденная (въ 2 экз.) на височныхъ кольцахъ типа № 3 этой таблицы,—мог. 21.
13. Часть бронзоваго височнаго кольца съ привѣской къ нему—мог. 15.
14. Бронзовая фигурка птицы—мог. 87.
15. То же—мог. 52.
16. То же—мог. 21 (2 экз.).
17. Те же—мог. 44 (2 экз.).
18. То же—мог. 87.

X.

1. Амфорообразный сосудъ изъ темно-бурой глины, съ небольшимъ выступомъ у верхняго края,—мог. 26; того же типа въ мог. 38.
2. Сосуды изъ черной глины амфорообразной формы—мог. 14; того же типа въ мог. 11 и 91
3. Амфорообразный сосудъ изъ черной глины съ двумя ручками-петлями и съ небольшимъ выступомъ (прилѣпкой) между ними—мог. 18; того же типа въ мог. 76.
4. Амфорообразный сосудъ изъ черной глины съ трехугольнымъ выступомъ на одной сторонѣ—мог. 21 и 66.
5. Сосудъ взятъ изъ мог. 36.
6. Кувшинъ—мог. 9; того же типа въ мог. 14, 26 и 66.
7. То же—мог. 6; того же типа въ мог. 11 (2 экз.) и 69.
8. Сосудъ—мог. 26: того же типа въ мог. 6 (2 экз.) 14, 74 и 75.
9. Кувшинъ съ отбитымъ верхомъ—мог. 69.
10. Сосудъ съ узкимъ горломъ—мог. 68.

11. Сосудъ изъ черной глины съ двумя боковыми петлями для подвѣшиванія—мог. 42.
12. Кувшинъ съ узкимъ горломъ—мог. 56; того же типа въ мог. 9.
13. Сосудъ добытъ въ мог. 52; того же типа въ мог. 6 и 9.
14. Кувшинъ изъ черной глины—мог. 21; того же типа въ мог. 73.
15. Большой кувшинъ изъ черной глины—мог. 18; того же типа въ мог. 26, 56, 74 и 76.
16. Кувшинъ изъ черной глины—мог. 55; того же типа въ мог. 33, 42 и 91.
17. Пузатый кувшинъ изъ черной глины, съ большою ручкою и съ тремя сосочками по сторонамъ, орнаментированный кругомъ слегка углубляющимися продольными линіями,—мог. 60; того же типа въ мог. 91.
18. Небольшой кувшинъ, орнаментированный неглубокими продольными желобообразными полосками,—мог. 91.
19. Кувшинъ изъ красной глины—мог. 60; того же типа въ мог. 75.
20. Сосудъ изъ красной глины, шарообразной формы,—мог. 69; того же типа въ мог. 73.
21. Пузатый кувшинъ изъ красной глины—мог. 49.
22. Кувшинъ изъ темно-бурой глины, съ большой ручкой, пронизанной по краямъ двумя сквозными отверстіями,—мог. 52; того же типа въ мог. 44.

XI.

1. Маленькій круглый сосудъ изъ сѣрой глины, нѣсколько суживающійся кверху, съ полушарообразнымъ углубленіемъ наверху, очень грубой работы,—мог. 38.
2. Хорошо выточенный каменный сосудъ—мог. 56.
3. Каменный сосудъ—мог. 55; того же типа въ мог. 6 и 11.
4. Небольшой бронзовый сосудъ—мог. 69.
5. Низкій и широкій каменный кувшинъ—мог. 69; того же типа въ мог. 74 и 91.
6. Сосудъ изъ черной глины—мог. 56.
7. Чашка изъ черной глины—мог. 66; того же типа въ мог. 2 и 69.
8. Сосудъ найденъ въ мог. 51.
9. Небольшой сосудъ.
10. Сосудъ изъ черной глины, довольно грубой формовки, съ двухлинейнымъ зигзагообразнымъ орнаментомъ—мог. 44.
11. Небольшая глиняная чашечка—мог. 21; такого же типа въ мог. 28, 44 и 66.
12. Глиняный сосудъ—мог. 91; того же типа въ мог. 6.
13. Сосудъ изъ черной глины—мог. 47; того же типа въ мог. 18.
14. Сосудъ, найденный въ 2 экз. въ мог. 9; такого же типа въ мог. 28, 38, 69 и 74.
15. Каменный сосудъ съ каменной куполообразной крышкой и съ просверленными двумя ушками какъ въ крышкѣ, такъ и въ самомъ сосудѣ,—мог. 44; того же типа въ мог. 21, 66, 75 и 91.
16. Небольшой кувшинъ съ орнаментомъ въ видѣ трехугольниковъ—мог. 21.
17. Прекрасно сдѣланная голова коровы или быка—мог. 66.
18. Сосудъ изъ черной глины, четырехугольной формы, суживающійся книзу и оканчивающійся здѣсь четырьмя низкими и широкими ножками, съ орнаментомъ изъ грубо проведенныхъ сверху внизъ полосъ,—мог. 28.
19. Глиняный сосудъ—мог. 12.
20. Сосудъ съ большими двумя ушками по сторонамъ и круглыми отверстіями въ нихъ—мог. 60; того же типа въ мог. 21.
21. Сосудъ изъ черной глины, на трехъ круглыхъ, немного суживающихся книзу, ножкахъ, съ шарообразнымъ корпусомъ, съ большою по размѣрамъ сосуда ручкою и многочисленными сквозными маленькими отверстіями, которыми пронизанъ корпусъ сосуда,—мог. 38.
22. Сосудъ изъ черной глины—мог. 91.
23. Сосудъ изъ красной глины—мог. 66; того же типа въ мог. 21 и 75.
24. Каменный сосудъ—мог. 55.

XII.

1. Кувшинъ изъ красной глины съ отбитымъ горломъ—мог. 56; того же типа въ мог. 21.
2. Сосудъ изъ красной глины—мог. 91; того же типа въ мог. 26.

3. Ступка изъ туфа съ углубленіемъ въ видѣ полушара и небольшой пестикъ при ней—мог. 87.
4. Глубокая глиняная тарелка—мог. 49; того же типа въ мог. 18, 26, 33, 44 и 66.
5. Кувшинъ изъ красной глины—мог. 91; того же типа въ мог. 66.
6. Сосудъ изъ красной глины – мог. 91.
7. Чашка изъ черной глины, съ очень толстыми стѣнками, на трехъ толстыхъ, грубо вылѣпленныхъ, ножкахъ—мог. 28.
8. Сосудъ изъ черной глины –мог. 47; того же типа въ мог. 11 (2 экз.) и 56.
9. Прекрасной работы ваза изъ голубовато-сѣраго камня; неглубокая чаша вазы покоится на хорошо обточенной и украшенной спиралеобразнымъ орнаментомъ ножкѣ; наружные края ея орнаментированы сплошнымъ рядомъ небольшихъ трехугольниковъ, обращенныхъ своими вершинами внизъ и имѣющихъ каждый внутри себя еще по два, входящихъ другъ въ друга трехугольника; на двухъ противоположныхъ сторонахъ вазы, недалеко отъ края, имѣются сѣдлообразныя ручки съ сквознымъ продольнымъ отверстіемъ въ каждой изъ нихъ—мог. 44.
10. Чашка изъ черной глины—мог. 21.
11. Глиняный сосудъ—мог. 11: того же типа въ мог. 14, 21, 28, 36, 38, 66, 69 и 73.
12. Горшокъ изъ черной глины—мог. 38; того же типа въ мог. 6 (2 экз.), 11 (2 экз.), 18, 66, 73 и 77.
13. Глиняный сосудъ—мог. 11; того же типа въ мог. 36, 38, 56, 77 и 91.
14. Большой глиняный сосудъ – мог. 21; того же типа въ мог. 2, 33, 42, 68, 74 и 91.
15. Сосудъ изъ черной глины—мог. 36; того же типа въ мог. 88.
16. Сосудъ изъ черной глины—мог. 52; того же типа въ мог. 6, 11, 14, 21 и 77.

XIII.

1. Тарелка изъ черной глины, орнаментированная на внѣшней поверхности семью трехугольниками съ пересѣкающимися внутри ихъ нѣсколькими прямыми линіями,—мог. 28.
2. Небольшая чашка изъ черной глины, орнаментированная сѣтчатыми трехугольниками,—мог. 38; того же типа въ мог. 76.
3. Чашка изъ черной глины—мог. 76.
4. Небольшая чашка изъ черной глины—мог. 60.
5. Чашка изъ черной глины – мог. 49.
6. Чашка изъ черной глины—мог. 74.
7. Обломокъ сосуда изъ черной глины съ орнаментомъ—мог. 55.
8. Обломокъ сосуда, орнаментированный по краю линіею изъ точекъ и прилегающими къ ней трехугольниками съ параллельными въ нихъ линіями,—мог. 12.
9 Орнаментированный обломокъ сосуда—мог. 3.
10. Половина чаши изъ черной глины—мог. 57.
11. Тарелка изъ черной глины—мог. 55.
12. Небольшая орнаментированная чашка изъ черной глины—мог. 91.
13. Половина чашки изъ черной глины съ орнаментомъ—мог. 27.
14. Обломокъ глиняного сосуда съ орнаментомъ въ видѣ неправильной, змѣеобразно извивающейся линіи,—мог. 12.
15. Кувшинъ изъ черной глины съ орнаментомъ „Hakenkreuz"--мог. 49.
16. Небольшое блюдце изъ черной глины – мог. 38.
17. Обломокъ сосуда изъ красной глины, орнаментированный мелкою штриховкою, съ выпуклостью на немъ въ формѣ ножницъ или щипцовъ,—мог. 28.
18. Ручка отъ сосуда, похожая en face на морду верблюда,—мог. 28.
19. Обломокъ, по своей формѣ напоминающій человѣческую ногу и служившій, повидимому, ручкою сосуда.—мог. 48.
20. Сѣдлообразная глиняная ручка съ двумя отверстіями по концамъ – мог. 48.
21. Ручка изъ красной глины, поверхность которой и прилегающихъ къ ней частей истыкана многочисленными точками,—мог. 48.

XIV.

1. Чашка изъ черной глины, орнаментированная по верхнему наружному краю двумя зигзагообразными, пересѣкающимися между собою линіями, ниже которыхъ вся боковая поверхность занята стилизованными изображеніями животныхъ,—мог. 83.

2. Обломокъ сосуда изъ черной глины съ орнаментомъ типа меандръ—мог. 55; того же типа въ мог. 7.
3. Чашка изъ черной глины, орнаментированная изображеніями какихъ-то животныхъ, короткіе хвосты которыхъ загнуты въ сторону головы,—мог. 91.
4. Обломокъ съ орнаментомъ типа меандръ—22 мог.; того же типа въ мог. 14.
5. То же—мог. 37; того же типа въ мог. 7.
6. Обломокъ сосуда съ грубымъ изображеніемъ животнаго—мог. 61; того же типа въ мог. 14.
7. Обломокъ сосуда изъ черной глины съ орнаментомъ типа меандръ—мог. 55.
8. То же—мог. 23.
9. Небольшая чашечка изъ черной глины—мог. 78.
10. Обломокъ сосуда съ орнаментомъ типа меандръ (à la grecque)—мог. 1.
11. Обломокъ съ орнаментомъ меандръ—мог. 65; того же типа въ мог. 7.
12. Обломокъ сосуда, орнаментированный двойными рядами зигзагообразно изломанныхъ линій (между которыми идетъ рядъ точекъ), образующихъ въ свою очередь рядъ четырехугольниковъ, въ центрѣ каждаго изъ которыхъ имѣется еще по одному маленькому четырехугольнику съ вкрапленными въ немъ точками,—мог. 3; того же типа въ мог. 14.
13. Обломокъ изъ черной глины съ частью изображеннаго на немъ какого-то животнаго — мог. 26.
14. Обломокъ сосуда изъ черной глины, орнаментированный по краю линіей изъ точекъ съ прилегающими къ ней треугольниками и съ параллельными линіями внутри послѣднихъ,—мог. 17.
15. Обломокъ сосуда съ орнаментомъ т.-наз. „волчій зубъ" (Wolfszahnornament)—мог. 70.
16. Обломокъ съ орнаментомъ типа меандръ—мог. 22.
17–18. То же—мог. 30.
19. Обломокъ сосуда съ изображеніями животныхъ—мог. 81.
20. Обломокъ съ орнаментомъ въ видѣ двухъ параллельныхъ линій и двухъ зигзагообразныхъ линій внутри ихъ.

XV.

Всѣ вещи, изображенныя на этой таблицѣ, найдены въ курганѣ № 91.

1—2. Бронзовыя булавы.
3. Предметъ эллипсоидной формы, въ серединѣ изъ слоновой кости (?), украшенный по краямъ перламутровыми треугольниками, съ бронзовымъ гвоздемъ по срединѣ, верхъ шляпки котораго изъ накладнаго золота (4 экз.).
4—5. Два предмета такой же формы, только меньше.
6—7. Два (верхъ и низъ) круглыхъ, изъ слоновой кости (?), предмета.
8—9. Двѣ (верхъ и низъ) пуговицы изъ слоновой кости (?) (4 экз.).
10. Обратная сторона такого же предмета, какой изображенъ на рис. 6 табл. XVI.
11. Кольцо изъ кости.
12. Круглая пластинка изъ кости.
13–16. Костяныя принадлежности стрѣлъ.
17. Предметъ изъ кости неизвѣстнаго назначенія.
18. Часть продолговатой пластинки изъ кости.
19. Пластинка изъ кости съ нѣсколькими вогнутыми верхнею и боковою поверхностями.
20. Длинная, пронизанная многочисленными круглыми отверстіями, пластинка изъ кости.
21. Продолговатый предметъ изъ кости неизвѣстнаго назначенія.
22. Продолговатый, круглый въ поперечномъ разрѣзѣ, предметъ изъ кости.
23. Заостренная кость (шило?).
24. Маленькая заостренная кость (также шило?).
25—26. Костяные рогообразные предметы (5 экз.).
27—28. Бронзовыя стрѣлы (12 экз.).
29. Бронзовая стрѣла (2 экз.).
30—31. Стрѣлы изъ обсидіана (17 экз.).
32. Стрѣла изъ яшмы (2 экз.); того же типа 5 экз. въ мог. 61 и 4 экз. въ мог. 68.
33. Стрѣла изъ обсидіана (11 экз.).
34—35. Стрѣлы изъ яшмы (4 экз.).

XVI.

Всѣ вещи, изображенныя на этой таблицѣ, найдены въ курганѣ № 91.

1. Бронзовый выпуклый кругъ.
2. Большое широкое бронзовое кольцо съ клинообразными знаками на немъ.
3—4. Два бронзовыхъ выпуклыхъ круга (верхъ и низъ).
5. Круглый, съ отверстіемъ по срединѣ, бронзовый предметъ, одна сторона котораго—выпуклая, другая—вогнутая.
6. Круглый бронзовый предметъ (3 экз.).
7. Бронзовый топоръ-заступъ.
8. Бронзовая пряжка.
9. Бронзовый наконечникъ (2 экз.).
10. Бронзовый наконечникъ, болѣе длинный и узкій, чѣмъ предыдущій.
11—12 Два бронзовыхъ предмета, найденныхъ около черепа верблюда.
13. Бронзовая ложкообразная привѣска.
14. Бронзовая привѣска.
15—16. Два бронзовыхъ кольца.
17—20. Бронзовыя привѣски.
21. Бронзовый листовидный предметъ (наконечникъ дротика?); того же типа въ мог. 51 и 67.
22. Тонкая подковообразная бронзовая пластинка съ двумя петлями (3 экз.).
23. Бронзовая привѣска.
24. Узкій бронзовый ножъ.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

Стр.

Закавказье
Экспедиція А. А. Ивановскаго
0 5 10 15 20 25 30 35 40 60 80 вер
Оз. ХОЗАПИНСКОЕ
АГДЖА-КАЛА
Оз. ЧАЛДЫРЪ
Р. ЧАЛДЫРЪ
Р. КАРСЪ-ЧАЙ
КАРСЪ
САРЫКАМЫШЪ
АЛЕКСАНДРОПОЛЬ
РАРПАЧАЙ
Г. АЛАГЕЗЪ
ХР. БАМБАКЪ
Р. АКСТАФА
ДЕЛИЖАНЪ
СЕМЕНОВКА
ЧУБУХЛЫ
ХР. ШАГЪ-ДАУЪ
МОН. СЕВАНГА
НАДЕЖДИНО
ЕЛЕНОВКА
ОРДАКЛЮ
АДЪ. ПАПИНСКІЙ ПОЛУОВЪ
Н. АХТЫ
СОЛАКЪ
АЙРИВАНКЪ
НАРОДУЗЪ
БЖНИ
ОЗ. ГОКЧА
НОВО-БАЯЗЕТЪ
АШТАРАКЪ
ЧОЛМАКЧИ
ЭЧМІАДЗИНЪ
РЗАНГА
ЭРИВАНЬ
КУРУ-ХАРАЗА
Н. АДЪ-ЯМАНЪ
К. КИРЛАНЪ
ЗАХАЛУ
ГЮЗАЛДАРА
АЛУЧАЛУ
ХР. ГЮЗАЛДАРА
ОЗ. ГИЛЛИ
ЗОДЪ
СЛАВЯНКА
ЗАВ. КЕДАБЕКЪ
КАРА-БУЛАХЪ
КАРА-МУРАДЪ
КАЛАКЕНТЪ
ХР. ГАНЖИНСКІЙ
ЕЛИСАВЕТПОЛЬ
АДЖИКЕНТЪ
ЕВЛАХЪ
Р. КУРА
ТЕРТЕРЪ
БАРДА
КАГЫЗМАНЪ
САРДАРЪ-АБАДЪ
КУЛЬПЪ
Р. АРАКСЪ
ХР. АГРИ-ДАГЪ
КАРАКОЕНЛУ
ПАШБУРУНЪ
ОИГДЫРЬ
АРАЛЫХЪ
АЛАШКЕРТЪ
ОРГОВЪ
ОЗ. БАЛЫКЪ-ГЁЛЬ
БАЯЗЕТЪ
САРДАРЪ-БУЛАХЪ
Г. БАРАРАТЪ
ХР. ПАЛМАПИНЖКІЙ
ХР. ДАРАЛАГЕЗЪ
ХР. ЗАНГЕЗУРСКІЙ
МАКУ
Р. МАКУ-ЧАЙ
ШАХТАХТЫ
Р. ТЕРТЕРЪ
АРЧАДЗОРЪ (ДАВШАНЛЫ)
АХМАХИ
Р. ХАЧЕНЪ
ХОДЖАЛЫ
АГДАМЪ
ВАНКЪ
ДАМГОЛУ
ЮЛАТАКЪ
ХАНЪ КЕНДЫ
ШУША
КАРАБАХСКОЕ ПЛОСКОГОРЬЕ
Р. КУРУ-ЧАЙ
КАРА-БУЛАХЪ
ВАНКЪ
ГЕРЮСЫ
ДЖЕБРАИЛЪ
40°
62°
64°

